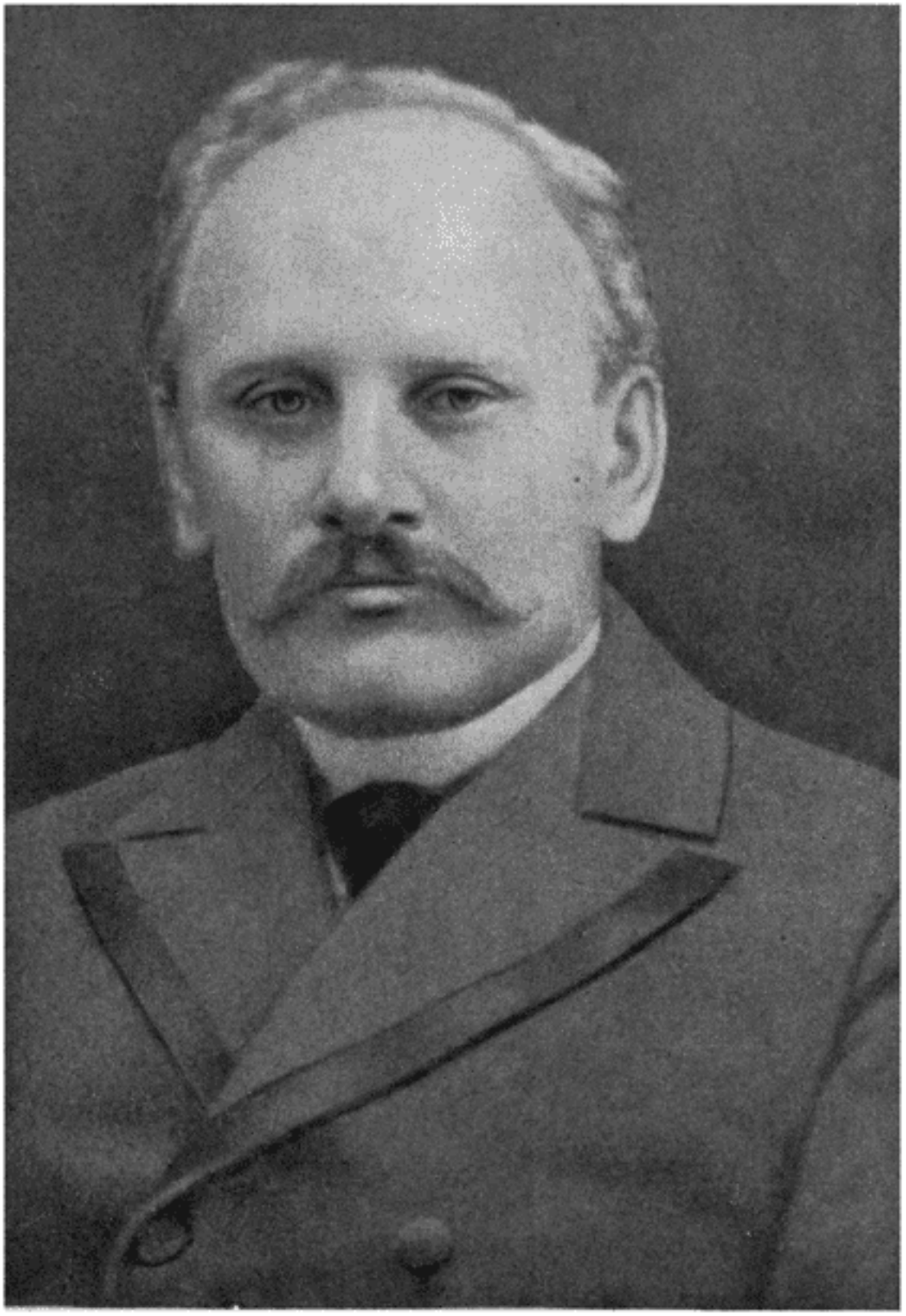
VISIT…

А. А. ШАХМАТОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА



Академия наук СССР
Отделение литературы и языка

А. А. ШАХМАТОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА * 1957

Издание осуществлено под наблюдением Комиссии по истории филологических наук при Отделении литературы и языка Академии наук СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
АКАД. С. П. ОБНОРСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) — крупнейшее имя в истории русской филологической науки. Являясь признанным лингвистом, он вместе с тем выступает как ученый с широкими филологическими концепциями. В громадном наследии, оставшемся от А. А. Шахматова [1], действительно половина работ — собственно лингвистических, а другая половина — это его многообразные монументальные исследования по древней русской литературе (проблемы русского летописания), по истории, этнографии и т. д. Вся сила А. А. Шахматова, однако, не в том, что он был и лингвистом, и литературоведом, и историком и т. д., а в том, что он всюду был филологом и историком в широком смысле. Недаром первое, детское еще, написанное в десятилетнем возрасте „сочинение" А. А. Шахматова относится к области русской истории. Это, между прочим, сохранившаяся в архиве А. А. Шахматова рукопись, озаглавленная „Русская старина", в целых трех частях: ч. I — до Ярослава I, ч. II — от Ярослава Мудрого до Всеволода III, ч. III — от Георгия и татар до Василия Дмитриевича и Василия Темного (на 175—178 страницах!).

Постоянное внимание к разнообразным явлениям русской культуры не самим по себе, а в обязательной исторической взаимосвязанности и обусловленности, разгадка исторической подоплеки тех или иных, подчас очень сложных явлений языка или литературы и т. д., как порожденных определенной исторической ситуацией, наконец, длительные, на протяжении всей научной деятельности, поиски цельной концепции по основному вопросу о последовательных эпохах образования русской народности, русской народной культуры в целом составляют отличительную черту всего творчества А. А. Шахматова. Поэтому наследие А. А. Шахматова так для нас важно и ценность его в условиях современных научных требований все возрастает. Действительно, общая историческая кон-

---

[1] Общее представление о научно-общественном облике А. А. Шахматова можно извлечь из посвященного его памяти двадцать пятого тома „Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук" (за 1920 год); ср. еще составленную О. А. Шахматовой-Коплен и В. И. Копленом брошюру „Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920" (издание Академии наук в серии „Очерки по истории знаний", вып. VIII, Ленинград, 1930), которая содержит основную канву жизни и научно-общественной деятельности А. А. Шахматова и полную библиографию его печатных и рукописных работ.

цепция А. А. Шахматова, касающаяся судеб восточного славянства, затрагивающая основные проблемы образования русской, белорусской, украинской народностей, хотя и устарела, имеет все же научное значение. Мы не имеем во всяком случае иного столь же стройного и научно аргументированного построения на эту труднейшую для исследования тему. Громадны по своему значению и многообразные исследования А. А. Шахматова по древней русской литературе. Они все концентрируются вокруг основного, самого сложного в литературоведении вопроса, связанного с историей русской летописи. Здесь труды А. А. Шахматова имеют основополагающий характер. Если прежде в задачах изучения летописной проблемы дело сводилось к восстановлению Несторовой летописи как чего-то раз навсегда сложившегося или к определению ее первоначальных источников в виде погодных записей или разнообразных сказаний, исторических повестей, местных преданий и т. п., то А. А. Шахматов впервые поставил задачами летописного исследования вопросы происхождения, времени составления летописи, вопросы редакций и списков летописи, их взаимоотношения с иными родственными и близкими сводами и т. д. Так впервые оказалась приоткрытой завеса над тем, как фактически осуществлялась на протяжении веков при монастырях и княжеских дворах работа летописания. При этом старое, окутанное поэтической дымкой представление о летописце как о каком-то отшельнике-подвижнике, бесстрастном наблюдателе и фотографе тех или иных развертывавшихся вокруг него событий оказалось исторической фальшью. Поднялась, напротив, реальная фигура старого летописца как человека, жившего в гуще политики и творившего свой труд в сложной обстановке окружающей политической борьбы и давления мирских интересов то церковной, то княжеской власти. Так под пером А. А. Шахматова в результате многолетних его кропотливых изысканий проблема русского летописания была поставлена по-новому, и летопись приобрела значение первостепенного источника собственно политической нашей истории, начиная со старейшей эпохи жизни Руси.

Как лингвист, исследователь русского языка А. А. Шахматов бесспорно занимает первое место. Широта тематики, затрагиваемой исследованиями А. А. Шахматова, можно сказать, абсолютная. Он с одинаковой пытливостью и научной проникновенностью относится к изучению истории русского языка, современного русского языка, диалектологии. Он с одинаковой глубиной исследовательского анализа трактует как вопросы фонетики, так и проблемы морфологии и синтаксиса. Понятно поэтому, что во всех областях науки о русском языке ощутим след, оставленный деятельностью А. А. Шахматова.

Общая эрудиция А. А. Шахматова была громадна. Живой русский язык (диалекты) он знал во всей широте в первоисточнике. Можно вспомнить о ряде диалектологических поездок, предпринятых А. А. Шахматовым, начиная еще со студенческих лет (с 20-летнего возраста). Известна громадная роль А. А. Шахматова по организации в недрах Академии наук собирания особенностей говоров: по его инициативе и при его участии разрабатывались программы для собирания диалектных особенностей, благодаря его личному труду в течение ряда лет обрабатывались и печатались ответы на эти программы и т. д. Если не говорить о работах А. А. Шахматова, целиком посвященных диалектологии, то во всех его лингвистических трудах показания диалектов используются очень широко.

Такой же была ориентация А. А. Шахматова в письменных памятниках русского языка. Еще будучи учеником V класса гимназии, А. А. Шахматов по особому разрешению уже занимается изучением рукописей в Румянцевском музее (ныне Библиотека имени В. И. Ленина) и, между прочим, через два года печатает статью о Сборнике 1073 года; гимназистом VIII класса, в 1882 году, он выступает неофициальным оппонентом на диспуте А. И. Соболевского при защите им магистерской диссертации по истории русского языка (соответственная статья А. А. Шахматова была тогда же опубликована в VII томе „Archiv für slavische Philologie"); спустя два года, в 1884 году, будучи студентом II курса Московского университета, он представляет к печати свое известное „Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века" (изд. в 1886 г.), которое является незаменимым трудом и в настоящее время, и т. д., и т. д. Многочисленные труды А. А. Шахматова по истории русского языка, по исследованию памятников, по изучению летописей (в основе чего лежало кропотливое текстологическое изучение большого рукописного материала) лучше всего говорят о широком и непосредственном его знакомстве с источниками письменного русского языка. Исследователь русского языка и его истории, А. А. Шахматов обладал вообще очень широким лингвистическим кругозором. Он знал все славянские языки, знал настолько глубоко, что в области каждого из них оставил самостоятельные исследования. В кругу языков индоевропейской семьи, помимо классических языков, ему были известны во всей научной полноте санскрит, литовский, готский, кельтский языки. Кроме индоевропейских, он изучил финский и мордовский языки. На всем протяжении своей деятельности А. А. Шахматов неослабно следил за движением европейской науки в области сравнительного языкознания. Вне связи со сравнительной грамматикой славянских языков, как и сравнительной грамматикой индоевропейских языков, А. А. Шахматов вообще не мыслил возможным научное изучение славянских языков.

В своих общелингвистических взглядах А. А. Шахматов ближайшим образом примыкает к современной ему сравнительно-исторической школе языкознания. Будучи учеником известного профессора Московского университета, позднее академика, Филиппа Федоровича Фортунатова, который принял под свое научное покровительство еще юношу Шахматова, гимназиста, А. А. Шахматов явился самым блестящим из многих учеников этого крупнейшего нашего ученого, главы русской лингвистической школы. Основные принципы фортунатовского учения, естественно, сохраняются и у Шахматова, который их углубил и расширил на материале русского языка и истории русского языка. Отсюда у А. А. Шахматова особенное внимание к живому языку, в частности к диалектам, как к отправному источнику в построении истории того или иного языка. Отсюда у А. А. Шахматова и максимально критическое отношение ко всякому письменному источнику как свидетельству о языке и требование возможно глубокого предварительного анализа подобного рода источников для определения того, что здесь собственно принадлежит языку в подлинном смысле и т. д. Всякий источник русской письменности для А. А. Шахматова есть лишь памятник письменности, и только после всестороннего его анализа и установления таким путем его языковых черт и соотнесения последних с современностью он становится для него подлинным источником русского языка. Для всего современного, включая мельчайшие диалектные особенности, А. А. Шахматов, следуя за своим учителем Ф. Ф. Фортунатовым, искал корней

в прошлом. Тем более явления прошлого, если указания на них извлекаются из памятников старой письменности, должны быть определены по своей связи с современным языком.

Деятельность А. А. Шахматова в исследовании русского языка громадна. Однако основным устремлением его научных исканий была история русского языка. В этой области ему принадлежит ряд специальных исследований, ряд специальных обследований памятников, ряд обобщающих статей по основной проблеме происхождения русского языка и русских наречий. Итогом всех этих изучений должна была явиться цельная „История русского языка". Такую цельную „историю языка", однако, А. А. Шахматов не успел оставить в печатном виде. Он успел лишь приступить к ее обнародованию. Таковым именно было его издание под названием „Очерк древнейшего периода истории русского языка" (в серии „Энциклопедия славянской филологии", издававшейся Академией наук, вып. 11, I, Петроград, 1915). Это издание, как видно из заглавия, охватывает явления из жизни языка лишь древнейшего периода, кроме того, содержание рассматриваемых явлений ограничено областью одной фонетики. Появление в печати этого „Очерка" должно быть поставлено в связь с привлечением А. А. Шахматова для преподавания в Ленинградский университет. Свои занятия в университете А. А. Шахматов начал в 1908 году и открыл их именно курсом истории русского языка, который был читан им в течение трех лет (в 1908—1909, 1909—1910, 1910—1911 гг.). Эти чтения А. А. Шахматова, по его же записям, тогда же выпускались в литографированном издании. Таким образом с 1908 по 1911 год был выпущен в трех томах его „Курс истории русского языка". По содержанию этот „Курс" охватывает введение (том I), историческую фонетику (том II) и часть морфологии, все то, что было А. А. Шахматовым прочитано,— именное и местоименное склонения (том III). В результате повторных занятий по истории русского языка в последующие годы А. А. Шахматов нашел возможным приступить к печатной его обработке. Но дело остановилось на издании указанного выше „Очерка", т. е. лишь фонетического отдела из общего содержания истории языка. К такой же обработке раздела морфологии, т. е. того, что частично (в отношении именного и местоименного склонений) представлено томом III его литографированных лекционных чтений по истории русского языка, А. А. Шахматов так и не успел приступить. Эта морфологическая часть в общем „Курсе истории русского языка" А. А. Шахматова, сама по себе представляющая достаточно самостоятельный и цельный отдел общей исторической морфологии русского языка, имеет большую ценность. Эта часть и публикуется в настоящем издании.

В научной литературе по истории русского языка нет современных изданий с самостоятельным изложением морфологических разделов исторической русской грамматики, исключая известное пособие А. И. Соболевского[1]: в его „Лекциях по истории русского языка" (3-е или 4-е издание, СПБ, 1903, 1907) 9-я и

[1] Морфологический раздел в „Очерке истории русского языка" Н. Н. Дурново (Л.—М., 1924), без изменений воспроизводящий соответственное печатное издание его „Лекций" (Харьков, 1913), оригинальный в своем построении, и по фактическому материалу, и в иных отношениях не представляет чего-либо значительно обогащающего наши знания по предмету исследования сравнительно с „Лекциями" А. И. Соболевского.

10-я главы посвящены изложению судеб склонения и спряжения в русском языке. Эти две главы из „Лекций" А. И. Соболевского — единственный обобщающего характера источник прежних наших сведений по исторической морфологии русского языка. Это обстоятельство заставляет с особым вниманием отнестись к морфологическому разделу „Курса истории русского языка" А. А. Шахматова, представляемому настоящим изданием. Этот раздел „Курса" А. А. Шахматова, как замечено выше, обнимает лишь часть морфологии русского языка, именно — вопросы именного и местоименного склонений. Но именно история склонения в русском языке отличается особенной сложностью явлений. Настоящий раздел „Курса" А. А. Шахматова издается в том виде, в каком он преподносился с университетской аудитории в 1910/11 учебном году, в каком он был воспроизведен в свое время в литографированном издании (по записям автора). Это, таким образом, лекционные чтения А. А. Шахматова, но не обработанный им для печатного издания труд. Это обстоятельство должно быть учитываемо, но, конечно, оно само по себе не умаляет значения самого труда А. А. Шахматова. В рукописном наследии, оставшемся от А. А. Шахматова, оказалось немало трудов первостепенного научного значения. Многие из них (вроде „Очерка современного русского литературного языка", „Синтаксиса русского языка", „Русских летописных сводов XIV—XVI вв.", „Повести временных лет", т. II, и др.) изданы печатно, при этом в отдельных случаях воспроизводились в повторных переизданиях. В этом свидетельство их обогащающего значения в области наших современных научных знаний. Нет никакого сомнения, что таковым должно стать и настоящее издание „Исторической морфологии русского языка" А. А. Шахматова.

Морфологический раздел истории русского языка А. А. Шахматова построен, как и раздел фонетики, в согласии с общими его концепциями по вопросу образования русского языка. Здесь в первой части дается трактовка явлений склонения (сначала именного. применительно к отдельным основам, потом местоименного, включая обозрение склонения прилагательных, кратких и полных, положительной и сравнительной степени, причастий действительного залога, а также числительных) старейшей поры общерусского языка, по терминологии А. А. Шахматова, поры единства восточнославянской языковой группы. Эти явления поэтому оправдываются показаниями русских источников старшей поры, а также сопоставляются со свидетельствами старославянских памятников и с данными иных славянских, особенно сербского, польского, чешского, языков старшей поры и современными. Вторая часть посвящена обозрению тех явлений в области склонения, которые были общи всем восточнославянским языкам, но развились в них самостоятельно. Третий раздел должен был представить изложение позднейших явлений в области склонения, имевших место в отдельности в русском, в белорусском и в украинском языках. Об этом содержании третьего раздела свидетельствуют сохранившиеся в рукописи черновые, достаточно детализированные наброски плана для каждого из трех намечавшихся его подразделов. Фактически, однако, А. А. Шахматов ограничился обработкой первого, великорусского, отдела; он и составляет третью часть данного курса морфологии.

Характеристика общего содержания морфологии А. А. Шахматова излишня. Значение этого его труда чрезвычайно важно с различных точек зрения. Следует отметить обилие материала, современного и из старых источников, исполь-

зованного и влитого А. А. Шахматовым в свое изложение. Это предопределило исключительную полноту общего содержания морфологии, т. е. самой проблематики, затронутой изложением. Если не считать 9-й главы (на 70 страницах) в „Лекциях" А. И. Соболевского, посвященных всей истории склонения в русском языке, мы можем сказать, что в данном курсе морфологии А. А. Шахматова дано первое для своего времени и единственное по полноте изложение судеб склонения во всем течении жизни русского языка. Но само собой разумеется, основное значение морфологии А. А. Шахматова—в цельной синтезирующей мысли автора, пронизавшей, как систему, все многочисленные, разного периода образования, разного масштаба действия, явления из области русского склонения. Конечно, здесь могут встретиться частные случаи недосмотров, отдельные выдвинутые объяснения могут представиться спорными, недоказанными и т. д. Дальнейшие специальные исследования, естественно, должны внести коррективы в соответственные места изложения А. А. Шахматова. Но это частности, не затеняющие основного громадного значения труда А. А. Шахматова, впервые в системе и со всей полнотой вскрывшего сложные процессы в прошлой истории русского склонения.

Настоящее издание печатается по рукописи автора, находящейся в Архиве Академии наук СССР и числящейся под № 134, I, 64. При подготовке издания принимался во внимание также упомянутый выше III том литографированных лекционных чтений А. А. Шахматова по истории русского языка.

Акад. *С. П. Обнорский*

ОБЩИЕ ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В прошлом году я предложил вашему вниманию исторический очерк звуков русского языка; в нем, а в особенности в предшествовавшем ему введении, которое я читал в позапрошлом году, я сообщил необходимые сведения о составе и происхождении русского языка: без таких сведений может оказаться темным многое из того, чем мы займемся в нынешнем году. Ввиду этого я принужден просить лиц, не слушавших меня в прошлые два года, обратиться к тем двум прочитанным мною частям курса. Впрочем, все существенно важное можно найти и в других пособиях. Назову „Лекции по истории русского языка" А. И. Соболевского, где, кроме того, найдется ряд фактов, пополняющих и то, что я намерен сообщить вам в этом году. Возвращаться к изложенному в прошлых курсах я не буду, предполагая уже известными основные, в них содержащиеся данные. Предметом наших занятий будет исторический очерк грамматических форм русского языка.

Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (нереальной) связи его с другими словами. Формальные и реальные связи между словами устанавливаются их значениями: реальному значению слова соответствует отдельное представление в мышлении, отличное от других представлений (например, *купец, купчик, купчиха, купеческий, покупать*); между тем формальное значение слова познается только по связи одних слов с другими (*долг купца*, при *купец идет*; *дочь купчихи*, при *купчиха продает*; *купеческие ухватки*, при *купеческая ухватка; он покупает*, при *мы покупаем*). Тогда как *купчик, купчиха* вызывают сами по себе в нашем мышлении другие реальные представления, чем, например, слово *купец*, — словам, как *купца, купчихи, купеческая, покупает*, не соответствуют в мышлении представления,

отличные от слов *купец, купчиха, купеческий, покупаем.* Тем не менее между теми и этими словами существуют различия в значении; эти различия, не находящие себе соответствия в реальных представлениях, называются различиями формальными. Формальные различия устанавливают те или иные отношения между словами и вызываемыми ими реальными представлениями; *покупает* соединяется, например, со словами *он, купец, брат* и т. п., между тем *покупаем* соединяется только со словом *мы*; реальное представление, вызываемое словами *покупает, покупаете, покупаем, покупаю* и т. д., тождественно, но каждое из этих слов в своем употреблении зависит от различных реальных представлений, с ними сочетающихся. Разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами.

Реальные значения слов каждого языка так же разнообразны, как разнообразны представления, возникающие в мышлении в результате знакомства с внешним миром. Формальные значения слов, напротив, ограничиваются вообще немногочисленными категориями. Категории эти зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами; но зависимость эта не прямая, а производная, производная именно от тех трех главных категорий реальных значений, которые возникают в уме говорящего. С одними реальными значениями связывается представление о предметах и явлениях, видимых или познаваемых, — категория этих значений объединяется термином „имя существительное". С другими реальными значениями связывается представление о качестве, свойстве, присущем предмету или явлению,— категория этих значений объединяется термином „имя прилагательное". Наконец, с третьими реальными значениями связывается представление о действии, состоянии того или иного предмета или явления— категория этих значений объединяется термином „глагол". К этим трем категориям присоединяются еще „местоимения", т. е. те слова, которым присвоено значение более общего определения имен существительных, не зависимое от того или иного индивидуального их свойства, что имеет последствием замену некоторыми местоименными словами самих существительных. Указанные четыре категории реальных значений, определяющие формальные значения слов, называются изменяемыми частями речи: результатом этих изменений являются грамматические формы. Но, кроме

того, в языке существует ряд слов, не выделяющих из себя формальных значений. Это, во-первых, слова, имеющие сами только формальное значение и потому не мыслимые вне сочетания с другими словами: сюда относятся предлоги, обозначающие различные отношения между самими предметами или между предметами и действиями, состояниями; союзы, связывающие предметы мысли в одно представление и выражающие отношение одного предложения к другому; во-вторых, это слова, служащие для выражения наших чувств и нашего отношения к тем или другим действиям или качествам (ближайшего их определения); с одними из них связываются определенные реальные представления — это наречия; с другими такие представления не связываются — это междометия. Союзы, предлоги, наречия, междометия суть неизменяемые части речи.

Изменяемые части речи, вступая во взаимные отношения, создают ряд категорий формальных значений. Существительные, вступая в связь с другими существительными или с глаголами, тою или иною своею формой выражают, в каком именно отношении находятся они к этим другим членам предложения: различные формы существительных, определяющие эти отношения, называются падежами; кроме того, вступая в ассоциацию с представлениями о числе, существительные своею внешней формой могут выражать представление об единственном или множественном, а в некоторых языках и о двойственном числе. Итак, существительные изменяются по падежам и по числам. Прилагательные согласуют свои формы с существительными, к которым они относятся; сообразно с этим они изменяются по падежам и по числам; но, кроме того, они принимают и родовой признак существительного; в зависимости от того, что существительные бывают разного рода в индоевропейских языках (мужеского, женского, а в некоторых языках и среднего), и прилагательные могут принимать разные виды, соответственно роду определяемого ими существительного; наконец, качество, выражаемое прилагательным, может представляться или безотносительно к большему или меньшему его проявлению и напряжению, или содержащим указание на такие его свойства, и это в особенности при сравнениях (степени сравнения). Таким образом, прилагательные изменяются по падежам, числам, родам и степеням. Так же, как прилагательные, изменяются и местоимения, ибо они, определяя и заменяя существительные, должны передавать те самые формы, которые могут прини-

мать существительные, между прочим, и родовые признаки, так как местоимения, как и прилагательные, могут определять существительные разных родов; но, конечно, по степеням местоимения не изменяются, ибо они дают только общие определения существительным. В местоимениях находят себе выражение категории лица; заменяя и определяя все вообще существительные, местоимения являются общим определением и заменой не только предметов и лиц, о которых мыслит и говорит человек, но также и лица говорящего и лица, к которому обращена речь; таким образом, создается формальное противоположение лица говорящего и лица, к которому обращена речь, всем остальным лицам и предметам, о которых идет речь; это противоположение вызывает представление о трех грамматических лицах и порождает особые слова, однородные с местоимениями, для выражения первых двух лиц (*я, мы — ты, вы*), между тем как другие местоимения оказываются выразителями третьего лица (*он, тот, сей*). Глагол изменяется, во-первых, по категориям лица и числа (*я говорю, они говорят*); во-вторых, по категориям времени, ибо действие может представляться в отношении[1] к носителю (субъекту) действия, между прочим, уже прошедшим, или продолжающимся в настоящем, или имеющим наступить в будущем (*я говорил, я говорю, я буду говорить*); в-третьих, по категориям наклонения, ибо действие может представляться, между прочим, как происходящее, происходившее или имеющее произойти независимо от каких-либо других условий или же в зависимости от них (*ты говоришь* и рядом *говори, ты говорил бы*); в-четвертых, по категориям залога, которыми выражается, между прочим, отношение действия к субъекту, представляющемуся или действующим, или испытывающим на себе действие (*любящий* и *любимый, он убил* и *он был убит*); в-пятых, по категориям вида, которыми действие определяется, между прочим, как оконченное или неоконченное в прошедшем или будущем (*бросил* и *бросал, брошу* и *буду бросать*); в-шестых, по категориям, свойственным именам, когда действие не связывается с представлением о трех грамматических лицах, действующих или испытывающих действие (инфинитив, причастия, деепричастия, в старом языке — супин).

Изменение имен существительных, прилагательных, местоимений и причастий по падежам называется склонением. Изменение глагола

---

[1] В рукописи: „в отношении его". (*Ред.*)

по вышеуказанным категориям называется спряжением. Но учение о формах обнимает и такие изменения частей речи, которые не покрываются понятиями склонение и спряжение; сюда относится, например, изменение прилагательных и местоимений по родам, изменение прилагательных по степеням.

В нашем мышлении, благодаря взаимной ассоциации форм изменяемого слова, выделяется представление об общей, или неизменяемой части слова, и представление об изменяемой части слова, или окончании; впрочем, эти представления, не получая реального значения, не могут быть обнаружены иначе, как путем анализа грамматического строя нашего языка; так, мы пользуемся сочетанием звуков *купц* (не вызывающим никакого реального представления) для образования форм *купца, купцу, купцами;* пользуемся окончаниями *-а, -у, -ами,* например, и тогда, когда употребляем слова, только что нами усвоенные или даже впервые услышанные, как, например, *аэроплан — аэропланами, диплодок — диплодоку.*

Неизменяемые части изменяемых слов называются основами: *стульчик-* (ср. *стульчики, стульчиками*), *нес-* (ср. *несу, нести, несла*), *бел- (белый, белая, белому);* изменяемые части слов называются окончаниями: *-а (стульчика), -ешь (несешь), -ое (белое).* Грамматическая форма слова определяется или присутствием в ней окончания, или отсутствием его: *домами* — это творительный множественного, так как *-ами* — окончание названного падежа; *дом* — это именительный и винительный единственного, так как именно эти два падежа в склонении слов мужеского рода отличаются от других падежей отсутствием окончания.

В вводной части курса, о которой я упоминал выше, я указал на процессы, приводящие к изменениям в области форм. Напомню здесь, что изменения форм зависят от двух главных причин: 1) изменений звуков самих по себе, 2) взаимного влияния грамматических форм. Обе причины должны быть одинаково выясняемы исследователем; при этом то обстоятельство, что каждая грамматическая форма связывается с известным формальным (грамматическим) значением, служит причиной того, что взаимное влияние грамматических форм приводит к изменениям: или 1) звуковой стороны формы, или 2) формального (грамматического) значения формы.

Очерк истории форм русского языка я расположу приблизительно по тому же плану, что прочитанный в прошлом году очерк истории звуков русского языка. Впрочем, самое содержание пред-

мета потребует некоторых изменений. Я начну свой очерк с изложения того наличного состава форм, который можно определить как восходящий к эпохе общерусского праязыка. Затем изложу общие всем русским наречиям морфологические изменения, причем одни из них восходят к эпохе общерусского единства, а другие произошли уже в отдельных наречиях после распадения этого единства. Наконец, остановлюсь на изменениях, свойственных только отдельным наречиям,— украинскому, белорусскому и великорусскому[1]. Для удобства изложения я разобью весь предмет на два больших отдела: в первом буду говорить о склонении, во втором — о спряжении, и в каждом из обоих отделов я прослежу намеченные выше категории явлений — прарусских, общих всем русским наречиям, и свойственных только отдельным русским наречиям.

---

[1] Звуковые изменения резко и определенно разграничивают отдельные эпохи в жизни русского языка Вслед за явлениями общерусского праязыка мы излагали поэтому явления, возникавшие уже в отдельных русских наречиях, отметив, что общим для всех наречий, выделившихся из общего праязыка, явлением было только падение глухих Явления морфологические не разграничиваются так резко, после распадения русского языка на наречия эти наречия продолжают переживать общие грамматические изменения, частью они возникали в каждом из наречий самостоятельно, но частью появление общих изменений вызывалось взаимным влиянием наречий, продолжавшимся между ними единением.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОСТАВ ФОРМ ОБЩЕРУССКОГО ЯЗЫКА

При восстановлении форм общерусского праязыка исследователь пользуется данными, извлекаемыми, во-первых, из сравнения с другими славянскими языками, ибо оно приводит к восстановлению форм общеславянского праязыка, непосредственно предшествовавшего общерусскому праязыку; во-вторых, данными, извлекаемыми из древнерусских памятников; в-третьих, данными современных русских наречий и говоров. Только сопоставление этих данных между собой и сравнительная их оценка может привести к вероятным заключениям, относящимся к той доисторической эпохе, в которой протекала жизнь общерусского праязыка. Напомню вам, что в историческую эпоху — а историческая эпоха начинается с момента появления письменных памятников, изготовленных русскими людьми,— русский язык уже не был единым, он распадался на несколько наречий; об этом свидетельствует та обширная площадь, которая была занята в то время русским племенем, площадь, исключающая возможность сохранения языка единым; о том же говорят дошедшие до нас памятники, ибо уже в древнейших рукописях, написанных в Новгороде, замечаются резкие диалектические особенности, чуждые киевскому югу. Итак, в дальнейшем изложении мы различаем общерусский праязык — язык эпохи доисторического единства, и древнерусский язык — язык древних русских памятников, хотя мы и не сомневаемся в значительном сходстве, в особенности в области грамматических форм, общерусского праязыка и языка древнейших русских памятников XI и первой половины XII века. Равным образом незначительно было отличие общерусского праязыка в области грамматических форм от праязыка общеславянского Это, а также желание оттенить существовавшие между обоими праязыками отличия, побуждает меня в

предварительных вводных замечаниях относительно состава падежей, вида склоняемых основ, происхождения грамматических окончаний исходить из фактов общеславянского праязыка, отлагая ниже сообщение фактов общерусского праязыка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Общеславянский праязык унаследовал из эпохи общеиндоевропейского единства семь падежей, считая в том числе именительный и звательный; кроме названных падежей,— это родительный, дательный, винительный, творительный и местный (или предложный). Отложительный падеж общеиндоевропейского праязыка не сохранился в общеславянском. Грамматическое значение всех семи падежных форм, образуемых существительными, осталось то же, что в языке старшего периода, периода индоевропейского праязыка, но синтаксическое употребление падежей в общеславянском праязыке существенно отличалось от употребления их в языке этого старшего периода. Отмечу здесь, что в форме родительного падежа совпали по значению древние падежи родительный и отложительный. Кроме того,— и это имело место, по-видимому, уже в позднейшую эпоху жизни общеславянского праязыка,— форма родительного падежа единственного числа на *-а* от имен мужеского рода, означающих одушевленные предметы (лица и животные), стала употребляться и вместо винительного падежа единственного числа на *-ъ*, хотя форма на *-ъ* продолжала свое существование и в указанных словах для одушевленных предметов. Такая замена объясняется тем, что форма винительного единственного на *-ъ* совпадала по звуку с формой существующего именительного падежа единственного числа, и это могло стать источником недоразумений, так как субъект совпадал по звуковой форме с объектом: „отьць любить братъ“ было заменено через „отьць любить брата“.

Важно указать на то, что такая замена винительного падежа родительным в известной, определенной категории слов породила уже в общеславянском праязыке новые грамматические категории: категорию существительных мужеского рода, означающих одушевленные предметы, и категорию существительных мужеского рода, озна-

чающих предметы неодушевленные; мы увидим впоследствии, какое значение имело в истории склонения появление этих двух категорий.

Общеславянский праязык унаследовал из индоевропейской эпохи три числа: различными формами выражались падежи, относящиеся к единственному, двойственному и множественному числу.

Таким образом, каждое существительное в общеславянском праязыке, изменяясь по числам и падежам, могло бы являться в двадцати одной форме, если бы некоторые падежи не совпадали между собой по звуку. Так, издревле (еще в общеиндоевропейскую эпоху) в одном звуке совпадали отдельные падежи двойственного числа: одна общая форма употреблялась для именительного, винительного и звательного, другая форма — для дательного и творительного, третья — для родительного и местного; далее, издревле совпадали в одной форме именительный, винительный и звательный падежи среднего рода как в единственном, так и во множественном числе; наконец, звательный падеж множественного числа не отличался от именительного падежа множественного числа в именах мужеского и женского рода. Так, с течением времени совпали, частью еще в литовско-славянскую эпоху, формы дательного и местного падежей единственного числа женского рода (хотя в некоторых словах, как увидим, различие поддерживалось ударением); далее формы именительного-винительного падежей множественного числа женского рода, причем во многих словах с ними совпала и форма родительного падежа единственного числа (но в значительном количестве слов родительный падеж множественного отличался от именительного-винительного ударением) и др. Ввиду только что сделанных оговорок отмечу теперь же, что место и качество ударения имели существенное значение при различении падежных форм как в общеславянском, так и в общерусском праязыке: место ударения послужило и в позднейшем языке основанием для появления различных категорий склоняемых слов.

Как видно из предыдущего, общеславянский праязык имел имена существительные трех грамматических родов: мужеского, женского и среднего. Изменения по числам и падежам каждого из трех родов различались существенно; но тем не менее категорию рода нельзя отнести к числу тех грамматических категорий, по которым изменялись имена существительные, ибо каждое существительное вообще имело только один род и не переходило в другой. Впрочем, ряд слов на *-а*, как *воевода*, *слуга*, могли употребляться и в муже-

ском, и женском роде, но это обстоятельство не выражалось в изменении их грамматической формы.

Прежде чем выяснить вид падежных окончаний в общеславянском склонении имен существительных, остановлюсь на звуковой форме тех основ, к которым присоединялись эти окончания. В общеиндоевропейском праязыке были известны основы на гласные и согласные; равным образом в начале падежных окончаний могли быть и гласные, и согласные; но гласные падежных окончаний в основах на гласную сливались с гласной основы, и в результате затемнялось древнее, первоначальное представление об основе и о падежном окончании. Таким образом, большая часть основ на гласную фактически переходила в основы на согласную; так, например, в склонении слова *jugom (иго), образованного от основы jugo-, с течением времени выделялось представление об основе jug-, разумея под основой неизменяемую часть склоняемого слова (ср. им.-вин. *jug-om, им. дв. *jug-ōi, р. мн. *jug-ōm, им.-вин. мн. jug-ā). Большая часть индоевропейских основ была унаследована и общеславянским праязыком, но здесь поглощение основы падежными окончаниями было проведено еще резче. Для говорящих древний вид большей части основ был затемнен окончательно, а это имело большое значение в истории форм склонения, представляющей, между прочим, примеры смешения основ, некогда различавшихся своим склонением. Можно предположить, что в грамматических представлениях лиц, говоривших на общеславянском праязыке, все основы оканчивались на согласные (rod-ъ, ср. rod-a; žen-a, ср. žen-y; gost-ь, ср. gost-i; syn-ъ, ср. syn-u и т. д.).

В дальнейшем изложении, которое имеет в виду не только описать создавшиеся в общерусскую эпоху грамматические формы, но также возвести их к более древним, общеславянским, а отчасти и к индоевропейским, я исхожу не из позднейших основ, обнаруживаемых анализом общеславянского праязыка, а из древних основ общеиндоевропейской эпохи. Разные типы склонений общеславянского праязыка могут быть объяснены только из отношений общеиндоевропейской эпохи; из общеславянских отношений ясно, почему, например, склонения слов vьlk-ъ и syn-ъ сблизились, что повело в позднейшие эпохи к полному их совпадению; но только восстановление общеиндоевропейских форм склонения этих слов объяснит то различие в склонении их, которое замечается и в общеславянском, и в общерусском праязыках, а отчасти и в позднейших эпохах жизни русского и других славянских языков; vьlkъ

восходит к vą̄rko-s с основой на *-ŏ*, а synъ к sūnu-s с основой на *-ŭ*.

Перечислю индоевропейские основы, обнаруживающиеся в общеславянском праязыке; существование их в этом языке доказывается сравнительным изучением славянских языков.

Основы на *-ŏ* мужеского и среднего рода: им. п. vьlkъ (ср. ст.-слав. влькъ, др.-русск. *вълкъ*), rodъ, vozъ; igo (ср.ст.-слав. иго), gnězdo, lěto. Сопоставьте общеиндоевр. vą̄rkŏ-s, jugŏ-m. Основы на *-ā* женского рода: rǫ̀ka (ср. ст.-слав. рѫка, польск. ręka, русск. *рука*), zīma, žena. Сопоставьте общеиндоевр. *rank-ā (лит. rankà), *ekų-ā (лат. equa, др.-инд. açvā). Основы на *-ŭ* мужеского рода: synъ (ср. ст.-слав. сынъ), medъ. Сопоставьте общеиндоевр. *sunŭ-s (др.-инд. sūnúš, лит. sūnùs). Основы на *-ĭ* мужеского и женского рода: gostь (ср. ст.-слав. гость), zvěrь, pǫtь, noščь (ср. ст.-слав. нощь, русск. *ночь*, польск. noc), kostь, soli. Сопоставьте общеиндоевр. *naktī-s (ср. лит. naktìs), *agnĭ-s (ср. др.-инд. agníš, лат. ignis). Основы на *-ā* женского рода: svekry (ср. ст.-слав. свекры, русск. древнее и современное диалектическое *свекры*), l'uby. Сопоставьте общеиндоевр. *sųekrū-s (ср. др.-инд. çvaçrūš). Основы мужеского и среднего рода на *-on, -en, -n:* kamy (ср. ст.-слав. камы), sěmę (ср. ст.-слав. сѣмя, др.-русск. *сѣмя*). Сопоставьте общеиндоевр. *sēmą̄n (ср. лат. sēmen), *akmōn (ср. греч. ἄκμων). Основы среднего рода на *-es, -s*: nebo (ср. ст.-слав. небо, небесе), słovo. Сопоставьте общеиндоевр. *menos (ср. др.-инд. mánas, греч. μένος). Основы среднего рода на *-ent, -nt:* porsę (ср. ст.-слав. прасѧ, русск. *порося*). Основы женского рода на *-ter:* mati (ср. ст.-слав. мати, укр. *мати*, родительный ст.-слав. матере), dъščьi (ст.-слав. дъщи). Сопоставьте общеиндоевр. *mātē (ср. лит. mótė). Основы мужеского рода на *-an*, известные только в формах множественного числа: gorǯan- *(горожанин)*, pol'an- *(полянин);* ср. индоевр. основы на *-on*, греч. τέκτων, δρόμων, лат. bibo, -ōnis. Основы мужеского рода на *-ar*, известные также только в множественном: bojar- *(боярин)*. Основы мужеского и женского рода на *-t:* olkъt- (в именительном основа на *-i:* olkъti — *локоть*), числительное desęt-; ср. индоевр. основы на *-t*, лат. comet- (comes), др.-инд. daçat *(десяток)*. Основы мужеского рода на *-tel*, обнаруживающиеся только в некоторых падежах, например родительный множественного dělatel-ъ (ст.-слав. дѣлателъ), ср. индоевр. основы на *-ter*.

Необходимо отметить, что основы мужеского и среднего рода на *-ŏ* распадаются в общеславянском праязыке на две группы в

зависимости от предшествующей согласной, твердой или мягкой: после твердой согласной являются одни окончания, после мягкой согласной и *i* другие; ср., с одной стороны: vozъ, rodъ, местн. ед. vozѣ, твор. ед. vozomъ, вин. мн. rody, дат. мн. rodomъ, а с другой — kon'ь, mǫžь, местн. ед. mǫži, твор. ед. kon'emь, вин. мн. mǫžę, дат. мн. kon'emъ; также, с одной стороны: lěto, stado, местн. ед. lětě, твор. ед. stadomь, им. дв. lětě, род. мн. lětъ, твор. мн. stady, а с другой — pol'e, łoże, местн. ед. pol'i, твор. ед. łožemь, им. дв. pol'i, род. мн. pol'ь, твор. мн. łoži. Равным образом распадаются на две группы и древние основы женского рода на *-a* в зависимости от тех же условий; с одной стороны, находим, например, žena, zima, род. ед. ženy, дат. zimě, вин. мн. ženy, а с другой — duša, vol'a, род. ед. vol'ę, дат. duši, вин. мн. dušę. Кроме того, обнаруживаются еще подразделения в пределах и других основ, например на основы мужеского и женского рода. Далее выясняется существование некоторых основ на согласную в ряде отдельных падежных форм. Все это побуждает нас рассмотреть ниже формы склонения общерусского языка по несколько иным категориям, чем те, которые устанавливаются перечисленными выше индоевропейскими основами. Об этих категориях скажу дальше, здесь же отмечу, что уже в общеславянском праязыке замечается отсутствие строгого разграничения между основами в склонении имен. Наиболее чисто сохранилось склонение основ на *-ā*; в основах на *-ŏ* с предшествующею мягкою согласною звательный падеж получил окончание *-ŭ*, заимствованное из основ на *-ŭ*: kon'ū вместо ожидаемого в результате фонетического изменения формы kon'je — kon'ь; диалектически в основах на *-ŏ* обнаруживается в творительном единственного окончание *-ъmь* (откуда после мягких согласных *-ьmь*) вместо *-omь*; окончание *-ъmь* заимствовано из основ на *-ŭ*. Основы на *-ĭ* мужеского рода в отдельных словах смешивались с основами на *-ŏ* с предшествующей мягкой согласной: ср. род. ед. zvěri и zvěr'a. Основы на *-ŭ* уже в общеславянском праязыке могли переходить отдельными падежными формами в основы на *-ŏ*, ср., например, винительный и родительный пад. syna. В особенности же подверглись влиянию других основ женские основы на *-u*, а также вообще основы на согласную; в склонении женских основ на *-u* видим новообразования с основами на *-ĭ*, например творительный единственного svekrъvьjǫ, и с основами на *-a*: svekrъvami; в склонении основ мужеского, женского и среднего рода на согласную наблюдается ряд форм, образованных по скло-

нению основ на *-ĭ*, ср. им. ед. kamenь при kamy, твор. ед. materьjǫ, им. дв. sěmeni при sěmeně; кроме того, в склонении основ мужеского и среднего рода на согласную обнаруживаются образования от основ на *-ŏ*, например дательный множественного telętomъ, gorǯanomъ (ст.-слав. гражданомъ при гражданемъ), rybaromъ. Ближайшие указания будут даны ниже.

Перехожу к рассмотрению падежных окончаний, причем даю несколько указаний на их происхождение.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

Единственное число

Именительный падеж

Обычным окончанием в словах мужеского и женского рода было *-s*, сохранявшееся еще и в литовско-славянскую эпоху, но затем в общеславянскую эпоху утраченное (вследствие общей утраты звука *s* в конце слова); общеслав. bogъ, rodъ, vozъ, konʼь восходят к *rodo-s, *vozo-s, *konjo-s, непосредственно же к rodъs, vozъs, konjьs, причем *-ъs* заменило *-os* по общему закону, требовавшему перехода *o* в *ъ* перед *s* и *m* в конце слова, а *-jьs* заменило *-jes*, которое из *-jos* (под влиянием на *o* предшествующего *j*); ср. др.-инд. áçvas, vṛ́kas, ṛšabhás (бык), греч. ἵππος, κύκλος, θάνατος, лат. equus, deus, лит. sapnas (сон), kraũtas (крутой берег). Так же общеслав. synъ, ołъ, vьrхъ восходят к *sunu-s, *ołu-s, *virxu-s, ср. лит. sūnùs, olùs, wirszùs, др.-инд. sūnuš, bhānuṣ (солнце). Так же общеслав. gostь, zvěrь восходят к *gosti-s, *zvēri-s, ср. лит. wagìs (вор), лат. hostis, др.-инд. kavis (поэт). Так же общеслав. noччь, nitь, osь восходят к *nokti-s, *niti-s, *osi-s, ср. лит. naktìs, nýtis (гребень в прялке), aszìs (ось), др.-инд. gatiš (ход). Так же, наконец, общеслав. svekry, lʼuby восходят к *svekrū-s, *leubū-s, ср. др.-инд. çvaçruṣ, лат. socrus.

Слова среднего рода с основой на *-o* принимали исконно окончание *-m;* в общеслав. праязыке *-om*, согласно предыдущему, изменилось в *-ъm*, откуда носовое *ъ* и далее *ъ* неносовое; *-jom* должно было измениться в *-jem*, откуда дальше *-ję*; но окончания *-ъ*, *-ę* не удержались в среднем роде, а заменились окончанием *-o*, откуда после мягких согласных *-e*, заимствованным из местоимения среднего рода to, непосредственно из tod (ср. лат. quod, istud из istod). Таким образом, общеслав. sěno, lětо, stado, mydło

являются новообразованиями вместо ожидаемых *sѣnъ, *stadъ из *sѣno-m, *stado-m, ср. греч. ζυγόν, лат. jugum, др.-инд. çìvam (счастье), yugàm; равным образом łože, gor'e заменили ожидаемые *łožę, *gor'ę из *lozjo-m, *gorjo-m.

Другие основы образовали именительный падеж без всякого окончания; его форма совпадала, следовательно, с самой основой. Сюда относятся, во-первых, основы женского рода на *-ā:* общеслав. zima, rǫka, žena, vol'a, koža, ср. др.-инд. açvā (кобыла), ūrṇā (шерсть, волна), лит. vìlna (шерстинка), rankà (рука), греч. τιμή, дорийск. τιμᾱ́, *χωρᾱ́*, лат. aqua, equa, fama. Рядом с окончанием *-a* в некоторых словах с древнею основою на *-iją̄* является в именительном окончание *-i:* bogyni (ср. ст.-слав. богыни), gǫsyni, kъnęgyni (ср. др.-русск. *княгыни,* др.-чешск. prorokyni), ср. окончание в др.-инд. jánitrī (родительница), готск. frijōndi (подруга). Во-вторых, основы мужского рода на *-n:* общеслав. kamy, вероятно, непосредственно из *kamūn, индоевр. *akmōn (с таким видом долготы *ō*, который давал в общеслав. *ū*), ср. греч. ἄκμων, лит. akmů̃, др.-инд. основа açman-. В-третьих, основы женского рода на *-r:* общеслав. mati, непосредственно из *mātē, ср. лит. mótė, др.-инд. mātā́. В-четвертых, основы среднего рода на *-s*; в именительном они оканчивались на *-os;* это *-os,* согласно предыдущему, должно было перейти в *-ъs,* откуда *-ъ*, но *-ъ* было заменено окончанием *-o*, заимствованным из местоимения to (ср. выше); итак, słovo, nebo заменили *słovъ, *nebъ, непосредственно из *słovъs, *nebъs, которые вместо *slovos, *nebos, ср. греч. γένος, μένος, νέφος, лат. genus, др.-инд. mánas (дух). В-пятых, основы среднего рода на *-n* имели в именительном падеже основу, отличную от основы прочих падежей, а именно, она оканчивалась на *-men,* в прочих же падежах — на *-men:* sѣmę из *sēmēn (лат. sēmen, nōmen, др.-инд. nāma восходят к основам на *-mǫn*). В-шестых, основы среднего рода на *-ent* представляют ее в именительном падеже, например telę, porsę из telent, *porsent вследствие отпадения конечной согласной и перехода в *-ę*.

Звательный падеж

Исконно форма звательного падежа не принимала окончаний и представляла основу обыкновенно в том или ином измененном (ослабленном или, напротив, усиленном) виде. Основы мужского рода на *-ŏ* и женского на *-ā* представляли в звательном падеже ослабленные формы на *-e* и на *-ă:* общеслав. rode, bože, ср. др.-инд.

áçva, vr̥ka (*a* из *e*), греч. ἵππος, лат. corve, lupe, лит. ponė̀ (пан); общеслав. ženo, sestro, ср. греч. νυμφα (у Гомера). Как было указано выше, мужеские основы на *-jŏ* заимствуют окончание звательного *-u* из основ на *-ĭ:* *konje в звательном должно было перейти фонетически в *kon'ь, но во избежание совпадения с именительным падежом оно заменено через kon'u. Основы мужеского и женского рода на *-ĭ* получали в звательном падеже усиленный вид основы на *-ei:* gosti, niti из *gostei, *nītei, ср. др.-инд. kavē из kavai, kavei, лит. vagė̃, naktė̃. Основы мужеского рода на *-ŭ* получали также усиленный вид основы на *-eu,* вместо чего в литовско-славянском *-ou* под влиянием *-oų* в других падежах: общеслав. synu из synoų тождественно с литовским sunaũ, žmogaũ, dangaũ и т. д.; др.-инд. bhanō из bhānau восходит, вероятно, к *bhāneu. Остальные основы в звательном падеже представляют ее в неизмененном виде: общеслав. svekry из svekrū, ср. греч. ἑχθρ (основа мужеского рода). В основах мужеского рода на *-n,* женского рода на *-r* форма звательного падежа тождественна с формой именительного: kamy, ср. в лит., так же как в именительном, akmů; dъčči из dukte̊, ср. в лит., так же как в именительном, dukte̊. В основах среднего рода звательный падеж вообще тождествен с именительным: slovo, telę, sѣmę; также и в основах на *-ŏ,* где находим в индоевропейском праязыке *-om*: *jugom, откуда в общеславянском, согласно предыдущему, igo, как и в именительном.

Родительный падеж

Общеславянские формы родительного падежа обнаруживают следующие окончания. Окончание *-s,* после согласных *-es.* Оно является в основах мужеского и женского рода на *-ĭ,* причем *-s* присоединяется к усиленному виду основы на *-oi:* gosti, zęti, pamęti, niti из *gostois , *nītois, ср. лит. vagės, naktės, др.-инд. gatē̃s из *gatais. В основах мужеского рода на *-ŭ, -s* присоединяется к усиленному виду основы на *-ou:* synu из sunou-s, ср. лит. sūnaũs (др.-инд. bhānō̃ṣ из bhānaus, готск. sunaus). В основах женского рода на *-ū* окончание *-es* присоединяется к тому виду основы, который являлся вообще перед гласными окончаний, к основе на *-uų:* svekrъve из svekrъv-es. В основах на согласную видим *-es:* kamene из *kamen-es, ср. лат. hominis из *homen-es; sѣmene из *sѣmen-es, ср. лат. sēminis из *sēmen-es; telęte из *telęt-es; matere из *mater-es.

Окончание *-ję* в основах мужеского и среднего рода на *-ŏ*. Общеслав. voza, gnězda восходят, по предположению Фортунатова, к *vozoję, *gnoizdoję, ср. окончание *-oio* в греч. диалект.: ἵπποιο; ср. также лит. окончание *-o* в kraszto, pono, snẽgo; литовское *-ō* из *aja;* можно было бы возвести общеслав. *-ā* в vozā к общеиндоевр. окончанию аблатива *-ōd* (лат. equo из equōd), но связь его с литовским *ō* в pono очевидна, а литовское *ō* не может восходить к индоевропейскому *ōd* (индоевр. *ō* давало в литовском *ů*).

Основы женского рода на *-ā* имеют в родительном падеже форму на *-y:* żeny, zimy, а после мягких согласных *-ę* (носовое *ѧ*, откуда в общерусском праязыке *ѧ*, а в старославянском *ę*): volę, kožę. Эти *y—ę* восходят к более древним *-ъns* и *-[j]ens* из *-ons* и *-[j]ons*. Но в общеиндоевропейском языке родительный падеж женского рода не мог иметь такого окончания; он оканчивался здесь на *-ās*, где *ā* — окончание основы, ср. греч. χώρᾱ-ς, лит. rañko-s, vàrno-s, лат. pater familiās. Ввиду этого надо думать, что *-ons* вытеснило *-ās* по следующей морфологической причине: отпадение *-s* в конце слова имело последствием совпадение формы родительного падежа с формой именительного: rǫkà и rǫkà (ср. лит. rankà при rañkos); вместе с тем тождественная форма оказывалась в именительном множественного вследствие такого же отпадения *-s:* rǫka (ср. лит. rañkos); но форма именительного множественного rǫka была вытеснена формой винительного множественного rǫkons (откуда rǫkъns), о происхождении которой скажу ниже; вытеснение rǫka через rǫkons в именительном множественного имело последствием вытеснение rǫka через rǫkons в родительном единственного. Из *-ons* путем перехода его в *-ъns* получилось *-y*, а из *-jens* получилось *-jų:* rǫky, vol'ę.

Дательный падеж

Окончание индоевропейского праязыка *-ai* обнаруживается, во-первых, в мужеских основах на *-ŭ:* synovi непосредственно из *synově с таким видом *ѣ*, который, сокращаясь в конце слова, переходил в *i;* *synově восходит к *synovoi из индоевр. *sūnevai с заменой *ev* через *ov*; ср. др.-инд. sūnávē; во-вторых, в мужеских и женских основах на *-ĭ*: gosti, nīti восходят, по-видимому, непосредственно к *gostьjī, *nītьjī из *gosteję̄i, *nīteję̄i, ср. др.-инд. matayē из *matai-ai, gatayē из *gatai-ai; в-третьих, в женских основах на *-ā:* svekrъvi из *svekrъv-oi, ср. др.-инд. çvaçrúvē; в-четвертых, в основах на согласные: kameni, telęti, materi, slovesi, ср. др.-инд.

manasē из *manas-ai, лат. generi из *genes-ai и т. д.; в-пятых, в основах на *-ā,* причем еще в индоевр. праязыке *ā* основы стянулось с окончанием *-ai* в дифтонг *āi:* общеслав. ženě из genāi, ср. греч. χώρᾳ, лат. eque, лит. wárnai, meĩrgai. Общеслав. *ě* восходит непосредственно не к *āi,* а к *oi,* что видно из появления *i* (из *ei*) в положении после мягких согласных: vol'i, duši; сокращение *āi* в *ăi,* откуда *oi,* произошло бы по общему закону, требовавшему сокращения первой части дифтонгических сочетаний с тем видом долготы, который называется длительным. Но первоначально, как кажется, в дательном падеже было окончание *-āi* с прерывистой долготой: оно дало бы в конце слова не *ě,* а *i*; можно думать поэтому, что окончание *-ě (-oi)* перенесено из местного падежа. Вероятно, то же окончание *-ai* содержится в форме дательного падежа от основ мужеского и среднего рода на *-ŏ:* vьlku, selu из лит.-слав. vilkui (ср. лит. vil̃kui), восходящего к vαl̃kōi, ср. греч. λόκῳ, лат. equō; общеиндоевропейское *ōi* восходит к *o-ai.*

Винительный падеж

В основах мужеского и женского рода обычным окончанием является *-m.* В мужеских основах на *-ŏ* сочетание *om* изменилось в *-ъm, -ъn* и далее в носовое *ъ,* откуда *ъ* неносовое: rodъ из *rodo-m; ср. лит. darbą (darbas = работа), vilką, др.-инд. vr̥kam, греч. λύκον, лат. lupum из *lupom; в положении после мягких согласных находим *-ь:* kon'ь, mǫžь; происхождение этого *ь* не ясно; кажется, фонетически вместо *konjom надо ждать *konjem и далее *kon'ę; в таком случае *ь* в винительном kon'ь заимствовано из именительного kon'ь. Как было указано выше, совпадение винительного падежа с именительным вызвало в именах, означающих одушевленные предметы, замену винительного падежа родительным: vьlka, kon'a. В мужеских основах на *-ŭ* сочетание *-um,* откуда *-ъm,* также перешло в *ъ:* synъ, ср. лит. sūnų, др.-инд. sūnum, лат. domum. В мужеских и женских основах на *-ĭ* сочетание *-im,* откуда *-ьm,* перешло в *-ь:* gostь, nitь, ср. лит. vagį, avį, naktį, лат. sitim, др.-инд. kavím, gátim. В женских основах на *-ū* к тому виду основы, который является перед гласными, *-uj, -uv,* присоединяется *ь:* svekrъvь; это *ь* восходит к *-im;* вероятно, *-im* явилось (еще в литовско-славянскую эпоху) на место индоевр. *ą̄m.* Такое же *-ь,* восходящее к *-im* и далее, вероятно, к *ą̄m,* является после согласных в основах на *-n, -r,* как kamenь, materь; ср. лит. akmenį, moterį,

др.-инд. mātáram, греч. μητέρα. (Восходящие к общеславянскому праязыку формы matere, svekrъve, в значении винительного падежа, заимствовали свое окончание из форм родительного падежа.) В основах на *-ā* находим в положении как после твердых, так и после мягких согласных *-ǫ*, восходящее к первоначальному *-ām*: общеслав. ženǫ, zimǫ, vol'ǫ, dušǫ, ср. с лит. ranką, mergą, лат. equam, deam, греч. χωραν, др.-инд. açvām.

Основы среднего рода вообще имеют для винительного падежа форму именительного; поэтому: lětо, sěmę, telę.

Творительный падеж

Основы мужеского и среднего рода имеют окончание *-mь*, восходящее в индоевр. *-mĭ*; впрочем, *-mi* является почти только еще в литовском языке. В основах мужеского и среднего рода на *-ŏ*: rodo-mь, lětо-mь. В основах мужеского рода на *-ŭ*: synъ-mь, ср. лит. sūnumì, dangumì. В основах мужеского рода на *-ĭ*: zętь-mь, gostь-mь, ср. лит. vagimì, а также и в женском роде: naktimì. Из основ на *-ĭ* окончание *-ĭmĭ*, откуда *-ьmь*, перешло и в основы на согласную: kamen-ьmь, sěmen-ьmь telęt-ьmь, sloves-ьmь.

В женских основах на *-ā* известны два образования: во-первых, на *-ǫ*, во-вторых, на *-oiǫ*; первое из этих образований восходит к индоевр. *-am*, где *ā* принадлежит основе, а *-m* окончанию; общеслав. rǫkǫ (ср. ст.-слав. рѫкѫ), ср. лит. rankà (из rankam), mergà; второе из этих образований явилось под влиянием склонения местоимения ta — toiǫ; общеслав. rǫkoiǫ (ср. старослав. рѫкоѭ, русск. *рукою*). После мягких согласных вместо *-oiǫ* является *-eiǫ*: voleiǫ, duseiǫ. Из основ на *-ā* окончание *-ǫ* было перенесено во все остальные основы женского рода: nitь̂jǫ, svekrъvь̂jǫ, materь̂jǫ.

Местный падеж

Окончание *-i* обнаруживается в основах мужеского и среднего рода на *-ŏ* и в основах женского рода на *-ā*. В основах на *-ŏ*: общеслав. vozě, lětě из *vozoi, ср. греч. οἴκοι, др.-инд. vṛ́kē; *oi* после мягких согласных переходило в *ei*, откуда далее в общеславянском *i*: kon'i. В основах на *-ā*: общеслав. ženě, zimě, вероятно, из *genoi, которое заменило *genāi вследствие сокращения дифтонга с длительной долготой (ср. сказанное выше о дательном падеже), ср. лат. Romae; в положении после мягких согласных находим *-i*, восходящее к *-ei* из *-oi*: duši, vol'i.

Основы на согласную, а также основы на *-ū* (на *-uv*) принимают окончание *-e* неясного происхождения: kamen-e, sloves-e, telęt-e, mater-e, svekrъv-e.

Основы на *-ĭ* и на *-ŭ* представляют в местном падеже основу в усиленном виде, т. е. с дифтонгическим окончанием *-ēi* и *-ēu*; эти дифтонги заменялись в общеславянском праязыке дифтонгами *ei* и *ou*. В основах мужеского и женского рода на *-ĭ*: gosti, nīti из *gostei, *nītei; в основах на *-ŭ*: synu из *sūnou, которое вместо *sūnēu (др.-инд. sūnāu).

Двойственное число

Именительный-звательный-винительный падежи

Окончание *-i* обнаруживается в основах среднего рода на *-ŏ* и в основах женского рода на *-ā*. В основах на *-ŏ*: gnьzdь из *gnoizdoi, ср. др.-инд. yugē из *jugai, *jugoi; *-oi* после мягких согласных переходило в *-ei*, откуда *-i*, ср. pol'i, łoži. В основах на *-ā*: rękь, по-видимому, непосредственно из *rękoi; *rękoi заменило *ronkāi, вследствие сокращения *ā* в дифтонге *āi*; то, что rękь именно из *ronkoi, видно из того, что окончание *-oi* этого падежа после мягких согласных переходит в *-ei*, откуда *-i*.

Основы на *-ĭ* мужеского и женского рода, а также основы на *-ŭ* представляют в этом падеже основу в усиленном виде, т. е. с окончаниями *-ū* и *-ī* вместо *-u* и *-i*. Основы на *-ŭ*: общеслав. syny из *sūnū, ср. лит. sū́nu, dangù, др.-инд. sūnú. Основы на *-ĭ*: общеслав. gosti, nīti из *gostī, *nītī, ср. лит. vagì, naktì, др.-инд. kavī́, gátī. Из основ на *-ĭ* заимствовали окончание *-ī* основы на согласные: kameni, materi, słovesi, telęti. Впрочем, слова среднего рода могли иметь в общеславянском языке, судя по старославянскому и старочешскому, окончание *-ь*, заимствованное, очевидно, из основ на *-ŏ*: telętь, słovesь.

Основы мужеского рода на *-ŏ* имеют форму на *-ā*: voza, kon'a; это *a* восходит к индоевр. *ŏ*, ср. греч. ἵππω, лит. viłkù, ponù, dárbu с *u* из *ů*, сократившегося в конце слова.

Родительный-местный падежи

Общим индоевропейским окончанием было, по-видимому, *-ons*, отсюда в общеслав. *-u* во всех основах. Основы на *-ŏ*: vozu, lьtu; основы на *-ā*: ręku. Основы на согласную: kamenu, materu, slovesu, telętu, ср. др.-инд. manasō̆š из *menesous. Основы на *-ŭ* и на *-ĭ*

присоединяют окончание *-u* к усиленному виду основы, к *ou* и к *ei*: synov-u, gostьj-u. Основы на *-ū* образуют формы, как svekrъv-u.

Дательный-творительный падежи

Окончанием является *-ma*, которое не находит себе полного соответствия в других языках, хотя, быть может, с ним тождественно литовское окончание дательного и творительного двойственного *-m* из *-ma* или из *-mu*, которые восходят к *-mō* или к *-mŭ*. Основы на *-ŏ*: rodo-ma, vozo-ma, lѣto-ma, ср. лит. darbám, rãtam; после мягких согласных: nože-ma, pol'e-ma. Основы на *-ā*: rǫka-ma, dūsa-ma; ср. лит. mergóm, rañkom. Основы на *-ŭ*: synъ-ma, ср. лит. sūnùm. Основы на *-ĭ*: pǫtь-ma, nitь-ma, ср. лит. vagìm, avìm. Основы на согласные имеют *-ьma* под влиянием основ на *-ĭ*: kamenьma, materьma, slovesьma, telętьma.

Множественное число

Именительный и звательный падежи

В основах мужеского рода известны два окончания. Окончание *-i* является в основах на *-ŏ*; сочетание *oi* переходит вообще в *ъ*, но в конце слова *ъ* при особом виде долготы, сокращаясь, изменяется в *i*: rodi, vьlci из *rod-oi, *vilkoi, ср. греч. ἵπποι, лат. lupi; образования на *-oi* первоначально не были свойственны именам существительным и проникли сюда из местоимений; ср. то же явление во всех других европейских языках индоевропейской семьи, кроме германских. Окончание *-s, -es* является во всех прочих именах мужеского рода. Основы на согласную: kamene, dьne. Основы на *-i* и на *-ŭ* присоединяют *-es* к распространенному виду основы: gostьje из *gosteies, ср. др.-инд. kaváyas из *kaveies, лат. ovēs из *oveies; synove из *sūnoves вместо sūneves, ср. др.-инд. sūnavas.

В основах женского рода древние формы именительного падежа всюду заменены формами винительного падежа (об образовании последних см. ниже). В основах на *-ā* причиной такой замены, как указано выше, было совпадение древней формы именительного множественного, оканчивавшейся на *-ās*, с формой именительного единственного после отпадения конечного *-s*: *rǫka из *rǫkas заменилось формой винительного множественного *rǫkons.

В основах среднего рода общим окончанием является *-a*: lѣta, nebesa, telęta, sѣmena. Это окончание восходит к индоевропейскому

окончанию *-ā* только в основах на *-ā*: общеслав. iga, ср. др.-инд. yugā, лат. juga; в прочие основы оно перенесено уже на почве общеславянского праязыка.

Родительный падеж

Общим окончанием во всех падежах является *-ъ* непосредственно из *-ъn, -ъm*, а это из *-om*, явившегося в результате сокращения *-ōm* с длительной долготой в конце слова. Основы на *-ŏ*: vozъ, lětъ из *vozōm, ср. греч. ἵππων, лит. darbų, лат. deum; после мягких согласных является *-ь* путем грамматической аналогии, так как фонетически, например, из *konjom должно было получиться *konjem и далее *kon'ę. Основы на *-ā*: rękъ из *rękom, которое из ronkām с сокращением *ām* в *ăm*, откуда *ŏm*, ср. лит. mergu, rañku;* после мягких согласных является *-ь*: dušь. Основы на согласную: kamenъ, sěmenъ, nebesъ, telętъ, materъ, ср. лит. диалект. akmenū, лит. moterū, греч. μητέρων, μενέων, др.-инд. manasām. Основы на *-ī* и *-ŭ* присоединяют окончание *-ъ* к распространенному виду этих основ: gostĭ-jь из *gostej-ъ, nitĭ-jь из *nitej-ъ, ср. лат. ovium; synov-ъ непосредственно из *sūnev-ъ, ср. греч. πηχέων из *πηχεϝ-ων.

Дательный падеж

Общим из всех основ окончанием является *-mъ*, восходящее, вероятно, к *-mos*, но не вполне ясное по происхождению; др.-прусск. *-mans* и др.-лит. *-mus*, откуда *-ms*, не могут быть тождественны со славянским окончанием. Основы на *-ŏ*: rodo-mъ, lěto-mъ; после мягких согласных: kon'e-mъ; основы на *-ā*: ryba-mъ, duša-mъ; основы на *-ŭ*: domъ-mъ; основы на *-ĭ*: kostь-mъ, gostь-mъ. Основы на согласные заимствуют свое *-ьmъ* из основы на *-ĭ*: kamenьmъ, materьmъ, słovesьmъ, telętьmъ. Впрочем, основы, как gorǯan-, имели в дательном множественного *-emъ*: gorǯanemъ; это *-emъ* заменило *-ьmъ*, по вероятному объяснению Лескина, под влиянием формы именительного множественного gorǯanē. Кроме того, основы на *-an* могли получать *-mъ* непосредственно за основой: pol'an-mъ, откуда pol'ąmъ (др.-русск. *полямъ*).

Винительный падеж

Для основ мужеского и женского рода общим исконным окончанием было *-ns* после гласных, *-ą̆ns* после согласных. Это окончание вытеснило в общеславянском и индоевропейское окончание

-ās в основах на *-ā*, которое, впрочем, само образовалось из *-āns*. Основы на *-ŏ*: rody, vьlky, из *rodo-ns, *vilko-ns, ср. готск. wulfans, др.-прусск. deiwans (богов), tāwans (отцов); после мягких согласных *-ons* изменилось в *-ens*, откуда далее носовое *ѣ* (ст.-слав. *ę*, русск. *ѣ* неносовое): kon'ѣ из *kon'ens, *kon'ons. Основы на *-ŭ*: syny из *sūnъ-ns, ср. готск. sununs. Основы на *-ĭ*: gosti, niti из *gostь-ns, *nītь-ns, ср. греч. диалект. πόλις, готск. gastins (gasts = гость). В основах на согласную общеслав. *-ī* восходит к *-ьns*, которое заменило более древнее *-ins*, явившееся в литовско-славянскую эпоху заместителем индоевропейского *-ą̆ns*: kameni, gorǯani, materi. То же окончание в основах на *-ū̆, -uv*: svekrъvi. В основах на *-ā* находим окончание *-ons*, вытеснившее исконное *-ās* под влиянием основ на *-ŏ*, причем *-ons* является, по-видимому, фонетическим сокращением старшего *-āns* (ср. сокращение *-ōm* в *-om* в род. мн.); общеслав. rǫky из *rǫko-ns, а это из *rǫkā-ns; в положении после мягких согласных вместо *-ons* является *-ens*, откуда далее носовое *ѣ* (ст.-слав. *ę*, др.-русск. *ѣ*): dušѣ из *duxje-ns, *duxjo-ns.

Основы среднего рода в форме винительного падежа употребляют форму именительного.

Творительный падеж

Основы на *-ā, -ĭ, -ŭ* образуют этот падеж посредством окончания *-mi*; отношение его к литовскому *-mis*, которое из *-mīs*, указывает на более первоначальную форму *-mīs*. Основы на *-ā*: žena-mi, rǫka-mi, ср. лит. rañkomis, mergomìs. Основы на *-ĭ*: gostь-mi, nitь-mi, ср. лит. avimìs, vagimìs. Основы на *-ŭ*: synъ-mi, ср. лит. sūnumìs. Основы мужеского и женского рода на согласные имеют *-ьmi*, заимствованное из основы на *-ĭ*: kamenь-mi, materь-mi. Основы на *-ū̆, -uv* заимствуют из основы на *-ā* окончание *-ami*: svekrъvami.

Основы на *-ŏ* мужеского и среднего рода имеют в творительном форму на *-y*: rody, lѣty. Ближайшим образом *-y* должно быть сопоставлено с лит. *-ais* в põnais, dorbaĩs; лит. *-ais* из *-ois*: греч. ἵπποις; дифтонг. *oi*, по-видимому, нового происхождения на *-ohi*. Это дало Фортунатову основание объяснить общеславянское *-y* из *-ohis*, где *-his* — окончание творительного множественного, родственное с др.-инд. окончанием *-bhiš*. В положении после мягких согласных находим в соответствии с *-y* — *-ī*: mǫžьi; *ī* восходит к *ei* из *oi*. Основы среднего рода на согласные заимствовали в творительном множественного окончание *-y* из основ на *-ŏ*: sѣmen-y, telęt-y, słoves-y.

Местный падеж

Общим окончанием для всех основ является *-хъ* непосредственно из *-su*, ср. др.-лит. *-su*, например в namasu, dienosu, др.-инд. *-su* в çívāsu, kavi̯u. Основы на *-ā*: žena-хъ, ryba-хъ, ср. др.-инд. áçvāsu. Основы на *-ī*: gostь-хъ, nitь-хъ, ср. др.-инд. kaví̯u, gati̯u. Основы на *-ū*: synъ-хъ, domъ-хъ, ср. др.-инд. bhānu̯u, sūnú̯u. Основы на согласные заимствуют из основ на *-ī* окончание *-ьхъ*, например: kamen-ьхъ, mater-ьхъ, sloves-ьхъ, telęt-ьхъ. Но основы мужеского рода, как gorǯan- *(горожанин)*, получали окончание *-ехъ*, заменившее *-ьхъ*, по вероятному объяснению Лескина, под влиянием формы именительного множественного (gorǯan-e). Основы на *-ū, -uv* заимствовали окончание *-ахъ* из основы на *-ā*: svekrъvaxъ.

Основы на *-ŏ* присоединяли окончание *-su* к распространенной посредством прибавления *ι* основе: общеслав. lѣtѣxъ, vь̯lcѣxъ восходят к *vilkoi-su, ср. др.-инд. vr̥kē̯u (из vr̥kai-su, var̥koi-su), греч. λύκοι-σι (с измененным окончанием). В положении после мягких согласных *oi* изменялось в *ei*, откуда *i*: mǫžixъ, pol'ixъ.

Основы мужеского рода на *-an* образовывали местный множественный путем непосредственного присоединения *-sъ* к окончанию основы: dol'an *(долянин)* — dol'an-sъ, отсюда dol'ąsъ, ср. др.-чешск. Dolas, Brežas, Lužas, Dobřas. Рядом были известны и образования Pol'ąxъ, Dol'ąxъ, ср. др.-русск. *поляхъ*.

УДАРЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Необходимо сказать несколько слов об ударении падежных форм в общеславянском праязыке. В нем имелись основы с неподвижным ударением на самой основе или на падежных окончаниях и основы с подвижным ударением, в которых одна часть падежей имела ударение на основе, а другая на окончаниях. Остановлюсь сначала на основах с неподвижным ударением. Различное ударение — в одних основах на самой основе, в других на окончаниях — зависело от унаследованных еще из индоевропейской эпохи отношений. Общеславянскими причинами нельзя, например, объяснить, почему слова porъ, dvorъ, korl'ь, rǫkavъ, starikъ (мужеск. р.), žena, groza, piła, krasa, xvała (женск. р.) имели в общеславянском праязыке ударение на падежных окончаниях, ср. русск. *попá, попý, на дворé, королú, рукавá, старикóм, женý, пилý;* сербско-чакавск. popà, krāljà, rukāvà, ženù и т. д.; между тем слова gorxъ, klinъ, porgъ (мужеск. р.), sława, lipa, vorna, berza (женск. р.) сохраняли

ударение на основе во всех падежах: ср. русск. *горо́х, горо́ха, ли́пам, берёзами, воро́не;* сербско-чакавск. и штокавск. гра̏ха, ли̏пи, сла̏ве, брѐзама и т. д. Впрочем, ближайшее рассмотрение этих слов показывает, что гласная основы в словах с ударением наконечным была или краткой, или с тем видом долготы, который мы будем называть прерывистым, между тем как гласная основы в словах с ударением на основе имела в древнем языке долготу длительного вида; это обстоятельство наводит на предположение, что только в словах первого рода сохранилось древнее место ударения, между тем как слова второго рода восходят к двум категориям, из которых одна исконно имела ударение на гласной основе, а другая перенесла ударение на гласную основы в силу притяжения со стороны длительной долготы; возможно, например, что слово dѣdъ отличалось некогда по месту ударения от слова xlѣbъ; dѣdъ имело исконно ударение на основе: поэтому русск. *де́да, де́ду,* мн. ч. *де́ды,* а xlѣbъ могло иметь исконно ударение на окончании: поэтому в русском рядом с *хле́ба, хле́бу* является во множественном числе *хлеба́*. Ср. сказанное ниже относительно переноса ударения на окончания с длительно долгой гласной. Относительно слов женского рода той категории, которая имеет ударение на окончаниях, необходимо заметить, что неподвижность в них ударения подвергается одному ограничению, а именно в формах им.-вин. мн. они имели, кажется, ударение не на окончании, а на основе; ср. русск. *жёны, пи́лы, стру́ны, слу́ги, стре́лы* и т. д. (в случаях, как именительный множественного *толпы́, похвалы́* и т. п., можно видеть искусственное книжное произношение), ср. также сербско-штокавск. jȇле, ви̏ле, слу̑ге, стри̏јеле, су̏зе, сна̏хе, пчѐле, бу̑хе (при винительном jе́лу, вилу, слу́гу, стри̏јелу, су́зу, сна́ху, пче́лу, бу́ху из более древних jēлу̀, вилу̀, стријелу̀ и т. д.). Впрочем, я не решился бы утверждать на основании одного русского языка, что в общеславянском праязыке перенос ударения был в именительном-винительном множественного слов женского рода обязательным; сербско-штокавск. жѐне, ста̀зе, ко̀зе, гро̀зе, вр̀сте, глисте и др., чакавск. ženȅ, kozȅ, sestrȅ, snahȅ, krūpȅ, svīc'ȅ и др. свидетельствуют о возможности и наконечного ударения в указанных падежах. Во всяком случае согласные данные русского и сербского языка доказывают, что в общеславянском праязыке подобный перенос ударения мог иметь место в некоторых словах женского рода. Задумываясь над причиной подобного переноса, мы должны иметь в виду, что окончание *-у* для именитель-

ного-винительного множественного в общеславянском праязыке нового происхождения; *-ons* (откуда *-y*) заменило более древнее *-ās* в именительном множественного; это *-ās* после отпадения *-s* перешло в *-ā*, и форма именительного множественного совпала по звуку с формой именительного единственного: lipa — lipa, что и было причиной замены ее формой винительного множественного lipy (из *lipons). Но в словах с подвижным ударением именительный множественного, как увидим, отличался по ударению от винительного множественного (rǫkà, но винительный множественного rǫ̀ka); это и было причиной переноса ударения на основу с окончания в словах, как ženà, kozà и т. д.; перенос произошел для того, чтобы отличить именительный множественного от именительного единственного: ženà, но множественный žèna; это žèna впоследствии заменено через žèny. Вероятнее всего, что такой перенос был в общеславянском праязыке обязательным для формы именительного множественного, следовательно: žèny, kòzy, snъ̀xy, krùpy; но винительный множественного в общеславянском сохранял старое место ударения: ženỳ, kozỳ, snъxỳ, krūpỳ. В русском языке перевес получило ударение именительного множественного, а в сербском — винительного множественного, за исключением лишь некоторых слов (как вышеуказанных slûge, sûze, bûxe и т. д.). Относительно слов мужеского рода с неподвижным ударением на окончаниях необходимо иметь в виду, что еще в общеславянскую эпоху окончания *-ъ* и *-ь* переносили ударение на предшествующий слог; поэтому именительный-винительный падеж единственного числа и родительный множественного от слов, как porъ, dvorъ, grѣxъ, korl'ь и т. д., имели ударение на основе: pòrъ, dvòrъ, grѣ̀xъ, kòrl'ь вместо более древних porъ̀, dvorъ̀, grѣxъ̀, korl'ь̀.

Перехожу к основам с подвижным ударением. Подвижность ударения, т. е. перемещение его в различных падежах в зависимости от того или иного падежного окончания, зависела от того, что еще в литовско-славянскую эпоху гласные длительно долгие перетягивали на себя ударение как с кратких, так и с прерывисто долгих гласных. Ввиду того, что гласная основы могла быть длительно долгой, прерывисто долгой и краткой и что те же виды могла иметь гласная окончаний, надо заключить, что первоначальное место ударения вообще сохранялось только: 1) в основах с длительно долгою гласною и ударением на этой гласной, 2) в основах с краткою или прерывисто долгою гласною, когда ударение падало на окончания. Основы же с длительно долгою гласною и ударением

на окончаниях в некоторых падежах (в которых окончания имели краткую гласную или прерывисто долгую) получали ударение на основу, а в других (где окончания имели длительно долгую гласную) сохраняли его на окончании; ср. сказанное выше относительно слов *хлеб*, ср. русск. *хлеба́*. Основы с краткою или прерывисто долгою гласною и ударением на этой гласной становились в отношении к ударению подвижными, ибо падежные окончания с длительно долгими гласными перетягивали ударение на себя. Оставляя в стороне те основы, подвижность ударения которых зависела от длительно долгой гласной в основе, остановимся на тех основах, в которых подвижность ударения зависела от длительной долготы гласных в падежных окончаниях.

Перечислю падежные окончания с длительно долгими гласными.

В основах мужеского рода на *-ŏ* сюда относится:

а) Окончание местного единственного *-ѣ (-i)*; длительность долготы *ѣ* доказывается, с одной стороны, тем, что *ѣ* не сократилось в *i* (так сокращалось в конце слова *ѣ* с прерывистою долготой), с другой стороны, сопоставлением с греческим окончанием *-οι*, например, в *οἴκοι*, *Ἰσθμοῖ*; ударение этих слов свидетельствует о длительности долготы дифтонга *οι*, ибо прерывисто долгое *οι* (так же как краткая гласная) требовало перед собой облегченное ударение на долгой гласной (ср. именительный множественного *οἶκοι*), а на себе — острое, а не облегченное ударение (ср. им. мн. *ποταμοί*). Отсюда заключаем, что общеславянское место ударения в ròdѣ, nòsѣ, gòrdѣ, zǫ̀bѣ, dǫ̀bѣ, drũzѣ (ср. русск. *в ро́де, о дру́ге, в го́роде*), также и среднего рода — tѣ̀stѣ, sѣ̀nѣ (ср. русск. *в ме́сте, в се́не*) не может быть первоначальным; оно заменило первоначальное rodѣ̀, nosѣ̀, sѣnѣ̀ и т. д., по-видимому, под влиянием ударения других падежей единственного числа, ибо местный падеж оказывался единственным падежом, отступавшим по месту ударения от прочих падежей единственного числа в словах мужеского и среднего рода.

б) Окончание местного множественного *-ѣхъ (-ixъ)* имело, вероятно, *-ѣ* длительно долгое: ср. чакавск. диалектическое vlāsíh (при vlâsa, vlâsi), vozíh (при vȍza, vȍzi); ср. также и русское ударение *в зуба́х, воза́х, носа́х,* хотя мы имеем в русском новое окончание.

в) Окончание винительного множественного *-у (-ѫ)* из *-ons* с длительной долготой сочетания *-on*; длительная долгота доказывается литовским окончанием *-us* с кратким *u* (в литовском подвергалась сокращению только длительная долгота в конце слова),

а также местом ударения в русских формах, как *сады́, носы́, возы́, плоды́* и т. д. (при *са́да, во́за, пло́да*); сербский язык не знает перенесенного ударения в винительном множественного, ибо имеет в этом падеже то же ударение, что в именительном множественного.

г) Окончание родительного множественного *-ъ* также по происхождению своему восходит к длительно долгому окончанию *-оп* (ср. выше), ибо в общеславянском сокращали первую часть свою только дифтонгические сочетания с длительною долготой; общеславянское конечное *ъ* утратило ударение; поэтому доказать ударение rodъ̀, vozъ̀, drugъ̀ и т. п. нельзя; впрочем, русск. *воло́с* (при именительном *во́лос*), словенск. vlás при именительном vlâs, сербск.-штокавск. дрȕгā, влàсā при дрȕг, влâс указывают на то, что родительный множественного имел в общеславянском праязыке в словах с подвижным ударением другое ударение, чем именительный единственного, а различие это зависело именно от того, что в именительном ударение исконно падало в таких словах на основу, а в родительном множественного на окончание.

д) Окончание именительного-винительного двойственного *-а* имело длительную долготу как по свидетельству литовского языка, где окончание *-u* (krasztù, ponù) из *-ū*, сократившегося именно в силу своей длительной долготы (прерывисто долгие гласные не сокращались в литовском в конце слов), так и по свидетельству русского языка: ср. ударение *два шага́* при *ша́га, ша́гу; два ряда́,* при *ря́да, ря́ду; глаза́, рога́* (формы по происхождению своему двойственного числа).

е) Окончание родительного-местного двойственного *-ū* также имело, вероятно, длительную долготу.

В основах среднего рода на *-ŏ* длительную долготу, кроме местного единственного и местного множественного (о которых выше), имело еще окончание именительного-винительного двойственного числа *-ъ (-i)* из первоначального *-oi*; длительность *ъ* доказывается тем, что оно не сократилось в *i*, несмотря на свое положение в конце слова. Относительно ударения других форм среднего рода скажу особо ниже. Точно так же длительно долгим было *-а* в окончании именительного-винительного множественного; это доказывается, между прочим, общеславянским ударением форм, как lětà, sità, stadà (ср. русск. *лета́, сита́, стада́,* сербск. диалект. ljetá). Впрочем, об ударении и этой формы среднего рода скажу особо ниже. В основах на согласную длительно долгими были окончания *-ę*, например tel'ę̀, plemę̀.

В основах на *-ŭ* мужеского рода длительную долготу имели следующие окончания: а) Окончание местного единственного *-ū*; поэтому местный domù при родительном dòmu, ср. совр. русские ударения *в домý, в садý, на пухý, в рядý* и т. д., сербск.-штокавск. у нòсу, у брòду, у гòду, у мèду, у дòму, что восходит к праштокавскому у носỳ, у домỳ и т. д.

б) Окончание именительного-винительного двойственного *-y*, что свидетельствуется соответствующим литовским окончанием — кратким *-u*, сокращенным, очевидно, из длительно долгого *ū* в конце слова (dangù).

в) Окончание винительного множественного *-y*, что видно из литовского окончания *-us* с кратким *u*, восходящим к долгому *ų* (носовому *u*) в *ųs* из *uns* (лит. dangùs), а также из родственного славянского окончания *-y* из *-ons* в основах мужеского рода: общеслав. domỳ, volỳ при dòma, vòłu.

В основах на *-ĭ* мужеского и женского рода длительную долготу имели: а) Окончание *-i* в местном единственного, ср. русск. *на костú, на мазú, в далú,* сербск.-чакавск. va noc'ì, va solì, va stvārì, va māstì, va žūčì, штокавск. у пèћи, у нòћи, у кòсти (при родительном и дательном пèћи, нòћи, кòсти).

б) Окончание *-i* в именительном-винительном двойственного, что видно из литовского окончания с *ĭ* из *ĕ (ie)* с длительною долготой: akì, nakti; следовательно, мы ожидали бы *očì, вместо чего в позднейшем языке òči под влиянием формы именительного множественного; ср. еще ударение в očìma (штокавск. òчима вместо праштокавск. очйма), ušìma, pleččìma, также в сербск.-штокавском дательный множественного пèћима, кòстима, пр̀сима.

в) Окончание *-i* в винительном множественного из *-īs*, восходящего к *-ĭns*, ср. лит. *-is* с кратким *ĭ* из *ī* с длительной долготой; ударение винительного множественного kòsti, čę̀sti, nòčči и т. д., о котором свидетельствуют современные славянские языки, новое, заимствованное из именительного множественного (ср. русск. *кóсти, нóчи, чáсти, печи,* сербск.-штокавск. кòсти, нòћи, чâсти, пèћи).

В основах на *-a* женского рода длительную долготу имели окончания:

а) Именительный единственного *-ā*, что доказывается соответствующим литовским окончанием *-ă* из *-ā* с длительною долготой (rankà); поэтому в общеслав. nogà, vodà, dъskà, rǫkà, dušà и т. д., ср. русск. *водá, рукá, ногá,* чакавск. gorà, nogâ, daskà, buhà, čelà.

б) Древнее окончание родительного падежа на *-ās* (замененное, как мы видели, окончанием *-ons, -ъns, -y*, заимствованным из формы именительного множественного) имело длительное *a* и потому перетягивало на себя ударение; заключаем об этом из того, что форма родительного падежа единственного числа женского рода всегда имеет то же место ударения, что форма именительного единственного: сербск.-чакавск. gorе́, vodе́, русск. *горы́, воды́, ноги́, доски́* и т. д.

в) Окончание местного единственного *-ѣ (-i)*; длительная долгота *ѣ* доказывается тем, что оно не сократилось в *i*, несмотря на свое положение в конце слова; оно перетягивало поэтому на себя ударение; ср. русск. *на воде́, в руке́* и т. д., чакавск. na vodî, штокавск. на ру́ци вместо более древнего на рӯц̑и̇.

г) Окончание дательного падежа *-ѣ (-i)*; длительность его доказывается теми же соображениями; но, как было указано и выше, *ѣ* заменило другое окончание, а именно прерывистое долгое *ѣ* (откуда получилось бы *i*) под влиянием формы местного единственного; старые формы не сохранились, но ударение их держится в нескольких русских и сербских словах: русск.— *к зи́ме, к сте́не;* сербск.-штокавск.— во̀ди, дје̏ци, ду̂ши, гла̂ви, ру̂ци; чакавск.— ki nȍgi.

д) Окончание именительного-винительного двойственного *-ѣ (-i)*; длительность его долготы обнаруживается литовским окончанием *-i* из *ē (ie)*: rankì, mergì; ср. ударение церковнославянских форм *роуцѣ, нозѣ*.

е) Окончание дательного-творительного двойственного *-ama*, дательного множественного *-amъ*, творительного множественного *-amі*, местного множественного *-ахъ* имели длительно долгое *a*, как можно заключить из русских ударений: *рука́ми, нога́ми, голова́ми;* сербск.-штокавск.— во̀дама, ру̀кама, стра̀нама; чакавск.— gorà̂mi, rukà̂mi; перенесение ударения в русск. *го́рами, к до́скам* и т. п. позднейшее, вызванное влиянием ударения именительного-винительного множественного.

ж) Окончание родительного-местного двойственного *-ū* также могло иметь длительную долготу, как можно думать на основании церковного ѹ̄ руку̀.

Передвижение ударения на длительно долгие окончания относится еще к литовско-славянской эпохе; ср. лит. rankà — rañką (вин.) — rañkos (им. мн.) — rankì (им. дв.) с общеслав. rǫkà — rǫ̀kǫ — rǫ̀ky — rǫcѣ̀. Но, кроме этого передвижения, общеславянский

праязык имел еще другое, новейшее по происхождению передвижение, вызванное, по-видимому, появлением новых длительных долгот на месте кратких и прерывисто долгих гласных. А именно редукция *ŭ* и *ĭ* в двусложных падежных окончаниях имела следствием удлинение гласной предшествующего слога и перенос на него ударения с третьего от конца слога, с гласной основы. В силу этой причины древние ròdomŭ, dòmŭmŭ, drùgomŭ, kòstĭmŭ — дательный множественного; dòmŭxŭ, kòstĭxŭ — местный множественного; ròdomĭ, dòmŭmĭ, gòstĭmĭ — творительный единственного; dòmovŭ, kòstìjí — родительный множественного должны были перейти в rodòmъ, drugòmъ, domъ̀mъ, kostь̀mъ, domъ̀xъ, kostь̀xъ, rodòmь, domъ̀mь, gostь̀mь, domòvъ, kostь̀jь. В творительном единственного ударение rodòmь, domъ̀mь, gostь̀mь не удержалось вследствие влияния ударения других падежных форм единственного числа; но во множественном числе новое ударение сохранилось, ср. великорус. *домо́в, косте́й, дома́м, костя́м;* ср. сербск.-штокавск. змàјēвā (вместо змаје̄вā), рòгōвā, а отсюда и змàјеви, рòгови (вм. змајèви, рогòви), также го́стӣ (вместо гости́), гòстима. Впрочем, основы с неподвижным вообще ударением удержали его неподвижным, несмотря на действие этого нового закона; ср. lìpāmъ, bràtomъ (не lipāmъ, bratṓmъ).

Особо должно быть рассмотрено ударение слов среднего рода с основой на *-ŏ*, которому предшествует твердая согласная (следовательно, не на *-jŏ*). Основы с краткой или прерывисто долгой гласной переносят ударение с основы на окончание именительного-винительного *-o*, причем и все остальные падежи единственного числа получают наконечное ударение: sełò, vesłò, però, čełò, gnѣzdò, čīsłò, l'ikò (отсюда l'ic'ó); ср. соответствующие русские слова, сербск.-чакавск. — sełȍ, līcȅ, perȍ, штокавск. гнијѐздо; между тем как в форме именительного-винительного множественного числа (а также и в других падежах множественного числа) эти слова имеют ударение на корне sèła, vèsła, gnѣ̀zda, čìsła, lìca, rèbra, и т. д.; ср. совр. великорус. *сёла, вёсла, ли́ца,* сербск.-чакавск. sȅla, pȅra, líca и т. д. Ясно, что мы имеем при этом дело с каким-то, очевидно, позднейшим перемещением ударения, ибо, во-первых, окончание *-o*, как краткое, не могло перетягивать на себя ударение (ср. сохранение его, например, в slòvo, nèbo); во-вторых, напротив, *-ā* в окончании именительного-винительного множественного имело исконно длительную долготу, почему во множественном числе можно было бы ожидать ударение sełà, vesłà, gnѣzdà и т. п.

Вероятнее всего предположить, что ударение слов среднего рода подвергалось изменению под влиянием слов женского рода. Там, как мы знаем, исконным окончанием именительного множественного и винительного множественного было *-ās* (откуда *-ā*), причем *ā* было прерывисто долгим, не перетягивавшим поэтому на себя ударения (на его прерывистость указывает и литовское окончание именительного множественного *-os*). Следовательно, рядом с именительным единственным vodà, rǫkà именительный множественного звучал vòda, rǫ̀ka. Совпадение окончаний именительного-винительного множественного в словах женского и среднего рода имело последствием перенесение ударения как в именительном-винительном множественного числа, так и в именительном-винительном единственного числа слов среднего рода; vodà — vòda (откуда впоследствии, как мы видели, vodà — vòdy) в женском роде вызывало selò — sèła в среднем роде, вместо первоначальных sèła — selà. Доказательством в пользу предложенного объяснения может служить ударение слов, как tl̀sto, sl̀no, mę̀so; в корне этих слов находились прерывисто долгие гласные и тем не менее ударение не перелвинулось в них на окончание; это зависело от того, что слова эти не образовывали (по самому значению своему) множественного числа. Что касается ударений, как lѣtà, sità, mѣstà, то очевидно, что здесь сохранилось первоначальное место ударения, между тем как в формах единственного числа lѣ̀to, mѣ̀sto, sìto ударение передвинулось на корень еще в ту эпоху, когда длительно долгие гласные (а таковыми были гласные в первом слоге этих слов) перетягивали на себя ударение соседних слогов. Исконным представляется и ударение именительного множественного nebesà, słovesà, ср. то же наконечное ударение в других падежах: nebesè, słovesè. Под влиянием таких форм явилось, как кажется, и ударение форм sl̀menà, bermenà (от **bermę* = *беремя*), plemenà, ср. родительный единственного sl̀mene, plèmene. Судя по сербск.-штокавск. врijѐме — врѐмена (род. ед.), слово, соответствующее церковнослав. врѣмя, др.-русск. *веремя*, в именительном-винительном единственного имело ударение на окончании, а в других падежах на корне (vermę̀ — vèrmene), причем это зависело от длительности долгой гласной в окончании именительного-винительного и прерывистости сочетания *er* в основе (vèrmę поэтому перешло в verm̀ę); церковнослав. врѣмя (ср. русск. книжн. *вре́мя*) явилось под влиянием косвенных падежей; ср. еще ударение *пле́мя*.

СООТНОШЕНИЕ ОСНОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Общерусский праязык значительно видоизменил звуковую сторону приведенных выше общеславянских окончаний, а также звуковую сторону самых основ. Скажу сначала об основах.

В общеславянском праязыке твердая согласная основы становилась полумягкой перед гласными переднего ряда; в общерусском праязыке полумягкие согласные перешли в мягкие; поэтому, например, при rod-ъ являлись rod'ѣ, rod'i, при žen-a находим žen'ѣ, при s'ѣm'en-a — s'ѣm'en'e. Равным образом мягкая согласная вместо полумягкой проникла и в основы на *-ĭ*; слова kost-ь, gost-i стали звучать kos't'-ь, gos't'-i. То же в основах на согласные: mat'er'-e, t'el'at'-e, pol'an'-e, d'ьn'-e. Вследствие перехода *ę* в *a* основы на *-ęt* стали основами на *-at*: t'el'ata, otročat'e. Переход *e* в *ŏ* перед твердой согласной вызвал изменение sѣmenъ, słovesa в s'ѣm'önъ, słov'ösa. Согласная ʒ' на месте смягчившегося *g* перешла в *z*: druz'-i, noz'-i.

Звуковые изменения, которым в общерусском праязыке подверглись падежные окончания, зависели, во-первых, от потери носовых и перехода *ǫ* в *u*, *ę* в *a*, *ѧ* в *ѫ*; ср. общерусские формы винительного множественного mužѣ, kon'ѣ, родительного единственного dušѣ, именительного-винительного множественного stajѣ, творительного единственного vodoju, kos't'ѣju, mat'er'ѣju, ср. также именительный единственного t'el'a, s'ѣm'a; во-вторых, от перехода *e* в конечном открытом слоге в *ă*: звательный единственного plod'ä, именительный множественного synov'ä, родительный единственного s'em'en'ä, kam'en'ä, mat'er'ä, именительный-винительный единственного žit'ѣjä, kop'ѣjä (из общеслав. žitѣje, kopѣje); в-третьих, от перехода *e* в *ŏ* в положении перед твердой согласной, а также *ь* в звук близкий к *ъ* (*ə̆*) при тех же условиях: gorožan'öxъ вместо общеслав. gorʒanexъ, kos't'ъxъ, t'el'at'ъxъ, kam'en'ъxъ, put'ъmъ, mat'erъmъ и т. д.; в-четвертых, от перехода *ŏ* в *o*, т. е. звук средний между *ŏ* и *o*: звательный единственного božò, именительный-винительный pol'ò, дательный-творительный двойственного pol'òma, дательный множественного nozòmъ, звательный единственного dušò; в-пятых, от перехода полумягких согласных в мягкие syn-ov'i вместо syn-ovi, voł-ov'ä вместо voł-ove, vod-am'i вместо vod-ami, syn-ъm'ь вместо syn-ъmь и т. д.; в-шестых, от сокращения тех долгих гласных, которые не успели сократиться в общеславянском праязыке: l'iрatъ вместо обще-

слав. lipāmъ, brat'ѣхъ вместо общеслав. bratĒхъ, l'ѣtá вместо общеслав. lѣtá.

Кроме этих звуковых изменений, общерусский праязык допустил, по-видимому, и несколько изменений морфологического характера в склонении имен. Сюда относится систематическая замена окончания *-оть, -еть* в творительном единственного слов мужеского и среднего рода через *-ъть, -ьть*; окончание *-ъть* заимствовано из склонения основ на *-й*, а окончание *-ьть* явилось в соответствии с этим *-ъть* под влиянием склонения основ на *-ĭ*. Имеем полное основание думать, что подобная замена происходила уже в говорах общеславянского праязыка; так, западнославянские языки свидетельствуют именно об окончании *-ъть*, а не *-оть* в склонении имен мужеского рода на *-ŏ*, ср. польск. pанem, чешск. klínem и т. д., причем *е* в приведенных формах восходит к ъ; так, окончание *-ъть* вместо *-оть*, правда изредка, попадается и в памятниках старославянского языка, например: Зогр. ев.— гласъмь, съпъмь, слоухъмь; чаще сравнительно это окончание попадается в Супр.— гладъмъ, врашъпъмъ; ср. также -ьмь в Зогр. ев.—сѣпьрьмь, Супр.— отьцьмь Савв.— отьцьмь. Окончание -ьмь в старославянском заменяло более древнее -вмь довольно последовательно в положении за *j* (*-jьть* переходило далее в *-jь̂ть*, писавшееся -ннмь), ср. в Супр. частое окончание -ннмь в творительном единственного слов среднего рода на -ие, также в Ассем. ев., оукроиимъ в соответствии с оукроемь Зографского евангелия. Но старославянский язык, так же как и остальные южнославянские языки, не позволяет думать о последовательном вытеснении в общеславянском праязыке окончания *-оть* через *-ъть*; окончание *-оть* во всяком случае оставалось в общеславянском праязыке преобладающим, и вытеснение его произошло, конечно, уже на почве отдельных славянских языков, между прочим русского. Что русское *-ом* в творительном единственного (*попóм, лéтом*) восходит именно к *-ъть*, доказывается не только памятниками, которые (в древнейшую эпоху, до XII в. включительно) писали *-ъмь*, но и украинской формой этого окончания: украинское *-ом* может восходить только к *-ъть*, ибо — *-оть* изменилось бы в *-о̂ть, -ио̂ть*, откуда в украинском получилось бы *-ім*. Вытеснение окончания *-оть* окончанием *-ъть*, заимствованным из склонения основ на *-й*, могло бы быть поставлено в связь с проникновением в склонение основ на *-ŏ* и других падежных окончаний из склонения основ на *-й*; но ни одно из этих окончаний даже в позднейшую эпоху не успело вытеснить окончательно соответствующее окон-

чание по склонению основ на *-ŏ*. Ввиду этого вытеснение *-отъ* через *-ъть* в русском и других славянских наречиях надо рассматривать отдельно от влияния склонения основ на *-ĭ* на склонение основ на *-ŏ*; можно думать, что такое вытеснение зависело от звуковой ассоциации формы творительного единственного с формами именительного-винительного единственного числа, подобно как при z'atь, pǫtь творительный был z'atь-mь, pǫtь-mь, при kamenь (вин. п.)— kamenь-mь; при synъ — synъ-mь; при lѣto — lѣto-mь; так же точно при rodъ, nosъ, bratъ, otьcь, kon'ь явились формы rodъ-mь, nosъ-mь, bratъ-mь, otьcь-mь, kon'ь-mь вместо rodo-mь и т. д. При этом позже вытеснение nosomь, bratomь через nosъmь, bratъmь повело за собой и вытеснение lѣtomь через lѣtъmь. Кроме того, общерусский праязык утратил образование на *-u* (из *ǫ*) в творительном единственного женского рода: вместо vodoju и vodu (общеслав. vodojǫ и vodǫ) сохранилось только образование vodoju.

Других морфологических утрат (окончания *-оть, -еть* были общерусским праязыком утрачены) для общерусского периода я указать не могу. Общерусские новообразования и другие морфологические изменения рассмотрю попутно с обзором форм склонения общерусского праязыка.

Этот обзор я располагаю по причинам, выясненным раньше, по старым индоевропейским основам: 1) основы мужеского рода на *-ŏ*; 2) основы среднего рода на *-ŏ*; 3) основы женского рода на *-ā*; 4) основы мужеского рода на *-ĭ*; 5) основы мужеского рода на *-ī*; 6) основы женского рода на *-ī*; 7) основы мужеского рода на согласную; 8) основы среднего рода на согласные; 9) основы женского рода на согласную и на долгое *-ū*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

I. ОСНОВЫ НА *-Ŏ* МУЖЕСКОГО РОДА

Ввиду тех звуковых изменений, которым подвергались согласные в окончании относящихся сюда основ, а также гласные падежных окончаний — согласные основы в зависимости от предшествующих им гласных переднего ряда, а гласные падежных окончаний в зависимости от предшествующих им *j* и мягких согласных,— слова мужеского рода с первоначальною основой на *-ŏ* могут быть в их склонении рассмотрены по следующим трем категориям:

1) основы, в общеславянском праязыке оканчивавшиеся на твердую согласную; 2) основы, в общеславянском праязыке оканчивавшиеся на смягченные аффрикаты *c'*, *ʒ'* (*z'*), *s'*; 3) основы, в общеславянском праязыке оканчивавшиеся на *j* (*i*) или на иные, кроме только что названных, смягченные согласные.

Рассмотрю отдельно склонение слов каждой из этих категорий в общерусском праязыке.

1. Основы на твердую согласную

Ед.	И.	ròdъ	(родъ)	drùgъ	(дроугъ)
	З.	ròđ'ä	(роде)	drùžò	(дроуже)
	Р.	ròda	(рода)	drùga	(дроуга)
	Д.	ròdu	(родоу)	drùgu	(дроугоу)
	В.	ròdъ	(родъ)	drùgъ, drùga	(дроугъ, дроуга)
	Т.	ròdъm'ь	(родъмь)	drùgъm'ь	(дроугъмь)
	М.	ròd'ѣ	(родѣ)	drùz'ѣ	(дроузѣ)
Дв.	И. В. З.	rodà	(рода)	drugà	(дроуга)
	Р. М.	rodù	(родоу)	drugù	(дроугоу)
	Д. Тв.	ròđoma	(родома)	drùgoma	(дроугома)
Мн.	И. З.	ròđ'i	(роди)	drùz'i	(дроузи)
	Р.	ròdъ	(родъ)	drùgъ	(дроугъ)
	Д.	rodòmъ	(родомъ)	drugòmъ	(дроугомъ)
	В.	rodỳ	(роды)	drugỳ	(дроугы)
	Т.	ròdy	(роды)	drùgy	(дроугы)
	М.	rod'ѣ̀хъ	(родѣхъ)	druz'ѣ̀хъ	(дроузѣхъ)

Здесь приведены два образца: в первом (rodъ) согласная основы в некоторых падежах заменяется соответствующею мягкою согласною, а именно перед окончаниями *-e*, откуда *ä* в звательном, *ѣ* (т. е. *iė*) в местном единственного и множественного, *i* в именительном множественного; во втором (drugъ) задненебная (*k*, *g*, *γ*, *x*) согласная основы перед теми же окончаниями, смягчаясь, заменяется соответствующею шипящею (*č*, *ž*, *š*) перед *e* в звательном, соответствующею свистящею (*c'*, *z'*, *s'*) перед *i*, *ѣ* в местном единственного и именительном множественного; ср. еще rakъ — račò (раче), rac'i, rac'ѣ; sapogъ — sapoz'ѣ, sapoz'i; boγъ — božò, boz'i, boz'ѣ; gorohъ — gorošò[1], goros'i, goros'ѣ; имя собственное Ol'ьgъ — звательное Ol'ьžò (Ольже) и т. п.

[1] В рукописи goroše. *(Ред.)*

В обоих образцах видим слова с подвижным ударением. Примерами для слов с ударением неподвижным могут быть: bràtъ, gorò̀xъ, grà̀dъ, plûgъ, svà̀tъ, morò̀zъ, łûkъ — с одной стороны (в них ударение всегда на основе); pò̀rъ, sapò̀gъ, sudъ, grȅ̀xъ — с другой стороны (в них ударение на падежных окончаниях, кроме окончания -ъ).

Приведенные в образцах падежные формы восстанавливаются: 1) сопоставлением с другими славянскими языками, ведущим к восстановлению форм общеславянского праязыка; 2) данными памятников древнерусского языка; 3) свидетельством форм современного русского языка во всем его объеме.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке восстановленные формы находят себе полное соответствие, если оставить в стороне звуковую сторону падежных окончаний; только в творительном единственного окончанием в старославянском является не -ъмь, а -ѣмь; -ъмь встречается как исключение: Зогр. ев.: гласъмь, сънъмь, слоухъмь; Син. псалт.: законъмъ, рабъмъ, штитъмь, гласьмъ; Син. молитв.: гласъмь; Супр.: гладъмъ, сънъмъ, трепетъмъ и др. Винительный от одушевленных встречается в форме родительного: оупъва на бога, благословн бога, нмъ Ноана, възьрѣ на Петра; но рядом и: прнзовн мѫжь.

В польском языке отметим: звательный единственного — panie, boże, człowiecze, др.-польск. dusze; винительный единственного — др.-польск. człowieka, gospodyna, czeliadzina, Marcina (от имен одушевленных) при skotъ, sokoł, mir, duch; творительный единственного — panem, listem, głosem и т. д. (*-em* восходит к *-ъmь*); именительный-винительный двойственного — др.-польск. dwa szczyta; родительный двойственного — dwu panu, dwu bogu; местный двойственного — na obu boku, na obu, dwu rogu; дательный — bratoma; творительный — dwiema zakonoma; именительный множественного — sąsiedzi, chłopi, kapłani, Włosi; родительный множественного — др.-польск. ząb, sąsiad, woz, do tych czas; дательный множественного — panom, dworom; творительный множественного — др.-польск. pany, skoty, braty, strachy; местный множественного — др.-польск. na woziech, w prorociech, w grzeszech, w zębiech. В сербском: лаве, друже, човјече; винительный единственного — др.-сербск.: уз конь, бијуһ скот; в современном только — друга, лава от одушевленных; местный единственного — др.-сербск.: градѣ, граде, бозѣ, двори; современ. чакавск.: časi, vlasi,

va gradi, na brigi; именительный-винительный двойственного — др.-сербск.: дьва винограда, в̈ чловѣка; родительный-местный двойственного — др.-сербск.: апостолоу, по двею чловѣку; дательный-творительный двойственного — др.-сербск.: господинома, чловикома; именительный множественного — друзи, лави; творительный множественного — др.-сербск.: дари, гради, лави; современ. чакавск.: vlasi, časi, kosci, popi; местный множественного — др.-сербск.: народих, дворијех, језицијех, современ. чакавск.: susedih, krȍvih, časīh, vlasih.

Примеры из древнерусских памятников.

Именительный единственного: пьсъ, повозьникъ, дългъ, стълпъ, Жит. Феод. по сп. XII в.; Мьстиславъ, Гр. 1128—1132.

Зват. ед.: брате, Лавр., Виленск. сп. Западнорус. лет.; господине, Догов. ок. 1433, № 46; человѣче, Еванг. XIII в., № 6, 113а; вороже, Ипат., 76в; Рюриче, ib., 203б; Кюриче, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 36); яр туре Всеволоде, Сл. о п. Иг., 13.

Род. ед.: города, Къıѥва, Глѣба, Жит. Феод.; ѿ лѣса, Дв. гр. XV в., № 22.

Дат. ед.: овадоу, городоу, Жит. Феод.; б҃у, д҃ху, Д҃вду, Рюрику, Борису, Лавр.; по врагу, Дв. гр. XV в., № 27.

Вин. ед.: хълмъ, дворъ, возъ, Жит. Феод.; на б҃ъ, на братъ свои, въ новъıй Адамъ облечесѧ, чему ѥси слѣпилъ братъ свои, налѣзоша бъıкъ великъ и силенъ, посла^{х} ѡтрокъ свои, бѣ бо имущи презвутеръ, на сн҃ъ твои, за челѧдинъ, Лавр.; тивоунъ свои дьржати, Новг. догов. 1265, № 1; а в ладогоу ти кн҃же слати ѡсетрьникъ и медовара, ib.; а за холопъ за робу за поручникъ за должникъ за та тѧ не стоѩти, Новг. дог. 1373, № 17; послалъ посолъ свои Вѧчеслава, Ипат., 264а; посади посадникъ свои, ib., 30б; своѩкъ свои, Новг. 1-я, 89; нѣмецкъıи посолъ, Гр. 1189—1199 (в копии ок. 1263); на богъ, Виленск. сп. Западнор. лет.; оубѣжить въ хоромъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 30); брата, человѣка, Петра, Изѧслава, еже такого свѣтильника имать в области своеи, Жит. Феод.; ѩзъıкъ на ѩзъıка, Гал. ев. 1144, 100а; похвати бъıка, на Ѡлга брата своего, вдаи съıна своего, Лавр.; на посадника и на вс҃ь Новгородъ, Новг. дог. 1270, № 3.

Твор. ед.: макъмь, б҃ъмь, съмъıслъмь, подвигъмь, одръмь, Жит. Феод.

Местн. ед.: столѣ, возѣ, вѣцѣ, соусѣцѣ, страсѣ, Жит. Феод.; въ томь портѣ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., 11, 53); на носѣ, Лавр. 314; въ хлѣбѣ, Новг. дог. 1471, № 20; на судѣ, Двинск.

гр. XV в., № 87; Новѣгородѣ, Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Остр. ев.; на Волоцѣ, Новг. дог. 1265, № 1; в Прилуцѣ, Гр. 1434—1447 (А. Калач., I, № 31); по сроцъı, Гр. 1588 (А. Ю., № 251); въ пламянѣ розѣ, Сл. о п. Иг., 20.

Им.-вин.-зват. дв.: а иже то роспустилаѧ малжена, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 48); апла (им.), слоуха, псалма (вин.), Жит. Феод.; межи вала, Ипат., 83г; посла попа своѭ, Ипат., 217г; 2 братеника, Лавр. 458; се б҃а твоѭ Лавр; в҃ чума, Дух. Моск. 1328.

Род.-местн. дв.: рабоу (род.), Жит. Феод.; на двоу двороу, Ипат., 279а; по wц҃и и по братоу, ib., 57б; раб҃у б҃ию, Парем. 1313 (Каринский); въ двоу посадоу, Новг. гр. до 1308, № 6; аже не боудѣтѣ двою послоухоу, Гр. 1229 (А).

Дат.-твор. дв.: с клеветникома, Новг. 1-я, 146; снъ̃кома, Ипат. 62в; межи валома, ib., 81а; со сима wтрокома, ib., 91а; межи wбѣима полкома, Ермол., 46в; ко братома, Ипат., 224а; съ городскимъ или съ волостнъıмъ человѣкома, Гр. 1437—1461 (А. А. Э., I, № 35); обѣима полкома, Ипат., 110г, соколома (дат.), Сл. о п. Иг., 24; мальженома, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 50).

Им.-зват. мн.: человѣци, Жит. Феод.; дѣди, Новг. гр. 1265, № 1, Новг. 1-я, 158; дьıкони, Ипат., 67б; игумени, дьıкони, Гр. 1468 (А. А. Э., I, № 85); тивоуні, Гр. 1439 (А. Калач., I, № 31); отроци, Жит. Феод.; бобровьници, Гр. 1423 (А. Калач., I, № 31); намѣстници, Гр. 1391—1425 (ib.); сли, Ипат., 21б; паробци, ib., 286г; конюси, ib., 286г; холопи, ib., 193в; послуси, Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Дв. гр. 1535 (Собр. Бел., № 8), Дв. гр. XV в., № 17, Дух. Калиты 1328; мои сусѣди, Дв. гр. XV в., № 117; стязи, Сл. о п. Иг., 7; вьются голоси, ib., 45.

Род. мн.: городъ Дунайскъıхъ, Лавр.; возъ по собе не возаше, Лавр.; а хоромъ на томъ дворѣ, Гр. 1589 (АЮ, № 91); двоихъ жерновъ, Гр. 1652 (А. Калач., II, 513); моихъ портъ, Дух. Калиты 1328, № 21; хлѣбъ, съръ, Жит. Феод.; городъ, Новг. 1-я, 194; хоромъ, Ипат., 79в; триста берковъскъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 58г; зубъ, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 216в; велики кн҃зеи прадѣдъ и дѣдъ, Гр. 1425—1462 (Сборн. Мух., № 34); проити порогъ грѣхъ ради нашихъ, съгладахъ колодникъ, w҃ инѣхъ городъ, Лавр.; w҃ дѣдъ, Новг. гр. 1265, № 1; ѣ̃ годъ, Дв. гр. XV в., № 98; смердъ дѣла, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 147); колико боудеть возъ оукрадено, Русск. Пр. (Р. Д., I, 52).

Дат. мн.: часомъ, правьдьникомъ, Жит. Феод.; позовнико$^{\bar{м}}$, Новг. гр. 1471, № 20; по берего$^{\bar{м}}$, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); полкомъ, Виленск. сп. Западнорус. лет.; къ Трокомъ, ib.; намѣсткумъ, Молд. гр. 1433, № 31; пса моклокомъ, а ему то и по зубомъ, Послов. XVII в. (Симони, 162).

Вин. мн.: тиоунъı, оукроухъı, плодъı, Жит. Феод.; Вълохъı, Ипат., 10б; городъı, Лавр. 311; про послъı, Новг. гр. 1270, № 3; а холопъı и долъжникъı и поручникъı въıдавати по исправѣ, Новг. гр. до 1301, № 4; а что поимали на Вологдѣ кречетъı и серебро, Новг. гр. 1317, № 14; свои намѣстникъı... свести, Новг. гр. 1373, № 17; лоскутъ земли на $\bar{д}$ пузъı, Дв. гр. XV в., № 3; лѣсъı, Дв. гр. XV в., № 97; бобръı бити, Дв. гр. XV в., № 108.

Твор. мн.: грѣхъı, троудъı, съвьрьстьникъı, Жит. Феод.; послоухъı, Гр. 1189—1899 (ок. 1263); з бортники и с оброчники, Дух. 1371, № 30; съ сеннъıми наволоки, Дв. гр. XV в., № 33; тими лоскутъı, Дв. гр. XV в., № 77; с послъı Новгородьскъıми, Новг. гр. 1314, № 12; с притеребъı, Дв. гр. XV в., № 1; с наволокъı с ъистокъı, Дв. гр. XV в., № 122; с бобровъıми гонъı, с огородъı, со всеми вжитки и доходъı, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); коулаки бьıють, порокъı бити, Увар. сп. Западнорус. лет.; со ѡхонтъı, Хожд. Афан. Ник., 385а; съ ящики, Послов. XVII в. (Симони, 77); глазъı пива не въıпить, ib., 90; грѣхи со смѣхи избъıваютъ со слезами, ib., 91; гнѣвливъ з горшки не ѣздитъ, ib.; мухи с обухи, клопъı с ослопъı, комаръı с топоръı, тораканъı з самапалъı, сверчки с лучки, ib., 121; чево глазъı не доглядишъ, то мѡщною доплотиш, ib., 156; ѣсть арбузы ходить с гологузъı, ib., 160.

Местн. мн.: возѣхъ, скотѣхъ, Жит. Феод.; в сусѣдехъ, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 237б; в доспѣсе$^{\tilde{х}}$, Хожд. Афан. Ник.; приказницѣ$^{\tilde{х}}$, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31); на веблоуде$^{\tilde{д}}$, w члонце$^{\tilde{х}}$, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); у портехъ$^{\tilde{х}}$, при своихъ животехъ$^{\tilde{х}}$, у Троицехъ$^{\tilde{х}}$, Виленск. сп. Западнорусск. лет.; на поручницѣ$^{\tilde{х}}$, Догов. 1368 (XV), № 28; на лузѣ$^{\tilde{х}}$, Гр. 1462—1505 (С. М., № 50); на многихъ роцѣхъ$^{\tilde{х}}$, Гал. гр. 1404; при послусѣхъ$^{\tilde{х}}$, Гр. 1229 (А); на плоте$^{\tilde{х}}$, на возе$^{\tilde{х}}$, Домостр. Конш. 40; в полѣхъ, Послов. XVII в. (Симони, 148); въ лесѣхъ, Дв. гр. XV, № 80; в лѣсѣхъ, Дв. гр. XV в., № 116; в порозехъ, Ермол., 13 об.

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: белорус.— человече, Новогр. (Отв. № 29); гороше, Пинск. (Отв. № 3); пане, друже, дубе, боже, Пруж. (Отв. № 9); воўче, Дисн. (Отв. № 6); куме, Новоалекс. (Отв. № 11); божа мой, Минск. (Отв. № 23); укр.— брате, козаче, народе, друже, вовче.

Твор. ед.: укр.— братом, паном.

Местн. ед.: великорус. — на угле, в суде, во лбе, в заде, Холмог. (Отв. № 50); в саде, Шуйск. (Отв. № 19); в лесе, Гдов. (Отв. № 11); южновеликорус. диалект.— на парозе, Грайвор. (Отв. № 279); у Прося в гарося, Обоян. (Резанова); на бе́рези, на верся, Новосил. (Тр. диал. комм., I); белорус.— ў леси, Минск. (Отв. № 23); кожуси, бе́рези, Пинск. (Отв. № 1); у парозе, у гаросе, Игум. (Отв. № 8); при бе́резе, на стозе, на дубе, у садзе, ib.; na lodzi, Волков (Federowski, I, 42); ŭ łuzie nad rakoj, Свенц. (Zbiór wiad., XVII, 167); укр.— в но́сі, на бе́резі, в горо́сі, в лу́зі, на то́рзі, на ро́зі, на ве́рсі; угрорус.— зу́бі, Верхр., I; на боцьі, ib., II.

Вин. ед.: угрорус.— про милый біг, Верхр., II.

Им. мн.: великорус.— холопи, соседи, черти, льни, суседи, Мышк. (Отв. № 78), кресми (в картах), льни, Петроз.; аньдели, Шенк. (Плечев. Арх. II Отд.); белорус.— черци, гони, цыгани, Могил. (Отв. № 4); черци, суседзи, гони, Слуцк. (Отв. № 5); укр.лемк.— птаси, друзи, дуси, пастуси, урядници, парібци, рыбаци, Верхр., I; угрорус.— пастуси, волци, вояци, Верхр., II.

Род. мн.: великорус.— без зуб, Скоп. (Будде); карта ап трех hлас (глаз), Скоп. (Будде); шесть год, Великолуц. (Отв. № 45); сем гот, Жиздр. (А. Никольский); воло́с, пуд, аршин, солда́т, чулок, сапо́г; белорус.— глаз, рог, Быхов. (Отв. № 16); 5 год, Новоалекс. (Отв. № 14); укр.— чобіт, сто во́рог, сім рік, сто раз; угрорус.— сім год, шість віз, сім рік (Огоновский); укр.— пять аршин, сім сяг, сто раз (Осадца).

Дат. мн.: белорус.— к брато́м, Быхов. (Ром., III, 94); к тром кустом, Рогач., ib., 152; паном, пастухом, Себеж. (Отв. № 28); зубом, Минск. (Отв. № 7); паном, Могил. (Отв. № 4); пятухом, Быхов. (Ром. III, 343); зубцом, Новогр. (Отв. № 29); укр.лемк.— стромім, псім, быкім, Верхр., I; угрорус.— псім, хлопім, снопім, Верхр., II; угрорус.— псом, быкӧм, воўкӧм, Верхр., I; (*ӧ* читайте как немецкое *ü*); бойк.— псім, Огоновский.

Вин. мн.: укр.угрорус.— волкы, Верхр., II; укр.— топчи вороги під ноги, Тимченко.

Твор. мн.: великорус.— со кресты пойдуть на воду, Борович, (Пардалоцкий, Обл. сл., 112); укр.угрорус.— трьома годы́, з свойіма хло́пы, Верхр., I; лемк.— пред образы, давными часы, Верхр. II; бере́гы, плу́гы, цьві́ты, виноградъ, Огоновский.

Местн. мн.: укр. лемк.— о перших кочутьіх, Верхр.; бойк.— возіх, версіх, Огоновский; угрорус.— в сусідіх, на псіх, Верхр.

Замечания к отдельным падежным формам.

В именительном падеже единственного числа вместо окончания *-ъ* является окончание *-о* в именах собственных, означающих лица. Происхождение этого окончания не ясно; но вероятнее всего думать, что еще в общеславянском праязыке в форме звательного падежа явилось новообразование, состоявшее в замене окончания *-е* окончанием *-о*; это *-о*, как кажется, заимствовано из тех основ на *-ā*, которые по своему значению перешли в мужеский род (sługo, vojevodo и т. п. при sługa, vojevoda). Формы звательного падежа получили значение именительного падежа. Ср. в церковнославянских памятниках формы именительного единственного, как Вакъхо, Маръко, в др.-сербск.— Клименьто, Марько, Павло, Филипо, Михаило (XV в.), Александро, Данило, Исидоро, Поликарпо (в позднейших текстах); в современ. сербск.— Мójсило, а также hypocoristica как Пе́ро, И́во, Кри́сто, Ра́до; чакавск.— Fránko, Frdinándo, Sāndrô (звat. Sândro). Приведу примеры из древнерусских памятников: Ѡлександро, Ипат., 256а; Лестько, ib., 246а; Малко, Лавр.; Данило, Федорко, Гр. 1284; Марко, Новорос. сп. Новгор. 4-й, 110а; Алеѯандро, Гр. 1529 (Собр. Бел., № 47); Данило, Дух. Климента XIII в., Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 63); Михаило, Гр. 1448—1468 (А. Калач., I, № 35); Содко, Новг. 1-я, 6 в; Марко, Сотко, Михаило, Курило, Личко, Степанко, Лет. Авр. (Карский); Машко, Новг. гр. 1314, № 12; Гаврило, Дв. гр. XV в., № 132; Дюдьтко, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); Семянко, Гр. до 1491, ib., № 7; Шварно, Ипат., 287г; Мишко, Ивашко, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); Спытко, Александро, Увар. сп. Лит. лет.; мъı Александро, Молд. гр. 1402, № 15; Костько, Гал. ев. 1378; Бенко, Воронко, Гр. Галиц. 1398; Лехно, Ходько, Гаврилъко, ib.; Ходоро, Гал. гр. 1400; на семь кназь Михаило целуя кртъ Новг. гр. до 1301, № 5; ср. еще немецкое имя в форме Гѣлмико, Рижск. гр. 1285 (Р. Л. А.). Все эти имена в остальных падежах образовывали формы от основ мужеского рода на *-ŏ*: оу Машка, Новгор. гр. 1314, № 12; Мартънъкомъ, Дв.

гр. XV в., № 86; и зъ Гриньком, Гал. гр. 1409. В современном языке находим: великорус.— Гашкó, Пашкó, Ванькó, Холмог. (Отв. № 50); белорус.— Пятрó, Могил. (Отв. № 4); Петрó, Данúло, Быхов. (Отв. № 9); Змитрó, Речицк. (Отв. № 17); укр.— Павлó, Петрó, Марко, Карпó, Дмитро, Левкó, Данúло, Овéрко, Володько и др. Относительно ударения отметим, что двусложные имена (но не имена на *-ко*, которые были раньше трехсложными) переносят его на окончание; быть может, в древнем языке этот перенос ударения отличал форму именительного единственного от формы звательного единственного, сохранявшей ударение на первом слоге. Окончание *-о* из имен переносилось и в некоторые нарицательные, обозначавшие лица; ср.: пано Яшко Мазовшанин, Гал. гр. 1400; такого же происхождения *-о* в *батюшко, дядюшко,* ср. северновеликорусское произношение этих слов, а также украинское *бáтько*.

Предложенное объяснение окончания *-о* в именительном единственного имен мужеского рода дает основание выводить окончание *-е* в именительном единственного имен того же рода из формы звательного единственного. Приведу примеры из памятников: Акиме, в приписке к Минее 1096 года; Павле, Дмитре, Петре, Иване, Ѳнтоне, Костантине, Смене, Филиксе, Дв. гр. XV в.; Веньямине, Палея 1494 (Каринский); Александре Фомини, Лет. Авр.; Иване, Федоре, гр. 1539 (Барсов, Палеостр., 129); Иванѣ, Олѣксандрѣ, Дв. Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9). Из таких имен *-е* переносилось на место *-о* в именах на *-ко*: Савке, Кондратке, Васке, Дв. гр. XV в., вм. Савко и т. д., а также в именах на *-но*: Грихне, Дв. гр. XV в.; Грихне Новгородець, Гр. 1462—1505 (Собр. Мух., № 46). Самостоятельное употребление без предшествующего имени отечественных имен на *-овъ* и на *-инъ* имело следствием образование ими звательного падежа; формы на *-ове*, *-ине* употреблялись также и в именительном падеже, переносясь и в такие случаи, где отечественное имя сопровождало личное имя: Демиде Волосове сынъ Сукова, Гр. 1539; Иване Ѳомине, ib.; Смене Ночине, Дв. гр. XV в., № 86. О появлении *-е* в окончании именительного единственного имен нарицательных скажу впоследствии.

Как видно из приведенных выше примеров для винительного падежа, имена, означавшие лица, долго удерживали рядом с новой формой этого падежа, тождественной с формой родительного падежа, и древнюю форму его, тождественную с именительным

падежом. Каждый случай употребления такой древней формы винительного падежа заслуживает ближайшего внимания; в числе условий, благоприятствовавших ее сохранению, укажу: 1) соединение с притяжательным местоимением *свой*: очевидно, соединение существительного с *свой* само по себе было достаточным указанием на то, что здесь не может быть речи об именительном падеже; поэтому не было необходимости прибегать к замене его формой родительного падежа; 2) употребление в виде приложения к другому существительному: *сына же своего Ярославъ посади Туровѣ*, Лавр., 298; 3) употребление при приложении, уже принявшем форму родительного вместо винительного: *послалъ посолъ свои Вячеслава*, Ипат., 264а; 4) употребление при стоящем рядом существительном, принявшем форму родительного вместо винительного: *слати wсетрьникъ и медовара*. Насколько распространилось в древнем языке употребление форм на *-а* на имена, означающие неодушевленные предметы, не ясно; ср. приведенное выше *свѣтильника*; ср. в позднейшем языке: *плѣни Иерл̂ма, положіша Иерл̂ма wко wвощное хранилище*, Лет. Авр.

В древнем языке не встречается случаев замены винительного множественного формой родительного множественного в именах, означающих одушевленные предметы; очевидно, эту замену нельзя возвести к общерусскому праязыку, где винительный множественного имел другое окончание, чем именительный множественного, а потому не мог быть с ним смешан. Но различение именительного и винительного падежей особыми формами в одушевленных предметах в единственном числе не могло не отразиться на различении именительного и винительного падежей в одушевленных предметах в двойственном числе, ибо оба эти падежа исконно имели одну форму; и действительно, можно привести из древних памятников примеры для замены винительного двойственного родительным падежом двойственного числа в именах, означающих одушевленные предметы, например: *снѣде кудесника*, Ипат. под 1071 годом; *перенесоша братья вся святою мученику Бориса и Глѣба*, Лавр. 276.

Как видно из второго образца, в соответствии с задненебными перед окончаниями с переднею гласною являлись шипящие или свистящие согласные; перед *е* в звательном единственного вместо *k*, *g* (γ), *x* являлись *č*, *ž*, *š*, перед *i* в именительном множественного, *ѣ* в местном единственного и множественного являлись *c'*,

z', *s'* (примеры из памятников приведены выше). Но, по-видимому, еще в общерусском праязыке группы *sk'*, *zg'* вытесняли группы *s'c'*, *z'ʒ'* в окончании основы в формах местного единственного и множественного числа. Ср., например, *воскѣ* вместо *восцѣ* в XIII Сл. Гр. Бог.; укажу еще примеры: Смоленьске, Новг. 1-я, 93; оу Смоленьскѣ, Ипат., 84б; в Туринскѣ, ib., 92а; на Долобскѣ, ib., 95б, Свирильскѣ, ib., 212б, Дъбрѧнскѣ, ib., 124в; Коурьскѣ, Новорос. сп. Новгор. 4-й, 113б; Смоленьскѣ, 111в; в Полоцкѣ, Тр. сп. Новг. 1-й, и т. д. Рядом продолжали существовать и формы на *-сцѣ*; ср. *Смоленьще* в Риж. гр. ок. 1300, где *šč* (*щ*) из *s'c'* в результате диалектического звукового изменения. Случай, как *архистратиге* — зв. ед., Минея XI в., № 179, 34а и 345б (при *архистратиже*, 33б, 34а, 35а), можно признать грецизмом.

2. Основы на смягченные аффрикаты *c'* и *z'*

В общеславянском праязыке *c'* и *ʒ'* (откуда в общерусском *z'*) восходят в относящихся сюда именах к *k* и *g*, перешедшим в *k'* и *g'* и далее в *c'* и *ʒ'* под влиянием предшествовавших им гласных переднего ряда *i*, *ь*, *ę*. Вследствие этого изменения окончания основы подверглись изменению, а частью замене падежных окончаний; заменялись они окончаниями, заимствованными из склонения основ на мягкие согласные. Только форма звательного падежа осталась без изменения, и эта форма отличает склонение относящихся к настоящему отделу основ от склонения основ на мягкую согласную.

Ед.	И.	ot'ьc'ь	(отьць)	Мн.	И. З.	ot'ьc'i	(отьци)
	З.	ot'ьčǒ	(отьче)		Р.	ot'ьc'ь	(отьць)
	Р.	ot'ьc'a	(отьца)		Д.	ot'ьc'ǒmъ	(отьцемъ)
	Д.	ot'ьc'ŭ	(отьцоу)		В.	ot'ьc'ѣ	(отьцѣ)
	В.	ot'ьc'ь, -a	(отьць, -а)		Т.	ot'ьc'i	(отьци)
	Т.	ot'ьc'ьm'ь	(отьцьмь)		М.	ot'ьc'ixъ	(отьцихъ)
	М.	ot'ьc'i	(отьци)				
Дв.	И. В. З.	ot'ьc'a	(отьца)				
	Р. М.	ot'ьc'ŭ	(отьцоу)				
	Д. Т.	ot'ьc'ǒma	(отьцема)				

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке находим те же формы, что в древнерусском, оставляя в стороне отличия в произношении; но в тво-

рительном падеже не *-ьмь*, а *-емь*: отьцемь, кънязѣмь; однако отьцьмь в Супр. и Савв. кн., в винительном множественного *-ѧ* (ѩ), восходящее, так же как русское *ѣ*, к общеславянскому *ѣ*. В сербском отметим звательный единственного: др.-сербск. — кнеже, витеже, wтьче; современ.: скупче от *скупац*, старче, оче, кошче от *косац*; творительный единственного: старцем, скупцем, древн.: кнеземь; местный единственного: древн. — отьци; винительный множественного: скупце, древн. — кнезе (с *е* из *ѣ*); творительный множественного: древи. — мѣсеци, пиѣнези; местный множественного: древн. — трьговцихь. В польском звательный единственного: księże, starcze, skąpcze; творительный: kupcem; винительный множественного: zające, древн. ojce, Niemce; местный единственного: древн. na stolcy, na garncy, именительный множественного: древн. młodcy, otcy, mędrcy, Niemcy, творительный множественного: древн. pieniędzy, ojcy.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: кнѧзь, старьць, чьрньць, Жит. Феод., XII в.

Зват. ед.: оче, чьрноризьче, Жит. Феод.; wтьче, Новг. гр. до 1301, № 4; кнѣже, Новг. гр. 1265, № 1; кнѧжо, Риж. гр. ок. 1300; о Донче словутичю, Сл. о п. Иг., 41.

Род. ед.: старьца, оц҃а, Жит. Феод.; кнѧза, ib.; оу Новгородца, Новг. гр. до 1305, № 10.

Дат. ед.: чьрьноризьцю, скопьцю, Жит. Феод.; кнѧзю, Новг. гр. 1265, № 2; Новгородцю, Новг. гр. до 1305, № 10; къ wтьцю, Новг. гр. до 1301, № 4.

Вин. ед.: коньць, вѣньць, Жит. Феод.; приѣша кнѧзь, Ипат. 64в; с̃новьць, соуждальць, Новг. 1-я, 55, 73; тивоунъ свои дьржати на своѥи части дьржати, а новъгородьць на своѥи части дьржати, Новг. гр. 1265, № 1; вземши младенець, Лавр.; роптати на кнѧзь, хоче за вашь кнѧзь, Лавр.; оц҃а, кнѧзи, Жит. Феод.; кнѧза, Новг. гр. ок. 1300; на кнѧза своего, преда кнѧза своего, Лавр.; слати Новгородца, Новг. гр. 1265, № 2; тивоунъ свои дьржати на своѥи части, а Новгородца на своѥи части, Новг. гр. до 1305, № 9.

Твор. ед.: кнѧзьмь, оц҃ьмь, коньцьмь, Жит. Феод.; кнѧземь, Новг. гр. до 1305, № 10; с Новгородцѣ, Новг. гр. до 1461, № 18; оц҃ьмь, Мстисл. ев. XII в.

Местн. ед.: коньци, оц҃и, Жит. Феод.; по wц҃и, Ипат., 53б; в Людини коньци, Новг. 1-я, 108; при кнѧзи, Парем. 1313 (Каринский); при wц҃и твоѥмь, Новг. гр. до 1305, № 10.

Им.-вин. дв.: два кнѧзѧ Половѣцкаѡ, Ипат., 245в.

Род.-местн. дв.: дву кнѯю, Ипат. 182в; тою зломъысльною кнѯю Новг., 1-я, 178; ѿ двою ѿцю, Ипат. 31б.

Дат.-твор. дв.: къ обѣма кнѯзема, Новг. 1-я, 197; чьрьноризьцема, Жит. Феод.; стрѣлцема, Луцк. гр. 1445.

Им. мн.: новотържьци, Новг. 1-я; кнѧзи, Жит. Феод.; князи, Лавр. 298; колодѧзи, Дв. гр. XV в., № 98.

Род. мн.: ѿ кнѧзь, Новг. 1-я, 151; Новгородьць, ib., 165; wто всихъ кнѧзь, Ипат., 94в; Половець, Ипат., 252а; ѿ немець, Гр. 1284; коупѣчь, Гр. ок. 1300; чьрньць, коузньць, Жит. Феод.; от Половець, Лавр., 289; бес трии мць, Новг. 1-я, 38; ѿ оц̑ь, Новг. гр. 1265, № 1; оу коупѣць, Новг. гр. до 1305, № 9; из нѣмець, Новг. гр. 1471, № 20.

Дат. мн.: Новгородьцемъ, Новг. гр. 1265, № 2; новъторжцемъ, Новг. гр. до 1461, № 18; кнѯем̑, Новг. гр. 1471, № 20; черньцемъ, Дв. гр. XV в., № 9; коупьцомъ, немьцомъ, Гр. 1284; коупцомъ, немцомъ, Гр. 1229 (Д); не всѣмъ чернцомъ в ъигумнахъ бъыть, Послов. XVII в. (Симони, 126).

Вин. мн.: новгородцѣ, Новг. 1-я, 161; кнѯѣ, Ипат., 178а, жьрьцѣ, Стих. XII в., № 279, 117в; кънѧзѣ нашѣ, ib., 116в, мцѣ, Новг. 1-я, 40; хлѣбьцѣ, Жит. Феод.; болѧрьцѣ, Володимерцѣ, письцѣ многъı, такъı черньцѣ, черноризьцѣ, в Половцѣ, Лавр.; за Нѣмцѣ, Новг. гр. до 1305, № 11; черѣ wц̑е, Зап.-рус. сб. XV в., № 391 (Карский); про коупче Новгородьскъıѭ, Новг. гр. до 1270, № 3.

Твор. мн.: кнѧзи, Жит. Феод.; съ Новгородци, Новг. гр. 1265, № 1; съ всими князи, Виленск. сп. Зап.-рус. лет.; д̄ гривнъı коунами или пенязи, Гр. 1229 (Д); с пѣнязи, Зап.-рус. сб. XV в., № 391 (Карский); с кнѧжьwстровци, Дв. гр. XV в., № 81; с Нѣмчи, Новг. гр. 1371, № 8; з женою и з домочатцы, Домостр. Конш. 11; со многими иноземцъı, ib., 62.

Местн. мн.: кнѯихъ, Новг. 1-я, 195; кнѧзихъ, Жит. Феод.; торговьцихъ, Гр. 1284.

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: укр. — мѣсяче, Осадца; хлопче, отче, кравче; белорус.— хлопче и хлопча, Новогр. (Отв. № 29).

Твор. ед.: укр.— хлопцем.

Местн. ед.: укр. галицк.— хлопци; белорус.— живе у канцы вёски, Свенц. (Отв. № 13); у царським дворцы, Рогач. (Ром., III, 385); па кансу, Волков. (Federowski, I, 15); южновеликорус.— на етам канцы, Мосал. (Шахм.).

Дат. мн.: укр. диалект.— хлопцім; лемк.— вітцьім (Верхр. I).

Вин. мн.: укр.— кінці, місяці.

3. Основы на прочие смягченные согласные и на *i̯* (*j*)

Все эти основы восходят к древним основам на *-jŏ*. Падежные окончания совпадают со склонением основ на твердую согласную только в род. ед. *-a*, им.-вин. дв. *-a*, дат. ед. *-u*, род.-местн. дв. *-u*, им. мн. *-i*; в других падежах окончания твердых основ изменились под влиянием предшествующего *j*: вместо *-ъ* находим в им.-вин. ед., твор. ед. и род. мн. *-ь*, вместо *-o* — *-e* (откуда *ȯ* перед твердой согласной), вместо *-ѣ* (из *oi*) в местн. ед. и мн.— *-i* (из *ei*), вместо *-y* (из *o-i*) в твор. мн.— *-i* (из *e-i*), вместо *y* (из *ъns* — *ons*) в вин. мн. *ѧ* (из *ѧ* — *ens*). Возможно, что *-u* в дат. ед., род. местн. дв. отличалось после *j* и смягченных согласных от *-u* после твердых согласных и приближалось к *-ŭ* (изображаю этот звук через *u*). О происхождении окончания зват. ед. на *-u* см. ниже.

Рассмотрим отдельно в двух парадигмах склонение основ на *i̯* (*j*) и основ на смягченную согласную. Отличие замечается в формах им.-вин. ед., род. мн. и твор. ед., т. е. там, где после смягченных согласных является *ь*; это *ь* после *i̯*, становившегося слоговым, переходило в *ъ* и, по-видимому, отпадало еще в общеславянском праязыке; предшествующее *i* было звуком слоговым, но не полного образования: kraį вместо kraiь (из kraįь); в положении перед слогом с звуком *ь* слабым такое *į* переходило в *i* полного образования.

Ед.	И.	krài	(краи)	mùžь	(моужь)
	З.	krài̯ù	(краю)	mùžù	(моужю)
	Р.	krài̯a	(краа)	mùža	(моужа)
	Д.	krài̯ù	(краю)	mùžù	(моужю)
	В.	krài	(краи)	mùžь, -a	(моужь, -а)
	Т.	krài̯mь	(краимь)	mùžьmь	(моужьмь)
	М.	krài̯i	(краи)	mùži	(моужи)

Дв. И. В. З.	krajà	(краѧ)	mužå	(моужа)
Р. М.	krajù	(краю)	mužù	(моужю)
Д. Т.	kràjema	(краѥма)	mùžòma	(моужема)
Мн. И. З.	kràji	(краи)	mùži	(моужи)
Р.	kràj	(краи)	mùžь	(моужь)
Д.	krajèmъ	(краѥмъ)	mužòmъ	(моужемъ)
В.	kraìѣ	(краѣ)	mužѣ	(моужѣ)
Т.	kràji	(краи)	mùži	(моужи)
М.	krajìxъ	(краихъ)	mužìxъ	(моужихъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке в общем те же падежные окончания, что в древнерусском. Но в творительном падеже находим: краѥмь, мужемь; впрочем, в памятниках встречаются и формы с -ымь в единичных случаях, как плачьмь, Супр., сѣньрьмь, Зогр. ев., и соответственно с этим после гласной -нмь: оукроѣнмь, Ассем. ев., ср. др.-русск.— *краимь*. В винительном множественного находим, конечно: краѣ, мужа. В сербском находим: краљем, змајем, др.-сербск.— зноием; звательный единственного: краљу, змају, мужу; местный единственного: чакавск. kraji, nožі, древн.— цари, кони, крагуи; родительный множественного: древн.—конь, царь, краи; дательный множественного: древн.— царемь, коњем, мужем; винительный множественного: краље, змаје; творительный множественного: чакавск.— miši, biči, древн.— кони, мачи; местный множественного: чакавск.— miših, древн.— крајих, конихь, царихь; родительный двойственного: древн. — врачю. В польском: творительный единственного — mężem, krajem (причем krajem заменило предположительно *kraim под влиянием mężem, koniem и т. п.; уже в Флор. псалт.— olejem); звательный единственного — koniu, kraju, mężu; именительный множественного — древн. panicy, strozi (=stroży), dziedzicy; винительный множественного — kraje, konie, древн.— mąże, stryje; творительный множественного древн.— rodzicy; именительный двойственного древн.— dwa konia, dwa krola; родительный двойственного: dwa krolu, dwu koniu, dwu groszu; местный двойственного: o dwu strożu.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: моужь, ключь, дъждь, Жит. Феод.; обычаи, покои, ib.

Зват. ед.: строю, Ипат., 293в, 301б; Игорю, ib., 217б, wстръи мечю, ib., 250г; Лоука Иванковичю, ib., 284а; w милъи приятелоу,

Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); ѡ преневѣрнъıи злодею, ib.; соловію стараго времени, Сл. о п. Иг., 6; Игорю, ib., 7.

Род. ед.; зълодѣꙗ, покоꙗ, моужа, Жит. Феод.; ѿ боꙗ, Ипат., 307б; беꙁ рубежа, Новгор. гр. 1317, № 14; с верхного краꙗ, Дв. гр. XV в., № 22.

Дат. ед.: дъждю, обычаю, сълоучаю, Жит. Феод.; мужю, манастырю, Ѳеѡдосью, Геѡргию, Володарю, Лавр.; рубежю, Новг. гр. 1368—1371, № 16; по верхному краю, Дв. гр. XV в., № 22; по жеребью, ib., № 113; Василю, Дух. Климента XIII в.

Вин. ед.: кошь, плачь, покои, обычаи, Жит. Феод.; (въдасть) конь, (всѣдъ на) конь, Лавр.; на конь, Ипат., 76в; конь воронъ, Дв. гр. XV в., № 90; за 30 копъ... и за кунь, Гал. гр. 1400; посади мужь свои, Лавр.; посла моужь свои, Ипат., 240г; дати подо нь конь, Ипат., 300г; на воеводу на Коснѧчь, Ипат., 63в; за ц҃рвичь за ѡлеѯиничь, ib., 96в; а поиде за моужь, Дв. гр. XV в., № 117; моужа твоего оубихомъ, Лавр.; моужа, Жит. Феод.

Твор. ед.: плачьмь, моужьмь, Жит. Феод.; ѡлътарьмь, монастырьмь, Жит. Феод.; олтарьмь, Остр. ев.

Местн. ед.: моужи, Ѳеодосии, Жит. Феод.; ѡ стръıи, Ипат.; 305б; в Володимири, Новг. 1-я, 172; на рубежи, Новг. гр. 1317, № 14; при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, Новг. гр. до 1327, № 15.

Им.-вин.-зват. дв.: мечѧ своꙗ (вин.), Новг. 1-я, 178; Олговицѧ (им.), ib., 127; си мужа (им.), Лавр., 300; два жеребьꙗ, Догов. 1371, № 29; на двоу конꙗ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 46).

Род.-местн. дв.: в҃ саженю, Ипат., 58в; аже боудоуть двою моужю дѣти, Русск. Пр. (Р. Д., I, 46), ѿ цр҃ю, Лавр.; оу доброу родителю, Домостр. Конш., 62.

Дат.-твор. дв.: двема конома, Западнорус. сб. XV в., № 39 (Карский); манастырема, Жит. Феод.; строѥма, Ипат., 74г, 224а.

Им. мн.: кони, Новг. 1-я, 166; моужи, Ипат., 28г; свѣдѣтели, Дв. гр. XV в., № 76.

Род. мн.: съ конь, Новг. 1-я, 170, 190; с конь, Ипат., 119б; конь шестеро, Вкладн. Варл. до 1207; до Пльсковичь, Новг. 1-я 207; оу Володимерь вои, Ипат., 57г; дванадѣсѧть моужь, Тр. сп. Новг. 1-й 53а; ѿ Вѧтичь, ib., 57а; ис конь, Дух. моск. 1353; Тферичь, Новг. гр. 1426—1461; съ конь, Жит. Феод.; ꙁълодѣи, Жит. Феод.; приꙗтель, Ипат., 181б; мужь твоихъ, Лавр.; святыхъ манастырь, Отв. митр. Иоанна 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV, № 4).

Дат. мн.: моужемъ, Жит. Феод., Новг. гр. 1265, № 1; wсподаремъ, Новг. гр. 1368—1371, № 16; рѧдовиче, Новг. гр. 1471, № 20; жеребие, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); Костромичомъ, Гр. 1442—1443 (Собр. Мух., № 32); дѣдичомъ, дѣдичоумъ, Молд. гр. 1434, № 35; к сторожем, Домостр. Конш., 70.

Вин. мн.: ключѣ, Гал. ев. 1144, 36а; воѣ, ib., 66в; ключѣ, Стих. XII в., № 279, 101в; цѣсарѣ, 116в; Кривичѣ, Лавр. 282; воѣ, Вѧтичѣ, кнѧжичѣ, на конѣ, в кораблѣ своѣ, манастꙑрѣ, мечѣ, мужѣ, wбручѣ, царѣ, сторожѣ, Лавр.; своѣ манастꙑрѣ, Пандекты Ник. Черног. XII—XIII в. (Тихвин. Р. Ф. В., 1894); моуже, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); на моѣ неприятелѣ, Волынск. гр. 1366.

Твор. мн.: с товарищи, Гр. 1462—1505 (А. Калач., I, № 32); Афанасьевичи, Гр. 1432—1443 (ib., № 63); своими моужи, Новг. гр. 1265, № 1; с моужи своими, Лет. Авр.; с Тферици, ib.; мѣчи, Гр. 1229 (А).

Местн. мн.: на конихъ, Усп. Минея XII в., № 175 (18); въ Бѣжичихъ, Тервиничихъ, Уст. 1137 (в сп. 1262 г.); на конихъ, Новг. 1-я, 137; на кораблихъ, ib., 136; цр҃ихъ, Ипат., 13а; на Вѧтичихъ, ib., 8в; конихъ, Жит. Феод.; манастꙑрихъ, ib.

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: укр. — кра́ю, слуха́чу, ко́ню, бага́чу, се́лезеню, со́болю, Семе́новичу; белорус.— ко́ню, се́лезню, Могил. (Ром., Отв. № 3); кра́ю, Мозыр. (Отв. № 10); ча́ю, Новоалекс. (Отв. № 11); корова́ю, Игум. (Отв. № 15); Василю, силезе́ню, Пинск. (Отв. № 6); ко́ню мой дороги́й, Рогач. (Ром., III, 150). Единично в северновеликорусской сказке: вот, царю́, я ѣхаў той же путью-дорогой, Петроз. (Шахм.); да, царю́, говорит, я в вашых руках, Петроз. (Шахм.).

Вин. ед. в наречных выражениях: великорус.— идти замуж, укр.— заміж. Ср. еще белорус.— сев на конь й поехыв ўв огонь (загадка), Витеб. (Отв. № 18).

Твор. ед.: укр.— слухаче́м, коне́м, ноже́м. Относительно случаев, как укр., белорус. и великорус. *крајем, појем* и т. п. скажу ниже.

Местн. ед.: белорус.— у гное́й, Быхов. (Ром., III, 197); на коне́й, Рогач. (Ром., III, 228); на пни, Быхов. (Ром., III, 271); ў тым огни, Быхов. (Ром., III, 310).

Род. мн.: укр.— при́ятель мало.

Дат. мн.: укр. диал.— конім, грошім; угрорус.— **ко́ньім** (Верхр I); лемк.— коньім (Верхр.).

Вин. мн.: укр.— краі, коні, ножі, мечі.

Твор. мн.: укр. диал.— ме́чи (Огоновский).

Замечания об отдельных падежах.

Вместо окончания *-ю* в именах собственных на *-и* находим в звательном падеже[1] уже в древних памятниках *-е*; Матѳѣѥ апостоле, Стих. 1157, 172 в; Закъхеѥ, Гал. ев. 1144, 163 а; Герьгие, Минея XI в., № 221, 50 в, 52 а; Ианоуарие, ib., 73 а; Николаѥ, рукопись XII в. (Срезневский, Св. и зам. № XXXII, 25), Исаиѥ, Гр. ок. 1130. Вероятно, это грецизмы. Ср. в Зогр. и Мар. ев.— ѕакьхѣе (греч. Ζαχχαῖε), в Супр.— Арниѥ, Варахишѥ, в Ассем. ев.— Ζахариѥ, в Клоц. сборн.— Юдѣе. Отмечу форму *Геѡргии*, Ипат., 179 а.

В твор. ед. в образце выставлена форма kraimь; доказать из древнерусских оригинальных памятников подобную форму (ср. еще предполагаемое ею: raimь, roimь, stryimь, zъłodѣimь) я не могу. Ср. в церковнославянских памятниках русской редакции: оукроимь, Усп. Минея XII в., № 175 (18), 232 а (при оукроѥмь, ib., 231 в); гноимь, елеимь, оукроимь, Мстисл. ев. XII в. (Карский). Предполагаю, что *i̯ь* в сильной позиции давало *i* на основании, например, формы род. мн. jaic из jaic'ь (=jai̯ьсь). Вероятно, что *i* в kraimь еще в общерусском праязыке вытеснялось формой krajьmь под влиянием mužьmь, kon'ьmь и т. п., ср. отсюда великорус. *краем*, укр. *краєм*. Уже в Жит. Феод.— Ѳеѡдосиѥмь (церк.?); ср. Олексѣѥмъ, Юрьѥмъ, Новг. гр. 1373, № 17.

Формы им. ед., как Василиѥ, Лет. Авр.; Василие, Єугение, Фотіє, Николає, Палея 1477 (Каринский); Геѡргеє, Далматиє, Артемиє, с҃тыи Николає, Арие, Чуд. сп. 1270, № 68 (Каринский),— следует, вероятно, признавать за формы зв. ед. (см. об этих формах выше); ср. сказанное выше о таких формах, как *Петре, Павле*. Из подобных форм *-е* переносилось и в имя, совсем обрусевшее, *Юрий*: кн҃ѧ Юрье Володимерови҃, Дог. 1371, № 31.

Некоторые из имен на *ии* (т. е. др.-русск. *-ьі* могли получать в им. ед. окончание *-ьі* (с слабым *ь̂* и *і* полного образования), откуда дальше *ji* (после выпадения глухого). Так объяс-

[1] В рукописи отсутствует. *(Ред.)*

няется, например, форма Jur'ьi вместо Jur'ьi. Ср. написание *Юрьи* в Ипат., 110 а, Лавр. 445, Новор. сп. Новг. 4-й, 241 а (там же *Юрьии*, 235 б, 239 б), Дв. гр. XV в., № 8, 15, 105, Новг. гр. 1314, № 12. Также *Григорьи* — им. ед., Дв. гр. XV в. № 5, 27, 69 и др.; *Васильи*, Дв. гр., № 5, 25, 97, 104; *Олуфьрьи*, № 1, *Власьи*, № 36, *Дементьи*, № 36, *Левонтьи*, № 5, *Игнатьи*, № 25. Возможны следующие еще написания: Юрьги, Юрги, Горги попъ, Прол. 1383 (Оч. Собол., 127), Гюрги, Лавр., 311. Объяснение этих форм предложено ниже в отделе, посвященном склонению женских основ на *-ja*, *-ja*. Сообразно с этим объяснением, формы, как *Гюргѧ* — род. ед. — Новг. гр. до 1305, № 9, *за Гюргемь*, Новг. гр. 1270, № 3, также *Акакѧ* — род. ед., Ев. 1092, 61 в, и т. п., должны быть признаны новообразованиями.

В старославянском языке имена на -сн и -ѣн, заимствованные из греческого, образуют весьма охотно падежи не от основы на *i* (*j*), а прямо от основы на *-e*, *-ѣ*, присоединяя к ней окончания основ на *-ŏ*: моисѣа, июдѣомъ, иереови вместо моисѣя, июдѣемъ, иереѣви; ср. в памятниках русской редакции: иереови, Усп. Минея XII в. 1432; июдѣwмъ, Микул. ев., 177 б; лентиомь, Ев. 1092, 93 в; также — моисѣwви, Ипат., 37 б. Но русскому языку такие образования были, конечно, чужды.

II. ОСНОВЫ НА *ŏ* СРЕДНЕГО РОДА

Здесь различаются так же, как в основах мужеского рода, основы, оканчивавшиеся в общерусском праязыке на твердую согласную, и основы, оканчивавшиеся на мягкую согласную. Отдельно рассмотрю основы на *-jŏ* и *-jŏ* вследствие различия в некоторых окончаниях, вызванного фонетическими причинами. Падежные окончания в склонении тех и других основ были различны в зависимости от влияния, оказанного мягкой согласной на гласные падежных окончаний.

1. Основы на твердую согласную

Ед.	И. В. З.	l'ě̀to	(лѣто)	s'ŏłò	(село)
	Р.	l'ě̀ta	(лѣта)	s'ŏłà	(села)
	Д.	l'ě̀tu	(лѣтоу)	s'ŏłù	(селоу)
	Тв.	l'ě̀tъm'ь	(лѣтъмь)	s'ŏłъ̀m'ь	(селъмь)
	М.	l'ě̀t'ѣ	(лѣтѣ)	s'el'ě̀	(селѣ)

Дв.	И. В. З.	l'ѣt'ѣ̀	(лѣтѣ)	s'el'ѣ̀	(селѣ)
	Р. М.	l'ѣtù	(лѣтоу)	s'ölù	(селоу)
	Дв. Т.	l'ѣ̀toma	(лѣтома)	s'ölòma	(селома)
Мн.	И. В. З.	l'ѣtà	(лѣта)	s'òła	(села)
	Р.	l'ѣtъ	(лѣтъ)	s'ѳ̀łъ	(селъ)
	Д.	l'ѣtòmъ	(лѣтомъ)	s'ölomъ	(селомъ)
	Т.	l'ѣ̀ty	(лѣты)	s'ѳ̀ły	(селы)
	М.	l'ѣt'ѣ̀хъ	(лѣтѣхъ)	s'èl'ѣхъ	(селѣхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке те же формы, что в общерусском праязыке, но в творительном единственного окончание -ѣмь: лѣтѣмь, селѣмь; формы на -ъмь в Супр.— брашънъмъ, божьствъмъ, господьствьмъ, оубожьствъмъ. В др.-сербск.— брьдѣ, мѣстѣ, мѣстие, мести, јутри; чакавск.— misti; в творительном единственного: пером, вретеном, с *-ом*, а не *-ам*, в родительном множественного: чакавск.— sel, ral, let, древн.— лиеть, мисть, љет; в дательном множественного: чакавск.—ralon, древн.— дѣломь, селомь; в творительном множественного: чакавск.— rali, sedli; древн.— оусти, дѣли; в местном множественном: чакавск.— ralih, sedlih, kolih; древн.— селихь, чедихь, вратехь, писмѣхь. В польском: творительный единственного — jeziorem, drzewem с *-ем* из *-ъмь*; дательный множественного — jeziorom, drzewom; творительный множественного древн.— miasty, ustu, pismy, drwy; местный множественного древн.— we wrociech, w pismiech, na skrzydlech; именительный-винительный двойственного древн.— dwie drzewie, dwie lecie; родительный-местный — dwu latu, na kolanu; дательный-творительный — dwiema latoma, czołoma.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. вин. зват. ед.: стадо, мѣсто (им.), желѣзо, зьрно, пьшено, село (вин.), Жит. Феод.

Род. ед.: вина, тенета, золота, Жит. Феод.; стогъ сѣна, Дв. гр. XV в., № 23; болота, ib.

Дат. ед.: маслоу, сочивоу, Жит. Феод.; по болоту, Дв. гр. XV в., № 27.

Твор. ед.: дѣлъмь, маслъмь, винъмь, множьствъмь, Жит. Феод.; дѣлъмь, Мстисл. ев. (Карский); пивомъ, Дв. гр. XV в., № 15.

Местн. ед.: лѣтѣ, селѣ, мѣстѣ, стадѣ, Жит. Феод.; на лѣвемь

килрѣ, Ипат., 56 в; сътѣ, Дух. Климента XIII в. (сотня); лѣтѣ, Новг. гр. до 1305, № 9; в серебрѣ, Новг. гр. 1471, № 20.

Им.-вин.-зват. дв.: колѣнѣ (вин.), Жит. Феод.; двѣнадесате лѣтѣ, Жит. Феод.; по двѣ лоукнѣ, Ипат., 306 б; крилѣ свои, Колом. Пал. 85; в̃ селѣ, Дух. 1328, № 22; двѣ селѣ, Молд. гр. 1412; за две лете, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); двѣ лѣтѣ, Виленск. сп. Лит. лет.; колѣнѣ ми изнемагають, Лет. Авр.; воробьи сидитъ на тынѣ надѣется на кръилѣ, Послов. XVII в.(Симони, 90).

Род.-местн. дв.: колѣноу (местн.), Жит. Феод.; подо бедру ему, Ипат., 71 г; оу ковану сѣдлу, ib., 180 в; до дву лѣту, ib., 40 а; на колѣноу, ib., 271 б; на мѣсту, Лавр., 276.

Им.-вин.-зват. мн.: чада (им.), села, дръва (вин.), Жит. Феод.; села (вин. и им. мн.), Новг. гр. 1314, № 12; сѣна (вин.), Новг. 1-я, 212; вси лѣта, Ипат., 77 в; наши крестьянишка, Гр. 1539 (Барсов, Палеостр., 126).

Род. мн.: селъ, лѣтъ, Жит. Феод.; селъ, Новг. гр. 1314, № 12; лѣтъ, Ипат., 200 а.

Дат. мн.: дръвомъ, оустомъ, воротомъ, колѣномъ, Жит. Феод ; по селомъ, Новг. гр. 1265, № 1; по малымъ wзеркомъ, Дв. гр. XV в., № 72.

Твор. мн.: оустъı, дѣлъı, Жит. Феод.; селъı, Новг. рядн. XV в.; озеръı, Гр. 1474—1778 (А. Калач., I, № 163), Гр. 1459—1470 (А. А. Э, I, № 62); с селъı, Дух. 1356, № 21; с озѣръı, Дв. гр. XV в., № 122; лечити многъı лѣкарствъı, Виленск. сп. Западнорус. лет.; с войскъı, ib.; под лѣтъı розства Христова, Молд. гр. 1400, № 13; инъıми стадъı, Дух. 1328, № 21; wдінъıми воротъı, Ипат., 12 в.; сь ѡички, Домостр. Конш., 41; перед ворóтъı, ib., 59; ушми кушаи устъı слушаи, Послов. XVII в. (Симони, 145).

Местн. мн.: оустѣхъ, селѣхъ, дѣлѣхъ, ребрѣхъ, Жит. Феод.; селех, Гр. 1425—1428 (А. Калач., I, № 55), 1462—1478 (ib., № 38); на селѣхъ, Новг. гр. до 1305, № 11; дѣлѣ^{x}, Новг. гр. 1471, № 20; оу тро$\widehat{\text{x}}$ лете$\widehat{\text{x}}$, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); на воротехъ, Ипат., 77 в; на всѣхъ дѣлехъ его, Послов. XVII в. (Симони, 158).

Примеры из современного языка.

Им. дв.: белорус. — дзьве сяле, Слуцк. (Отв. № 12), Минск. (Отв. № 23), Речицк. (Отв. № 17), Пинск. (Отв. № 1); по колени, Рогач. (Ром., III, 161); укр. — дві дерéві, дві відрі, дві

яблуці; русск. — шулѣ[1], Дон. (Калмыков); сюда же относятся: *колени*, также *двести* (вместо *колѣнѣ, двѣстѣ*).

Местн. ед.: укр. — в оці, угрорус. — лыты (как наречие *летом*, Верхр., I); великорус. — утресь (как наречие), Орл.-Вят. (Отв. № 63); утре, Соликам. (Луканин, Обл. сл., 137), Котельн. (Отв. № 46).

Им.-вин. мн.: великорус. — на коленка, Мосал. (Шахм.); ребятишка, Петроз. (Шахм.); заецьи ушка́, Пудож. (Шахм.).

Твор. мн.: угрорус. — пуд воро́ты (Верхр., I); лемк. — дривы, вороты (Огоновский).

Местн. мн.: белорус. — у лецех, на коленех, Речицк. (Отв. № 17); у варо́цих, Могил. (Рамзевич, Отв. № 4); вороцех, ў лецех, Пинск. (Отв. № 1); укр. — літіх, воротіх; бойк. — се́льіх, воро́тьіх (Огоновский); угрорус. — по правіх, у селыіх (Верхр., I).

Замечания по поводу некоторых форм.

Слово *яблъко* существовало рядом с *яблъкъ*, ср. соврем. *большой яблок*, Устюжн. (Отв. № 28); *этот яблок*, Котельн. (Отв. № 35). Великолук. (Отв. № 45), Кологр. (Отв. № 61). Слова *дръва, воро́та* или *воротá, устá* употребляются только во множественном. Великорус. диалект. *в лисях, вмистях, у летях* явились следствием комбинации произношения *лесах* и *лесех, местах* и *местех* (об этих формах скажем поэтому ниже).

2. Основы на мягкую согласную

В этих основах совпали: 1) основы на древнее *-jŏ* (*i̯ŏ*), перед которым смягчались согласные; 2) основы на древнее *-ko* в положении после гласных переднего ряда (*k* в таком положении перешло в *c'* в общеславянском праязыке и повело за собой изменение следовавших за ним гласных).

Ед.	И. В. З.	pòl'ò	(полѥ, поле)	l'ic'ò	(лице)
	Р.	pòl'a	(полѧ)	l'ic'à	(лица)
	Д.	pòl'ù	(полю)	l'ic'ù	(лицю)
	Т.	pòl'ьm'ь	(польмь)	l'ic'ьm'ь	(лицьмь)
	М.	pòl'i	(поли)	l'ic'ì	(лици)
Дв.	И. В. З.	pol'ì	(поли)	l'ic'ì	(лици)
	Р. М.	pol'ù	(полю)	l'ic'ù	(лицю)
	Д. Т.	pòl'òma	(полѥма, полема)	l'ic'òma	(лицема)

[1] *Шуло* (диалект.) — заборный столб. *(Ред.)*

Мн. И. В. З.	pol'à	(полѧ)	l'ìc'a	(лица)
Р.	pòl'ь	(поль)	l'ìc'ь	(лиць)
Д.	pol'ò mъ	(полѣмъ, **полемъ**)	l'ìc'òmъ	(лицемъ)
Т.	pol'ì	(поли)	l'ìc'i	(лици)
М.	pol'ìхъ	(полихъ)	l'ìc'ixъ	(лицихъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке отметим творительный единственного **полѣмь, лицемь** вместо *польмь, лицьмь* древнерусских памятников, однако **срцъмъ** в Слуцк. пс. В сербск. твор. ед.— польем, что указывает на *-емь*, а не *-ьмь*; твор. мн.: чакавск.— poļi, древн.— лици, годишти; местн. мн.: древн.— срцих, чакавск.— pluc'īh; род. мн.: древн.— годишт, срдац; чакавск.— plec', srdaśc, pluc'. В польском твор. ед.— polem, местн. ед.— древн. w siercy, w słyn'cy, род. мн.— pól, mórz, твор. мн. древн.—sercy, jajcy.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин.-зват.: лице, слн̄це, лоукъньце (вин.), жилище (им.), Жит. Феод.; вда плече, Новг. 1-я, 170; гумнищо (вин.), Дв. гр. XV в., № 12.

Род.: моря, лица, слн̄ца, Жит. Феод.

Дат.: полю, слн̄цю, Жит. Феод.

Твор.: лицьмь, срдцьмь, Жит. Феод.; за моромъ, Дв. гр. XV в., № 15; подъ... дворищемъ, ib., № 24.

Местн.: поли, ложи, становищи, Жит. Феод.; на томь победиши, Новг. 1-я, 172; дворищи, Гр. 1535 (Бел., № 8); на городищи, Новг. гр. 1471, № 20; в опцемъ поли, Дв. гр. XV в., № 3.

Им.-вин.-зват. дв.: вда плеши, Новг. 1-я, 170; в̄ слн̄ци, Ипат., 96 в; двѣ дворищи, Гр. Перемышл. 1391 г. (Соб., № 26)[1].

Род.-местн. дв.: тяжно ти головъı кромѣ плечю, Сл. о п. Иг., 44.

Им.-вин.-зват. мн: сьрьдьца, копъıтьца (вин.), Жит. Феод.; три слн̄ца, Ипат., 144 в; логовища, Вкладн. Варл. до 1207; за плеча, Ипат., 75 а; за малъıи селца, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); три поля, Дв. гр. XV в., № 1; рѣпища, ловища, ib.; местца, Западнорус. сб., № 391 (Карский).

Род.: ложь, попьрищь, Жит. Феод.; межи поль, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); поль, Гр. 1576 (А. Ю., № 178); семь поль, Дв. гр. XV в., № 28; что сельць тагноуло, Новг. гр. до 1308, № 6.

---

[1] В рукописи *двъ дворищи* и впереди „неясное „ад.“; печатается по изданию В. Розова „Южнорусские грамоты“, Киев, 1917, стр. 45. *(Ред.)*

Дат. копытьцемъ, Жит. Феод.

Твор.: с колци, Дух. 1356, № 25; з бобровъими ловищи, Дв. гр. XV в., № 33; с поли, Луцк. гр. 1445; с перевѣсици, Переясл. гр. после 1356; с яици, Послов. XVII в. (Симони, 158).

Местн.: лицихъ, Поуч. Влад. Мон.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: полё, Слобод. (Отв. № 48).

Род. мн.: великорус.— полотéнец, блюдец, Устюжн. (Отв. № 28); поль, Котельн. (отв. № 35), Орл.-Вят. (Отв. № 37), Нолин. (Отв. № 51), Петроз. (Шахм.); между нашых поль, Мосал. (Шахм.); снег сошол с поль, Великолуцк. (Отв. № 202); с плеч, Обоян. (Резанов); морь, поль, Тотем. (Отв. № 192); укр.— пліч; западноукр.— піль.

Твор. ед.: укр.— лицéм.

Дат. мн.: великорус.— по сярцóм, Жиздр. (А. Никольск., в песне).

Местн. ед.: белорус.— на крылцы, Рогач. (Ром., III, 228); укр. галицк.—лици, поли, сонци; угрорус.— на яйцй (Верхр., I).

Им. дв.: великорус.— плечи; укр.угрорус.— плечи (Верхр., I).

Замечания об отдельных падежах.

Форма тв. дв. *плечима,* Ипат., 304 а, 217 б, Западнорус. пс. XVI—XVII в. (Карский, 206),—ср. современ. укр. твор. мн. *плечима,* белорус. *плячыма,* Мозыр. (Отв. № 10), Слуцк. (Отв. № 12),— явилась, вероятно, под влиянием *очима, ушима* или ближе под влиянием формы им.-вин. *плечи.* Отмечу, что рядом со словом *детище* существовало слово *детищь;* ср. *в детища,* Ипат. 61 г; смешение обоих слов приводило к такому согласованию, как *дѣтищь повито,* Пантел. ев., 113 б.

3. Основы на *-i̯ (j)*

Здесь различаются два образца: в первом окончание основы *i̯(j)* стоит после гласной полного образования (*oi̯e*), во втором — после гласной *ь̂* (напряженного *ь*) (kорь̂je). Быть может, следует допустить в первом случае звук *i̯*, а во втором *j*. Оба образца различались там, где за *i̯— j* следовало *e*; *e* после *i̯* сохраняло свой звук в общерусском праязыке, а после *j* переходило в *ă* в открытом конечном слоге, в *o* перед твердой согласной. Кроме того, в творительном единственного в первом образце

было, по-видимому, окончание *-ітъ* (из *-i̯ьтъ*), а во втором *-jьтъ*. Впрочем, еще в общерусском праязыке могло наступить неизбежное влияние одного образца на другой: ср. *-jьтъ* в *ojьтъ* (откуда далее — *ojeтъ*). Возможно, что второй образец сохранял еще и общеславянскую форму на *-ȇjeтъ* в творительном единственного и передавал ее в первый образец.

Ед.	И. В. З.	oi̯è	kop'ȇjä̀	(копиѥ)
	Р.	oi̯à	kop'ȇjà	(копиꙗ)
	Д.	oi̯ù	kop'ȇjǜ	(копию)
	Т.	oìm'ь	kop'ȇjь̀m'ь	(копиѥмь)
	М.	oi̯ì	kop'ȇji	(копии)
Дв.	И. В. З.	oi̯ì	kop'ȇjì	(копии)
	Р. М.	oi̯ù	kop'ȇjù	(копию)
	Д. Т.	oi̯èma	kop'ȇjòma	(копиѥма)
Мн.	И. В. З.	oi̯a	kòp'ȇja	(копиꙗ)
	Р.	oi̯	kòp'ȇi̯	(копии)
	Д.	oi̯emъ	kòp'ȇjòmъ	(копиѥмъ)
	Т.	oi̯i	kòp'ȇji	(копии)
	М.	oi̯ixъ	kòp'ȇjixъ	(копиихъ)

Сопоставление с другими славянскими языками

В старославянском языке те же формы, но, конечно, с отличным произношением; в творительном падеже обычным окончанием является -ѥмь, но известно и -имь, а именно в словах на иѥ: Супр. — оученимъ, каменимь, ласканимь (и так всего 140 раз); Клоц. сборн. — псаньимь, хотѣниїмь, а также со стяжением — блисцанимь, испытанимь; Хиланд. листки — спсеньимь, оустроениимь; Слуцк. пс. — чиненимъ[1]. По-видимому, оученимь заменило оучениѥмь под влиянием аналогии (ср. краимь, оукроимь); сопоставьте с этим в той же Супрасльской рукописи дат. мн. — милосръднїмъ, сѣгрѣшениимъ, ваꙗниимъ вместо съгрѣшениѥмъ; в Слуцк. пс. — оправъданиимъ, Клоц. сборн. — похотиімъ. В сербском языке отметим в именительном-винительном единственного: óje, jáje; древн. творительный единственного: повелинимь — представляет стяжение *ije* в одно *i*; ср. такое же стяжение в именительном единственного: безакони, хтѣни, ули, окушени; современ. чакавск. — zāgȍrī, zelí, grozdȍvī; в родительном множественного древн.: повелѣнеи, а также копаj, зелаj непо-

[1] Далее в рукописи. Савв. кн. ꙗвлениѥм; по изданию В. Н. Щепкина, этой формы в Саввиной книге не встречается. *(Ред.)*

средственно из копьјь с ненапряженным *ь*, заимствованным из таких случаев, как срдьць, тьлъ; что до форм как *деанји, одлученји, чињенји,* то, по-видимому, *і* заменило фонетически *ьі* из *ьјь*; в дательном множественного древн.: оучениѥмь, дилованјем; в творительном множественного: беꙁакони, ꙁасельи, зелји, копји; в местном множественного: писањих, зламенјих, тугованјих. В польск. древн. рядом с творительным единственного на *-em* (lubowaniem) является *-im*: kopijim, kopim, węglim, zielim, weselim, kazanim; возможно, что *-im* восходит к *-imь* из *-i̯ьmь*; в местном единственного: w weseli, we zdrowi, w trzymani; в родительном множественного: staj, pokoleni, stajeni; в местном множественного: w pokolenich; в именительном двойственного: dwie pokoleni, в родительном двойственного: dwu pokoleniu.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин.-зват. ед.: житиѥ, имѣниѥ, пѣниѥ, повелѣниѥ, тьрпѣниѥ, Жит. Феод.; акы сноповье, Ипат., 284 в., 294 б; оузорочье, ib., 12 г; троупиѥ, Новг. 1-я 162; полюдиѥ, Гр. ок. 1130; кнѧжениѥ, ib.; нелюбьѥ, Новг. гр. 1314, № 12; все могылье, Лет. Авр. (Карский); на тое сосновье, Гр. 1493—1494 (А. Ю. З. Р., I, № 233); дерее(в), оуголье, лозье, голье, Западнорус. пс. XVI—XVII в. (Карский).

Род. ед.: пѣниꙗ, печениꙗ, Жит. Феод.; пирениꙗ, Новг. 1-я 178; до новоторского взѧтьꙗ, Новг. гр. 1373, № 17; ѿ оустьѧ и до верховьѧ, Дв. гр. XV в., № 33.

Дат. ед.: повелѣнию, полоудьнию, Жит. Феод.; по троупью, Ипат., 284 в; по деревью, Лавр., 457; по колью, Гр. 1428—1434 (XVI) (А. Ю., № 232); по кустовью, Дв. гр. XV в., № 17; хлѣба к завтрею оставливаи а не дѣла, Послов. XVII в. (Симони, 151).

Твор. ед.: житиѥмь, повелѣниѥмь, Жит. Феод.; пособиемъ, Ипат., 141 г; повеленьемь, 97 в; заступлениемь, 158 б.

Местн. ед.; житии, прогънании, въ згражении, Жит. Феод.; вь трупьи, Ипат., 50 в; оустьи, Гр. 1527 (Бел., № 5); цр(с)ествьи, Ипат., 199 с, 213 в; кнѧжении, Гр. ок. 1130; перемирьи, докончаньи, Дог. 1371, № 31; во очищеньи, Дв. гр. XV в., № 93; в том орудьи, Дв. гр. XV в., № 86.

Дат.-твор. дв.: двѣма копиема, Ипат., 142; двѣма копьема, Лавр., 308.

Им.-вин.-зват. мн.: шьствиꙗ, Жит. Феод.; на самаꙗ коупальꙗ, Ипат., 285 а; оугодьꙗ, Дв. гр. XV в., № 105.

Род. мн.: имѣнии, Жит. Феод.; княженеи, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); промежи говенеи, Новорос. сп. Новг. 4-й, 632 а; помѣстеи, 1619 (Письма русск. госуд., № 25); рукодѣлеи, Домостр. Конш., 66; кромѣ говѣнии, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 50); сколько воскресенеи столко и новоселеи, Послов. XVII в. (Симони, 141).

Дат. мн.: по подворьемь, Хожд. Афан. Ник., 373 а; к тъим имѣньсм, Луцк. гр. 1438.

Твор. мн.: оуказании, Жит. Феод.; треми копьи, Ипат., 225 г; с каменьи драгими, 206 а; со всими оугодьи, Гр. 1507 (Бел., № 30); копии, Жит. Бор. и Гл. XII в.; своими ороудии, Новг. 1-я, 173; всими оугодьи, Дв. гр. XV в., № 81; дванадцатии оустьи, Крас. сп. Западнорус. лет.

Местн. мн.: в евангелиих, Жит. Бор. и Гл. XII в.; въ писаниихъ, Усп. Минея XII в., 5 б; въ подвижениихъ, ib., 108 в; съгрѣшениихъ, Лет. Авр. (Карский); хоженьихъ, ib.; вь черевьихъ, Ипат., 72 б.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: укр.—життя́, весілля, безземе́лля, ща́стя, зілля, воло́сся, збіжжа и т. д.; по аналогии их, как кажется, явилось *війя́* при и вместо *вій́е* (дышло у воловьяго воза) вместо общерусск. **oi̯e*, причем *ві* вместо *во* (**voi̯e*). Ср. с *в* в *вічі* при *воко*; оно заимствовано из уменьшительного **війце* или из формы род. мн. **вій*. Белорус. имеет *а* только в неударяемом слоге: товстое ко́лля, жовтое ли́стя, Могил. (Ром., Отв. № 3); поло́ззя, бру́сся, колля, Быхов. (Отв. № 9). Великорус.— *ли́стья, ко́лья, тру́пья, кли́нья, дере́вья* по происхождению формы именительного-винительного единственного, но получили, именно в силу своего окончания, значение именительного-винительного множественного [1].

Замечания об отдельных падежах.

В формах местного единственного, творительного множественного и местного множественного, а также и в именительном-винительном двойственного находим сочетание *ьji*; возможно, что такое сочетание фонетически стягивалось в древнерусском языке, восстанавливаясь, однако, по аналогии других падежных форм. Ср. стяженные формы в местном единственного: наказани, Жит. Феод.; остриже-

[1] В рукописи по описке вместо „множественного" стоит „единственного". *(Red.)*

ни, ib.; в алкани, Усп. Минея XII в., 108 в; в пакъıбъıти, Арханг. ев. 1092, 26 а; по бо҃ивлени, Пантел. ев., 118 а. Быть может, так же явилась форма *на завтри* (вместо ожидаемого *на завтрии*) и уже из этой формы следует объяснять *на завтря* (вместо ожидаемого *на завтрия*), *завтря*. В местном множественного стяженные формы находим, например, в *дѣıнихъ, искоушенихъ*, Жит. Феод.

Неясно, можно ли признать русскими формы на *-ими* в творительном множественного вместо *-и*, например: ороужиими, Минея 1096, 43 а; мч̑ними, 48 а (со стяжением двух *и*); повелѣниими, Сборн. 1073, 27 а; прѣбъıваниими, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 45 д; знамениими, 51 а; врачеваниими, прѣщениими, XIII Сл. Гр. Бог. (Будилович). Ср. такие же формы в старославянских памятниках: оученııми, цѣсарьствııми, Супр., оржьıми, Зогр. ев. Эти формы явились или под влиянием основ на *-ĭ* (как kostьmi, gostьmi), или, что вероятнее, под влиянием склонения прилагательных. Отмечу чуждые русскому языку формы, как старославянские дрѣколııми, Зогр. ев., Клоц. сборн., Ассем. ев.

В творительном единственного вместо окончания *-jetь* являлось *-jьmь* и далее по аналогии *-i̯ьmь*, откуда *-im'ъ̯*; ср. формы на *-ьim'ь* (пишется *имь*), например, в Остр. ев.: камениимь, 78 д; помъıшлениимь, 102 д; обѣдениимь, 120 в; в Мстисл. ев.: жаданиимь (Карский); в Поуч. Конст. Болг. XIII в.: хотѣниимь, 7 а; тъıщаниимь, 19 д; крьıщениимь, 14 д, и др.; в Западнорус. сб. XV в., № 391: пере д wбличьи м͡ (Карский). Отмечу еще стяженную форму — послоушанимь — в Жит. Феод., wдѣıнимъ — Домостр. Конш., 16.

В родительном множественного переход *ê i̯* из *ьî* в *e i̯* (ср. приведенные выше формы *княженеи, говьıнеи*) произошел уже на великорусской почве.

III. ОСНОВЫ НА *-ā* ЖЕНСКОГО РОДА

Рассмотрю отдельно склонение основ на *-ā* с предшествующею твердою согласною, склонение основ на *-ā* с предшествующею мягкою согласною и склонение основ на *-ā* с предшествующим *i̯* (*j*). Отмечу теперь же, что многие из основ на *-ā* под влиянием своего значения перешли в мужеский род (названия лиц мужеского пола). Склонение основ мужеского рода с основой на *-ā* не отличается от склонения женских слов.

1. Основы на -*ā* с предшествующею твердою согласною

Ед.	И.	žȍnà	(жена)	rukà	(роука)
	З.	žȍno	(жено)	rùko	(роуко)
	Р.	žȍnỳ	(женъı)	rukỳ	(роукъı)
	Д.	žen'ѣ̀	(женѣ)	ruc'ѣ̀	(роуцѣ)
	В.	žȍnù	(женоу)	rùku	(роукоу)
	Т.	žȍnòi̯u	(женою)	rukòi̯u	(роукою)
	М.	žen'ѣ̀	(женѣ)	ruc'ѣ̀	(роуцѣ)
Дв.	И. В. З.	žen'ѣ	(женѣ)	ruc'ѣ̀	(роуцѣ)
	Р. М.	žȍnù	(женоу)	rukù	(роукоу)
Дв.	Т.	žȍnàma	(женама)	rukàma	(роукама)
Мн.	И. З.	žȍny	(женъı)	rùky	(роукъı)
	Р.	žȍnъ	(женъ)	rùkъ	(роукъ)
	Д.	žȍnàmъ	(женамъ)	rukàmъ	(роукамъ)
	В.	žȍny	(женъı)	rùky	(роукъı)
	Т.	žȍnàm'i	(женами)	rukàm'i	(роуками)
	М.	žȍnàxъ	(женахъ)	rukàxъ	(роукахъ)

Сопоставление с другими славянскими языками. В старославянском языке находим те же формы, оставляя в стороне отличия в их произношении; но рядом с формами на -ѡѭ в творительном единственного там известны формы на -ѫ (женѫ, рѫкѫ), чуждые русскому языку. В сербском языке: звательный единственного — рȳко, слȳго, жѐно; дательный единственного — глави, жени, с конечным *i* из *ѣ*; то же в местном единственного; формы, как *женама, рукама,* употребляются в значении дательного множественного; древн.: именительный-винительный двойственного — две ноzи, рȣ́ци, ѡбие странѣ, по ѿби страни, двие книзи; родительный-местный двойственного — моѥю оустноу, ногоу, на ногоу своѥю; в современном языке известны формы *слу́гӯ, ру́кӯ* в значении родительного множественного; дательный-местный двойственного — странама, рукама; в родительном множественного древн. — слȣ́гъ, воеводъ, жен, кньиг; чакавск.современ. — krav, rib, mac'eh, gor; в дательном множественного чакавск. современ. — gorán, ženán, из goram, ženam; древн. — djевojкам, звиздам; в творительном множественного чакавск. совр. — ženami, gorami; древн. — руками, водами; в местном множественного чакавск. современ. — gorah, vodah; древн. — дубравах, бесjедах, молитвах. В польск. языке: звательный единственного — głowo, matko; дательный множественного древн. — drogam, nogam, rąkam; осталь-

ные формы и в современном языке соответствуют русским; впрочем, в творительном единственного является исключительно -*ą* (vodą, ręką), причем это -*ą*, как кажется, восходит не к общеславянскому окончанию *ǫ* (ср. старослав. ѫ), а к общеславянскому *oiǫ*. Это доказывает долгота носового звука (древнепольская долгая носовая перешла в современное *ą*, а краткая — в *ę*); именительный-винительный двойственного древн.— rǫce, dwie dziewce, obie stronie; родительный-местный двойственного — rǫku, swych ręku, dwu dziewku; дательный-творительный двойственного древн.— žonama, rǫkama, obiema niewiastama.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: вода, жена, свита, Жит. Феод.

Зват. ед.: жено, Жит. Феод.; дружино, Ипат., 95 б; господо, Гр. 1459—1470 (А. А. д., I, № 62); премилаꙗ матко, Мариа матоухно милостиваꙗ, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Род. ед.: водъı, котеръı, роукъı, Жит. Феод.; ни холопа, ни робъı... не соудити, Новг. гр. до 1305, № 9; беꙁ wбидъı, Новг. гр. до 1308, № 7; тое ꙁимъı, Дв. гр. XV в., № 15; ꙁ горъı, № 23; ꙁ береꙁъı, № 27.

Дат. ед.: водѣ, горѣ, ꙁимѣ, Жит. Феод.; сносѣ, Ипат., 148 б; к матцѣ, ib., 262 г; а холопоу и робѣ, Новг. гр. до 1305, № 10; по пошлинѣ, Новг. гр. до 1308, № 7.

Вин. ед.: роукоу, водоу, гороу, Жит. Феод.; на кривую иву, Дв. гр. XV в., № 22; кобъıлу, ib., № 79; девку, ib., № 96; шюбу, ib., № 96; рѣку, Дв. гр. XV в., № 111.

Твор. ед.: водою, роукою, ꙁимою, Жит. Феод.; под ивкою, Дв. гр. XV в., № 12.

Местн. ед.; моуцѣ, бесѣдѣ, паꙁоусѣ, хлѣвинѣ, Жит. Феод.; по исправѣ, Новг. гр. до 1305, № 11; рѣцѣ, Лавр., 442; на дѣвцѣ,Рядн. 1266; в тамзѣ, Дух. 1356, № 25; по дензе, Копия, с дог. 1381, № 32; на Волзѣ, Новг. гр. 1314, № 12; на избѣ, Дв. гр. XV в., № 19; по згадцѣ, Дог. 1362, № 27; оу Вѣкшензѣ, Уст. 1137 (Кормч. 1282).

Им.-вин.-зват. дв.: роуцѣ, ноꙁѣ, гривьнѣ (вин.), Жит. Феод.; двѣ кубарѣ, Ипат., 178; а се wцинѣ межи нама двѣ, ib., 160 в; двѣ гривне, Уст. 1137 (Кормч. 1282); в̄ паволоцѣ, по в̄ гривнѣ, подъ ноꙁѣ, подъ паꙁусѣ, на руцѣ, Лавр.; по в̄ коуне, Новг. гр. 1270, № 3; двѣ стене, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); жонцѣ двѣ, Виленск. сп. Лит. лет.; на пороуцѣ его дати, Гр. ок. 1240; двѣ корови (вин.), Дв. гр. XV в., № 117; сѣть мужу крѣпка свои устнѣ, Послов. XVII в. (Симони, 140).

Род.-местн. дв.: роукоу, ногоу (род.), Жит. Феод.; изъ роукоу, Ипат., 248 б; ѿ робу двою, ib., 36 г; своєю роукоу, Новг. 1-я; до ногу, твоею руку, Лавр.; ѿ обою сторону, Гр. 1264 (Р. Л. А); без в-ю ногатоу, Дух. Климента XIII в.; с убою сторону, Гал. гр. 1378; безо дву копу, Гал. гр. 1400.

Дат.-твор. дв.: ногама, роукама (твор.), Жит. Феод.; ногама, роукама (дат.), Жит. Феод.; роукама ѣша, Новг. 1-я, 183; грабѧщима роукама, отр. Парем. 1313 (Каринский); межи двѣма колодама, Лавр.

Им.-зват. мн.: а кунъı у нихъ будуть, Дв. гр. XV в., № 8.

Род. мн.: женъ, кънигъ, Жит. Феод.; бес коунъ, Новг. гр. до 1305, № 11; за ѯ вьрстъ, Новг. гр. до 1308, № 6; головъ новгородскъı $\widehat{\text{х}}$, Новг. гр. 1373, № 17; а свободъ ти и селъ състоупитисѧ, Новг. гр. до 1308, № 6; нивъ, Вкладн. Варл. до 1207.

Дат. мн.: играмъ, Жит. Феод.; грамотамъ, Новг. гр. 1372, № 13; кунамъ, Дв. гр. XV в., № 87.

Вин. мн.: сльꙁъı, иконъı, Жит. Феод.; про коунъı, Новг. гр. до 1305, № 9; а холопъı и робъı... въıдати, Новг. гр. до 1461, № 18; имахоу рꙑбъı, Лет. Авр.

Твор. мн.: сльꙁами, Жит. Феод.; коунами, Дв. гр. XV в., № 98.

Местн. мн.: слоужьбахъ, роукахъ, кънигахъ, Жит. Феод.; в л̄ бѣлахъ, Дв. гр. XV в., № 7; в тѣхъ кунахъ, ib., № 8; въ водахъ, ib., № 9.

Примеры для слов мужеского рода. Им. ед.: Юрьи калѣка, Новг. гр. 1314, № 12; Гаврила, Дв. XV в., № 3; Михала, ib., № 1; Михаила, ib., № 35; Тимошка, ib., № 5; стъıи Никола, ib., № 14, Кузма, ib., № 15; Ѥрмола, ib., № 27; Карпа попъ, ib., № 94; Климѧта, ib., № 35; вин. ед.: Михаилоу Фефилатова, Лет. Авр.; старѣишиноу, влдкоу, Жит. Феод.; твор. ед.: съ влдкою, Новг. гр. 1314, № 12; с Маноулою, Дв. гр. XV в., № 107; дат. ед.: слузѣ, Гр. 1398 (XVI) (А. А. Э., I, № 13); к кнꙁю к Михаилѣ, Новг. гр. 1372, № 13; старѣишинѣ, Жит. Феод.; старостѣ, Новг. гр. до 1305, № 9; местн. ед.: Савѣ, Жит. Феод.; род. ед.: Николъı, владъıкъı, Жит. Феод.; коупцинъı, Новг. гр. до 1305, № 10; оу Онашькъı, Дв.гр. XV в., № 33; дат. мн.: моимъ слугамъ, Новг. гр. до 1301, № 4; старѣишинамъ, Жит. Феод. Любопытно: два воєводѣ — вин. дв.[1],

[1] Исправлено. в рукописи по описке „вин. ед“. *(Ред.)*

Новг. 1-я, 174. В старом церковном языке слово *слоуге* женского рода, например в Остр. ев., также: слоугамъ хвамъ и сотонинамъ, Толк. апост. 1220 (Воскресенский, 171).

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: великорус., а именно южновеликорус. — мамо, Жиздр. (Добровольский, Арх. II Отд.); северновеликорус. — бабо, бабко, маминько, Настахо, Петроз. (Шахм.); бабушко, ib.; мамо́, девко́, сястро́, Ванько́, мачко́, Рязанск. (Тр. диал. ком., I); нянько̄, Дмитр.—Моск. (В. Чернышев); батюшко̄, Егорьев. (В. Чернышев); белорус. — старшыно́, старосто́, се́стро, Хомо́, ба́бко, голу́бко, Мозыр. (Отв. № 10); мамо, жонко, Речицк. (Отв. № 17); укр. — го́лово, бабо, воєводо.

Дат. ед.: русск. — зи́ме, Кирилл. (Отв. № 167); к сте́не, Красноуф. (Отв. № 154); зи́ме (а местн. — зиме́), Нолинск. (Отв. № 51); к зи́ме, Кологрив. (Отв. № 61); к сте́не (и к стене́), Онеж. (Отв. № 262); эти формы любопытны по ударению. Белорус. — даро́зи, дзѣ̆цы, Могил. (Отв. № 4); дацце, Игум. (Отв. № 8) дзеўцы, Слуцк. (Отв. № 5); к старуси, Быхов. (Ром., III, 196). Укр. — нозі́, руці́, му́сі.

Твор. ед.: великорус. — с женою и с женой, Орл.-Вят. (Отв. № 37); зимо́ю, с жено́ю, Богородск. (В. Чернышев); залою, Егорьев. (В. Чернышев); укр. — ногою́; белорус. — жонкаю, рыбай, Дисн. (Отв. № 6).

Местн. ед.: великорус. — на го́лове, в сто́роне, Кологрив. (Отв. № 61); южновеликорус. — на даро́зе, на назе, Грайвор. (Отв. № 279); при дарозе, Новосил. (Тр. диал. ком., I); у поли при дарози, Обоян. (Резанов); белорус. — пры речцы, на лаўцы, Пинск. (Карский, № 1); ны лаўцы, ны руцэ, ны назе, Могил. (Отв. № 4); на дорози, Рогач. (Ром., III, 176); укр. — на руці, на нозі, на мусі; адвербиально: зи́мі — угрорус. (Верхр., I).

Им.-вин. дв.: белорус. — дзьве ха́це, рутце́, назе́, Игум. (Отв. № 8); дзьве бядзе, Мозыр. (Отв. № 10); дзьве хаце, рутце, назе, Речиц. (Отв. № 17); укр. — дві рибі, дві зімі (реже: дві руці, дві нозі); лемк. — в руцьі, нозьі (Верхр.); угрорус. — ру́цьі, но́зьі (Верхр., I); великорус. — скуле, Дон. (Калмыков), Курск. (Маляревский, Обл. сл. 88).

Дат.-твор. мн.: великорус. — рукама, ногама (когда говорится о двух руках, ногах), Петроз. (Отв. № 34); ср. вашима, чужиима рукама, Белоз. (Отв. № 166); белорус. — рукама, ныгама, Могил. (Отв. № 4); ныгама, Свенц. (Отв. № 13); ногама, Быхов. (Ром., III, 271).

Вин. мн.: белорус.— дайць каро́вы, Могил. (Отв. № 4), Минск. (Отв. № 18).

Замечания к отдельным падежам и формам падежей.

В старом языке, как видно из приведенных примеров, в дательном-местном единственного и именительном-винительном двойственного перед *ѣ* вместо *k*, *g*, *x* всегда *c'*, *z'*, *s'*; то же в современном украинском и белорусском. Но после *s* уже и в старом языке известны образования с этимологически сохраненными *k*, *g*, *x* средненебными: ср. пасхѣ, Стих. 1157, 220 а, 256 с.

Слово *господа* в старом языке имело значение единственного числа с собирательным смыслом. Ср. вадити на гоподоу, Новг. гр. 1270, № 3; добили чело^{м} свое^{и} гдѣ^{с} велики^{м} кнзе^{м}, Новг. гр. 1471, № 20; и всеи луки Чюхъченимъскои моеи ѡсподи, Дв. гр. XV в., № 117; вам гдѣ^{с} свое^{и} кланѧемсѧ, Лет. Авр. Поэтому в звательном падеже: гдо^{с}, Лет. Авр. (Карский); простите мѧ гдо^{с}, Соф. XV в., № 1262 (Каринский); гдо^{с} брає^{т}, Лет. Авр. В более позднем языке, как увидим, *господа* получило значение именительного множественного числа, поэтому: но въı гда^{с} ісправѧче чтите, Апостол 1309—1312; и въı гда^{с} исправливающе чтите, Прол. 1383 (Оч. Собол. 127).

2. Основы на -*ā* с предшествующею мягкою согласною

Относящиеся сюда основы получили мягкую согласную в результате палатализации согласной перед следующим *j* и исчезновения этого *j*: duša из *dux-jā. К ним присоединились в позднейшую эпоху жизни общеславянского языка основы на *c'*, *z'*, *s'* перед падежными окончаниями, причем *c'*, *z'*, *s'* явились на месте *k*, *g*, *x* под влиянием предшествующей гласной переднего ряда.

Ед. И.	dušà	(доуша)	ov'ьc'à	(овьца)
З.	dùšȯ	(доуше)	òv'ьc'ȯ	(овьце)
Р.	dušѣ̀	(доушѣ)	ov'ьc'ѣ̀	(овьцѣ)
Д.	dušì	(доуши)	ov'ьc'ì	(овьци)
В.	dùšu	(доушоу)	òv'ьc'ù	(овьцю)
Т.	dušèi̯u	(доушею)	ov'ьc'èi̯u	(овьцею)
М.	dušì	(доуши)	ov'ьc'ì	(овьци)

Дв.	И. З. В.	dušì	(доуши)	ov'ьc'ì	(овьци)
	Р. М.	dušù	(доушоу)	ov'ьc'ù	(овьцю)
	Д. Т.	dušàma	(доушама)	ov'ьc'àma	(овьцама)
Мн.	И. З.	dùšѣ	(доушѣ)	òv'ьc'ѣ	(овьцѣ)
	Р.	dùšь	(доушь)	òv'ь̀c'ь	(овьць)
	Д.	dušàmъ	(доушамъ)	ov'ьc'àmъ	(овьцамъ)
	В.	dùšѣ	(доушѣ)	òv'ьc'ѣ	(овьцѣ)
	Т.	dušàm'i	(доушами)	ov'ьc'àm'i	(овьцами)
	М.	dušàxъ	(доушахъ)	ov'ьc'àxъ	(овьцахъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке в родительном единственного, именительном-винительном множественного в соответствии с русским *ѣ* является *ę* из *ѣ̨*: доуша; в творительном единственного при окончании ѥѭ еще окончание ѫ: одеждѫ, ноуждѫ, доушѫ, ꙁемьѫ, Супр. В сербском склонение относящихся сюда основ совпало со склонением основ с предшествующей твердой согласной, но в древнесербском они еще различались, например: при родительном единственного *глави, владикы — земле, богородице*. В польском дательный единственного — duszy, ziemi (при głowie, matce), то же в местном единственного; именительный-винительный множественного — dusze, ziemie (при głowy); древнепольский звательный единственного — dusze, gospodze, dziewice; родительный единственного — ziemie, wole, świece.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: волꙗ, землꙗ, въдовицѧ, пътица, ѡдежа, Жит. Феод.; землѧ, Дв. гр. XV в., № 2; лжа, Ипат., 183.

Зват. ед.: ноуже, Жит. Феод.; свечо, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); о руская земле, Сл. о п. Иг., 10.

Род. ед.: недѣлѣ, тьмьницѣ, Жит. Феод.; землѣ, вонѣ, ключницѣ, пшеницѣ, Лавр.; отъ землѣ, от вонѣ, лоучии ѥсть овьцѣ, Мстисл. ев. XII в.; дѣвицѣ, Стих. XII в., № 279, 87 в; недѣлѣ Ев. 1092, 86в, 88в; м҃чинцѣ, ib., 119; землѣ, Ев. XII в. Типогр., № 1; без недѣлѣ, Новг. 1-я, 62; до землѣ, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 241а; тысѧцѣ, Ипат., 199б; душе, Рижск. гр. ок. 1300; одежѣ, ноужѣ, земле, волѥ, пище, Толк. апост. 1220; недѣлѣ, Стих. 1157, 12с, 19д; Надеже, Добрил. ев., 248с; из доброи волѣ, Молд. гр. 1393, № 8; землѣ, Дв. гр. XV в., № 28.

Дат. ед.: воли, земли, дш҃и, Жит. Феод.; въдовици, ib.; твоѥи кнѧгыни, Новг. гр. 1265, № 1; по оулици, Дв. гр. XV в., № 2;

тои тони, ib., № 115. Встречающееся у Ломоносова, В. Майкова, И. Дмитриева, Крылова *земли* можно признать (за В. И. Чернышевым) славянизмом.

Вин. ед.: ѡдежю, сорочицю, землю, вечерю, скважьню, Жит. Феод.; за кнѧгъıню, Новг. гр. 1314, № 12; землю, Дв. гр. XV в., № 2; ѡвцю, ib., № 24; тоню, ib., № 115; за телицю, ib., № 28.

Твор. ед.: надежею, волѥю, Жит. Феод.; за кнѧгъıнею, Новг. гр. до 1308, № 6; землею, Дв. гр. XV в., № 3; за оулицею, ib., № 34.

Местн. ед.: одежи, земли, Жит. Феод.; поустъıни, ib.; а на души бъıлъ, Дв. гр. XV в., № 9; на лужи, ib., № 19; в тони, ib., № 28; ѡ торговли, ib., № 22; у Литовской земли, Виленск. сп. Западнорус. лет. У упомянутых выше (писателей. — *Ред.*) при дательном падеже встречается и местный единственного *земли*, которое может быть славянизмом.

Им.-вин.-зват. дв.: по в҃ векши (вин.), Новг. 1265, № 1.

Дат.-твор. дв.: душама (твор.), Лавр.

Им.-зват. мн.: каплѣ, Стих. 1157, 160а; птицѣ, Ев. XIII в., № 6, 52а, 119в; крохотъцѣ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 40); оучн҃цѣ, Ркп. 1296 г., Син. 68а; вежѣ, птицѣ, оусобицѣ, Лавр.; пожнѣ, Дв. гр. XV в., № 28; придоша птицѣ, Мстисл. ев.; овьцѣ, ib.

Род. мн.: овьць, пътиць, Жит. Феод.; земль, Лавр., Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31); деревень, Гр. 1462—1464 (XVI) (А. Калач., I, № 103); на г҃ кучь, Дв. гр. XV в., № 10; половина тонь, ib., № 113; ѿ судов и ѿ пень, Догов. гр. 1436 (№ 56); свѣчь, Вопр. Кир. (Р. И. Б., VI, 24).

Дат. мн.: въдовицѧмъ, зорѩмъ, Жит. Феод.; кн҃гнѧ҃м, Новг. гр. 1471, № 20; панямъ, Гал. гр. 1404.

Вин. мн.: пригъръщѣ, свѣщѣ, Жит. Феод.; лучѣ, Ипат., 61б; на птицѣ, Мстисл. ев.; пожне, Новг. гр. 1265, № 1; бронѣ, вежѣ, дъцѣ, лучѣ, ѡвцѣ, ѡдежѣ, лжицѣ, доушѣ, Лавр.; роукавицѣ, Гр. 1229 (А); в деревнѣ, Гр. 1439 (А. Калач. I, № 31); тонѣ, пожнѣ, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); ѡвьцѣ, Стих. XII в., № 279, 7а, Ев. XIII в., № 6, 150а; усобіцѣ, Сл. о п. Иг., 9.

Твор. мн.: неделѩми, Жит. Феод.; промежу ꙁемлѧми, Дв. гр. XV в., № 2; с твержами, Северск. гр. 1388.

Местн. мн.: колесницахъ, одежахъ, Жит. Феод.; на тихъ землѧхъ, Дв. гр. XV в., № 2; на пожнѧхъ, ib., № 5; в межахъ, ib., № 10; в всѣхъ тѧжахъ, Гр. ок. 1240.

Сюда же относится ряд слов мужеского рода. Им. ед.: Селюша, Дв. гр. XV в., № 5; Левуша, ib.; Дороша, ib., № 35; невѣжа, Жит. Феод.; Ѡртѧ, Дв. гр. XV в., № 128; Федоръ Кравьча, Дв. гр. XV в., № 121; а истьца начнеть головою клепати, Русск. Пр. в сп. 1282 (Р. Д., I, 32); род. ед.: Павше, Новг. гр. 1270, № 3; оу Станше, Дв. гр. XV в., № 28; оу С҃тошѣ, Лавр.; прѣдътечѣ, Стих. XII в № 279; оу Климушѣ, Дв. гр. XV в. № 80; дат. ед.: коуноемьчи (вместо — коуноемьци), Гр. ок. 1240; оуноши, Жит. Феод.; твор. ед.: Костюшею, Дв. гр. XV в., № 94; им. дв.: две оуноши, Ипат., 71б; им. мн.: оубииц, Лавр.; вин. мн.: ѡнъı оуноше, Колом. Палея; род. мн.: вельможь, Жит. Феод.; дядь, Стогл. Казанск. изд., 35; в дѧдь своихъ мѣсто, Дв. гр. XV в., № 127; дѧдь своихъ, Киевск. гр. 1446.

Имена на *-n'a* в им. ед. имеют восходящую к общеславянскому языку форму на *-n'i*: уже пустъıни силу прикръıла, Сл. о п. Иг., 19; рабъıни, Жит. Феод.; кнѧгъıни, Лавр., 278, 319; кнѧгини, Ипат., 161 а, 176г и др., Гр. 1441—1442 (А. Калач., I, № 31), Дух. 1328, № 21, Виленск. сп. Лит. лет., Ермол. лет., 288 об; Мѣзъıни (название местности), Дух. 1356, № 25; пани (из польск.), Перемышл. гр. 1378; им. ед. — гдрни, Домостр. Конш. 28 (ib.: гдрнѧ, 28). Зват. ед. также оканчивается от этих слов на *-n'i*: кнѧгини, Ипат., 298в. Ср. ст. слав. богъıи҆н, господъıни, рабъıни, ѥлинъıи҆н, свѧтъıни, милостъıи҆н и т. д. Ср. в польск.—pani (им. и зват.), древн. — gospodyni, prorokini, ksieni, bogini, przezdziadkini, jaskini, łani, то же в зват.— posełkini, o ksieni, pani, bogini.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: великорус.— барыни, барычни, сударыни, Петроз. (Отв. № 30); барыни, барышни, сударыни, Орл.-Вят. (Отв. № 42); барони, сударони, барошни, Сольвыч. (Отв. № 193); склады́ни (складчина), Нолин. (Отв. № 51); белорус.— пани, княгини, гаспадыни, Новоалекс. (Отв. № 14).

Зват. ед.: юноше, Петров. (Шахм., в сказке); укр.— ду́ше, зе́мле; белорус.— молодзи́цо, заро́, Пинск. (Отв. № 5).

Род. ед.: укр.— душі́, свічі́, бані, грижі, вежі.

Дат. и местн. ед.: великорус.— к зари́, к радни́, в души́, на зямли́, в сямьи́ (при — к жане, на старане), Брянск. (Отв. № 259); укр. галицк.— вівци́, земли́.

Им. мн.: укр.— ві́вці.

Род. мн.: сотню ве́кош, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.).

Замечания об отдельных падежах и формах.

Слово pol'ьza древнерусским языком заимствовано из такого старославянского (древнеболгарского) диалекта, в котором отвердели аффрикаты c' и ʒ'. Поэтому род. ед.— польꙁъı, Гал. ев. 1144, 79a, 195a, Ев. 1092, 139a, Ев. 1339, 14a. Однако было известно и pol'ьz'a, ср. пользю, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 160a, 60c; на пользю, Стих. XII в., № 279, 169. Ср. также форму *нѣльзѣ* — дат. при и вместо *нѣльзи*: нелзѣ, Гр. 1229 (Д.).

3. Основы на -i̯ā и -jā

В этих основах видим i̯ в положении между гласными полного образования, а j в положении между ь̂ слабым и гласной; поэтому staja, struja, но łoď'ь̂jà, brȁt'ь̂ja. Звук j влиял на изменение следующего e в ä, а после i̯ звук e сохранялся без изменения; это положение основываем на относящихся сюда случаях в склонении имен среднего рода.

Ед.	И.	stàja	(стаꙗ)	łoď'ь̂jà (лодиꙗ)
	З.	stàje	(стаꙗ)	łòď'ь̂jä (лодиꙗ)
	Р.	stàjѣ	(стаѣ)	łoď'ь̂jѣ̀ (лодиѣ)
	Д.	stàji	(стаи)	łoď'ь̂jì (лодии)
	В.	stàju	(стаю)	łoď'ь̂jù (лодию)
	Т.	stàjeju	(стаею)	łoď'ь̂jèju (лодиею)
	М.	stàji	(стаи)	łoď'ь̂ji (лодии)
Дв.	И. В. З.	stàji	(стаи)	łoď'ь̂ji (лодии)
	Р. М.	stàju	(стаю)	łoď'ь̂jù (лодию)
	Д. Т.	stàjama	(стаꙗма)	łoď'ь̂jàma (лодиꙗма)
Мн.	И. З.	stàjѣ	(стаѣ)	łòď'ь̂jѣ (лодиѣ)
	Р.	stài	(стаи)	łoď'ь̂ì (лодии)
	Д.	stàjamъ	(стаꙗмъ)	łoď'ь̂jàmъ (лодиꙗмъ)
	В.	stàjѣ	(стаѣ)	łòď'ь̂jѣ (лодиѣ)
	Т.	stàjam'i	(стаꙗми)	łoď'ь̂jàm'i (лодиꙗми)[1]
	М.	stàjaxъ	(стаꙗхъ)	łoď'ь̂jàxъ (лодиꙗхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском те же окончания, но, конечно, ꙗ в род. ед., им.-вин. мн., например: ꙁмиꙗ, ладиꙗ. В сербском отметим род. мн.

[1] По описке в рукописи: łoď'ь̂jàmъ (лодиꙗмъ), т. е. форма дательного падежа. *(Ред.)*

лâђӣ (а лâђā — другая параллельная форма — это новообразование); древн. сербск. род. мн.: ладај — новообразование вместо ладиј под влиянием вставного (беглого) *а* в мраваљ, трубаљ, дасак, сестар и т. д. В польск. род. мн. — ś'wini, zbroj, szyi.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: братиꙗ, Жит. Феод.

Зват. ед.: братье, Ипат., 192б.

Род. ед.: братиѣ, келиѣ, Жит. Феод.; ѿ змиѣ, Ркп. 1296, 35в; Еуфимиѣ, Ев. XV в., № I, 130а; Софьѥ, Добрил. ев., 248с; Мр҃ьѥ, ib., 267в.; седмь братьѣ, Ев. XIII в., № 6, 68а; Ефимьѣ, ib., 197в; Анастасьѣ, ib., 200в, Еупраксиѥ, Стих. 1157, 161а; Наталиѥ, ib., 185в; Ѥуфимиѣ, Стих. XII в., № 279, 111 в.; Ѥуфимиѥ, ib., 113в; Натальѣ, ib., 152а; Ѥвдокьѥ, Гал. ев. XIII в.; Огафьѥ, братьѣ, Дух. Климента XIII в.; братьѥ, ib.; оу ст҃ѣи Софиѥ, Новг. 1-я, 8; ѿ лодьѥ, Новг. гр. 1265, № 1; ѿ братьѥ, ст҃ъıꙗ мч҃нцѣ Евдокиѣ, Анастасиѣ, Палагиѣ, Софиѣ, Мстисл. ев (Карский); ѡколо шіе, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Дат. ед.: братии, Жит. Феод.; братьи, Дух. Климента, XIII в., Волынск. гр. 1366.

Вин. ед.: братию, келию, Жит. Феод.; свинью, Дв. гр. XV в., № 19; подли ту же верѣтию, ib., № 18.

Твор. ед.: братию, епитимиѥю, Жит. Феод.; нашею братиѥю, Новг. гр. 1270, № 3; Семенъ Микитьічь с братьѥю, Переясл. гр. после 1356.

Местн. ед.: келии, Жит. Феод.; при нашеи братии, Новг. гр. до 1305, № 10.

Род. местн. дв.: на двою харатью, Лавр., Ипат., 20г.

Им.-зват. мн.: змиѣ, Лавр.

Род. мн.: келии, Жит. Феод.; из лодеи, Лавр.; из лодѣи, Новг. гр. 1373, № 17.

Дат. мн.: келиꙗмъ, Жит. Феод.; лодѣꙗмъ, Новг. гр. 1373, № 17.

Вин. мн.: строуѣ, Стих. XII в., № 279, 118а; змиѣ, лодьѣ, Лавр.; свиньѥ бити, Новг. гр. до 1305, № 9.

Сюда же относится ряд слов мужеского рода. Им. ед.: Захарьѧ Климентѣеви(ч), Дв. гр. XV в., № 32; Ортѣмьꙗ, Дв. гр. XV в., № 80; Назарьꙗ Ѡндриеви(ч), ib., № 110; Макарьѧ Семенови(ч), ib., № 115; Григорья, Новг. гр. 1392; Григорьѧ дьѧ(к), Псковск. 1-я лет. Погод. № 1413 (Каринский); род. ед.: Ѡнаниѣ, Пантел. ев., 109г;

Илиѣ, Ев. 1092, 169в; Захариѣ, ib., 167а; Ананьѥ, Добрил. ев., 248д; Илиѥ, ib., 267в; Захарьѣ, Ев. XIII в., № 6; Еремиѣ, Усп. Минея XII в.; Илиѣ, Стих. XII в., № 279, 116а; пр͡рока Илиѣ, пр͡рка Захариѣ, Мстисл. ев. (Карский); с҃того Ильѣ, Лавр.; дат. ед.: Прокопии, Рижск. гр. ок. 1300; ст҃му Ильи, Дв. гр. XV в., № 117; Ѡртемьи Дементьевꙋ, Дв. гр. XV в., № 81; соудии твоѥмоу, Новг. гр. 1265, № 2; ѣздити соудьи, Новг. гр. до 1327, № 15; вин. ед.: Исаию, Жит. Феод.; ищею, Гр. 1462—1505 (Собр. Мух., № 269); твор. ед.: с Онаньею, Дв. гр. XV в., № 77; Григорьею, Гр. 1373; местн. ед.: на Ѡнаньи, Дв. гр. XV в., № 77; зват. ед.: Исаиѥ, Гр. ок. 1130; дат. мн.: твоимъ соудиꙗмъ. Новг. гр. до 1305, № 9; твор. мн.: соудиꙗми, Жит. Феод., на Ортимью, с Ортимьею, Новг. гр. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 41).

В им. ед. (так же как от рассмотренных выше слов на *-n'a*) известно окончание *-i̯i* вместо *-i̯a*. Сюда относятся: молнии, Добрил. ев., 81а; молнии, Ев. 1339, 65б; молньи, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 179б; молонии, Ипат., 98г; бездушна хартиі, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 118а; Евъпраксии, Ипат., 97г; также — судьи, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 202г. Трудно утверждать, чтобы эти и подобные им формы не были свойственны русскому языку; *мълниꙗ*, Остр. ев., и Соболевский и Карский признают русизмом; ср. в Ипат.: молньꙗ, 272б, молъньꙗ, 55г, молоньꙗ, 17г. В старославянском языке большая часть относящихся сюда слов мужеского рода имела окончание -ни, ср. сѫдии, кънигъчии, кръмьчии, вѣтии (вития), балии (врач), сокачии (повар); то же окончание в словах женского рода: ладии или алдии, млънии. Ср. в др.-польск.— sądzi, в др.-сербск.— соудии. Думаю, что это окончание в именах мужеского рода было свойственно и древнерусскому языку. Ср. отмеченные раньше (в склонении мужеских основ на смягченные согласные и *i̯* (*j*) перед *ŏ* формы им. ед. *Юрьи*, *Григорьи*, *Васильи*, *Игнатьи*, также *Гюрги*. Сопоставьте при *Григорьи* форму *Григорьею* или им. ед. *Григорья* (см. выше). Отмечу: *игоуменьꙗ*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. В., VI, 34).

Примеры из современного языка.

Укр.: род. ед.— шиї, им. мн.— змії, зват.— надіє́. В великорус. и белорус. слово *судья* диалектически женского рода: мировая судья, Новг. (Колосов); мировая судзьдзя, Свенц. (Отв. № 13).

Замечания об отдельных формах и падежах.

Сюда в древнем языке относился ряд слов с собирательным значением. Кроме *братиѣ*, отмечу *кънѧжиѣ*; ср. сѣдаху кнѧжьи, Ипат., 12б; вся кнѧжьи Роуськаѣ, Новг. 1-я, 93; Полотьскою кнѧжьею, ib., 100; *зѧтиѣ*, ср. зѧтью, Дух. 1356, № 26; дат.— зѧтьи своѣи, Дв. гр. XV в., № 5; ее зятьи, Новг. дог. 1456 (А. А. Э., I, № 58); от отца дѣтемъ или отъ тестя зятіи или от братіи братіи, Стогл., изд. Казанск., с. 43; *шюриѣ*, ср. своеи шоурьи, Лет. Авр. (Карский); шюрьи своеи, Увар. сп. Западнорус. лет.; и ина шурья даша ему многы даръı, Пов. о Девг. (Пыпин, Очерки, 88); с шоуріею своею, Дв. гр. XV в., № 107; *дѧдиѣ*, ср. с дядьею, Гр. 158 (А. Ю., № 24); *дроужиѣ*, ср. современное *дружья*, Венев. (Тр. диал. ком.), но в значении множественного числа. Как увидим ниже, эти слова в позднейшем языке получили значение множественного числа; однако диалектически единственное число сохраняется до сих пор: тая брацьця, Рогач. (Ром., III, 158). Этим объясняется, например, употребление формы *брат* в звательном падеже: w̃даите братьıѣ моѣ, Дв. гр. XV в., № 11; братıѣ и дружино, Ипат.; 162а; братьıѣ моѣ милаѣ, ib., 294а (ср. там же: братьıѣ русции, 104г); братья, Лавр. 300, 310, 439. Неясна форма звательного множественного *братиѣ* в Гр. Мстислава ок. 1130; возможно, что это окончание именительного множественного; мало вероятно, чтобы ѣ в этом памятнике можно было признать графическою заменою буквы ѥ.

Любопытно отметить, что рассматриваемые основы на *-ĵā* уже в очень древних памятниках имеют в родительном падеже единственного вместо ожидаемого окончания *-иѣ* окончание *-ии*. Объяснить это *ĵi* фонетически заменою *ѣ* через *i* представляется невероятным, потому что *ѣ*, если бы даже при известных условиях являлась необходимость изменить его в *i*, поддерживалось грамматической ассоциацией, например, слов, как *доушѣ*, *волѣ*. Быть может, перед нами влияние основ на *-ĭ*, причем можно было бы допустить, что основы на *-ĭ* (*ь*) влияли на те основы на *-jā*, которые в именительном единственного оканчивались на *-ĵi*, между тем как на основы, оканчивавшиеся в именительном единственного на *-ā*, влияние их не распространялось. То обстоятельство, что подобные формы родительного единственного встречаются в памятниках именно русской редакции, могло бы доказывать, что и в именительном единственного древнерусский язык знал окончание *-ии* (*-ьji*); сопоставьте с этим сказанное выше. Приведу примеры род.

ед. на *-ѣ̂ji* (*-ии*) вместо *-ѣ̂jѣ*: пр͡рка Захарии, Стих. XII в., № 279, 8а; Наталии, ib., 161в; Соломонии, ib., 130в; Зиновии, ib., 42в, 43а; Анастасии, ib., 83а; Захарии, Стих. 1157, 7а; Зиновии, ib., 39в; Марии, ib., 156в; Соломонии, ib., 164а (ср. еще там же сгуптѧнъıни — род. ед., 133в, при им. ед. на *-ыни*); стъıꙗ мчнца Фотинии, Мстисл. ев. (Карский); ꙗже бѣ ѿ соудии обидима, Жит. Феод.; да и мнѣ поможеть обидимѣ соущи бес правьдъı ѿ соудии, ib., л. 61, столб. „с“ и „д“ рукописи XII в. (что здесь единственное число, видно из дальнейшего: и блаженъıи иде къ соудии). Ввиду древности указанных памятников, приведенные из них формы нельзя сравнивать, например, с родительным единственного *братии* в Новг. гр. ок. 1301 или *бра(т)и своѥи* в Новг. 1-2, 200; в этих последних формах *ѣ* заменено через *и* по другой морфологической причине, о которой скажу ниже. Не следует упускать из виду, что основы на *-ĭ* сближались с основами, имевшими в именительном-звательном окончание *-ѣ̂ji*, тем, что в звательном имели *-i*: зват. kosti, с одной стороны, кънѧгъıни, Евъпраксии — с другой.

IV. ОСНОВЫ НА *-ŭ* МУЖЕСКОГО РОДА

Эти основы весьма рано, может быть, частью еще в общеславянском праязыке стали смешиваться с основами на *-ŏ*, что зависело от совпадения тех и других основ в формах именительного и винительного единственного. С другой стороны, слова с основами на *-ŏ* могли образовывать отдельные падежи и даже ряд падежей по склонению основ на *-ŭ*. Поэтому даже затруднительно на основании данных одного русского языка определить, какие именно слова склонялись исконно как основы на *-ŭ*. Ниже сделаю соответствующие ссылки на памятники старославянского языка.

Ед.	И.	sỳnъ	(сынъ)
	З.	sỳnu	(сыноу)
	Р.	sỳnu	(сыноу)
	Д.	sỳnov'i	(сынови)
	В.	sỳnъ	(сынъ)
	Т.	sỳnъm'ь	(сынъмь)
	М.	synù	(сыноу)
Дв.	И. В. З.	synỳ	(сынъı)
	Р. М.	synòvu	(сыновоу)
	Д. Т.	synъmà	(сынъма)
Мн.	И. З.	synòv'ä	(сынове)
	Р.	synòvъ	(сыновъ)
	Д.	synъ̀mъ	(сынъмъ)
	В.	synỳ	(сынъı)
	Т.	synъm'ì	(сынъми)
	М.	synъ̀хъ	(сынъхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках склоняются как основы на *й* следующие слова: домъ, врѣхъ, сынъ, полъ, низъ, волъ, долъ, вънъ, кратъ, унъ, медъ, миръ, олъ, быть может, также сынъ (в значении „башня“) и санъ[1]. Окончания те же, что выставленные в парадигме. В сербском языке весьма рано совершился переход основ на *-й* в основы на *-ŏ*; форма зват. ед. *сыноу* держалась, однако, долго в памятниках; окончания основ на *-й* перешли в склонение основ на *-ŏ* в местн. ед., им. мн., род. мн., тв. мн. То же и в польском.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: сынъ, домъ, Жит. Феод.

Зват. ед.: с҃ноу мои Юрьи, Ипат., 295г; брате и с҃ноу, ib., 138в; с҃ноу, ib., 25б; сн҃у мои, Лавр.; сыну, Гр. 1443 (А. А. Э., I, № 40); сн҃у, Домостр. Конш., 62.

Род. ед.: медоу, домоу, Жит. Феод.; медоу, Ипат., 306б; оу всего дому, ib., 208в; волу, ib., 6а; до долу, ib., 206а; вина и ѡлоу, ib., 254а; апл҃ского чиноу, ib., 241г; проса мироу, ib., 274г, с полоу, ib., 301в, изо вну, ib., 206б; медоу, Новг. 1-я, I; сн҃оу, Дух. Климента XIII в; без мироу, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); дому, меду, Лавр.; лишитиса саноу, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 46); ѿ вьрхоу до низоу, Гр. 1229 (А); отъ міру (mundus), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); на ель без верху, Гр. XV—XVI в. (А. Калач., II, № 178); мироу; медоу, изь долу, Лет. Авр. (Карский); мироу не взаша, Синод. лет. сб. № 154 (Каринский); до мирꙋ, медꙋ, Псковск. 1-я Погод. № 1413 (Каринский); а не обидѣти ничимъ дому ст҃ои бц҃и, Переясл. гр. после 1356.

Дат. ед.: ко сн҃ови, Ипат., 305г; к домови, ib., 249в; сынови, домови, Лавр., 462; мирови, Ипат., 207а; с҃нви, Дух. Климента XIII в.; сынови, Новг. гр. 1360—1389 (А. ІО., I, № 409); меншемоу сынови, Русск. Пр. (Р. Д. Г., 55).

Вин. ед.: посла сынъ свои Романа, посла сынъ свои другыи, Лавр. 277; сн҃ъ, Новг. 1-я, 17; за сн҃ъ свои за Володимира, Ипат., 188б.

Твор. ед.: сынъмь, Жит. Феод.

Местн. ед.: по с҃ноу своемь, Ипат., 264б; ѿ сн҃оу, ib., 213г; во своемь домоу, ib., 290в; въ домоу, Жит. Феод.; въ чиноу, ib.; вьрьхоу, ib.; въ полоу дне, ib.; ѡ мироу, Ипат., 142в; о миру,

[1] Приписка на полях карандашом: „сюда же надо отнести санъ“. *(Ред.)*

Лавр., 450; в дому своемь, ib. (Некрасов); в томь мироу, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); о сыну, Догов. 1371, № 29; в миру, Догов. 1368, № 3; w мірѣ, Лет. Авр. (Карский); а буда в миру, Новг. гр. 1373, № 17; о мироу, Синод. сб. № 154 (Каринский); в дому моемъ, Дв. гр. XV в., № 117; w моемъ сыноу, Западнорус. сб. XV в. № 391 (Карский); у Кнефла в дому, Гал. гр. 1370; на томь мироу, Гр. 1229 (А); въ домоу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44).

Им.-вин.-зват. дв.: wба полъı, Ипат., 96в; оба полъı сего времени, Сл. о п. Иг., 6.

Род.-местн. дв.: сновоу (м.), Гал. ев. 1144, 44, Ев. XII в. Типогр. № 1, 76а.

Им.-зват. мн.: домове, Новг. 1-я, 107, Ипат., 98а; волове, Ипат., 32в; сынове, Дух. Калиты 1328; снове, Жит. Феод.; домове, медове, Жит. Б. и Гл. по сп. XII в.; зв. мн.: сынове, Гр. 1462—1464 (XVI в.); сынове, Молд. гр. 1423.

Род. мн.: сновъ, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; вьрховъ, ib.

Вин. мн.: домъı, Жит. Феод.

Твор. мн.: с сынъми, Лавр. 284; с снъми, Ипат., 146б, 105г.

Местн. мн.: домъхъ, Жит. Феод.; в снохъ, Лет. Авр. (Карский).

Кроме перечисленных выше слов, известных из старославянских памятников как основы на *-ŭ*, в склонение этих основ перешли в древнерусском (а частью, может быть, и в общеславянском) еще следующие слова: *рядъ*, ср. а радоу... не посоужати, Новг. гр. до 1305, № 9; без радоу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44); безъ ряду, ib., 55; до радоу, Ипат., 238а; радоу, Новг. 1-я, 55; местн. ед.— на Романове радоу, ib., 232б; род. мн.— радовъ, Ипат., 152б; дат. мн.— по радомъ, Новг. гр. 1471, № 20; местн. мн.— на своихъ радохъ, Ипат., 240в; — *даръ*, ср. на дароу, Лавр.; на дару, Ипат., 43г; род. ед.— дарѣ, Псковск. 1-я лет. Погод. № 1413 (Каринский); им. мн.— дарове, Ипат., 206г, 108в, 178в; род. мн.— даровъ, Ипат., 188г; твор. мн.— дарми, Ипат., 15а, 306г; даръми, ib., 234г. Ср. в старославянских памятниках: радоу — род. ед. в Супр., местн. ед. в Супр., Ассем.ев.; в памятниках русской редакции: двѣма радъма, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 244г; дарове, Усп. Минея XII в., 110 об. I; даровъ, Сб. 1073 и др.

Примеры из современного языка.

Во всех русских наречиях произошел переход основ на *-ŭ* в склонение основ на *-ŏ*, хотя последние и получили ряд падежных форм из склонения основ на *-ŭ*. Отмечу здесь некоторые формы от известных уже нам слов, образованных по склонению основ на *-ŭ*: великорус.

наречное выражение *дарма* (ср. дат.-твор. дв. *даръмá*); для свово сынў, Малмыж. (Отв. № 105); в каждом домў, Дмитр. Моск. (В. Чернышев); белор. — з бацькового домў, Быхов. (Отв. № 5); кто ў етым домў, Могил. (Отв. № 3); дат. ед.— сынови, Пинск. (Отв. № 7); твор. мн.— валмй, Пинск. (Отв. № 1); укр. диалект. им. мн. — синóве; угрорус. зват. ед. — сыну; им. мн. — сынóве; дат.— сы́нови, волóви (Верхр., I); им. мн.— сынóве; твор. мн.— сынмі, вілми (Верхр., II); лемк.— синми, вілми; местн. мн.— сынох, волох; дат. ед.— сынови, волови, зв. ед. — сыну (Верхр.).

Замечания об отдельных падежах.

Кроме окончаний *-ѣтъ*, *-ѣхъ*, в дат. и местн. мн. были известны, кажется, уже в древнем языке *-ovomъ*, *-ovѣхъ*: synovomъ, synovѣхъ; ср. w роускихъ снвѣхъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 56б. Относительно окончания дат. ед. *-ovi* замечу, что фонетически мы ожидали бы еще в общеславянском праязыке *-ovь*, ибо конечное неударяемое *i* изменялось в общеславянском праязыке в *ь*; но *ovь* было вытеснено через *ovi* под влиянием *i* в основах на *-ĭ* и в основах на согласную, а в этих основах сохранялось потому, что во многих словах было защищено ударением (так вероятно, что słovo имело в дат. падеже ударение słovesì; возможно, что то же ударение в дат. pǫtì; дьнь, во всяком случае дьни). Ср. в позднейшую эпоху диалектическое украинское *ovi* вместо *ov'ĭ* (*синові* вместо *синови*) под влиянием местн. ед. на *-i* (из *ѣ*); сині, городі. Фонетическое изменение *-ovi* в *-ovь* сохранилось в наречных выражениях: domov'ь, dołov'ь, откуда после падения глухих: domóv', dołóv'. Ср., с одной стороны, написания, как *домови* (чит. domov'ь) в значении наречий, например, такое уже традиционное написание в Ипат., 12в, 156а, 196б; с другой: *домовь*, Новг. 1-я, 2, 18, 111, 114, Гр. 1189—1199, Ипат., 208в; *домовъ*, Ипат., 156а, 152в, *доловъ*, Догов. 1371; № 31, Ипат., 231а; *доло*$\widehat{\text{в}}$, Догов. 1368, № 3, а с тѣ$\widehat{\text{х}}$ порука *доло*$\widehat{\text{в}}$, Новг. гр. 1471, № 20; сюда же: *ежегодовь*, например: слати... ежегодо$\widehat{\text{в}}$ по старинѣ, Новг. гр. 1471, № 20.

Переход основ на *-ŭ* в основы на *-ŏ*.

Подобный переход имел место, несомненно, еще в общеславянскую эпоху; так, общеславянский язык утратил основы на *-ŭ* в именах прилагательных, ср. литовские прилагательные, как saldùs — сладкий, lygus—ровный, греч. ἐλαχὺς. Из др.-инд. páçu, лат. pecu, готск. faíhu (слова средн. рода) можно заключить, что слово *пьсъ* перешло в основу на *-ŏ* мужеского рода, заменив основу на *-ŭ* среднего рода.

Перечисленные выше основы на *-ŭ* уже в древних памятниках старославянского языка могли образовывать отдельные падежи по склонению основ на *-ŏ*. Ср. в особенности дома (οἴκοι) в Зогр. ев., Мар. ев., Савв. кн., Ассем. ев., Супр. Но также дат. домоу, Зогр., Мар., Ассем. ев., Супр., Савв. кн. Далее сюда относятся род. врѣха, Зогр., Мар., Охр. ев., Супр. Единичны: меда в Син. пс., медомъ — твор. ед., Супр. Особо должно быть поставлено слово сынъ: во всех названных старославянских памятниках находим формы, как сына — род. ед., сыноу — дат. ед., сыни — им. мн., сынѣ — местн. ед., сыне — зват. ед., сыномь — твор. ед. Переход склонения сынъ в склонение основ на *-ŏ* объясняется, конечно, тем, что вместо вин. падежа сынъ для отличия его от именительного появилась форма сына (как в основах на *-ŏ*), а сына уже неминуемо вызвало и другие при себе падежные формы по склонению основ на *-ŏ*. В памятниках русской редакции видим те же отношения: два сна (вин. дв.), сне двдвъ (при сноу двдвъ), Мстисл. ев.; сне — зват. ед., Гал. ев. 1144, Усп. сборн.[1] XII в., № 175 (18), 126а; в домѣхъ, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 232в; до вьрха горъı, Пантел. ев., 70г; тъı бо свъıше борешиса сь же долѣ, Поуч. Ефр. Сир., 197в; чини, Колом. Палея, 115. В русских памятниках: два сна, Ипат., 156а, 177г; вин.— сна, Новг. 1-я, 56; сну (дат. ед.), сна (вин. дв.), Лавр.; в сна своя, Новг. 1-я, 210; w снѣхъ, Лавр., 140б; дат.— сну, Лавр.; сноу, Мстисл. гр. ок. 1130; съ снъı, Ипат., 230б; двѣима сынома, Ипат., 245б. Для слова *домъ*: дому — дат., Лавр.; в домехъ, Ипат., 193а, 121а. Еще отмечу: w шти версѣхъ, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 5а; вьрха, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; днѣ и внѣ, Ипат., 282б; стоище долѣ, Ипат., 63г.

V. ОСНОВЫ НА -ĭ МУЖЕСКОГО РОДА

Приведу образец склонения.

Ед.	И.	z'àt'ь	(зять)	Мн.	И.	z'àt'ьjä (зятие)
	З.	z'àt'i	(зяти)		З.	z'àt'ьjä (зятие)
	Р.	z'àt'i	(зяти)		Р.	z'at'ьi (зятии)
	Д.	z'àt'i	(зяти)		Д.	z'at'ьmъ (зятьмъ)
	В.	z'àt'ь	(зять)		В.	z'àt'i (зяти)
	Т.	z'àt'ьm'ь	(зятьмь)		Т.	z'at'ьm'i (зятьми)
	М.	z'àt'i	(зяти)		М.	z'at'ьxъ (зятьхъ)

[1] В рукописи: Усп. Минея. (*Ред.*)

Дв. И. З. В.	z'at'ì	(зѩти)
Р. М.	z'at'ȇjù	(зѩтию)
Д. Т.	z'at'ьmà	(зѩтьма)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском сюда относится боль (больной человек), гвоздь, голѫбь, гость, грътань, дръколь, ꙁвѣрь, ꙁѧть, лакъть, маломошть, медвѣдь, ногъть, огнь, печать, пѫть, тать, оушидь (разбойник), чръвь, ѫгль, а также употребляемое только во множественном люди. Склонение тождественно с древнерусским. Возможно, что во множественном -ию, -ии вытеснялось окончаниями -ью, -ьи с ь, проникшим из других падежей множественного числа (дательного, творительного, местного). В современном сербском эти основы перешли в склонение основ на *-ŏ* с предшествующей мягкой согласной; но в древнесербском известны были и формы, как род. ед.— zети, поути, грьтани, тати; местн. ед.— пȣ̆ти; дат. ед.— поути; им. мн.— гостию, кметию, людию, ꙁвѣрїе, пȣ̆тїє; род. мн.— кьмети, лȣ̆ди, пути, црви; вин. мн.— тати, гости, лакти, нокти, люди, црви; твор. мн.— гвоздми, црвми, лудми. В современном языке сохранились формы љу̑ди (мн. ч., новообразование), љу́дӣ — род. мн., љу̑дма и љу́дима, также форма род. мн.— цр́вӣ. В польском произошло совпадение основ на *-ĭ* с основами на *-jŏ*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: поуть, Жит. Феод.

Род. ед.: гости, Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Новг. гр. ок. 1301; поути, Жит. Феод.; до поути, Дв. гр. XV в., № 107, Гр. до 1136 (не позже XIV в.); от тести своего, Лавр., 332; тести свое͡г, Ипат., 239г; всѧкого голуби, Колом. Палея, 65.

Дат. ед.: гости, Гр. 1266—1272; гости нашемоу, Новг. гр. 1270, № 3; Соужъдальскомоу гости, Новг. гр. до 1327, № 15; къ зѧти, Ипат., 115б; зѧти, ib., 175д, къ зѧти, Новг. 1-я (1204 г.); тьсти, Жит. Феод.; к тести, Ипат., 239г; ко тести, ib., 255б; по голуби, Лавр.; поути, Гр. до 1136 (не позже XIV в.); поути, Жит. Феод.; а ѡпѧть начнеть не дати гости коунъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47).

Вин. ед.: зѧть Глѣбовъ, Ипат., 213г; на зѧть свои, Новг. 1-я, 166; поустити хлѣбъ и всѧкъıи гость, Новг. гр. 1314, № 12; огнь, поуть, Жит. Феод.; въвръжеся на бръзъ камень, Сл. о п. Иг., 40.

Твор. ед.: поутьмь, огньмь, Жит. Феод.; поутьмъ, Новг. 1-я, 200; звѣремь, Ипат., 72г.

Местн.ед.: на wдно̂м локти, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский)[1].

Им.-зват. мн.: звѣрие, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; червье, Ипат., 71г; людие, ib., 257в, 15г; гостие, ib., 19а, гостье, ib., 9г, звѣрие, Жит. Феод.; людие, ib., людье, Новг. 1-я, 94, 107; людье, Лавр., 303; гостье (зват.), Лавр.; звѣрье, путье, червье, татье, Лавр.; людие, Гр. 1229 (А); мозолье, Ипат., 25в; а вылѣзуть людье, Русск. Пр. (Р. Д., I, 41); татье, ib., 38; людие, ib., 37.

Род. мн.: поутии, Жит. Феод.; людии, ib.; людии, Догов. 1362, № 27, Лавр., Новг. гр. 1265, № 1; звѣрии гонитъ, Новг. гр. до 1308, № 6; ихъ затии... не приима̂т, Новг. гр. 1471, № 20; безъ людии, Русск. Пр. (Р. Д., I, 42); лосей, рысей, Позн. об. Западнорус. лет.

Дат. мн.: людьмъ, Жит. Феод.; люде̂м, Гр. 1391—1425 (А. Калач., I № 31); гостемъ, Волынск. гр. 1366; по людемъ, Послов. XVII в. (Симони, 79).

Вин. мн.: люді, Новг. 1-я, 138; зати, ib., 196; люди, Лавр.; по г голуби, Лавр.; звѣри гонитъ, Новг. гр. 1265, № 1; псы люди сдали, Крас. сп. Западнорус. лет.; гна по звѣри, Лавр.; люди своѣ послати, Волынск. гр. 1366.

Твор. мн.: з гостьми, Послов. XVII в. (Симони, 110).

Местн. мн.: людьхъ, Жит. Феод.; на людехъ, Новг. гр. 1305, 10; на оугълехъ, Ипат., 25г; в людехъ, Послов. XVII в. (Симони, 89).

Примеры из современного языка.

Род. ед.: великорус.— пути́; белорус.— пуці́, например Игум. (Отв. № 15); угрорус.— пути́, огни́ (Верхр., I).

Дат. ед.: великорус.— пути́; белорус.— пуці́; угрорус.— пути, огни́ (Верхр., I).

Местн. ед.: великорус.— на пути́; в дехти́, Макар. (Отв. № 56); угрорус.— огни́ (Верхр., I).

Им.-вин. мн.: великорус.— гости, звери, голуби, люди, гвозди.

Род. мн.: великорус.— гостей, зверей, людей, голубей; укр.— гостéй, людéй.

Дат. мн.: великорус.— людём, гвоздём, Великол. (Отв. № 45); людём, Касим. (Отв. № 47); гастём, Холмск. (Сергеев, А. Г. О.); белорус.— людзём, Могил. (Отв. № 4); госьцём, ib.; людзём, Себеж. (Отв. № 28); укр.— людем (Осадца).

---

[1] Далее приписка в скобках: „не сюда: эта основа на согласную".

Твор. мн: великорус.— людьми, диалект. госьми́, например Костр. (Отв. № 264); белорус.— людзьми́, Себеж. (Отв. № 28); гасцьми́, гусьми́, Могил. (Отв. № 4); укр.— гістьми, лю́дьми; лемк.— гістми, путми, людми и людьмы (Верхр.); угрорус.— зятьми́ (Верхр., I).

Местн. мн.: — великорус.— в людёх, Великол. (Отв. № 45); а гастёх, Холмск. (Сергеев, А. Г. О.); у людёх, Мосал. (Шахм.); белорус.— ў гасцёх, ў людзёх, ў лапцёх, например Могил. (Отв. № 4); укр.— людех (Осадца).

Замечания об отдельных словах.

Слово *господь* в древнерусском (и современном) языке образует по склонению на *-ĭ* только именительный, звательный падежи; в других падежах единственного числа видим основу на *-ŏ*: род. ед.— го́спода, дат.— го́споду, твор.— го́сподъмь, местн.— го́сподѣ; ср. гⷭ, Лавр.; гдѣ бз҃ѣ, Ипат., 63б. Причиной было, быть может, новообразование в винительном единственного, который получил окончание *-а* из основ на *-ŏ*, причем *господ'а* (ср. *господъ*, т. е. господа в Зогр. ев.) изменялось в *господа*. Впрочем, употребительна была еще форма *господеви* в дат. ед., ср. господеви, Лавр., 439; гви, Жит. Феод.; местн. ед.— по ги нашемь Ісу Хѣ, Жит. Феод.; в старославянском твор. ед.— гьмь, Усп. Минея XII в., 212в; в современ. укр. (церковном) языке указывается и форма твор. ед.— господемъ (при дат.— господеви). Во множественном числе держалось склонение на *-ĭ*: им.мн.— господиѥ, род. мн.— господии и т. д.

Возможно, что *огнь* и *звѣрь* уже в древнем языке стали склоняться, как основы на *-ŏ*.

О появлении в общерусском праязыке *-ьi* вместо *-ьĭ* скажем ниже при обзоре склонения основ на *-ĭ* женского рода.

VI. ОСНОВЫ НА *-ĭ* ЖЕНСКОГО РОДА

В большей части падежных форм эти основы совпадают с основами на *-ĭ* мужеского рода: отличия замечаются в образовании творительного единственного, где окончание *-jǫ* (*-ju*), между тем как в мужеских основах *-mь*, и еще в образовании именительного множественного, где в женском роде произошла, как и в прочих основах, замена именительного множественного винительным. Склонение женских основ на *-ĭ* должно рассмотреть отдельно от склонения мужеских основ, особенно ввиду различной судьбы тех и

других в последующей жизни русского языка: женские основы сохраняют свое склонение до сих пор, а мужеские вообще перешли в склонение основ на *-ŏ*.

Ед. И.	nòčь	(ночь)	Мн. И. З.	nòči	(ночи)
З.	nòči	(ночи)	Р.	nočȇi	(ночии)
Р.	nòči	(ночи)	Д.	nočь̀mъ	(ночьмъ)
Д.	nòči	(ночи)	В.	nòči	(ночи)
В.	nòčь	(ночь)	Т.	nočьm'ì	(ночьми)
Т.	nòčȇjù	(ночию)	М.	nočь̀хъ	(ночьхъ)
М.	nočì	(ночи)			
Дв. И. В. З.	nočì	(ночи)			
Р. М.	nočȇjù	(ночию)			
Д. Т.	nočьmà	(ночьма)			

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском падежные окончания те же, что в древнерусском (оставляю в стороне произношение). Те же окончания видим и в современном сербском; впрочем, во множественном числе вместо *-ьтъ*, *-ьті*, *-ьхъ* является одно окончание *-іта*: пѐћима, нòћима, вла́стима; это *-іта* заимствовано из дат.-твор. падежа двойственного числа, а здесь *-іта* существовало при *-ьта* в некоторых словах еще в общеславянском праязыке; в древнесербском являлись более древние окончания *-емь*, *-ехь* в дат. и местн. мн. (костемь, заповидем, прсем, стварем, крипостем; бранехь, ѡслехь, тамностех, писнех); представляют ли эти окончания *е* на месте *ь*, или *е* иного происхождения (церковнославянизм), мне не ясно, не ясно именно, почему не встречается окончаний *-амь*, *-ахь* как фонетических рефлексов *-ьмь*, *-ьхь*; в твор. мн.: пѣсньми, прсми, ричми, напастми, мисалми. Равным образом в древнесербском известно и окончание *-ьма*, рано распространившееся и на множественное число: дат. и твор. мн.— стварма, ричма. В польском сохранились старые падежные окончания, например: зват.— kości, твор.— kością, твор. мн.— kośćmi, но в дат., местн., а также частью и в твор. являются новообразования kościom, kościach, pieśniami, rzeczami, ср. в старом языке *-ет* вместо *-ьть*: dzieciem; *-ech* вместо *-ьхъ*: w postaciech, w daniech, w kaźniech; твор. мн.— rzeczmi, dźwirzmi, gǫślmi и т. п.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: рать, ѣдь, съмьрть, Жит. Феод.

Зват. ед.: многаѧ Роуси, Ипат., 250 г.

Род. ед.: скърби, плъти, вьси, радости, Жит. Феод.; болести, Жит. Бор. и Гл. XII в.; бес пакости, Новг. гр. 1317, № 14; безъ льсти, Новг. гр. 1373, № 17; пудъ ржи, Дв. гр. XV в., № 22; оу свести своѥи, ib., № 97; своеи трети, ib., № 127.

Дат. ед.: пустоши, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 150); по всеи волости, Новг. гр. 1265, № 1.

Вин. ед.: скърбь, льсть, дьбрь, оутварь, Жит. Феод.; болесть, любь, Ипат., 304а; ѥздити всень, Новг. гр. 1265, № 1.

Твор. ед.: печалию, плътию, радостию, льстию, Жит. Феод.; любью, Ипат., 304а; челадию, Вкладн. Варл. до 1207; данию, Гр. ок. 1130; съ печатью, Полоцк. гр. ок. 1265; волостью, Новг. гр. до 1327, № 15; ратью, Новг. гр. 1373, № 17; с Калитиною чадью, Дв. гр. XV в., № 12; тълѣснию, Русск. Пр. (Р. Д., I, 32).

Местн. ед.: оуности, пажити, оужасти, Жит. Феод.; ночи, Лавр., 458; на своѥи части, Новг. гр. 1265, № 1; въ волости, Новг. гр. до 1305, № 10; на клѣти, Дв. гр. XV в., № 19.

Род.-местн. дв.: ѿ двою капию, Гр. 1229 (А); во обою волостью, Ипат., 114б.

Род. мн.: двьрии, Жит. Феод.; заповѣдии, ib.; дании, Новг. гр. 1270, № 3; волостии, Новг. гр., 1265, № 1; сихъ паматеи, Дв. гр. XV в., № 54; волостьи, Новг. гр. до 1308, № 6; ржеи, Погод. Псков. 2-я лет. № 1413 (Каринский).

Дат. мн.: къзньмъ, Жит. Феод.; пустошем, Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31).

Вин. мн.: двьри, заповѣди, нити, сопѣли, Жит. Феод.; ты волости, Новг. гр. до 1305, № 10; печати приложити, Новг. гр. 1372, № 13.

Твор. мн.: двьрьми, къзньми, Жит. Феод.; напастьми, Сл. о п. Иг., 20; пустошми, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 31); помочьми, Ипат., 226а; записми, Письмо 1619 (Письма русск. госуд., № 33); елми, Гр. 1519 (А. Ю., № 148); съ гранми, Гр. 1567 (А. Ю., № 152); мощьми, Лавр. (Некрасов); съ всеми волостьми, Новг. гр. 1265, № 2; сѣтми, Дв. гр. XV в., № 107; аслеми, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); великъими честми, Виленск. сп. Западнорус. лет.; сѣножатьми, Перемышл. гр. 1378; з бортьми, ib.; с поросльми, Житомирск. гр. 1433; с вѣстьми, Послов. XVII в. (Симони, 110); з гуслми, 162.

Местн. мн.: въ всѣхъ волостьхъ, Новг. гр. до 1308, № 6; в волосте̂, Гр. 1462—1505 (Г. Др., I, р. IV, № 8); пустошех, Гр. 1470

(А. Калач., I, № 31); на печенехъ, Ипат., 298а; в рече̑, Домостр. Конш., 32; ни в какихъ податехъ; ib., 60; в записехъ, ib; при корыстехъ, Послов. XVII в. (Симони, 131).

Примеры из современного языка.

Род. ед.: великорус.—кости, волости, диалект.—о́т ночи, Орл.-Вят. (Отв. № 63); белорус.— косци, ночи; укр.— части, осени, кости, тіни (так в особенности в галицком, а в украинском известно и новое окончание *-i*).

Дат. ед.: великорус.— кости; белорус.— косци; укр.— кости.

Твор. ед.: великорус.— костью, ночью; белорус.— наччу́, например Могил. (Отв. № 4); укр.— ніччу, сіллю, кістю, маззю.

Местн. ед.: великорус.— в кости́, в ночи́, в грязи́, в печи́, на двяри́, у грязи́, Грайвор. (Отв. № 279); укр. (галицк.) — кости, ночи, осени.

Зват. ед.: угрорус. (в песне) — молодо́сти мо́я (Верхр. I).

Им.-вин. мн.: великорус.— ко́сти; белор.— ко́сци; укр.— ко́сти, ча́сти.

Род. мн.: великорус.— косте́й; белорус.— касце́й; укр.— часте́й, річе́й, ноче́й, груде́й (но диалектически и: річ̀ій, но́ч̀ій, также — гру́дий).

Дат. мн.: великорус.— лъшадём, Касим. (Отв. № 47); лошадём, Холмск.-Псков. (Быстров, А. Г. О.); лошадём, Валуйск. (Отв. № 261); белорус.— к санём, Быхов. (Ром., III, 394); укр. диалект.— косте́м (Огоновский).

Твор. мн.: великорус.— костьми́, дверьми́, лошадьми́, добродѣтельми. (Ломонос. Грамм. § 160); диалект.— под саньми́ (В. Чернышев); речьми́, Владим. (Бобров. Обл. слов., № 15); с саньми́ и с дугою, Обоян. (Резанов); дверьми́, костьми́, лошадьми́, Скоп. (Будде); белорус.— сяньми́, пе́чми, дзвярми́, Игум. (Отв. № 8); саньми, Минск. (Отв. № 7); санми́, Пинск. (Карский, Отв. № 1); укр.— грудьми́, кістьми́; лемк.— кістми, грудми (Огоновский); угрорус.— кустьми (Верхр.).

Местн. мн.: великорус.— на санёх, Грайвор. (Отв. № 279); в сенёх, в речёх, Брянск. (Отв. № 259); на санёх, на лошадёх, Жиздр. (А. Никольский); на санёх, Новосил. (Тр. диал. ком., I); ў речёх, Мосал. (Шахм.); на радостех, на санех, Вельск. (Баженов), (Арх. II Отд.); в синёх, Петроз. (Шахм.); белорус.— у сянёх, Могил. (Отв. № 4); на грудзёх, Быхов. (Ром., III, 311); укр. диалект.— гру́дех (Огоновский).

Замечания об отдельных словах и формах.

Слово *дѣти* как в древнем и современном языке русском, так и в старославянском (дѣта) образовывало множественное число от основ женского рода *ѣtĭ*, ср. в старославянском памятнике дат. мн.— дѣтьмъ сѣдящимъ, Мстисл. ев. (Карский); в древнерусском вин. мн.— *дѣти*, Лавр.; знаютъ своего истьца или дѣти его, Новг. гр. до 1308, № 6; род. мн.— ни его дѣтеи, Дв. гр. XV в., № 86; ни дѣтии его, Новг. гр. до 1308, № 6; дат. мн. — дѣтемъ, Дв. гр. XV в., № 8; твор. мн.— з дѣтми, Новг. гр. 1314, № 12.

Склонение числительных *пять, шесть, семь, девять* рассмотрим ниже при обзоре числительных.

Древнее окончание род. мн. на *-ьі* (kos't'ĵi) еще в общерусском праязыке могло заменяться окончанием *-ьі*, следовательно, с *ь* ненапряженным вместо *ь* напряженного; *ь* заимствовано из таких форм, как дат., твор., местн. мн. kos't'ьi (и также gos't'ьі) под влиянием kos't'ьmъ, kos't'ьm'i, kos't'ьхъ. Общерусская форма kos't'ьі доказывается укр.— костéй, белорус.— касцéй: мы знаем, что *ĵі* изменялось в обоих этих языках в *ii*, *i*, ср. укр.— грýдий. Быть может, *-ĵі* заменялось через *-ьі* только под ударением, где влияние других падежей могло резче сказываться, удерживаясь как *-ĵі* в неударяемом положении. Однородное явление имело место и в других славянских языках, ср. Зогр. ев.: заповѣдьи, Марк. 12, 29; Мар.: двьрєи (людєи, господєи); Ассем. ев.; дѣтєи (людєи); Син. пс.: скрѣбьі (людьі), заповѣдєі, мъıслєи, скрѣбєи, хлѣбєі (пѫтєі), людєи; Син. требн.: заповѣдєи, двьрєи, дѣтєи, крѣпостєи, псалмєи, сѣтєи, скрѣбєи, болѣзнєи (гдь, гдьи, людєи). По-видимому, формы с *-ьі* не были чужды и древнесербскому, ср. отмеченные раньше: ладај в род. мн. вместо— лађи, от старого — ладија, копај — вместо копи, от копије, зелај — вместо зели, от зелије; это окончание *-aj* из *-ьj* проникло, конечно, из основ на *-ĭ*. Что же касается древнесербского *заповђдеи, нощеи, страстеи, властеи (людеи, нѫктеи)*, то это, как кажется, болгаризмы (старославянизмы).

Ударение им.-вин. дв. kostì, вероятно, рано заменилось через kòsti под влиянием перехода kostì в kòsti в вин. мн. (под влиянием им. мн.).

Склонение слов oči, uši должно быть рассмотрено здесь, так как они женского рода. И действительно им. дв.—oči, uśi, род.-местн. дв.— očĵu, ušĵu ведут нас к склонению на *-ĭ;* но в дат.-твор. находим *-ima* вместо ожидаемого *-ьma*. Можно думать,

вслед за Лескином, что *-ima* явилось вместо ***-ьма*** под влиянием формы им.-вин. Ср. отмеченное нами выше ***плечима*** вместо *плечема* под влиянием *плечи*. Итак:

Дв. И. В. З.	òči	(очи)	ùši	(оуши)
Р. М.	očȇjù	(очию)	ušȇjù	(оушию)
Д. Т.	očima	(очима)	ušima	(оушима)

То же склонение в старославянском. Приведу из памятников русской редакции указания на женский род: блоудьнама очима, Сборн. 1073, 39б; оумьнама очима, Майск. Минея XII в., № 166, 28б; плътьскама ѡчима, Стих. XII в., № 279, 136а; тѣлесьнами очима, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 198д. В сербском слова: очи, уши — женского рода (а под их влиянием и — плећи); формы òчијȳ, ỳшију надо признать новообразованиями (под влиянием — òчима, ỳшима вместо — òчу, ỳшу). Судя по памятникам, новообразования эти возникли очень рано; ср. в современном языке: плѐћијȳ, при древнем — на плећу, по плећу. В польском до сих пор oczy, uszy, oczyma, uszyma; в древнем языке известны w oczu, w uszu, oczu moich, twu uszu (из očȇju, ušȇju).

Из древнерусских памятников укажу: вин.— ѡчи ср$\overset{\frown}{\text{о}}$чнѣи, Ипат., 190а; ѡчима, ib., 56б, 213а; слезнама ѡчима, ib., 263а; на ѡчью, на оушью, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 94); уши закладаше, Сл. о п. Иг., 15; ни очима съглядати, ib., 20; ѡчима, изо ѡчью, Лет. Авр.; во ѡчью наши^{х}, за ѡчима, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); ѡчью, ѳшью, ѡчима, ѳшима, Западнорус. пс. XVI—XVII в. (Карский); храброму смерть пред очима, Послов. XVII в. (Симони, 149); косъ очми, кривъ рачми, ib., 113; ушми, ib., 145. Средний род засвидѐтельствован, например, в Ипат.— великома ѡчима, 56б.

Из современного языка: укр.— ушѝма, очѝма, в очу́; белорус.— ў ачу́, например Волков. (Federowski, 1, 23); великорус.— в очью́ верзится, Пошех. (Обл. сл., 169); великорус. *воо́чью*, вероятно, форма, заимствованная из церковного языка; в им.-вин. рано стало известно и ударение òčі̀, ùšì вместо očі̀, ušі̀ под влиянием форм им.-вин. мн. kòsti.

VII. ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЕ МУЖЕСКОГО РОДА

В мужеском роде сохранилось склонение основ на *-n* и также в некоторых лишь падежных формах — основ на *-t*, *-r* и *-l*. Как и основы на согласные прочих родов, эти основы мужеского рода

образуют ряд падежей по склонению основ на *-ĭ*; образования от основ на согласные обнаруживаются преимущественно в род. и местн. ед., им. и род. мн., род. и местн. дв. В вин. мн., им.-вин. дв., дат. ед. основы мужеского рода совпали фонетически с основами на *-ĭ*. В им. и твор. ед., дат., тв. и местн. мн., дат.-твор. дв. преобладают образования от основ на *-ĭ*, хотя, впрочем, некоторые имена мужеского рода сохраняли в общеславянском праязыке и в им. ед. древнюю форму по склонению на согласные. Рассмотрю отдельно основы на *-n*, основы на *-t* и основы на *-r*, *-l*.

1. Основы на *-n*.

Здесь различаем основы на *-n*, образующие падежные формы единственного, двойственного и множественного числа, и основы на *-n*, образующие формы только множественного числа.

а) Основы на *-n*, образующие единственное, двойственное и множественное число.

Ед.	И.	kàm'en'ъ	(камень)	d'ѝn'ъ	(дьнь)
	З.	kàm'en'i	(камени)	d'ьn'ì	(дьни)
	Р.	kàm'en'ä	(камене)	d'ьn'ѐ	(дьна)
	Д.	kàm'en'i	(камени)	d'ьn'ì	(дьни)
	В.	kàm'en'ъ	(камень)	d'ѝn'ъ	(дьнь)
	Т.	kàm'en'ьm'ь	(каменьмь)	d'ьn'ѝm'ь	(дьньмь)
	М.	kàm'en'ä	(камене)	d'ьn'ѐ	(дьне)
Дв.	И. З. В.	kàm'en'i	(камени)	d'ьn'ì	(дьни)
	Р. М.	(kàm'enu)	(каменоу)	(d'ьnû)	(дьноу)
	Д. Т.	kàm'en'ьma	(каменьма)	d'ьn'ьmà	(дьньма)
Мн.	И. З.	(kàm'en'ä)	(камене)	(d'ѝn'ä)	(дьне)
	Р.	kàm'enъ	(каменъ)	d'ѝnъ	(дьнъ)
	Д.	kàm'en'ьmъ	(каменьмъ)	d'ьn'ѝmъ	(дьньмъ)
	В.	kàm'en'i	(камени)	d'ьn'ì	(дьни)
	Т.	kàm'en'ьm'i	(каменьми)	d'ьn'ьm'ì	(дьньми)
	М.	kàm'en'ьхъ	(каменьхъ)	d'ьn'ѝхъ	(дьньхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке сюда относятся основы камен-, пламен-, корен-, ремен-, имен-, имѣмен-, степен-, дьн-. Основы камен- и пламен- образовали формы им. ед. камы, пламы; кажется, известно было и имѣмы в некоторых памятниках церковнославянского извода.

Впрочем, эти формы и в самом старославянском были только диалектическими: они встречаются в Супрасльской рукописи; Зогр., Мар. ев., Савв. кн. и др. имеют камень; отмечу вин. п. пламы, камы в Супр., в Архивск. лествице XIII в.: о камы прѣтъкнувъ ногу (Р. Ф. В., 1884). Форма им. мн. дьне обычна (Зогр. ев.), но камене не встречается; однако елене находим в XIII Сл. Гр. Бог. В двойственном числе доказаны формы ѥлени (Супр.), дьни, род. дв. дьноу (Зогр. ев.), дат. дв. ѥленьма (Супр.). В вин. ед. в старославянском встречаются и формы на -е (а именно: камене), ср. в Юрьевском евангелии XII в.: обрѣтоша камене ѿваленъ ѿ гроба, 126а, видѣ камене веѧтъ ѿ гроба, 126б; происхождение такой формы не ясно. В др.-сербском: камы, ками, плами — весьма обычны; рядом — плам (из *пламъ* с ъ неясного происхождения); род. ед. — корене, камене; вин. ед. — ками, плами, прами (плам), также камень, пламень, прамен; им. мн. — камене.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: дьнь, Жит. Феод.

Род. ед.: корене, Ипат., 31а; до сего дне, Ипат., 33а; дне того, ib., 273в; того дне, ib., 265б, ѡдиного дне, ib., 268б, в г часъ дне, ib., 97а; до того же дне, Рижск. гр. ок. 1300; дне Новг. 1-я, 134; в 9 часъ дне, Лавр., 278; до сего дне, Лавр.; дне, Догов. 1349 (Хрест. Смирнова); до Спсова дне, Гал. гр. 1386; ѿ полоудне, Ипат., 168а; дне, Гр. 1590 (А. Ю., 186); дне, Жит. Феод.; до осмаго дне, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 26).

Дат. ед.: дни, Ипат., 79 г; дни праздьничьноу, Жит. Феод.

Вин. ед.: пламѧнь (вместо — пламень), Лавр., 20; на камень, Дв. гр. XV в. № 27; днь, Жит. Феод.; въ златъ стремень, Сл. о п. Иг., 8.

Твор. ед.: днемь, Ипат., 78а.

Местн. ед.: во дне, Ипат., 79в, 98б; дне, Новг. 1-я, 155; дне, Жит. Феод.; в дне, Ипат., 185в; о оутрьнимь дне, Жит. Феод.; в полудне, Ипат., 93в; ве дне и ȣ ночи, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Им.-вин.-зват. дв.: ві дні (вин.), Новг. 1-я, 159; по два дни, Лавр., 278.

Род.-местн. дв.: токмо тою днью блюстісѧ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 44).

Дат.-твор. дв.: межю дньма, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 31).

Род. мн.: аі день, Ипат., 228а; за м днъ, Отв. митр. Иоанна 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4).

Дат. мн.: дн̄ьмъ, Жит. Феод.
Вин. мн.: дьни, Жит. Феод.
Твор. мн.: дн̄ьми, Ипат., 295в.
Местн. мн.: дн̄ьхъ, Жит. Феод.

Примеры из современного языка.

Род. ед.: укр. угрорус.— камене (Верхр., I, редко); лемк.— до корене, с камене (Верхр., в песнях); сегодне, дне (Гр. Осадца); зват. ед.: дни (Гр. Осадца).

Род. мн.: великорус.— дён, Гдов. (Отв. № 11), Буйск. (Отв. № 18), Холмог. (Отв. № 50), Валуйск. (Отв. № 261), Костр. (Отв. № 214) и т. д.; белорус.— дзён, Свенц. (Отв. № 13); дз'он, са́жон, Новогр. (Клих); укр.— сяжен (Осадца).

Твор. мн.: деньми (Осадца).

Замечания по отдельным формам.

От основы на согласную можно считать образованными следующие падежные формы: род., дат., вин., местн. ед.; им.-вин. и род.-местн. дв.; им., род., вин. мн. Остальные формы образуются от параллельной основы на *-ĭ*. Формы им. мн. на *-е* (dьne, kamene) в древнерусских памятниках мне не известны; они заменяются формами на *-ьjä* (dьn'ьjä, kam'enьjä) от основ на *-ĭ*; такие же формы встречаются и в старославянском. То же должно сказать о род.-местн. дв.: вместо приведенных в образце обычными являются *дьнию, каменю* по склонению основ на *-ĭ*. Об этих и других подобных формах от основ на *-ĭ*, вытеснявших приведенные в образце формы от основ на согласную, я скажу ниже.

Укажу здесь на параллельные образования от основ на *-ŏ*. В твор. ед. находим, например, в Ипат.— пламеномь, 98а, ср. в Стих. XII в., № 279: пламаномъ, 40а, др.-сербск.— каменомь, пламеном, кореном.

б) Основы на *-n*, образующие только множественное число.

Основы на *-inŏ*, означающие отдельное лицо, образовывали в общеславянском праязыке только формы единственного и двойственного числа; во множественном числе *-ĭno* выпускалось; если этому окончанию предшествовало *n*, то усеченная основа на *-n* склонялась как основа на согласную в формах множественного числа; ср. основу множественного числа в древнерусском: pol'an — при основе pol'an'in — в единственном и двойственном числе; słov'ьn — при słov'ьn'in — в единственном и двойственном числе.

Мн.	И. З.	pol'àn'ä	(полѩне)	słov'ѐn'ä	(словѣне)
	Р.	pol'ànъ	(полѩнъ)	słov'ѐnъ	(словѣнъ)
	Д.	pol'ànomъ	(полѩномъ)	słov'ѐnomъ	(словѣномъ)
	В.	pol'àny	(полѩнъı)	słov'ѐny	(словѣнъı)
	Т.	pol'àny	(полѩнъı)	słov'ѐny	(словѣнъı)
	М.	pol'àn'ьхъ	(полѩньхъ)	słov'ѐn'ьхъ	(словѣньхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках в дат. мн. рядом с формами срацинoмъ (Супр.) находим гоморѣнемъ (Зогр. ев.), жѧтелѣнемъ (Ассм. ев., Супр.), селоунѩнемъ, херсонѩнемъ (Супр.); ср. еще в Служебн. Минее 1096 при гортоунѧномъ, 41а — критѧнемъ, 40в; в Ев. Типогр. I: гоморѩнемъ, 68с. Неясно, заменили ли подобные формы на -немъ более древние формы на -ньмъ (образованные от основы на -ĭ) или более древние формы на -номъ (образованные от основы на -ŏ): во всяком случае вероятно, что на появление таких форм повлияла форма именительного множественного. Винительный падеж является в виде срацинъı, самаранъı, гражданъı (Супр.), но рядом єг^{ю}птѣни (Клоц.): первые формы от основы на -ŏ, а последняя от основы на -n. В местн. мн.— самарѧньхъ, Мстисл. ев. (Карский). В др. сербск. род. мн.— крестјан, грађан; дат. мн.— дȣбровчаномь, грагѩномъ, мишћаном, римљаном; местн. мн.— грагѩнехь, дȣбровчанехъ, поганехъ, краинанехъ. Польск.: род. мн.— pomorzan, rzymian; дат. мн. древн.— poganom, ziemianom, dworzanom; вин. мн.— pomorzany, kiowiany; твор. мн.— pogany, ziemiany, mieszczany.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. мн.: Торкмене, Ипат., 86а; Саракине, ib.; Вожане, Новг. 1-я, 162; Къıѩне, ib., 159; Берестьѩне, Ипат., 93б; Полчане, 177 г; Деревлѧне, Лавр.; Бесурмене, Лавр., 452; Галичане, ib; 323; Къıѩне, Новг. 1-я, 159; Галицѧне ib., 183; Витьблѧне, Гр. ок. 1285; Рижѧне, Гр. 1281—1297; Гтѧне, Гр. ок. 1263; хр҃стьяне, Гр. 1448—1468 (А. Калач., 1, № 33); горожане, Гр. ок. 1330. В более позднем языке вм. -*не* находим -*ня*: хрестьяня, Гр. ок. 1490 (А. Ю., № 6); хрестіяня, Гр. 1534(ib., № 20); прихоженя, Гр. 1684 (А. Калач., I, 33); Древѧнѧ, Лавр.

Род. мн.: Полчанъ, Ипат., 177 г; горожанъ, Смол. гр. 1284; оу Волочанъ, Новг. гр. до 1301, № 4; ѿ безбожьнъıхъ и нечистъıхъ поганъ, Опред. Влад. соб. 1274 (Кормч. XIV в., Р. И. Б., VI, 85).

Дат. мн.: крьстиѩномъ, Жит. Феод.; Гтѧномъ, Гр. 1189—1199 (копия ок. 1263); горожано^{м}, Витьблѧномъ, Полоцк. гр. 1265; Ри-

жаномъ, Смол. гр. ок. 1300; дворанномъ, Новг. гр. 1265, № 1; Бежичаномъ, Ѡбонижаномъ, ib.; земляномъ, Луцк. гр. 1386; Полочаномъ, Сл. о п. Иг., 33.

Вин. мн.: дворанъı, Новг. 1-я, 163; на Словѣнъı, Ипат., 6а; граженъı, Сѣверанъı, Лавр.; Коръсунанъı, Ипат., 20б; Словенъı, ib., 53; Римланъı, ib., 34б, на кртьинъı, ib., 142в; Кинъı, ib., 161б, Рижанъı, Гр. ок. 1285, Гр. 1281—1297; на Бесурменъı, Лавр., 453; Полочанъı, ib., 290; Галичанъı, ib., 323; христіанъı лучшиа, Виленск. сп. Западнорус. лет.; про свое Смолнанъı, Гр. ок. 1240; перед землянъı, Перемышл. гр. 1391.

Твор. мн.: съ Роушанъı, Новг. 1-я, 190; Коуранъı, Пинанъı, Ипат., 255г; с Полочанъı, Полоцк. гр. 1265; хрстьянъı, Гр. 1448—1468 (А. Калач., 1, № 35); межи хртіанъı, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); межи бояръı и межи крилошанъı, Перемышл. гр. 1378; дворанъı Степанкомъ і Іванкомъ, Дв. гр. XV в., № 87.

Местн. мн.: в хрестьянехъ, Ипат., 99а; хрестьянехъ, Гр. ок. 1460 (А. А. Э., I, 67); въ боарехъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 43); о челадѣхъ, ib., 34.

Примеры из современного языка.

Им. мн.: великорус. — крестьяне, мещане, дворяне и т. д.; диалект.— крестьяня, Костр. (Отв. № 44), Кинеш. (Отв. № 66), Малмыж. (Отв. № 103); хрисьяня, Жиздр. (А. Никольский); укр.— міща́не, береж а́не; угрорус.— горяне (Верхр., I).

Род. мн.: великорус.— дворян, мещан, славян, крестьян; укр.— селя́н, міща́н; угрорус.— циган.

Дат. мн.: укр. лемк.— християнім; угрорус.— циганум.

Замечания к отдельным формам.

Восстановленные в образце формы основываются на свидетельствах памятников. Только им. и род. мн. возводятся к основе на *-n*; дат., вин. и твор. мн. обнаруживают основу на *-ŏ*; местн. мн.— основу на *-ĭ*. Впрочем, в древнерусском языке, как и в старославянском, другие падежи могли образовываться также от основы на *-ĭ*: дат. мн. *хрестьянемъ* при *хрестьяномъ* в Гр. 1501 (А. Ю., № 62); твор. мн. *съ Словеньми*, Ипат., 10б; для вин. мн. можно указать *во крестьяни*, Гр. 1578 (А. Ю., № 180); *Словѣни*, Лавр.; а также получившие значение им. мн. формы, как *Срацини*, Ипат., 86а; *Смольняни*, ib., 217а; *кртьяни*, ib., 199в, *Словѣни*, ib., 9г, *Бѣлобережа-*

ни, ib., 20б. Форма твор. мн. *гражани,* Тр. сп. Новг. 1-й, 21г, представляет или (графическую) замену *ы* через *и,* или искусственное новообразование под влиянием им. мн. *гражани.*

В ед. и дв. числе, как указано, употребляется распространенная основа: им. ед.— Новоторжанин, Новг. гр. 1372, № 13; Роусинъ, Гр. ок. 1240; Латининъ, Гр. 1229 (А); дат. ед.— Роусиноу, Немчиноу, Гр. 1229 (А); твор. ед.— дворѧниномъ, Дв. гр. XV в., № 86; самѣ 2 братеника Бессерменина та утекла, Лавр., 458; с шоуринома, Ермол., 48 об. Во множественном числе распространенная основа проникает только уже в позднейших памятниках в виде редких исключений (ср. образования, как *господинамъ,* Гр. 1524, А. Ю., № 418, при *господамъ,* Гр. 1548, А. Ю., № 421, I): им. мн.— три крестьянинъı, Гр. 1626 (А. Ю., № 425); род. мн.— восмъ крестіяниновъ, ib.

Параллельные образования от других основ. В общеславянском праязыке падежи дат., твор.,местн. вместо окончаний *-апотъ, -апу, -апьхъ* могли иметь окончания *-атъ, -ати,-ахъ* в относящихся сюда именах: pol'amъ, pol'am'i, pol'ахъ; очевидно, перед нами образования от основы pol'a-, исчезнувшей вообще под влиянием основ pol'an- и polanin- и сохранившейся только в указанных трех падежах. Для древнерусского выставляем образец:

Мн.	Д.	pol'ȁmъ
	Т.	pol'ȁm'i
	М.	pol'ȁхъ

Приведу здесь же примеры из памятников. Дат. мн.: Полямъ, Радзив. (исправлено позднее в *поляномъ,* Лавр., 6); Волочамъ, Гр. 1229 (В); Вавилонѧмъ, Лавр.; в Новг. гр. 1371, № 8 *твоимъ дворѧмъ* может быть опискою. Твор. мн.: Деревлѧми, Лавр. Местн. мн.: в Деревлѧхъ, Ипат., 5в; в Полчa, 177а; в Деревлѧхъ, Лавр. [1].

Сходные образования известны и из других славянских языков. В старославянских памятниках русской редакции находим, например, Содомлѧмъ, Ев. 1092, 125а, 174в; Галелѣяхъ, Поликарп. ев. 1307 (Собол., Очерки, 39); Галелияхъ (при Галелияне), ib., 26. В др.-сербском, кажется, только в местн. мн.: Височахь, Дѣчахь, Дечахь, Заборахь, Комарахь, Папракихь, Хращахь, Тѣрахь, грагахь (т. е. гражданах). Ср. Даничич, Облици, 135. Чешский язык имеет такие образования только в местн. мн., а именно в древнечешском нахо-

[1] Далее вставлено „в поляхъ" без указания источника. *(Ред.)*

дим: Wranah в документе 1228 г., т. е. Vranách, новочешск. Vraňanech (Gebauer, Hist. ml. III, I, 78).

Весьма любопытно отметить, что в древнечешском, где *-ach* известно в единичном приведенном выше случае, вместо него является часто для обозначения нахождения в той или другой местности окончание *-as*; *-as* ведет нас к основам на *-ā*, подобным тем, которые известны в древнерусском и древнесербском, причем из последнего языка видно, что мы имеем дело именно с основой на *-ā*, а не на *-an*. Приведу примеры: doleass из Гр. 1057 (в копии XIII в.), т. е. Dol'as; Brennas, Peschaz из Гр. 1218, т. е. Brėńas, Pieščas; Wirbcaz, Bresez, Comoraz, Ugoscaz, Grinouas из Гр. 1088 (в копии XIII в.), т. е. Virbčas, Brežas, Komoras, Ugošča̧s; Frinovas; Lusas из Гр. XIII в., т. е. Lužas; Lubczas из Гр. 1086, т. е. L'ubčas, in villa Horaz из Ркп. 1282, т. е. Horas, in villis Wranas et Kowarzowicz из Ркп. 1341, т. е. vran'as, и др. Подобные же образования на *-as* были известны на языке лехитских лютичей, например, в Гр. XII в. in terra Lessaz (при terra Lessone), т. е. Lêšas (Gebauer, назван. соч., стр. 78). Возникает вопрос, как удержалось *s* в указанных образованиях при *x* в rybахъ, ženахъ? По-видимому, *s* в окончании местн. мн. изменялось в *x* только после *ŭ*, *ĭ*, *oĭ* (synъхъ, kostьхъ, listѣхъ, где *ѣ* из *oĭ*), но сохранялось после *a*: *rybasъ, *Poľasъ; под влиянием других основ *rybasъ перешло в rybахъ, между тем как образования *Poľasъ, стоявшие по значению своему в стороне, сохраняли *s*; однако в позднейших периодах языка и здесь являлось *x*: Pol'ахъ. Что касается до lircbas в Библии кор. Соф. (Ant. Kalina, c. 195), то это едва ли не описка.

Кроме образований на *-ā*, рассматриваемые имена представляют и образования на *-ō* в указанных трех падежах. В древнерусском сюда относится: в Деревѣхъ, Лавр. В старославянских памятниках русской редакции: в Содомѣхъ, Ев. 1144, 24a; Содомомъ, Ев. XII в., № 1, 48c; Аль̀ксандромъ, Указ. ев. чт. XIII в.; Галилѣихъ, Холмск. ев. XIII — XIV в. (Оч. Собол. 29). Отмечу еще форму род. мн.: ѿ Самаръ, Ев. XIV в. (Изв., VI, 284).

2. Основы мужеского рода на *-t*

Число таких основ было весьма ограниченно, и уже в общеславянском праязыке они образовывали только некоторые падежные формы единственного и множественного числа. Таковы в старославянском языке основы: лакът- (род. мн. лъкътъ, Савв. кн.,

Супр., Зогр. ев. и др., твор. мн. лакъты, Супр.; в памятниках русск. редакции: двѣстѣ локотъ, Микул. ев., 178г; ѣ локотъ, Пантел. ев.; вообще же склоняется, как основа на *-ĭ*), ногът- (род. мн. ногътъ, Син. молитв.; твор. мн. ногътъ, Супр.; в памятниках русской редакции род. мн.— ѿ младъ ногътъ, Минея XI в., № 221, 57в; ноготъ, Поуч. Ефр. Сир., 216в), певат- (им. мн. певаты, Супр.; по склонению основ на *-ŏ*: дат. мн. певатомъ, Клоц. сборн.; вообще же склоняется, как основа на *-ĭ* (Ср. ѿ і локотъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 14); укр.— пять локот сукна, Осадца).

Отмечу здесь же, что в древнерусском языке окончание род. ед. по склонению основ на согласную в некоторых памятниках образуют отдельные основы на *-ĭ*: вероятно, перед нами позднейший перенос окончания *-е* на место окончания *-i*; но, может быть, такой перенос доказывает, что и в древнерусском имелось несколько основ на согласную *-t*. Сюда относятся формы род. и род.-вин.: поуте, тате, Гр. 1229 (Д), 1229 (Е); емлеть тате, 1229 (Д); оу зате, Ипат., 114г; ѿ зате, ib, 172г; зате свое, ib, 118б; ѿ цте, ib, 182а.

Слово *Гътинъ* (житель острова Готланда) во множественном числе утрачивает суффикс *-ин-*; форма им. мн. образуется от основы на согласную *-t*: *Гъте* (Готе, Ипат., 8в); а формы прочих падежей от основы *Гъто*: дат. мн.— Гътомъ, местн. мн.— Гътѣхъ.

3. Основы мужеского рода на *-r* и *-l*

Основы на tel'o- и ar'o- образовывали в общеславянском праязыке, что видно из старославянского, отдельные падежи множественного числа от основ на tel- и ar-. Так в им. множественного находим в старославянском: мытаре, цѣсаре (им. ед. мытарь, цѣсарь), дѣлателе, оучителе, съвѣдѣтеле, жателе (им. ед. дѣлатель и т. д.); при этом диалектически являлись и цѣсарѣ, дѣлателѣ, родителѣ и т. д. с мягкой согласной, заимствованной из прочих падежей. Ср. в памятниках русской редакции: цѣсаре, Стих. 1157, 174в.; свѣдителе, Пантел. ев., 2 об; мытаре, Ев. 1339, 149б; мытаре, цре, грабителе, Мстисл. ев. XII в.; wсподаре, Кн. зак. XV в. (изд. Павлова). В род. мн.— жителъ, дѣлателъ, тажателъ; в Син. молитв. также и пастъръ. В твор. мн.— мытарѣı, родителѣı, дѣлателѣı, съвѣдѣтелѣı, сватителѣı. Ср. подобные же формы в др.-сербском: им. мн.— родителе, приѣтеле, властеле (при приятеле, родителе,

свѣдѣтелѡ); род. мн.— властео, вместо — властелъ в XIV в. (властела — с новым окончанием *-а*).

В древнерусском языке от подобных основ на согласную *r*, *l* сохранились только формы им. мн.: приѡтеле, Ипат., 147в, 177в; предателе, ib., 186г; рьвънителе, подражателе, строителе, Жит. Феод.; в Жит. Бор. и Гл. XIII в. *зьдателе приведъ* со значением вин. мн. Ср. современ. угрорус.— рыбаре; лемк.— учаре, боляре, горчаре, кизяре, боднаре (Верхр.).

Подобные же формы им. мн. образуются от некоторых основ, которые в единственном числе оканчиваются на -r'inъ и -l'inъ; при образовании множественного числа откидывается слог *-in-*; форма именительного множественного образуется от согласной основы на *-r* и *-l*, а прочие падежи от основы на *-r'o-* и на *-l'o-*. Таким образом, склонение, например, слов voŀos'téĭinъ и bojar'inъ может быть представлено в таком образце:

Мн.	И. В.	voŀos't'èl'ä	bojar'ä
	Р.	voŀos't'èl'ь	bojarъ
	Д.	voŀos't'èlömъ	bojaromъ
	В.	voŀos't'èl'ѣ	bojary
	Т.	voŀos't'èl'i	bojary
	М.	voŀos't'èl'ixъ	bojar'ѣxъ

То же видим и в старославянском языке, где, впрочем, и другие падежи (род., твор.) могут образовываться от основы на согласную: властеле, болѡре, болѡромъ.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. мн.— Оугре, Ипат., 248а, 260б; Татаре, ib., 264г; Болгаре, ib., 33б, Оугре, Новг. 1-я, 183; боѡре, ib., 139; Ѡбре, Ипат., 6а; Болгаре, Лавр.; боѡре, Новг. гр. 1368—1371, № 16; бояре, Виленск. сп. Западнорус. лет.; бояря, Гр. 1479 (А. Калач., I, № 30), Гр. 1483 (Г. Др., I, р. IV, № 10), Гр. 1471 (А. А. Э., I, № 92), Хожд. Аф. Ник. по сп. XV в.

Приведу примеры и для прочих падежей, образованных не по склонению основ на согласную: род. мн.— Оугоръ, Ипат., 93а, 260г; дат. мн.— боѡромъ, Новг. 1265, № 1; Татаромъ, Крас. сп. Западнорус. лет.; вин. мн.— боѧры, Новг. 1-я, 178, 138; боѡры свое, Ипат., 138г; Оугры, ib., 149б; Болгары, ib., 33а; Козары, ib., 76б; твор. мн.— с боѡры, Ипат., 67б; бояры, Виленск. сп. Западнорус. лет.; межи бояры и межи крилошанъı, Перемышл. гр. 1378; с Татарı, Увар. сп. Западнорус. лет.

Примеры из современного языка.

Великорус.: им. мн.— бояре, баре, болгаре; диалект.— баря, Котельн. (Отв. № 46), Кинеш. (Отв. № 66), Малмыж. (Отв. № 103); баяря, Жиздр. (А. Никольский), Щигр. (Халанский, Р.Ф.Б., 1880, № 3).

VIII. ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЕ СРЕДНЕГО РОДА

Основы среднего рода на согласные распадаются на: а) основы на *-n* (*-en*); б) основы на *-s* (*-es*, *-os*); в) основы на *-t* (*-ęt*). Склонение этих трех групп рассмотрим отдельно:

1. Основы на *-n (-en)*

Приведу образец склонения.

Ед.	И. В. З.	s' ѣm'a	(сѣмя, сѣма)
	Р.	s' ѣ'm'en'ă	(сѣмене)
	Д.	s' ѣm'en'i	(сѣмени)
	Тв.	s' ѣm'en'ьm'ь	(сѣменьмь)
	М.	s' ѣm'en'ă	(сѣмене)
Дв.	И. В. З.	s'ѣm'en'ѣ	(сѣменѣ)
	Р. М.	s'ѣm'önu	(сѣменоу)
	Д. Т.	s' ѣm'en'ьma	(сѣменьма)
Мн.	И. В. З.	s' ѣm'öna	(сѣмена)
	Р.	s' ѣm'önъ	(сѣменъ)
	Д.	s'ѣm'en'ьmъ	(сѣменьмъ)
	Т.	s'ѣm'öny	(сѣменъı)
	М.	s'ѣm'en'ьxъ	(сѣменьхь)

Сопоставление с другими славянскими языками. В старославянском языке находим те формы, которые приведены в настоящем образце, самый образец составлен на основании отчасти старославянской формы, ибо, как увидим, некоторые из древних падежных форм не могут быть подтверждены ссылкой на памятники русского языка. В именительном двойственного рядом с формой на *-и* (имєнн) известна и форма на *-ѣ* (имєнѣ), ср. также эту форму в Гал. ев. 1144, 74в, быть может, более первоначальную. Отмечу, что уже в древнейших памятниках являются новообразования по склонению на *-ĭ*: род. ед.— врѣмєнн, имєнн, Супр. (хотя эти случаи сомнительны, ибо это, может быть, формы дат. ед.); местн. ед.— врѣмєнн, Зогр., Ассем.ев.; сѣмєнн, Супр.; имєнн, врѣмєнн, Савв. кн.; формы род.-местн. дв., твор. и местн. мн.

от основ на *-n* в древнейших памятниках неизвестны. Укажу врѣменьхъ в Усп. Минее XII в., 144б. От основ на *-ŏ* образуется, например, дат. мн.: сѣменомъ, Толк. апост., 1220 г. В др.-сербском отметим род. ед.— камене, корене; дат.— врѣмени, имени; твор.— именемь; в множ.— рамена, брјемена; твор. мн., дат. мн. образуются от основ на *-ŏ*: бримени, вримени, сјеменом; в местн. мн. находим два образования: врѣменехь и врѣменѣхь, времених. В древнепольском твор. ед.— siemieniem, plemieniem, им. мн.— siemiona, род. мн.— brzemion, в твор. мн.— jimienmi; в местн. дв.— na obu ramionu. Вообще же склонение основ среднего рода на *-n* перешло в склонение на *-ŏ* и на *-jŏ*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин.-зват.: времѧ, имѧ, Жит. Феод.; полосу на имѧ Сокѣрку, Дв. гр. XV в., № 14.

Род. ед.: имене, Лавр.; которого племене, Новг. 1-я, 190; wт нашего племене, Молд. гр. 1412, Гр. 1442, № 53.

Дат. ед.: имени, Новг. гр. 1471, № 20.

Твор. ед.: племѧнемъ, Лавр.; племене, Ипат.; именьмь, Жит. Феод.; племенемъ, Гал. гр. 1371; веременемъ, Молд. гр. 1395, № 10; никоторымъ веременемъ, Стародуб. гр. 1400.

Им.-вин. дв.: повѣди имени, Ипат., 35а.

Им.-вин. мн.: на сѣмена, Гр. 1571 (А. Ю., № 246); времѧна, имѧна, Лавр.

Дат. мн.: вѣремьнемь, вѣрьмьнемь, Гр. 1229 (А).

Твор. мн.: бременъı, Жит. Феод.; кои в закладной именъı лежать, Дв. гр. XV в., № 99; именъı, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); имянъı, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); твердѣишимъ листомъ и знаменъı, Гал. гр. 1401; съ веремянъı, Луцк. гр. 1438.

Ср.: Лехко мнится время на чюжемъ рамѣ, Послов. XVII в. (Симони, 116).

Примеры из современного языка.

В укр. известны формы род. ед. на *-е*: сѣмене (у Осадцы). Дат. ед. рус.— семени, имени. Им.-вин. мн. великорус.— имена́, семена́ и се́мена; укр.— імена, сімена. Род. мн. великорус.— симён, Кадн.; се́мин, Карсун. (Отв. № 67); укр.— сімéн, імéн.

Замечания об отдельных формах.

Уже в древнем языке некоторые из приведенных в образце форм заменялись новообразованиями от основ на *-ĭ* или от основ

на *-ŏ*. От основ на *-ĭ* образуются: род. ед.— того веремени, Моск. догов. 1381, № 32; сего времени, Сл. о п. Иг., 2; племени, сѣмени, Лавр., местн. ед.— сѣмени, времени, Жит. Феод.; по сѣмь веремени, Гр. 1229 (Д); по ихъ племени, Дв. гр. XV в., № 54. От основ на *-ŏ*: дат. мн.— временомъ, Гр. 1229 (В); имяномъ, Гр. 1547 (А. Ю., № 22); местн. мн.— времанѣ, Лавр.

2. Основы на *-s* (*-es, -os*)

Образец склонения.

Ед.	И. В. З.	słȍvo	(слово)
	Р.	słov'es'â	(словесе)
	Д.	słov'es'ì	(словеси)
	Т.	słov'es'ьm'ь	(словесьмь)
	М.	słov'es'â	(словесе)
Дв.	И. В. З.	słov'es'ѣ	(словесѣ)
	Р. М.	słov'ösŭ	(словесоу)
	Д. Т.	slov'es'ьmà	(словесьма)
Мн.	И. В. З.	słov'ösà	(словеса)
	Р.	słov'ösъ	(словесъ)
	Д.	słov'es'ьmъ	(словесьмъ)
	Т.	słov'ösy̆	(словесъı)
	М.	słoves'ьxъ	(словесьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках известны те самые формы, что приведены в образце. В род. ед. является по склонению на *-ĭ* диалектически словесн, Ассем.ев., Слуцк. пс. В местн. ед. такое же образование довольно часто: тѣлесн, словесн, Зогр.ев., нбсн, Мар.; тѣлесн, Клоц. сборн., небесн, оусн, словесн, Ассем.ев.; чюдесн, небесн, колесн, дрѣвесн, тѣлесн, Супр.; словесн; нбсн, Савв. кн. (форма на *-е* сравнительно реже). В им.-вин. дв., рядом с тѣлесѣ, известны и тѣлесн. Отмечу из памятников русской редакции: род. ед. тѣлесе, Мстисл. ев.; дат. ед.— дивеси, Усп. Минея, XII в., 224а; твор. ед.— тѣлесьмь, Усп. Минея, 177б; словесьмь, ib., 167б, 175е; с нбсѣмь, Колом. Пал., 8; местн. ед.— нбсе, Усп. Минея, 194г; на нбсѣ, Ев. XIII в., № 6, 156а, 156в; им. мн.— делеса, Колом. Пал., 111; оушеса, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 57в, Ркп. 1296 г., 1а; дат. мн.— дѣлесьмъ, Усп. Минея, 176а; словесемь, Остр.ев., 279а; словесѣмъ, Пантел.

ев., 121г; словесемь, Ев. 1339, 31а; твор. мн.— древесы, Колом. Пал., 2б. Еще: род. ед.— словеси, Усп. Минея XII в., 165а, Мстисл. ев. (Карский); небеси, Юрьевск. ев., 208а; развѣ словеси, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 49); телеси, Ев. 1339, 2в; местн. ед.— дивеси, Усп. Минея, 224а; о словесі, Гал. ев. 1144, 40в; на чюдеси, Поуч. Конст. Болг., 155с; местн. мн.— нб҃сехъ, Мстисл. ев. XII в.; дат. мн.— очесом, Усп. Минея II в., 264г; словесомъ, Ев. XIII в., № 6, 216в. Формы дат. и местн. мн. в древнейших памятниках не встречаются; в Ассем. ев. от основы на *-ŏ*: **небсехъ**. В др.-сербском находим: род. ед.— словесе, телесе, небесе; в дат.— словеси, тѣлеси, чюдеси; дат. мн.— словесемь, чюдесемь; в твор. мн.—дѣлесъı, словеси, чудеси, телеси, небеси (формы *телесми, чудесми,* по основам на *-ĭ* новее); в местн. мн.— формы по склонению на *-ŏ*: колесијех, небесијех, тилесих, чудесих. В древнепольском: niebiosa и niebiesa, род. мн.— niebios; местн. мн.— na niebiesiech, твор. мн.— niebiosy (кажется, только от основы niebes-).

Примеры из древнерусских памятников.

Им. вин. ед.: тѣло, нб҃о, Жит. Феод.

Род. ед.: нб҃се, тѣлесе, Жит. Феод.; до нб҃се, Ипат., 3г.

Дат. ед.: нб҃си, словеси, тѣлеси, Жит. Феод.

Им.-вин. мн.: словеса, чюдеса, Жит. Феод.

Род. мн.: словесъ, чюдесъ, Жит. Феод.; дѣвесь (вм. дивесъ), Новоросс. сп. Новг. 4-й, 595а.

Дат. мн.: словесемь, Ипат., 88б.

Твор. мн.: словесъı, дѣлесъı, Жит. Феод.; чюдесъı, Жит. Бор. и Гл. XII в.; начяти старъими словесъı, Сл. о п. Иг., I.

Местн. мн.: чюдесьхъ, Жит. Феод.

Примеры из современного языка.

Остатки этого склонения в формах им. и род. мн. встречаются исключительно в книжном языке: *небеса, чудеса*, реже *словеса*. Отмечу великорус. *говорить словеса*, Кадник. (в заговоре, Отв. № 25); там же, *от земли до небеси*; в укр.— небеса́, чудеса́; угрорус.— на небеса, тїлеса, до небеси, еще бог з небеси́ (Верх., I).

Замечания об отдельных падежах.

Уже в древнем языке находим новообразования: а) по склонению основ на *-ĭ*: местн. ед.— на нб҃си, Новг. 1-я, 3; б) по основам на *-ŏ*; нб҃сѣхъ, Жит. Феод., Лавр.; в) по основам на *-jŏ*; сюда предположительно относятся: на нб҃сихъ, Ипат., 17г; ср. *о словесихъ* в Пантел.

ев., 70б, 121б; быть может, также твор. мн. *словеси*, как в Жит. Бор. и Гл. XII в., так и в Жит. Феод. (здесь: таче напослѣдъцѣ о единѣмь блаженѣмь словеси поидоу).

Переход в основы на *-ŏ*. По-видимому, еще в общеславянском праязыке начался переход основ на *-s* в основы на *-ŏ*, вызванный тем, что форма именительного единственного от основ на *-s* (słovo) совпала с формой именительного единственного от основ на *-ŏ* (seło). В старославянских памятниках от **тѣло, слово, небо, чюдо** производятся рядом с формами, как **тѣлесе, словесн, небесе, — тѣла, словомь, небоу, чюдоу**; склонение слов **дѣло, дно, оухо, око, дрѣво** по основам на *-ŏ* также обычно. Ср.: словъмь, Мстисл. ев.; словъмь, Усп. Минея, 167в, 244г; тѣлѣ, 299в; нб̄оу, ib., 221б; в малѣхъ словѣхъ, Колом. Пал., 107; дат. мн.— словомъ, Гал. ев. 1144, 219в, и др. В русском языке, как мы видели, основы на *-s* были с течением времени утрачены вполне. О том, что такие основы были чужды и древнему языку, можно было заключить, например, из того, что основа *тѣлес-* пишется в древнерусских памятниках последовательно с *е*, сообразно с тем, что церковнославянское *ѣ* русскими людьми произносится как *е*, между тем как основа *тѣл-* пишется с *ѣ*, очевидно, под влиянием русского живого произношения. О том же свидетельствуют формы основ на *-ŏ* на месте форм от основ на *-s* уже в древних наших памятниках; например,в Жит. Феод. находим: словоу, слова, словъмь, тѣла, тѣлоу, тѣлѣ, тѣлъмь, дѣлъ, дѣлѣхъ, дѣла; в Жит. Бор. и Гл.: въ тели (вероятно, впрочем, это описка, вместо *въ телеси*); в Ипат.: тѣлома, 51г, тѣломъ, 6а, с тѣми словъı, 297г, 298г, сими же словъı, 275г; Новг. 1-я: теломь, 119; Гр. 1229 (Д): телѣ; Лавр.: лживъı̄ словомъ (в речи философа). Отметим еще другое изменение основ на *-s*: koło — kołes'e в русском языке перешло в kol'eso. Ср. еще кѹдесомъ — твор. ед., Домостр. Конш., 22.

3. Основы на *-t* (*-ęt*)

Образец склонения.

Ед.	И. В. З.	t'el'à	(тели)
	Р.	t'el'àt'ă	(телите)
	Д.	t'el'àt'i	(телити)
	Т.	t'el'àt'ьm'ь	(телитьмь)
	М.	t'el'àt'ă	(телите)

Дв.	И. В. З.	t'el'àt'ѣ	(телитѣ)
	Р. М.	t'el'àtu	(телитоу)
	Д. Т.	t'el'àt'ьma	(телитьма)
Мн.	И. В. З.	t'el'àta	(телита)
	Р.	t'el'àtъ	(телитъ)
	Д.	t'el'àt'ьmъ	(телитьмъ)
	Т.	t'el'àty	(телитьъı)
	М.	t'el'àt'ьxъ	(телитьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке являются формы, выставленные в парадигме, хотя многие из них не могут быть доказаны из древнейших памятников. В местн. ед. рядом с жрѣбатѣ, Зогр. ев., Супр., Клоц. сборн., является осьлати, жрѣбати, Супр.; отрочати, жрѣбати, Савв. кн.; ср. на осьли жрѣбати, Юрьевск. ев. В др.-сербском: род. ед.— дѣтете, овчете, мрьчете; твор. ед.— Климетемь, игнютемь. Новообразованием по основе на *-ŏ* является дат. мн.— вноучетомъ. В польском языке уже в древнейшую эпоху эти основы в ед. числе перешли в склонение основ на *-jŏ*: род. ед.— cielęcia, skocięcia, knieżęcia, jagnięcia; дат. ед.— dziecięciu, dziewczeciu и т. д., но во мн. числе сохранились и до сих пор старые формы; в памятниках: ksiǫżęta, jagniǫta, род. мн. lwiąt, wnucząt; местн. мн.— w cielętach и т. д.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин. ед.: овьча, Жит. Феод.; звѣра, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); кура, Дв. гр. XV в., дея Ива Ципла, Гр. 1445—1485 (С. М., № 43); богу жаль куря дать, Послов. XVII в. (Симони, 79); мило волку теля, Послов. XVII в. (Симони, 121); знаи рабя рабячью, Послов. XVII в. (Симони, 106).

Дат. ед.: молоудоу дѣтати, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 33); дитяти, Вкл. Ив. Ник. XIV в. (Соболевский); даи бог нашему телати волка поимати, Послов. XVII в. (Симони, 97); не сохни мати по чюжемъ дитяти, ib., 128; кнѣжати, Молд. гр. 1435, № 46.

Твор..ед.: с детатемь, Ипат., 229б; жеребатем, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); кнжете, Крас. сп. Западнорус. лет., 64.

Им.-вин. мн.: овчата, Лет. Авр.; книжата, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Род. мн.: внуцатъ, Дв. гр. XV в., № 5.
Твор. мн.: внучатъı, Перемышл. гр. 1378.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: великорус.—дитя, устар.— теля; белорус.— дзиця́, цяля́, парася́, зерня́, Слуцк. (Отв. № 5); вивча́, щеня́, Быхов. (Отв. № 9); ягня́, свинна́, куреня́, коценя́, Речицк. (Отв. № 17); жеребя́, Пинск. (Отв. № 1); укр.— ягня́; лемк.— теля (Верхр.); угрорус.— теля́, зерня́, дїтя́ (Верхр., I).

Род. ед.: укр.— теляте (у Осадцы), лемк.— дїтяте, теляте (Верхр.).

Дат. ед.: белорус.— циля́ци, Витеб. (Отв. № 18); дзицяци, Новоалекс. (Отв. № 11), dziciaci, Волков. (Federowski, I, 43); укр. угрорус.— теляти (Верхр., I).

Им. мн.: великорус.— теля́та, внуча́та, ребя́та, щеня́та, порося́та, цыпля́та; тотемск.— зе́рнята (Слов. Андр., Арх. II Отд.); шурьята, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); белорус.— парася́та и др.; укр.— теля́та, ягня́та, дівча́та и др.

Род. мн.: великорус.— внучат, теля́т и т. д.; белорус.— парася́т др.; укр.— теля́т и др.

Твор. мн.: укр. лемк.— с теля́ты (Верхр., Огоновский).

Замечания об отдельных словах и падежах.

Слово *дитя* (ст.-слав. дѣта) еще в общеславянском языке не употреблялось во множественном числе, заменяясь здесь формой *дѣти* (им. мн. женского рода по склонению основ на *-ĭ*).

Уже в древнем языке формы род. ед. и местн. ед. на *-е* заменялись под влиянием основ на *-ĭ* формами на *-i*: телѧти даıли, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 48); дроугаго дѣтѧти, ib., 87; ср. в современном языке: белорус.— род. ед.— парасяци, зерня́ци, Слуцк. (Отв. № 5); дзиця́ци, Новоалекс. (Отв. № 11); ягня́ци, Речицк. (Отв. № 17), зерня́ци, Пинск. (Отв. № 1); укр.— род. ед.— дытяты, Пинск. (Отв. № 7), лемк. местн. ед.— теляти; угрорус. род. ед.— зерняти, теляти (Верхр., I). Равным образом дат. мн. образовывался от основы на *-ŏ*: шоурѧтомъ, Ипат., 259г; кнѣжѣтомъ, Молд. гр. 1434, № 41; прѣоуноучатомъ, Молд. гр. 1434, № 36; прѣщоурѣтомъ, ib., совр. лемк.— телятім (Верхр.); галицк.— дївчатїм (Головац.). К древней эпохе относятся и некоторые образования от основ на *-jŏ*: *с двѣıма дѣтѧтема*, Ипат., 231а, вместо ожидаемого *дѣтѧтьма*. Форма им. мн. *княжата*, например в Послании Ионы 1450 (XVI в.,

А. И., I, № 50) — ср. выше *кн̄жата, кн̄жете* в западнорусских памятниках явилась едва ли не под влиянием польского. С течением времени в великорусском основы на *-at* (из *-ęt*) исчезли в формах ед. числа, заменяясь, между прочим, образованиями на *-енок* (теленок, поросенок), о чем скажу ниже. Но в древнерусском живучесть образований на *-а* (им. ед.) доказывается, например, появлением таких косвенных падежей от имени половецкого князя Куря: ѿ Курати кн̄зѧ, Ермол. XV в., 14.

IX. ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЕ И НА *-Ū* ЖЕНСКОГО РОДА

Рассмотрю отдельно основы на *-r* и основы на *-ū* (*-ъv*).

1. Основы на *-r*

Образец склонения, к которому относятся в русском только две основы mater- и dъčer-.

Ед.	И.	màt'i, mát'ĵь	(мати)
	З.	màt'i, màt'ĵь	(мати)
	Р.	màt'er'ä	(матере)
	Д.	màt'er'i	(матери)
	В.	màt'er'ь	(матерь)
	Т.	màter'ĵjů	(матерью)
	М.	màt'er'i	(матери)
Дв.	И. В. З.	màt'er'i	
	Р. М.	màt'eru	
	Д. Т.	màt'er'ьma	
Мн.	И.	màt'er'i	(матере)
	Р.	màt'örъ	(матеръ)
	Д.	màt'er'ьmъ	(матерьмъ)
	В.	màter'i	(матери)
	Т.	màt'er'ьm'i	(матерьми)
	М.	màt'er'ьxъ	(матерьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке основы матер-, дъштер- склоняются так, как указано в образце; впрочем, и в древнерусских памятниках некоторые из приведенных в образце падежные формы не могут быть доказаны; таковы формы двойственного числа. Рядом с винительным матерь, дъштерь известны формы матере, дъштере:

сиѭ дъштере, Савв. кн., обрѧштеши алеѯандра и матере юго Пуроннѭ, Супр. Происхождение таких форм для меня не ясно. Из памятников русской редакции приведу: на сиѭ матере, XIII Сл. Гр. Бог.; иже оставить оц҃а и матере, Мстисл. ев. Любопытно отметить с таким же значением *дъщере* в Гал. ев. 1144, 81в. Уже в древнейших памятниках является в родительном окончание *-и* вместо *-е* (из основ на *-ĭ*): матери, Супр. В им. мн. только матери, дъштери, не матере, дъштере; ср. совпадение им. и вин. мн. во всех вообще именах женского рода. Для род. мн. укажу на от дъштеръ, Мстисл. ев. В др.-сербск.: им.-зват. мати, кћи, род.— матере, кћере; дат.— матери, кћери; вин.— матерь, кћер (но один раз и — матере); твор.— матерю, кћерю; местн.— матери; дат. дв.— кћерма; им. мн.— кћери; род. мн.— матерь, кькерь; дат. мн.— кькеремь; вин. мн.— кћери. Др.-польск. mać, род.— macierze, дат.— macierzy, вин.— macierz, твор.— macierzą, местн.— macierzy и macierze (что ведет к более древней форме matere), им. мн.— macierzy и macierze (последняя форма, быть может, образована по аналогии основ на *-jā*), род. мн. macior.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: дочи, Гр. 1459 (А. Калач. I, № 84), Гр. 1520 (Бел., № 2), Гр. 1527 (Бел., № 5), Ипат., 286а, Дв. гр. XV в., № 103, 107; д҃чи, Лет. Авр., Ипат. 188г; мати, Лавр., 449; мать, ib., 452; кому мати дасть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45); зват.: тки, дочи, Послов. XVII в. (Симони, 144).

Род. ед.: матере, Ипат., 85г, 90в, 189а, Лавр., 301; м҃тре, Новг. 1-я, 53; поста матере божии, Молд. гр. 1404, № 18; прч҃тое бг҃оматр҃е, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); матере, Отв. митр. Иоан. 1080—1889 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4).

Дат. ед.: дочери, Дв. гр. XV в., № 76; д҃чери, Дух. 1328, № 21; м҃три, Дв. гр. XV в., № 116; дъчери, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45).

Вин. ед.: м҃трь твою, Ипат., 26г; м҃трь, Гр. 1474—1478 (А. Калач., I, № 63); нашу матерь, Дог. 1428, № 44; чью дочерь, Ипат., 229в: дочерь, дчерь, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84).

Твор. ед.: дочерью, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84).

Им. мн.: дъчери, Русск. Пр. (Р. Д., I, 43).

Дат. мн.: дочеремъ, Дв. гр. XV в., № 5; доцеремъ, ib., № 78; дочере^{м}, Гр. 1535 (Бел., № 8).

Вин. мн.: доцери, Дв. гр. XV в., № 78: мт҃ри поимати, Лавр.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: великорус. *мать, дочь* восходят фонетически к произношению mat'ь, doččь; сохранились и формы mat'i, dočі: мати, Кадник. (Отв. № 26), Петроз. (Отв. № 34); мати, дочи, Орл.-Вят. (Отв. № 37), Слобод. (Отв.№ 48), Нолинск. (Отв. № 51), Яренск. (Отв. № 194); мати, Шенк. (Отв. № 235); доци, Никольск. (Отв. № 266), Вятск. (Колосов) и др.; белорус. —маць, доч, но рядом и: ма́ци, Слуцк. (Отв. № 5); мати, дочи, Новоалекс. (Отв. № 14); ма́ци, Речицк. (Отв. № 17), Новогр. (Отв. № 29); укр.— ма́ти и мать; лемк.— мать; угрорус.: мати (Верхр.).

Вин. ед.: формы *матерь, дочерь* весьма обычны в великорусских говорах, где они получили значение и им. ед.: матерь, дочерь (им.-вин.), Яренск. (Отв. № 194); доцерь, Никольск. (Отв. № 266); матерь, дочерь, Холмог. (Отв. № 50), Нолин. (Отв. № 51), Котельн. (Отв. № 35), Шуйск. (Отв. № 19), Белоз. (Отв. № 166) и т. д.; то же в белорус.: дочар, Игум. (Отв. № 8); в укр.— матїр; в лемк.— вин. ед.— ма́тїр, при именительном — мати.

Род. ед.: древнее окончание *-е* сохранилось в говорах украинских: матере — лемк. (Верхр.), угрорус. (Верхр., I).

Дат. ед.: великорус.— матери, дочери; белорус.— мацеры, укр.— матери.

Твор. ед.: великорус.— матерью, дочерью; белорус.— матэрью, Пинск. (Отв. № 7).

Им.-вин. мн. великорус.— матери, дочери; укр.— матери.

Род. мн.: укр.лемк.— матер (Верхр.).

Твор. мн.: великорус.— дочерми; диалект.— ма́терми; укр.— матїрми́ и диалект.— матїрми.

Замечания об отдельных падежах.

В Лаврентьевской летописи встречаем им. мн. *матере* (мтре ж чадъ сихъ плакаху по нихъ). Происхождение такой формы не ясно: признать ее старой формой им. мн., образованной по склонению основ на согласную, затруднительно именно потому, что еще в общеславянском праязыке формы им. мн. женского рода систематически заменялись формами вин. мн.

Непонятными являются диалектические великорусские формы *дочеря* (фонетически вм. *дочере*) в значении им. и вин. пад., например в Щигр. им. ед.— дочеря, вин. ед.— на дочеря надену шелкову плётку, я до́чяря на улицу пушшу (Халанский, Р. Ф. В., 1880). Не исключена возможность, что такое *до́черя* восходит к указанной выше форме вин. ед. dъčere, встречающейся в старо-

славянских памятниках (дъщеръ). Фонетическим изменением формы màti в общеславянскую еще эпоху признаю переход ее в matь вследствие изменения *i* в *ь* в конечном открытом неударном слоге; но dъčči сохраняло свое *i*, как защищенное ударением; отсюда *i* переносилось и в màti, так же как обратно màtь могло вызвать новообразование dъččь.

Уже в древнейшем языке обнаруживается влияние основ на *-ĭ* на основы на согласную; в приведенном для общерусского праязыка образце от основ на *-ĭ* образованы: твор. ед. materьju, дат., твор. и местн. мн., дат.-твор. дв. materьmъ, -ьхъ, -ьmi, -ьma; также и им. мн., хотя форма materi скорее форма вин. мн. от основ на согласную по своему происхождению. Но основы на *-ĭ* проникали и в образование других падежей; ср. формы, как род. ед.: а wдинои матери, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45); мтрии, Дух. 1328, № 21, Гр. 1453 (А. Калач., I, № 31); род. мн.: мтрии, Ипат., 194 г.; дочереи, Дв. XV в., № 5. Форма род. дв.— *дочерю* (ѿ дочерю Лотову), Лавр.— представляет новообразование вместо **дочеру* под влиянием мягкого *р* в остальных падежах.

2. Основы на *-ŭ (-ъv)*

Образцы склонения.

Ед.	И. З.	cьr'ky	(цьркъı)
	Р.	cьr'kъv'ä	(цьркъве)
	Д.	cьr'kъv'ı	(цьркъви)
	В.	cьr'kъv'ь	(цьркъвь)
	Т.	cьr'kъv'ĵu	(цьркъвию)
	М.	cьr'kъ'v'ä	(цьркъве)
Дв.	И. В. З.	cьr'kъv'i	(цьркъви)
Мн.	И. В. З.	cьr'kъv'i	(цьркъви)
	Р.	cьr'kъvъ	(цьркъвъ)
	Д.	cьr'kъvàmъ	(цьркъвамъ)
	В.	cьı'kъv'ı	(цьркъви)
	Т.	cьr'kъvàm'i	(цьркъвами)
	М.	cьr'kъvàxъ	(цьркъвахъ)
Ед.	И. В.	krъv'ь	(кръвь)
	Р.	krъv'ä	(кръве)
	Д.	krъv'i	(кръви)
	В.	krъv'ь	(кръвь)
	Т.	krъv'ĵu	(кръвию)
	М.	krъv'i	(кръви)

Мн. И. З.	krъv'i	(кръви)
Р.	krъv'ȇi̯	(кръвии)
Д.	krъv'ьmъ	(кръвьмъ)
В.	krъv'i	(кръви)
Т.	krъv'ьm'i	(кръвьми)
М.	krъv'ьxъ	(кръвьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

Как цръкы, в старославянском склоняются еще, например, свекры, неплоды (не имеющая детей), смокы, ьрады (топор), локы (лужа, болото), хорѫгы, жръны (жернов), любы, боукы, цѣлы (исцеление). Старославянское склонение то же, что древнерусское. Рядом со старыми формами встречаются новообразования от основ на *-ĭ*: род. ед.— цръкъви в Син. пс.; местн. ед.—цръкъви при цръкъве в Зогр. ев., Мар. ев., Савв. кн. только црькъви в Супр., Ассем. ев., Клоц. сборн.; в Остр. ев.— цьркъви. Формы дательного, творительного, местного образованы от основы на *-ā*; новообразование вызвано, вероятно, формой родительного множественного. Слово кръвь приближено в склонении еще более к основам на *-ĭ*; ср. им. ед., род. мн., а также дат., твор., местн. мн.; равно также и местн. ед. Таким образом, по склонению на *-u* образуются только род. ед., хотя в старославянских памятниках известна и форма кръви. Встречающиеся формы вин. ед., например разарѣѩи цръкве, Зогр. ев., въ црькъве (in ecclesiam, ib.), видѣ смокве, ib., въ црькъве (in ecclesiam), съборьнѫѭ ...црькъве, многѫ ... люььве, великѫѭ црькъве, Супр., сиѭ смоьве, ib.; божиѭ люььве, ib., не ясны мне по своему происхождению. Из памятников русской редакции приведу: смокъве, Юрьевск. ев., 193а; вѧщьшю любъве, Поуч. Конст. Болг., 15 в; аще любьве имате, Ев. 1092, 99а; любъве, Мстисл. ев., любъве, цр҃кве, XIII Сл. Гр. Бог. Что касается прелюбы в прелюбы дѣѩти, любы в любы дѣѩти, то это не формы вин. ед.; возможно, что это формы вин. мн. прилагательных, после которых опущено слово дѣѩ (дела), как недавно объяснил их Н. П. Некрасов[1]. В др.-сербском находим: любы, люби, црькы; род. ед.— любьве, црькве, крьве; дат.— црькви, љубави; вин.— любовь, любавь, црькьвь; твор. ед.— любавю, им. мн.— црькви, род. мн.— цркав (и цркава); дат.— црквам; тв. мн.— црьквами. В древнепольском им. ед.— kry (итак, форма, не изве-

[1] Заметка о старославянской форме любы в выражении любы дѣѩти („Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук", т. XIV, кн. 4, стр. 165—174). *(Ред.)*

стная ни из старославянского, ни из древнерусского), в вин.— рядом с świekrew, cerkiew находим świekry swǫ в Библии королевы Софии; в род.— krwie, cerekwie, cerkwie, bukwie, rzodkwie, kotwie, marchwie, dryakwie, brzoskwie, świekrwie, chorągwie, rzodekwie, konwie, ostrwie; в дат. jątrwi; в вин. пад. любопытная форма cyrkwiew, ostrwew, которые, по мнению проф. А. Калины, восходят к старым формам вин. на *-е* (ст.-слав. цр҃ъкъвє и т. п.), причем к ним прибавлено еще w; в твор. ед.— bukwią, dryjakwią, żagwią; зват. ед.— krwi; местн. мн.— we krwiech.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: цр҃къı камена, Новг. 1-я, 158а; цр҃къı, Ипат. XI в. 117в, 222а; цр҃ки, 77а; церкъı, Лавр., 331, 341; церки, ib., 296; любъı, Ипат., 75г; свекръı, Дух. 1453 (С. Г. Гр. и Д., № 83). Ср. еще — Удъı, приток Донца.

Зват. ед.: ѡтръı, Ипат., 195в[1].

Род. ед.: цр҃кве, Ипат., 78а, 138а, 277а; церкве, Лавр., 276, 280, 289, 377; ѿ церкве, Отв. митр. Иоанна 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4); цр҃кве, Гр. 1229 (Л. Е.); желве, Ипат., 74а; хороугве, 247г; оу Стракве, Ипат., 138в; ѿ крове праведнаго сего, Лавр.; крове, Ипат., 91б, 112б; бес крове, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 28).

Дат. ед.: по любъви, Новгр. 1265, № 2; по своеи любови, Дв. гр. XV, № 132.

Вин. ед.: дорогъвь, Новг. 1-я, 73; дороговь, 208; на ѡтровь, Ипат., 102г; Страковъ, Ипат., 137г; за оутовь, Русск. Пр.; любwвъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 63б.

Местн. ед.: въ цр҃кви, Новг. 1-я, 211; в лутви, Ипат., 225в.

Род. мн.: буковъ, Ипат., 11а; букъвъ, Лавр.; ѿ святъıхъ божиихъ церквъ, Опред. Влад. соб. 1274 (Сов. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 96).

Примеры из современного языка.

Им. ед. на *-ы* сохраняется в единичных образованиях в великорусских говорах: свекры́, Егорьев. (В. Чернышев); свякры́, Касим. (Отв. № 47), Новосил. (Отв. № 77); мая свякры́, Скоп. (Будде); в Донской области записана загадка: „Его матушка ее матушке свекры. Кто они?“ (Отец и дочь), Калмыков; свекры, Ма-

[1] Указание на источник в рукописи по описке не дано, а приведено лишь указание на лист (195в) памятника. *(Ред.)*

лояросл. (Шейн, № 91, стр. 139). Церковное: слѣпая любы ему же въ сердце ся влѣпитъ того охромитъ или ослѣпитъ, Послов. XVIII в. (Симони, 214).

Род. ед.: угрорус.— церькве, любвé, Верхр., I; галицк.— церкве, крове (Осадца).

Дат. ед.: великорус.— церкви.

Местн. ед.: в церковй, Буйск. (Отв. № 18), Мышк. (Отв. № 78); у церкыви Слуцк. (Отв. № 5): лемк.— церкви, Верхр.

Твор. ед.: белорус.— цéркаўю, Игум. (Отв. № 8).

Им. мн.: брывй, Свенц. (Отв. № 13).

Род. мн.: галицк.— церков (Осадца), восходит, вероятно, к новообразованию — церква.

Дат. мн.: церквам, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); царквам, Новоалекс. (Отв. № 14); угрорус.— церьквам, Верхр., I.

Твор. мн.: царквами, Новоалекс. (Отв. № 14).

Местн. мн.: царквах, Новоалекс. (Отв. № 14).

Замечания об отдельных падежах.

О целом ряде новообразований в склонении относящихся сюда основ скажу ниже. Укажу здесь на весьма раннее появление форм по склонению на *-ĭ*: род. ед.— цр҃кви, Ипат., 206а́, 206б, 105в; *любови*, ib., 265в; цр҃къви, Новг. 1-я, 107; кръви, ib., 86, 169; кръви, Жит. Бор. и Гл. XII в.; да быша не пролили мене ради крови, Лавр.; до кръви, Гр. ок. 1240; кръви, Гр. 1229 (Д. Е.); род. мн.— цр҃квии, Новг. 1-я, 141; дат. мн.— свекровемъ, Лавр.; по цр҃квемъ, Дух. 1328, № 21; местн. мн.— в цр҃квехъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 26а. Рано являются новообразования и в им. ед.: роусскаꙗ хороуговь, Ипат., 257а. Ср.современ. великорус.— *церковь*, *морковь*, *любовь*, *свекровь*, *хоругов*ь; белорус.— мóркаў, церкаў; укр.— хоругов, кроков, церков, мóрков, любов.

Отмеченные выше формы, как *любови*, могил.— *ціркыви*, род. мн.— *церкавей*, Минск. (Отв. № 7), *в церковй*, Буйск. (Отв. № 18), заимствуют свое *о* из формы именительного единственного.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В общерусском праязыке унаследовано из общеславянского изменение прилагательных по трем родам (мужескому, женскому и среднему), а также по тем категориям, по которым изменялись существительные, т. е. по падежам и числам. С определяемым

существительным прилагательное согласовалось, таким образом, в роде, числе и падеже; впрочем, звательная форма имени вообще не требовала при себе прилагательного в той же форме: прилагательное являлось при существительном в звательном падеже в форме именительного падежа (однако: ѳ҃рисѣю слѣпе, Мстисл. ев.); в звательной форме прилагательное являлось тогда, когда имело значение существительного. Прилагательное употреблялось как субъект (когда являлось в фразе отдельно от существительного) и как атрибут (когда определяло существительное); в некоторых падежных формах прилагательное употреблялось и как предикат (сказуемое), а именно в именительном, винительном, дательном и творительном падежах. В общерусском, как и в общеславянском праязыке, прилагательное склонялось или по склонению именному, т. е. изменялось так же, как имя существительное, или по склонению, сложенному с местоимением, которое в русском языке, в виду значительного приближения к склонению местоимений, можно назвать склонением местоименным. Определить даже в общих чертах, в каких именно синтаксических соединениях прилагательные склонялись в древнерусском языке по именному склонению и в каких по местоименному, представляется затруднительным; важно отметить, что в значении сказуемого прилагательное склонялось только по именному склонению. Быть может, первоначально сложенное с местоимением склонение являлось в прилагательных, употреблявшихся в функции существительных, т. е. не в атрибутивном употреблении. С течением времени, однако, это склонение распространилось и на прилагательные в атрибутивном употреблении; в древнерусском языке, однако, в атрибуте удерживалась и именная форма прилагательных; в современном она исчезла, удерживаясь в великорусском наречии, и между прочим и в литературном нашем языке, в предикате: *слепой, слепой человек* по местоименному склонению, но *он слеп* по именному (в украинском и здесь местоименная форма: *сліпий*). Сложное или местоименное склонение прилагательных рассмотрим ниже, изложив склонение местоимений. Здесь остановлюсь на именном их склонении.

Основы прилагательных в общем тождественны с основами существительных, но при этом в мужеских основах на твердую согласную (перед падежными окончаниями) не замечается особой категории основ, восходящих к древним основам на *-ĭ*: основы мужеского и среднего рода восходят к основам на *-ŏ*, основы

женского рода — к основам на *-ā*. Точно так же в основах на мягкую согласную (перед падежными окончаниями) не замечается особых категорий основ, восходящих к древним основам на *-ĭ*; основы мужеского и среднего рода восходят к основам на *-jŏ*; основы женского рода — к основам на *-jā*. Ср. nòvъ, novò, novà; s'ìn'ъ, s'ìn'o, s'in'à (общеслав. s'in'ъ, s'in'e, s'in'a). Совершенно особое образование представляют формы сравнительной степени: они восходят к древней основе на согласную *s*.

Кроме указанных основ, склонение которых мы рассмотрим ниже, в общеславянском праязыке существовали прилагательные несклоняемые с окончанием *-ъ*; быть может, эти прилагательные восходят к древним основам на *-ĭ*; в древнерусском сюда относятся *испълнь* (в Жит. Феод. им. ед.— испълнь, вин. ед.— испълънь), *ниць* (в Лавр.: падъ ниць) и некоторые другие. Быть может, диалектическое великорус. *по́лон*, несклоняемое, восходит к такому несклоняемому *пълнь*: ср.: по́лон чашка, полон горница, полон вядро́, Терск.-Моздок. (Караулов).

1. Склонение основ на *-ŏ*, *-ā* с предшествующею твердой согласной

Эти основы склоняются по следующему образцу.

Мужеский род

Ед.	И.	màłъ	(малъ)
	З.	màł'á	(мале)
	Р.	màła	(мала)
	Д.	mału	(малоу)
	В.	małъ, màła	(малъ, мала)
	Т.	màłъm'ь	(малъмь)
	М.	màł'ѣ	(малѣ)
Дв.	И. В. З.	małà	(мала)
	Р. М.	małù	(малоу)
	Д Т.	màłoma	(малома)
Мн.	И. З.	màl'i	(мали)
	Р.	màłъ	(малъ)
	Д.	małòmъ	(маломъ)
	В.	małỳ	(малы)
	Т.	małỳ	(малы)
	М.	mal'ѣ̀хъ	(малѣхъ)

Средний род

Ед	И.	màło	(мало)
	З.	màło	(мало)
	Р.	màła	(мала)
	Д.	màłu	(малоу)
	В.	màło	(мало)
	Т.	màłъm'ь	(малъмь)
	М.	màl'ѣ	(малѣ)
Дв.	И. В. З.	mal'ѣ̀	(малѣ)
	Р. М.	małù	(малоу)
	Д. Т.	màłoma	(малома)
Мн.	И. З.	mała	(мала)
	Р.	màłъ	(малъ)
	Д.	małċmъ	(маломъ)
	В.	mała	(мала)
	Т.	małỳ	(малъı)
	М.	mał'ѣ̀хъ	(малѣхъ)

Женский род

Ед.	И.	małà	(мала)
	З.	màła	(мала)
	Р.	małỳ	(малъı)
	Д.	mal'ѣ̀	(малѣ)
	В.	màłu	(малоу)
	Т.	màłoju	(малою)
	М.	mal'ѣ̀	(малѣ)
Дв.	И. В. З.	mal'ѣ̀	(малѣ)
	Р. М.	małù	(малоу)
	Д. Т.	małàma	(малама)
Мн.	И. З.	màły	(малъı)
	Р.	màlъ	(малъ)
	Д.	małàmъ	(маламъ)
	В.	màły	(малъı)
	Т.	małàm'i	(малами)
	М.	małàхъ	(малахъ)

Относительно выставленных здесь ударений отмечу, что основы прилагательных, как и основы существительных, могли иметь неподвижное ударение (на окончании, например: novà — род. ед., novò — ср. р., novà — ж. р.; на корне, например: ràdo, ràda, ràdi)

или подвижное ударение (в одних падежах на окончаниях, в других на основах). Основа mało-, malā- имела подвижное ударение. При распределении их я руководствовался отношениями, наблюдаемыми на именах существительных. Современные данные указывали только ударения именительных форм: в словах с неподвижным ударением женский род имеет то же ударение, что средний, в великорусских и некоторых сербских говорах; между тем в словах с подвижным ударением эти говоры в женском роде имеют ударение на окончании, а в среднем роде на основе великорус. и диалект. сербск.: gùsto, glûpo, bỳstro, t'ìxo, t'ѣ̀sno, при gustà, glupà, bystrà, t'ixà, t'ѣsnà). Не ясно, какое ударение имели в основах с подвижным ударением формы им., вин. мн. ср. рода; вероятнее всего, что на окончании.

По-видимому, уже в общеславянском праязыке употребление прилагательных в именной форме суживалось в пользу форм местоименного (сложного) склонения. В древнерусском языке этот процесс пошел еще дальше. Ввиду этого не лишними представляется мне привести примеры употребления форм именного склонения, не отличая атрибутивного от предикативного их значения.

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: вътече в гуры (т. е. утече в горы) босъ, Крас. сп. лет. XVI в.; и бѣ градъ великъ, Лавр.; богатъ ждетъ пакости, а убогъ радости, Послов. XVII в. (Симони, 78).

Зват.: рабе блги и вѣрьне, Жит. Феод.; безумьне, ib.; силне, Ипат., 51г.

Род.: сверѣпа звѣри доушоу имоуще, Жит. Бор. и Гл. XII в.: Игорева броду, Ипат., 181б; ѿ цѣла камени, ib., 282а; сынъ благовѣрна отца, Лавр., 279; ѿ рода Варяжьска, ib.; ни права ни крива не оубиваите, ib; ѿ хмелна короба, Новг. гр. 1265, № 1; и ѿ мала и ѿ велика, Новг. гр. 1270, № 3; до живота Андрѣѥва, Новг. гр. до 1305, № 10; от оусть Хмелева роучьѧ, Дв. гр. XV в., № 107.

Дат.: или иномоу доброу члвкоу, Гр. 1229 (А); Словѣньску же ѩзыку, Лавр.; богату хотя глупу всякъ дѣетъ мѣсто, Послов. XVII в. (Симони, 81); горду быть глупымъ слыть, ib., 92.

Вин.: на Гъцкъ берегъ, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); хлѣбъ ръжанъ, Жит. Феод.; поѩсъ золо͡т, Дух. 1389, № 34; на Петровъ дн, Новг. гр. 1270, № 3; прислалъ своѥго лоучьшего попа Юрьмея и с нимь оумьна моужа Пантелья, Гр. 1229 (А); а пополонка конь

воронъ, Дв. гр. XV в., № 90; богата хоть дурака всякъ почитае, Послов. XVIII в. (Симони, 81).

Твор.: зрако голубиномъ, Ипат., 40б; с црвомъ посломъ, ib., 186в; тихо глмъ, 190а; съ многомъ полономъ, 106а; стомъ Михаиломъ, ib., 108в; плаче велико, ib., 15г; великомь моужемь, ib., 46в; съ снмъ своимъ съ дѣтьскомъ, Лавр.; со всѣмь новомь городомь, Новг. гр. 1368—1371, № 16; надъ младомь дѣтатемь, Вопр. Кир. (Р. И. Б., VI, 36); из лѣсомъ Гнилецкимъ, Томиловомъ, Ключовомъ, Бугаевомъ, Киевск. гр. 1459; трудомъ великомъ, Ипат., 60б; лютомь звѣремь, ib., 72г; золото шоломомъ, ib., 245а.

Местн.: въ своемь цѣлѣ оумѣ, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84); на мале часоу, Новг. 1-я, 44а; въ домоу презвутерове, Жит. Феод.; темнѣ березѣ, Сл. о п. Иг., 42; по Петровѣ дни, Новг. гр. 1265, № 2; на камени высоцѣ, Новг. 1-я, 156б.

Им.-вин.-зват. дв.: вѣ порозна, Ипат., 152г; то выведеть свободьна моужа два, Русск. Пр. (Р. Д., I, 33); рада быста, Лавр.; в чума золота болша (вин.), Дух. 1328 [1]; взяша Треполь и Халѣпъ пуста (вин.), Лавр., 288.

Дат.-твор. дв.: ведома (вм. ведомома) же има слепома, Новг. 1-я, 41а.

Им. мн.: ради бъихомъ, Новг. 1-я, 91; въı чисти есте, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); конюси Миндовгови, Ипат., 286г; бъıша пьıни, Ермол., 59; скори суть, Ипат., 51а; бахуı мужи мудри и смъıслени, Лавр.; ради даемъ, ib.; аще ли зли и лукави бъıваютъ, ib.; волки бъı съıти а овци бъı цѣлъı, Послов. XVII в. (Симони, 86); терезви, пьıни, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 58); готови, осѣдлани, Сл. о п. Иг., 7; конець копıя въскръмлени, ib., 8; а мъı... жадни веселія, ib., 26.

Род.: и вда ему вои многъ, Лавр.

Дат.: днмъ мъногомъ, Жит. Феод.; намъ нагомъ, ib.

Вин.: пристроите медъı многи, Лавр.; мнать и мрамораны суща, ib.

Твор.: над Василковъı вои, Лавр.; с даръı велики, Лавр., удалъıми сънъı Глѣбовъı, Сл. о п. Иг., 29.

Местн.: мнозѣхъ, Жит. Феод.

Ср. р. им.: и бѣ... бещислено множьство, Лавр.

[1] Указание на источник по описке опущено в рукописи. *(Ред.)*

Дат.: по правоу словоу, Дв. гр. XV в., № 98; по здоровоу приидоша, Лет. Авр.

Вин.: далъ ѥсмь блюдо серебрьно, Гр. ок. 1130; имѣнье много, Лавр.

Твор.: со многомъ множьствомъ, Ипат., 280б; повеленьемь Глѣбовомъ, ib., 97в.; житиѥмь чистъмь, Жит. Феод.; пошли есмь соухѡ, Хожд. Афан. Ник.; съ племене Хамовомъ, Ипат., 3г.

Местн.: в лисѣ, Ипат., 163а; о лисѣ, Дог. 1362, № 27; в селѣ манастъырьскѣ, Жит. Феод.; ѡ оубьеньи Борисовѣ, Лавр.

Дв.: под сѣнію зелену древу, Сл. о п. Иг., 42.

Дат. мн.: довольномъ, Жит. Феод.; оустомъ члвчьскомъ, Жит. Феод.

Вин.: в мѣста лѣсна, Ипат., 281а; г блюда серебрьна, Дух. 1328, № 21.

Твор.: тъмъı селъı Фенютинъı и Кѣиковъı, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15).

Местн.: в малѣхъ словѣхъ, Колом. Пал., 107.

Ж. р. Им. ед.: а оумретъ моя дочи мала, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84); вса Роуска земла, Новг. 1-я, 47; вса Чюдьска земла, ib., 81; рать Татарьска, Новорос. сп. Новг. 4-й, 410а; свита власѥна, Жит. Феод.

Зват.: кнагини моа мила Ѡлго, Ипат., 298в.

Род.: мтре старъı суща, Лавр.; ѿ Григорьѥвъı межи до Дурневъı межи, Дв. гр. XV в., № 1.

Дат.: в домъ сти (вместо — сватѣ) бци, Дв. гр. XV в., № 88.

Вин.: под сту бцю, Дв. гр. XV в., № 88; в нѣмечьскоу землю, Гр. 1189—1899; в судину малу, Лавр.; дань легъку, Лавр.; Новгородьскоую волость поустоу положилъ, Новг. гр. до 1305, № 11; црквь каменоу, Новг. 1-я, 152б.

Твор. (примеры не могут быть отличены от соответствующей формы по местоименному склонению).

Местн.: в велицѣ чти, Лавр.; въ скърби велицѣ, Жит. Феод.; по Фектистовѣ грамотѣ, Новг. гр. 1314, № 12; по црвѣ грамоте, Новг. гр. 1270, № 3.

Им.-вин. дв.: роуцѣ съгъбенѣ имѣѥ, Жит. Феод.

Род. местн. дв.: ѿ руку Егупетьску, Ипат. 37б.

Дат.-тв. дв.: слезнама ѡчима, Ипат., 263а.

Им. мн.: земли игумну Василью чистъı, Дв. гр. XV в., № 19; аже боудоуть въ домоу дѣти малъı, Русск. Пр. (Р. Д., I, 54).

Род.: по семидесѧти женъ красенъ, Ипат., 33б.

Дат.: по роснамъ землюмъ, Жит. Бор. и Гл. XII в.

Вин.: привода к собѣ мужьски женъı, Лавр.: ѿдати же пьрвѣю гостинъı коунъı, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47); в отпертъı двери лѣзутъ звѣри, Послов. XVII в. (Симони, 87).

Твор.: со многами слезами, Лавр. 42; стѣнами силнами, Ипат., 225а; пречюднами иконами, Ипат., 282б; ризами худами, Жит. Феод.; бжтвенами лучами, Лавр.; ѳеwдосьевами мл҃твами, Лавр.; неготовами дорогами, Сл. о п. Иг., 9.

Также склоняются причастия страд. настоящего на *-мъ* (несомъ, -о, -а) и прошедшего на *-нъ* (несенъ, -о, -а).

Причастия на *-ŀъ* утратили падежные формы и изменялись только по родам и числам: dałъ, dała, dàło, мн. dàli, dàły, dàła, дв. dałà, dal'ѣ̀, dal'ѣ̀.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В других славянских языках также держалось в древности именное склонение прилагательных. Так, в др.-сербском находим род. ед. мужеского рода: мртва, лахка; род. ед. женского: прѣдьтечеви; дат. ед. мужеского: бистру, тужну, лачну; дат. ед. женского: хльмьсцѣ, неговѣ, градьскѣ(так в акте XV в.), млади, бистри, славни; зват. ед. мужеского: свете, безначелне (но также — боже милостив, приблажен); твор. ед. мужеского и среднего рода: маломь, бѫгарскомь, смешеномь; местн. ед. мужеского и среднего: добрѣ, Дмитрове, Грьньчаревѣ; местн. ед. женского: срьдьченѣ, пѫне, кралевѣ, крвави, велици; им. мн. мужеского: глуси, дрази, мали, дузи; дат. мн. мужеского: довольномь; твор. мн. мужеского: хитри, льути, гвоздени; твор. мн. женского: многами, желѣзнами, христовами; местн. мн. мужеского: кралювѣхь; местн. мн. женского: w злащенахь, господьнехь. То же было и в древнепольском: муж. р. им. ед.: bogat, nag, czyst; mił, cał, czworonog, blizek wiotech; р. ед. муж.: Adamowa, Kroliowa, biała; дат. ед.: żywu, krolowu; вин. ед. при одушевленном: cała, laskonoga; твор. ед.: Melehidesechowem; зват.: boże Abrahamon; вин. мн.: zbawiony, losefowy; твор. мн.: twoimi świąty apostoły; ср. р. им. вин. ед. lubo, rano, wiełko, cało, wdowino, твор. ед. ср. р. malem; им.-вин. мн. dobra, wysoka, końska, biała, twarda, niebieska, dziwna; жен. р. род. ед.: dobry, krwawy, biały, krołowy, miły; дат. ед.: drudze, niebodze, serdecznie, dostojnie; вин ед. ojcowę, lnianę, wielikę и т. д.

Примеры из современного языка.

В великорусском наречии удерживаются именные формы прилагательных в предикате: *прав, права́, право,* им. мн. *пра́вы* вместо *пра́ви* под влиянием формы вин. мн. Отмечу диалект. *млади, ради, голодни, сыти, виновати, глуховати, прави, богати, молоди, довольни, согласни* (Мещов., Жиздр., Мышк., Скоп. и др.). В атрибуте подобные формы удержались только в песенном языке: *он са кудрями, он са русами разговариваеть,* Тульск. (Благов. Р. Ф. В., 1880). Чаще встречаются такие формы в белорусском: до́бру мало́йчыку, маладзе жане, Слуцк. (Отв. № 5), ворона́ коня, Речицк. (Отв. № 17); у мяне́ нима до́бра поля, на нашей у́лицы, не знайдзеш ни го́дного разумна чаловека, Пинск. (Отв. № 11). В украинском сравнительно редко найдем такие формы даже в предикате: зо́лот, жив, готов, ла́сков, рад, стар, похож, сив, чо́рон, сла́вен.

Замечания об отдельных падежах.

О замене именных форм формами местоименного склонения, происходившей постепенно для разных падежей, я скажу ниже.

О форме им. ед. отечественных имен на *-овъ* и *-инъ* с окончанием *-е*, извлеченным из звательного падежа, я говорил выше при склонении имен; ср., например, в Двинских грамотах XV в.: Григорьи Иванове, № 5, Селюша Павлове, ib., Грихне Иванъве, № 26, Онтане Кузмине, № 35, Климата Васильеве, ib., Зѣновеи Иванове, ib., Сидоръ Труфанове, № 74, Тимофѣи Иванове, ib., Ефимеи Степанове, № 78, Смене Ночине, № 86, и др.; в Ипатьевской летописи: Чюдине бра͡т, 63г.

Отдельно должны быть рассмотрены формы на *-е* в причастиях на *-лъ* и *-нъ*, как *въдале, възмале, обрѣтене*. Скажу об этих формах ниже при обзоре позднейших явлений в области склонения.

2. Склонение основ ни *-jŏ, -jā*

а) Основы на мягкие согласные

Эти основы, когда окончаниям предшествуют мягкие согласные, склоняются по следующему образцу.

Мужеский род

Ед.	И. З.	s'ĭn'ъ	(сиⷩь)
	Р.	s'ĭn'a	(синꙗ)
	Д.	s'ĭn'u	(синю)
	В.	s'ĭn'ъ, s'ĭn'a	(сиⷩь, синꙗ)
	Т.	s'ĭn'ъm'ъ	(сиⷩьмь)
	М.	s'ĭn ĭ	(сиⷩи)

Дв.	И. В. З.	s'ìn'a	(синѧ)
	Р. М.	s'in'u	(синю)
	Д. Т.	s'ın'óma	(синѣма)
Мн.	И. З.	s'in'ı	(сиⷩи)
	Р.	s'ın'ь	(сиⷩь)
	Д.	s'ın'ómъ	(синѣмъ)
	В.	s'ìn'ѣ	(сиⷩѣ)
	Т.	s'ìn'ı	(сиⷩи)
	М.	s'in'ıxъ	(сиⷩихъ)

Средний род

Ед.	И З.	s'ìn'ó	(синѣ)
	Р.	s'in'a	(синѧ)
	Д.	s'ìn'u	(синю)
	В.	s'in'ó	(синѣ)
	Т.	s'in'ьm'ь	(синѣмь)
	М.	s'in'ı	(сиⷩи)
Дв.	И. В. З.	s'ìn'i	(сиⷩи)
	Р. М.	s'in'u	(синю)
	Д. Т.	s'ìn'óma	(синѣма)
Мн.	И. З.	s'ìn'a	(синѧ)
	Р.	s'in'ь	(сиⷩь)
	Д.	s'ìn'ómъ	(синѣмъ)
	В.	s'ìn'a	(синѧ)
	Т.	s'ìn'ı	(сиⷩи)
	М.	s'in'ıxъ	(сиⷩихъ)

Женский род

Ед.	И. З.	s'ìn'a	(синѧ)
	Р.	s'in'ѣ	(сиⷩѣ)
	Д.	s'in'i	(сиⷩи)
	В.	s'ìn'u	(синю)
	Т.	s'ìn'eju	(синѣю)
	М.	s'ìn'ı	(сиⷩи)
Дв.	И. В. З.	s'ìn'ı	(сиⷩи)
	Р. М.	s'ìn'u	(синю)
	Д. Т.	s'ìn'ama	(синѧма)
Мн.	И. З.	s'ìn'ѣ	(сиⷩѣ)
	Р.	s'ìn'ь	(сиⷩь)
	Д.	s'ìn'amъ	(синѧмъ)

В.	s'ĭn'ѣ	(синѣ)
Т.	s'ĭn'am'ı	(синѣми)
М.	s'ĭn'ахъ	(синѣхъ)

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: тъщь, Жит. Феод.; мужь Володимерь, Лавр.

Род.: рода кнѧжа, Лавр.; братнѧ вчастка, Дв. гр. XV в., № 6; Дажь Божа внука, Сл. о п. Иг., 19.

Дат.: кнѧжю хълопоу, Гр. 1229 (А); гнѣю, Жит. Феод.; Костѧнтиню градоу, ib.

Вин.: тъщь, тъща, Жит. Феод.; нища, Костѧнтинь, гнь, кнѧжь, Жит. Феод.; въ дворъ теремнъıи wтень, Лавр.; аже оубьють тивоуна кнѧжа, Гр. ок. 1240; на чюжь конь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 34).

Твор.: дѧвольмь, Жит. Феод.

Местн.: на столѣ wтьни и дѣдни, Лавр.; на кнѧжи острови, Дв. гр. XV в., № 54; Костѧнтини градѣ, Жит. Феод.: на далечи пути, Лавр.; на дворѣ Поромони, Лавр.; на Бѣлни оулкѣ, Новг. 1-я, 152б; на столѣ оци, Новг. 1-я, 76а.

Им.-вин. Дв.: оба есвѣ Святъславличя, Сл. о п. Иг., 7.

Им. мн.: Стрибожи внуци, Сл. о п. Иг., 12; любо бѣрьстии, любо черньчи, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38; холопи).

Род. мн.: оу Володимерь вои, Ипат., 57г.

Вин. мн.: бѣръı ѣрославлѣ, Лавр.

Ср. р. Им.-вин. ед.: гне, Жит. Феод., дьѧволе наѵченье, ib.; а то кнже, Новг. гр. 1265, № 2.

Род.. матерьнѧ чрева, Жит. Феод.; без кнѧжѧ слова, Русск. Пр. (Р. Д., I, 51).

Местн.: на игумени мѣстѣ, Лавр.; а въ прочи кнѧзю поточити и, Русск. Пр. (Р. Д., I, 52), въ обчi, ib., 29.

Им.-вин. дв.: гни, Жит. Феод.

Ж. р. Им. ед.: Мстиславля, Лавр. 278; Володимеря, ib., 281; wбьча смрть, Лавр.; глава конѧча, мати ѣрославлѧ, ib.; а руска землѧ далеча, Лавр.; аще и вѣща душа, Сл. о п. Иг., 36; матернѧ часть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45).

Род. ед.: кнѧжѣ правдѣ[1], Ипат., 80а; вѣръı Бохъмичѣ, Лавр.; Пасънъчѣ бесѣдъı, Лавр.; женъı дулѣблѣ, ib.; до смрти ѣрославлѣ, Лавр.; wтьнѣ смрти, Лавр.

Дат. ед.: по зависти дьѧволи, Лавр.

---

[1] В рукописи *правды* с ?, в оригинале *правдѣ*, но в вариантах *правды*. *(Ред.)*

Вин. ед.: братъню тъщерь Ароню, Лавр., въ чюжю землю, Русск. Пр. (Р. Д., I, 36).

Местн. ед.: въ прельсти дьяволи, Лавр.

Им. дв.: ать не тъщи роуцѣ боудуть, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54).

Вин. мн.: вса рѣчи Стославлѣ, Лавр.; расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, Лавр.

Сопоставление с другими славянскими языками.

Из др.-сербского приведу род. ед. м. р.: господня Миколя дьне; род. ед. ж. р.: тоуге (туђе), медвѣгле; дат. ед. м. р.: господню; дат. ед. ж. р.: Степани; местн. ед. м. и ср. р.: господни; местн. ед. ж. р.: кнежи; им.-вин. ср. р.: послѣдња; дат. мн. м. и ср. р.: владичьнемь. Из др.-польского: род. м. и ср. р. cuc (т. е. cudz), из Библии кор. Софии, rownia, вин. ед., м. р. prożnia, rownia и т. д.

Замечания об отдельных падежах.

Отмечу в Жит. Феод. *княжемь повеленіемь* вместо ожидаемого *княжьмь*; форма неясная; быть может, церковнославянская.

б) Основы на -i̯ (-j)

Когда окончаниям предшествует i̯ (j), то рассматриваемые основы склоняются по следующему образцу:

Мужеский род

Ед.	И.	bòžь̂i (божии)	Дв.	И. В.	bòžь̂ja (божия)
	Р.	bòžь̂ja (божия)		Р. М.	bòžь̂ju (божию)
	Д.	bòžь̂ju (божию)		Д. Т.	bòžь̂jòma (божиима)
	В.	bòžь̂i, (божии, bòžь̂ja божия)	Мн.	И.	bòžь̂ji (божии)
	Т.	bòžь̂im'ь (божиимь)		Р.	bòžь̂i (божии)
	М.	bòžь̂ji (божии)		Д.	bòžь̂jòmъ (божиимъ)
				В.	bòžь̂jѣ (божиѣ)
				Т.	bòžь̂ji (божии)
				М.	bòžьjixъ (божиихъ)

		Средний род		Женский род	
Ед.	И.	bòžь̂jò	(божие)	bòžь̂ja	(божия)
	Р.	bòžь̂ja	(божия)	bòžь̂jѣ	(божиѣ)
	Д.	bòžь̂ju	(божию)	bòžь̂ji	(божии)
	В.	bòžь̂jò	(божие)	bòžь̂ju	(божию)
	Т.	bòžь̂jim'ь	(божиимь)	bòžь̂jeju	(божиею)
	М.	bòžь̂ji	(божии)	bùžь̂ji	(божии)

Дв.	И. В.	bóžь̂ji	(божии)	bòžь̂ji	(божии)
	Р. М.	bòžь̂ju	(божию)	bòžь̂ju	(божию)
	Д. Т.	bòžь̂jöma	(божиѥма)	bòžь̂jama	(божиꙗма)
Мн.	И.	bòžь̂ja	(божиꙗ)	bóžь̂jѣ	(божиѣ)
	Р.	bòžь̂i	(божии)	božь̂i	(божии)
	Д.	bòžь̂jómъ	(божиѥмъ)	božь̂jamъ	(божиꙗмъ)
	В.	bòžь̂ja	(божиꙗ)	bòžь̂jѣ	(божиѣ)
	Т.	bòžь̂ji	(божии)	bòžь̂jam'i	(божиꙗми)
	М.	bòžь̂jixъ	(божи ихъ)	bòžь̂jaxъ	(божиꙗхъ)

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: ѡбра^{з}... песеи, Палея 1477; за смердии холопъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 31); смердеи сынъ, Послов. XVII в. (Симони, 99); холопеи отвѣтъ, Послов. XVII в. (Симони, 150); видялъ коровеи сле^{д}, ib., 152; заечье серце, ib., 147; бабеи то промыслъ, ib., 174.

Род.: полътретиꙗ десѧте, Гр. ок. 1130; бӣꙗ, Жит. Феод.; ѿ бж҃ьꙗ повелѣньꙗ, Жит. Феод.

Дат.: божию, Жит. Феод.

Вин.: божии, божиꙗ, Жит. Феод.

Твор.: пособиемъ бӣемъ, Ипат., 111 г. бж҃иѥмь, Новг. 1-я, 192; бж҃иѥмь, Жит. Феод.

Местн: бж҃ии, Жит. Феод.

Ср. р. Им.-вин. ед.: на третіе лѣто, Новг. гр. 1456 (А. А. Э., I, № 57); бж҃иѥ, Жит. Феод.; за коровиѥ молоко, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38).

Им.-вин. мн.: божіꙗ, Жит. Феод.

Род.: бж҃ии чюдесъ, Жит. Феод.

Женск. р. Им. ед: бж҃иꙗ, Жит. Феод.; шюба бораньꙗ, Дв. гр. XV в., № 116; шуба овечья, а душа человѣчья, Послов. XVII в. (Симони, 158).

Дат.: по бж҃ьи правдѣ, Гр. 1285.

Вин.: по третію зиму, Новг. гр. 1456 (А. А. Э., I, № 57); божию, Жит. Феод.; вражию, Жит. Феод.; шюбу боранью, Дв. гр. XV в., № 121; кровь рыбию, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 47).

Твор.: бж҃иѥю, Жит. Феод.

Местн.: медвѣжьи, Ипат., 72 г.; в бж҃ьи воли, Дог. 1371, № 31; бж҃ии, Жит. Феод.; по холопѣи речи, Русск. Пр. (Р. Д., I, 53).

Им.-вин. дв.: бж҃ии, Жит. Феод.

Им.-вин. мн.: а робьѧ дѣти (им.), Русск. Пр. (Р. Д., I, 54).

Дат.: волнамъ вельѧмъ, Лавр.

Твор.: вражиѧми къзньми, Жит. Феод.

Местн.: въ сватыхъ божиихъ церкъвахъ, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 95).

Замечания об отдельных падежах.

В твор. ед. вместо ожидаемого — *-ĵьjim'ь* находим *-ĵьjem'ь* (см. в примерах); возможно, что это старое окончание, не вытесненное еще через *-ĵьjьm'ь* (откуда — *-ĵьjim'ь*) под влиянием именных основ на *-ŭ* и *-ĭ*.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском видим то же склонение. Отдельные формы можно привести и из древнесербских памятников: твор. ед. — божиемь, божиѧю; твор. мн. жен. — вражиѧми.

Примеры из современного языка.

Об отношении современных форм, как великорус. *козья* — им. ед. ж. р., *кунью* — вин. ед. ж. р., *божьи* — им. мн., к древним формам именного склонения будем говорить впоследствии; отмечу здесь, что современное *козья шерсть* не может быть отождествлено с древним *козья шерсть*, как видно, например, из того, что род. ед. м. и ср. рода будет не *козья*, а *козьего* (*из козьего меха*); очевидно, наши *козья, божья, третья* и т. п. вместо *козьяя, божьяя, третьяя*.

Польск. samotrzec', вероятно, под влиянием samoczwart и т. п.

3. Склонение основ со значением сравнительной степени

Присоединение известных суффиксов к основам имен прилагательных придает им значение сравнительной степени. Таким образом, в изменении прилагательных (или точнее — многих прилагательных, так как не все прилагательные допускают по самому своему значению степени сравнения) возникает новая грамматическая категория, состоящая в том, что одни прилагательные имеют значение положительное, а другие относительное или сравнительное. Сравнительное значение сохранялось, однако, в общеславянском и древнерусском только при наличности сравнения; иначе формы сравнительной степени получали значение превосходной степени, которое может иметь и самостоятельное образование, а именно посредством префикса *наи-*, предпосылаемого основе сравнительной степени прилагательных. Сравнительная степень

образовывалась посредством суффикса *-jьs*, который присоединялся или непосредственно к основе, например, xud- (*хоуд, худой*) образует xud-jьs, откуда *xuʒьs-(ср. им. мн. др.-русск. *хоужьше*), dorg- (*дорог, дорогой*) — dorg-jьs-, откуда dor-žьs- (ср. им. ед. ж. р. др.-русск. *дорожьши*), или же присоединялся к основе, распространенной окончанием *-ŋ*: nov- (*нов, новый*) образует *novѣ-jьs-, откуда *novѣjь̂s- (ср. им. мн. др.-русск. *новъйше*). Основы на уменьшительные суффиксы *-ъk, -ьk,* а также на суффикс *-ok* обыкновенно отбрасывали перед *-jьs* эти суффиксы и присоединяли таким образом *-jьs* непосредственно к основе прилагательного: *kort-ъk-ъ (русск. *короток*, ст.-слав. кратъкъ) образует kort-jьs- (ср. эту основу в др.-русск. им. ср. р. *короче*); vys-ok-ъ образует *vys-jьs (ср. др.-русск. *выше*), tęž-ьk-ъ образует tęžjьs (ср. др.-русск. *тяжьши*) и т. д. Впрочем, встречаются и образования на *-ajьs* (из *-ějьs, -ŋjьs*), присоединенное непосредственно к основе на указанные суффиксы, например: др.-русск. *мякъчаиш-*, современ. русск. *высочайш-*, церковнослав. кратъчаиш-.

Согласная *s* суффикса *-jьs* еще в общеславянском праязыке перешла в *x*; это *x* смягчилось перед гласными переднего ряда в падежных окончаниях (а большинство этих падежных окончаний содержало именно такие гласные) в *š*, которое вытеснило по аналогии и то *x*, что оставалось несмягченным перед гласным заднего ряда. Появление во всех падежных формах согласной *š* (а именно *š'*) в окончании основы имело последствием отождествление склонения основ сравнительной степени со склонением вообще всех основ на мягкую согласную (из согласной + *j*); сохранились лишь некоторые следы старых окончаний склонения на согласную (на согласную *s* суффикса *-jьs*): окончание им. мн. м. р. *-e*, например: xužьš-e (при xužьši, ср. s'in'i); окончание им.-вин. ед. ж. р. *-i*: xužьš-i (не xužьša, ср. s'in'a); им. ед. на *-ŋь̨* (nov'ѣ̨) восходит непосредственно к **-ŋjьš* с утратой *š* в конце слова; ожидаемые формы им. ед. на *-ъ* (*xužь) из **jьš*, по-видимому, не сохранились, а заменены окончанием *-ь̂i*; вероятно, что конечное *i* из таких форм, как novѣ̨, dobrѣ̨. Формы им.-вин. ср. р. общеслав. xuže, novѣje имеют *e*, по-видимому, из исконного *-es, -jes*. Во всех остальных падежах видим образования по склонению основ на *-jŏ*; в частности, вин. ед. м. р. xužьšь, novѣ̨išь (при novѣ̨i) — новообразования, вызванные (еще в общеславянском праязыке) аналогией других падежных форм.

Образец склонения в древнерусском языке.

Мужеский род

Ед.	И. З.	xǔžьi̯	nòv'ѣi̯
	Р.	xǔžьša	nov'ѣiša
	Д.	xǔžьšu	nov'ѣi̯šu
	В.	xǔžьi̯ (-ьšь)	nòv'ѣi̯ (-išь)
	Т.	xǔžьšьm'ь	nov'ѣi̯ šьm'ь
	М.	xǔžьši	nov'ѣi̯ ši
Дв.	И. В. З.	xǔžьša	nov'ѣi̯ša
	Р. М.	xǔžьšu	nov'ѣi̯šu
	Д. Т.	xǔžьšòma	nov'ѣi̯šòma

		Средний род		Женский род	
Ед.	И. З.	xǔžò	nov'ѣi̯e (xužьšò, nov'ѣi̯šò)	xǔžьši	nov'ѣiśi
	Р.	—	—	xǔžьšѣ	nov'ѣišѣ
	Д.	—	—	xǔžьši	nov'ѣiši
	В.	xǔžò	nov'ѣi̯e (xužьšò, nov'ѣi̯ šò)	xǔžьšu	nov'ѣišu
	Т.	—	—	xǔžьše̯u	nov'ѣiscẹu
	М.	—	—	xǔžьši	nov'ѣiši
Дв.	И. В. З.	xǔžьši	nov'ѣi̯ši	xǔžьši	nov'ѣiši
	Р. М.	—	—	—	—
	Д. Т.	—	—	xǔžьśama	nov'ѣi̯śama

Мужеский род

Мн.	И. З.	xǔžьšò	nov'ѣišò
	Р.	xúžьšь	nov'ѣišь
	Д.	xǔžьšòmъ	nov'ѣišòmъ
	В.	xǔžьšѣ	nov'ѣišѣ
	Т.	xǔžьši	nov'ѣiši
	М.	xǔžьšixъ	nov'ѣi̯šıxъ

		Средний род		Женский род	
Мн.	И. З.	xǔžьša	nov'ѣi̯ša	xǔžьšѣ	nov'ѣi̯ šѣ
	Р.	—	—	xǔžьšь	nov'ѣi̯ šь
	Д.	—	—	xǔžьšamъ	nov'ѣi̯ šamъ
	В.	xǔžьša	nov'ѣi̯ ša	xǔžьšѣ	nov'ѣi̯ šѣ
	Т.	—	—	xǔžьšam'i	nov'ѣi̯ šam'i
	М.	—	—	xǔžьšaxъ	nov ѣi̯saxъ

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: азъ ѥсмь мнии тебе, Лавр.; премудрѣи, старѣи, мьнии, Жит. Феод.; не хужии бѣ первы^{х} праведни^{к}, Лавр.; то токмо (чит.: кто) имъ ближеи боудоуть (чит.: боудеть), Русск. Пр. (Р. Д., I, 54).

Дат.: старѣишю, Жит. Феод.; мьньшю, ib.

Вин.: кто лучеи створить пиръ, Отв. митр. Иоан. 1080—1889 (Чуд. Кормч. XIV в. № 4).

Ср. р. Им.-вин. ед.: больше, тѣснѣише, Жит. Феод.; болше зло наводить на землю, Жит. Феод.; луче бы ми оумрети, Лавр.

Род.: желаѧ больша имѣньѧ, Лавр.

Жен. р. Им. ед.: вода бъı больши, Новг. 1-я, 47; больши сила, ib., 193, дш̃а ми своѧ лутши всего свѣта, Лавр.; (честь) пущи нъı Игоревъı см̃рти, Лавр.; крѣпцѣиши брань належить, Ипат., 253а; та бо ѥсть млт̃ва всѣ^{х} лѣпши, Лавр.

Вин.: ваѫщьшю, Жит. Феод.; на болшю крѣпость, Гал. гр. 1404; большю рану въсприяти, Новг. 1-я, 32 б.

Им. мн.: оуньше, Жит. Феод., и лѣпше будемъ ѩко и пре^{ж}, Лавр.; лѣпше суть измерли, Лавр.

Вин. мн.: послаша к нему даръı больша первъıхъ, Лавр.

Дат. мн.: большомъ, Поуч. Конст. Болг., 81 в.

Замечания об отдельных формах и окончаниях.

Появление *-ѣе, -ѣиш* вместо *-ае, -аиш* после шипящих обязано влиянию аналогии; например: крѣпцѣиши брань, Ипат. 253 а; лъжѣе, Лавр. 282; ср. в церковнославянских памятниках русской редакции: множѣѥ, Гал. ев. 1144, 99 в, 145 а; множѣіша, ib.; лъжѣѥ, Поуч. Конст. Болг., 215 в; легъчеѥ, Добрил. ев., 53 д (ср. легъчаѥ, 53 д); легъчѣе, Ев. XIII в., № 6, 48 в (ср. легъчаѥ 49 а), множѣиша, 78 в (ср. множаиша, 165 а).

Образование им. ед. ж. р. — *драгъши* (есть каменьѧ многоцѣньна), Лавр., вместо *дражьши* под влиянием *драг-*; *лъпше, лъпши* вместо *лъпльше, лъпльши*.

В им. ед. отмечу — не хужь есть, Ипат., 51 а.

Им. мн. на *-i* вм. *-е*: нъ скорѣиши быхомъ на зло, Новг. 1-я, 110 а.

По-видимому, еще в общерусском праязыке формы среднего рода, как xuž́o, nov'ьje (новѣѥ), стали заменять формы именительного

падежа[1] всех трех чисел и родов. Причина этой замены для меня не ясна. Она повела к полной утрате склонения форм сравнительной степени; возможность изменяться по падежам сохранилась только за теми основами, которые потеряли значение сравнительной степени, ср. *больший, меньший, лучший*. Впрочем, правильнее, быть может, поставить вопрос так: формы среднего рода вытеснили формы других родов в предикативном употреблении; в атрибутивном употреблении сохранились формы с местоименным склонением. Следовательно, перед нами собственно исчезновение именного склонения основ сравнительной степени. Приведу примеры из памятников: сиѧ же бѣшеть емоу всихъ милѣе, Ипат. 287 б; ѡзлѣе зла чс҃ть Татарскаꙗ, ib., 271 б; се азъ старѣе Ꙗрослава, а ты Игорю старѣе Всеволода, ib., 217 б; сего суть кметье луче, Лавр. Подобную же замену в атрибуте находили, например, в таком примере: грозно боронивъ ѿчиноу свою ѿ сильнѣе себѣ кн҃зеи, Лет. Авр. Отметим в церковнославянских памятниках русской редакции: аще ли хощеши добрѣѥ мира быти, Поуч. Ефр. Сир., 243 б; сунии ѥсть тебе тать и соулѣѥ ѥсть тебе блудникъ, ib., 116 г; и се множа, Иѡны сде, Пантел. ев., 84а (ср.: и се множаи Соломона сде, ib., 84а), всѣ҇х же чт҇нѣѥ се҇маꙗ не҇лѧ, Сб. XV в. № 53, 255; яко цр҃ь боле кнѧ҇з е҇с, азъ ѥсмь горѣе вси҇х, ib. (Каринск.); в теле бо чл҃вку всего чт҇ее очи, Соф. XV в. № 1262 (Каринск.); не душа ли боле тѣла есть, Новг. ев. XIV в. (Fn. I, 17), Публ. библ. (Л. Васильев).

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском то же склонение, что в древнерусском: при формах винительного падежа мужеского рода, сходных с именительным (как мьнии), встречаются образования, как лоучъшъ (вместо лоучьшь); в им. мн. ср. рода, кроме окончания *-а*, известно также окончание *-i*: больши, Супр.; горьши, Зогр. ев.; в им. мн. м. р. вместо *-е* является окончание *-i*, впрочем, сравнительно редко; отметим из памятника русской редакции: оуньши, Гал. ев. 1144, 13 а.

4. Склонение причастных основ настоящего времени

Основа причастия настоящего времени оканчивалась некогда на *-ont*, в им. ед. м. р. являлось *-ons* (из *-ont-s*); в основах на

[1] В рукописи по описке „числа" (вместо „падежа"). (*Ред.*)

-ī вместо *-ont* под влиянием форм настоящего времени (xvalitь, letitь) являлось *-int* (xvalint-, letint-), откуда затем *-ęt* (xvalęt-,letęt-); также вместо *-ens* ждем *-ins* (откуда было бы *ī*), но вместо *-i* находим под влиянием других падежей *-ę* (xvalę). В середине слова *-ont* изменилось в *-ǫt* как после твердых, так и после мягких согласных (idǫt-, nesǫt-, znajǫt-); в конце слова, а именно в им. ед. вместо *-ons* являлось после мягких согласных *-ens*, откуда *-ę* (*znajѣ, *płačѣ), а после твердых согласных *-ъns*, откуда *-y*. Таким образом, отношение *znajѣ к nesy аналогично отношению *vol'ѣ к vody в род. ед., konѣ к płody в вин. мн., но, по-видимому, еще в общеславянском праязыке *snajѣ *płacѣ, *pišѣ и т. п. заменялись через znaję, placę, pišę под влиянием образований, как xodę, prošę, letę, sѣdę и т. п. (Ср. вытеснение через *e* также и окончания *-y* в отдельных славянских языках.) Что касается формы им.-вин. ср. рода, как nesy, idy, то они заменили *nesъ, *idъ (во что должно было измениться *neson, *idon) под влиянием форм муж. рода вследствие того, что в основах на *-ī* (как xvalę, letę) и в основах на *-jŏ* формы им.-вин. ср. рода были тождественны с формами им. падежа мужеского рода. Однако основы на *-ǫt, -jǫt, -ęt* являлись в таком (нераспространенном) виде только в им. падеже мужеского и среднего рода (ср. выше), а также некогда и в формах им. мн. мужеского рода и им. ед. женского рода (*nesǫte, *xvalęte, *nesǫti, *xvalęti, *znajǫti); во всех остальных падежах они заменялись распространенными основами на *-ǫtjo, -jǫtjo, -ętjo* с дальнейшими изменениями в *-ǫčču, -jǫčču, -ęčču* (*nesǫčču-,*znajǫčču-, xvalęčču-). Из этих падежей измененная согласная *čč* заменяла *t* также и в формах им. мн. муж. рода и им. ед. жен. рода (nesǫčče, xvalęčče, nesǫčči, xvalęčči). Замечательно отличие винительного ср. р. от именительного.

Приведу образец склонения в древнерусском.

		Мужеский род		Средний род	
Ед.	И. З.	n'ösy̆	(несъı)	n'ösy̆	(несъı)
	Р.	n'ösŭča	(несоуча)		
	Д.	n'ösŭču	(несоучю)		
	В.	n'ösŭčь,-a	(несоучь,-a)	n'ösŭčo	(несоуче)
	Т.	n'ösučьm'ь	(несоучьмь)		
	М.	n'ösŭči	(несоучи)		
Дв.	И. В. З.	n'ösŭča	(несоуча)	n'ösŭči	(несоучи)
	Р. М.	n'ösŭču	(несоучоу)		
	Д. Т.	n'ösŭčoma	(несоучема)		

Мн.	И. З.	n'ösùčò	(несоуче)	n'ösùča (несоуча)
	Р.	n'ösùčь	(несоучь)	
	Д.	n'ösùčòmъ	(несоучемъ)	
	В.	n'òsùčѣ	(несоучѣ)	n'òsùča (несоуча)
	Т.	n'ösùči	(несоучи)	
	М.	n'ösùčixъ	(несоучихъ)	

Женский род

Ед.	И. З.	n'ösùči	(несоучи)
	Р.	n'òsùčѣ	(несоучѣ)
	Д.	n'òsùči	(несоучи)
	В.	n'ösùču	(несоучоу)
	Т.	n'ösùčeju	(несоучею)
	М.	n'ösùči	(несоучи)
Дв.	И. В. З.	n'ósùči	(несоучи)
	Р. М.	n'ösùču	(несоучоу)
	Д. Т.	n'osùčama	(несоучама)
Мн.	И. З.	n'ösùčѣ	(несоучѣ)
	Р.	n'ösùčь	(несоучь)
	Д.	n'ösùčamъ	(несоучамъ)
	В.	n'ösùčѣ	(несоучѣ)
	Т.	n'ösùčam'i	(несоучами)
	М.	n'ösučaxъ	(несоучахъ)

Так же склоняются основы на *-jǫt*, отличаясь только в формах им. ед. муж. и средн. рода: znaja (из znaję).

В основах на *-ęt*, откуда в древнерусском *-at*, вместо *и* и вместо *у* приведенного образца всюду являются в древнерусском *а*: nos'á, nos'ača, nos'ču, nos'ačixъ, nos'ači и т. д.

Замечания об отдельных падежах.

Уже в древнерусскую эпоху жизни русского языка окончание *-а* из формы, как znaja, nos'a, перенеслось в формы после твердых согласных на место *у*: nesa, veda вместо nesy, vedy. Быть может, такой перенос имел место еще в ту эпоху, когда существовали носовые: *а* в nesa, veda восходило бы к *ą*, явившемуся под влиянием *ą* из *ę* в znają, nos'ą. Формы на *а* находим уже в древнейших русских памятниках: не дада, Жит. Феод.; река, зова, доведа, донеса, Ипат.; в церковнославянских памятниках русской редакции: не мога, Толк. апост. 1220; неса, мога, буда, ида, пекаса, Кормч. XIII в. Ср. еще современное *как мога* в наречном выражении. Дальнейшее влияние

формы на *ja, ia* сказалось в том, что перед *а* такого происхождения (заменившего *у*) являлась мягкая согласная: *градѧ* в Сл. Ипп. об Ант. по сп. XII в.; ср. современ. *неся, идя, ведя*. Вообще не ясно, можно ли признать формы на *ы*, встречающиеся в памятниках, русскими.

Вообще уже очень рано склонение причастий настоящего времени в древнерусском языке утрачивается; большая часть выставленных в образце форм не может быть доказана памятниками, в книжном языке держатся старославянские формы, отличающиеся от русских тем, что имеют *шт* вместо *ч*. Отмечу появление окончания *-и* вместо *-е* в им. мн.: его же оумѣючи того не забывайте доброго, да сю грамотицю прочитаючи потъснѣте сѧ на всѧ дѣла добраѩ, Лавр.; не ѭдоуче мѧсъ ни медоу пьючи, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 4). Любопытны случаи, как: а хотѧче комоу причащатисѧ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 38); а попови идоуче въ wлтарь, ib., 55.

Сопоставление с другими славянскими языками. В некоторых памятниках старославянского языка известны образования в им. ед. м. р. на ѧ (глаголическая буква ⱔ) вместо ы; возможно, что это ѧ следует читать как *ą* в противоположность ѧ, обозначающему *ę*: Зогр. ев.— несѧ, также в сложном склонении: градѧн, сѧн, ѣдѧн; в Мар. ев.— ѣдѧн, сѧн. Подобные образования ближайшим образом связаны с русскими причастиями на *-а* после твердых согласных: несѧ, вероятно, тождественно с русским *неса*. Вместо ѧ известно и ѧ: Савв. кн.— жнвѧ, сѧı; в Клоц. сборн.— сѧн, градѧн; Син. молитв.— жнвѧн; Ассем. ев.— ыдѧн. Эти образования могут быть отождествлены с русскими образованиями на *а* после мягкой согласной, как *неся, ведя,* хотя мало вероятным представляется допустить генетическую связь между ними; они могли появиться независимо под действием сходных причин и в русском, и в старославянском языке. В остальных падежах склонение причастий в старославянских памятниках представляет формы, тождественные с восстанавливаемыми для древнерусского. Рядом с обычным окончанием *-е* в им. мн. встречается также *-и*, например в Мар. ев.— выходѧштн. В чешском языке в им. ед. известны те же образования, что в древнерусском: reka, veda, nesa, pleta, buda, sedna; *-а* объясняется переносом из старочешских форм, как trp'a, mlát'a, chod'a, sed'a, teša; диалектически известны и образования, как ved'a, id'a, bud'a, pl'et'a, sedn'a, очевидно, тождественные с современными русскими *неся, ведя* и т. п. В древне-

польском языке также не известно окончание *-у* в им. ед.: оно заменено через *ą*, *ǫ*, вероятно, под влиянием формы косвенных падежей: niosǫ, mogą, rzekǫ, przydą — под влиянием *niosąca *przydące и т. п. Это причастие настоящего времени в польском уже искони потеряло способность склоняться и употребляется как деепричастие, оканчиваясь в древнейшем периоде на *-ą* (zowǫ, każǫ, całujǫ, dajǫ, proszą, mowiǫ, lezǫ, stojǫ), а также на *-ąc*, очевидно, из *ąсь* (по форме это вин. пад. ед. ч. м. р.): rzekǫc, siekąc, mogąc, mys'ląc, wiodąc, chwatając и т. д. Впрочем, древний язык знал еще форму ж. р. на *-ącу* (из общеславянского *-ǫtji*): modlący sią prosiła и т. п. В др.-сербских памятниках встречается в им. ед. м. р. окончание *-ы*, как *дады, цвьты, иды, пекы, моги,* но возможно, что это церковнославянизмы; уже в древнейшую эпоху это окончание заменяется через *е* (восходящее к общеславянскому *ę*), которое заимствуется из таких основ, как *просе, носе, држе, виде,* с одной стороны, *гледае, пише, плаче, прашаје* — с другой. И в сербском причастие настоящего времени весьма рано утратило способность склоняться; оно встречается почти исключительно в им. пад. ед. и мн. числа (для последней формы отмечу в виде примеров: гредјће, сидеке, видеће, кȣпȣюке, рядом также окончание *-и*: бȣдȣћи, бијући, седећи, носећи, зовући), причем в им. ед. известно новообразование на -ућ и -ећ, тождественное с отмеченными выше польскими *-ąc* (идућ, горећ, бранећ, делајућ, пишајућ). Косвенные падежи весьма редки в древних памятниках (в стороне оставим церковнославянские образования с *щ*); ср. дат. ед. м. р.— боудоукоу; дат. ед. ж. р.— боудоуки. Но в памятниках XV—XVII вв. встречаются формы, как род. ед. муж. и ср. р.— умијућа, говорећа; дат. ед. ж. р.— текући, в ж. р.— траву посећу сјеме и т. д.

Примеры из древних памятников.

В Лавр. лет.: Половьци... пустиша по земли воююче; не вѣдуче что сѧ надъ Кытаномь створи; и за рукы емлюче сѣцѧхусѧ; се же рѣша Грьци льстѧче подъ Русью, си словца прочитаюче дѣти моꙗ бжтвная похвалите ба҃, братьꙗ посылаючи по нь призываху брата к монастырю; в Новг. 1-й: вести не дадуце Кыеву къ Мьстиславу (34б), а Святослава силою местяце въ городъ (34б), идоша по Волзѣ воююче (84), Новгородци же много уимаша и молячеся (101б). Ср. еще: своꙗ злобы не останучесѧ, Отв. митр. Иоан. 1080—1889 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4); не смыслѧче, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI,

35), женъı дѣлаюче, ib., 58; врани... трупіа себѣ дѣляче, Сл. о п. Иг., 17; не дадоуче ѥмоу коунъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47); под лежачь вода не идетъ, Послов. XVII в. (Симони, 132).

5. Склонение причастных основ прошедшего времени

Основа причастия прошедшего времени является с окончанием *-ъs* после согласных и *-vъs* после гласных: vedъs-, znavъs-. Вместо *-ъs* после мягких согласных (точнее — после *j*) находим *-ьs*: xval'ьs-, učьs- и т. п. В им. ед. м. р. видим vedъ, znavъ в результате отпадения *s* (на месте *ъs*); в им. ед. ср. р. также vedъ, znavъ в результате отпадения *s*. Окончание *s* основы переходило в *x* в положении между гласными; *x* перед гласными переднего ряда изменялось в *š*: им. мн. vedъše, им. ед. ж. р. znavъšї, им. дв. ср. р. vedъšї. Появление такого *š* вместо *x* в ряде форм имело последствием неорганическое вытеснение *x* через *š* во всех вообще падежных формах; так явилась производная основа на *-ъšo*, *-vъšo*; от нее образуются все те падежи, которые не представляются образованными от основ на согласную, например: род. ед. м. р. vedъša; дат. ед. znavъšu, вин. ед. ж. р. znavъšǫ и т. д. В вин. ед. м. р. является новообразование на *-ъšь* от основы на *-ъšo*: vedъšь, znavъšь, xval'ьšь. Ср. сходные явления в склонении форм сравнительной степени.

Приведу образец склонения в древнерусском:

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И. З.	n'ѐsъ	n'ѐsъ	n'ѐsъšї
	Р.	n'ѐsъša	—	n'ѐsъšѣ
	Д.	n'ѐsъšu	—	n'ѐsъšї
	В.	n'ѐsъšь	n'ѐsъšѐ	n'ѐsъšu
	Т.	n'ѐsъšьm'ь	—	n'ѐsъšeįu
	М.	n'ѐsъšї	—	n'ѐsъšı
Дв.	И. В. З.	n'ѐsъša	n'ésъšї	n'ѐsъšї
	Р. М.	n'ѐsъšu	—	—
	Д. Т.	n'ѐsъšѐma	—	n'ѐsъšama
Мн.	И. З.	n'ѐsъšѐ	n'ѐsъša	n'ѐsъšѣ
	Р.	n'ѐsъšь	—	—
	Д.	n'ѐsъšѐmъ	—	n'ѐsъšamъ
	В.	n'ѐsъšѣ	n'ésъša	n'ѐsъšѣ
	Т.	n'ѐsъšї	—	n'ѐsъšam'i
	М.	n'ѐsъšїxъ	—	n'ѐsъšaxъ

Сопоставление с другими славянскими языками.

Настоящий образец составлен преимущественно на основании фактов старославянского языка, представляющего вообще тождественные с приведенными формы склонения, отличающиеся от русских форм только фонетически. В множественном числе при обычном окончании *-е* (несъше) известно также более редкое *-и* (вндѣвъши, Мар. ев.). Приведу примеры из др.-сербского: шад (т. е. шьдъ), падъ, прочьть, довед, понесь, изьнесь, улиз, раждегь, утек, ѕзамь, поимь (т. е. роjьпъ вм. ожидаемого роjѣпъ — поимъ), вставль, створь, коупль, давь, знав, дигнув, гледав, обратив; им. мн.: узамше, пришаче, регше, вставльше, разумѣвше, промисливше; им. ед. ж. р.: пришьдьши; дат. м. р.: процвьтшѕ, изволшоу; род. ед. ж. р.: вставше; вин. ед. ж. р.: сподобальшѕ, бившѕ; твор. мн. м. р.: ѕгодивши; им. дв. м. р. вженивша се. Весьма рано формы им. ед. м. р. (как *шад, утек* и т. п.) стали употребляться на месте им. мн. м. и ж. р., им. ед. ж. р., а форма им. мн. м. р. (как *смотривше, познавше, пошадче*) — на месте им. ед. м., ж. и ср. р., им. мн. ж. р. — В польском языке весьма рано в основах на согласную на месте отпавшего *-ъ* является *-w*, заимствованный из основ на гласную: staw, skryw, polbw, minąw и т. п. вызвали wyszedw, spadw, wsiadw, wzniosw, rzekw, przemogw. Но подобные формы на *-w* после гласных и согласных с XV в. вытесняются формами на *-wszy*, которые по происхождению могут восходить частью к формам им. мн., частью им. ед. ж. р.: wstawszy, bywszy, obuwszy, chwaciwszy, bieżawszy, rzekwszy, zbiegwszy, ostrzygwszy, wzmogszy, uciekszy, posiekszy и т. п.

Примеры из древнерусских памятников.

Избивъше стороже двьрьнъıя, Новг. 1-я, 39а; попадъ мечь, ib.; ту же мысль приимъ, ib., 89; съньтошемъся всѣмъ на Исадѣхъ; ib., 89а; изъмъше мечя своя, ib., 89б; не мало ти величія лелѣявшу князя на влънахъ, Сл. о п. Иг., 42; то повѣдавше емоу пошти оу него втрокъ и шедъши оувязати и, Русск. Пр. (Р. Д., I,56).

Замечания об отдельных падежах.

В им. мн. вместо окончания *-е* является также окончание *-и*. Формы им. ед. м. и ж. р., так же как формы им. мн., рано стали употребляться как деепричастия; ср. и такое употребление: *князю же очютивъше*, Новг. 1-я, 39а, но об этом скажу подробнее в отделе спряжения[1]. Там же отмечу появление окончания *-а*

[1] Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. *(Ред.)*

(с предшествующею твердою или мягкою согласною) вместо *-ъ*, отпавшего в им. ед. м. р.: *възьма* (Лавр. лет.) вместо старой формы *възьмъ*, *сверга* (ib.) вм. *съвьргъ*, *повьргѧ* (Новг. гр. 1305—1308, № 11) вм. *повьргъ*. Так же объясняются формы на *-а* с предшествующей мягкой согласной вместо *-ивъ*, точнее вместо формы на *-ь* с предшествующей смягченной (действием *j*) согласною: Лавр.— *выступѧ*, современ. *потупя взор, спустя рукава, сломя голову, наклонясь, возвратясь* и т. п.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СКЛОНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Имена числительные в древнерусском языке были частью прилагательными: *один (едьнъ), дъва, три, четыре*; частью существительными: *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сто, тысяча*. Склонение *один (едьнъ)* и *дъва* рассмотрю ниже в отделе склонения местоименного. Здесь укажу на склонение прилагательных *три* и *четыре*, а также существительных *пять, десять, сто, тысяча*. Различие между обеими категориями числительных сказывается в следующем: числительные прилагательные изменяются по родам, согласуются с определяемыми ими существительными в роде, числе и падеже, употребляются поэтому только во множественном числе; числительные существительные употребляются только в единственном числе, а зависящие от них существительные ставятся в род. мн. (*пять* означает собственно пяток, *сто* — сотню).

Склонение числительных *3* и *4* сопоставьте со склонением основ на *-ĭ*.

	Мужеский род		Средний род		Женский род	
И.	tr'ь̀jä	(трие)	tr'i	(три)	tr'i	(три)
Р.	tr'ь̀i	(трии)	—		—	
Д.	tr'ь̀mъ	(трьмъ)	—		—	
В.	tr'i	(три)	tr'i	(три)	tr'i	(три)
Т.	tr'ьm'ì	(трьми)	—		—	
М.	tr'ь̀xъ	(трехъ)	—		—	

Так же склоняется *три* в старославянском языке. В др.-сербском: трiе сынове, трьѥ, три лита; дат.— тремь, вин.— три, твор.— трьми, местн.— трехь. В древнепольском: trze, trzie; род мн.— trzy; дат.— trzom. Примеры из древнерусских памятников

Ꙗрославичи же трие, Лавр.; треи поприщь, Новорос. сп. Новг. 4-й, 199б; бес треи мцⷭ҇ь, ib., 238б; треи сестрениць, Лет. Авр.; бес трѣи кунъ, ib.; бес треи коунъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 46); преже трѣи лѣтъ, Ипат., 200а; во всѣхъ трии (вм. оу всѣхъ трии), Гал. гр. 1371; въ трехъ лицаⷯ҇, Лавр.; в трехъ тысѧчахъ, ib.; въ трехъ сорокехъ бѣлки, Дв. гр. XV в., № 15; троⷯ҇, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); на тихъ трехъ селехъ, Дв. гр. XV в., № 90; другимъ тремъ селамъ, ib.; треми копьи, Ипат., 225г; а купилъ... ти три села, Дв. гр. XV в., № 90. Отмечу: треми́, Кадник. (Отв. № 26); трями́, Касим. (Отв. № 47); треми, Зубцов. (Отв. № 60). Что касается угрорус. *триє*, лемк. *триє* для им. мн. м. р., то я затруднился бы отождествить эти формы с древнерусским *триѥ*; ср. новообразование *двае́* — угрорус. (Верхр., I).

Мужеский род

И.	čȯtỳr'ä	(четыре)
Р.	čȯtỳrъ	(четыръ)
Д.	čȯtyr'ьmъ	(четырьмъ)
В.	cȯtỳr'i	(четыри)
Т.	čȯtyr'ьm'i	(четырьми)
М.	čȯtỳr'ьхъ	(четырьхъ)

	Средний род		Женский род
И.	čȯtỳr'i	(четыри)	ċȯtyr'i (четыри)
Р.	čȯtyrъ	(четыръ)	
Д.	ċȯtyr'ьmъ	(четырьмъ)	
В.	ċȯtyr'i	(четыри)	
Т.	čȯtyr'ьm'i	(четырьми)	čȯtyr'i (четыри)
М.	ċȯtyr'ьхъ	(четырьхъ)	

Как видно, большая часть падежей образована от основы на *-ī* (četyr'i); исключение составляют только им. и род. мн., которые указывают на основу, оканчивающуюся на согласную; впрочем, вин. мн. *четыри* может также объясняться из основы на согласную. Те же формы, как в приведенном образце, являются в старославянских памятниках. Отмечу при этом, что в род. мн. при четыръ известна и форма четырь (Зогр. ев.), представляющая окончание *-ь* вместо *ъ* под влиянием *ь* в других падежах. В древнесербском: им. мн. м. р. — четири (не *четыре*); дат. — четиремь; вин. — четири; местн. — четирехь; твор. — четирьми. В древнеполь-

ском: им. мн.— cztyrze, czterze; род. мн.— cztyr palcow; дат.— czterom. Примеры из древнерусских памятников: род. мн.—четырь дни, Лавр., 437; с четырми члв҃кы, Ипат., 54а. Новообразованием по склонению основ на -ĭ является форма četyr'ь̂i̯ (четырми): ср. *отъ четыреи вѣтръ,* Новг. ев. XIV в., Публ. библ. (Fn. I, 17) (Л. Васильев). Современные *чотыря*, Котельн. (Отв. № 46); *четырем, четы́рех*, Нолинск. (Отв. № 51); *четырми* — Зубцов. (Отв. № 60), Новосил. (Отв. № 77) и др.; укр. *чотири* и *чотире*; лемк. и угрорус. *штыриє* является новообразованием (ср. выше триє). Рядом с četyre в общеславянском праязыке существовало и čьtyre, ср. укр. *штыри, штыре*.

Числительные *пять — девять* склоняются как существительные (женского рода) на -ĭ, только в единственном числе.

И.	šès't'ь	(шесть)
Р.	šes't'ì	(шести)
Д.	šes't'ì	(шести)
В.	šès't'ь	(шесть)
Т.	šes't'ь̂jù	(шестью)
М.	šes't'ì	(шести)

Так же склоняются эти числительные в старославянском языке. В древнепольском: им.— druga pięc', wszystka szes'c', piąci, szes'ci, siedmi, os'm'i; вин.— druga os'm', onę dziewięc', местн.— wszes'ci, w piąci panien, po dziesiąci, твор.— piącią, os'mią, dziewiącią и т. д. Примеры из древнерусских памятников: ѿ кнѧꙁѧ по пѧти коунъ, а ѿ тиоуна по двѣ коунѣ, Новг. гр. до 1305, № 10; а изоиде та ē лѣ, Дв. гр. XV в., № 15; а другаꙗ ѕ̄ пудовъ ржи, Дв. гр. XV в., № 116; всѧ ē верховъ златаꙗ сгорѣ, Ипат., 221а; съ ꙁ̄ городъ пустыхъ, Ипат., 179а; позднее — изо всихъ пѧти кончевъ, Новг. гр. 1732, № 13. Вместо формы šes't'i уже, вероятно, в общерусском праязыке явилась форма šьs't'i, неясная по происхождению, отсюда дальше šti; ср. ѡ шти вереѣхъ, Новорос. сп. Новг. 4-й, 5а; по шти дн҃ии, Микул. ев., 68г, в тои шьстидесѧтъ, Новг. гр. до 1327, № 15. Ср.: шти годковъ, Кинеш. (Леонов, Обл. слов., № 79); саженъ до пяти-шти, Соликам. (Луканин). Отмечу в современном языке *вот и вся пять* (также — десять, тысяча, пятьдесят) *человек*, Холмог. (Отв. № 50).

Числительное *десять* отличалось в склонении от других числительных, бывших по происхождению существительными женского рода, тем, что образовало некоторые формы от основы на соглас-

ную. Кроме того, *десять* образует также формы дв. и мн. числа, соединяясь с предшествующими числительными для выражения чисел *20—90*. От основы deseṭ- в общеславянском праязыке образовались падежи: местн. ед.—deseṭe, род. дв.— deseṭu, им. мн.— deseṭe, род. мн.—deseṭъ, твор. мн.— deseṭy. Прочие падежи образовались от основы deseṭĭ-. Можно думать, что в самостоятельном употреблении (не в соединениях с другими числительными) deseṭь было существительным женского рода; ср. твор. ед.— deseṭьjǫ (а не deseṭьmь); между тем в сложениях с другими числительными deseṭь являлось в формах мужеского рода; ср. в дв. числе dъvadeseṭi (не dъvьdeseṭi). Сопоставьте с этим и то, что в местном единственном является окончание *-i* в самостоятельном употреблении: старославянское о десяти дѣвицѣ, между тем как в сложениях, после предлога *на*, является форма deseṭe; ст.-слав. дъва на десате. Приведу склонение deseṭь в языке древнерусском.

Ед.	И.	d'ès'at'ь	Дв.	И. В.	d'es'at'i
	Р.	d'es'at'ì, d'es'at'ȁ		Р. М.	d'es'atù
	Д.	d'es'at'ì		Д. Т	d'es'at'ьmà
	В.	d'ès'at'ь	Мн.	И.	d'es'at'ä, de's'at'ì
	Т.	d'es'at'ьjù		Р.	d'es'àtъ
	М.	d'es'at'i		Д.	d'es'at'ьmъ
				В.	d'es'at'ì
				Т.	d'es'at'ьm'ì
				М.	d'es'at'ьxъ

Те же формы, как мы видели, употребляются в старославянских памятниках. При им. мн. десате, например, в четыредесате, является и десати, например, четыредесати, Супр. (от основы deseṭĭ- женск. р.); в твор. мн. известно десатъı в Зогр. ев., Супр.: вместо обыкновенного десать новообразование десатиı в Зогр. и Мар. ев.; при обыкновенном дъвадесати в Мар. ев. является и дъвадесатъ, что как будто указывает на основу ср. р. десат- (ср. двойственное число словесе, телатъ); однако предшествующее дъва (не дъвѣ) относится к основе мужеского рода. В различных славянских языках видим сокращение формы deseṭe в местн. ед., deseṭi в дв., deseṭe и deseṭi в мн. в deseṭ' (deset) вследствие энклитического ее употребления; ср. в др.-сербском: два на десеть, шест на десет, осам на десет (а также при еще большем сокращении: два на дест, дванаест, петнаест, петнаес) при—десеть, четиридесеть (и даже триес); в старшем языке является: два на десете, wсам на десете,

осам на десте, дванајесте, три десети, четири десети, три дести, четири дести. В современных польских jedenaście, dwanaście сохраняется до сих пор старославянское окончание местн. ед., в формах trzydzieści, czterdzieści видим во второй части формы им. мн. Приведу примеры из древнерусских памятников: в дѣсѧти рублехъ, Дв. гр. XV в., № 15; ино дати... десѧть рубловъ, ib.; безъ десѧти бѣлъ, Дв. гр. XV в., № 38; двема копьи а дѣсѧтью стрѣлцовъ, Крак. гр. 1394. Род. п. *десѧте* является в форме *полътретиѧдесѧте* в Гр. 1130. Укажу на современное: прышли у дзесяти, Свенц. (Отв. № 13).

Приведу примеры для числительных *11—19,* отметив, что уже в древнейшую эпоху *десяте* во второй части сложения сократилось в *десять*: в ту семнатцать лѣтъ, Гр. 1493—1494 г. (А. Калач., I, № 103);в тоу же двѣнадчать тъсѧчи серебра, Новг. гр. 1314, № 12; четъıренатцать оужищъ, Гр. 1472—1479 (С. М., № 60); пѧтьнатцѧ, Дух. 1389, № 34; по двѣнатьчать гривнѣ, Ипат., 12б; четъıренадцать, Гр. 1562 (А. Ю., № 243); четъıренаца рублевъ, Гр. 1525 (Бел., № 39). В косвенных падежах видим склонение обеих частей сложения, что объясняется, конечно, уже позднейшими отношениями: ср. двунадцати саженъ, Гр. 1585 (А. Ю., № 230); по пятинадцати, Гр. 1584 (А. Ю., № 24).

Числительные *20—40* представляют соединение dъva, tr'i, čо̀tyr'ä с им. дв. или мн. от d'es'at'ь (дв. d'es'at'i, мн. d'es'at'i или d'es'at'ä): dъvad'es'at'i, tr'id'es'at'i или tr'id'es'at'ä, čòtyr'ed'es'at'i или čòtyr'ed'es'at'ä (впрочем, вместо последнего числительного обычно употребляется форма *сорок*, о которой см. ниже); d'es'at'i, d'es'at'ä вследствие энклитического употребления рано перешли в d'ьs'at', откуда после падения глухих d'c'at', c'at'. Ср. сию м̃ дн̃ии, Ипат., 68б; денье четъıредесѧ, Тр. сп., Новг. 1-й, 42г.; четърѣдѣсѧтъ и два лѣта, Тр. сп. Новг. 1-й, 32б; тѳю тридца, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); в ту дватцать лѣтъ, Гр. 1462—1464 (А. Калач. I, № 103); а другую к̃ пудовъ жита, Дв. гр. XV в., № 116; Понятно, что склонялись обе части таких сложений: до дву десѧту, Лавр. В современном языке кое-где сохраняется старая форма для *40*: галицк.-горск. — четыридесять (Осадца); лемк.— чотырдесят, четырдесят (Верхр.)

Числительные *50—90* представляют соединение числительных *пять, шесть* и т. д. с род. мн. от числительного *10* — d'es'atъ.

В этих соединениях первоначально склонению подвергалась только первая часть, вместо d'es'atъ рано явилось d'es'at'ь, ср. отмеченную выше форму род. п. čötyr'ь вм. čötyrъ. Примеры: рублевъ на пѧтьдесѧтъ, Дв. гр. XV в., № 86; за шестьдесѧтъ верстъ, Новг. гр. до 1327, № 15; семъдетъ ру, пѧдетъ ру, Дух. 1389, № 34; по семидесѧтъ женъ красенъ, Ипат., 33б; седьмьюдесѧтъ, Ипат., 4а; в тои шьстидесѧтъ, Новг. гр. до 1327, № 15; быти въ пятидесятъ человѣкъ, Гр. 1470—1471 (А. А. Э., I, № 87); по пѧтитцать десѧтъкъвъ лноу, Ипат., 306б; боль шестидесѧть тысѧчь, Ипат., 297а, по wсмидесѧть гривенъ, ib., 54а. Отмечу старую форму для *90* в современном языке: дзе́вяцьдзесят, Дисн. (Отв. № 6); дзевяцьдясят, Игум. (Отв. № 8); дзе́вяцьдзе́сят Новоалекс. (№ 11); укр. девядеся́т и девятьдесять.

Вместо d'ev'at'ь d'es'atъ обычно d'ev'anosъto, общеславянское *devenosъto. Для склонения ср.: во едине девѧностѣ, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 369а; два же девѧноста моужъ, ib., 369а; с трема (вм. трьма) девѧноста, ib., 368б. В современном языке: девяносто пуд, Петроз. (Шахм.); двяносто, двяноста, двяносту, Леппельск. (Отв. № 27); укр.: девяно́сто, род.— девяно́ста. Счет на 90 ср.: блиско, из окна в окно, два девяноста, Послов. XVIII в. (Симони, 210).

Сорокъ склоняется как существительные с основой на *-ŏ*: полпата сорока бѣлки, Дв. гр. XV в., № 2; взѧти оу васъ сорокъ кунеи, ib., № 86; даша... дъва сърока бѣкъı, ib., № 94; оу сороце, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); а далъ... шесть сорокъ бѣлкѣ, Дв. гр. XV в., № 127; далъ... три сороки бѣлки, ib., № 19 (сороки вм. сорокъı); въ трехъ сорокехъ бѣлки, ib., № 15 (сорокехъ вм. сороцѣхъ). Современное: *сорок*, род. *сорока́* — русск., белорус., укр. (у Ломоносова: со́рок и т. д., мн. со́роки, сороков, сорокам, сороки, сорока́ми, сорока́х).

Числительные *21, 22, 33, 65* и т. п. представляют соединение названий десятков с присоединением к ним непосредственно или посредством союза *и* названий единиц: dъvad'es'at'i odinъ или i odinъ, šes't'ьd'es'atъ p'at'ь, или i p'at'ь. Отмечу в современном языке: русск.— двадцать один, укр.— двацять один; диалектически: один двацять, два двацять, галицк.-горск. (Осадца); єден і двадцет — угрорус. (Верхр., II), єден двадцет — угрорус. (Верхр., I), два двадцать — Владим. (Бодров, Обл. слов., 15).

Числительное *100* (sъto) склоняется, как существительное ср. рода; ср. *сѣто* в значении существительного (сотни): кто коупьць поидеть в свою сто, Новг. гр. до 1308, № 6; кто купець тотъ въ сто, а кто смердъ а тотъ потягнеть въ свои погостъ, Новг. гр. 1270, № 3. Для склонения укажу: сту человѣкомъ, 1619 г. (Письма русск. госуд., № 25; в древнем языке было бы — сътоу человѣкъ); въ дѫ̃ъ стѣхъ, Новг. 1-я, 182; во стѣ рублѣхъ, Дог. 1440, № 60; со стомъ тысящами вои, Ермол., 12 об. (вм. съ сътъмь тысящь вои); и убиша ихъ Новъгородьци нѣ о трьхъ стехъ, Новг. 1-я, 44а; и паде головъ о сте къметьства, ib., 48а. У Ломоносова еще полное склонение: сто, ста, сту, сто, стом, стѣ; мн. — ста, сот, стам, ста, стами, стах.

Числа *200—400* представляют соединение числительных прилагательных dъvѣ, dъva с существительным sъto: dъvѣ sътѣ (дв. ч.), tri sъta, čôtyre sъta. Склоняются поэтому обе части сложения. Ср.: двѣстѣ гривенъ рускихъ, Луцк. гр. 1398 (С. М., № 21); двѣстѣ, Гр. Новг. 1314, № 12; двема стома, ib.; безъ в̃ сту, ib.; въ двою сту кораблии, Ипат.; двѣстѣ р̃у, Дух. 1389, № 34; нѣ о трьхъ стехъ, Новг. 1-я, 87; ваще треи сотъ, Новг. ев. XIV в. Публ. Библ. (Fn. I, 17) (Л. Васильев). Новыми явлениями в области синтаксиса обусловливается такое словоупотребление, как: в двою сотъ корабль, Лавр. (вм. въ дъвою сътоу); двоусотъ гриве̂, Тр. сп. Новг. 1-й, 1г (вм. дъвоу сътоу); въ дъвоу соть, Лет. Авр.

Число *1000* (tys'ača) склоняется как существительное женского рода: нѣ въ тысящи, Новг. 1-я, 52в; тре̂ тысячахъ, Лавр.; дасть... тысящю бѣлки, Дв. гр. XIII в., № 77; и взяле... двѣ тысячи бѣлкѣ, Дв. гр. XV в., № 86; тремъ тысячамъ, Новг. гр. 1314, № 12; взяти... двѣнадчать тысячи серебра, ib. (тысячи — это дв. число, зависящее от 12); аще бы пристроилъ и п̃ тысячь, Лавр.; дасть... ѣ̃ тысячь бѣлкѣ, Дв. гр. XV в., № 86. Ср. твор. ед. — тысячей (при *тысячью*, что́ новообразование), например Покров. (Отв. № 247), Кадник. (Отв. № 26), Петроз. (Отв. № 30) и др.

Собирательные dъvoi и oboi, troi, čet'v'örъ, p'at'örъ, s'es't'örъ, s'em'örъ, os'm'örъ, d'ev'at'örъ, d'es'at'örъ и др. в древнем языке имели ограниченное употребление. Во-первых, они употреблялись в значении „двойной“, „тройной“ и т. д.: двои денги дати, Домостр. Конш., 39; двою радость, Ипат., 193а. Во-вторых, в на-

речных выражениях, как na dъvoje, na čet'v'öro и т. п.: и раступисѧ вода на двое, цр҃квнаѧ запона раздрасѧ на двое, Лавр. В-третьих, для обозначения числительных количественных при именах, употребляющихся только во мн. числе (при pluralia tantum): въ двоѣ wковъı, Ипат., 89а; трои пчелъı, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82), где *пчелы* означает „улей", „пенек со пчелами"; двои двери, Гр. 1583 (А. Ю., № 94); четверъı двери, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); двои ворота, Гр. 1579 (А. Ю., № 91); и wковаша въ двои wков, Лавр., двои гонъı, Дв. гр. XV в., № 1, 12; пѧтери тонѣ (вм. тони), Дв. гр. XV в., № 28; ѡко се съ троѣ или съ четверъı пригърѫщѣ, Жит. Феод. Сюда же: и паде обоихъ множьство много, Новг. 1-я, 40б; такъ платити како то бъı wбоимъ любо бъıлъı, Гр. 1229 (А). В-четвертых, в форме им.-вин. ср. рода как существительное; эти числительные употребляются взамен количественных числительных, причем определяемые ими существительные полагаются в род. мн.: двое конев, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); конь шестеро, Вкладн. Варл. до 1207; десятеро хлѣбов, Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 31); нищихъ трое сгорѣша, Новорос. сп. Новг. 4-й, 537а; двоенатцатеро хлѣбовъ, Новг. писц., I, 309; тритцатеро куровъ, ib., 335; трое синеи годовъıхъ, пятеро куриць Русьскихъ, Гр. 1697 (А. Калач., I, 573); продалъ двое лошадей, Гр. 1603—1604 (А. Калач., II, 282); кормити шестеро животинъı рогатъıе, Гр. 1608 (А. Ю., № 423); девятеронатцатеро, Новг. писц., I, 284; се дасть... двое портъ, Дв. гр. XV в., № 96; а коуръ по двоѥ на день, Русск. Пр. (Р. Д., I, 30); двое дѣтеи, Крас. сп. Западнорус. лет. и т. д. В позднейшем языке употребление *двои, обои* вместе *два, оба* сильно расширилось отчасти в связи с исчезновением дв. числа; укажу на это словоупотребление ниже. Быть может, при указанных формах ма *-ro* (četv'öro, p'at'öro и т. д.) существовали и формы на *-rgъ*: сошлюсь на род. падеж *овецъ осмерга* в Ист. слов. Тимченка; слово *четвьргъ* указывает также на такие образования; *четвьргъ* по значению было бы тождественно с *четвьртъкъ*. Ср. еще *двойгá* в род. и твор. при *двое*, Пинск. (Отв. № 4), укр.—іти в двійзі (Огоновский). В древнепольском: род. dwojga, obojga, trojga, dwojganaście pokolenia. В современном употреблении отмечу: трое сутки, Петров. (Шахм.); двои ворота, трои двери, Кадник. (Отв. № 25); девятеры двири, ворота, Петроз. (Отв. № 30); трои двери и трое дверей, Меленк. (Отв. № 247); двои часы, Орл.-Вят. (Отв. № 63); трое человек, двое

баб, Касим. (Отв. № 47); вижу трое коров, Котельн. (Отв. № 46); пятеро ребят, Орл.-Вят. (Отв. № 37); двое мужиков да три бабы, Кадник. (Отв. № 26); В белорус.— двоя, троя, чацвёра, пяцёра, васьмёра, дзивя́цяра, дзися́цяра; Новоалекс. (Отв. № 11); пято́ра при сямёра, Новоалекс. (Отв. № 14).

Существительное *полъ*, склонявшееся как основа на *-ŭ*, по синтаксическому своему употреблению сблизилось с числительными. Ср.: та моя полдвора, Гр. 1612 (А. Калач., II, 386), хотя, может быть, женский род был обусловлен влиянием слова *половина*. В сложениях с существительными *полъ* является или в форме именительного падежа, или в форме *полu*. Ср. в свое̂м полъ wстровѣ, Гр. 1525 (Бел., № 39); възмѣть по полугривнѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 37), хотя и: до полоугривьнъı (ib., 55); на томъ полуселѣ, Дв. гр. XV в., № 42; на той полуполовини тони, ib., № 110; полуоучасткомъ Филиповымъ, ib., № 24; ср. современ.: *полуостровъ, полустанок, к полуночи* при — *близко к полночe, до полночи,* Соликам. (Луканин). Там же: *близ полдня, после полде́н.*

Порядковые числительные: *пьрвъ, въторъ,* или *дроугъ, третии, четвьртъ, пѧтъ, шестъ, семъ, осмъ, девѧтъ, десѧтъ* — склоняются обыкновенно по сложному склонению, но в некоторых случаях также и по именному склонению. Ср. современ. *сам друг, сам третей, четверт, пят, шост, сём, девя́т, деся́т.* Ср. также в наречных выражениях: *испьрва, топьрво* (отсюда *топере, тепере*, быть может, непосредственно из *топеревъ*, ср. чешск. teprv). Кроме того, обычно именное склонение порядковых в соединении с *полъ* для обозначения числа, уменьшенного на половину единицы или десятка, сотни (ср. современное *полтора,* т. е. $1^1/_2$): нѣ съ полоуторъı тъıсяцi, Новг. 1-я, 36; дал... полтора сорока бѣлкѣ, Дв. гр. XV в., № 17; полоуторъı (вм. ожидаемого — *полторы*?) гривнъı серебра платити ѥмоу, Гр. 1229 (А); полпата сорока бѣлки, Дв. гр. XV в., № 2; полчетверта сорока бѣлки, ib., № 31; полъсема сорока бѣлки, ib., № 80; а далъ... полътрѣтьıѧ рубла, ib., № 84; полоутретьıѧ мѫа, Лет. Авр.; полъшестъı верьстъı, ib. Замечательно несогласование со словом *тысяча* в выражении: с полторомь тъıсачѣ, Ипат., 210в.: очевидно, согласование стало возможно только в им.-вин. и в род. падеже; однако: с полуторою четью пшеницъı, Новг. писц., I, 330. В соединении с десятками находим, например: безъ полутрьтиѧдчати

серебра, Новг. гр. 1314, № 12 (т. е. без 25); полътретьѭцать бѣлъ, Дв. гр. XV в., № 28; пол' шестадѣсатъ сороковъ бѣлки, ib., № 90; полъшестатьцать бѣлъ, ib., № 108 (т. е. 55); полътретиѭдесате, Гр. 1130; в полоушестадьсатъ шнекъ, Новг. 1-я, 32б; полъпатадьсатъ, ib., 96; полъдроугънатца нели, Лет. Авр. (т. е. $11^1/_2$). В соединении с сотнями: в полутретьѣсте, Ермол. 41 (т. е. в 250). Ср. в современном языке: пывтрицця́, пывшиста, Витебск. (Отв. № 18); укр.— півтора́, півтори (ж.), півтретя, півтретi (ib.), півчве́рта, півчве́рти (ж.); по полтора рубли пуд, Соликам. (Луканин).

ГЛАВА ПЯТАЯ

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Под термином „местоимение“ разумеется в грамматике ряд служебных слов, не имеющих самостоятельного реального значения, т. е. не обозначающих ни предметов или лиц в отношении их к определенным постоянным признакам, ни качеств или свойств, взятых сами по себе, безотносительно к другим качествам или свойствам. Значение местоимений прежде всего относительное, т. е. они служат показателями отношений предмета или лица к тем или иным явлениям; при известных условиях местоимения могут оказаться заместителями каждого вообще предмета, лица или быть присоединены к каждому вообще предмету, лицу для обозначения его отношений к другим предметам, лицам. Так, местоимение 1-го лица *я* употребляется каждым говорящим, кто бы он ни был, для обозначения своей личности и противоположения ее как лицу, к которому обращена речь, так и ко всему вообще остальному, внешнему миру; местоимение *он, она, оно* может заменять всякое лицо и всякий предмет, о котором идет речь; местоимение *тот, та, то* служит для указания на всякое более или менее отдаленное лицо или предмет; местоимение *каждый (-ая, -ое)* точно так же можно присоединить ко всякому лицу или предмету для обозначения его связи с другими однородными лицами или предметами. Атрибутивные местоимения в отличие от прилагательных не отвечают на вопрос „какой?“, но на вопрос „который?“ или „чей?“ (притяжательные местоимения). Сообразно со своим значением местоимения распадаются на несколько категорий: во-первых, это местоимения в точном смысле, т. е. служебные слова, заменяющие при известных условиях названия лиц или предметов и не

употребляющиеся атрибутивно; во-вторых, это слова, определяющие те или иные отношения, существующие между говорящим лицом и другими лицами или предметами, или же между самими предметами; употребление этих слов атрибутивно. К первой категории относятся, например, слова *я, ты, мы, вы, он,* а также вопросительные *кто, что.* Ко второй — слова, как *тот, мой, всякий, другой.* Деление местоимений может основываться и на других признаках: во-первых, сюда относятся слова, заменяющие лица — личные местоимения *(я, ты, мы, себя);* во-вторых, слова, заменяющие и лица, и предметы *(он, она, оно);* в-третьих, вопросительные слова, заменяющие лица и предметы *(кто, что),* а также вопросительные с атрибутивным значением; в-четвертых, атрибутивные слова с притяжательным значением; в-пятых, атрибутивные слова с указательным значением; в-шестых, относительные местоимения; в-седьмых, атрибутивные слова с обобщающим значением. Формально слова первой категории (личные местоимения) отличаются от слов других категорий как своеобразным своим склонением, так и отсутствием изменения по родам и числам (*я* и *мы* — это разные слова, с разными основами). В славянских языках слова третьей категории точно так же не изменяются по родам и числам. Все остальные категории объединяются как способностью изменяться по родам и числам, так и изменением по падежам при помощи одинаковых падежных окончаний. Рассмотрю склонение местоимений по отмеченным семи категориям.

1. СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ (МЕСТОИМЕНИЙ, ЗАМЕНЯЮЩИХ ЛИЦА)

В общеславянском и общерусском праязыке сюда относятся: а) личное местоимение 1-го лица ед. числа (jazъ, ja); б) личное местоимение 2-го лица ед. числа (ty); в) личное местоимение 1-го лица дв. числа (vě); г) личное местоимение 2-го лица дв. числа (va); д) личное местоимение 1-го лица мн. числа (my); е) личное местоимение 2-го лица мн. числа (vy); ж) возвратное местоимение, относящееся к 1-му и 2-му лицам ед., дв. и мн. чисел, так и к 3-му лицу всех трех чисел (sebe).

Не буду долго останавливаться на анализе основ и падежных окончаний в склонении личных местоимений. Отмечу выясняющиеся при анализе относящихся сюда падежных форм основы. В склонении 1-го лица ед. числа, кроме именительного jazъ и ja

(неясных по происхождению), являются три основы: men-, mьn- и mъna- (ошибочно, как кажется, предполагать еще основу mьna- на основании старославянских памятников). В склонении 2-го лица ед. числа, кроме именительного ty (индоевропейское tū), являются основы teb- и toba- (заменявшие под влиянием формы дат. падежа с окончанием -bѣ основы *tev-, *tova-). В склонении возвратного местоимения видим основы seb- soba- (заменившие основы *sev-, *sova-). Кроме того, в дат. (энклитически) и вин. пад. местоимений 1-го и 2-го лица, а также возвратного являются формы, образованные от основы me- (1-е лицо), te- (2-е лицо) и se- (возвратное). В склонении 1-го лица множественного, кроме именительного my, является основа na-, а в дат. (энклитически) и вин.— формы, образованные, как кажется, от основы no-. В склонении 2-го лица множественного, кроме именительного vy, является основа va- и основа vo-, от которой образованы энклитические формы для дательного и форма винительного. В склонении 1-го лица дв. ч. является основа va- в им.-вин. (vѣ- так относится к основе как им.-вин. дв. ženѣ к основе žena-), основа na- в других падежах; кроме того, известна основа vo-, от которой произведено вин. дв. va-. В склонении 2-го лица дв. ч. в им.-вин. обнаруживается основа vo- (va- так относится к основе vo-, как например им.-вин. дв. brata к основе brato-),а в прочих падежах основа va-.

Основы men- (mьn-), teb-, seb- получали окончания, свойственные основам на согласную, ср. род. mene (mьne), tebe, sebe. Основы mъna-, toba-, soba- склонялись, как основы женского рода на -*ā*, ср. дат., местн.: mъnѣ, tobѣ, sobѣ; твор.: mъnoiǫ, toboiǫ, soboiǫ. Впрочем, диалектически еще в общеславянском праязыке вместо mъnѣ, tobѣ, sobѣ в дат. и местн. под влиянием форм род. ед. mьne (mene), tebe, sebe являлись формы mьnѣ, tebѣ, sebѣ, а в общерусском диалектически, как увидим, и обратно в род. падеже вместо m'en'e, t'eb'e, s'eb'e — формы mъn'e, tob'e, sob'e. Основы na- (мн. и дв.) и va- (мн. и дв.) склонялись, как женские основы на -*ā*: namъ, vami, nama; в местн. мн. nasъ, vasъ с сохранением *s* (в tѣxъ, płodѣxъ, ženaxъ вместо *s* является *x*; ср. чешские формы, как Pol'as, Dol'as, о которых мы говорили выше); в род. местн. дв. является, как кажется, распространенная основа najo-, vajo- (отсюда naju, vaju). Формы mę, tę, sę в вин. восходят к *men, *ten, *sen; энклитические mi, ti, si восходят к *mei, *tei, *sei. Формы ny, vy в вин. мн. восходят, вероятно, к *nъns, *vъns из

*nons, *vons; не ясно, почему ny, vy получили также функцию дат. мн. (энклитически); не произошла ли здесь нефонетическая замена *a* через *y*, подобная замене *a* через *y* в им. мн. и род. ед. склонения слов женского рода с основой на *-ā*; ср. древнерусские энклитические формы na, va со значением дат. мн., а также na, va со значением дат. дв. Необходимо заметить, что ny, vy в вин. п. известно не только в энклитическом употреблении; ср. na — ny, va — vy. Возможно, что и ny, vy заменили в вин. мн. na, va (из *nas, *vas) под влиянием замены *ženas, *vodas через ženy, vody.

Замечательно, что еще в общеславянском праязыке формы вин. пад. как единственного, так и множественного (и двойственного?) числа совпали с род. падежом; видим здесь так же, как в именах мужеского рода, обозначающих одушевленные предметы, замену форм винительного падежа формами родительного; по-видимому, здесь сказалось влияние склонения мужеских основ на *-ŏ*, означающих одушевленные предметы; появление brata, kon'a вместо bratъ, konʼь в вин. падеже повело за собой вытеснение древних форм вин. падежа формами род. падежа: mene, tebe, sebe; вытеснение же вин. падежа родительным в ед. числе позело к такому же вытеснению в множ., хотя ny, vy сохранились и не в энклитическом употреблении.

Приведу формы склонения для общерусского праязыка:

Ед.	И.	jàzъ, ja
	Р.	m'en'ě̀, m'ьn'ě̀, mъn'ě̀
	Д.	mъn'ě̀, энклит. m'i
	В.	m'en'ě̀, m'ьn'ě̀, m'a
	Т.	mъnòju
	М.	mъn'ě̀
Дв.	И.	v'ě̀
	Р. М.	nàju
	Д. Т.	nàma, энклит. дательн. na
	В.	na, nàju
Мн.	И.	my
	Р.	nàsъ
	Д.	nàmъ, энклит. ny, na
	В.	nàsъ, ny
	Т.	nàmi
	М.	nàsъ

Ед.	И.	ty	
	Р.	t'eb'ȁ, tob'ȁ	s'eb'ȁ, sob'ȁ
	Д.	tob'ѣ, t'eb'ѣ, энклит. **t'i**	sob'ѣ, s'eb'ѣ, энклит. **s'i**
	В.	t'eb'ȁ, tob'ȁ, t'a	s'eb'ȁ, sob'ȁ, s'a
	Т.	tobòju	sobòju
	М.	tob'ѣ, t'eb'ѣ	sob'ѣ, s'eb'ѣ
Дв.	М.	va	
	Р. М.	vàju	
	Д. Т.	vàma, энклит. дат. **va**	
	В.	va, vàju	
Мн.	И.	vy	
	Р.	vàsъ	
	Д.	vàmъ, энклит. **vy, va**	
	В.	vàsъ, vy	
	Т.	vàm'i	
	М.	vàsъ	

Сопоставление с другими славянскими языками.

Те же формы склонения в старославянском языке. В дат. и местн., по-видимому, преобладающею формой является не мънѣ, а мьнѣ, также исключительно — тебѣ, себѣ. В род. ед. в Син. пс. мнє из мьнє. Ср. в памятниках русской редакции: ваще мне, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 54д; w҃вьржетсѧ мне, Гал. ев. 1144, 22а; не приємлете мне, Типогр. ев. XII в., № 7; мне ради, w҃ мне, ib. (Собол. Очерки). В дат. дв. форма на встречается (в энклитическом употреблении) в Супр.; энклитиками можно признать формы дат. мн. тн, сн и мн. ны, вы; что до ма, та, са в вин. ед., ны, вы в вин. мн., то они употребляются и не как энклитики, например в положении после предлогов. В 1-м лице ед. только азъ, фонетически вместо ězъ. — В сербском языке находим в 1-м лице ед. ja, а в древнем языке и язь (ѣзь, язь); в родительном при обыкновенном *мене* один раз в памятнике XV в. *мне*; в дательном при древней форме *мнѣ* (мни) рано появляется новообразование *менѣ* (мени) под влиянием родительного, а также *манѣ* (мани), где *а* на месте *ь* (*ъ*); в дательном только *тебѣ, себѣ* (не *тобѣ, собѣ*); в творительном при обычных *мною, мновь, мномь* (мном) рано — *маном* с *а* из *ъ* (*ь*); в местном то же, что в дательном; в дат. мн. известны и энклитики *ны* (ни), *вы* (ви); в дв. числе в 1-м лице им. *вѣ,* вин. *на;* в род. и местн. *наю, ваю,* в дат. и твор. *нама, вама,* а в дат., кроме того, *ва*: мирь ва боуди. В древнепольском jaz при já; в родительном

обычна форма mnie уже из древнейших памятников; напротив, вместо mnie находим в Флор. пс. menie под влиянием формы род. падежа; в дат. всегда tobie, sobie (при энклитиках ci, si), в вин. mię и cię, się, а также mnie, ciebie, siebie; в местн. tobie, sobie; в твор. mną, tobą, sobą — формы стяженные из mъnoję, toboję, sobojǫ; з вин. мн. всегда nás, vás; в им. дв. na, wa для 1-го лица ед. (ст.-слав. и др.-русск. вѣ) и 2-го лица дв. ч.; в род. naju, waju, та же форма и в вин.; в дат.-твор. дв. nama, wama. Замечу, что в современном польском mię, cię, się — энклитики (после предлога в начале фразы под ударением они не употребляются).

Примеры из древнерусских памятников.

1-е лицо ед. Им.: азъ, а, Гр. 1285—1315; изъ, и, Гр. ок. 1130; изъ, Дв. гр. XV в., № 6, Дух. 1328, № 21, Ипат., 306б; и, изъ, Лавр. и др. Род.: мене, Жит. Феод.; ѿ мене, Лавр.; у мене, Гр. 1515 (Бел., № 1); моложии мене, Ипат., 155б. Форма *меня* явилась вм. m'en'ä фонетически в безударном употреблении. Дат.: мнѣ, ми, Жит. Феод.; мнѣ даите, Лавр.; ко мнѣ, Лавр.; дша ми своа, Лавр.; а в то ми са доспѣло рублевъ на патьдесатъ оубытка, Дв. гр. XV в., № 86. Вин.: изъбьють дружину мою и мене, Лавр.; да аще ма просите право, ib.; на мене, Дв. гр. XV в., № 87; пришедъ перед мя, Гал. гр. 1401. Твор.: мною, Жит. Феод.; со мною, Новг. гр. до 1301, № 4. Местн.: мънѣ, Жит. Феод.; ко мнѣ, Новг. гр. до 1301, № 4.

2-е лицо ед. Им.: тъı, Жит. Феод., Род.: тебе, Жит. Феод.; ѿ тебе, Лавр.; близь тобе, оу тобе, Лавр; wдесную тобе, Микул. ев., 73а; ищють тобе, ib., 55в; да знають тобе, ib., 172в; без тобе, Догов. 1362, № 27; бес тобе, Догов. 1388, № 33; оу тобе, Догов. 1389, № 35. Дат.: тебѣ, ти, Жит. Феод.; идуть к тебѣ Варази, Лавр.; тебѣ, Догов. 1405, № 38; к тобѣ, Лавр.; азъ буду тобѣ в срце, Лавр.; тобѣ, Юрьевск. ев., 187с, 188в, Догов. 1428, № 43; тобе, Новг. гр.; 1265, № 1; прислю ти, Лавр.; тогда ти дамь, ib. Вин.: тебе, тя, Жит. Феод.; дарихъ та, Лавр.; иде на та, ib.; по та, Ипат., 301; на тебе, Копия с Догов. 1388, № 28 (*тебя* — Догов. 1428, № 43 — фонетически из *тебе*), оувѣдѣти тобе, Лавр.; ищють тобе, Микул. ев., 55в; да знають тобе, ib., 172в; тобе, Догов. 1362, № 27; Догов. 1389, № 35 (*тобя* — Догов. 1428, № 44 — фонетически из *тобе*); пред тоба, Домостр. Конш., 10. Твор.: тобою, Жит. Феод.; передъ тобою, Новг. гр. до 1305, № 11. Местн.: тебѣ, Жит. Феод.; по тобѣ бороти, Лавр.;

но и проказа ѥго прилѣпитьсѧ тобѣ, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 88).

1-е лицо дв. Им.-вин.: а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею, Сл. о п. Иг., 43; вѣ, Ипат., 141б; вѣ порозна, ib., 152 г; се вѣ ѡсталаса старѣиши, ib., 235в; вѣ вѣвѣ, Лавр.; вѣ пославѣ, ib. Род.: оу наю, Новг. 1-я, 167. Вин.: аще на пустиши, Лавр.; имуть на прогнати, ib.; с заменой через род. падеж: аще ли наю погубиши, Лавр.; начнутъ наю птици бити в полѣ Половецкомъ, Сл. о п. Иг., 44. Дат.: ѡбѣима нама, Ипат., 133в, 264в; штожь нама все то исправити, Луцк. ев. 138в; ни нама будетъ сокольца, Сл. о п. Иг., 44; энклитически: аче кдѣ на будеть мочно, Ипат., 152б; поусти на, помоѕи на, ib., 152г; аще будеть на (позже исправлено в *нама*), ib., 74а.

2-е лицо дв. Вин.: ва, Ипат., 138в. Гр. ок. 1240; аще ва бъ поиметь, Ипат.; с заменой через род. падеж: възвъсила бо есть ваю, Лавр.; есмь оустагъывал ваю, Ипат., 155. Род.: ваю, Ипат. 193в.; ѡчи ваю, ваю кровью, градъ ваю славнъыи взахъ, Лавр. Дат. (энклитически): и аще на кто речеть, Ев. 1339, 135 в; и буди на Перемъышль, Ипат., 94в.

1-е лицо мн. Им.: мъı, Жит. Феод.; мъı ради дамъı, Ипат., 292б; Род.: насъ, Жит. Феод.; Дат.: намъ, Жит. Феод.; энклитически: не лѣпо ли нъı бяшетъ, Сл. о п. Иг., I; повѣжьте нъı, въдаи нъı Володимера, Лавр.; Вин.: нас, нъı, Жит. Феод., се посла нъı цр̄ь, нас послаша, понесѣте нъı, все нъı погубить, Лавр.; пришедъ передъ насъ; Гал. гр. 1398. Твор.: нами, Жит. Феод.; с нами, Дв. гр. XV в., № 6. Местн.: насъ, Жит. Феод.

2-е лицо мн. Им.: въı, Жит. Феод.; и въı творите памать, Дв. гр. XV в., № 54; Род: васъ, Жит. Феод.; оу васъ, Дв. гр. XV в., № 86. Дат.: вамъ, Жит. Феод.; вото въı есть, Лавр.; добрали въı честь, ib.; пустити въı безъ ѡкупа, Новг. гр. 1368—1371, № 16; а боудѣть въı с нимь свала, Гр. ок. 1240; вамъ потанути со мною, а не ѿступити въı са мене, Новг. гр. до 1301, № 4; въı, Новг. 1-я, 143. Вин.: вас, въı, Жит. Феод.; молю въı, оукорать въı, Жит. Феод.; хочю въı почтити, Лавр.; зоветь въı Ѳльга, послю по въı, подъ въı, Лавр.; а азъ васъ постригалъ, Лавр. Твор.: вами, Жит. Феод.; с вами, Дв. гр. XV в., № 86. Местн.: васъ, Жит. Феод.

Возвратное местоимение. Род.: а межи себѣ оучинили, Дв. гр. XV в., № 132; межи себе, Копия с Догов. 1368, № 28; хота мьстити себе, Лавр.; оу себе, Новг. гр. до 1305, № 11; себе, Жит. Феод.; межю собе, Лавр.; оу собе, в собе мѣсто, ib.; ѿ собе, Колом. Пал.

1406, 79; межи собе, Копия с Догов. 1381, № 32, Догов. ок. 1433, № 46; промежи собе, Догов. ок. 1433, № 47; промеж собе, Новг. гр. 1471, № 20; ѿ собе, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 206 г; да ѿвержетьсѧ собе, Микул. ев., 68в; собя, себя, в сп. XVI в. с Гр. 1498—1499 (А. Калач., I, № 70); собѧ wчистивъ, Домостр. Конш., 16 [фонетически вместо *собе* (*себе*)]. Дат.: себѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63), 1448 (ib.), 1471 (ib., № 31); купилъ сѣбѣ, Дв. гр. XV в., № 18; купи... себе, Дв. гр. XV в., № 36, 38, 197; купи себѣ, ib., № 73, 84, 123; купилъ себѣ, № 104; къ собѣ, Жит. Феод.; творѧть мовенье собѣ, Лавр.; поищемъ собѣ кнѧзѧ, Лавр.; мы собѣ буде а ты собѣ, Лавр.; которыи ли вытворить соудъ собѣ, Новг. гр. до 1305, № 10; собе, Новг. 1-я, 177; къ собѣ, Юрьевск. ев. ок. 1128, 178с; собѣ, Догов. 1428, № 43, Гр. 1433 (А. Калач., I, № 31) и др.; энклитически: голову си розби дважды, Лавр. Вин.: возмуть на сѧ прутье младое, Лавр.; покорившe и подъ сѧ, ib.; сѧ, себе, Жит. Феод.; хотѧ мьстити себе, Лавр.; wчистимъ собе братьи, Лавр.; *собя* вместо *себе, собе* фонетически: за себѧ, Коп. с Догов. 1381, № 32, Ермол., 190б; на собѧ, Хожд. Афан. Ник.; на собя, Гр. 1536 (Бел., № 9), 1530—1532 (Письма русск. госуд.). Твор.: собою, Жит. Феод. Местн.: рѣша сами в себѣ, Лавр.; по себѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); себѣ, на собѣ, Жит. Феод.; по собѣ, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 63); и рече в собѣ, Лавр.

Данные из современного живого языка.

Для 1-го лица ед. числа отмечу: род. ед.— мене, Грайвор. (Отв. № 279); у мине, Дмитр.-Курск. (Отв. № 236); мене, Холмог. (Отв. № 50); мине, Дон. (Калмык.); мене, мине, Мещов. (В. Чернышев); мине, Белоз. (Отв. № 166); мене, Скоп. (Будде), Петроз. (Шахм.) и т. д.; как указано выше, *меня* — это фонетическое изменение формы *мене* (m'en'ä) в положении ее не под ударением; *мня* на месте древнего *мне* (из *мьне*), которое видим в Мещов. (В. Чернышев), находим, например: мня, Шенк. (Отв. № 235); у мня нет денег, Кинеш. (Отв. № 66); у мня, Петроз. (Отв. № 30), Вытег. (Отв. № 22); мня, Устюж. (Отв. № 28), Белоз. (Отв. № 166); у мня, Кирилл. (Отв. № 186). В украинской области сохранилось *мя* (т. е. mja), например: до мя, лемк. (Верхр.), угрорус.; до мя, од мня, за мя, для ня (вместо *мня*), галицк.-горск. (Огоновский) (*мня* фонетически вместо *мя*, как *мнясо*); *мя* отмечено и в великорусском, например, Касим. (Будде), Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46).

Дат. *ми* в галицких говорах (Огоновский), а в русском — Холмог. (Отв. № 50); также в угрорус. (Верхр.)

Для 2-го лица ед. числа: род. и вин. северновеликорус. — тебя, южновеликорус. и белорус. — тебе, цебе, укр. — тебе, ср. тебе, Скоп. (Будде); тибе, Дон. (Калмык.); я тебе выучу, Петроз. (Шахм.); форму *тобе* ср.: у табе, Грайвор. (Отв. № 279), Дмитр.-Кур. (Отв. № 236), Новосил. (Отв. № 77); с тóбе, Петроз. (Шахм.); табе дружка дожидаивчи, Обоян. (Резанов); табé, Касим. (Отв. № 47), тобя, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); табя, Моршан. (Обл. сл., № 164); у тобя, Шенк. (Отв. № 235); тобя, Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46). Форму *тя* находим в угрорус. — до тя, для тя, на тя; лемк. — до тя (Верхр.), галицк.-горск. (Огоновский); с тя, лемк. (Верхр.); в великорус.: благодарим тя, Насим. (Будде); хто тя видит, Макар. (Отв. № 56); у тя, Нолин. (Отв. № 51); тя, Котельн. (Отв. № 46), Холмог. (Отв. № 50); за тя, Петроз. (Отв. № 34); ему какое дело до тя, Кадник. (Отв. № 31); с тя взятки-то гладки, ib.; я у тя был севодни, Устюжн. (Отв. № 28); у тя, Буйск. (Отв. № 18); едят тя мухи с комарами, ib. и др.; сюда же *те*: белорус. — pajdú za cie zamuž, Волков. (Federowski, I, 71); ý те, Петроз. (Шахм.); куда те нясе, Михайл. (Будде); я те, он те проучит, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); я те выучу, Горбат. (Обл. сл. № 105); у те, на те, Малмыж. (Отв. № 103); у те, нý те прочь, Покров. (Отв. № 10) и т. д. Формы родительного *тя, те,* очевидно, заимствованы из винительного, вследствие употребления родительного *тебе* в качестве винительного; объяснять *тя* как стяжение из *тебя, те* из *тебе* (ср. формы *тея, тее* в великорусских говорах) невероятно. Отмечу польские уже в XIV в.: mie, cie, sie с неносовым *е*. В дат. — тебе и тобе; ср. укр. тобі и тибі; тобе и тебе, Соликам. (Словцов); табе, Моршан. (Обл. сл.. № 164), Брянск. (Отв. № 269), Новосил. (Отв. № 77); тобе, Холмог. (Отв. № 50); табе, Дон. (Калмыков); тябе и табе, Великолуцк. (Отв. № 45) и т. д. Форму *ти* находим в угрорусской (Верхр. I), в русск. весьма обычно *те,* заменившее *ти,* по-видимому, под влиянием *тебе:* вот те крест, Буйск. (Отв. № 18); я те дам, Вытегорск. (Отв. № 33); рядом *ти* (тамъ же *тиби* при *теби*); ср. я те дам, Макар. (Отв. № 56), Меленк. (Отв. № 247); вот те на, Солик. (Словцовъ); я те говорил, Горбат. (Обл. сл. № 105) и др. Для возвратного местоимения: род. и вин. — про себе, после себе, Мещов. (Черныш.); за сабé, Грайвор. (Отв. № 279); сибé, Дон. (Калмыков); у собя, Котельн. (Отв. № 46); собе и собя, Хол-

мог. (Отв. № 50); про собя, Шенк. (Отв. № 235); у сабé, Дмитровск. (Отв. № 236); сабя, Морш. Форму *си* диалект. въ украинск. (Осадца). В угрорус. — за ся (Верхр.); в белорус. da sié, Волков. (Feder, I, 64) (Обл. сл., № 114); для собя, Солик. (Словцов, Арх. II Отд.); форма *ся* въ украинск. области, например: до ся, лемк. (Верхр.), в великорус.: за ся, Касим. (Будде); про ся работа, Новгор. (Колосов); у ся, Котельн. (Отв. № 46); ся и се, Холмог. (Отв. № 50). В дат.: себе и собе, например украинск.— сибі и собі; сабе, Скоп. (Будде); собе Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46); сабе, Дон. (Калмыков); сабе и себе, Великолуцк. (Отв. № 45); сабе, Новосил. (Отв. № 77), Грайвор. (Отв. № 279); си — украинск. диалект. и угрорус. (Верхр., I). Для 1-го лица мн. отмечу *ны* вм. *мы*, Гдов. (Отв. № 11), причем *ны* по происхождению —форма вин. мн.

Замечания об отдельных формах.

В дат. и местн., как видно отчасти из приведенных выше примеров, формы tob'ѣ, sob'ѣ были в древнерусском обычнее, чем формы t'éb'ѣ, s'eb'ѣ; возможно, что в некоторых говорах (например, южнорусских, ср. в современ. украинск. решительное преобладание *тобі, собі*) их совсем и не существовало; в связь с этим можно бы поставить следующее обстоятельство: формы дат. и местн. *тебѣ, себѣ* пишутся в русских памятниках, и именно в тех, которые вообще не смешивают букв „е“ и „ѣ“, как *тебе, себе;* например, в Житии Феодосия в первом почерке находили последовательно *тебе, себе;* также и во втором почерке является в себе; в Мстисл. ев.— *тебе* (Карский), в Лавр.— помъысли в себе рекъ (в речи философа) и т. д. Это доказывает, что формы *тебѣ, себѣ* принадлежали не живому народному языку, а заимствованы из церковнославянского, причем написания с „е“ передают церковное произношение, в котором, как мы знаем, *ѣ* в устах русских людей отождествилось с *е*; ср. в тех же памятниках написания с „е“ в церковнославянских словах, как среда, вредъ, время и т. п. Но достаточных оснований для признания вообще во всех русских памятниках форм *тебѣ, себѣ* заимствованными из церковного языка или для признания современ. *тебе, себе* происшедшими фонетически из *тобѣ, собѣ* (ср. *теперь* вм. *теперь*) мы не имеем; по-видимому, многие русские говоры сохраняли общеслав. формы *тебѣ, себѣ.* С приведенными из современных говоров формами *те* в дат. ед. ср. *те, тѣ* в памятниках: а тѣ Семену, Гр. 1493 (XVI, А. Калач., I, № 118); те, Поуч. Зарубск. чернор. XIII в. (Свед. и зам., № 6, стр. 54); одесную те, Добрил. ев., 72д.

Энклитические m'i, t'i, s'i имели, по-видимому, не *i*, а *ь*, в которое еще в общеславянском праязыке обращалось вообще всякое конечное неударяемое *i*; отсюда в позднейшем языке: m', t', s'; ср. в Ипатьевской летописи: велела мь, 286в; всегда мь жалоуете, 291б; нѣколье емь, 299г; абы мь далъ бъ, 297г; а болшаѧ мь надежа, 298а; а проѧли мь оуже и на печенехъ, 298а; то бы мь с полоу бъило, 301в; тоуто ть ю дати, 299в; ѿ брата ть, 301г; а землѧ ть ѡпасна, 288г; ср. в старших частях того же памятника: а чо ти бъ дасть, 150а; а чо ми... ѿѧлъ, 151 г. Относительно ударения местоименных форм отмечу, что m'en'ä, t'eb'ä, s'eb'ä, по крайней мере в положении за предлогами, имели ударение на первом слоге; ср. украинск. на тéбе, за мéне, про сéбе.

2. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ 3-го ЛИЦА (ЗАМЕНЯЮЩЕГО И ЛИЦА, И ПРЕДМЕТЫ)

Формы этого местоимения в общеславянском праязыке производятся от основы jo- (изменившейся там, где *o* не слилось с падежными окончаниями в je) в мужеском роде, jā- в женском. В склонении этих местоименных основ встречаемся впервые с обычными для местоименного склонения окончаниями, они приставляются или к основам jo-, jā-, или к распространенной основе joi̯-. Именит.— jo-s изменился в jъs и далее в jьs, jь; точнее — (в ii̯, откуда i; в ср. роде jo-d (ср. лат. istud) перешло в jed и далее в je; в женск. роде jā (об употреблении форм им. падежа см. ниже). Род. м. и ср.— jeho (с *h*, на которое указывают северновеликорусские говоры) из joho, а это из joo (о происхождении этой формы скажу ниже); в род. женского рода окончание *-ons* (о происхождении его я говорил выше в обзоре окончаний имен существительных женского рода) приставлено к распространенной основе joi̯ — jei̯; отсюда joi̯ons — jei̯ens и далее jei̯ę̆ (ст.-слав. ѭ, др.-русск. ѭ). Дат. м. и ср. рода получило окончание *-smōi̯* (ср. др.-инд. tasmāi), откуда *-mu:* jomu, jòmu; в женск. роде окончание *-oi̯* приставлено к распространенной основе: joi̯-oi̯, отсюда jei̯ei̯, jei̯ī, далее jei̯ię̂ и затем jei̯ь, jei̯. В твор. м. и ср. рода окончание *-mĭ, -mь* приставлено к распространенной основе: joi̯-mь, отсюда jei̯mь, jimь; в женск. р. окончание *-ān — -ǫ* приставляется также к распространенной основе: joi̯-ǫ, отсюда jei̯ǫ. В местн. м. и ср. рода окончание *-smin*, откуда *-mь*, приставляется к основе jo: josmin — jomь — jemь; в женск. р. та же форма, что в дат. ед. В вин. м. р. -jom изменилось в -jъm, откуда -jь; в женск. р. jā-m перешло в jǫ. В им.-вин. дв. м. р. jā (ср. vь̯lkā,

стар.-слав. влька, рава), в женск. и ср. р. ji из jāi и joi̯ (ср. *ženāi̯, откуда ženě, *sełōi̯, откуда selě). В род.-местн. дв. всех трех родов видим окончание *-u* (из *-ōu̯*), приставленное к распространенной основе: joi̯u, отсюда jei̯u. В дат.-твор. дв. окончание *-ma* приставлено к распространенной основе: joi̯-ma, отсюда jei̯-ma, jima. В род. мн. всех трех родов окончание *-xъ* из *-sōm* приставлено к распространенной основе: joi̯-хъ, отсюда jei̯-хъ, jіхъ. В дат. мн. окончание *-mъ* из *-mos* приставлено к той же основе: joi̯-mъ, откуда jei̯mъ, jimъ. В твор. мн. окончание *-mi* приставлено к той же основе: joi-mi, отсюда jei̯mi, jimi. В местн. мн. *-xъ* из *-su* приставлено к той же основе: joi̯-хъ, отсюда jei̯хъ, jіхъ. В им. мн. м. р. joi̯, откуда jei̯, ji, в ср. р. jā; в женск. р. в им. мн. является форма, которая по своему происхождению — форма вин. мн. В вин. мн. м. р. jo-ns перешло в jens, далее в jѭ (ст.-слав. ѧ, русск. *ъ*); в женск. р. та же форма. Таким образом, видим, что простая, необосложненная основа jo, jā является только в им. и вин. падежах всех трех родов и чисел; кроме того, в дат. и местн. падежах м. и ср. рода, имевших некогда окончание, начинавшееся с группы согласных *sm*; josmōi̯, josmin; *sm* заменено через *m* едва ли не под влиянием окончаний *-mь* в твор. ед., *-mi* в твор. мн., *-mъ* в дат. мн., *-ma* в дат.-твор. дв. Отсюда вероятно думать, что и в родительном падеже должна была бы явиться или обосложненная основа или что окончание род. падежа также начиналось со звука *s*; считаю вероятным предположить, что первоначальной формой род. падежа была jo-so; *s* выпущено не фонетически под влиянием (нефонетического же) выпущения его в формах дат. и местн. ед.: josmu, josmь переходили в jomu, jomь и повели за собой joo, откуда далее joho, jeho. Как увидим ниже, род. падежом от вопросительной основы *če-* и *čь* (*či-*) является česo и čьso, окончание *-so* восходит к индоевропейскому *-so*, ср. готск. pis, древневерхненемецкое des из *t'eso, готское hvis из *geso.

Замечательно, что формы именительного падежа всех родов и чисел исчезли в общеславянском языке из употребления; ср. их в сложении с частицей že в относительном местоимении iže, jaže, ježe. Формы эти заменены формами *он, она, оно,* имевшими и сохранявшими (в косвенных падежах) указательное значение. По-видимому, в общеславянском праязыке исчезла связь между формами именительного падежа и формами косвенных падежей потому, что последние стали употребляться только постпозитивно (за другими словами, не впереди предложения), между тем как формы

именительного падежа по самому значению своему употреблялись антепозитивно; утрата связи между формами косвенных падежей и формами именительного падежа повела к полной утрате последних. В винительном падеже мужеского рода, когда он заменял лиц мужеского рода, употреблялась форма родительного падежа, как и в именах существительных.

В древнерусском языке рассматриваемое местоимение склонялось так.

		Мужеский и средний род	Женский род
Ед.	И.	(onъ) (ono)	(ona)
	Р.	jȯhȯ	jeję̀
	Д.	jȯmu	jeì
	В.	i, jȯhȯ, jȯ	ju
	Т.	jìm'ь	jèję̀u
	М.	jem'ь	jeę
Дв.	И.	(ona) (onѣ)	(onѣ)
	Р. М.	jèję̀u	jèę̀u
	Д. Т.	jìma	jìma
	В.	ja, ji	ji
Мн.	И.	(oni) (ona)	(ony)
	Р.	jìxъ	jìxъ
	Д.	jìmъ	jìmъ
	В.	jѣ, ja	jѣ
	Т.	jìm'i	jìm'i
	М.	jìxъ	jìxъ

Все эти формы употреблялись, как указано, постпозитивно. В положении после предлогов они принимали перед собой звук *n'* (развившийся из окончания таких предлогов, как sъ = sǫn и переносившийся также и в другие): za n'ь (n'ь — вин. пад.), др.-русск. za n'ö, к n'ei, sъ n'imь, vъ n'ixъ.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках те же формы, что приведены в образце; в вин. мн. в соответствии с древнерусским *ѣ* является ѧ, в соответствии с ѥ*ѣ* — ѥѧ; вместо *-и* в вин. ж. р. *-ǫ*.

Примеры из древнерусских памятников.

Ед. ч. м. р.: онъ, Жит. Феод.; и wнъ ѳѥхалъ, Новг. гр. до 1305, № 11. Род: не кърмити ѥго, Новг. гр. до 1305, № 11; оу него, Новг. гр. 1368—1371, № 16; въ него мѣсто, Новг. 1-я, 59.; Вин.: по нь, Ипат., 184а, 300в, 288г; подо нь, 306в; мимо нь, 291г; про нь,

231г; взѧ градъ и пожьже и, Лавр.; внесоша и и положиша и на коврѣ, Лавр.; оустремишасѧ на нь, то да идеть за нь, ib.; ѿрѣваите его ѿ берега, ib.; блгви и ѿпусти ѥго, ib.; соудити ѥго, Новг. гр. д. 1305, № 10; а боудоуть на него послоуси, Гр. 1229 (А); то томоу за нь платити, Гр. ок. 1240; кто коли на нь (лист) возрить, Крак. гр. 1394. Твор. ед.: имь, нимь, Жит. Феод.; съ нимь, Новг. гр. до 1305, № 11. Те же формы в ср. роде. Вин. п.: ѥ, Жит. Феод.; вселисѧ в не (место), Лавр. Местн. ед.: нѥмь, Жит. Феод.

Ед. ч. женск. р.: она, Жит. Феод. Род.: еѣ, Гр. 1508 (А. Ю., № 13), Гр. XIV в. (А. Ю., № 257, IV); ее, Гр. 1536 (Бел., № 9); еѣ, Ев. XIII, № 6; 161а, Ипат., 296в, Коп. с Догов. 1371, № 31; ее, Дух. 1389, № 34; становища еѣ, село ее, сани ее, Лавр.; да аще еѣ не вдаста за мѧ, Лавр.; у ее мужа, Дв. гр. XV в., № 20; у неѣ, в еѣ деревнѧ (х), Гр. 1472 (С. М., № 54); дѣтемь еѣ, Перемышл. гр. 1378[1]; с неѣ, Гр. 1447—1459 (А. Калач., I, № 31). Дат.: ѥи, неи, Жит. Феод.; Вин.: ю, Жит. Феод.; а что на ню моужь възложить, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44); ѿдадѧть ю замоужь, ib., 44; засѣети ю, Виленск. сп. Западнорус. лет.; отпусті ю, ib.; ню, Жит. Феод. Твор.: ѥю, нѥю, Жит. Феод. Местн. ед.: неи, нѥи, Жит. Феод.; далъ не неи (т. е. на земле), Др. гр. XV в., № 26 а боудѣть пьреже на неи не былъ сорома, Гр. 1229 (А).

Дв. ч. Им. м. р.: она, Жит. Феод. Вин. м. р.: посла ѧ, Лавр.; се слъышавъ цр҃ь посла по нѧ, ib.; боудѣть ли тѧжа Смоленьскѣ Немьчицю съ Смолнѧниномь, соудити ѧ Смолѣньскомоу кнѧзю, Гр. ок. 1240. Род. местн.: ѥю (мужеск.), Жит. Феод.; иже ѡколо ю (мужеск.), Лавр.;— в значении вин. падежа: почтивъ ею, Лавр. 448; поѧ собѣ женѣ ею (женск.), ѥю же прокленше, Ипат., 43б; которъıи ѥю роспоускаѥть, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 48). Дат.-твор.: надъ нима, Новг. 1-я, 47; с нима, Рижск. гр. ок. 1300.

Мн. ч. Им. м. р.: они, Гр. 1447—1453 (А. Калач. I, № 31), Жит. Феод.; ѡни же видѣвше, Лавр.; и не смѧху ни си ѡнѣхъ ни ѡни сихъ начати, Лавр. Род. мн.: ихъ, нихъ, Жит. Феод. Дат. мн.: имъ, нимъ, Жит. Феод. Вин.: въсъıпати ѣ (т. е. оукроухъı), Жит. Феод.; сърѣте е на рѣцѣ Пищанѣ, Лавр.; сбиша ѣ в мѧчь, ib.; поидемъ на не, Лавр. Твор. мн.: ими, ними, Жит. Феод.; с ними, Дв. гр. XV в., № 87. Местн.: ихъ, нихъ, Жит. Феод.; коунъı ѥмати на нихъ, Новг. гр. до 1305, № 9.

---

[1] В рукописи по описке „Парем.“. *(Ред.)*

Мн. ч. Вин. ср. р.: ꙗ, Жит. Феод.

Мн. ч. Вин. ж. р.: пережьгуть є (т. е. бани), Лавр.; даꙗти часть на нѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 43).

Примеры из современного языка.

Отмечу некоторые старые формы. Вин. п. ж. р.: ю, Холмог. (Отв. № 50), Петроз. (Шахм.); он ударил ю, Петроз. (Отв. № 34), Каргон. (Колосов); ю, ню — в укр. Род. ед. ж. р.: еѣ, її, наї, укр., ее, Устюжн. (Отв. № 28), Богородск. (В. Черныш.); ие́, иё, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880, № 3); яе́ — белорус., Могил. (Рамзевич); еîэ, Мозыр. (Отв. № 10) и т. д. Вин. мн.: на нї, лемк. (Верхр.), например: злетїў на нї, заробю собі на нї. Неясно появление *на ни* в значении „на него", древнее na n'ь: за ни не піду, лемк. (Верхр.); быть может, здесь сказалось влияние формы вин. падежа *и*. Замечаемая в русских говорах непоследовательность в употреблении *n'*, причем одни говоры устраняют *n'* в положении за предлогами, а другие имеют его и в положении не после предлогов, зависела от тех или иных позднейших условий. Произношение с начальными j: jix, jim, jimi, jim — надо признать общим всем русским наречиям. Укр. — *його, ньо́го, йому, ньому* имеет *о* вместо *ȯ, ö* фонетически; напротив, в диалектах великорус. — *с нёй, по нёй о* под влиянием *той* и других подобных форм; также и укр. *їй,* восходящее к juoi̯ (ср. современ. мозырск. по ю́о́й), заимствовало u͡o из tu͡oi̯.

3. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ

Вопросительные местоимения распадаются на две категории: 1) местоимения со значением не атрибутивным, употребляющиеся вместо существительных; 2) местоимения с атрибутивным значением. Формально обе категории различаются тем, что первая из них не образует множественного числа и не знает различия по родам, употребляя, однако, две разные основы для лиц и предметов. Во второй категории одна часть входящих в нее местоимений уже по самому образованию своему сближается со склонением прилагательных: во второй части сложения она содержит рассмотренное выше местоимение и, ꙗ, ѥ, первая склоняется как местоимение. Рассмотрю отдельно склонение основ обеих категорий.

К первой категории принадлежат две основы: ko- для личного вопросительного местоимения и če-, čь- для предметного вопросительного местоимения. Основа ko- является в этом виде перед окончаниями, имевшими некогда вначале группу si̯ или sm; она

является в виде распространенном koi- в твор. ед. перед окончанием -mь: koimь изменилось затем в cěmь. В им. ед. является форма kъto, очевидно, заменившая первоначальную форму къ (to — приставка). Основа če- является как в форме им.-вин. падежа: če, так и в тех падежах, которые имели окончания, начинавшиеся с *s*: род. čeho (из čeo, а это нефонетически вместо česo), дат. čemu, местн. čemь; в твор. падеже перед окончанием -mь являлась распространенная основа: čej: čeimь, откуда čimь. Основа čь- (из ki-) являлась в форме им.-вин. čьto (to — приставка), а кроме того, в форме род. падежа: čьso. Эта форма не могла ассоциироваться с формами čemu, čemь и потому сохраняла свое s; под влиянием čьso возникло и česo вместо čeo (čeho). Кроме того, čьso вызвало при себе новообразования, как čьsoo, čьsomu, čьsomь; это имело последствием появление česomu, česoo, česomь при род. česo. Привожу формы склонения местоимений kъto и čьto в древнерусском языке; вин. падеж от kъto тождествен по форме с род. падежом; это объясняется тем, что kъto относится только к лицам, а в именах лиц мужеского рода еще в общеславянском праязыке на место винительного падежа проникала форма родительного.

Ед.	И.	kъtò	čьtò, čò
	Р.	kohò	čòhò
	Д.	komù	čòmù
	В.	kohò	čьtò, čò
	Т.	cě̀m'ь	čìm'ь
	М.	kòm'ь	čèm'ь

Сопоставление с другими славянскими языками. Склонение kъto в старославянских памятниках ничем не отличается от восстановленного для древнерусского языка склонения. Но čьto представляет некоторые особенности, а именно в род. падеже является не *чего,* а только чсо и чьсо; равным образом форма дат. *чемоу* вытеснена формами чсомоу и чьсомоу; в местном встречается чсмь, но рядом с нею чсесмь. Кроме того, известно и новообразование чьсого в род. падеже (в Савв. кн., Супр., XIII Сл. Гр. Бог.). Ввиду этого вероятно, что чьсо проникало и в им.-вин. падежи; ср. чсо вместо ожидаемого *что,* например, в Типогр. ев. XII в., № 7: не вѣдаху чсо ѿвѣщати (Соболевский). В др.-сербском находим, кроме формы *што, що* (из *чьто*), форму *ча,* очевидно, ведущую к общеславянскому *чь* (ср. *чь* в *чьто,* а также в старославянском нничьже, о котором ниже); также *ч,* восходящее равным

образом к *чь*, например: в *зач, прозач, вач; а* из формы *ча* переносилось на место *о* в *чьта* вместо *чьто*, ср. также *ща;* в род. падеже обычно *чеса* с *а*, заимствованным из склонения имен, вместо этого *чега* совершенно единично. Но, кроме того, известна в род. падеже и форма *шта, ща*, по-видимому, в результате смешения формы им.-вин. падежа с формой родительного; в дат. *чему* и *чесомоу;* в местн. *чемь*. В польском языке в им.-вин. является форма *co:* она восходит к čso; очевидно, эта форма род. падежа вытеснила древние формы им.-вин.; ср. написание czso в древнепольских памятниках; отмечу еще cz (č) на месте первоначального čь, например, в pocz, nacz, ocz, zacz, а также в nicz, которое, впрочем, может быть, следует читать как nic с заменой č через c под влиянием co; в род. находим czego, в дат. czemu, в местн. czem, в твор. czym.

Примеры из древнерусских памятников.

Местоимение *kъto:* къто, кого — род., кого — вин., комоу, Жит. Феод.; кому, Гр. 1265 (Р. Л. А.); а комоу раздаѭлъ волости братъ твои Алеѯандръ, Новг. гр. 1265, № 1; а кто почнеть вадити к тобе, томоу ти веръı не ѭти, Новг. гр. 1270, № 3; а кто купець тотъ въ сто, а кто смердъ а тотъ потѧгнеть въ свои погостъ, ib.; или: w̃ иного кого, Новг. гр. до 1301, № 4; а кто будеть давнъıхъ людии... тѣмъ тако и сѣдѣти, ib.; кто оу кого боудеть коупилъ знаѭть своѭго истьца, Новг. гр. до 1305, № 9; коуда комоу годно, Новг. гр. до 1305, № 10. Примера для *цѣмь* указать не могу; форма *цѣмь* рано вытеснена формой *kym'ь*. Замена произошла, вероятно, в виду несогласованности начального *c'* с *к* других падежей (*кем* явилось в позднейшую[1] эпоху, едва ли не под влиянием *тем*). Къмь, Жит. Феод.; кому с къмъ тѧжа, Полоцк. гр. 1265 (Р. Л. А.); с ки͡м, Коп. с Догов. 1368, № 28; пред кимъ, Молд. гр. 1400, № 12; пре͡д кимъ, с кимъ, Псков. судн. гр.; съ къмъ боудеть кралъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 58); къмь любо wбразомь, ib., 53.

Местоимение čьto: форму *чо* находим, например, в двинских грамотах: за все то чо ѭго, Дв. гр. XV в., № 86; за все то... чо ѭму доспеле оубытка, ib.; w земли w карпови о участъки чо кнѧжо-wстровчи купили подъ сѣ̄ту бц̃ю, Дв. гр. XV в., № 88; а чо ѭсми купилъ село, Дв. гр. XV в., № 117; в Ипат.: а чо ти бъ̄ дасть,

[1] В рукописи слово написано сокращенно: „поздн.". *(Ред.)*

150а; а чо ми... w҃далъ, 151г.; чьто, Жит. Феод.; а што боудеть моихъ селъ... тому буди судъ безъ перевода, Новг. гр. до 1301, № 4; а цто есть на бору колодазь солонои, а тъи колодазь... истьцистити, Дв. гр. XV в., № 99; а чего будеть искати мнѣ... а тому всему судъ дати, Новг. гр. до 1301, № 4. В твор. ед.—чимь, Догов. 1341, № 23, гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31), 1285—1315; чимь то, Гр. 1285 (Р. Л. А.); с чимъ, Домостр. Конш., 33; чимъ, Дух. Климента XIII в., Догов. 1428, № 43; етеромъ чимъ, Лавр.; чимъ есмь володѣлъ, Дв. гр. XV в., № 12; оуцастокъ і лъвѣща цимъ вълодъвалъ ігуменъ і его дѣти, Дв. гр. XV в., № 26. В местн. ед. — ни в чом, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 31); чемь, Жит. Феод.

Примеры из современного языка.

Твор. *ким,* о котором сказано выше, удерживался до сих пор в белорус. и укр. областях: хто, кого, кому, о кум, кым, Пинск. (Отв. № 2); никим, Могил. (Рамзевич); укр.—кто, кого, о кім, но—ким. Форма *чо* держится до сих пор: цё баять, цё баяць, Пудож. (Шахм.); чё, Васинька, Петроз. (Шахм.); чо, чо-шь ты молчишь, Новосил. (Тр. диал. ком.); чо или цо йно молчишь, Слобод. (Отв. № 120). Твор. *чим* (вместо чего в великорусском обычно *чем* под влиянием *тем*) держится в украинском *чим,* а также и в великорусских говорах: чим, Брянск. (Отв. № 259), чим тибе звать?, ib.; чим, зачим, Жиздр. (А. Никольский), в белорусском, например, Могил. (Рамзевич); чым, Быхов. (Отв. № 9).

Дополнительные замечания.

Местоимения kъto, čьto еще в общеславянском праязыке употреблялись также в соединении с частицей nѣ: nѣkъto, nѣčьto и с отрицанием ni: nikъto, ničьto; формы склонения те же, что и в самостоятельном употреблении этих местоимений. В старославянском отмечу нічьже, например в Син. пс. и в XIII Сл. Гр. Бог.; весьма обычно в памятниках русской редакции нічьсо вм. нічьто, например: иже аще кльнѣться цр҃квью нічсо же есть, Добрил. ев. (Собол.), нічсо же достойно съмьрти створено есть о немь, Типогр. ев., № 7 (Соболевский); не гыбнеть нічьсо же, Гал. ев. 1266—1301; нѣ бо нічсо же тако, Холмск. ев. XIII—XIV в. (Соболевский). Вероятно, такое словоупотребление восходит к старославянским оригиналам. В русских памятниках видим колебание *ничто же* и *ничего же,* например: а потомъ не надобѣ Левонтѣю... в томъ орудьи Смена Ночина ничего же, Дв. гр. XV в., № 88;

ни Савку, ни кнжоостровьчамъ не надобѣ... в томъ орудьи ничто же, ib. Еще примеры для *никто* и *ничто*: твор.—никимь, Дух. 1328, № 21 (вместо ожидаемого *ницѣмь*, ср. выше *кымь* вм. *цѣмь*); ни соудомь ни чим же, Новг. гр. 1270, № 3.

Ко второй категории относятся две основы, представляющиеся сложениями только что рассмотренных основ ko- и čь- с основой местоимения 3-го лица *jo-*; основа koję- имеет вопросительно-определительное значение, а основа čьję- вопросительно-притяжательное значение.

Склонение koję- вряд ли дошло до нас в первоначальном виде; первоначально при образовании всех вообще падежных форм ko- оставалось без изменения, склонялась же только вторая часть сложения. Но позже ko- сохранилось без изменения почти только там, где поддерживалось влиянием форм склонения местоимения kъto (ko-ho, ko-mu, ko-mь) и местоимения tъ (например, toѣ, toi, toję, toiu и т. д.); там, где вместо ko-, to- являлось cѣ-, tѣ- (например, cѣmь, tѣxъ, tѣmi и др.), в склонении основы koję- в первой части ее вместо ko- явилось ky-, заимствованное, по-видимому, из формы сложного склонения прилагательных. В им. ед. м. рода находим kъ̀ļ, причем *-ъ* вместо *-o* заимствуется из формы kъto; в им. ж. р. является kaja вместо и при koja, ср. ta; в им. м. дв. kaja, ср. ta; в им. ж. и ср. дв. cѣji, ср. tѣ; в им. мн. ciji, ср. ti; в им. м. ср. kaja, ср. ta; в им.-вин. мн. ж. kyjѣ, ср. ty; в вин. ж. ед. kǫję при koję, ср. tǫ.

Приведу формы склонения основы koję- в древнерусском, отмечая курсивом новообразования.

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И.	*kъ̀i*	kòje	kòja, *kàja*
	Р.	kòjeho	—	kòjejѣ
	Д.	kòjemu	—	kòjei
	В.	*kъ̀i*, kòjeho	kòje	kòju, *kàju*
	Т.	*kyjim'ь*, kòjim'ь	—	kòjeju
	М.	kòjem'ь	—	kòjei
Мн.	И.	kòji (*ciji*)	*kàja*	*kỳjь*
	Р.	kòjixъ, *kỳjixъ*	—	—
	Д.	kòjimъ, *kỳjimъ*	—	—
	В.	kòjѣ, *kỳjь*	*kàja*	*kỳjь*
	Т.	kòjim'i, *kỳjim'i*	—	—
	М.	kòjixъ, *kỳjixъ*	—	—

Дв. И.	*kài̯a*	*cь̀i̯i*	*cь̀i̯i*
Р. М.	kòi̯ei̯u	—	—
Д. Т.	*kỳjima*	—	—

В старославянских памятниках господствуют новообразования, однако, при кыихъ в род. мн. встречается и коихъ, Зогр. ев. В др.-сербском находим в им. ед.: никои, некои, нѣкои, њекоји, никоији, никоире, что свидетельствует и об общеславянском им. ед. koi.

Приведу примеры из древнерусских памятников, указывая также ниже формы от сложных *никъіи* и *нѣкъіи*.

Им. ед. ж. р.: коя, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 52); посемъı нивъı коѧ вошла к нему, Данная до 1417 (С. М., № 26); коѧ земля, Тр. сп. Новг. 1-й, 68 в; улицой коя от Волкова къ Пятницѣ и на Хлѣбную горку дорога, Гр. 1593 (А. Ю., № 159); кое ваши златъıи шеломъı (=на что), Сл. о п. Иг., 33. Вин. ед. ж. р.: в кою пору, Послов. XVII в. (Симони, 107); на кою грамоту, Гр. 1439 (А. Калач., I, № 31); кою землю, Гр. 1470—1471 (XVI в., А. А. Э., I, № 87); на кою землю, Ипат., 55 в. Им. мн. м. р.: ти же, кои в закладнои именъı лежать грамоти, Дв. гр. XV в., № 99; кои, Новг. 1456 (XVI в., А. А. Э., I, № 58). Род.-вин. мн.: а коихъ Новгородцовъ... привелѣ к цѣлованью, Новг. гр. 1373, № 17; коихъ, Новг. гр. 1456 (А. А. Э., I, № 58). Местн. мн.: на коихъ грамотъı поималъ, Новг. гр. 1373, № 17. Отмечу им.-вин. *кои*: это великорусское изменение общерусского kѣi: а кои долже, Хожд. Аф. Ник. XV в.: горо кои хощеши, Ермол., 390 б.

Нѣкъıи, нѣкоѥмоу, нѣкоѥѧ, нѣкоую, нѣкоѥ, нѣкоѥго, нѣкъıихъ, Жит. Феод.; никоѥѧ, никоѥи, ib.; никоею хитростью, Новг. гр. 1471, № 20. Любопытно *на нѣцѣхъ мѣсте*, Ипат., 16а; это, очевидно, новообразование, под влиянием *тѣхъ*.

В современном языке: коево́ дни, Никол. (Отв. № 271); кое что, на кой чорт, от коих и др; укр. угрорус.—кый дідько, кый пропасник (Верхр. I); отмечу возможность образования некоторых форм под влиянием указательного *тъ*: koi̯ѣ вм. koïeïѣ в род. ж. р.: никоѧ же, Гал. ев. 1144, 195 а, 218 в; помощи никоѥ же, Лет. Авр.; ср. ниже *моѣ* вместо *моюѣ* в родительном (единственного).

Основа čь̀i̯o- склоняется так же, как основа местоимения 3-го лица *i̯o-*. Приведу ее склонение в древнерусском.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	čь̀i	čь̂jà	čь̂jà
Р.	čь̂jòhò	—	čь̂jeį̀ѣ
Д.	čь̂jòmù	—	čь̂jeį̀
В.	čь̂i, čь̂jòhò	čь̂jà	čь̂jù
Т.	čь̂jim'ь	—	čь̂jèįu
М.	čь̂jèm'ь	—	čь̂jeį̀
Дв. И. В.	čь̂jà	čь̂ji	čь̂ji
Р. М.	čь̂jèįu	—	—
Д. Т.	čь̂jima	—	—
Мн. И.	čь̂ji	čь̂jà	čь̂jѣ̀
Р.	čь̂jixъ	—	—
Д.	čь̂jimъ	—	—
В.	čь̂jѣ̀	čь̂jà	čь̂jѣ̀
Т.	čь̂jim'i	—	—
М.	čь̂jixъ	—	—

Так же склоняется это притяжательно-вопросительное местоимение в старославянских памятниках: ѵнн, ѵнѣго, ѵнѣмоу и т. д.

Примеры из древнерусских памятников.

В чиѣмь любо родѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 56); чии се городокъ, Лавр.; чии се городъ, Ипат., 9 а; чьи судьи (им. мн.), Коп. с Догов. 1368, № 28; чиа то земла, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); чью дочерь, Ипат., 229 в; то како любо тѣмъ, чье то коунъı, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47); конь чии любо (вин.) Русск. Пр. (ib., 49); чиею моцею, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский). Из современного языка: русск. — чей, чья, чьё; цья, Красноуф. (Отв. № 137); чьих ты, Шадр. (Зырянов, Отв. № 140).

Об остальных вопросительно-относительных местоимениях можно сказать кратко: *kákъ*, *káko*, *kaká*, *nikakъ*, *nъkakъ*, *kakovъ*, *a*, *o* склоняются, как *tъ* (указательное): кака заповѣдь ваша, Лавр.; каку любовь имѣють Грьци с Русью, каци не суть таци, каци суть поставлени слезами, Лавр.; кацѣмъ инымъ съсудо$^{\widehat{м}}$, Ипат., 20 в; вин. ед. жен. р.: нѣкаку, Жит. Феод.; а wже са сопру$^{\widehat{т}}$ w каковѣ дѣлѣ, Новг. гр. 1471, № 20. Рядом находим формы, образованные по сложному склонению прилагательных: какъıи то бъ сѣда безднѣ, Лавр.; о каки^{х} wбинъı$^{\widehat{д}}$ дѣле^{х}, Новг. гр. 1471, № 20.

Хотя *kakovъ, a, o*, склоняются обычно по именному склонению [ср.: а складника гн҃е въ тои земли не бывало никакова, Гр. 1536 (Бел., № 9)], но рядом известны формы и по местоименному склонению: *каковому, о каковом дѣлѣ, о каковых, с каковым* вместо первоначальных *каковѣхъ, каковѣмь*.

Kotorъ̣i, kotoraı̯a, kotoroı̯e склоняется только по сложному склонению прилагательных: аще которъıи братъ, Лавр.; вда҃ти которои ти городъ любъ, Лавр.; котораѩ дѣла, Догов. 1389, № 35; которъıи (им. мн.), Гр. ок. 1130; а котораѩ села покуплена, Новг. гр. 1368—1371; или оу которого боѩрина, Новг. гр. 1314, № 12; а кто которъıе земли (род. ед.) запрѿсѧ, Новг. гр. 1471, № 20; а которъıѣ деревни (вин. мн.), Дух. 1389, № 14; а не ѿступити въı еѧ мене ни в которое же веремѧ, Новг. гр. до 1301, № 4; котории (им. мн.), Полоцк. гр. ок. 1285. Форму koterъ̣i̯ отмечу в Гр. 1229 (Д); форму *котрый* — в лемк., угрорус.

Kolikъ, a, o (рядом *kolьka, kolьko*) склоняется, как *тъ*; ср.: нѣко лицѣхъ, Жит. Феод. Но известно также употребление ср. рода *koliko* (*kolьko*) как существительного; ср. *поскольку*; повѣжьте нъı колько васъ, Лавр.; взѧти ѥмоу коунъı колико боудеть далъ по исправѣ, Новг. гр. до 1308, № 6; коунъı ѥмоу взѧти оу Новагорода, колько боудеть далъ, Новг. гр. до 1327, № 15.

4. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ

Эти местоимения по значению своему тесно примыкают к прилагательным притяжательным, ибо отвечают так же, как они, на вопрос „чей?“ Но связь их с личными местоимениями делает необходимым отнесение их к местоимениям; да и склоняются они как местоимения, в противоположность притяжательным прилагательным, склоняющимся только по именному склонению. Притяжательные местоимения представляют основы mojo- для 1-го лица единственного, tvoio- для 2-го лица ед., svoio- для возвратного местоимения, относящегося ко всем числам и лицам, našo- для 1-го лица мн., vašo- для 2-го лица мн. Быть может, суффиксальную часть *-i̯o-* можно отождествить с основой местоимения 3-го лица, которое таким образом присоединялось к основам mo-, tvo-, svo-, nas-, vas-. Склоняются притяжательные местоимения так же, как основа *jo*, следовательно, представляют в одних падежах основу необосложненную, а в других основу, обосложненную через *i̯* (moi̯oi̯- дало затем moi̯ei̯-, moi̯i-; našoi̯- дало našei̯-, naši).

Образцы склонения в древнерусском.

	Мужеский род	Средний род
Ед. И.	mòi̯, nàšь	moi̯è, nàšó
Р.	moi̯ehò, nàšóho	— —
Д.	moi̯emù, nàšómu	— —
В.	mòi̯, moi̯ehò, nàšь, nàšóho	moi̯è, nàšó
Т.	moi̯ìm'ь, nàšim'ь	— —
М.	moi̯èm'ь, nàšem'ь	— —
Дв. И. В.	moi̯à, nàša,	moi̯i̯, nàši
Р. М.	moi̯èi̯ù, nàšei̯u	— —
Д. Т.	moi̯ìma, nàšima	— —
Мн. И.	moi̯i̯, nàši	moi̯à, nàša
Р.	moi̯ìxъ, nàšixъ	— —
Д.	moi̯ìmъ, nàšimъ	— —
В.	moi̯ѝѣ, nàšѣ	moi̯à, nàša
Т.	moi̯ìm'i, nàšim'i	— —
М.	moi̯ìxъ, nàšixъ	— —

Женский род

Ед. И.	moi̯à, nàša	Мн. И.	moi̯ѣ, nàšѣ
Р.	moi̯ei̯ѝѣ, nàšei̯ѣ	Р.	moi̯ìxъ, nàšixъ
Д.	moi̯ei̯, nàšei̯	Д.	moi̯ìmъ, nàšimъ
В.	moi̯ù, nàšu	В.	moi̯ѝѣ, nàšѣ
Т.	moi̯èi̯u, nàšei̯u	Т.	moi̯ìm'i, nàšim'i
М.	moi̯ei̯, nàšei̯	М.	moi̯ìxъ, nàšixъ
Дв. И. В.	moi̯i̯, nàši		
Р. М.	moi̯èi̯u, nàšei̯u		
Д. Т.	moi̯ìma, nášima		

Так же вообще склоняются эти местоимения в старославянских памятниках.

Примеры из древнерусских памятников.

Мои, моѥ, моѥ, Жит. Феод.; вин. дв. ср.—мои; твор. дв. ср.—моима, Жит. Феод.; моихъ слугъ, Новг. гр. до 1301, № 4; моѥ села, Дух. 1371, № 30; вин. мн.—моѣ дѣти, Гр. ок. 1130; род. ед.—моеѣ, Гр. 1445—1462 (А. Калач., I, № 37); моѥе, Дух. 1328, № 21; моее, Догов. 1371, № 29; w роукоу моею, Ипат., 258 а; просбы моєв, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); о моя съновчя (дв.), Сл. о п. Иг., 26.

Род. ж. — твоее, Догов. 1371, № 29; о твоее трети, Догов. 1388, № 33; паче браи твоеѥ, Лавр.; вин. мн. ср.: твоѩ, Жит. Феод.; а пожнѣ что твоѥ (им. ед.) и твоихъ моужь пошло, то твоѥ и твоихъ моужь, Новг. гр. до 1305, № 9; при дѣдѣ твоѥмь, Новг. гр. до 1308, № 6.

Своя мати, своя княгини, Догов. 1389, № 35; о своеѣ вотчины, Догов. 1405, № 38; своеѣ, Ипат., 115 а; вин. дв.—меча своѩ, Новг. 1-я, 178; вин. мн.—дѣти своѣ, Полоцк. гр. 1285; местн. дв. ср.—своѥю, Жит. Феод.; дш҃ѣ своеѣ, Лавр.; а своее пагубы не вѣдуче, Лавр.; вин. мн. — мечѣ своѣ, ib.; исполчи воѣ своѣ, ib.; своѣ, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31); не держати (ти) своими моужи, Новг. гр. 1265, № 1; тебѣ потѧнути за Новъгородъ съ братомь своимь, Новг. гр. до 1301, № 5; како боудешь... оу своихъ моужь, Новг. гр. до 1305, № 11; пишю рукописанье при своѥмь животѣ, Дв. гр. XV в., № 6; пишю рукописанье при своемь животи своимъ цѣлъмъ оумомъ, Дв. гр. XV в., № 117; поскотина оу нихъ своѧ и тѧгло оу нихъ свое, Дв. гр. XV в., № 81; или wроудиѧ своѩ дѣи, Русск. Пр. (Р. Д., I, 48); нашь ѥси братъ кнѧжьwстровець, Дв. гр. XV в., № 87; братию нашю, Новг. гр. до 1305, № 11; твор. ед. м., — нашимь Жит. Феод.; прї нашихъ, послѣхъ, Новг. гр. 1265, № 1; из нашеѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., (I, № 63); в нашо нелюбье, Догов. 1440, № 60.

Ваша — им. мн. ср., Жит. Феод.; виноградъı вашѣ... истрохъ, Лавр.

Примеры из современного языка.

Им. мн.: мајý, твајý, Касим. (Отв. № 47); укр.—мій, мойóго, моєму, моїм, моя, моєї, моєю; им. мн. ж.—мої, моїх, моїми; наш, нашого, наша и т. д.

Дополнительные замечания.

Отмечу возможность образования некоторых форм по сложному склонению прилагательных. Уже в Жит. Феод.: дш҃ъ нашиихъ; по своимъ отцѣ, Гр. около половины XV в. (А. Ю., № 120); w стрыи своимъ, Ипат., 305 б. Особенно часты подобные образования в род. ж. р.; *моиѣ* вместо *моеѣ* под влиянием *синиѣ*, *добрыѣ*, *тыѣ*: моие грамотъı, Гр. 1447 (С. М., № 40); моие, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 30); съ твоіе съ данъıе, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); из своиѥ волости, Погод. сп. Псков. 1-й лет.; своие братие, своие братье, Рижск. гр. ок. 1300; оу своие женъı, Гр. 1229 (С), твоие правдъı, Коп. с Догов. 1368, № 28; вашиѣ вотчинъı, Коп. с До-

гов. 1381, № 82; нашимъ, Указ., ев. чт. XIII в., л. 251в.; радости вашимъ, Ев. 1339; нашие правдъ, Коп. с Догов. 1368, № 28. Ср. в современном языке: наший, нашую, ваший, Петроз. (Рыбников); нашый, вашый, ая, ое, Слуцк. (Отв. № 7), нашій, вашій, Пинск. (Отв. № 1).

5. СКЛОНЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Рассмотрим отдельно склонение местоимений *tъ* (для безотносительного вообще указания), *onъ*, *ovъ* (для указания на более отдаленные предметы), с одной стороны, и *sь* (для указания на ближайшие предметы), с другой стороны.

В склонении *tъ*, *onъ*, *ovъ* чередуются две первоначальные основы: to-, ta- — для образования им. и вин. падежей всех трех родов и чисел, а также падежей дат., местн. и род. м. и ср. рода; toi- — для образования всех прочих падежей. Согласно с тем, что было указано выше, в дат., местн. и род. м. и ср. рода падежные окончания начинались некогда со звука *s*, исчезнувшего в силу нефонетических причин: tomu, tomь, too (откуда toho) из tosmu, tosmь, toso.

а) Склонение местоимения *tъ*

Привожу как образец склонение местоимения *tъ*

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И.	tъ	to	ta
	Р.	tohò	—	toi̯ѣ
	Д.	tomù	—	toi̯
	В.	tъ, tohò	to	tu
	Т.	t'ѣm'ь	—	tòi̯u
	М.	tòmь	—	tòi̯
Дв.	И. В.	ta	t'ѣ	t'ѣ
	Р. Д.	tòi̯u	—	—
	Т. М.	t'ѣma	—	—
Мн.	И.	t'i	ta	ty
	Р.	t'ѣxъ	—	—
	Д.	t'ѣmъ	—	—
	В.	ty	ta	ty
	Т.	t'ѣm'i	—	—
	М.	t'ѣxъ	—	—

В старославянском языке те же формы склонения.

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. ед.: в то (вм. тъ) чинъ, Ипат., 190 г; тъ, Гр. ок. 1130; рабъ то, Добрил. ев., 149а; тъ, того, тѣмь, томь, Лавр.; а иже чтеть книгы сиѫ то буди ми в мл҃твахъ, Лавр.; и созда столпъ то, ib.; то, Ипат., 77в; то же звонъ слъıша, Сл. о п. Иг., 15. Отмечу постпозицию: wтрокотъ, холмотъ, Лавр., и т. д.; аче кдѣ налѣзѣть оударенъıи тъ своѥго истьча, Русск. Пр. (Р. Д., I, 50).

Средн. род ед.: тѣмъ, Дв. гр. XV в., № 86; въ томь кн҃зю измѣнъı не оучинити, Новг. гр. 1314, № 12; того ти сѧ w҃ступити, Новг. гр. 1270, № 3; то, им.-вин. Жит. Феод.

Жен. р. ед.: та земля, Дв. гр. XV в., № 15; противу тое (земли), Дв. гр. XV в., № 7; та, тоу, тои (дат.), тои (местн.), Лавр.; тоѣ ночи 1620 (Письма русск. госуд., № 73); тоѣ же любви, Гр. ок. 1300 (Р. Л. А.); тоѣ нощи, Ермол., 32 об.; тое ночи, Лавр., 281; в ту дватцать лѣтъ, Гр. 1462—1464 (XVI в., А. Калач., I, № 103); тоу грамотоу, Новг. гр. 1270, № 3; тое зимъı, Дв. гр. XV в., № 15; на тои земли, ib.

Дв. ч.: въ та дн҃и, Жит. Феод.; тою зломъıсльною кн҃зю, Новг. 1-я, 178.

Мн. ч.: ти доконали и осудили, Гр. гал. 1401; ти поидоуть, Новг. гр. до 1305, № 10; ти словѣне, Лавр.; в та мѣста, Догов. 1405, № 38, Догов. 1371, № 29; тъı (вин. мн.), Новг. 1-я, 126; а тъı волости (вин.), Новг. гр. 1265, № 2; тъı грамотъı (вин.), Новг. гр. 1270, № 3; по та знамена, Гр. гал. 1491; городъı тъı, Лавр. 311; а тѣхъ (вин. мн.) кнѧже въıдавати, Новг. гр. до 1305, № 10; в тѣхъ селѣхъ, Новг. гр. 1368—1371, № 16; съ тѣми селъı, Дух. 1389, № 34; тѣм, тѣх, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); къ тъı рати, Сл. о п. Иг., 17.

Уже в общерусскую эпоху вместо *tъ* являлась в им. падеже удвоенная форма *tъtъ;* тотъ, Ипат., 126г, 70в; тотъ же, ib., 110в; тотъ ча҃, ib., 78а; тот мѧ враже оулови, Лавр.; хто коупець тотъ въ сто, а кто смердъ а тотъ потѧгнеть въ свои погостъ, Новг. гр. 1270, № 3; за тотъ ручаи, Дв. гр. XV в., № 84; тотъ, Палея 1494 (Карский); то҃, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский).

Примеры из современного языка.

Род.: таé, Жиздр. (Никольский). Слуцк. (Отв. № 5); укр. — тої; вин.: ту (великорус., укр.); твор.: тою (укр.); местн.: том (великорус.), тім (укр.); твор.: тем (великорус.); дат.: той (великорус.), тій (укр.) и т. д.; тот (великорус. и укр.); здесь также: тотá, тото.

Дальнейшие замечания.

Вместо *tъ* рано явилось *tъi* с *ъ* ненапряженным (ср. сербск. *maj* с *a* из *ъ*); отсюда укр. *той*; ср.: на тои рокъ, Галицк. гр. 1401; тои, Новг. 1-я, 43, Ипат., 70б; тои же, ib., 222а; в тои бо дн҃ь, ib., 228а; тъи, Рижск. гр. ок. 1300; тъи колодазь, Дв. гр. XV в., № 99; tъi, быть может, под влиянием moi и т. п.

Весьма рано, по-видимому еще в общерусскую эпоху, *tъ* стало изменяться и по сложному склонению прилагательных: им. ед. tъi, taja, taje. Приведу примеры из памятников. Им.-вин. ед.: тъи, Ипат., 70б, 175б; тъи же, ib., 166б; тая земля, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); тая звезда, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); тую, ib.; тая дѣла, Виленск. сп. Западнорус. лет.; тую землю, тое дворище, Вкладн. кн. Анофрия; тую десятину, Луцк. гр. 1487; тоую же, Новгор. 1-я, 154; тую, Гр. 1285 (Р. Л. А.), Гр. 1264 (ib.); тую, тая, Рижск. гр. ок. 1300; жена таѩ, Палея 1494 (Каринский); тоую, ib.; тое далъ есмь, Ипат., 299б; тоѥ радъ учиню, Луцк. гр. 1386; на тую землю, Дв. гр. XV в., № 15; а кто коупилъ а тъи знаѥть своѥго истьца, Новг. гр. до 1308, № 6; твор. ед. ср.: тъмъ, Дв. гр. XV в., № 86; тъмъ владѣти, Дв. гр. XV в., № 16; тъмъ то листомъ, Молд. гр. 1435, № 46; тъмже болото^{м}, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); с тъмь полемь, Гал. гр. 1386; р. мн.: тъихъ, Полоцк. гр. ок. 1265; от тъихъ мѣстъ, Северск. гр. 1388; им. мн.: тіи, Сл. о п. Иг., 27; тии, Палея 1494 (Каринский); тии людье, Рижск. гр. ок. 1300, вин. мн.: тъе, ib.; тъи, Новг. гр. 1456 (XVI, А. А. Э., I, № 58); за тъи землѣ, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); тъѩ, Жит. Феод. Еще: тъихъ, Полоцк. гр. ок. 1265; с тъихъ порука, Новг. гр. 1372, № 13; с тъихъ... цѣлованьѥ снялъ, Новг. гр. 1373, № 17; на тъихъ, Догов. 1362, № 27; тъмъ, тъми, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); къ тъмъ свободамъ, Новг. гр. до 1308, № 6; тъихъ земель, Дв. гр. XV в., № 77; ѡ тъихъ землахъ, ib. Форму, как *тойе же зимы*, Ипат., 234б, если это не описка, можно бы сравнить с отмеченными выше *моие* (*моиⷮ*) вместо *моеⷮ* при *моⷮ* в род.: *моⷮ* при *моиⷮ* вызывало при *тоⷮ — тоиⷮ* (ср. засвидетельствованное укр. *тоєї*). В современном языке находим: тыи, тые, тым, тых, тими, Крестецк. (Отв. № 160); тым местом, Кинеш. (№ 250); тоё (вместо — то), Слобод. (№ 222), Меленк. (№ 247); тую, Петергоф. (Отв. № 5); тую бабу, Петроз. (Отв. № 30); тая, тое, тыи (им. мн.), Великолуцк. (Отв. № 45); тыё-то нет, Орл.-Вят. (Отв. № 42);

с тыё недели, Макар. (Отв. № 56); тые (им. мн.), Шенк. (Отв. № 235); с тыё стороны, Никол. (Отв. № 266); тыé, Жиздр. (Никольский); тый и тэй (им.), Могил. (Рамзевич); тыé (р.), тáя, тыя, тóя (мн.), ib.; тыé и ты́я (р.), Слуцк. (Отв. № 5); укр.—тую, тая; тоё (вместо — то), Петроз. (Отв. № 30); тыим (дат. мн.), Белоз. (Отв. № 162); тых и тыих, с тым и с тыим, к тым, Гдов. (Отв. № 11); укр. — тих, тим, тими, тих. Образования, как вин. — тою, Великоуст. (Отв. № 199), тв. — с тоéю рѣкою, Киевск. гр. 1459; таéю, Слуцк. (Отв. № 5); род. — тоей, Минск. (Отв. № 23); таею дарогаю, Пинск. (Отв. № 1); tajeju rukoju, Волков. (Federowski, I, 43); на тоей речьца (Бессонов, 18, 25); укр. — тоєю, род. — тоєї, местн. — тоём, Устюжн. (Отв. № 28), — вызваны, по-видимому, влиянием склонения *твой, мой, свой*: ср. сказанное выше об им. *той*, а также о древнерусской форме род. жен. *тоие*.

В сложении с указательною частицей *е* (из *he*, ср. белорус. *гэ*) *тъ* образует местоимение, служащее для ближайшего указания: великорус. — *этот, эта, это*, белорус. — *гетый*. И здесь *тъ* может склоняться по сложному склонению прилагательных: этая, этую, Петергоф. (Отв. № 5); этую, Гдов. (Отв. № 11); этая, этую, этых, этым, Новг. (Отв. № 20); с другим ударением: этáя, этую́, Верхотур. (Отв. № 51). Замечу здесь, что некогда указательная частица *е* (he) сознавалась как нечто отдельное, самостоятельное от следующего затем местоимения; вследствие этого предлоги повторялись и перед названной частицей и перед местоимением: vъ e vъ to, na e na tomь, sъ e sъ tѣmь; остатками такого словоупотребления являются наши речения, как *в эвто дело, на энтом месте, с эстим человеком*; ср.: в эвтом, на энтом, с эстава, к эхтому, Влад. (Бодров, Обл. сл., 15); с э́стова, Богородск. (Чернышев.); в эфто время, в эфтых, с эстоγо, к эхтым, Повен. (Шахм.); з естыми з братымы, Рогач. (Ром., III, 228), з естаго запячку, Рогач. (Ром., III, 291); з гэстым, Могил. (Отв. № 4); з гэстых яблокох, Быхов. (Ром., III, 216); отсюда извлекаются и самостоятельные, не зависимые от предшествующего предлога, формы: *эвтот, энтот*; ср.: с ентым, Мещов. (Шахм.); эфтот, энтот, Горбат. (Обл. сл., 105); йетот, йевтот, йентот, Медын. (Обл. сл. 70); энтот, Красноуф. (Отв. № 154); ефта курица, Костр. (Отв. № 264); эфти, Слобод. (Отв. № 53); эфтот, Холмск. (Отв. № 54); эфтова, Богородск. (В. Черныш.); энта, из эстава, Егорьев. (В. Черныш.).

б) Склонение местоимений *опъ, ovъ, takъ, sicь*

Как *tъ*, склоняются *опъ, ovъ*. Об употреблении форм им. падежа от *опъ* в значении местоимений 3-го лица сказано выше. Примеры склонения: овъ, ова (вин. мн. ср.), ѡвъı (вин. мн. м.), овѣмъ (дат. мн. м.), Жит. Феод.; ѡвому Полотескъ, ѡвому Ростовъ, Лавр. (дат. и ср.); ѡви бо попове (им. мн.), Лавр.; ѡвѣхъ растинаху (р. мн.), ib.; нача даѩти ѡвѣмъ корзна (дат. мн.), ib. По сложному склонению прилагательных: ѡвыхъ изби, Лавр. Современный язык не знает уже этого местоимения.— Род. м.— оного, дат. м. — оному, твор. м. — ономь, дат. — онои, дат. мн. — ѡнѣмъ, вин. мн. — онъı, местн. мн. — онѣхъ, дат. дв. — онѣма, Жит. Феод.; ѡнѣ двѣ части въземъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54): ѡбону страну, Лавр.; роптаньѩ ѡнѣхъ ра$^{\hat{д}}$, Лавр.; к онѣмъ, ib.; об оноу страноу Окѣ, Новг. 1-я, 146; онемъ сѧ прашати, Гр. ок. 1240. Современный язык не знает и этого местоимения: оно сохранилось, например, в выражении *ономéдни* из *ономь дьне:* ономедни, например., Слобод. (Отв. № 222), Кадник. (Обл. сл., 30), Шенк. (Плечев); *ономядни,* Белоз. (Отв. № 182); *ономяднесь*, Кирилл. (Отв. № 215) явилось под влиянием *сядни, посядни*; при *ономьдьне*, откуда *ономедне*, существовало и новое сложение *ономдне* (возникшее после падения глухих); отсюда, например, *ономнéся*, Чердын. (Обл. сл., 138 — 139).

Как *tъ*, склоняется и *takъ*: таку же любовь, Ипат., 13в; селъ тацѣхъ, Лавр., 440; такого, Жит. Феод.

Указательное *sicь* (из *sikъ*) склоняется так же, с соответствующими изменениями звуков в окончаниях: ср. род. sice, твор.—sicimь, вин. мн.—sicѣ, род. мн. — sicixъ и т. д.: сицими гл҃ъı, Жит. Бор. и Гл. XV в.; сицими, Жит. Феод.; при — сицѣми, ib.; сицѣхъ, Сб. 1073, 15 в (при — сициихъ, ib.).

tolikъ склоняется, как *tъ*; равным образом *takovъ, sicevъ, s'akovъ*: ѡ сѧковехъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 16г; сицева, сицево, Жит. Феод.; таковъ, Жит. Феод., въ таковѣ дѣлѣ, Гр. 1561 (А. Ю., № 23).

в) Склонение местоимения *sь*

Местоимение *sь* в своем склонении образует падежные формы от нескольких основ. Во-первых, от основы sĭ-: от нее образуются им.-вин. м. рода, им. мн. м. р.— si, им. ед. ж. р.—si, им.-вин. ср. р. мн.— si. Во-вторых, от основы se-: se, seho (а это из seo, seso с нефо-

нетическим выпадением *s*), semu, semь. В-третьих, от обосложненной основы seį-, откуда перед согласными si: simь, seįu, sima, sixъ, simъ, simi, sixъ, seįѣ̀ (род. ед.), seį̀ (дат. и местн. ед.), ср. в склонении местоимения *tъ* производство соответствующих форм от основы toį (перед согласными tѣ). В-четвертых, от основы sь̂jo-, sь̂jā-: им. дв. — sь̂ja, им. мн. — sь̂ji, вин. мн. — sь̂jѣ̀, им. дв. ср. и ж. — sь̂ji, вин. ж. — sь̂jǫ, им. вин. мн. — sь̂jѣ̀. Взаимное отношение этих основ не ясно; возможно, что se-, si- по происхождению своему восходят к sįo-, sįoį-, причем фонетически надо бы ожидать še-, šį-, но *š* заменено через *s* под влиянием форм от основ sĭ- и sь̂jo-.

Приведу формы склонения местоимения *sь* в древнерусском языке.

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И.	s'ь	s'ö	s'i
	Р.	s'öhò	—	s'eįѣ̀
	Д.	s'ömù	—	s'eį̀
	В.	s'ь, s'öhò	s'ö	s'ь̂jù
	Т.	s'ìm'ь	—	s'èįu
	М.	s'èm'ь	—	s'eį̀
Дв.	И. В.	s'ь̂jà	s'ь̂jì	s'ь̂jì
	Р. М.	s'eiù	—	—
	Д. Т.	s'ìma	—	—
Мн.	И.	s'i, s'ь̂jì	s'i	s'ь̂jѣ̀
	Р.	s'ìxъ	—	—
	Д.	s'ìmъ	—	—
	В.	s'ь̂jѣ̀	s'i	s'ь̂jѣ̀
	Т.	s'ìm'i	—	—
	М.	s'ìxъ	—	—

В старославянских памятниках находим эти самые формы. В др.-сербск.: сь, сьь, са; ср. род.—се (и сиѥ); ж. р. — си (и сиꙗ); род.—сега (и сиѥга); род. ж.—сеј (и сиѥ); дат.—семоу (и сиѥмоу); дат. ж.—сѣи (и сиѥи); вин. ж.—сию и су; твор. — симь; твор. ж.—сиѭмь; местн. — семь (и сиѥмь); им. мн. ср. — си, са (и сиꙗ); вин. мн. м. — сиѥ и се; вин. мн. ж. — си; им.-вин. ср. — си, сиꙗ. В польском языке это местоимение сохранилось только в постпозиции, в выражениях, как dzis', latos', но в древнем языке находим siego; им. мн. — sie trzéj krolowie, do sich miast и некоторые другие.

Примеры из древнерусских памятников.

М. р. ед.: до сего дн҃е, Ипат. 33а; се же король, ib., 287б; родъ се, Добрил. ев., 151с, 202а; се же Ѡлегъ, Ипат., 9г; сь ми есть

б) Склонение местоимений *опъ, ovъ, takъ, sicь*

Как *tъ*, склоняются *опъ, ovъ*. Об употреблении форм им. падежа от *опъ* в значении местоимений 3-го лица сказано выше. Примеры склонения: овъ, ова (вин. мн. ср.), ѡвъı (вин. мн. м.), овѣмъ (дат. мн. м.), Жит. Феод.; ѡвому Полотескъ, ѡвому Ростовъ, Лавр. (дат. и ср.); ѡви бо попове (им. мн.), Лавр.; ѡвѣхъ растинаху (р. мн.), ib.; нача даѩти ѡвѣмъ корзна (дат. мн.), ib. По сложному склонению прилагательных: ѡвыхъ изби, Лавр. Современный язык не знает уже этого местоимения.— Род. м.— оного, дат. м. — оному, твор. м. — ономь, дат. — онои, дат. мн. — ѡнѣмъ, вин. мн. — онъı, местн. мн. — онѣхъ, дат. дв. — онѣма, Жит. Феод.; ѡнѣ двѣ части въземъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54): ѡбону страну, Лавр.; роптаньѩ ѡнѣхъ ра$^{\hat{д}}$, Лавр.; к онѣмъ, ib.; об оноу страноу Окѣ, Новг. 1-я, 146; онемъ сѧ прашати, Гр. ок. 1240. Современный язык не знает и этого местоимения: оно сохранилось, например, в выражении *ономéдни* из *ономь дьне:* ономедни, например., Слобод. (Отв. № 222), Кадник. (Обл. сл., 30), Шенк. (Плечев); *ономядни*, Белоз. (Отв. № 182); *ономяднесь*, Кирилл. (Отв. № 215) явилось под влиянием *сядни, посядни*; при *ономьдьне*, откуда *ономедне*, существовало и новое сложение *ономдне* (возникшее после падения глухих); отсюда, например, *ономнéся*, Чердын. (Обл. сл., 138 — 139).

Как *tъ*, склоняется и *takъ*: таку же любовь, Ипат., 13в; селъ тацѣхъ, Лавр., 440; такого, Жит. Феод.

Указательное *sicь* (из *sikъ*) склоняется так же, с соответствующими изменениями звуков в окончаниях: ср. род. sice, твор.—sicimь, вин. мн.—sicѣ, род. мн. — sicixъ и т. д.: сицими гл҃ъı, Жит. Бор. и Гл. XV в.; сицими, Жит. Феод.; при — сицѣми, ib.; сицѣхъ, Сб. 1073, 15 в (при — сициихъ, ib.).

tolikъ склоняется, как *tъ*; равным образом *takovъ, sicevъ, s'akovъ*: ѡ сѧковехъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 16г; сицева, сицево, Жит. Феод.; таковъ, Жит. Феод., въ таковѣ дѣлѣ, Гр. 1561 (А. Ю., № 23).

в) Склонение местоимения *sь*

Местоимение *sь* в своем склонении образует падежные формы от нескольких основ. Во-первых, от основы sĭ-: от нее образуются им.-вин. м. рода, им. мн. м. р.— si, им. ед. ж. р.—si, им.-вин. ср. р. мн.— si. Во-вторых, от основы se-: se, seho (а это из seo, seso с нефо-

нетическим выпадением *s*), semu, semь. В-третьих, от обосложненной основы seį-, откуда перед согласными si: simь, seju, sima, sixъ, simъ, simi, sixъ, seįѣ (род. ед.), seį (дат. и местн. ед.), ср. в склонении местоимения *tъ* производство соответствующих форм от основы toį (перед согласными tѣ). В-четвертых, от основы sь̂jo-, sь̂jā-: им. дв. — sь̂ja, им. мн. — sь̂ji, вин. мн. — sь̂jѣ, им. дв. ср. и ж. — sь̂ji, вин. ж. — sь̂jǫ, им. вин. мн. — sь̂jѣ. Взаимное отношение этих основ не ясно; возможно, что se-, si- по происхождению своему восходят к sįo-, sįoį-, причем фонетически надо бы ожидать še-, ší-, но *š* заменено через *s* под влиянием форм от основ sĭ- и sь̂jo-.

Приведу формы склонения местоимения *sъ* в древнерусском языке.

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И.	s'ь	s'ѳ	s'i
	Р.	s'ѳhѡ	—	s'eįѣ
	Д.	s'ѳmѹ	—	s'eį
	В.	s'ь, s'ѳhѡ	s'ѳ	s'ь̂jѹ
	Т.	s'ìm'ь	—	s'èįu
	М.	s'èm'ь	—	s'eį
Дв.	И. В.	s'ь̂jà	s'ь̂jі	s'ь̂jі
	Р. М.	s'eiѹ	—	—
	Д. Т.	s'ìma	—	—
Мн.	И.	s'i, s'ь̂jі	s'i	s'ь̂jѣ
	Р.	s'ìxъ	—	—
	Д.	s'ìmъ	—	—
	В.	s'ь̂jѣ	s'i	s'ь̂jѣ
	Т.	s'ìm'i	—	—
	М.	s'ìxъ	—	—

В старославянских памятниках находим эти самые формы. В др.-сербск.: сь, сьь, са; ср. род.—се (и сиѥ); ж. р. — си (и сиѧ); род.—сега (и сиѥга); род. ж.—сеј (и сиѥ); дат.—семоу (и сиѥмоу); дат. ж.—сѣи (и сиѥи); вин. ж.—сию и су; твор. — симь; твор. ж.—сиѭмь; местн. — семь (и сиѥмь); им. мн. ср. — си, са (и сиѧ); вин. мн. м. — сиѥ и се; вин. мн. ж. — си; им.-вин. ср. — си, сиѧ. В польском языке это местоимение сохранилось только в постпозиции, в выражениях, как dzis', latos', но в древнем языке находим siego; им. мн. — sie trzéj krolowie, do sich miast и некоторые другие.

Примеры из древнерусских памятников.

М. р. ед.: до сего дне, Ипат. 33а; се же король, ib., 287б; родъ се, Добрил. ев., 151с, 202а; се же Ѡлегъ, Ипат., 9г; сь ми есть

бліжи, Лавр., 310; чии се градокъ, Лавр.; не се ли англъ вожь бы, Лавр.

Ср. р. ед.: на се цѣлованьѥ, Новг. гр. 1373, № 17; на семь, Новг. гр. 1265, № 1; въ се же лѣто, Новг. 1-я; се блюдо, Гр. ок. 1130; семь же лѣтѣ, Новг. 1-я. Ж. р. ед.: си (им.), Новг. 1-я, 193. Ипат., 298в; си грамота, си тажа, Гр. 1229 (Д); сию грамоту, Дух. Дм. Ив. (не напеч.), Гр. 1453 (А. Калач., I, № 31), Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84). Гр. 1432—1443 (С. М., № 38); си же грамота, Гр. 1284 (Р. Л. А.), грамота си, Гр. 1442 (С. М., № 39); сеѣ мое грамоты, Гр. 1483 (Г. Др., I, № 10); сеѣ, Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31); до сее братьѣ, Лавр.; сию бо хвалать, ib.; си бо сьяше аки луна в нощи, а мнѣ буди си сторона, Лавр.; грамоту сию, Дв. гр. XV в., № 14; грамоту сию, Гр. Новг. конца XIV в. (Собол. и Пташ., № 43б); дат. — сеи, Гр. 1425 — 1462 (А. Калач., I, № 55); дат. и местн. — сеи, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); на сеи же сторонѣ Новг. 1-я, 8а.

Дв. ч.: сею снемьше, (вин. м.), Ипат., 92а; со сима wтрокома, ib.; вин. м. — сиѧ, Ипат. 33а.

Мн. ч.: си (м. р.), Новг. 1-я, 193; в си лѣта, Ипат. 771в; вьсѧ си, Жит. Бор. и Гл. XII в.; си и сии (м. р.), Жит. Феод.; си суть свои ѩзыкъ имуще, Лавр.; си бо оугри, ib.; въ си же времѧна, Лавр.; по симъ грамотамъ, Новг. гр. 1314, № 12; сихъ памѧтеи Дв. гр. XV в., № 54; си врата небесьнаѧ, Жит. Феод.

Уже в древнейшем языке являются и иные образования. Во-первых, так же, как указательное *tъ*, местоимение *sь* подвергается влиянию сложного склонения прилагательных; так являются формы им.: s'ьi, s'ьja, s'ьje. Ср.: сии, Жит. Феод.; даю сии свои листъ, Галицк. гр. 1409; вин. — сии миръ держати, Новг. гр. 1373, № 17; а сиѧ на дѣловаѧ и дертнаѧ, Дв. гр. XV в., № 132; а хто сии рѧдъ поруши, Дв. гр. XV в., № 86; вин. — сии, Гр. 1462—1505 (А. Калач., I, № 52); им. — сии, Гр. 1266; им. ж. — сиѧ, Ипат., 287б, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84). Во-вторых, вм. s'ьja появляется s'aja (ср. taja) и при этом вин. s'uju: сяя, Лет. Пер. Суздал. XV в., 51; сюю (при — сію), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); писалъ сюю рѧдничю, Дв. гр. XV в., № 88; оу сюю но, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); сюю, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31). В-третьих, отсюда извлекаются формы s'a, s'u: сѧ, Гр. 1229 (А); на сю сторону, Ипат., 46а; сю грамоту, Дух. 1328, № 21; ся, Гр. 1462—1464 (XVI, А. Калач., I, № 103), Гр. XV в. (А. Калач., II,

№ 149, I); сю, Гр. 1362—1374 (Г. Др., I, ркп. IV, № 1), Отв. митр. Иоан. 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4); сю грамотицю, Лавр.; сѧ закладнаѧ, сю закладную, Дв. гр. 1497, № 135. Форма *ся* — ин.-вин. мн. ср. — под влиянием *та*: по сѧ мѣста, Домостр. Конш., 67; по ся шестъ, Гр. 1530 (Бел., № 7).

Кроме того, отмечу *сии* в им.-вин. мн. ср. р.: ѡко сии сьде въписахъ, Жит. Феод.; сии же слъшавъ архиереи, Жит. Бор. и Гл. XII в.; им. мн. жен. *си*, Ипат., 65а. Форма род. *сия*, вероятно, под влиянием *тыя*, ср. *моия*: сия моиѣ, Гр. 1462—1478 (А. Калач., I, № 38). Редки образования как *сиимъ*, Жит. Феод., *сиими*, Усп. Мин. XII в., 183б, вероятно, под влиянием сложного склонения прилагательных. Форму *сей* (укр. *цей, сей*) ср. прежде всего с *той*; она ведет к sьi (не sѣi) и заменила sь под влиянием moi, tvoi: на сеи листъ, Галицк. гр. 1401; сеи, Ипат., 68в, 200г. Форма *s'ьsь* (ср. с *tъtъ*) представляет удвоение *s'ь*: сесь соромъ, Ипат., 145г; сесь же столпъ, ib., 98а; ѡко сесь взрослъ ѥсть под рукою твоѥю, Лавр.; сесь, Палея 1494 (Каринский). *Сь* употребляется и постпозитивно: въ градось, градокось, Лавр.

Примеры из современного языка.

В великорусских говорах *сь* почти исчезло, сохраняясь в некоторых лишь выражениях: сéй год, сé зимы, Шенк. (Отв. № 80); сé ночи, Никольск.-Вол. (Отв. № 199); сéй зимы, Великоуст. (Отв. № 199); сé вечер, Шенк. (Плечев, Арх. II Отд.); сé зими, Петроз. (Шахм.); также наши *сегодня, сию минуту, сейчас;* диалект. — *сядня,* Брянск. (Отв. № 259), *посядни* Белоз. (Отв. № 162); в постпозиции в наречных выражениях: *летось, зимусь, осенóсь, вчерáсь, утрось* и др. В белорусской области: сяя — им. ж., Могил. (Рамзевич); сянни, ib. Но особенно держится *сь* в укр.: сэй, ся, сэ, сёго, сёму, сым; ж. — сэй, сєй, сэю, сэй, Пинск. (Отв. № 3); укр. — сей, цей, сьогó, цьогó; ср. р. — це и цее; вин. ж. — цю и цюю и т. д.; диалектически известны формы род. — сиєї (и сеєї), твор. — сиєю, также — сесь (и цесь), сеся́, сесе́.

Дополнительные замечания.

Неясно по происхождению указательное *оньси*, например Новг. 1-я по Синод. сп. под 1016 годом: и рекъ к нему оньси. Кажется, это слово не склонялось: ср. къ ѡньси, Ев. XIII в., № 6, 172а. Под влиянием *сии* является *онсии*: Новг. 1-я по Комм. списку в указанном месте — оньсий; в Поуч. Ефр. Сир. 1377 — ѡнсиї мнихъ; помани онсего, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 24).

6. СКЛОНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Местоимение *iže*, *jaže*, *ježe* склоняется, как местоимение 3-го лица, формы которого вошли в первую часть этих сложных образований. Ср. из древнерусских памятников: ꙗже нынѣ зовомаꙗ Русь, Лавр.; в Ꙑлмеръ ѡзеро из него же ѡзера потечеть Волховъ, ib.; ѥго же тобѣ любо того нарци, ib.; ѥго же дѣтища въıволокоша ръıболове в неводѣ, ib.; ему же хощеть даеть, Лавр.; ѥю же прокленше, Ипат., 43б; и его же желавъ прия царство небесное, Новг. 1-я, 56б; и съкръı я въ полостьници близъ шатра, въ немьже бе имъ пити, ib., 89б; и въсаженъ бъıсть въ бочку имущи 3 дна при единѣмь конци, за нимьже Исаковиць сѣдяше, ib., 65а; оже намъ нѣту Исаковиця, с нимь же есме пришли, ib., 68б; и нъıне есть (икона богородицы) на ѥюже надѣемъся, ib., 71а.

Весьма рано все падежные формы относительного местоимения получили возможность заменяться формой среднего рода *еже*, отождествленною с союзом *еже* (при *оже*): и инъı градъı еже суть и до сего дн҃е под Русью, Лавр.; любъвь ѥже къ ст҃ъıима, Жит. Бор. и Гл. XII в.; свщ҃ѥноую одежю, ѥже нарицаашесѧ ефусъ евреискъıмь словъмь, Усп. Минея XII в., 5г; како могоу обыцьникъ бъıти славъı оноꙗ ѥже оуготована ѥсть правьдьникомъ, Жит. Феод. бо҃любиъıи же кънѧзь Изѧславъ... ѥже послѣже положи д҃шю свою за брата своего, Жит. Феод.; сицева нѣкака вещь бы҃с ѥже аще нѣсть лѣпо сьде съповѣдати, Жит. Феод. Это вызвало употребление *иже* в таком же безразличном виде: и возмуть землю нашю иже быша стѧжали ѿци ваши и дѣди ваши, Лавр.; видѣ желѣза иже бѣша на немь, Жит. Бор. и Гл. XII в.; наслажаꙗсѧ медоточнъıихъ тѣхъ словесъ, иже исхожаахоу из оустъ оц҃ь тѣхъ, Жит. Феод.; и вси воеводъı ихъ възлюбиша злато и срѣбро иже мѣняшеть имъ Исаковиць, Новг. 1-я, 66а.

Отмечу вместо *оу него же — оу него то* в Гр. ок. 1130.

Местоимения *jакъ že, акъ že* склоняются так же, как *такъ*: кто болии въ васъ акъ же Ѳеѡдосии, Лавр.; аци же и сами ѥсте, ib.

Местоимения *jelikъ*, *olikъ* склоняются так же, как *tolikъ*.

Относительные *kъ̂i̯*, *kakъ*, *kakovъ*, *kolikъ*, *kotorъ̂i* склоняются, как соответствующие вопросительные.

Относительные образуются еще посредством присоединения частицы *že* к *kъto* и *čьto*; вместо *že* может употребляться и *to*: на семь кн҃же... на цѣмь то (вм. *на чемь то*) цѣловали дѣди и ѡц҃и, Новг. гр. 1265, № 1.

7. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ С ОБОБЩАЮЩИМ И ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Местоимение *v'ьs'a*, общеславянское *vьs'ь* из *vьхъ* (лит. visas) имеет основу v'ьs'e-, v'ьs'a- (из *vьхо-*) в тех падежах, где *tъ* представляет основу to-, ta-; напротив основу vьsѣ- — там, где *tъ* представляет основу tѣ-.

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И.	v'ѣs'ь	v'ьs'ѣ̀	v'ьs'à
	Р.	v'ьs'ѣ̀hѣ̀	—	v'ьs'eiѣ̀
	Д.	v'ьs'ѣ̀mù	—	v'ьs'èi
	В.	v'ѣs'ь, v'ьs'ѣ̀hѣ̀	v'ьs'ѣ̀	v'ьs'ù
	Т.	v'ьs'ѣ̀m'ь	—	v'ьs'èiu
	М.	v'ьs'èm'ь	—	v'ьs'èi
Мн.	И.	v'ьs'i	v'ьs'à	v'ьs'ѣ̀
	Р.	v'ьs'ѣ̀хъ	—	—
	Д.	v'ьs'ѣ̀mъ	—	—
	В.	v'ьs'ѣ̀	v'ьs'à	v'ьs'ѣ̀
	Т.	v'ьsѣ̀m'i	—	—
	М.	v'ьs'ѣ̀хъ	—	—

То же склонение в старославянских памятниках, но в им. ед. женск. рода и им.-вин. мн. ср. рода вместо вьсь (чит. vьs'a) является также и форма вьсѧ. В польском языке общеславянское *s'* (из *x*) перешло в *š(sz)*: ср. древнепольское wsza, wszego, wszemu, wszej, wszym, wszem; им. мн.— wszy, дат. мн.— wszem, род. мн.— wszech и т. д.

Примеры из древнерусских памятников.

Ед. ч. м. р.: къ всемоу Новоугородоу, Новг. гр. 1270, № 3. Ср. р.: на томъ гне на всемь хртъ цѣлоуи, Новг. гр. 1270, № 3; вьсѣмь (тв.), Жит. Феод. Ж. р.: со всее рѣчнъıе ловли, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); w всеѥ земли, Уст. 1137 (Кормчая 1282, Р. Д., I): вса таль, Новг. гр. 1314, № 12; всею волостью, Новг. гр. 1327, № 15; всеѥ льстивости, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский). Мн. ч.: вьси, Жит. Феод.; келиѣ мниховъı вьсѣ, Жит. Феод.; городъı тъı всѣ, Лавр., 311; монастъıри всѣ, Лавр., 447; все люді, Новг. 1-я, 138; вси, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); вса їмъ wкупати села, Новг. гр. 1368—1371, № 16; уся тая села, Луцк. гр. 1454; вся мѣста, Виленск. сп. Западнорус. лет.; вси оуси, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский). Замечательны формы

вхе в им. м.: *вхе полъ,* Новг. 1-я (*вхе* вм. *весь* под влиянием *vха, *vхо); *вху* — в. ед. ж. р., Вкладн. Варл. до 1207.

Из живого языка отмечу: им. мн.— вси, Белоз. (Отв. № 166), Великол. (Отв. № 45); род. ед. ж. р.—ўсеé, Речицк. (Отв. № 17); укр.—всёго, всёму, род. ж.— всєї, вин.— всю, твор.— всею, мн.— всіх, всім и т. д.

Местоимение *samъ* склоняется, как *tъ*; известно также склонение его, как сложного прилагательного: самого, Жит. Феод.; саму поя женѣ, Лавр.; в самѣхъ татарѣ, Ипат., 287в; вин. мн. — самѣхъ, Новг. 1-я, 203; самѣ — р. мн., Ипат., 79в; дат. дв.— самѣма, Ипат., 35а; самѣмъ, Гр. 1229 (В); вин. дв.— а самаю (чит. „самою") опустоша (чит. „опоуташа") въ путины, Сл. о п. Иг., 24; передъ самѣмь холопомь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 55); рядом: на самаѡ коупальѡ, Ипат., 285а; рукама самъима, Сб. XV в., № 53 (255, Каринский); дат. мн.— самъимъ, Палея 1494 (Каринский).

Так же склоняется *inъ*: во инѣхъ рѣкахъ, Ипат., 56 г; с ъиноѥ сторонѣ, Новг. гр. 1371, № 8; инѣхъ, инѣма, Жит. Феод.; иномь — местн. м., ib.; а на инѣхъ не складъивати, Русск. Пр. (Р. Д., I, 41); а инемь кормомь, ib., 43; рядом: инъими, Палея 1494 (Каринский); по инъимъ городомъ, Новг. гр. 1270, № 3; род. ед.— инъе, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31).

Местоимение *v'ъs'akъ* склоняется, как *takъ*, *kakъ*: безо всѧкоѥ хитрости, Догов. 1362, № 27; всѧкъ — вин. муж.; всѧкоу, вьсѧкою — женск; вьсѧцѣмь — твор. ср. Жит. Феод.; вин.— всѧко оузорочье, Ипат., 12 г; безъ всѧкого извѣта, Новг. 1317, № 14; рядом: без всѧкъые хитрости, Догов. 1388, № 33; безо всякиѣ хитрости, Догов. ок. 1433, № 47.

Так же склоняется *drugъ*: въ другомь концъı, Новг. 1-я 1204; дроугого, ib., 184; ѿ другоѣ, Лавр.; а из другоѣ, ib.; на другои сторони, Дв. гр. XV в., № 17; рядом: въ дроузѣмь манастъıри, Новг. 1-я, 187; в друземь кладѧзѣ, Ипат., 48б; къ дроузѣи, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 49).

Так же склоняется *тъnogъ*, хотя, впрочем, оно образует падежные формы и от именной основы, как прилагательное; по местоименному склонению, например, твор. мн. ж. р.— мнозѣми, Жит. Бор. и Гл. XII в.

Местоимение *kъžьdo* только в ед. ч. м. р. склоняется, как *kъto*: къжьдо, когождо, Жит. Феод. Возможно, что в ж. р. было *kažьdo*, ср. *ка* — в нашем *каждый*. Рядом образовывались формы

с kѣi вм. kъ: kѣižьdo, kajažьdo, kojehožьdo, kojeiѣžьdo, ср. *киждо*, Ипат., 252б. Вместо *коегожьдо, коемужьдо* рано *когождо, комуждо:* комуждо, Луцк. гр. 1454; когождо, Ипат., 86 и 131. Замечательно раннее появление *kohoždo* вместо *koždo* (из *kъžьdo*); очевидно, в *koždo* отсутствовал какой-либо признак того, что это им. ед. м. р.; ср.: когожьдо васъ въ суботу не отрѣшить ли волу своєго, Ев. 1092 (Собол., Очерки); начаша глти ему когождо ихъ, Типогр. ев., № 7 (Собол.); ср. в более позднем памятнике: живяху когождо съ родомъ своимъ... владѣюща когождо родомъ своимъ, Ком. сп. Новг. I-й.

8. СКЛОНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Выше мы рассмотрели склонение значительной части имен числительных, насколько они следуют склонению именному. Но некоторые числительные издавна склоняются, как местоимения.

Так числительное I — русское *одинъ, одьнъ* и *jедьнъ* — склоняется, как местоимение *tъ, inъ, samъ*: одинѣмь, Усп. Минея XII в., 191 г; днемь единѣмь, Ипат., 78а; за wдинемь ... щитомъ, Ипат., 237а; wднемь послухомь, Гр. 1229 (А); wдиного дне, Ипат., 268б; wдиного, Лавр.; ни до wдиного члвка, Новг. гр. до 1305, № 9; wдиною стороною, Лавр.; на wдинои земли, ib.; ни wдину же ночь, Лавр.; wдинъ єсмь, Новг. гр. до 1301, № 4; одинои — дат. ж., Жит. Феод.; єдинѣхъ — род. мн. ж., Жит. Феод.; одинѣхъ, Новг. 1-я, 178; одинѣхъ Смолнанъ на послоушьство не въводити, Гр. ок. 1240; wдинѣми воротъı, Лавр.: wдино(г), Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); ни wднос годинъı, ib.; без одноѣ гривнъı, Галицк. гр. 1386; едно село, Молд. гр. 1443, № 54; видачи єдного бога предо очима, Гал. гр. 1421. Рядом, в особенности в формах твор. ед. и в мн. ч., встречаются образования по сложному склонению прилагательных: wднъımь, Дух. Климента XIII в.; wдінъıми воротъı, Ипат., 121в; с единъımъ мужемъ, Лавр.; дат. мн.— однъımъ, Погод. № 1413 (Каринский). Из современного языка: однех, Покров. (Отв. № 10); едну́, Котельн. (Отв. № 35); однех, однем, однеми Макар. (Отв. № 56); еднех, еднем, в едно́м, Камышл. (Отв. № 89); род. ед.— аднае́, Игум. (Отв. № 8); одного, єдного, Пинск. (Отв. № 4); укр.— одно́ї, оди́н, еде́н. Любопытно отметить формы по сложному склонению прилагательных: одную, Гдов. (Отв. № 11); одная, одную, Новг. (Отв. № 20); одную, Котельн. (Отв. № 35); из одный тебе (= одныѣ), Мещов. (В. Чернышев.);

единый — им. м., Котельн. (Отв. № 48); одную, Холмск. (Отв. № 54); род.— одныё, Макар. (Отв. 56); одную, Сольвыч. (Отв. № 193); адныé — род., Могил. (Рамзевич), Жиздр. (Никольский); адные — род., Слуцк. (Отв. № 5). На то, что это числительное могло склоняться некогда, как имя, указывает *единѣмь градомь*, XIII. Сл. Гр. Бог. (Будилович); *wдиномь послухомь*, Гр. 1229(В).

Числительное **2:** *дъva, дъvъ, дъvъ* склоняется, как дв. число местоименных основ.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
И. В.	dъvà	дъvѣ̀	dъvѣ̀
Р. М.	dъvojù	—	—
Д. Т.	dъv'ѣmà	—	—

Примеры из древнерусских памятников.

С҃на его два (вин.), Лавр.; дающю двѣ тысѧчѣ гривнѣ, ib.; двѣ капищи (вин.), ib.; на двою харатью, Лавр.; аже не боудѣтѣ двою послоухоу, Гр. 1229 (А); ѿ двою капию, ib.; до двою гривноу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 3); двою жеребьевъ, Дух. 1389, № 34; wпрочѣ двою избъ, Дв. гр. XV в., № 132; безъ в҃ю ногатоу, Дух. Климента XIII в.; ѿ двою ѿцю, Ипат., 31б; ѿ робу двою, ib.; 36 г; w двою главу, ib., 61 г, w двою чепѣхъ, Хожд. Афан. Ник., 388в; двѣма копиема, Ипат., 141а; двѣма деревнями, Гр. 1478 (XVI, А. Калач.— II, № 173); двѣма неводы, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); двѣма братома, Лавр.; межи двѣма колодама, ib.; межи двѣма wзерома, ib.; съ двѣма комнатъı, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); двѣма судъı, Хожд. Афан. Ник. Ср. в современном языке: великорус. — два (м. и ср.), две (ж.); укр.— два (м.), дві (ж. и ср.).

По-видимому, *дъva* некогда склонялось, как имя; остатками такого склонения являются: форма родительного-местного дъvu, известная и из старославянского языка, например: двоу десѧтоу, XIII. Сл. Гр. Бог. (Будилович); дат.-твор. dъvoma (первоначально м. и ср. р.) и dъvama (первоначально ж. р.); последнюю форму встречаем и в старославянских памятниках: дьвама, Зогр. ев., 193а; двама (дат. м. р.), Минея XI в., № 194, 52а. Ср. в древнепольском dwu, dwoma.

Примеры из древнерусских памятников.

Двоу двороу, Ипат., 279а; дву кн҃зю, ib., 182 в; до двоу лѣту ib., 40а; по дву же лету, Лавр.; въ двоу носадоу, Новг. гр. до 1308, № 6; оу дву мѣстехъ, Дв. гр. XV в., № 12; ѿ дв҃ бортеи,

Гр. XV в. (С. М., № 15); дву неводовъ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); съ дву плу^{т}, Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 31); отъ дву тѣхъ березъ, Гр. XV—XVI вв. (А. Калач., II, № 178); из дву жребьевъ, Дух. 1356, № 26; съ двама сн҃ы, Новорос. сп. Новг. 4-й, 369а. В современном языке: без дву тридцать, без дву сорок, Вадим. (Бодров, Обл. сл., № 15); двома, Белоз. (Отв. № 166); белорус.— двама́; укр.— двом в твор.

Числительное *оба, обѣ* склонялось, как *дъва*. Ср.: во обою волостью, Ипат., 114б; ѿ обою сторону, Гр. 1264 (Р. Л. А.); въ цр҃кви ѡбою братоу Бориса и Глѣба, Лет. Авр.; а наѣду^{т} насъ великихъ кн҃зеи ѡбою, Новг. гр. 1471, № 20; к обѣма кн҃ꙁема, Новг. 1-я, 197; з обема береги, Вкладн. Холмск. 1376; обѣма великимъ княземъ, Новг. гр. 1471, № 20; обѣма тъıми кн҃женьи, Крас. сп. Западнорус. лет. Ср. в современном языке: великорус.— оба (м. и ср.), обе (ж.); укр.— оба (м.), обі (ж. и ср.); обема, Белоз. (Отв. № 166), Арханг. (Кузмищев). Рядом *обу*: до обу сторону, Гал. гр. 1412 (там же: рѣчь обою).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В общеславянском праязыке прилагательные, как мы видели, склонялись, как существительные, но когда прилагательное относилось к предмету, уже упомянутому в речи и вообще известному говорящим, к форме прилагательного присоединялся еще в литовско-славянскую эпоху член, имевший, по-видимому, такое же значение, какое член имеет при существительных, например, в германских и романских языках. Ср. присоединение постпозитивного местоимения к прилагательному, а не к соответствующему существительному в случаях, как старославянское: на долгыѥсь поуть; или великорус. *мой-ет дом, первой-от блин да комом, к нашему-ту дому* и т. п. Этот своеобразный член при прилагательном выражался формами местоимения 3-го лица, употребленными (как вообще употреблялось это местоимение) постпозитивно. Итак, dobru kon'u говорилось тогда, когда конь не был известен говорящим; dobrujemu kon'u — когда дело шло об известном коне. С течением времени этот прилагательный член теснейшим образом слился с предшествующими формами прилагательного и потерял связь с формами местоимения 3-го лица. Последствием

были прежде всего значительные звуковые изменения в образовавшихся указанным путем сложных формах имен прилагательных; *j* в начале местоименных форм исчезало по общему правилу перед следующим *e, i, ъ*: novajeho перешло в novaeho, novujemu в novuemu, novѣjemь — в novѣmь, novъjixъ (отсюда novѣjixъ) — в novyixъ, novyjimi — в novyimi, noviji — в novii. Затем произошли некоторые нефонетические изменения и в формах местоимения, и в формах прилагательного, обязанные влиянию одних форм на другие; вместо jei, jeiǫ, jeѣ, jeji являлись окончания i, iǫ, ѣ, ji под влиянием окончаний ja, iǫ, ѣ, i в других падежах; в твор. падеже ж. рода при novǫjeiǫ было известно novoiǫ; первая форма перешла в novǫiǫ, а вторая в novoiǫ (непосредственно из novoiǫiǫ). Прилагательные откидывали свои окончания -mь, -mъ, -ma, -mi, -xъ, когда в члене содержались те же окончания: novomьjimь переходило в novojimь, novoimь; novomajima — в novoima; novamъjimъ — в novaimъ; novamijimi — в novaimi; novѣxъjixъ — в novѣixъ; novaxъjixъ — в novaixъ; novamajima — в novaima.

Все эти новые формы заменялись под влиянием форм род. и твор. мн. (м. и ср. р.) через novyimi, novyima, novyimi, novyixъ, novyima. Таким образом, для общеславянского праязыка предполагаю следующие формы сложного склонения прилагательных.

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И.	nòvъi	nòvoe	nòvaja
	Р.	nòvaeho	—	nòvyѣ
	Д.	nòvuemu	—	nòvѣi
	В.	nòvъji, novaeho	nòvoe	nòvǫiǫ
	Т.	nòvyimь	—	nòvǫiǫ, novoiǫ
	М.	nòvѣemь	—	nòvѣi
Дв.	И. В.	nòvaja	nòvѣi	nòvѣi
	Р. М.	nòvuju	—	—
	Д. Т.	nòvyima	—	—
Мн.	И.	nòvii	nòvaja	nòvyѣ
	Р.	nòvyixъ	—	—
	Д.	nòvyimъ	—	—
	В.	nòvyѣ	nòvaja	nòvyѣ
	Т.	nòvyimi	—	—
	М.	nòvyixъ	—	—

Существование именно таких форм в общеславянском праязыке доказывается и старославянским, и другими славянскими языками.

Ср. для некоторых из приведенных форм: ст.-слав. новъи, твор. новъимь, местн.— новѣсь (с ѣ, не ѥ, ср. Усп. Минея XII в.: грѣшьнѣсь, 204а; ѹтвьрьтодьневьнѣсь, 222г), им. ж.— новаꙗ, род.— новыꙗ, дат. новѣи, вин.— новѫ, твор.— новѫ и новоѫ, м.— новѣ; дв.— новꙋ, новѣи, новоую, новъима; мн.— новии, новꙋ, новыа, новъихъ, новъимъ, новъими, новъихъ. Не находят себе соответствия только формы ср. р. novoe, а также род. и дат. novaeho, novaemu; вместо них видим новоѥ, новаѥго, новоуѥмоу. Вероятно допустить, что это новообразования, возникшие под влиянием форм местоимения ѥ, ѥго, ѥмоу, так же как новѣсь заменено через новѣмь; на это указывают также и параллельные формы новаѥго, новоуоумоу, которые удовлетворительно объясняются из новаѥго, новоуѥмоу. Польский язык в род. и дат. имеет novego, novemu; эти формы ведут именно к novaého, novuému (с польским переносом ударения на предпоследний слог); равным образом средн. род nove (первоначально nové с *e* pochylonym) ведет к novoe.

Ввиду этого возможно думать, что подобные формы склонения существовали и в общерусском праязыке. Но значительчая часть их с течением времени заменена была здесь другими образованиями. Доказать существование в древнерусском некоторых из приведенных в таблице форм представляется затруднительным. Так, является вопросом, знал ли древнерусский язык формы novaeho, novuemu, откуда дальше явились бы, вероятно, novaho, novumu; в древних памятниках формы, как *новаго, новоумоу,* обычны, но возможно, что они заимствованы книжным путем из церковнославянского языка. Я склоняюсь к допущению форм, как novaho, novumu, в древнерусском языке ввиду следующих соображений: русскому языку не чужды формы, как род. ж. *новъи*, далее твор.— *новъимь,* мн.— *новъихъ, новъимъ* (откуда рано *новъимь, новыхъ, новымъ*). Эти формы могут быть объяснены только как формы древнего сложного склонения; следовательно, вероятно, что соответствующие формы были известны и для род., дат. мужеск. и ср. рода; еще более убеждает в этом существование местного на *-ѣмь* (*новѣмь* из *новѣемь*) в древнерусских памятниках. Но, как указано, еще в общерусском праязыке древние формы сложного склонения стали уступать место новообразованиям.

Как мы видели, многие местоимения (и это еще в общеславянском праязыке) склонялись не только по местоименному, но также и по сложному склонению прилагательных. Ср. tьi, taja, toje при to, ta, to, takovъi, mъnogъi при mъnogъ, samъi при samъ

и т. д. Думаю, что именно под влиянием этих и подобных им местоимений рядом с формами сложного склонения в общерусском праязыке стали образовываться от имен прилагательных формы и по местоименному склонению. Ср. в старославянских памятниках переход слова штоуждь (чужой) в склонение местоименное (Лескин): чюжего в Усп. Минее XII в., 193, об. 2. Допустив, что *yi* еще в общерусском стянулось в *y*, а *ѣе* в *ѣ* (я не могу признать современные великорусские формы с *-ъıи* исконными: это новообразования под влиянием формы им. мн.), мы увидим, что известные затруднения для говорящих стали представлять именно формы род. и дат. мужеск. и ср. рода, как превышавшие числом слогов все прочие формы. Так, в склонении прилагательного novѣi̯ после стяжения *yi* в *y* и *ѣе* в *ѣ* все падежные формы оказались трехсложными и только формы род. и дат. четырехсложными: novaeho, novuemu. Это и было причиной появления новообразований по местоименному склонению именно в этих формах; вместо novaeho явилось novoho (как samoho, inoho, odinoho), вместо novuemu — novomu. Уже под влиянием этих наиболее ранних новообразований (по свидетельству памятников) могли являться и другие новые формы: род.— novoѣ (ср. odinoѣ), вместо novyѣ, дат. и местн.— novoi̯, вместо novѣi̯ (ср. toi̯), род. дв. novoi̯u, вместо novui̯u (ср. toi̯u). Огражденными от новообразований под влиянием местоименного склонения оказались, во-первых, им. и вин. падежи всех родов и чисел, которые в склонении местоимений имели окончания, сходные с окончаниями прилагательных, хотя, впрочем, им.-вин. ср. р. novoe, под влиянием je, moi̯e и т. п., перешло в novoi̯e (но украинское *нове* восходит непосредственно к *новое*); а novii, вероятно, заменялось через noviji под влиянием ji, moji и т. п.; во-вторых, все те формы прилагательных, которые в местоимениях образовывались от обосложненной основы, оканчивавшейся после твердых согласных на *-ѣ*, после мягких на *-i*; ср. novym'ь, novyxъ, novym'i при t'ѣm'ь, t'ѣxъ, t'ѣm'i.

Ввиду всего сказанного склонение прилагательных получило в общерусском праязыке следующие формы (подчеркиваю новообразования под влиянием местоимений).

		Мужеский род	Средний род
Ед.	И.	nòvѣi̯	nòvoe, nòvoi̯e
	Р.	nòvaho, novoho	—
	Д.	nòvumu, novomu	—

В.	nòvt̂i (или как в род.)	nòvoe, nòvoje
Т.	nòvym'ь	—
М.	nòv'ѣm'ь, novom'ь	—

Женский род

Ед	И.	nòvaja
	Р.	nòvyjѣ, nòvojѣ
	Д.	nòv'ѣi, nòvoi
	В.	nòvujи
	Т.	nòvoju
	М.	nòvѣi, novoi

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Дв.	И. В.	nòvaja	nòvѣi	nòvѣi
	Р. М.	nòvuju, novoju	—	—
	Д. Т.	nòvyma	—	—
Мн.	И.	nòvii, noviji	nòvaja	nòvyjѣ
	Р.	nòvyxъ	—	—
	Д.	nòvymъ	—	—
	В.	nòvyjѣ	nòvaja	nòvyjѣ
	Т.	nòvym'i	—	—
	М.	nòvyxъ	—	—

		Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед.	И.	s'in'ѣi	s'in'ee, s'in'eje	s'in'aja
	Р.	s'in'aho, s'in'óho	—	s'in'ѣjѣ, s'in'ejѣ
	Д.	s'in'umu, s'in'ómu	—	s'in'ii, s'in'ei
	В.	s'in'ѣi	s'in'ee, s'in'eje	s'in'uju
	Т.	s'in'im'ь	—	s'in'eju
	М.	s'in'im'ь, s'in'em'ь	—	s'in'ii, s'in'ei
Дв.	И. В.	s'in'aja	s'in'ii	s'in'ii
	Р. М.	s'in'uju	—	—
	Д. Т.	s'in'ima	—	—
Мн.	И.	s'in'ii, s'in'iji	s'in'aja	s'in'ѣjѣ
	Р.	s'in'ixъ	—	—
	Д.	s'in'imъ	—	—
	В.	s'in'ѣjѣ	s'in'aja	s'in'ѣjѣ
	Т.	s'in'im'i	—	—
	М.	s'in'ixъ	—	—

Примеры из древнерусских памятников.

Ед. им. м. р.: ковшь великии зотъ гладъкии, Дух.гр., 1356, № 26; зват.: wстръıи мечю, Ипат., 250 г; в нънешнеи гw^{а}, Палея 1494 (Каринский).

Род. м. и ср. р.: вѣснаго, Гр. ок. 1263; Галича Мерьскаго, Лавр., 440; благочестиваго и правовѣрнаго великого князя, Лавр., 446; тысячскаго, Лавр., 302; с Новаго Търгоу, Новг. 1-я, 58б; до оуглическаго берега, Новг. 1-я, 129б; в день страшнаго суда, Дв. гр. XV в., № 8; w посадника новогородскаго, Гр. новг. 1471, № 20; с верхьнаго конца, Дв. гр. XV в., № 73; Римьскаго цр̄ства, Гр. 1229 (Д); тысацьскаго, Новг. гр. 1265, № 1; худаго смерда, Лавр.; внѣ двора теремнаго, Лавр.; тысяцьскаго, Новг. 1-я, 160; сочьскаго, ib., 169; великаго моста, ib., 212; Плътьницьнаго, ib., 29. В Русск. Пр. по сп. 1282 года почти совсем отсутствуют славянизмы, между тем: до третьıго свода (Р. Д., I, 35, 36); на конечнаго, 35; до конечьнаго свода, 36; Станислава Пьремьславьскаго тысачького, 40; до трьтьıго рѣза, 40; на боярьскаго тиоуна, 41; перекладнаго ē кунъ, 43; а желѣзнаго платити м̄ кунъ, 53; починить моста ветхаго, 54; и даже: но wже не боудеть свободьнааго, 41; слн̄чьного кроуга, Ев. 1339, 216а; нагого, тысячского, Лавр., 302; мьрътвого, Новг. 1-я, 149; тысачьского, ib., 201, 212; с Нового Торгу, Ипат., 182в; до Понетьского мора, Лавр.; построити мира первого, ib.; с Берестового, ib.; мертвого, живого, w оученьıм книжного, ib.; не въıскивати было чюжего, ib.; деватого, Син. ркп. 1296, 25а; великого, ib., 24 в; w тысачкого, Новг. гр. до 1305, № 9; до хр̑тьного цѣлованиıм, Новг. гр. до 1305, № 10; товара новгородьского или коупецьского или гостиного, Новг. гр. 1314, № 12; опорочѣ московъско г̑ митрополита, Новг. гр. 1471, № 20; w тысацкого новогородского, ib.; w ивового куста, Дв. гр. XV в., № 1; пресвященого арх̑иепикупа новгородцкого, Дв. гр. XV в., № 54; милостивого, ноного, сдовитого, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); верхнего, ib.; а вазчего не пошло по новгородьскои волости, Новг. гр. до 1305, № 10; третьего бж̑ьего, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); чюжего моужа, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. В., VI, 49).

Дат. м. и ср.: нѣмѣчьскоумоу, Новг. 1-я, 1204; по новуму месу, Дв. гр. XV в., № 109: кртоу чтноумоу, Новг. 1-я, 141б; к

новоумоу городкоу, Лет. Авр.; (дом) стуму въскрснию, Дв. гр. XV в., № 93; послѣдьнюмоу, Жит. Феод.; славьномоу, стольномоу, великомоу, стомоу и др., Жит. Феод.; Варяжьскому, великому, злому, Рускому, чернечьскому, нишемоу и т. д., Лавр.; къ тысяцьскому, Новг. гр. до 1301, № 5; по старомоу роубежю, Новг. гр. до 1305, № 10; по новому месту, Дв. гр. XV в., № 109; князю великомоу, Новг. гр. до 1308, № 7; ко жельзоу горячемоу, Гр. 1229 (А); оубогомоу, немощномоу, Панд. Ник. Черног. XII—XIII в. (Тихвинский, Р. Ф. В., 1894); третиюмоу, Усп. Минея XII в., 119 г, Сборн. 1073, 27а.

Вин. м.: а роубежь ти дати правъıи, Новг. гр. до 1305, № 10; городъ стольнъıи Плесковъ, Новг. гр. до 1305, 11; в низовьскъıи весъ, Новг. гр. 1314, № 12.

Твор. ед.: с Гъцкъıмь, Гр. ок. 1263; новгородьскъıмь хлѣбомь, Новг. гр. до 1305, № 11; за Глухимъ погостомъ, Дв. гр. XV в., № 20; бголюбивъıимь, Лет. Авр., 176б.

Местн. ед. м. и ср.: црквьнѣмь, Жит. Феод.; велицѣмь, чьрньчьскѣмь, льнянѣмь, Жит. Феод., w црковнемъ уставѣ, Ипат., 24б; при благовѣрнѣмь князи велицѣ, Лавр., 437; въ своемь честнѣмь княжении, ib., 444; въ городѣ Дунаистѣмь, ib., 276; на новемь Търгоу, Новг. 1-я, 49; в Неревьскемь конци, ib., 75, 181, 204; Роусьтѣмь, ib., 65; на Ламьскемь волоце, ib., 82; на новемь Търгоу, ib., 111; Печерьскемь, ib., 57; Печерьстѣмь, ib., 50; на первемъ поскоцѣ, Ипат., 171а; на лѣвемь крилѣ, ib., 56в; в калѣ грѣховьнемь, ib., 62 г; во wгни вѣчнемь, ib., 65 г; на дворѣ теремьстѣмь, Лавр.; при Стославѣ велицѣмь князи Рустѣмь, Лавр.; въ пръвѣмь, Лет. Авр.; оу Глухомъ погости, Дв. гр. XV в., № 20; в опцемъ поли, Дв. гр. XV в., № 3; на Имоволозьскомъ погосте... и на Важаньскомъ, Новг. гр. 1270, № 3; въ Немецьскомъ дворе, ib.; в Новоторьскомь уѣздѣ, Новг. гр. 1317, № 14; въ wбразѣ звѣринѣмь и скотьемь, Лавр.; третиюмь, Новг. 1-я, 147; а въ сельскомъ тиунѣ въ княжи или въ ратаинѣмь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 31); w мѣсяцьнѣмь рѣзѣ, ib., 40.

Им.-вин. ср.: въ хртьноıе цѣлованиıе, Новг. гр. до 1305, № 10; wкупити ıему и доброıе и худоıе, Новг. гр. 1317, № 14; а Новъгородьскоıе Новоугородоу, Новг. гр. до 1305, № 9; княжениıе великоıе, ib., Новг. гр. 1371, № 8; третьее, Ипат., 23б; на третиıе лѣ, Новг. гр. 1265, № 2; а и третьıе холопьство, Русск. Пр. (Р. Д., I, 55).

лии, Лавр.; людье Нооугородьстии, ib.; житьии, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62).

Мн. вин. м. р.: Вышегородьскыѣ боларьцѣ, Лавр.; нарочитыѣ мужи, ib.; Болгары Дунаискыѣ, ib.; столпы сребрныѥ, Новг. 1-я, 139; 3 городы взаша Половечьскыѣ, Лавр. 276.

Мн. им. ж. р.: а се волости Новгородьскыѥ, Новг. гр. 1265, № 1.

Мн. вин. ж. р.: wрамые земли, Гр. 1520 (Бел., № 2); Московьскыѣ, Догов. 1405, № 38; вежѣ Половечскыѣ, Лавр.; wрамые земли, Дв. гр. XV в., № 42.

Мн. им.-вин. ср. р.: дѣла Иванскаа и тwрговаа и гостинаа. Тр. сп. Новг. 1-й, 70г; на золотая ворота, Лавр., 438; и инаа мѣста Рязанскаа котораа ни будутъ на тои сторонѣ, Копия с Догов. гр. 1381, № 32; в та мѣста в Татарьскаѩ и в Мордовьскаѩ, Догов. гр. 1405, № 38; частаа востаниа, Ипат., 255а; бобровaа ловища, Дв. гр. XV в., № 54; а мѣста на корабли вольная, Гр. ок. 1240; села великаѩ пожгоша, Новг. 1-я, 156б; чресъ поля широкая, Сл. о п. Иг., 7, о нем же кто полезная обрѣтаетъ, той того и прославляетъ, Послов. XVIII в. (Симони, 121).

Мн. род. всех родов[1]: старыхъ (ж.), Гр. 1189—1199 (ок. 1263); добрыхъ, Гр. 1229 (А); волостии Новгородьскыхъ, Новг. гр. 1265, № 1; w всехъ соцьскыхъ, Новг. гр. 1265, № 2; селъ... кнагининыхъ, Новг. гр. до 1305, № 10; свободъ дьмитриѥвыхъ, ib.; пожѣнь кнажихъ, ib.; селъ твоихъ и влдчьнихъ, Новг. гр. до 1308, № 6; а что Олександровыхъ кнажихъ селъ коупленыхъ, Новг. гр. до 1327, № 15; кнажихъ волостии, ib.; грамотъ кртныхъ, Новг. гр. 1371, № 8; оу великыхъ смердовъ. Дв. гр. XV в., № 33; w житьихъ людѣи, Новг. гр. 1372, № 13; до человечьихъ wчью, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский). Образования на *-ыихъ* явились, быть может, под влиянием формы им. мн.; а что волостьи Новгородьскыихъ, Новг. гр. до 1308, № 6; волостьи Новгородьскыихъ, ib.

Мн. дат. всех родов[1]: посломъ новъгородьскымъ, Новг. гр. 1317, № 14; кнжимъ лодьѥмъ Михаиловымъ, Новг. гр. 1373, № 17.

Мн. твор.: коунами ветхыми, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); добрыми, Гр. 1229 (А); моужи Новгородьскыми, Новг. гр. 1265, № 1; съ всими городы с нѣмѣчными, Новг. гр. 1371, № 8; з бобровыми ловищи, Дв. гр. XV в., № 33; поплавными неводы, № 42.

---

[1] В рукописи по описке: всех „чисел". (*Ред.*)

Мн. местн.: Рускыхъ, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); добрыхъ, Гр. 1229 (А); в зимнихъ тонахъ, Дв. гр. XV в., № 80; на смердьихъ мѣстѣхъ, Дв. гр. XV в., № 54.

Формы сравнительной степени могут также склоняться по сложному склонению, допуская и новообразования, и по местоименному склонению. Приведу несколько примеров: старѣи Рюрикъ, Лавр.; сн̄ъ меншеи, Лавр.; тъı еси старѣишеи братъ, ib.; на стариши путь, Дух гр., Дм. Ив. (не напеч.); брате старишии (зват.), Догов. 1428, № 44; брате старѣишии, Копия с Догов. 1381, № 32; гоⷭсъ болшии (вин.), Дух. 1328, № 21; им. ср.: болшеѥ зло встанеть, Лавр.; вин. жен.: про лѣпшюю память, Луцк. гр. 1433; дружину свою молотшюю, Лавр.; горчиишоую сьмрть, Лет. Авр.; большюю дань, Лавр.; род.: брата стариишего, Дух. Дм. Ив.; изо тщере его изъ меньшеѣ, Лавр.; болшеѥ власти, ib.; дат.: старѣишему, Лавр.; старишему, Дух. 1389, № 34; молодшему, Догов. 1371, № 29; стареишому, Гр. 1229 (Д); твор.: съ братомь своимь съ старѣишимь, Новг. гр. до 1301, № 4; местн.: в Лѧлинѣ Прилукѣ в больше^{м} и в меньше^{м}, Дв. гр. 1472 (изд. Шахматова). Дв. ч. вин. ср.: в̄ блюдци меншии, Дух. 1328, № 2; им. мн.: лѣпьшии мужи Ипат., 28 г; вин.: лѣпшиѣ мужи, Лавр.; лучьшиѣ женъı, ib.; лепьшихъ, Новгор. 1-я, 41; род.: ѿ всѣхъ старѣишихъ, меньшихъ, Новг. гр. 1265, № 1; лѣпши^{х} князии, Лавр. Образования с нестянутыми *-ии-* или под книжнъım влиянием, или под влиянием формы им. мн.: и ѿ всѣхъ мѣньшиихъ, Новг. гр. до 1308, № 6; меншиими (твор. мн.), Лавр. По сложному склонению образуются также формы причастий настоящего и прошедшего времени. Затрудняюсь с приведением примеров для причастий настоящего времени из русских памятников, ибо в них обычны формы книжные с *щ* вместо русского *ч* (несущеи, несущии). Для причастий прошедшего времени отмечу им. мн. на *-шеи* при *-шии*, ср. *-ши* в именном склонении причастий.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке известны только старые формы, образования по склонению местоименному вообще не встречаются (относительно штоуждего, штоуждему я говорил выше); но рядом с новаго, новоуюмоу, новѣмь, которые восходят к общеславянским novaeho, novuemu, novѣmь, являются и формы новаѥго, новоуюмоу, новѣѥмь. Их надо признать, по-видимому, новообразованиями под влиянием форм местоимения ѥго, ѥмоу, ѥмь. Вместо -ѣѥмь в местном

встречается и -ѣмь, где видим регрессивную ассимиляцию, подобную той, которая изменила ае в аа, не в нн, оуе в оуоу: ср. Супр. добрѣмь, прѣславьнѣмь; сюда же относится -ѣимь, -ѣамь, причем и, а вместо ѣ вследствие положения после *j*: Супр. гробьнѣимь, адьстѣамь. Вместо -немь в основах на мягкую согласную в местн. ед. является -нимь (въшнимь) в результате той же регрессивной ассимиляции, причем новообразование на -немь (под влиянием местоимения имь, ср. новѣимь) неизвестно в старославянских памятниках. Рядом с нестяженными формами с аа, оуоу, нн, ыи (ѣѣ) известны во всех вообще старославянских памятниках также и стяженные с а, оу, н, ы, ѣ: новаго, новоумоу, въшьнимь, въшьнихъ, новыхъ, богатѣмь.

Сербский язык в своей истории представляет относительно сложного склонения прилагательных те же вопросы, что русский; не ясно, можно ли признать старые формы на *-аго, -ааго,* встречающиеся до XV в., за живые, народные, или это книжные, церковнославянские формы. Считаю вероятным, что *-аго* было известно сербскому языку и притом с *ā* (из *аа, ае*); только так я умею объяснить себе долготу *ō* в позднейшем (по памятникам с XV в.) окончании *-ōго, -ōга: новōга* имеет *ō* под влиянием старшего **новāга* с *ā*; то же относительно окончания дат. *-ōму*, заменившего старшее *-ити* (из *иити, иети*); сомнительно, чтобы *-ōга, -ōму* можно было объяснить как результат стяжения *-ojega, -ojemu* (*novojega с novo-, извлеченными из соответствующих форм местоименного склонения). Несомненно, что *-аго, -уму, -ъимь* в тв., *-ѣмь* в местн. заменены через *-ога, -ому, -ѣмь* в тв. (твор. *чистѣмь, малѣмь,* ср. *тѣмь*), *-омь* в местн. под влиянием склонения местоимений.— В польском, как мы видели, aego, uemu стянулось в ego, emu; кроме того, *j* систематически выпущено (как и в сербском) в формах сложного склонения: nova вместо novaja, novǫ вместо novǫjǫ и т. д.

Примеры из современного языка.

Отмечу несколько старых форм. Род. ед. ж. р.: от молодые жены, от старые жизни, Кадник. (Отв. № 25); от молодые жены, Петроз. (Отв. № 34); от добрые бабушки, Котельн. (Отв. № 35); от красивые деўки, Кирилл. (Отв. № 167); род.: мыладэя, Могил. (Рамзевич, Отв. № 4). Вместо *-ые* (*-ыѣ*) в северновеликорусской области являются и *-ыё* и *-ыя*: с цужиё то ли дальниё стороны, Молож. (Обл. сл., 167); от добрыё сестры, Орл.-Вят. (Отв. № 42); у которой избе-то, у старыя или у новыя, Буйск. (Отв. № 18),

и т. д. В укр. *ое* в им.-вин. ср. стянулось в *е*: добре, нове; *ее* — в *е*: синє; быть может, чередованием форм на *-ое* с формами на *-оје* (novoe при novoje) объясняется появление еще в древнейшую эпоху жизни русских наречий также форм на *-аа* при и вместо *аја*, *ии* вместо *ији*; ср. формы *нова, добра, нову* в украинском, а также в великорусских говорах. Что касается весьма обычных в великорусской области форм на *-ыим* в твор., *-ыих* в местн., *-ыим, -ыими* во мн. числе, то вряд ли можно возвести их к старым формам на -уіть, -уіхъ, -уіті; вероятнее думать, что это новообразования, возникшие сначала во множественном числе под влиянием формы им. мн. (*молодыих* вместо *молодых* под влиянием *молодыи*) и передававшие свои *ыи* (*іи*) также и в твор. ед.; уже под влиянием твор. ед. *большіим* являлась форма местн. *в большоём, в зелёноём саду* (например, Устюжн., Отв. № 28). Подобные новообразования не чужды и белорусскому наречию (*какиим родам,* пинск., *разныім напиткам,* Шейн, 233); я рассмотрю их впоследствии, а здесь упоминаю о них только для того, чтобы отделить их от созвучных или старых общерусских форм. Там же скажу и о других новообразованиях в сложном склонении прилагательных.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СКЛОНЕНИЯ, ОБЩИЕ ВСЕМ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИМ[1] НАРЕЧИЯМ

В первой, законченной части курса я предложил вашему вниманию обзор тех форм склонения, которые свойственны общерусскому праязыку и лежат в основании всего последующего развития русского языка во всем его объеме. Эти формы почти всецело тождественны с формами общеславянского праязыка, восстанавливаемого путем сравнительно-исторического изучения всех славянских наречий. Любопытный вопрос, чем в области форм склонения отличался общерусский праязык от общеславянского, получает, как кажется, ответ отрицательный: сколько-нибудь крупных отличий указать нельзя; большинство характерных для общерусского праязыка особенностей были свойственны уже диалектам общеславянского праязыка и потому находят себе соответствие в других славянских языках. Так, окончание *-ъмь* вместо *-омь* в творительном единственного основ на *-ŏ* и *-ьмь* вместо *-емь* основ на *-jŏ* проникло из основ на *-ĭ* в основы на *-ŏ* еще в диалектах общеславянского праязыка. Это доказывается польским и чешским языками, где находим в соответствии с ними -em из *-ъmь*: польск. dębem, чешск. chlapem. Формы дательного, местного *тобѣ, собѣ* существовали диалектически при *тебѣ, себѣ* в общеславянском праязыке, как видно из польск. tobie, sobie, чешск. tobě, sobě (при ст.-слав. тебѣ, себѣ, сербск. *тебѣ, себѣ*). Исключительно русскими, и притом общерусскими, новообразованиями древнейшей, доисторической эпохи можно признать формы склонения имен прилагательных, явившиеся под влиянием склонения местоимений: ср. родительный *нового*, дательный *новому*, местный *новомь* и т. д. вместо общеславянских novaeho, novuemu, nov'ѣm'ь, стянувшихся позже в novaho, novumu, nov'ѣm'ь. Отмечу еще появление в обще-

[1] В рукописи — „восточнорусским". *(Ред.)*

русском праязыке формы на *-скъмь, -скъ* вместо *-сцъмь, -сцъ* в склонении существительных и прилагательных: *дъскъ, женьскъ, человъчьскъмь,* причем *к* вместо *ц* под влиянием других падежных форм. Утверждать наличность в общерусском праязыке еще иных новообразований я бы не решился. Между тем в различных частях русского языка, уже издавна отделившихся друг от друга, имеется ряд общих им новообразований в области склонения[1]. Возникает вопрос: имеются ли достаточные основания для возведения их к общерусскому праязыку, к эпохе, предшествующей распадению русского языка? Так, например, всем современным русским наречиям свойственны окончания *-ам, -ах, -ами* вместо окончаний мужеского и среднего рода *-омъ, -ъхъ, -ы* (окончания *-ом, -ех, -ы* сохранились лишь в немногих говорах украинских и белорусских, как было указано в своем месте, а именно там, где древние формы подтверждались примерами из современного языка). Но решимся ли мы возводить новые окончания, заимствованные из склонения женского рода, к общерусскому праязыку? Думаю, что свидетельства древнерусских памятников, употребляющих до XIV в. и позже старые окончания, достаточны для утверждения, что отмеченные новообразования не могут быть возведены к X или IX в., т. е. ко времени русского единства. Но вместе с тем эти новообразования так же, как многие другие, общие всем русским наречиям, не могут быть рассматриваемы как диалектические явления русского языка. Они во всяком случае указывают на существование такой эпохи в жизни русских диалектов, когда они, отделившись уже от общего ствола и начавши свое обособленное развитие, переживали тем не менее общие явления. Замечательно, что изучение звуковой стороны русских диалектов не приводит к заключению о существовании подобной эпохи: только падение глухих и связанные с ним разнообразные явления роднят между собой уже ко времени начала этого процесса распавшиеся ветви русского языка. В курсе фонетики мы приводили основания, по-

---

[1] Как известно, А. А. Шахматов полагал, что три современных восточнославянских языка: русский, украинский и белорусский — являются тремя наречиями („великорусским", „малорусским" и „белорусским", по его терминологии) одного русского языка и что эти последние развились на базе ранее существовавших диалектов трех племенных групп — „восточнорусов", „севернорусов" и „южнорусов". Сказанное необходимо иметь в виду в дальнейшем для понимания общих рассуждений А. А. Шахматова об истории морфологической системы русского языка. (*Ред.*)

чему падение глухих должно отнести к середине XII в.; мы указывали там, что в это время русский язык уже распался на самостоятельные наречия. Переживание же ими во всем его объеме одного общего звукового процесса мы объясняли тем, что к тому времени произошло единение русских племен в их экономической и политической жизни. Не имея возможности возводить ряд морфологических новообразований к эпохе общерусского единства, я считаю возможным отнести их ко времени позднейшего воссоединения русских племен, явившегося следствием целого ряда сложных причин, но особенно ярко обнаруживавшегося в создании общерусского государства, в политическом объединении всех русских земель. Единение этих племен, отражавшееся и в единении русских наречий, было вызвано тесным общением, близким сожительством, колонизационными движениями. Оно не было, однако, настолько значительно, чтобы привести к единству, и потому главные наречия, на которые распался русский язык, продолжая свою обособленную жизнь, только в известной степени сблизились между собой. Вскоре, и притом не позже XIII в., новые обстоятельства разъединили русские земли. Эпоху единения русских племен после наступившего раньше их распадения я отношу к X—XIII вв. В силу этого к этой именно эпохе возвожу те морфологические явления, к рассмотрению которых я перейду. Впрочем, осторожнее будет выразиться так, что к указанной эпохе относятся начала рассматриваемых явлений, развивавшихся впоследствии иногда в одинаковом направлении уже в отдельных русских наречиях. Определить, однако, как далеко заходили изменения в том или ином направлении в эпоху единения русских наречий и какие, напротив, изменения принадлежат уже позднейшей эпохе, едва ли возможно. В силу этого нам придется рассмотреть явления, бывшие последствиями общих морфологических изменений древнейшей эпохи, не отделяя позднейших от старших.

Нашей задачей в этой части курса является рассмотрение собственно морфологических явлений. Мы поэтому не будем останавливаться на звуковых изменениях падежных окончаний. Это тем более естественно вытекает из нашей задачи, что в рассматриваемую эпоху русские наречия не переживали общих звуковых явлений. Исключение, как указано, составляет падение глухих. Ввиду того значения, которое падение глухих оказало на звуковую сторону как основ, так и падежных окончаний, я сделаю несколько кратких замечаний относительно вызванных падением глухих из-

менений в склонении имен и местоимений. Вслед за этим перейду уже к чисто морфологическим явлениям. Сначала рассмотрю явления, свойственные всем вообще склоняемым словам: сюда относится исчезновение двойственного числа. Затем отмечу явления, относящиеся к смешению падежей, к замене одного падежа другим. Далее рассмотрю явления, состоящие в смешении основ, в замене падежных окончаний одной основы окончаниями другой, причем отдельно изложу случаи смешения основ одинакового рода и отдельно — случаи смешения основ разного рода. За этим приведу прочие морфологические явления в основах мужеского, среднего и женского рода. Переходя к склоняемым словам, изменяющимся по родам, укажу на утрату категории рода во множественном числе. Затем рассмотрю именное склонение прилагательных, склонение местоимений, членное склонение прилагательных и склонение числительных, сравнительную степень.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ, ВЫЗВАННЫЕ ПАДЕНИЕМ ГЛУХИХ

В общерусском праязыке на *ъ* и *ь* оканчивался ряд форм склонения, начиная с именительной формы; односложные падежные окончания на *ъ*, *ь*, вследствие падения глухих, утратились совсем, а двусложные становились односложными. Так, слова synъ — им. ед., vółosъ — им.-вин. ед., godъ — род. мн., volósъ — род. мн., put'ь — им.-вин. ед., n'it'ь — им.-вин. ед., kon'ь — им. ед., v'ьs'ь — им.-вин. ед., p'at'ь — им. ед. и т. д. стали звучать syn, vółos, god, volós, put', kon', v'ьs', p'at'; слова volosъm'ь — твор. ед. volosomъ — дат. мн., volos'ѣxъ — местн. мн., domъxъ — местн. мн., kon'ьm'ь, put'ьm'ь — твор. ед., n'it'ьxъ — местн. мн. и т. д. стали звучать volosom', volosom, volos'ѣx, domox, kon'em', put'em', n'it'ex. Последствием этого было значительное нарушение в ассоциативной связи между падежами и формами, унаследованной из более древней эпохи. Прежде всего формы именительного падежа, оказавшиеся без окончаний, стали отождествляться с основой, и это обстоятельство не осталось без влияния на смешение древних основ. Так, в словах мужеского рода вместо древних основ на *-ŏ*, *-jŏ* и *-ĭ*, *-ŭ* резко выступило представление об основах на твердую согласную (dom, nos) и на мягкую (kon', put'); это повело неминуемо к утрате древних форм склонения на *-ŭ* и *-ĭ*, как относившихся

к менее численным категориям имен. Древние основы на *-ŭ* и *-ĭ* стали склоняться, как основы на *-ŏ* и *-jŏ*, передавая, однако, им и свои первоначальные особенные окончания. Отождествление в именах мужеского рода формы именительного падежа с основой повело за собой и то, что тождественная с именительной формой форма родительного множественного (как god, kon' из godъ, kon'ь) стала заменяться новообразованиями, содержавшими определенное окончание, присоединявшееся к основе (godov, kon'ij); древние формы родительного множественного продолжали сохраняться только там, где они не совпадали с формой основы (формой именительного падежа), как например vołós при vółos, или еще в соединении с числительными p'at' и т. д., где форма родительного множественного утрачивала свое падежное значение.

Отмечу, что в односложных указательных местоимениях tъ и sь звуки *ъ* и *ь* выпадали тогда, когда они были слабы, например в постпозиции otrokot вместо otrokotъ; но когда они были сильны, *ъ* и *ь* переходили здесь в *o* и *e*: *mo, ce*; примеры из древних памятников приведены выше. Возможно, что удвоенные формы tot, s'es' (примеры даны выше) возникли как результаты слития двух форм (to и t, se и s') в одну. С другой стороны, существование формы s'e (*ce*) в им. ед. мужеского рода вызывало появление vs'e вместо v'es' (ср. s'e при s'es'); примеры дам ниже при обзоре местоимений.

Во всех почти именах мужеского рода после падения глухих все падежные формы стали отличаться от формы именительного падежа лишним слогом, односложным падежным окончанием. Только позднейшее окончание *-am'i*, перешедшее в мужеское склонение из женского, имело двусложное окончание; быть может, это обстоятельство было причиной появления в некоторых северно-русских говорах произношения *-am* вместо *-am'i*. Указанное обстоятельство, совпадение формы именительного падежа с основой, было причиной того, что во многих именах, содержавших некогда в предпоследнем слоге *ъ* и *ь* и получивших поэтому в косвенных падежах формы, отличавшиеся и в слоге перед окончанием от формы именительного падежа, возникли новообразования, в основе которых лежала форма именительного падежа. Так, при именительном *тесть* (из *тьсть*), *лев* (из *львъ*), *рот* (из *ръть*), *зов* (из *зъвъ*) и т. п., вместо ожидаемых и существующих, а частью существовавших в более древнем языке форм *цти* или *цтя* (из *тьсти*), *льва, рта, зва,* явились новообразования: *тестя, лёва*

(диалект. *лёва* — „зверя"), *рота* (диалект. русск.), *из рота* (Послов. XVIII в., Симони, 209), *зова*. В силу того же самого формы косвенных падежей, отличающиеся от именительного не одними только окончаниями, вызывают нередко новообразования в именительном падеже; особенно упорно являются новообразования в именах городов на *-ск* из *-ьск*: под влиянием *Курска, Пронска* и т. п. являются новообразования *Курск, Пронск* вместо *Куреск, Пронеск* (из *Курьскъ, Прѣньскъ*).

Впрочем, в ряде слов не имели места подобные новообразования ни в именительном падеже, ни в косвенных; форма тех и других падежей вследствие падения глухих стала отличаться тем, что в именительном падеже в последнем слоге являлась гласная *о, е* (из *ъ, ь*), которой не было в соответствующем положении в косвенных падежах. Ср. ряды слов, подобных: *сон — сна* (из *сънъ — съна*), *пес — пса, лен — льну, день — дня, купец — купца, посол — посла, кусок — куска, пень — пня*. Существование таких слов с подобным чередованием в именительном и косвенных падежах вызвало по аналогии выпущение исконных *о* и *е* (не из *ъ* и *ь*) в косвенных падежах. Так, первоначальные *лед — леду, потолок — потолока* (диалект. северновеликорус. *потолока*, ср. старинное *очи в потоло́ки*), *корень — корене, камень — камене* (ср. диалект. *ка́меня*) и др. заменились склонением *лед — льду, потолок — потолка, корня, камня; плетень — плетня* заменило, по-видимому, *плетень — плетеня, ремень — ремня* явилось вместо *ременя*. Точно так же заимствованное слово *игумен* получило в косвенных падежах: *игумна, игумну*.

Во многих словах следствием падения глухих было отсутствие звука *е* или *о* (на месте *ь, ъ*) в исконно третьем от конца слоге именительной формы, между тем как в прочих падежах в этом слоге являлось *о, е*. Действительно, слова *рѣпъть — рѣпъта, мольбнъ — мольбна, жьньць — жьньца, шьвьць — шьвьца, съньмъ — съньма, пришьльць — пришьльца*, а также имена собственные, как *Смольньскъ — Смольньска, Витьбьскъ — Витьбьска*, должны были в силу падения глухих перейти в *рпот — ропта, мольбен — молебна, жнец — женца, швец — шевца, снем — сонма, пришлец — пришельца, Смольнеск — Смоленска, Витьбеск — Витебска*; ср. им. ед. *рпотъ* в Ев. 1307, 10а; *мольбен* в Псков. 2-й лет. и современное архангельское *снем*, обычное в древнерусских памятниках; *пришлец* в современном языке, ср. ту же форму в Новг. гр. 1317 года, № 14; *Смольнескъ* обычно в древне-

русском; *Козлескъ*, Ипат., 2, 520; рядом в родительном *ропта*, им. мн.— *зашелци* в Новг. гр. 1368—1371, № 16; *женьца* в современном олонецком, *Козельску*, Ипат., 2, 519 и т. д. Взаимное влияние таких форм вызывало, с одной стороны, новообразования в именительном падеже: так явились *ропот, молебен, пришелец* (*пришелець* в Опред. Влад. соб. 1274 по Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., 90), др.-русск. *Смоленеск, Витебеск*; с другой стороны — новообразования в косвенных падежах: современные *жнеца, пришлеца, швеца* (*ропота* — новообразование при новой форме именительного *ропот*, также *молебена*, диалект., при именительном *молебен*). Особую категорию составляют новообразования, как *Смоленск, Витебск, Козельск*, где именительная форма приблизилась вдвойне (и в предпоследнем, и третьем от конца слоге) к форме косвенных падежей; сюда же относится книжное слово *сонм* вместо *снем*, откуда под влиянием косвенных падежей — *сонем*. Если в предпоследнем слоге находились группы *ър, ьр, ъл*, то в именительном падеже мужеского рода они заменялись через *оро, ере, оло* вслед за отпадением конечного глухого в силу так называемого второго полногласия, между тем как в косвенных падежах таким сочетаниям соответствовали *ор, ер, ол*. Древние *пълкъ — пълка, чьлнъ — чьлна, четвьргъ — четвьрга, кърмъ — кърма, гърбъ — гърба* и т. д. перешли в *полок — полка, челон — челна, четверег — четверга, холом — холма, столоб — столба, сереп — серпа* и т. д., ср. полногласные формы, как: *верёх*, Олон., Новгор. и др.; *горо́п*, Новгор.; *горо́н*, укр. Екатериносл.; *коро́м*, Новгор.; *перёс*, Олон.; *полокъ*, Ипат., 119 б (под 6654 г.); *поло́н девок*, Покров.-Владим.; *столоб*, Псков., Петерб., Тверск.; *четверег*, Вятск., Пермск., Моск., Олон.; *холом*, Новгор.; *сереп*, Олон., Псков. и т. д. Влияние косвенных падежей вызвало новообразования, как *верх, полк, четверг, горн, волк* (вместо *во́лок*), *полк, столб* и т. д. То же в словах женского рода на *-ь*, как *шерсть, смерть, горсть, четверть* вместо *шересть, четереп.ь* и т. п. (ср. *четвереть*, Арханг.; *скатереть*, Арханг.; *горость*, Мещов.; *пересть*, Соф. 1-я по сп. Ак. Н. XVI в. и т. д.). Если в третьем от конца слоге находились группы *ър, ьр, ъл*, причем в следующем слоге также содержался глухой, то в именительном падеже мужеского рода на месте *ър, ьр, ъл* являлись сочетания *ор, ер, ол*, а в других падежах сочетания *оро, ере, оло* в силу так называемого второго полногласия. Древние: *тържькъ — тържька, чьрньць — чьрньца, попълнькъ — попълнька, гърньць —*

гърньца, жьлтъкъ — жьлтъка, гълбьць — гълбьца (чулан), *бълзьнь — бълзьня* и т. п. перешли в *торжек — торожка, чернец — черенца, пополнок — пополонка* (приплата), *горнец — гороница, желток — желотка, голбец — голобца*; ср. *торжекъ*, Новг. гр. 1269—1270 при *на торожкоу*; *черенци* в Дв. гр. XV в.; *черньцеск* в Новг. 1-й Син. под 1229 г.; *жолоткомъ яець* в укр. лечебнике XVIII в., изд. Потебней (Киев. Ст., 1890, т. XXVIII, 3); *свинью пополонка*, Дв. гр. XV в., № 19; *гороница* — вин. мн., Новг. 1-я по Троицк. сп. под 6497; *по гороньцы*, Белорус. сборн. Романова, I, 141; *голбец* — современ. диалект. при *голобца*, Кашин.; *болозни*, Рязан. и т. д. Влияние косвенных падежей может вызвать новообразования в именительном: ср. *бóлозень*, Тихв., Олон. (вместо *болезнь*); *голобец*, Кашин.; *пополонок*, Дв. гр. XV в., № 29 и № 110; *холомок*, Псков. и Осташ.; *челонок*, Арханг. и Тихв.; *столобок*, Лужск. Аналогии того чередования, которое замечается в словах типа *торжек — торожку, чернец — черенца* подчинились и некоторые другие слова, где сочетания *оро, оло* исконны; так, вместо *Полотеск — Полотска* (из *Полотьскъ — Полотьска*) — ср. реку Полота — находим в древнем языке *Полтескъ — Полотска* (наше современное *Полотск* [Полоцк] под влиянием косвенных падежей).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

В общерусском праязыке двойственное число было в полной силе, как это видно из языка позднейшей исторической эпохи. Мы видели, что древнерусские памятники сначала вообще правильно употребляют формы двойственного числа там, где дело шло о двух предметах, не прибегая к замене их формами множественного числа. Но в словоупотреблении было дано несколько оснований для нарушения исконных отношений: 1) под влиянием того, что при формах множественного числа для более точного числового определения необходимо употреблять числительные *три, четыре*, числительное *два* необходимо сопровождало формы двойственного числа: *трие брати, четыре брати* делало необходимым *два брата*, и „брата“ без сопровождающего „два“ стало употребляться все реже для обозначения двойственного числа; тем более редко было самостоятельное употребление формы двойственного числа, что при них могло употребляться еще другое числительное: *оба — обе*, значение которого делало самостоятельное употребление

формы двойственного числа все более ограниченным; 2) при счете от 2 до 10 в общерусском праязыке и в древнерусском языке употреблялись три системы: при числительном 2, употреблявшемся как прилагательное, ставилось существительное в различных падежах двойственного числа (*дъва брата, отъ дъвоу братоу, дъвѣма сестрама*); при числительных 3 и 4, употреблявшихся так же, как прилагательные, существительные ставились в падежах множественного числа (*трие городи, трьхъ селъ, трьмъ сестрамъ, четырьми сестрами*); наконец, при числительных *пять, шесть, семь, восемь, девять* и *десять,* употреблявшихся как существительные, зависящие от них существительные ставились в родительном падеже множественного числа (*пять сыновъ, от пяти городъ, к пяти сестръ*). Это обстоятельство неминуемо должно было приводить к попыткам обобщения той или другой системы. Сложнее представлялось обобщение системы, употреблявшей числительные как существительные, с системами, употреблявшими числительные как прилагательные; но обобщение обеих систем, употреблявших числительные как прилагательные, было вполне естественно, подобно как dъva brata легко вызывало tri, četyr'e brata, так же легко, и притом до утраты двойственного числа, как грамматической категории, trije, četyr'e brati вызывало dъva brati; 3) при числительных *дѣванадесяте, обанадесяте* существительное, согласуясь с *дѣва, оба,* естественно, склонялось в двойственном числе; ср.: wбанадесѧте псалма, Жит. Феод., двѣнадесѧте лѣтѣ, Жит. Феод.; постави порока вї, Ипат., 265 б; то вї гривнѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 31); ср.: а за кормилца вї гривенъ, ib., 31; а се наклади вї грівноу, ib., 42, когда *два, две* слились теснее со следующим *надесѧте,* причем *десѧте* вследствие энклитического употребления сократилось в *десять* (*дванадесять*) и далее в *дьсять — дсять — дцать* (*двенадцать*), двойственное число существительного ассоциировалось уже не с числом 2, а с числом 12. Это, как увидим, вело к появлению форм двойственного числа и после 13—14 и даже после 15—20, 30 и т. д., за которыми вообще следовали формы родительного множественного. Но во всяком случае появление двойственного числа и после 12 вело к утрате формами двойственного числа их первоначального значения. Кроме трех указанных причин, на утрату двойственного числа действовали и другие; некоторые из них выяснятся ниже. Приведу данные, освещающие последствия утраты двойственного числа. Но сначала укажу, что еще в XIV и даже в XV веке

двойственное число было живуче. Ср. в Лавр. сп. пов. вр. лет.: подъ пазусѣ, створи двѣ главѣ златѣ, ходя в твоею руку, оуби два брата енохова, межи двѣма колодама, ѿ главъı и до ногу, съвкуплена тѣломь паче же душама, по дву же лѣту, межи двѣма wзерома, радуите сѧ свѣтлѣи звѣздѣ заоутра въсходѧщии и т. д. (другие примеры у Некрасова); разумеется, эти примеры возводятся к старшему изводу памятника, но замечательно, что писец XIV в. сохранил их без подновления; под 1284 годом в Лавр. читаем: побѣгоста 2 братеника та бесерменина г Курьску; в Рижск. гр. ок. 1300: шахматъ жо Фредрихъ поведала; в Смол. гр. 1229 (сп. А): Гиндрикъ Готь, Илдигърь, та два была исъ Жата; Гал. гр. 1378: по два гроша широкая; Дух. моск. 1328, № 21: в̄ чума золота болшая, в̄ блюдци меншии; Смол. гр. 1229 (А): та два была послъмь (мы ожидали бы *послома*) оу Ризе; Новг. гр. 1314 г., № 12: двема с̄тома; Гр. Новг. 1371, № 8: въ дву насаду; Новг. гр. 1317, № 14: а тѣ грамотѣ Михаило кнѧзь порѣзалъ; Новг. гр. 1305—1308, № 7: двѣ дългѣи (вместо *дълзъи*). Можно допускать еще ненарушенное существование двойственного числа в языке того или другого памятника только в том случае, если формы двойственного числа употребляются и в глаголах, и в прилагательных, ибо сохранение форм двойственного числа в существительных, форм, прямо зависящих от предшествующих *два, оба, две, обе*, зависело от той новой связи, которая создавалась между числительными и формами зависевших от них существительных. Впрочем, о двойственном числе как таковом можно говорить и там, где после 2 ставятся формы двойственного числа, а после 3, 4 сохраняются формы множественного числа. Такое словоупотребление замечается, например, в Двинских грамотах XV в., где, с одной стороны: два пуда жита, оба брата, два сугроба железа, двi полѧнъки, двѣ корови, а с другой: на д̄ пузы, д̄ лоскуты, г̄ рубли, три оучастки. То же в Литовских летописях XV—XVI вв. (реже: два человѣкъı, Виленск. сп.).

Памятники указывают, что с течением времени прилагательные ставились во множественном числе, между тем как определяемые ими существительные оставались в двойственном, очевидно, под влиянием формы предшествующих им числительных. Ясно, что представление о двойственном числе в языке таких памятников само по себе сменилось представлением о неединственном, множественном числе, сохраняясь, однако, в непосредственной связи с числительным 2. Так, в Лавр. летописи под 1284 читаем: самѣ

2 братеника бесерменина та утекла. За числительным 2 и существительные, и местоимение, и глагол стоят в двойственном числе, но перед ним уже форма множественного числа (*самѣ* вместо *сами,* как *тѣ* вместо *ти*); но там же: и тако розидошася обѣ свободѣ бесерменьскиѣ, где прилагательное стоит в форме множественного числа, хотя, впрочем, здесь может быть и конструкция по смыслу, ибо *свобода* — имя с собирательным значением. Яснее примеры, как: взѧ два города галичьскъıи, Ипат., 230 в.; в̄ чаши золотъı, Дух. моск. 1328, № 21; два ковша золоты, Дух. моск. 1389, № 39; мои два жеребьı, Дух. моск. 1389, № 34; в̄ селѣ коломеньскии, Дух. моск. 1328, № 22; двѣ ночи (мера) никольскъıѣ, Гр. 1432—1443 (Собр. Мух., № 38); придаемъ наши двѣ селѣ, Молд. гр. 1445—1459, № 78; два малаѧ (подразумевается *блюдѣ*), Дух. моск. 1328, № 22. Подобные обороты были, по-видимому, весьма обычны, и я признаю вероятным, что утрата двойственного числа началась в формах прилагательных тогда, когда в существительных оно еще поддерживалось влиянием предшествующих числительных. Что в обороте „взя два города Галичьскъıи" (собственно *Галичьскъıѣ* — вин. мн. м. р.) „города" — еще форма двойственного числа (следовательно, *городá,* а не *гóрода*), я усматриваю в том обстоятельстве, что позже он сменился оборотом „взя два города Галичьскъıхъ" (причем *города* по форме род. п., поэтому *гóрода,* а не *городá*).

Указанием на частичное, а еще не полное исчезновение двойственного числа признаю появление форм множественного числа вместо форм двойственного в положении не за числительным 2. Ср. в Дух. Новг. Климента XIII в.: *на свои роукъı* вместо ожидаемого *на свои роуцѣ*; в Рижск. гр. ок. 1300: *и ту портъı с нвго снемъ за шию оковалъ и рукъı и ногъı* (вместо *и руцѣ и нозѣ*). Равным образом появление *въı* (формы множественного числа) вместо *ва* (формы двойственного) еще не доказывает полной утраты двойственного числа. Ср. уже в Жит. Бор. и Гл. по Усп. сп. XII в.: *въı ѥста.*

Случаи замены двойственного числа существительного множественным после числительного 2 также не всегда доказывают полное исчезновение двойственного числа, ибо формы множественного числа после 2 могли переноситься по понятной ассоциации из оборотов с 3 и 4. В этом убеждают меня такие обороты, как *два крестъı серебная,* Гал. гр. 1393; *за два рокъı цѣлна,* Молд. гр. 1411, № 22, где двойственное число имен прилагательных,

сопровождающее множественное число существительных, указывает на то, что с выражениями *два хресты, два рокы* сочеталось представление о двойственном, а не о множественном числе.

Можно думать, что формы косвенных падежей двойственного числа раньше уступили место формам множественного числа, чем формы именительного падежа. Это отчасти может объясняться тем, что неразличение родительного от местного, дательного от творительного в двойственном числе (между тем как во множественном эти падежи различались) порождало стремление различить их и побуждало прибегать к формам множественного числа. Так, в Двинских грамотах XV в., сохранявших, как мы видели, представление о двойственном числе, находим обороты, как: оу дву мѣстехъ, № 12; ср. в Дух. моск. 1389, № 34: из двою мои^{х} жеребьевъ; в Дух. 1356, № 26: иꙁ дву жеребьевъ; в Догов. моск. 1389, № 35: двѣма жеребьи; в Гр. 1432—1443: двѣма неводъ монастырьскими (Собр. Мух., № 38); Новг. рядн. XV в.: ѿ дву бортеи (Собр. Мух., № 15); в Ипат. лет.: двѣима копьи, 199 б; в Краковск. гр. 1394: двема копьи; Гр. XV—XVI вв.: отъ дву тѣхъ березъ (А. Калач., II, № 178); также в Новг. ев. XIV в. Публ. Библ. (Fn., I, 190) (См. Л. Васильев); двѣма стомъ, двѣма стъı; вѧщии е҃ хлѣбъ и ръıбъ двою, Ев. 1339, 96а; в двꙋ сихъ главизна^{х}, Домостр. Конш., 67.

Рано, как кажется, исчезла первоначальная форма именительного-винительного двойственного числа среднего рода на *-ѣ* (*-и*), заменяясь формой на *-а*, возникшею под влиянием склонения мужеского рода. То обстоятельство, что слова мужеского и среднего рода сходствовали в падежах единственного числа и что, кроме того, они сходствовали и в косвенных падежах двойственного (*городу, городома — лѣту, лѣтома*, ср. в женском роде *жену, женама*), повело к замене в именительном-винительном двойственного среднего рода формы на *-ѣ* (*-и*) формой на *-а*. Так, в Двинских гр. XV в., где, как мы видели, после „два" в мужеском роде сохраняются формы двойственного числа (а после 3, 4 множественного) находим в среднем роде: два рѣпища, № 2 (*не рѣпищи*); в҃ поля, № 35; два перевесища, № 28. Отсюда заключаем, что *поля, репища, перевесища* — формы не множественного числа, а новообразования со значением двойственного числа. Ср. еще в Новор. сп. Новг. 4-й: бывъ два лѣта, вместо: двѣ лѣтѣ, 667 б; два солнца помѣркоста, Сл. о п. Иг., 25; ваю храбрая сердца... скована, закалена, ib., 26; два села, Дух. Климента XIII в., Молд.

гр. 1431, Молд. гр. 1434. Но в отдельном употреблении древние формы двойственного среднего рода удерживались: *колѣни* (фонетически вместо *колѣнѣ*), *плéчи* (с перенесенным под влиянием множественного числа ударением, ср. *на плечи́*, Домостр. Конш., 42), *брѣлѣ* (ср.: ѣлъ смердъ блинъ да засалилъ брилъ, Послов. XVII в., Симони, 160).

Совершенно ясно, что отмеченные выше нарушения правильного употребления двойственного числа вели неминуемо к полному его исчезновению. С представлением о формах „города́“, „женѣ“ после числительных „два“, „двѣ“ соединялось представление о двойственности, но как скоро представление о двойственности исчезало вообще у говорящих, заменяясь представлением о множественности, оно отошло и от сохранявшихся после числительных форм двойственного числа. В сочетаниях *два города́, два бра́та, два села́, двѣ сестрѣ* с формами *города́, бра́та, села́, сестрѣ* естественно было бы сочетаться представлению о множественном числе. Но это самое представление вызывало другие формы, а именно *городи, брати, сéла, сéстры;* поэтому неминуемо возникала замена древних форм двойственного числа формами множественного. И уже в древнем языке можно указать ряд примеров для такой замены: приступльша два свѣдители, Ев. 1339, 171в; гдѣ были оба коутъı, Молд. гр. 1439, № 52; за два рокъı, Молд. гр. 1411, № 22; два годъı, Дв. гр. 1536, № 9. Ср. в современных великорусских говорах в единичных случаях: два́ годы, Онеж. (Прогр. № 41); оба королѝ, ученикѝ, Пинеж. (Обл. сл., № 6); обы столы, Арханг. (Кузмищев); весьма часто: два рублѝ, например, Кадник. (Отв. № 25), Нолин. (Отв. № 68), Шенк. (Отв. № 80), Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); по два рубли, Мещов. (Шахм.); более обычно в белорусских: два сталы, Могил. (Отв. № 4), Слуцк. (Отв. № 5), Игум. (Отв. № 8), Быхов. (Отв. № 9), Речицк. (Отв. № 17), Витеб. (Отв. № 18), а также в украинских: два волѝ, два столѝ.— Приведу примеры и для женского рода, хотя возможно, что в некоторых из приведенных случаев является уже не форма именительного множественного, а заменившая ее форма родительного падежа (об этой замене см. ниже): по двѣ коунъı, Новоросс. сп. Новг. 4-й XV в., 322а; двѣ головъı, ib., 223 б; по две гривнъı коунъ, Троицк. сп. Новг. 1-й, 71б; в рꙑбъı, (вин.), Пантел. ев., ib., 15 б; по обѣ сторонъı, Дв. гр. XV в., № 122; в рꙑбъı (при—обѣ рꙑбѣ), Новг. ев. XIV в. (Fn., I, 17). Современное белорус.— дзве хаты.

Но сочетания *два попá, два городá, два селá* могли продолжать свое существование. „Попá", „городá", „селá" уже не вызывали представления о двойственном числе, но они не вызывали и представления о множественном (результатом этого была бы замена их формами множественного числа). Потеряв категорию числа, эти формы, естественно, сблизились с тождественными с ними формами родительного единственного: в сочетаниях *два брата, два попа, два клина, два человека* форма, следующая за числительным *два,* была тождественна с формой родительного падежа. Это повело к общей замене формой родительного падежа единственного числа формы двойственного числа, потерявшей свое значение, и там, где форма двойственного числа по звуку не была тождественна с формой родительного падежа. Такая замена, как кажется, имела место вообще во всех говорах русского языка, хотя в некоторых из них, как мы видели, укрепилось употребление множественного числа на месте древних форм двойственного числа. Приведу доказательства и подробнее разовью выставленное только что положение.

В словах с подвижным ударением в общерусском и общеславянском праязыках ударение в формах им.-вин. двойственного числа падало на окончания, ибо окончания *-а* в мужеском роде, *-ѣ* в женском и среднем имели некогда длительную долготу, перетягивавшую[1] на себя ударение. Поэтому, например, слова *город, нос, сад, год, глаз, волос, род, воз* и т. д. в родительном падеже имели ударение *го́рода, но́са, са́да, го́да, гла́за, во́лоса, ро́да, во́за,* а в именительном двойственного: *городá, носá, садá, годá, глазá, волосá, родá, возá.* Это доказывается как ссылкой на литовский язык, где соответствующие слова имеют в именительном-винительном двойственного ударение на окончании, например, ponù, kraštù (род. póno, krásto), так и теми словами русского языка, которые по самому своему значению являются остатками двойственного числа: *глазá* (род.— *гла́за*), *рогá* (род.— *ро́га*), укр. и великорус. *поводá* (род.— *по́вода*), сюда же укр. *два годá.* В настоящее время в русском языке слова с подвижным ударением по общему правилу имеют в сочетании с числительным „два" то же ударение, что в родительном единственного: *два го́рода, два сада, два го́да, два гла́за, два во́лоса, два во́за.* Только в виде исключения сохраняется первоначальное место ударения

---

[1] В рукописи. притягивавшую. *(Ред.)*

и притом в особенности в сочетаниях наиболее частых и обычных (в литературном языке: *два разá, два шагá, два рядá;* ср.: *два разá,* Петерб. (Прогр. № 5); *два рядá,* Жиздр. (А. Никольский), Моздок. (М. Караулов); реже диалектически в других случаях, причем возможно, что мы имеем дело с формами множественного числа: *два барских дамá, я яꙗо учил ꙗадá три, три волосá,* Мосал. (Шахм.). Следовательно, в великорусском языке произошло систематическое передвижение ударения с тех форм двойственного числа, которые отличались от родительного падежа местом ударения. Это подтверждает наше положение о замене форм двойственного числа формами родительного единственного. То же сближение древних форм двойственного числа с родительным единственного замечается в великорусском языке и в женском роде; в сочетаниях *две лúпы, две берёзы, две воро́ны* (*лúпа, берёза, воро́на* — слова с ударением неподвижным) *лúпы, берёзы, воро́ны* могут быть признаны формами именительного множественного, но из сочетаний, как *две рукú, ногú, сестры́, версты́, рекú* (это слова с ударением подвижным); ясно, что после „две" стоят формы родительного единственного, ибо во множественном было бы *ру́ки, но́ги, вёрсты, ре́ки* и т. д. Правда, можно предположить, что в сочетаниях *две рукú, две версты́* и т д. сохранилось исконное место ударения форм двойственного числа (двѣ руцѣ, двѣ верстѣ), но, останавливаясь на вопросе о замене окончания *-ть* окончанием *-ы,* мы можем допустить, что это *ы* заимствовано или из формы именительного множественного, в таком случае, однако, мы ожидали бы другое ударение (две ру́ки, две но́ги), или из формы родительного единственного; последнее предположение представляется более вероятным. В украинском, как увидим, известно и *дві ру́ці, но́зі* (о месте ударения см. ниже), и *дві рукú, ногú.* Это, думаю, подтверждает то, что мы сказали выше: великорус. *две рукú, ногú,* укр. *дві рукú, ногú* не представляют форм множественного числа с ударением, измененным под влиянием двойственного числа (в украинском мы вправе бы ожидать *дві руцí, нозí*), но содержат формы родительного единственного, заменившие по указанной выше для мужеского рода причине формы двойственного числа.

Великорусские говоры доказывают выставленное выше положение еще тем, что диалектически в единичных случаях в них являются после числительного *два* (а под влиянием этого и после *три, четыре*) формы на *-у* от имен мужеского рода, т. е. формы,

которые можно понять только как родительный единственного (окончание *-у* восходит к склонению основ на *-й*). Ср. в древнем языке: два году, Хожд. Аф. Ник. по сп. XV в., 387а; на два году, Двинск. гр. XV в., № 76; два году, Гр. 1534 (А. Калач., I, 173 и 190), Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9), Гр. 1503 (А. Ю. № 10); два корму, Гр. 1474—1516 (А. Калач., I, № 63); тѣ два стану, Дух. моск. 1462 (С. Г. Гр. и Д., № 87). В современном: два, три году, Новг. (Отв. № 20); три го́ду, Вытег. (Филимонов); с три году, Олон. (Отв. № 29); три го́ду, Остр. (Отв. № 33); три ра́зу, Вытегор. (Филимонов.) Возможно, что в *два дни,* Соликам. (Лукинин, Обл. сл., № 137), Великолуцк. (Отв. № 45), Казан. (Будде, в Сборн. в ч. Фортунатова) и др., мы точно так же имеем форму родительного падежа, ср. с *того дни,* Буйск. (Отв. № 18); *третёво дни,* Орл.-Вят. (Отв. № 63) и др.

Третьим доказательством в пользу вытеснения древних форм двойственного числа формами родительного единственного может служить еще следующее. Мы видели выше, что первоначально сочетания *два города великая, двѣ церкви деревяньи* заменялись вследствие утраты двойственного числа у слов, не зависевших непосредственно от числительного *два,* через *два города велици, двѣ церкви деревянъıѣ.* Весьма рано такие сочетания уступили место другим, где прилагательное стоит в родительном множественного; эти сочетания обычны и в современном языке. Ср. в Ипат. лет.: во двѣ же вѣрви чюднъıхъ, 221а; в Новоросс. сп. Новг. 4-й XV в.: поставиша в̄ церкви деревянъıхъ, 457а; в̄ моста доспѣша велики, 475а; в Гр. 1462—1565: да два селища поповскихъ малъıхъ (Собр. Мух., № 56). В современном языке литературном: два красивых, два уютных уголка, мальчика, два сосуда полных вина, два больших села, и даже диалектически: две тёмных комнаты; ср. в белорусском: три горошинки гэтых зъела, Быхов. (Ром., III, 92); дав ёй три красных ягодки зьесь, ib., 1918; выдув два сту́лы золотых, Рогач. (ib., 230); и здзелались три пракрасных девушки, ib., 351; жило себе три браты: два разумных, а трецьций дурень, Быхов. (Ром., III, 413); рядом — два чарты́ старыи, ib., 343. Понять такие обороты можно лишь при предположении, что то или другое основание послужило причиной замены формы именительного множественного формой родительного множественного. Если допустим, что *два велици моста́* заменило форму *моста́* (именительный двойственного) формой *мо́ста* (роди-

тельный единственного), как указано выше, мы поймем, что такая замена не могла не отразиться и на прилагательном: *велиции* — им. мн. должно было замениться через *великыхъ* — род. мн. То обстоятельство, что при словах мужеского и среднего рода последовательнее держится определение в родительном множественного, чем при словах женского рода, объясняется тем, что в ряде случаев существительное женского рода после *двѣ* совпадает по форме с именительным множественного, почему, может быть, согласовано с прилагательным в именительном падеже множественного числа, между тем как в мужеском роде подобное согласование представлялось бы затруднительным, после того как формы существительных после имени числительного потеряли возможность сами по себе означать множественное число. Думаю, что соединение *две больших рукѝ, две глубоких рекѝ* представляются нам естественнее, чем сочетания *две темных комнаты,* ибо *рукѝ, рекѝ,* в противоположность *комнаты,* не могут означать множественного числа.

Замена форм двойственного числа формами родительного единственного принадлежит преимущественно великорусскому языку. Но, кажется, следы такой замены можно указать и в белорусском и в украинском. Ср., например, Пинск. *два сэлá* (Отв. № 4), *не сэ́ла,* а также указанные выше укр. *дві рукѝ, дві ногѝ* (Себеж. *два столá* (Отв. № 26), едва ли не под великорусским влиянием, но *дзве рукѝ, нагѝ* обычно в белорусском). Но, как указано, в белорусском и украинском более обычно вытеснение форм двойственного числа формами множественного числа. Едва ли не в связи с этим стоит то ударение, которое имеют в украинском сохранившиеся в нем формы двойственного числа женского и среднего рода. Ударение *дві зі́мі, бі́ді, ру́ці, но́зі* явилось вместо *зімі́, біді́, руці́, нозі́* под влиянием ударения именительного-винительного множественного числа, как известно, исконно оттягивавшего его с конечного слога (ср. великорус. *зи́мы, бе́ды, ру́ки, но́ги*); равным образом *дві дерéві* явилось под влиянием именительного множественного *дерéва* (ср. великорус. *озёра* при *о́зеро*). Ср. древнее место ударения в белорус.: *дзьвé рутцé, назé,* Игум. (Отв. № 8); *тры сялé,* Слуцк. (Отв. № 12); *тры бядзé,* Речицк. (Отв. № 17) и т. д. В украинском передвинулось с окончания: ударение и в остатках двойственного числа мужеского рода вместо ожидаемого *рукавá* находим *рукáва* (под влиянием *рукá, ви,* ср. *рукавы* в Зап. Петра Могилы, изд. в А. Ю. З. Р., т. VII

ч. 1, стр. 86; *рука́вы,* Мосал.; *на рука́вы не хва́тить,* Жиздр.), вместо ожидаемого *уса́ — у́са* (усы). Украинскому и белорусскому чуждо следующее явление, стоящее в связи с исчезновением двойственного числа и свойственное великорусскому. Мы видели выше, что в известное время с формой *города́* в сочетании *два города́* уже не соединялось представление о двойственном числе. Это было причиной систематической замены в украинском и белорусском формы *города́* и т. д. множественным числом (городи, городы), а в великорусском родительным падежом единственного числа (два го́рода). Но замена именительного-винительного *города́* через родительный *го́рода* в великорусском предполагает сложный посредствующий процесс и напряженную борьбу форм. Как мы видели, с *города́* в *два города́* после исчезновения двойственного числа должно было сочетаться прежде всего представление о множественном числе (и это тем более, что рядом с *два города́* неминуемо являлись *три, четыре города́*); в украинском и белорусском вызванное этим обстоятельством появление *два городы* вытеснило *два города́;* но в великорусском победа оказалась за сочетанием *два города́,* уже потом уступившим место сочетанию *два го́рода.* И вот результатом чередования *два города́* и *два городы́* и последовавшего затем вытеснения *два городы́* явилось представление о форме *города́* как о форме именительного-винительного множественного числа. И подобно как *городы́* вытеснялось через *города́* в сочетаниях с „два", „три", „четыре", оно вытеснено было им и вне подобных сочетаний с числительными; вместо старой формы именительного-винительного множественного *горо*ъ*ы* стали употреблять новую — *города́.* Появление таких форм множественного числа (от существительных мужеского рода с подвижным ударением) принадлежит уже только великорусскому языку. Ввиду этого мы вернемся к ним впоследствии ниже и рассмотрим их там подробнее. Здесь же отметим еще раз, что это обстоятельство доказывает сравнительно позднее исчезновение двойственного числа в русском языке; уже по распадении его на обособленные наречия и после образования великорусской группы наступило то окончательное падение двойственного числа, которое привело к систематическому вытеснению его[1] формами множественного или единственного числа в именах мужеского рода.

Нам необходимо рассмотреть еще несколько явлений, стоящих

---

[1] В рукописи по описке „их". *(Ред.)*

в той или другой связи с падением двойственного числа. Как указано, в пределах счета от 2 до 10 наблюдалось в древнем языке три различные системы согласования числительного с существительным. Это привело к вытеснению некоторых из них, к обобщению других. Нам более близки были те две системы, что наблюдались, с одной стороны, при числительном 2, а с другой — при числительных 3, 4, ибо в обеих них числительное употреблялось как прилагательное. Как мы видели, *три городи, четыре липы* рано могли вызвать употребление множественного числа и после 2: *два городи, две липы* вместо *два города́, двѣ ли́пѣ* (примеры указаны выше). С другой стороны — и это еще до утраты двойственного числа, — *два города́, двѣ ли́пѣ* могло вызвать *три, четыре города́, ли́пѣ,* причем со словами *города́, ли́пѣ* в таких соединениях естественно связывалось представление о множественном числе. В результате в объеме всего русского языка конструкция при 2, 3, 4 оказалась общею: за ними стоят или формы множественного числа, или остатки двойственного числа, претерпевшие соответственные изменения. Ср. множественное число в укр. и белорус.: два, три, четырі чоловіки, воли, столи; два, тры, четыре сталы́. Двойственное число после 3, 4 в древнем языке: платити г̄ гривнѣ продаже, Русск. Пр. (Р. Д., I, 49); то г̄ гривне продаже, ib., 50; д̄ гривне, Дух. Климента XIII в.; по г̄ гривнѣ, Новг. 1-я, 148, 162, 208; и быша г̄ брата, Ипат., 5б; изъбрашаꙗ трие брата, Ипат., 14; бꙗше три брата, Троицк. сп. Новг. 1-й; собраше͡с ихъ три брата, ib.; бꙗхуть бо... три кнꙗзꙗ, Ипат., 232в; по три воробьꙗ, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 79а. Остатки двойственного числа: современные великорусские: три, четыре брата, города, хлеба; руки́, ноги́, сестры́; села́, гнезда́; укр.: три, четири ри́бі, му́сі, ха́ті, кни́жці, селі, вікні, гнізді, відрі; белорус.: три, чатыря бядзе (Отв. № 5); хаце, рутце, Пинск. (Отв. № 6); тры сяле, Слуцк. (Отв. № 12); тры сяле, бядзе, Речицк. (Отв. № 17); четыре бядзе, сяле, Минск. (Отв. № 23) и т. д. Под таким же влиянием двойственное число проникает и после *пол:* полъ гр̄вне (гривнѣ) в Дух. Климента XIII в., полъ гривне в Русск. Пр. (Р. Д. I, 53), а за дерево полъ гривнѣ, ib., 50.

Таким образом, при счислении от 2 до 10 две системы согласования: 2—4 согласуются с существительными как прилагательные, между тем 5—10 — это существительные и от них зависят существительные в родительном множественного; ср. великорус.—

2, 3, 4 города, но *5, 6, 7, 8, 10 городов.* В отдельных русских говорах, частью в единичных случаях, видим вытеснение одной из этих систем другою. Замену первой системы второю находим, например, в обороте *два, три, четыре раз* вместо *два, три, четыре раза* — и это под влиянием *пять, шесть, десять раз;* ср.: два, три раз, Кадник. (Отв. № 25); два раз, Петергоф. (Отв. № 5); два, три, четыре раз, Буинск. (Отв. № 18). Чаще, вероятно, встречается родительный падеж такого рода при антиципации: ср. в Ипат. под 1199 г.: отъ того же боголюбивого Всеволода, иже созда церковь тоу родовъ четъıри. Любопытно, что такой оборот обязателен, если в качестве существительного употреблено прилагательное, например в Хожд. Афан. Ник. по сп. XV в. читаем: в҃ ѕолотъı (Ермол., 391а). Замену второй системы первой наблюдаем несколько чаще, а именно в украинском языке и южных белорусских говорах; при этом менее редка замена родительного множественного после 5—10 остатками двойственного числа, более редка замена именительного множественного числа. Так, в Пинском уезде диалектически не только *два, трьı, чотьıры чоловика,* но также *пять, дэсять* и т. д. *чоловика* (Отв. № 3). Укр. *сто чоловіка, невольника пів чва́ртаста* и т. п. предполагают наличность и распространенность оборотов, как *шість, десять чоловіка,* откуда *чоловіка* переносилось на место род. мн. *чоловік* и дальше. Случаи, как *даша ему г҃і града,* Новоросс. сп. Новг. 4-й, 620б, *г҃і ногате,* Дух. Климента, должны быть рассматриваемы отдельно. В них *града, ногать* согласовано с *три;* они относятся поэтому к указанной выше замене множественного числа через двойственное после „три", „четыре". Ср.: по двенадесѧ т҃ гривнъı, Тр. сп. Новг. 1-й, 5г; между тем как в *двана́дьсѧть моужь,* ib., 53а, так же как в *в҃і моужь,* Гр. 1189—1199 (в сп. 1263), видим уже согласование со второю частью числительного. Именительный множественного вместо родительного множественного видим, например, в мозырских говорах, где под влиянием *два, три, четыре годы́, волы́* говорят и *5, 6, 7, 8, 9, 10 годы́, возы, рубли́, чаловіэ̄ки, мешки́,* также в женском роде *хаты,* равным образом *11, 12 возы́, коро́вы* (Отв. № 10).

Ряд дополнений к сказанному здесь о падении двойственного числа и его последствиях сделаю ниже, в отделах, посвященных отдельным диалектам. Там же укажу на перенос окончаний двойственного числа (например, *-ма*) во множественное число.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УТРАТА РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НЕКОТОРЫМИ ПАДЕЖАМИ

1. ЗАМЕНА РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ВИНИТЕЛЬНОГО В ИМЕНАХ ОДУШЕВЛЕННЫХ

Как мы видели, употребление родительного падежа вместо винительного в словах мужеского рода восходит еще к общеславянской эпохе: причину его видим за всеми предшествующими исследователями в совпадении в одной форме именительного и винительного падежей мужеского рода, после того как оба первоначальные окончания *-os* и *-om* перешли одинаково в *-ъ*. В языке явилось стремление яснее отличить форму объекта (дополнения) от формы субъекта (подлежащего), а так как особенное затруднение представляли фразы, где и субъект, и объект составляли имена одушевленные (например, *отьць любить сынъ, аче мужь убиеть мужь*), то различение объекта от субъекта началось именно в таких именах и уже в общеславянском винительный падеж имен мужеского рода одушевленных стал заменяться родительным *(отьць любить сына)*. Указанная замена в общеславянском праязыке ограничилась, по-видимому, категорией имен одушевленных мужеского рода. Впрочем, она, естественно, распространилась на вопросительное местоимение личное kъto; здесь. уже в общеславянском вместо винительного *kъ употреблялась форма родительного koho. Равным образом и личные местоимения получают возможность употреблять родительный вместо винительного: *мене, тебе, себе* стали обозначать и винительный падеж, хотя окончательное вытеснение не было необходимо, ибо форма винительного падежа отличалась от формы именительного. Однако старые формы винительного падежа, тождественные с именительным, продолжали сохраняться в общеславянском праязыке в именах мужеского рода одушевленных. И в древнерусском, как можно убедиться из приведенных при образцах склонения примеров, еще держались старые формы, в особенности при некоторых благоприятных условиях. А такими условиями были, как нами уже отчасти было отмечено: 1) соединение с притяжательным местоимением *свои:* посла wтрокъ свои, Лавр.; чему wси слѣпилъ братъ свои, ib.; тивоунъ свои держати, Новгор. дог. 1265, № 1; посади посадникъ свои, Ипат., 30а, и т. д.; 2) употребление в виде приложения к другому существительному, имеющему уже новое

окончание: сына же своего Ярославъ посади Туровѣ, Лавр., 298; хотя возможно, что такой случай — результат ошибки переписчика, прочитавшего написание „Ꙗросла^{в}“ как „Ꙗрославъ“ вместо „Ꙗрослава“; далъ жо еси приставъ своего чл҃вка Прокопию, Рижск. гр. ок. 1300; убиша Прусі Овъстрата и сынъ его Луготу, Новг. 1-я, Син., 81а; 3) употребление при приложении, уже принявшем форму родительного падежа вместо винительного: послалъ посолъ свои Вячеслава, Ипат., 264а; 4) употребление при стоящем рядом дополнении, принявшем форму родительного вместо винительного: слати ѡсетрьникъ и медовара, Гр. 1265, № 1, хотя в данном примере возможно предположить, что „ѡсетрьникъ“ — именительный падеж единственного числа при инфинитивной форме; а оже оубьють Новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); также при другом дополнении вообще: оже оубьють таль или попъ Новгородцкоѥ или нѣмецкоѥ, ib.; 5) в некоторых определенных выражениях после предлогов: а поиде за мужь, въсѣде на конь; 6) отчасти и при других условиях, например: поемъши дѣтьскъıи оу соудье, Гр. ок. 1240. Но уже в древнем языке во всех указанных выше случаях встречается и родительный падеж вместо винительного: аже разгнѣваѥтьсѧ кнѧзѣ (вместо *кнѧзь*) на своего чл҃вка, Гр. 1229 (А); а за Волокъ ти слати своего мужа, Новг. дог. 1308, № 6, и т. д. С течением времени старая форма винительного падежа единственного числа в именах мужеского рода вытеснена была окончательно. В современном языке она совсем не известна, сохраняясь лишь в нескольких наречных выражениях, как укр.— за між, угрорус.— про милий бі̀г (Верхр., II), русск.— за муж, прó семью и прó гость, Домостр. Конш., 50.

Быть может, та же причина вытеснила почти окончательно из личных местоимений древние формы винительного падежа *мя, тя* формами родительного падежа *мене, тебе (меня, тебя)*. Старые формы, как видно из приведенных выше при парадигмах примеров, сохраняются лишь диалектически, причем такому сохранению способствовало то обстоятельство, что они получили также функцию родительного падежа; ср. в примерах случаи, как *у тя, до тя*. Форма винительного падежа местоимения личного 3-го лица *-и* (из *-ѥ*) держалась в древнем языке, не заменяясь вообще формой родительного падежа, вероятно, потому, что в именительном падеже употреблялась другая, не тождественная фэрма (*онъ*). Но с течением времени форма винительного *и*, когда относилась к

одушевленным именам, вытеснялась через форму род. jeho. Ср., например, в Пов. вр. л. по Лавр. сп.: w҃рѣваите его w҃ берега, цѣловавъ его, наказавъ его и наоучивъ, блгви и w҃пусти его, емъ его с слугами своими. Вытеснение *и* через *его* в подобных случаях вело и к дальнейшему вытеснению *и* (там, где оно относилось к предметам неодушевленным); ср. в Лавр.: блюди со wпасеньемь его (т. е. монастырь). Древняя форма винительного падежа сохранилась, кажется, только в соединении с предлогом *на* у лемков: *на ни, за ни не піду* (Верхр.) вместо *на нь, за нь,* под влиянием *и*. С течением времени форма *его* стала вытеснять и винительный среднего рода *е,* теперь также исчезнувшее в русском языке; укажу пример *его* вместо *е* из XV в.: а где wруд(ь)е почнет(ъ) ту его и концат(и), Новг. дог. 1426—1461, № 18. Рано стала исчезать из языка и форма винительного падежа женского рода *ю;* ее заменила форма родительного падежа *ее*. Таким образом, в этом случае в женский род передалось явление, зародившееся в мужеском роде; при этом, как и в местоимении мужеского рода, форма родительного падежа вытеснила форму винительного не только там, где местоимение относилось к лицу, но и к предмету. Примеры: за нее, Ипат., 236в; ее, Гр. 1462—1505 (Г. Др., I, р. IV, № 9), Хожд. Афан. Ник., 382а; заложил(ъ) г(осподи)не ее (т. е. пожню), Гр. 1462—1505 (С. М., № 52); и мы ее раздѣлили (т. е. пожню), Дв. гр. XV в., № 133; а вы выкупите ее (т. е. пожню) с(вя)т(о)му Николи, Дв. гр. XV в., № 7; пошлеть ее, Виленск. сп. Лит. лет.; ее положили, Крас. сп. Лит. лет.; а Кирило еѣ и в ръıло, Послов. XVII в. (Симони, 76). Древнее *ю,* как мы видели при парадигмах, сохранилось лишь в немногих говорах: Каргоп. (Колосов), Холмог. (Отв. № 50), Петроз. (Отв. № 34)[1], ср. укр.— ю, ню; лемк.— ю. Ниже мы увидим, что в великорусских говорах *ее* вместо *ю* вызвало и *тое, самое, одное, сее* вместо *ту, саму, одну, ею.*

Кроме того, в именах существительных мужеского рода был еще один путь для проникновения родительного падежа на место винительного. Это именно могло иметь место уже в древнем языке в случае индивидуализации того или другого отвлеченного или собирательного понятия. Для первого случая приведу пример:

---

[1] Известны свидетельства о сохранении этой формы также в отдельных пунктах Новгородской группы северновеликорусского наречия. *(Ред.)*

потвердихомъ мира стараго, Гр. 1189--1199 (в копии 1263). Здесь отвлеченное *мир,* индивидуализируясь и применяясь к определенному мирному договору, получило в винительном падеже *мира* вместо *мир.* Для второго случая укажу на обычное для всех русских говоров (великорус., белорус., укр.) употребление родительного падежа вместо винительного в названиях отдельных растений: *гриб, груздь, тополь, дуб* и т. д. означают прежде всего родовое понятие; если же из родового понятия выделяются отдельные особи, то *гриб, груздь, тополь, дуб,* индивидуализируясь, могут получать в винительном падеже форму родительного. Приведу примеры. Великорус.: я съел гриба, Котельн. (Отв. № 35), Олон. (Отв. № 29), Петроз. (Отв. № 30), Галич. (Отв. № 55), Белоз. (Отв. № 162), Кинеш. (Отв. № 65); я нашол боровика, масляна, березовика и др., Петроз. (Отв. № 30); посадил тополя, Кирилл. (Отв. № 186); я сорвал огурца, Камышл. (Отв. № 89); белорус.: знайшоў грыба, Могил. (Отв. № 4), Слуцк. (Отв. № 5), Дисн. (Отв. № 6); видзев баравина, Новоалекс. (Отв. № 16); сцев дуба, Пинск. (Отв. № 4); сцяў дуба, Слуцк. (Отв. № 5), Могил. (Отв. № 4); зрубаў граба, Пруж. (Отв. № 9); укр.: найшла осокóра, найшов гриба и т. д. Дальнейшее обобщение такого словоупотребления принадлежит уже отдельным говорам и свойственно особенно украинским. Отмечу *-а* в винительном в собирательных: ети господа и солому стелют под скота, Послов. XVIII в. (Симони, 208).

В оборотах, подобных следующему: роди Всеволода великог(о) гнѣзда, Тр. сп. Новг. 1-й, 74а,— родительный падеж *великого гнезда* вместо винительного *великое гнездо* вызван формой предшествующего имени (Ср.: Нашего мешка обманули, Ломоносов, Грамм., № 187; *мешок* как означение мешковатого человека).

Замена форм винительного двойственного и винительного множественного формами родительного двойственного и родительного множественного в именах одушевленных. Вытеснение винительного единственного родительным в именах одушевленных мужеского рода имело последствием, по-видимому, еще в общеславянском праязыке сходное явление во множественном числе в категории некоторых имен. Так, появление в винительном *брата* вместо *братъ* вызвало *мене, тебе* вместо *мѧ, тѧ* в винительном, а это дальше *насъ, васъ* вместо *нъı, въı.* В древнейшую эпоху жизни русского языка видим, что вытеснение винительного падежа родительным в единственном числе не отражалось на таком же

явлении во множественном числе имен; ср. обороты, как: за своего с(ъı)на за князя за Ивана и за свои дѣти, Догов. 1405, № 38 (впрочем, *дѣти* — основа не мужеского рода); изъгнаша Варяги за море, Лавр.; про послъı про коупче Новъгородьскъıѥ, Новг. гр. 1270, № 3; на волостели, Дух. моск. 1389, № 34; то тъı княжо тъıе коне обизрелъ и улюбилъ еси одиного коня, Рижск. ок. 1300; оставили есмо и дети и его намѣсткъı и его щаткъı, Крак. гр. 1388; ізъимаша намѣстникъı Михаиловъı, Новг. 1-я, 158а; посла намѣстникъı своѩ, ib., 160а; на́ люди глѧдѧ, Домостр. Конш., 26; про́ гости, ib., 48; аже бчелы выдереть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 50) и т. д. Ср. в современном великорусском языке винительный множественного после предлогов, например, в речениях, как: идти в гости, произвести в полковники, попал в рекруты, посвятить в монахи; оборот: сходить на родители, Каляз. (А. Кузнецов, Арх. II Отд.), объясняется тем, что „родители" означает здесь „кладбище"; в говорах находим: надо продать утки, Сарат.; ловить, варить, исть раки, Дон. (Калмыков). Более последовательно держался винительный множественного в Соликамском говоре, где отмечено: послал два человека, нанял четыре бабы, продал две лошади, купили три коровы (Словцов, Арх. II Отд.). Гораздо консервативнее языки украинский и белорусский, где находим не только *на люди, в монахи, в рекруты,* но также, например, *я бачу воли́, вівці, діти, ворогі́.* В старом белорусском языке, например в Западнорус. пс. XVI в., как отмечено Карским (стр. 215 его исследования), винительный множественного сходен вообще с именительным и лишь редко с родительным: поднесоу тобѣ волъı, козлъı, попалил(ъ) грешникъı, на неприѧтели мои; в пс. XVII в.: ѡферовали сынъı и дочки свои бѣсом(ъ), поразил(ъ) египтянъı, вседали на кони, въıгнал(ъ) поганъı и т. д. То же в Литовских летописях: збирати вои свои, а инъıе женъı и дѣти тъıкаху на колье, и т. д., Крас. сп. В современном белорусском: пыра́ запрыга́ць кони, пасвиць валы, даиць каровы, Могил. (Отв. № 4); ганяя блохи, заганяя парасята, Игум. (Отв. № 8); гани валы, Новоалекс. (Отв. № 11); хвалю наши жанце, Витеб. (Отв. № 18); хвалю наши жанке, Новогр. (Отв. № 25); пора похвалици дзеўки, побачици женцэ, Пруж. (Отв. № 9): raspraṷl'ǻi̯e rabót'n'iki, pastáv'iṷ dva syné, adahnǻṷ złaʒ'éi̯i, uhl'eʒéṷ svai̯e braté (Клих), ср. еще обороты, как u sváty, u hósći.

Но рядом с этим и в белорусском, и в украинском, в особенности же в великорусском, решительно преобладают случаи за-

мены винительного множественного родительным, что и побуждает отнести такое явление к древней эпохе. Совершенно ясно, что оборот *за моего сына* вызывал *за моихъ сыновъ* вместо *за мои сыны,* а *за моихъ сыновъ* вызывало и *за моихъ дѣтий, дочерий* и т. д. На раннее появление этой замены находим указания и в памятниках. Например: а лѣтѣ ѥздити на wзвадъ звѣрии гонитъ, Новг. гр. до 1308, № 6; знаѥть своѥго истьца или дѣтѣи ѥго, Новг. гр. 1371, № 8; а велѣлѣ миръ имати на семъ аже брат(ь)ю нашю попущати без окупа, новгородскихъ боѥръ и новоторьскихъ боѥръ, житьихъ людѣи и чорнъıхъ людѣи и сирот(ъ) Новгородскои волости, Новг. гр. 1372, № 13; суд(и)ти порубежнъıх(ъ) люд(еи) и татеи и розбойниковъ, Новг. гр. 1426—1461, № 18; одариша князь Роусьскъıхъ, Новг. 1-я, 97а; и изъгониша Рушанъ съ конь, ib., 95б; побѣди Вятичь, Ипат., 26а; м(а)т(е)рь твою и дѣтии твоихъ, ib., 26г; бл(аго)с(ло)вѧю дѣтии своих(ъ), Дух. моск. 1389, № 35; в мн.— людии, Догов. моск. 1362, № 27; и б(ог)а за них(ъ) молят(ь), Гр. 1425—1462 (С. М., № 37); градъı их разъбиша а самѣхъ расточиша по странам(ъ), Ипат., 34б; тъıхъ посль (вместо *послѣ*) вѣсти, Гр. 1229 (А); младенци ръıдаху зрѧще м(а)т(е)рии своихъ, Ипат., 194г. Любопытно: блгви дѣти своихъ псковиць, Новг. 1-я, 169а (вместо *дѣтии*); і ізбиша Новгородци нѣмець і корѣлоу перевѣтниковъ, Новг. 1-я, 158а; робѧтъ (вин. мн.), Домостр. Конш., 20; какъ дѣти и слѫжокъ оучатъ, ib., 32; то надъ нихъ не ходѧть ижрѣи, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 96); оже погребоуть ихъ (т. е. кости мертвъıх), Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 37); и за инѣхъ (т. е. коней) по двѣ гривнѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 37); а на инѣхъ не складъıвати, ib., 41; то которъıи дѣчькъıи ихъ делитъ, ib., 46; въıгнал(ъ) поганов(ъ), розжени язъıков(ъ), преступцеи закону ненавиделъ есми, Западнорус. пс. XVI в. (Карский). В современном великорусском: я люблю братьев и сестер, он продал своих лошадей и коров, он нанял мастеров, он забыл своих родных, он бросил родителей, жену и детей; в укр.: я бачу людей, чоловіків, дітей, ворогів; в белорус.: купиў тых волоў, Мозыр. (Отв. № 10); забачыў тых людей, ib.

Для двойственного числа укажу: снѣде кудеснику (вместо ожидаемого — кудесника), Ипат., 66б; сею снемьше, ib., 92а; ѥюже прокленше, ib., 43б. Ср. др. польск. вин. obu kazimierzu, dwu pachołku и т. п. Любопытны в позднейшем языке обороты,

как дву бояринов(ъ), Догов. 1434, № 53; въигрѣбоша двоу кн(я)зеи, Ермол., 300б; поставa обою старьцевъ, Гр. 1425—1462 (С. М., № 31).

2. СОВПАДЕНИЕ ФОРМ ИМЕНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО И ВИНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО В СКЛОНЕНИИ ИМЕН МУЖЕСКОГО РОДА

Падежи именительный и винительный множественного имели одну общую форму и в женском, и в среднем роде: *сестры, села* (общеславянское и общерусское). Одну общую форму имели в мужеском роде падежи именительный и винительный единственного числа: *мостъ, домъ*. Оба эти обстоятельства повлияли на то, что падежи именительный и винительный множественного мужеского рода совпали в одной общей форме. Что на такое совпадение могло оказать влияние первое из указанных обстоятельств, видно из совпадения в одной форме именительного-винительного множественного прилагательных и местоимений всех трех родов. О таком совпадении скажу ниже. Ясно, что именительный-винительный падежи мужеского рода вошли в ближайшую ассоциативную связь с именительным-винительным падежами женского и среднего рода. Указание на то, что и второе обстоятельство могло оказать активное влияние на отмеченное совпадение, видно из того, что в некоторых одушевленных именах, где в единственном числе различались именительный-винительный (последний заменялся родительным падежом), перевес при совпадении форм именительного и винительного множественного получила форма именительного множественного, между тем как в неодушевленных по общему правилу перевес принадлежал форме винительного множественного. Отсюда следует, как кажется, что древняя форма именительного падежа множественного числа в именах одушевленных дольше сохранялась, отличаясь от формы винительного падежа, чем в именах неодушевленных. Различие *поп — попа* (им.-вин. ед. ч.) поддерживало дольше различие *попи — попы* (им.-вин. мн.), между тем *мост — мост* (им.-вин. ед.) вело, естественно, к *мосты — мосты* вместо *мости — мосты* (им.-вин. мн.). Впрочем, необходимо принять во внимание еще и то, что одушевленные имена в винительном множественного рано получили в русском языке окончание родительного множественного: *попи — попы* рано перешло в *попи — попов*. Одушевленные имена мужеского рода, уже выделившиеся в особую грамматическую категорию, благодаря различию от не-

одушевленных в форме винительного единственного обособились еще более вследствие возникшего между ними и неодушевленными различия в форме именительного множественного. Ввиду этого рассматриваемое нами явление — совпадение в одной форме именительного и винительного падежей множественного числа — мы изучим в двух отделах: в первом отделе (а) остановимся на вытеснении формы именительного множественного формой винительного множественного; во втором отделе (б) перейдем к вытеснению формы винительного множественного формой именительного множественного.

а) Вытеснение формы именительного множественного мужеского рода формой винительного множественного

Такое вытеснение, согласно предыдущему, началось в именах неодушевленных; но оно быстро передалось и в одушевленные имена. Поэтому в приводимых ниже примерах не отличаю одушевленных имен от неодушевленных. Располагаю их по частям речи и по основам. Существительные со старой основой на *ŏ* и *ụ̆*: а церквии съгорѣ 15, а у камянъıхъ вьрхъı огорѣша и притворъı, Новг. 1-я под 1217; се приѥхаша послъı, Новг. гр. 1270, № 3; вси талщикъı, Новг. гр. 1314, № 12; а се послухъı, Двинск. гр. XV в., № 27, 33, 123 и др.; и си сквернии ѩзъıкъı, Лавр.; рускъıя плъкъı отступиша, Сл. о п. Иг., 13; и ѡступиша полкъı Рускъıи, Ипат., 100а; рѣша еп(и)с(ко)пъı и старци, ib., 47г; и ркоша философъı, ib., 10г; ношаху слъı, ib., 19а; възвѣяша вѣтръı, Новг. ев. XIV в. (Fn., I, 17); городъı, Молд. гр. 1433, № 33; многи кумъı доводятъ до сумъı, Послов. XVII в. (Симони, 120); и т. д. Примеры из современного языка: поясы́, Жиздр. (Шахм.); гробы́, Кинеш. (Отв. № 250); пруты́, Мещов. (Чернышев); погребы́, Остр. (Отв. № 33); лясы́, Обоян. (Резанов); луги́, Брянск. (Отв. № 259); сваты́, Петроз. (Шахм.); сады́, плоды́ и др. Эти формы представляют не только окончание, но и ударение вин. мн. числа, между тем: го́ды, во́лосы, по́гребы, Олон. (Отв. № 29), по́ясы, ib.; гла́зы, Гдов. (Отв. № 11); ро́ги, Петроз. (Отв. № 12); сва́ты, Нолинск. (Отв. № 51), — при окончании вин. мн. представляют старое ударение им. мн.; отмечу еще: сосе́ды, Дон. (Калмыков); белорус.: гарады́, дамы́, Слуцк. (Отв. № 5); сваты́, кумы́, Новоалекс. (Отв. № 11); чарты́, суседы, Новоалекс. (Отв. № 14); роги́ и ро́ги, Быхов. (Ром., III, 191); укр.: боби́, голоси́, пояси́, суди́, листи́ и т. д.

Существительные со старой основой на *-jŏ*: в них же людье на конихъ одени въ брънe и коне (чит.— конѣ) ихъ, Новг. 1-я под 1204, 69а; инии же корабле ихъ, ib.; а сторожѣ изъимани, Лавр.; закладнѣ твои, Новг. гр. 1371, № 8. В современном языке: белорус.— жанцэ́, касцэ́, Минск. (Отв. № 23); жанцé, Витебск. (Отв. № 18); ковалé, Гродн. (Отв. № 19); конíэ, купцы́э, Новогр. (Отв. № 29); ключíэ, обручíэ Пруж. (Отв. № 9); укр.: ножі, мечі, женці, мерці, господарі, товарищі.

Существительные со старой основой на *-ĭ*: люди рекуть, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54); люди избитъı, Лавр., 441; ядяху люди сосновую кору, Новг. 1-я Син., 81б; а што поімани люди моі, Новг. дог. 1368—1371, № 16; чернъıи люди, Догов. моск. 1362, № 27; тие люди, Полоцк. гр. 1265 (Р. Л. А.); голуби, Лавр.; къмети, Сл. о п. Иг., 8; пути имь вѣдоми, ib., 8; звѣри кровь полизаша, ib., 34; а люді вылѣзоуть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 42). Современ.: зятй, Грайвор. (Отв. № 279) с ударением вин. мн.

Существительные со старой основой на согласную: козаръı, Тр. сп. Новг. 1-й, 14а; придоша Болъгаръı, Лавр.; Полочанъı, Лавр., 290; єгvптѧнъı, Тр. сп. Новг. 1-й, 3б; горожанъı, Ипат., 265а. В современном языке: великорус.— кресьяны, Покров. (Отв. № 244); хресjаны, бары, Самар. (Отв. № 40); крестьяны, Грязов. (Отв. № 36); кузараны, Петроз. (Шахм.); хрестьяны, напогощаны, поезжаны, Петроз. (Рыбников); укр.— болгари, татари.

В именном склонении прилагательных и причастий: скоръı суть, Ипат., 50а; казнимъı есмъı, ib., 82в; помъıслъı ихъ суетнъı, ib., 35г; мъı есмъı приставленъı, ib., 236б; врази побеженъı бъıша, Ипат., 97б; бѣхом(ъ) порабощенъı, Син. сборн. XV в., № 53/255; бояре Дарьевъı, Син. сборн. XV в., № 154; Самсоновъı дѣтѣ, Дв. гр. XV в., № 11; тѣмъ ѥсмь ѥму не виноватъı, ib., № 66; бъıша wбидимъı, Лавр.; суть бо Грѣци льстивъı, Тр. сп. Новг. 1-й, 17г; Илашевъı сънове, Молд. гр. 1443, № 55; да се мъı готовъı, Ипат., 92а. Другие примеры в главе „Именное склонение прилагательных".

Местоимения. В личном местоимении 1-го лица, очевидно, под влиянием общей замены именительного через винительный: *ны* вместо *мы,* Гдов. (Отв. № 11). В притяжательных: моѥ людьѥ, Ипат., 292б; великорус.— мое, твое, свое (вместо *моѣ* и т. д.), Покров. (Отв. № 10), Буинск. (Отв. № 18), Шуйск. (Отв. № 19), Алатыр. (Отв. № 32), Костр. (Отв. № 44), Яранск. (Отв. № 101); белорус.— мае, твае, свае, Могил. (Отв. № 4), Дисн. (Отв. № 6), Витебск. (Отв. № 18), Пинск. (Отв. № 1); укр.— мої, твої (из

моѣ, твоѣ). В других местоимениях: самы сѧ содомско съмѣшаютсѧ, Палея 1494 (Каринский); самы́, Повен. (Шахм.), Холмог. (Отв. № 50), Холмск. (Отв. № 54), Петроз. (Отв. № 30); всѣ пошлинникъı, Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31), Гр. 1490 (А. Калач., I, № 52); всѣ, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); современ. русск.— все; белорус.— ўсе; укр.— всі; эты, Новг. (Отв. № 20); еты, Петроз. (Отв. № 30), Брянск. (Отв. № 259); эты, Верхотур. (Отв. № 51); ты, Шенк. (Отв. № 235).

Прилагательные в членном их склонении: собрашаса лучьшиѳ мужи, Лавр.; первие, ib.; безбожнъıѣ же снове измаилови, ib.; русскъıѣ кнѧзи, ib.; русскиѣ сторожеве, ib.; ратнъıѣ воеводъı и дѣти боярьскиѣ и всѧкіѣ ездоки, Гр. 1472 (С. М., № 54); манастырьские люди, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46). Современ.: чорные грибы, Дмитр.-Моск. (В. Черныш.); злыё люди, сильныё ветры, Великоуст. (Отв. № 199), с нефонетической заменой конечного *je* (*ѣ*) через *jo*; укр.— добриї, сильнiї. Что до окончания *-ыи* вместо ожидаемого *-ыѣ*, то оно заимствует конечное *и* из другого окончания именительного множественного *-ии;* таким образом, *-ыи* — это комбинация двух окончаний — вин. мн. и им. мн. мужеского рода: люди ратнъıи, Виленск. сп. Лит. лет.; князи и бояре Литовьскъıи, ib.; атъ и дроугъıи (им. мн.), Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 36); в юнъые дни, ib., 30; подперъ горъı Угорскъıи, Сл. о п. Иг., 30; подъ тъıи мечи харалужнъıи, ib., 32; храбръıи князи (им. мн.), ib., 32; златъıи шеломъı и сулицъı Ляцкіи, ib., 32; заднѣпрьскъıи кнѧзи, Ипат., 290а; новъıи людіе, Тр. сп. Новг. 1-й, 56б; володимерьскъıи пискоупѣ, Ипат., 245б; воеводъı ладьскъıи, ib., 307б, и др. Контаминация *добрии* и *добрыѣ* давала *добриѣ*: и вы люди добриѣ, Гр. Новг. 1418—1420 (Собол. и Пташ., Отв. № 41).

В числительном точно так же исчезла форма им. мн. *трие;* вместо нее форма вин. мн. *три.*

б) Вытеснение формы винительного множественного формой именительного множественного

Как указано, старые окончания формы им. мн. мужеского рода *(-и, -е, -ове, -ье)* в именах одушевленных держались дольше, чем в неодушевленных, где они уступили окончаниям винительного множественного. Это зависело, как мы видели, главным образом от того, что винительный множественного таких имен не сохранял

своей старой формы, а заменялся формой родительного множественного. Вследствие этого в этих именах винительный падеж множественного числа в своей старой форме, не вытесненной формой родительного множественного, подвергся влиянию формы именительного множественного, вытеснялся ею по той именно причине, что в других именах (неодушевленных и одушевленных) винительный и именительный множественного совпали в одной форме. В древнем и частью современном языке имеются поэтому формы именительного множественного в значении винительного. Приведу примеры для имен одушевленных и для относящихся к ним определений (прилагательных и местоимений).

Основы на старое *-ŏ:* въ холопи, Гр. 1541 (А. Ю., № 21), Дух. моск. 1452 (С. Г. Гр. и Д., № 82); на холопъı и на конюси свое, Новг. 1-я, 97б; а Новгородце съзва... вьси мужи и гостьбници, ib., 83а; изоима даньници, Ипат., 87в; сквозе Печенези, Тр. сп. Новг. 1-й, 14г; видѣхъ и звѣрі и гади, Апост. 1307; пред(ъ) наши намѣстници, Догов. 1368 (XV в.), № 28; да призовоуть знаѥмъıѥ соусѣди, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 89); притопта хлъми и яругы, Сл. о п. Иг., 21; гради подѣлиша, ib., 32. Современ.: в холопи, Моск.; в суседи, Мышк. (Отв. № 76). Основы на *-ĭ:* людие поѧма, Ипат., 278а; оустанови людьѥ, ib., 177б. Основы на *-й*: почне пословѣ свои слати, Новг. гр. 1372, № 13; поидоша в Лѧхове, Ипат., 288а; послаша послове, Лет. Авр. Именное склонение прилагательных: един(ъ) левъ мнози елени побѣжает(ь), Син. сборн. XV в., № 154 (Каринский); обрѣташе звѣри мнози, ib. Основы на согласные: изнарядивъ свое дворяне, Новг. 1-я, 89б; и изма дворѧнѣ Святославли, ib., 75а; на Българе, ib., 45а; созва боѧре и сановники, Лавр.; инъıи бояре многъı, Ипат., 261б; созва Кияне вси, ib., 119а; Киѧнѣ исѣклъ, ib., 87в; свои бояре (вин. мн.), Догов. моск. 1388, № 33; за всѧ хртіѧне, Домостр. Конш., 11. Местоимения: свои (вин. мн.), Гр. 1434—1447 (А. Калач., I, № 31); мои недругъı, Новг. гр. 1314, № 12; послаша мужѣ свои, Лавр.; вси городъı, Увар. сп. Лит. лет. Членное склонение прилагательных: кнѧзи изьимахом(ъ) лѣпшии, Лавр.; позва... и вячьшии мужи по съıнъ, Новг. 1-я, 61а.

В редких случаях такое окончание им.-вин. мн. передавалось и в неодушевленные имена, причем, быть может, отчасти и здесь обнаруживается индивидуализация таких имен. Так, названия карт

индивидуализируются вообще: ср. *убил туза;* поэтому находим: *вини, кресте, буби,* Петроз. (Шахм.). Неясно белорус. *го́ни;* ср. *патери гонь* (вместо *гони*), Дв. гр. XV в., № 28. Появление в укр. галицк. *столове, хлібове* (mensas, panes, Огоновский), быть может, стоит в связи с появлением там же винительного единственного с окончанием, свойственным именам одушевленным, как *стола́, хлеба.* В древнем языке имеем *нача полци ставити,* Ипат., 496б; вин. мн.— *судове* в Псковск. судн. гр. Отмечу еще в вин. мн. *колоколы пр(и)сно движима,* Син. сборн., № 154 (Каринский). Что до *льни,* Повен. (Шахм.), *ильни,* Мосал. (Шахм.) *льни,* Мышк. (Отв. № 76), то здесь, быть может, имеем результат фонетического процесса, а именно ассимиляции *и* к предшествующему *л* палатальному, ср. диалект. *льдю* вместо *льду*. Не держалось ли *-и* дольше в pluralia tantum. Ср. ударение *во́лосы, гла́зы, зу́бы.*

В тесной связи с рассмотренными явлениями, а именно вытеснением окончаний именительного множественного окончаниями винительного множественного в словах мужеского рода неодушевленных и, напротив, вытеснением окончаний винительного множественного окончаниями именительного множественного в словах мужеского рода одушевленных, стоит то обстоятельство, что старые окончания именительного множественного держались в древнем языке, держатся до сих пор в современном, преимущественно в словах одушевленных или в относящихся к ним определениях (в форме местоимений или прилагательных), между тем как в словах неодушевленных такие окончания вытеснены окончаниями винительного множественного.

Приведу ряд примеров. Окончание *-и:* холопи, Ипат., 193в; конюси Миндовгови, ib., 286г; волхви, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 55б; дѣди, Новг. 1-я, 79б; попѣ (т. е.— попи), Двинск. гр. XV в., № 54; послуси, ib., № 17, 25, 28, 34; д̄ паробци, Ипат., 286г; тивуни, Гр. 1425—1428 (А. Калач., I, № 34); игумени, попи, дьякони, Гр. 1468 (А. А. Э., I, № 85); намѣстници, Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31); бобровьници, Гр. 1423 (А. Калач., I, № 41); данници, ямьщици, Гр. 1361—1365 (А. А. Э., I, № 5); десятинници, Гр. 1462 (А. А. Э., I, № 71); сли, Ипат., 21б; дьякони, ib., 67б; даньници и ямьщики, Переясл. гр. после 1356; баскаци, Догов. 1381, № 32; деяци, бортници, свидци, Галицк. гр. 1371; свѣдци, Краковск. гр. 1394; бискупи, Галицк. гр. 1404; намѣстци, Галицк. гр. 1424; передци, Молд. гр. 1448, № 58; намѣстьници

мои, тивуни, Гр. 1447 (С. М., № 40); сѧбри, Отв. запись Вастеч. земли близ р. Псковы (Срезн., Древн. пам., 300); аггели, Послов. XVII в. (Симони, 74); бѣси, ib., 79; черти, ib., 82, апли обличаютъ, Послов. XVIII в. (Симони, 173); бѣси плачютъ, ib., 174. Современ. моск.— черти, соседи, холопи, нехристи; суседи, Мышк. (Отв. № 78), Новосил. (Отв. № 77); белорус.— черци, Быхов. (Ром., III, 342); czerci, Волков. (Federowski, I, 40); укр.— короли (при *корол*) (у Осадцы); птаси, вовци, карпаторус. (Огоновский); пастуси, птаси, волци, вояци, угрорус. (Верхр., II); рыбаци, друзи, дуси, парібци, урядници, лемк. (Верхр.). Это же окончание видим в именах прилагательных, употребленных в качестве сказуемого, если оно относится к лицам: мъı ради дамъı, Ипат., 292б; ради бъıхомъ, Новг. 1-я, 46а; бѧху мужи мудри и смыслени, Лавр.; кнѧзи правьдиви бъıвають, аще ли и зли и лукави бъıвають, Лавр.; ради даемъ, ib.; бъıша пьıни, Ермол., 59. В современном языке: сыти, ради, виновати, Дон. (Калмыков); млади, ради, сыти, голодни, глуховати, виновати, Мещов. (В. Черныш.); пьяни, Егорьев. (В. Черныш.); вы и будете перед богом прави, Мещов. (В. Черныш.); пьяни, довольни, молоди, сыти, богати, голодни, виновати, ради, Скоп. (Будде); мы сыти, богати, Мышк. (Отв. № 78), согласни али нет, Жиздр. (Добровол., Арх. II Отд.). То же окончание сохраняется в местоимениях, как *они, сами,* относящихся преимущественно к лицам; ср. *сами* в Дв. гр. XV в., № 99 (*самы* отмечено нами выше). Наконец, по той же причине — преимущественной связи с именами лиц (как естественными субъектами) — удерживается окончание *-и* в причастных формах на *-лъ*: *были, играли, носили* и т. д.; ср. эти формы и в русском, и в белорусском (отмечу *унылы голоси,* Сл. о п. Иг., 34).

Окончание *-е* (ср. имена на *-инъ, -анинъ, -јанинъ*) по указанной причине держится в древнем и современном языке как окончание именительного множественного лиц: татаре, Ипат., 264а; оугре, ib., 6а; Wбре, ib., 6а; хрестиѧне, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); бояре, Галицк. гр. 1371; Берестьıне, Ипат., 93б, Саракине, ib., 86а. Современ.: бояре, крестьяне, татаре, цыгане, болгаре; укр.— міщане, бережане; угрорус.— горяне (Верхр., I).

Окончание *-ове* было свойственно исконно основам на *й-*. Но в большей части имен оно вытеснено было с течением времени окончанием винительного множественного *-ы: домы, ряды, станы* и т. д. В именах одушевленных, как *сын, вол,* вытеснение по

указанной причине не имело места; напротив, *-ове,* став окончанием, свойственным лицам и одушевленным предметам, стало переноситься и в другие основы для образования именительного множественного от слов, обозначающих лица и предметы одушевленные (после мягких согласных являлось *-еве*), например: еп(и)с(ко)пъı и попове, Ипат., 81в; псареве, ib., 179а; сторожеве, ib., 157б, 165а; оуеве, ib., 126а; воробьеве, Лавр.; лѧхове, ib.; панове, Молд. гр. 1404, № 18; бесове, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; приставове, Гр. нач. XV в. (Собр. Мух., № 56); волостелеве, Гр. 1229 (Д); намѣсткове, Галицк. гр. 1424, и т. д. Бóльшее число примеров я приведу ниже, там, где буду говорить о замене одних окончаний другими, причем отмечу там и случаи перенесения окончания *-ове* в имена неодушевленные (отчасти в связи с индивидуализацией их).

Таким образом, окончания именительного множественного *-и, -е, -ове* стали свойственными преимущественно именам одушевленным; это устанавливало между ними ассоциативную связь и возможность замены одного из этих окончаний другим. Так, вместо окончания *-и* является *-ове* (*попове* вместо *попи,* см. выше), является *-е* (например, *Готе* вместо *Готи,* Ипат., 8 в; *суседе* вместо *суседи,* Гал. гр. 1371; укр.— *люде;* русск.— *холопя,* т. е. *холопе,* вместо *холопи,* Брянск., № 259). Наоборот, вместо окончания *-е* находим *-и* (например, *бояри,* Ипат., 44 б; *татари,* Лавр., 438), находим *-ове* (например, *татарове,* Лавр., 438). Наконец, вместо *-ове* является *-и* (*сыни*), вместо *-ове* находим и *-ови* (*сынови,* Ипат., 271 в, Парем. 1271, 20 а). К таким заменам я вернусь ниже, где рассмотрю вообще всякие случаи замены одного падежного окончания другим. Здесь я хотел только обобщить одну из причин, действовавших при такой замене.

3. СОВПАДЕНИЕ ИМЕНИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО МЕСТОИМЕНИЙ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВСЕХ РОДОВ В ОДНОЙ ФОРМЕ

Как мы знаем, в общеславянском и общерусском праязыках все падежи множественного числа, кроме именительного и винительного, были в склонении как местоимений, так и членных прилагательных тождественны во всех родах: *тѣхъ, тѣмъ, тѣми; добрыхъ, добрымъ, добрыми.* Родовые различия обнаруживались только в именительном и винительном падежах: м. р. *ти, ты,* ж. р. *ты, ты,*

ср. р. *та, та*. Выше было указано, что в мужеском роде формы именительного и винительного падежей под влиянием их тождества в других родах стали принимать одну общую форму; так явились *ти* или *ты* в значении именительного и винительного множественного мужеского рода: *добрии* и *добрыѣ* и т. д. Сближение между родами в местоимениях и членных прилагательных пошло еще дальше: формы именительного-винительного множественного числа мужеского и женского рода, оказавшиеся в большей части случаев тождественными, вытеснили формы среднего рода. Таким образом, именительный и винительный множественного всех родов получили в местоимениях и членных прилагательных одну общую форму, которая по происхождению была или формой именительного множественного мужеского рода (например, *ти, вси, мои, добрии*), или формой винительного множественного мужеского рода, тождественною с именительным и винительным множественного женского рода (например, *ты, всѣ, моѣ, добрыѣ*). Из местоимений это морфологическое явление распространилось и на именное склонение прилагательных (*мнози* и *многы* стало означать именительный-винительный всех родов), также на именное склонение причастий (*ведоми* и *ведомы, пущени* и *пущены* стало означать именительный-винительный всех родов). Под тем же влиянием причастие на *-лъ*, употреблявшееся как verbum finitum, получило общую форму на *-ли* во множественном числе для всех родов (*мужи, жены, дерева пали*). Между тремя окончаниями *-и* (ти, дали), *-ѣ* (всѣ, добрыѣ), *-ы* (ты, ведомы), естественно, произошла борьба. Окончание *-и* получило перевес над *-ы* в причастиях на *-лъ* и некоторых местоимениях, определявших преимущественно лица, вследствие того что *-и* было излюбленным окончанием именительного множественного для имен лиц и одушевленных предметов мужеского рода, кроме того, *-и* вместо *-ѣ* преобладало в неударяемых окончаниях в силу фонетического ослабления (по крайней мере, диалектического) *ѣ* в *и* (*добрыѣ* в великорусском уступает место *добрыи, этѣ* — форме *эти, нашѣ* уступает форме *наши,* а отсюда также *мои, свои* вместо *моѣ, своѣ*); за этими ограничениями перевес получают окончания *-ы* (виноваты, пущены, тѣ, всѣ).

Приведу примеры из старого языка, указывающие на наличность рассмотренных явлений. Формы мужеского рода по происхождению при существительных женского рода и среднего рода: ношаху сли печати злати, а гостье серебрени, Лавр.; женъı ведоми

бъша въ плѣнъ, различаеми нужею от(ъ) мужии свои, Ипат., 194 г; ѡко тръсти мнози, ib., 273 а; бѧхуть бо лодьи покрыти досками, ib., 153 в; обители мнози суть, Ев. 1339, 27 а; были силы, Пантел. ев., 34 б; в данстие книги, Гр. 1470 (А. Калач., I, № 31); тии земли, Дв. гр. XV в., № 16; ти земли, Дв. гр. XV в., № 12, 22, 90; свои главы сложимъ, Лавр.; доцери мои, Дв. гр. XV в., № 78; яругы имъ знаеми, Сл. о п. Иг., 8; сабли изъострени, ib., 8; дети бѣсови, ib., 13; странъ ради, ib., 44; о чюдеса достоини дiва, Палея 1494; помрачени бо бѣахоу (правила церковные) ... нынѣ же ѡблисташа, рекше истолкованъ бъша, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 85); ѡже боудоуть молоди (женъ), Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 60); они же сами (струнъ), Сл. о п. Иг., 4; древа подобнѧ егупетьскъимь, Син. сборн. XV в., № 154; твои мѣста, Виленск. сп. Лит. лет.; сами стада, ib.; ти три села, Дв. гр. XV в., № 90; въ свои села, Гр. 1462—1505 (Г. Др., I, р. IV, № 8); села боярьскии, Догов. 1428, № 43. Формы вин. мн. м. р. = вин.-им. ж. р. при существительных среднего рода: оуста лвовъ, Палея 1477 г.; вин. мн. ср.: своѣ, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31); о тъı села, Гал. гр. 1404; в тъı лѣта, Псков. судн. гр.; в тъı села, Догов. 1368, № 28; тъıе села, Житомирск. гр. 1433; тъıе имѣниа дал женѣ своеи, Киевск. гр. 1446; рыбнъıе ловища, Двинск. гр. 1527 (Собр. Бел., № 5); с тѣми селъı которъıѣ тѧгли, Дух. моск. 1389, № 34; а которѧ мѣста слободьскиѣ, ib., которъıи озера, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); бобровъıи ловища, за малъıи села, в инъıи болота, ib.; и т. д. В современном русском языке старые формы им.-вин. мн. среднего рода употребляются лишь в единичных случаях, например *звонить во вся* (хотя, может быть, это церковнославянский вин. мн., относящийся к вин. мн.: *колоколы*); мужеский и женский род не различаются: различение *они* для мужеского рода, *оне* для женского [1] искусственно и не оправдывается ни живым языком, ни историей; *они, сами,* диалект. *вси* относятся ко всем родам; также, с другой стороны, *все* и явившиеся под его влиянием *те,* диалект. *оне; мои,* а диалект. *мое* также относятся ко всем родам; то же в прилагательных. Равным образом одну общую форму для им.-вин. мн. всех родов видим в белорусском и украинском.

[1] Соответственные написания (они, онѣ) употреблялись до реформы русского правописания 1918 г. *(Ред.)*

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СКЛОНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОСНОВ

Еще в общеславянском праязыке некоторые слова, образованные от основ на *-ĭ,* утратили исконные формы склонения, свойственные этим основам, и стали склоняться как основы на *-ŏ;* так, прилагательные с основой на *-ĭ* не сохранили в общеславянском своего склонения и стали изменяться как основы на *-ŏ.* Впоследствии, вероятно еще в общеславянскую эпоху, и отдельные существительные из основ на *-ĭ* переходили в склонении в основы на *-ŏ,* вообще во всех падежах или только в некоторых. Так, слово *сынъ,* по-видимому, еще в общеславянском образовало винительный падеж единственного под влиянием основ на *-ŏ,* а именно слов, означавших предметы одушевленные: *сына* вместо и при старом *сынъ.* Такому полному или частичному переходу из основ на *-ĭ* в основы на *-ŏ* содействовало то обстоятельство, что они имели общие формы в именительном падеже единственного числа (*домъ* и *родъ*), а также еще и в винительном единственного, а в общерусском праязыке, кроме того, в творительном единственного (*домъмь* и *родъмь*). Примеры для перехода основ на *-ĭ* в основы на *-ŏ* как из старославянских, так и из древнерусских памятников даны были выше, там, где я приводил образец склонения основ на *-ĭ.* Тем не менее мы не имеем основания думать, чтобы уже в общерусском праязыке исчезло окончательно различие между исконными основами на *-ĭ* и основами на *-ŏ*: оно исчезло позже, как это показывают русские памятники; с течением времени все основы на *-ĭ* стали склоняться, как основы на *-ŏ,* но зато передали этим основам ряд своих падежных окончаний. О последнем явлении скажу ниже. Укажу здесь на передачу окончания основы *-ов* в основы на *-ŏ.* Имею в виду случаи, как: пановомъ, Псковск. 2-я лет. (V, 18); пановом(ъ), Молд. гр. 1389—1419, № 17; городовомъ, ib.; свои листови (вин. мн.), ib., своими листови (вин. мн.), с Туркови, ib.; пословъı (им. мн.), Новг. гр. 1373, № 17; тотаровы (им. мн.), Новор. сп. Новг. 4-й лет., 448 а; дарови (вин. мн.), Погод. сп. Псков. 1-й лет. № 1413; Передачу *-ов* в основы ср. рода видим в *на плечевоу,* Ипат.

Основы мужеского рода на *-ĭ* в общеславянском и, по-видимому, также в общерусском праязыке не смешивались с основами

на *-jŏ*; в общеславянском это зависело, между прочим, от различия в самом окончании именительного падежа: в словах на *-jŏ* этому окончанию предшествовала смягченная согласная (*мѫжь, конь*), в словах на *-ĭ* — согласная твердая или в крайнем случае полумягкая (*зѧть, звѣрь*). В общерусском праязыке полумягкие согласные стали мягкими (z'at'ь, zv'ѣr'ь); вследствие этого именительный и винительный единственного в старых основах на *-ĭ* стали в своем окончании тождественны с основами на *-jŏ*; это неминуемо вызывало сближение между теми и другими основами. Тем не менее в древнейшем языке по свидетельству памятников выдерживалось различие между склонением основ на *-ĭ* и основ на *-jŏ* (ср. выше указания, данные при образцах). С течением времени, однако, старые основы на *-ĭ* стали образовывать падежные формы по склонению основ на *-jŏ*, и это повело к окончательному исчезновению самостоятельного, цельного склонения основ на *-ĭ* во всем составе русского языка. Приведу примеры новообразований по склонению основ на *-jŏ* из памятников: род. ед.— оу тѣстя, Ипат., 268 б; оу тѣстѧ, ib., 230 а; гостѧ, Новг. гр. 1314, № 12, Новг. гр. 1317, № 14, Волынск. гр. 1366; до ѥго зѧтѧ, Дв. гр. XV в., № 86; ис каждого кметя, Гал. гр. 1378; вин. ед. от имен лиц — тата, Гр. 1229 (А); на тѣстѧ, Ипат., 236 г; тестѧ, ib., 290 в; за тата, Новг. гр. 1373, № 17; зѣта, Молд. гр. 1443, № 56; зѣта его, Молд. гр. 1443, № 54; татѧ, Новг. гр. 1426—1461, № 18; з гуся вода, Послов. XVII в. (Симони, 157); дат. ед.— гостю, Гр. 1266—1272 (Р. Л. А.), Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Новг. гр. 1426—1461, № 18, Новг. гр. 1373, № 17, Полоцк. гр. ок. 1265 (Р. Л. А.), Смол. гр. ок. 1240 (в приписке, при *гости*); ко зѧтю, Ипат., 236 г; ко цтю, ib., 229 г; зѧтю, Дв. гр. XV в., № 76, 78; претръгоста бо своя бръзая комоня, Сл. о п. Иг., 41; не боудеть ли татѧ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 50); сюда же: ко тьстоу своемоу, Ипат., 261 б; зѧтоу своемоу, ib., 116 а; с зѧтомъ — твор. ед., ib., 147 г (надо, вероятно, читать *зятѣм,* а *зѧтоу — зятю*); род. дв.— вї локътю, Ипат., 86 в; твор. мн.— со звѣри, Житомир. гр. 1433. Замечательно, что почти все приведенные примеры (кроме *локътю*) относятся к именам одушевленным. Возможно поэтому, что началом исчезновения склонения основ на *-ĭ* было появление винительного *гостя, тестя, зятя* и т. д. под влиянием одушевленных мужеского рода основ на *-ŏ* для различения винительного падежа от именительного. Что неодушевленные дольше могли склоняться по старому склонению основ на *-ĭ*,

видно из того, что и до сих пор некоторые из них его не утратили. Ср. великорус. род., дат., местн.—пути; белорус. род., дат.—пуцй; угрорус. род., дат.—путй, род., дат. местн.—огни; великорус. местн.—в дехтй. Впрочем, диалект.: пуця́, Витеб. (Отв. № 18), Быхов. (Ром., III, 413); пуцю, Игум. (Отв. № 15); угрорус.—путя, зват.—путе. В связи с сохранением склонения на *-ĭ путь*, оказавшись одиноким среди иных имен мужеского рода, переходит в женский род: эта путь, Петроз. (Отв. № 30), Алатыр. (Отв. 32); твор. ед.—путёй, Остров. (Отв. № 33); пуцёй, Себеж. (Отв. № 28). Ср. переход еще других слов мужеского рода в женский; в угрорус. *жéлýдь, печáть, гóлiнь, гы́ртань* стали женского рода; великорус. *гортань* женского рода, также диалект. *гусь, лебедь;* укр. *лебедь, ступень, путь, курень (колодязь), поломiнь* женского рода (Осадца). Объясняя начало и причину исчезновения склонения на *-ĭ* новообразованием в винительном единственного имен одушевленных, мы получаем объяснение и того, что во множественном числе это склонение держалось гораздо дольше, в сущности держится в русском и до сих пор (ср. в родительном множественного *гостей,* отнюдь не *гостёв, людей, людьми;* ср. белорус.—*гусьмй, гасцьмй,* Могил. (Отв. № 4); угрорус.—*зятьми*). Впрочем, в отдельных диалектах находим и здесь влияние основ на *-ŏ:* угрорус. род. мн. *тестюв* (но *гóстий*), мн. *зятéве, тестéве, гостéве.* Появление *-ами* и т. д. в великорус. *гостями, гостях, гостям* сопоставьте с проникновением этих окончаний и в основы женского рода: *костям, костях, костями.* Сохранение множественного числа от основ на *-ĭ* тогда, когда уже исчезли в них старые формы склонения в единственном числе, объясняет нам и то, почему именно окончания множественного числа из склонения основ на *-ĭ* передавались в склонение основ мужеского рода на *-ŏ, -jŏ* в позднейшем языке. Об этом явлении скажу ниже.

Основы на согласную мужеского рода, как мы видели, еще в общеславянском праязыке подверглись сильному влиянию основ на *-ĭ* и заимствовали из них ряд падежных окончаний. В общерусском праязыке, а затем и в древнерусском это влияние пошло, естественно, еще дальше. Древние формы от основ на согласную, уцелевшие отчасти в общерусском праязыке, стали почти систематически заменяться формами от основ на *-ĭ*. Основы на согласную отличались от основ на *-ĭ* в формах род. ед. (дьне), местн.

ед. (дьне), род.-местн. дв. (дьноу), им. мн. (дьне), род. мн. (дьнъ). Приведу из русских памятников новообразования по склонению основ на *-ĭ:* род. ед.— ни ясна д҃ни, Новг. 1-я, 24 а; тог(о) д҃ни, ib., 102 в; до велика д҃ни, Новг. гр. до 1327, № 15; дни, Жит. Феод.; которого дни, Увар. сп. Западнорус. лет.; до Семенѧ д҃ни, Догов. моск. 1368; с Сѣменѧ д҃ни, Домостр. Конш. 41; ꙗчмени, солодꙋ, ib., 43; того же дни, Лет. Авр. (Карский); до Юрьева дни, Гр. 1524 (А. Ю., № 25); ѿ грѣховьнаго корени, Лавр.; собака есть, а камѣни нѣтъ, Послов. XVII в. (Симони, 140); камени, Гр. 1532 (А. Ю., № 155); ѿ цѣла камени, Ипат., 282 а; корени, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 122 а; ремени, Ев. XIII в., № 6, 207 а; рѣка пламѧни, Поуч. Ефр. Сир., 203 в; четка ячмени, полчетки ячмени, Новг. писц. I, 253. Местн. ед.— приходѧщимь д҃ни, Жит. Феод.; по петровѣ д҃ни, Новг. гр. 1265, № 2; по велицѣ д҃ни, Новг. гр. до 1327, № 15. Местн. дв.— по дъвою д҃нью, Жит. Феод.; по двою д҃нью, Микул. ев., 79 г. Им. мн.— д҃ньѥ, Пантел. ев., 84 в, 89 г; вси дниѥ, д҃ньѥ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 38); д҃нье, Лавр.; д҃ньѥ, Новг. 1-я, 30; деньe, Тр. сп. Новг. 1-й, 42 г. (Возможно, что подобные образования уже в общеславянском праязыке вытеснили старое окончание *-е*. Ср. кг мениѥ, дьньѥ в XIII Сл. Гр. Бог.) Род. мн.— постъ м҃ д҃нии, Лавр.; за и҃ д҃нии, Гр. 1229 (А); д҃нии, Жит. Феод.; по шти д҃нии, Микул. ев., 68 г. Ср. в современном языке: дни-то нынь не хватает, Шенк. (Отв. № 80); к Ильину дни, Олон. (Отв. № 29); к Дмитриеву дни, Алатыр. (Отв. № 32); из дни творила ночь, в XVIII в. у В. Майкова (Черныш.); с корени, Обоян. (Резанов); белорус.: на дни, Дисн. (Отв. № 6), Быхов. (Отв. № 9), Себеж. (Отв. № 26), Пинск. (Отв. № 3); род. ед.— дни, Пинск. (Отв. № 6), Себеж. (Отв. № 26). Понятно, что подобные формы уступили место дальнейшим новообразованиям от основ на *-jŏ*; ср. рус.— дня, сегодня, ко дню, на дне; др.-русск.— дневъ (см. ниже); каменя, Повен. (Шахм.); белорус.— дня, Пинск. (Отв. № 3); каменя, каменю, Минск. (Отв. № 7); угрорус.— ка́меня. Остатки склонения основ на согласную (формы, как *дён*) перечислены нами выше при образцах. Ниже укажу на передачу окончаний основ на согласную в основы на *-ĭ* на почве русского языка.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ ОСНОВ НА *-Й* В СКЛОНЕНИЕ ДРУГИХ ОСНОВ

Ряд причин способствовал тому, что некоторые из падежных окончаний склонения основ на *-ŭ* не исчезли, несмотря на потерю самостоятельного склонения основами на *-й*, а переносились в склонение других основ, т. е. прежде всего основ мужеского рода на *-ŏ* и *-jŏ*. Такими, живущими до сих пор в русском языке, окончаниями оказываются: *-у* в род. ед., *-у* в местн. ед., *-ови* в дат. ед., *-ове* в им. мн., *-ов* в род. мн., в древнем языке, кроме того, диалектически *-ох* в местн. мн. Эти окончания распространены, впрочем, неравномерно во всех трех отделах русского языка, причем начало их распространения надо относить к глубокой древности, к эпохе общих явлений в русских наречиях.

1. РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ НА *-У*

Как указано выше, одним из первых окончаний, вторгшихся из основ на *-ŏ* в основы на *-й*, было окончание *-а* в винительном падеже имен одушевленных: *сына, вола*. Понятно, что это повело к образованию формы *сына, вола* и в родительном падеже. По-видимому, это обстоятельство имело следствием то, что в основах на *-й* обе категории имен — одушевленных и неодушевленных — стали различаться не только в винительном падеже, но и в родительном; первые получили окончание *-а*, а вторые сохраняли *-у:* род. *сына, вола,* но *меду, олу, верху, низу, дому, миру*. Это обстоятельство, с одной стороны, затруднило замену окончания *-у* окончанием *-а* в словах, как *меду, олу, дому* и т. д., а с другой — способствовало распространению его в других словах неодушевленных, в словах, образованных от основы на *-ŏ*. По-видимому, во всех русских наречиях с окончанием *-у* соединилось представление не о неодушевленности предмета, но об отсутствии его индивидуализации, о невозможности мыслить о нем как о чем-то индивидуально определенном и отдельном. Возможно, что это зависело от того, что большая часть основ на *-й*, не означавших предметов одушевленных (как *сынъ, волъ*), соединялась со значением отвлеченным или собирательным, или еще того или иного вещества, например *миръ, вьрхъ, низъ, вънъ* (внешнее; наружное), *полъ, долъ, рядъ, даръ, домъ* (в значении также „домашние"), *медъ, олъ* (масло). Таким образом, сначала в основах

на *-ŭ*, а потом под их влиянием в основах на *-ŏ* создалось представление о грамматической категории, долженствующей объять слова, означающие отвлеченные понятия и собирательные предметы, и противоположной категории, означающей индивидуальные предметы (одушевленные и неодушевленные). Первая из этих категорий получала в родительном падеже окончание *-у*, а вторая — окончание *-а*. Таким образом, окончание *-у* переносилось в те основы на *-ŏ*, которые не обозначали индивидуальных предметов. Это положение я считаю нужным доказать примерами из древнего языка и подтвердить данными языка современного. Среди слов с родительным на *-у* различаю: 1) слова, означающие вещество или собрание предметов; 2) слова, означающие местности; 3) слова, означающие отвлеченные понятия. Приведя данные из древнего языка, а затем из современных языков — великорусского, белорусского и украинского, — я отдельно рассмотрю при каждом из этих языков те примеры родительного на *-у*, которые не подходят к трем намеченным категориям.

Родительный на *-у* в древнем языке, разумея под этим вообще язык памятников русских, украинских, белорусских.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: зол(о)та ли женчугу ли, Дух. 1353, № 24; того моего полону, Догов. ок. 1433, № 47; въску, Гр. 1229 (А); воску, Гр. 1281—1297 (Р. Л. А.), Ипат., 292 б; по пѧтитцать десѧткъвъ лноу, Ипат. 306 б; бѣаше корма (*а* переправлено в *у*) оу них много, Ипат., 261 а; вземша полоноу много, ib., 268 а; нашего товару, Хожд. Афан. Ник., 374; люду добраго, ib., 390 а; сладкаго овощу нѣтъ, ib., 385 б; алмазу, ib., 382 а; много раздаша бръинцоу да перцоу, ib., 391 а; вешнѧго соку, Колом. Пал. 1406, 32; гривенка перцю, Тр. сп. Новг. 1-й, 71 б; и съ ячменю, Луцк. гр. 1487; отъ льноу, Сборн. 1073; скарбу, Увар. сп. Западнорус. лет.; посереди мху, со мху, Гр. 1504 (А. Ю., № 11); мошку, Гр. 1534 (А. Ю., № 20); росолу, Гр. 1578 (А. Ю., № 90); лѣсу кустарю, Гр. 1570 (А. Ю., № 158); солоду, Гр. 1574 (А. Ю., № 229); гною, 1530—1532 (Письма русск. госуд.); изо мху, Гр. XV — XVI вв. (А. Калач., II, 149); ѿ воску, Полоцк. гр. ок. 1330; ѿ хмѣлю, ib.; от горѣловъ (т. е. горѣлово) дубу, Гр. нач. XV вв. (С. М., № 56); с дубу, ib.; поперек(ъ) мошку, ib.; товару, Карамз. сп. Русск. Пр. XV в.; до товароу, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 302 б; пълкоу, Лавр. 86; от(ъ) лну, Новг. гр. 1265, № 1; полону, Новг. дог. 1456 (А. А. Э., I, № 58); дадятъ ему корму

и подводы, Гр. 1294—1304 (А. А. Э., I, № 1); пополнку, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 69); съ того товару, Гр. 1473—1489 (А. Калач., I, № 32); ї-ть бѣрковъсковъ воску, Гр. 1285 (Р. Л. А.); ни корму... не емлют(ь), Гр. 1428—1436 (Г. Др., I, р. IV, № 4); ѿ полкоу єго, Ипат., 293 б; а что полону новторского, Гр. 1373, № 17; оброку, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 69); от міру (mundus), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); всѧково запасꙋ, Домостр. Конш., 38; хмелю и масла, ib.; шелку цвѣтно́го, ib., 39; много промъыслꙋ, ib., 40; всѧкого кормꙋ, ib., 41; а припло́дꙋ и прохладꙋ много, ib., 42; солодꙋ, горохꙋ, ib., 43; борщꙋ́ сеет, ib., 45; ви́шневого морсꙋ, ib., 46; приспѣхꙋ всѧкого, ib., 48; ѿ снегꙋ беречи́, ib., 53; всѧкого ѡбихо́дꙋ и всѧкого запа́сꙋ, ib., 55; худого това́ру не дастъ, ib., 68; храброго плъку, Сл. о п. Иг., 20, 32; до плъку Кобякова, ib., 39; ѕ вѣдеръ солодоу, Русск. Пр. 1282 (Р. Д., I, 30); горохоу ѕ оубороковъ, ib., 30.

2) Слова, означающие местности (после предлогов): оу пѣсчана броду, Волынск. гр. 1366; с мостоу, Лет. Авр.; ис Торьжку, ib. (Карский); до брегу морѧ, Молд. гр. 1393, № 8; ѡт мостку, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); ѿ броду, ib.; ис Торжку, Догов. 1368 (XV в.), № 28; Козлова броду, Догов. 1389, № 35; Василцева стану, Дух, 1356, № 26; из Бѣжъıцьского Верху, Догов. 1433, № 49; по конецъ Матвѣевского лугу, Гр. 1497 (С. М., № 51); до Торшку, Лавр., 440; из Ріму, Син. сборн. XV в., № 154; с Нового Торгу, Ипат., 182 в; из Раю (местность), ib., 299 г; оу Доноу, ib., 245 а; из Бозкоу, ib., 248 в; около Бозкоу, ib., 259; рѣкъı Сѧноу, ib., 269 в; из Дербентоу, Хожд. Афан. Ник., 371 а; оу бору, Ипат., 90 а; из валу, ib., 81 б; до езу, Хожд. Афан. Ник., 370 а; с мостоу, Тр. сп. Новг. 1-й, 20 а; до концаньског(о) мостоу, ib., 72 в; съ ѣзу, Гр. 1461—1464 (А. Калач., I, № 118, III); Пехорского стану Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 52); по конець логоу, Гр. 1148 (сп. XIV в.); оу Микулина ѣзу, Дв. гр. XV в., № 19; лугу половина, Дв. гр. XV в., № 24; посереди логу, Дв. гр. XV в., № 75; до розлогу, ib., № 32; ис Торъжкоу, Новг. гр. 1305, № 10; с Низоу, Новг. гр. до 1308, № 6; с Торъшку, Новг. гр. 1372, № 13; с мосту, Лавр.; въсредь търгоу, Новг. 1-я, 27 а; до търгоу, ib., 30 б; съ новаго търгоу, ib., 58 б; оу Шелвова боркоу, Ипат., 120 б; не проходяче валу, ib., 157 б; Игорева броду, ib., 181 б; ѿ берегу, Гр. 1527 (Собр. Бел., № 5); до лѣсу, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); около по-

саду, Гр. 1568 (А. Ю., № 86); от мостку, Гр. 1555 (А. Ю., № 151); покрай лому, ib.; у ручію, ib.; поперекъ бору, Гр. 1536 (А. Ю., № 156); до перелогу, Гр. 1557 (А. Ю., № 228); въпуску, Гр. 1574 (А. Ю., № 229); за косу, Гр. 1529 (А. Ю., № 237); съ стану, 1620 (Письма русск. госуд., № 68); от(ъ) броду, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 13); от(ъ) мостку, ib.; Югу (река), Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); середи лугу, Гр. 1395 (А. Калач., I, № 53); ис тог(о) ѣзу, Гр. 1474—1478 (А. Калач., I, № 36); Бугу (река), Холмск. вкл. 1376 г.; бору, Гр. 1437—1461 (А. А. Э., I, № 35); съ луху, съ Сенгу, Гр. 1389—1404 (А. А. Э., I, № 9); синего Дону, Сл. о п. Иг., 6; у Дону, ib., 19; испити шеломомь Дону, ib., 6; съ Дону великаго, ib., 12 (но: от Дона и от моря, ib., 13); от великаго Дону, ib., 40.

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: до сроку, Гр. 1525 (Собр. Бел., № 39); съ году на годъ, Гр. 1532 (А. Ю., № 19); из(ъ) веку, Гр. 1528 (А. Ю., № 6); за четверть году, Гр. 1585 (А. Ю., № 214, I); до вѣку, 1619 (Письма русск. госуд., № 16); до свѣту, Гр. 1631 (А. Ю., № 374); от(ъ) мору от(ъ) великого, Гр. 1462—1505 (А. Калач., I, № 52); с году на год(ъ), Гр. 1470 (А. Калач., I, № 31); того году, Гр. 1438 (А. А. Э., I, № 36); третьяго году, Гр. 1493—1494 (А. Калач., I, № 103); до другого року, Галицк. гр. 1386; просить сроку не ждать, от сроку, Гр. 1471 (А. А. Э., I, № 92); до сроку, Дв. гр. XV в., № 99; а дѣлу, Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9); промъыслу, Гр. 1532 (А. Ю., № 19); найму, ib.; приносу, ib.; долгу, Гр. 1571 (А. Ю., № 23); от всего поряду, Гр. 1571 (А. Ю., № 87); спору, Гр. 1556 (А. Ю., № 104); походу, от лову, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); присуду, Гр. 1594 (А. Ю., № 216, II); доходу, Гр. 1557 (А. Ю., № 228); без росту, Гр. 1562 (А. Ю., № 243); из приросту, Гр. 1571 (А. Ю., № 246); закладу, Гр. 1576 (А. Ю., № 248); безъ въикупу, 1579 (А. Ю., № 249); ходу, походу, без остатку, 1619 (Письма русск. госуд., № 14); мимо указу, приходу, ib.; для привозу, какого погрому, 1619 (Письма русск. госуд., № 19); послѣ отпуску, 1619 (Письма русск. госуд., № 21); от страху, 1652 (ib., № 382); для переводу, 1631 (ib., № 363); для покою, 1622 (ib., № 70); для распросу, ib.; без остатку, 1620 (ib., № 69); того наказу, 1619 (ib., № 33); задору, 1619 (ib., № 35); без мироу, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); безъ росту, Гр. ок. 1450 (А. А. Э., I, № 48, I); безъ череду, Гр. 1450 (А. Калач., I, № 49); без докладу, Гр. ок. 1484 (А. Калач., I, № 91 (А. А. Э., I, № 92); у докладу, ib.; моего роду, Дв. гр.

XV в., № 5; шедъ (съ) суду, Дв. гр. XV в., № 86; ни доброго родоу, Ипат., 284б; проса мироу, ib., 274г; роду моего, ib., 25в; всякого роду, Колом. Пал., 92; старовъ разводу, Гр. нач. XV в. (С. М., № 56); от(ъ) роду, Гр. 1476—1490 (С. М., № 63); азъ есмь роду княжа, Лавр.; печать маистату нашого, Молд. гр. 1433, № 33; долгу старого, Догов. 1405, № 38; без мироу, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); мироу не взяша, Син. сборн. XV в., № 154; своего закладу, Псков. судн. гр.; до зароку, ib.; с голодоу, Хожд. Афан. Ник., 390а; от(ъ) бою... падъшемъ, Жит. Феод.; грабежу не будет(ь), Псков. судн. гр.; великого ѣздоу, Ипат., 227г; до четвергоу, Лат. Авр.; от(ъ) початку, Крас. сп. Западнорус. лет.; з голоду, ib.; всего моего грабежу, Гр. 1579 (А. Ю., № 46); от правежу, Гр. 1562 (А. Ю., № 243); ѣзду, Гр. 1398 (XVI в., А. А. Э., I, № 13); опроч(е) бою, Догов. 1433, № 49; ѿ посѹлѹ, Домостр. Конш., 21; ѿ поклепѹ, ib., 21; безъ wбыскѹ, ib., 34; wговорѹ не слушати, много прохладѹ, ib., 41; оу всякого бы годѹ, ib., 44; ѿ морозѹ, ib., 45; wдново часѹ (род. ед., ударение), ib., 46; до́лгѹ, ib., 59 и т. д.

Оговорю еще несколько случаев: *из вѣсоу вощаного,* Тр. сп. Новг. 1-й, 50б, не означает конкретных весов, а есть отвлеченное понятие, ср. там же: ни вѣсу имъ не вѣсити Иваньского; подлугъ того нашего листу, Молд. гр. 1438, № 51; того листу, Гал. гр. 1409; сего листу, Гал. гр. 1424 (здесь „лист" означает содержание листа; следовательно, понятие отвлеченное). *Пир* имеет *пироу*: с того пироу, Увар. сп. Западнорусск. лет.; из пиру, Гр. 1398 (А. А. Э., I, № 13); *из Посолского Приказу*, 1619 (Письма русск. госуд., № 17) — потому, что в основании лежит слово „приказъ" с отвлеченным значением. *С межевого съѣзду,* 1619 (ib., № 33) — то же; *опроче... службы и ямy,* Гр. нач. XV в. (С. М., № 56); *опроче... ямy,* Гр. 1462—1463 (А. Калач., I, № 31); — „ямъ" означает здесь ямскую повинность. В число примеров не включены слова, исконно склонявшиеся, как основы на *-й*; ср. эти слова выше, при образце (ср. в особенности *рядъ, даръ, чинъ* и т. д.). В *на ель без верху,* Гр. XV—XVI вв. (А. Калач., II, № 178),— „верхъ" означает вершину и тем не менее имеет окончание *-у*. Не ясно, почему *амбару*, Гр. 1582 (А. Ю., № 212), *порогу,* Гр. 1557 (А. Ю., № 228), *гробѣ* в Мстисл. ев.; отмечу ударение *wт домѹ́* нашего, Домостр. Конш., 64.

Отмечу, что какого-нибудь ограничения при распространении *-у* в древнем языке как будто не замечается; окончание это яв-

ляется не только в основах на старое *-ŏ*, но также на старое *-jŏ (перцю, хмелю, бою, кустарю, правежу, грабежу)* и даже в исконных основах на согласную или *-ĭ (ячменю)*. Равным образом *-у* заменяет не только неударяемые окончания, что обычно, но и ударяемые: пополнкý, полкý, льнý, мхý, кустарю́, ячменю́, Торжкý, мосткý, правежý, грабежý, четвергý, у ручію. Как увидим ниже, диалектически в этом именно отношении наступили значительные ограничения. Рядом продолжали свое существование старые формы на *-а*: луга не косят(ь), Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 31); шодъ суда (вместо *с суда,* ср. выше *с суду*), Дв. гр. XV в., № 88; до срока, Дв. гр. XV в., № 99; ни рода кнажа, Лавр.; Бѣжъцьского Верха, Догов. 1433, № 49.

Родительный на *-у* в современном великорусском. Привожу примеры только для тех же отмеченных выше в древнем языке категорий, оставляя в стороне *-у* в именах, означающих индивидуальные предметы и даже лица *(без носу, из самовару, со стýлу, ат атцу)*; распространение *-у* в этих словах принадлежит уже к специально великорусским, частью только диалектическим явлениям.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: без капиталу, Кадн. (Отв. № 26); из ячменю, Никольск. (Отв. № 266); нету гороху, Слобод. (Отв. № 222); от чаю, Кирилл. (Отв. № 186); из ячме́ню, Брянск. (Отв. № 259); дай пеплю, достань огню, Пинеж. (Пругавин, Обл. сл., № 6); лёду кусок, лену горсть, Борович. (Обл. сл., № 112); с вогню, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893); винаградачку ирвать, Обоян. (Резанов); мядкý на палтину, ib.; ат агню́, Жиздр. (Никольский); бе́лава снегу, Щигр. (Халанский); из саману, Моздок.-Терск. (М. Караулов); назьму, Пудож. (Шахм.); ис камню, Мосал. (Шахм.); куляшкý нет, ib.; у́галю, ib.; ячменцý, Мещов. (Шахм.); пайкý, Вытег. (Отв. № 22); есте и ельнякý у нас, Вытег. (Отв. № 22); безо льну, Орл.-Вят. (Отв. № 37); без сахару, Грязов. (Отв. № 36); кулешику сварила, Мещов. (В. Чернып.); из ячменю, ib.; распространение народу, ib.; не было льну, Дмитров. (В. Черныш.); большая часть ракитнику, ib.; люду было меньше, Богородск. (В. Черныш.); березнику, ib.; оси́ннику, ib.; назьмý, Егорьев. (В. Черныш.); с вагню да в полумя, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893); дробнава до́жжу, ib.; по́сля до́жжу, Мосал. (Шахм.); ат до́жжу, ib.; пескý, са́хару, коньякý, ро́му, табакý, мёду, супу, гороху, картофелю, маку, перцу, уксусу, Моск., и т. д. У Пушкина: хлопья снегу,

мало мозгу, нюхайте табаку́, воску, луку, соку, песку, за чашкой шоколаду, мёду, яду, семь пуд пороху, сброду, множество народу, рейнвейну, изюму, чернослив у, перцу, товару.

2) Слова, означающие местность, место: из рынку, Покров. (Отв. № 10); с базару, ib.; с потолку, ib.; из рынку, Петроз. (Отв. № 13); еду из городу, Буйск. (Отв. № 18); с уголку́, ib.; из лесу, из саду, ib.; с рынку, Олон. (Отв. № 29), Вытег. (Отв. № 22); и́з городу, Устюжн. (Отв. № 28); с сенокосу, ib.; из лесу, ib.; с порогу, Петроз. (Отв. № 30); со шкапу, ib.; с берегу, ib.; с чулану, ib.; из дому, Кадн. (Отв. № 31); из саду, с рынку, ib.; из огороду, Орл.-Вят. (Отв. № 37); с дому, ib.; из коробу, ib.; из-под мосту, ib.; яблоки нашева саду, Самар. (Отв. № 40); з базару, ib.; без бога не до парогу, ib.; из Казельску, Мещов. (В. Черныш.); с-за Серпейску, ib.; с лесу, Великол. (Отв. № 45); из заводу, Холмог. (Отв. № 50); с потолоку, с порогу, Яранск. (Отв. № 59); для саду, с базару, Карсун. (Отв. № 67); из лугу, Сольвыч. (Отв. № 193); с сенокосу, Тотем. (Отв. № 198); упало с потолоку, Малмыж. (Отв. № 103); со стулу, с дому, Слободск. (Отв. № 120); с огороду мало собрали, Слобод. (Отв. № 222); онамедни дуло с полу, ib.; из-за у́глу, Кинеш. (Отв. № 250); мимо оврагу, ib.; из во́зу, ib.; из сараю, из краю, Кирилл. (Отв. № 186); из овину, Камышл. (Отв. № 89); со забору, Арханг. (Кузмищев); близ бульвару, Яросл. (Тихвинский); близ ручийёчку, ib.; выша берюшку, Обоян. (Резанов); из саду, Моздок.-Терск. (М. Караулов); до погосту, Петроз. (Шахм.).

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: с того году, Олон. (Отв. № 29), Кадн. (Отв. № 25); без роду, без племени, Устюж. (Отв. № 28); с того году, Алатыр. (Отв. № 32); таво году, Остров. (Отв. № 33); сёгоду, Онеж. (Отв. № 41); сёўгоду и сево году, Вытег. (Филимонов); с роду, Карсун. (Отв. № 67); без толку, ib.; без спросу, ib.; биз весу, ib.; с будущова году, Костр. (Отв. № 264); без покою, Камышл. (Отв. № 89); ни ходу, ни езду, Обоян. (Резанов); ответу нет, Петроз. (Шахм.); с великого по́сту, ib.: сё году, Повен. (Шахм.); до са́мага свету, ib.; ро́сту не было́, ib.; для примеру, В. Майков (Черныш.); с размаху, ib.; без страху, ib., роду, ib. У Крылова: от ветру, проку, не минуло и го́ду, и росту стал просить большого, какого роду, с у́мыслу, из вашего роду, сбили с толку, не кончить веку, у поро́гу. У Пушкина: с бою, зною, покою, ни шагу, блеску, сроку, без умолку, толку, крику, не до смеху, с размаху, ни духу, ни слуху,

со страху, промаху не дам, году, роду, от роду, доходу, ходу, следу (при *следá*), с виду, броду, голоду, с перваго взгляду, надсаду, с налёту, вздору, от ушибу, шуму, до зарезу, часу, росту, весу, уговору, приговору, спору нет, свету (рядом с этими абстрактными находим: у порогу, с порогу, из дому, из носу, из лесу, с возу).

В отделе, посвященном великорусским явлениям, я рассмотрю не только дальнейшее распространение родительного на *-у* на другие категории слов, но также и те ограничения, с которыми распространение родительного на *-у* вообще встретилось в русских говорах. К таким ограничениям принадлежит, например, в московском и литературном наречии ударяемость падежного окончания: *-у* по общему правилу вытесняет только неударяемое *-а*, и только в словах первой категории в родительном со значением разделительного может употребляться *-у* (медкý, табакý), но, например: *изо лба, без сна*, с *потолка*, с *уголка*, с *угла* и т. д.

Родительный на *-у* в современном белорусском. Располагаю и здесь примеры по трем категориям.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: мёду, дзёгцю, пяскý, лёну, Могил. (Отв. № 4); аўсý, Слуцк. (Отв. № 5); ячмяню́, жвыру, Минск. (Отв. № 7); огню́, цýкру, перцу, Новоалекс. (Отв. № 11); воску, мэду, песку, дёгту, Пинск. (Отв. № 3); оцту, Пинск. (Отв. № 4); от крепкаго дожджу, Быхов. (Ром., III, 97); камню, Быхов. (III, 138); купи мне белаго шовку, Рогач. (Ром., III, 155); много народу, Рогач. (ib., 179); яна тоды яму ше крапчейшаго напитку дала, ib., 183; надо пороху, Быхов. (Ром., III, 212); вару, Рогач. (ib., 412); воды б напився ци квасу, Быхов. (ib., 259); хоць ба мы... поспытали кашки ци крупничку, Быхов. (ib., 271); пуд гороху, Быхов. (ib., 274); повесмо кужалю, Рогач. (ib., 289); куль лёну, ib., 291; от огню, ib., 310; огню нема, ib., 414; гороху, горошку, ib., 416; одовжи огоньку, ib., 414; ни коня не маш, ни припасу, Рогач. (ib., 162).

2) Слова, означающие местность, место: от гэтаго городу, Быхов. (Ром., III, 98): з боку на бок, Быхов. (ib., 134); коло шляху, ib., 135; пошли глядеть саду, Рогач. (ib., 151); з якого боку, ib., 160; зь яé дому, Рогач. (ib., 175); до верху, ib.; 179; из раду (т. е. ряду), ib., 179; обапол мóсту, Быхов. (ib., 169); выше лесу, ib., 196; от берягу, Быхов. (ib., 203); гетаго сáду, ib., 216; до верху, Рогач. (ib., 292); со всяго лесу, ib., 311; пришли до дому, ib., 410; ли зáпячку, ib., 398; огледзиць склепу, ib.

411; ли косцелу, ib., 412; кругом етаго раю, ib., 416;z tarhú, Волков. (Federowski, I, 24); z padýspadu, ib., 15; з миру по нитцы, Быхов. (Ром., III, 274).

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: прóтыру, прымýсу, для прыклику, Могил. (Отв. № 4); нацерпеўся голоду, Новоалекс. (Отв. № 11); з голоду, Быхов. (Ром., III, 136); с прокорму, ib., 136; надзелав ён крику, ib., 139; знаку няма, ib., 141; плачу меняй, Рогач. (ib., 153); до веку, Рогач. (ib., 174); ли спокою твойго ношлегу, Быхов. (ib., 200); гукая ратунку, ib., 190; надзелали смеху, Рогач. (ib., 186); отзыву, ib., 186; до Марочковаго приезду, Быхов. (ib., 200); до твойго приходу, ib., 202; ни разу, ib., 217; ён тольки часу дожидая, Быхов. (ib., 259); ўсходу, ib., 271; пан тóды хóду (т. е. бежать), ib., 276; до веку, Рогач. (ib., 292); без пороку, Быхов. (ib., 305); до которого часу, ib., 306; от злучаю, ib., 308; без яго дозволу, ib., 341; два дни строку, Рогач. (ib., 350); мойго приказу, Быхов. (ib., 395); толку мало, ib, 413; ответу, ib., 416; hrechu na duszý nie mieu, Волков. (Federowski, I, 31); dachodu ni było, ib., 31; z z'alu, ib., z strachu, ib., 46; bicz pierästauku, ib., 55; do taho pokoju, ib., 52; da s'wietu, ib., 69.

В белорусском, так же как в великорусском, родительный на *-у* получил распространение и в другие категории. Об этом я скажу ниже в белорусском отделе[1]; также укажу и на то, что в белорусском вытеснение *-а* через *-у* едва ли не ограничено в общем тем же условием, что в великорусском, т. е. его неударяемостью (исключение, как в великорусском, составляют слова с собирательным значением: пяскý, аўсý, огню и т. п.).

Родительный на *-у* в современном украинском. Здесь едва ли не консервативнее, чем в других наречиях, сохраняются старые отношения. Распространение в другие, кроме указанных для древнего языка, категории редко.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: укр.— сиру, гороху, терну, перцю, оцту, дігтю, вогню, люду, льоду, шовку, попелу, снігу, лісу, народу, олію, дощý; галицк.— кáменю, ячмéню (Огоновский); угрорус.— сыру, лену, віцтý, бервінку, кменю, хреню, дожджю (Верхр., I); гороху, чесноку, цукрю (Верхр., II); лемк.— мху или моху, попрю, поломіню, меду, льну или лену, сыру, леду, чіснику (Верхр.).

---

[1] Соответствующая часть курса А. А. Шахматовым не была обработана. (*Ред.*)

2) Слова, означающие местность или место: укр. — краю, дому, дво́ру, ра́ю, До́ну; лемк. — саду, лісу (Верхр.); угрорус. — краю, Дунаю (Верхр., I).

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: укр. — чину, дару, смутку, гріху, груду, болю, розуму; угрорус. — не маю часу́, ро́чьку, ро́ку (Верхр., I), гріху (Верхр., II); укр. — жалю́, плачу́, смаку́, разбо́ю; лемк. — страху, року, рочку (Верхр.).

Во многих словах замечается колебание: *сорому* и *сорома, гріху́* и *гріха́;* угрорус.: *ро́зуму* и *розу́ма, краю* и *края, Дунаю* и *Дуная.* В ряде случаев колебание зависит от значения: *замка́,* но *за́мку* (в значении за́мка), *збіга́* (сбежавшего, убежавшего), но *збігу* (убегания), *листа́,* но *ли́сту, липця́,* но *ли́пцю* (меду) и т. д.

Во всем русском языке, за немногими исключениями в великорусских диалектах, *-у* не переносится в имена одушевленные; неперенесение их в категорию слов, означающих орудия, растения и вообще предметы, мыслимые как единицы, отличные от других, в украинском также не имеют места в связи с тем, что подобные слова образуют винительный падеж на *-а*, т. е. сходно с родительным.

2. МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ НА -У

Распространению этого окончания *-у* из основ на *-й* в основы на *-ŏ* содействовало, конечно, прежде всего появление *-у* вместо *-а* в родительном единственного. Этим, вероятно, объясняется и то, что окончание местного единственного *-у* почти не проникло в имена одушевленные, так же как *-у* родительного единственного осталось чуждым для этих имен. Но, как кажется, для укоренения нового окончания требовались еще и другие благоприятные условия. Сюда относятся: во-первых, окончание основы на задненёбный звук, изменявшийся в свистящую или аффрикату перед окончанием местного единственного *-ѣ*. Очевидно, формы, как *в песку, в полку,* легче ассоциировались с прочими падежами, чем старые формы *в песцѣ, в полцѣ,* звук *ц* которых не находил себе соответствия в других падежах (*песци, полци* рано уступили место формам *пескы, полкы,* как мы уже знаем). Это способствовало вытеснению старых форм на *-ѣ* в основах на задненебные согласные новыми формами на *-у*. Впрочем, в великорусских говорах, где *ц, с, з* систематически заменялись в склонении и спряжении задненёбными по грамматической аналогии, вновь возникали

(частью диалектически) образования, как *в песке*, *в полке*, и вытесняли произношение *в песку*, *в полку*. Во-вторых, подвижность ударения соответствующей основы; в основах с подвижным ударением местный падеж на *-у* имел ударение на этом *-у* в силу того, что в исконных основах на *-й* с подвижным ударением (а большинство основ на *-й*, нам известных, имели подвижное ударение) ударение местного единственного падало на окончание в противоположность большинству других падежей, сохранявших его на корне (род. *до́му*, твор. *до́мъмь* при местн. *дому́*). Это зависело от того, что окончание местного единственного *-у* в литовско-славянскую эпоху имело такую долготу, такой вид долготы, которая перетягивала на себя ударение с предшествующего краткого слога или слога с другим видом долготы. Итак, в словах с подвижным у́дарением ударение новых форм местного единственного на *-у* отличалось от ударения старых форм местного единственного на *-ѣ*, которые в словах с подвижным ударением имели всегда ударение на корне. Это обстоятельство содействовало упрочению новообразований на *-у* в словах с подвижным ударением, ибо обе формы местного падежа — старая на *-ѣ* и новая на *-у*,— различаясь не только окончанием, но и ударением, получили благодаря этому двойному различию возможность вступить в различные ассоциации морфологические и синтаксического характера. Так, в соединении с предлогами *въ*, *на* могли преобладать одни формы (формы на *-у*), а в соединении с предлогами *о*, *при* другие (формы на *-ѣ*). Формы на *-у* могли употребляться тогда, когда существительному не предшествовало определение, напротив, формы на *-ѣ* — при наличности этого условия (ср. ниже современные русские отношения, а для древнего языка примеры, как в Гр. 1571: не въ дѣлу, А. Ю., № 23; но в Гр. 1532: въ семъ дѣли, А. Д., № 155; в Ипат.: на холму, 85 г; но: на Вытечевьскомь холмѣ, 84б). Приведу примеры для местного падежа на *-у* из древнего и современного языка, располагая их по указанным выше рубрикам.

Местный единственного на *-у* в древнем языке, в положении после предлогов *въ* и *на* (включаю и старые основы на *-й*).

1) В основах на задненебную согласную: на лукине берегу, Гр. 1525 (Собр. Бел., № 39); на беломъ пѣску, Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9); на островку, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); въ кабалномъ долгу, Гр. 1579 (А. Ю., № 249); на снѣгу, 1620 (Письма русск. госуд., № 101); в возку, 1630 (ib., № 351); въ иску, 1691 (Барс.,

Палеостр., 150); въ списку, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); въ починку, Гр. 1584 (А. Ю., № 24); въ Можайску, Гр. 1577 (А. Ю., № 171); въ переулку, Гр. 1574 (А. Ю., № 229); на Боркоу, Гр. 1137 (1282, Р. Д.); въ боркоу, Ипат., 267в; в полкоу, ib., 270а; в полку, ib., 96а; на полку, ib., 28в; на берегу, Гр. 1462—1505 (С. М., № 50), Гр. 1498—1499 (А. Калач., I, № 112); у Луцку, Луцк. гр. 1388; въ торгу, Гр. 1466—1478 (А. А. Э., I, № 81); на Михѣевѣ берѣгу, Дв. гр. XV в., № 93; на писку, Дв. гр. XV в., № 28; на Торжку, Новг. гр. 1265, № 1; в Торожкоу, Новг. гр. 1265, № 2; Торъшку, Новг. гр. 1372, № 13; в лику стыхъ, Лавр.; въ Хороужькоу, Новг. 1-я, 49а; на новѣмь Търгоу, ib., 56а; на коньнемь търгоу, ib., 69б; въ полкоу, ib., 86а; в кроугу, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 224а; въ вѣлицѣ полку, Ипат., 198г; во Торжькоу, ib., 296в; в полкоу его, ib., 224б; во снѣгоу, ib., 238б; во Смоленьскоу, ib., 242б; на брегоу, Ев. 1339, 47а; в Торжку, Догов. 1368, № 28; в долгу, Догов. 1436, № 56; в Торжку, Лавр., 461; в Полотьску, Син. сборн. XVв., № 154; на полку, ib.; на Волоку, ib.; в Полóчку, Погод. сп. Псков. лет., № 1413; оу торгу, Псков. судн. гр.; у Луцьску, Луцк. гр. 1386; в Полоцку, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); у Новомъ Городку, ib.; в Торжьку, Лет. Авр. (Карский); в Полочку, ib.; въ Смоленьскоу, ib.; на Смоленьскоу, Увар. сп. Западнорус. лет.; у Витебску, Виленск. сп. Западнорус. лет.; на Югу, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); о пълку Игоревѣ, Сл. о п. Иг., I и т. д. Рядом, однако: на пѣски, Дв. гр. XV в., № 116; на Лукини береги, ib., № 1; в Новотържьце, Новг. 1-я, 49а; на Торьжки, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 318б.

2) В основах с подвижным ударением, обычно при отсутствии перед формой местного падежа определения, притом после предлогов *въ* и *на*: у собя въ дому, Гр. 1471 (А. А. Э., I, № 92); на бору, Дв. гр. XV в., № 99, 98; на низу, ib., № 8, 19, 90; на носу, ib., № 12, 6, 21, 22; на низоу, Новг. гр. 1270, № 3; в миру, Новг. гр. 1373, № 17; в горну, Лавр.; на холму, Лавр. (но: на томъ холмѣ); въ дому своемь Лавр.; на часу, Новг. 1-я, 46а; на холму, Ипат., 103а; на дару, ib., 151б; в бору, ib., 110в; на Доноу, ib., 112г; на ледоу, ib., 135в; в Руту (река), ib., 158в; на Саноу, ib., 296в; на броду, ib., 43г; на бороу, ib., 217а; в пироу, ib., 258г; на острову, ib., 373а; на мѣстци и часоу, Молд. гр. 1434, № 35; в городу, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); в миру, Догов. 1368, № 28; въ мироу, Гр. 1229 (А); на крому, ib.; у крому

и в крему, Погод. сп. Псков. 1-й; на станоу, ib.; в пиру, Псков. судн. гр.; на дѣлу, Гр. 1504 (Собр. Бел., № 22); в острову, Гр. 1532 (ib., № 51); на лѣсу, Гр. ок. 1490 (А. Ю., № 6); на езу, Гр. 1510 (А. Ю., № 14); на углу, Гр. 1571 (А. Ю., № 23); на ледѫ, Домостр. Конш., 41; в соку́, ib., 43; на ледоу, Чуд. Кормч. XIV в. (Р. И. Б., VI, 100); на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ, Сл. о п. Иг., 43; въ пироу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 29); на търгоу, ib., 34; в тылу, Послов. XVIII в. (Симони, 191); во лбу, ib.; на вѣку, ib., 188; в богатомъ в дому, ib., 192; пришла баба на брезгу принесла кочергу, ib., 193; родился на свѣту, а пошелъ во тму, ib., 194; на дору на заросломъ, Гр. 1555 (А. Ю., № 151); на острову, ib.; на броду, Гр. 1577 (А. Ю., № 171); въ росту, Гр. 1524 (А. Ю., № 235); в вечеру, 1620 (Письма русск. госуд., № 86); въ году, Гр. 1448 (А. А. Э., I, № 41); на стану, Гр. ок. 1330 (Р. Л. А.); въ пиру, Гр. 1398 (А. А. Э., I, № 13); оу Вагру, Ипат., 935 (вероятно, с подвижным ударением); в Сану; ib., 93б (вероятно, то же); в роду своем(ъ), Ипат., 5в; в Судѫ, ib., 25а; в рѧду англьстѣ, Поуч. Ефр. Сир., 244г; в Руту, Лавр.; а коли товаръ на стану станеть, Полоцк. гр. ок. 1330; в часу, Галицк. гр. 1424; в ручью, Гр. 1568 (А. Ю., № 85), Гр. 1691 (Барс., Палеостров, 139); ср. им. ед. севернорусск. *ру́чей* с подвижным ударением.

Несмотря на предшествующее определение находим форму на *-у*: в Максимовѣ жару, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); въ Въячевском(ъ) ѣзу, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); въ Берестовѣ стану, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); въ моемъ роду, Гр. 1496 (А. Калач., № 118); по своемъ роду, Гр. 1484 (А. Ю., № 151); в томь миру, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); во мницькомъ чину, Догов. ок. 1392 (С. М., № 18); на нашемъ стану, 1619 (Письма русск. госуд., № 17); въ Угожскомъ стану, Гр. 1539 (А. Ю., № 80); на одномъ часу, Лавр., 461; на томъ миру, Молд. гр. 1434, № 39; на томъ сниму, Молд. гр. 1435, № 38; на Романовѣ рѧдоу, Ипат., 232б; в томъ рѧдоу, ib., 232б; на мале часоу, Новг. 1-я, 44а; на семъ листу, Житомир. гр. 1433. Замечу, что слова *миръ*, *чинъ* принадлежат к исконным основам на *-й*, а *рядъ* образует формы по склонению на *й* уже в древнейших памятниках; таким образом, только примеры с *жаръ*, *ѣзъ*, *станъ*, *родъ*, *часъ*, *листъ* и *снемъ* представляются нарушающими обычные отношения. Отмечу старые формы на *-ѣ*, как: во рте, Послов. XVIII в. (Симони, 81); на яве, ib., 94; во лбе, ib., 128; на носѣ, Лавр., 317;

въ ростѣ, Гр. 1524 (А. Ю., № 235); в Холмѣ, Ипат., 297а (город). Не ясно: рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи, Сл. о п. Иг., 38 (ср. в Путивлѣ на забралѣ аркучи, ib., 39), погасоша вечеру зари, ib., 40.

В положении после других предлогов формы на *-у* вообще не известны. Исключение составляет слово *миръ*, как исконная основа на *-й* (ср. выше): женя о дому прилѣжать, Послов. XVII в. (Симони, 101); о миру, Лавр. 450, Ипат., 142в, Лет. Авр.

Диалектически уже в древнем языке замечаются более или менее значительные отступления от выяснившихся отношений, а именно в белорусском, древнепольском и украинском. Так, *-у* проникает в имена лиц. В основах на задненебную: на Воитку, Галицк. гр. 1412; также в положении после предлога *при:* при пану Блотишевьскомъ, Галицк. гр. 1371; при Борису, Псков. Паракл. 1369 (Собол. Очерки); при попе Федосу, Прол. 1383 (Соболевский); при кролю, Молд. гр. 1395, № 10; при господарю, ib.; наконец, в единичных случаях в основах с неподвижным ударением после предлогов *в, на:* у Галичю, Гал. гр. 1401, Гал. гр. 1409; у Гюргеву, Молд. гр. 1383—1419, № 17; въ Киеву, Ипат., 204г; на Днепру, Син. сборн. XV в., № 154 (Псков.); на столу, Погод. сп. Псков. 1-й, № 1413; в храмоу, Лет. Авр. (Карский). Отдельно отмечу односложное *во рву*, Гр. 1574 (А. Ю., № 229). Ср. моск. *во рту* (а в Хожд. Афан. Ник. по списку XV в. — *во рть*, 385б).

Местный единственного на *-у* в современном великорусском языке после предлогов *в, на*.

1) В основах на задненебную согласную с ударением неподвижным: на чердаку́, Петроз. (Отв. № 12); на чердаку, Олон. (Отв. № 29); на волоску, на потолку, ib.; на чердаку, Вытег. (Отв. № 22); в рынку, Кадн. (Отв. № 26); на волоску, на потолку, ib.; на лужку, Устюжн. (Отв. № 28); в рынку, Петроз. (Отв. № 30); на волоску, ib.; в цветнику, в сапогу, ib.; в цветку, ib.; на волоску, Остров. (Отв. № 33); в чайнику, Мещов. (В. Черныш.); в садочку, ib.; на шестику, на большаку, ib.; в пяску, Дон. (Калмыков); на полку́, Холмог. (Отв. № 50); на гвоську, ib.; на песку́, на чердаку, ib.; на волоску, Холмог. (Отв. № 54); на потолку́, ib.; на затылку, Льгов. (Отв. № 67); на потолку, на волоску, Брянск. (Отв. № 259); на большаку, Новосил. (Отв. № 77); на девишнику, ib.; на столику, ib.; на затылку, ib.; спасибо на чайку, Никол.-Волог. (Отв. № 266); в рынку, Слобод. (Отв. № 120); в сундуку,

Слобод. (Отв. № 222); на песочку, Уфим. (Отв. № 166); на пяскý, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880); на кáмушку, на крутом бы на бéришку, ib.; в сундукý, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893); на камушку, Обоян. (Резанов); на желтым пя́сочку, ib.; ва первым садочку, ib.; ва садику ва зеленым, Обоян. (Резанов); ва садику ва садочку, ib.; на седельничку залатом, ib., на мясьтечку, Жиздр. (А. Никольский); на празьнику, ib.; ў пяскý, ib.; на затылку, ib.; на дявíшнику, ib.; ў садику, ib.; ф пяскý, Терск.-Моздок. (М. Караулов); на дьячку, ib.; на рынку, Петроз. (Шахм.); на чердакý, на чердачкý, ib.; на крéжыку, Пудож. (Шахм.); в мешкý, Повен. (Шахм.); у Масальску, Мосал. (Шахм.); на большакý, ib.; у Мящоску, ib.; на задворку, ib.; в закаулочку, Жиздр. (Шахм.); на затылку, Мещов. (Шахм.).

2) В основах с подвижным ударением (включая в них и основы на задненебные согласные), притом обычно при отсутствии перед формой местного падежа определения: в пару, Чистоп. (Отв. № 1); в лесу, Гдов. (Отв. № 11); в саду, Кадник. (Отв. № 25); на полý. Устюжн. (Отв. № 28); на берегу, ib.; на листý, ib.; на волосý, ib.; на глазý, ib.; на ветрý, ib.; в мозгý, Петроз. (Отв. № 30); в неводý, ib., на домý, Кадник. (Отв. № 31); у шарý, Мещов.; (В. Черныш.); в илý, Дон. (Калмыков), в гарадý, Егорьев. (В. Черныш.); впереду, ib.; на рагý, Новосил. (Отв. № 77); в бокý, ib.; на мохý, ib.; на городу была, Никол.-Волог. (Отв. № 266); в глазý, Слобод. (Отв. № 222); на волосý, Белоз. (Отв. № 191); в коробý, Камышл. (Отв. № 89); в пепелý, Солик. (Словцов, Арх. II. Отд.); дому, в пруду, в городу, Волог. (Баженов); у садý, Обоян. (Резанов); в халадý, ib.; ф тирямý, Терск.-Моздок. (М. Караулов); на поду, ib.; на вересý, Пудож. (Шахм.); в неводу, ib.; на лугý, в носý, на мостý, на полý, на пухý, на шелкý, на годý, на глазý и т. д., Моск. В основе на старое *-jŏ* (*-ĭ*): на камню́, Покров. (Отв. № 10), Олон. (Отв. № 29), Вытег. (Отв. № 22); весь в дяхтю, Мещов. (В. Черныш.); на гребню́, ib.; в мисяцю, Пудож. (Шахм.); в маю́, Петроз. (Шахм.); в мае месяцу, Мещов. (В. Черныш.); в каменю, Пудож. (Шахм.); на углю́, Холмог. (Отв. № 50). Гораздо реже при наличности предшествующего определения: на окружном сýду (ср. род. *сýда*, твор. *сýдом*), Мещов. (В. Черныш.); в каждом домý, Дмитр. (В. Черныш.); на етом прудý, Богородск. (В. Черныш.); на сыром дубý, Обоян. (Резанов).

Оставлю в стороне случаи диалектического распространения *-у*, во-первых, в словах с ударением неподвижным (*на сосунý*,

в огню́, в хлеву́, на каню́, на канцу́, на кастылю́, на хрясту́, в углу́, в овсу́, даже в одушевленных: *на вору́*); во-вторых, после предлогов *при* и *об* (*при отцу, при стуку, при брату, об рублю, при вечеру*); в-третьих, в словах односложных (*во рту, на лбу*, диалект. *на пню*). Эти явления можно признать позднейшими, относящимися уже к эпохе отдельной жизни великорусского языка и тех наречий, которые входят в его состав. Поэтому я рассмотрю эти явления ниже в русском отделе. Рядом сохраняются и формы на *-е*: в саде, Грязов. (Отв. № 36); в доме, Вытег. (Отв. № 22); в лесе, Новг. (Отв. № 20); в глазе, Орл.-Вят. (Отв. № 42).

Местный единственного на *-у* в современном белорусском языке после предлогов *в* и *на*.

1) В основах на задненебную согласную: ў нашем раўчаку, Минск. (Отв. № 17); висиць на калку́, Игум. (Отв. № 8); на лайдаку́, ib.; ў сасе́дним домику, Новоалекс. (Отв. № 11); ў зяленым чайку, ib.; на сивым конику, ib.; ў мяшку́, Новоалекс. (Отв. № 14); ў кутку́, ib.; у острогу́, Пруж. (Отв. № 9); на сивуо̂м конику, Мозыр. (Отв. № 5); у карманику, Рогач. (Ром., III, 184); у запячку, ib., 291; у гресьнику, Быхов. (ib. 309); на шметьнику, ib.; сядзиць на стулку, ib., 305; на сметьничку, Рогач. (ib., 380); у мяшку, Быхов. (ib., 363); у хвольверку, ib., 397; u samuam kutoczku, Волков. (Federowski, I, 19); na katku, ib., 20; na stólku, ib., 39; na nadwu̯orku, ib., 22; na rušn'ikú, Новогр. (Клих); g b'ereškú, ib.

2) В основах с подвижным ударением: у бару́, Игум. (Отв. № 7); ў даму́, Новоалекс. (Отв. № 14); ў лясу́, Витеб. (Отв. № 18); в хлеву́, Себеж. (Отв. № 26); на лугу́, ib.; ў саду́ Пинск. (Отв. № 7); у лугу́, Пруж. (Отв. № 9); на вярху́, Рогач. (Ром., III, 65); на берягу́, Быхов. (Ром., III, 197); у том дому, ib., 196; у вечару, Быхов. (ib., 188); на стогу, Рогач. (ib., 228); ў мяху, ib., 412; на'дным боку, Быхов. (ib., 259); на жару, Рогач. (ib., 270); ў тым дому, ib., 305; у суду, Рогач. (ib., 391); на сёмым году, Быхов. (ib., 393); на полу, Рогач. (ib., 397); ў царским скляпу, Рогач. (ib., 411); na tuóm boku, Волков. (Federowski, I, 72); na nizú, Новогр. (Клих), na bakú, ib; на краю, Рогач. (Ром., III, 63); у саду, ib., 151.

Ниже в белорусском отделе рассмотрю случаи дальнейшего диалектического распространения окончания *-у*, во-первых, в основы с ударением неподвижным (например, *на каню́, на вагу́, на старуо̂м дзеду́, на чужым двару́, аб тым каню́*); во-вторых, в положении после предлогов *при* и *об:* ab miercu, Волков. (Federowski, I, 60); ab dziedu, ib., 70; ab chłopcu, ib., 29. Кроме того, видим,

что местный падеж на *-у* в основах с подвижным ударением может принимать ударение дательного падежа: в *лéсу*, Себеж. (Отв. № 29); u hódu, bóku, u v'érxu, Новогр. (Клих). Отмечу, что рядом держатся и старые формы на *-ъ*: на самым верси, Быхов. (Ром., III, 312); ў доми, ib., 384; ў другим доми, ib., 306, при: ў тым дому, ib., 305; у вашам склепи, Рогач. (Ром., III, 411), при: ў царским скляпу, ib.; на гэтым дуби, ib., 97; на бéрази, ib. 65; у лýзи, ib., 35; у дýби, Пруж. (Отв. № 9); у лéси, ib.; ў сáдзе, на стóзе, Игум. (Отв. № 8); ў мёди, у цвеци, у дóми, Витеб. (Отв. № 18); в хлéви при: в хлевý, Себеж. (Отв. № 26) и т. д.

Местный единственного на *-у* в современном украинском языке.

1. В основах на задненебную согласную. Как указывают грамматики, местный на *-у* имеет в украинском слова: *льох, сміх, міх, пух, мох, запах, лопýх, цибýх, сніг, вік, сік, звук, рак, цьях, дах, бук, знак, скік, крик, капшук*, далее слова на *-ик, -ок, -ак, -як, -ко, -вк, -ск* (например, в мішкý, на горбóчку, в сіряку, в вóску, на шовкý, в повкý, на козакý, на гусакý, на кулаку). (Ср. Тимченко, Украинская грамматика, стр. 102—103.)

2. В основах с подвижным ударением: садý, Квитка, изд. Потебни, I, 33; лисý, ib., 36; полý, ib., 46; борý, ib., 58 (ср.: бóром, ib., 61); чынý, ib., 69; домý, ib., 86; цвитý, ib., 102; на выдý, ib., 110; на явý, ib., 166; мырý, ib., 237; разý, ib., II, 89; гробý, ib., II, 299; возý, ib., II, 206; домý, ib., II, 247; станý, ib., II, 263; об новóму годý, ib., II, 312; у жéньскому полý, ib., II, 280; умý, ib., II, 77; пылý, ib., II, 80; потý, Энеида Котляревского (изд. Катранова), 22; в Рымý, ib., 59; торгý, ib., 71; мырý, ib., 91; раю́, ib., 99; краю́, ib., 99; на валý, ib., 163, 182; в бою́, ib., 234; в лисý великому, ib., 12; в земному раю́, Грамáтка, изд. Кулиша, стр. 63 и т. д.

Замечательно, что в украинском держится то же различие в ударении форм на *-ъ* и форм на *-у*, которое известно в русском и восходит к древнему языку: при *даху* находим *дáсі*, при *льохý—льóсі* (Тимченко), *на бродý — на брóде* (Осадца); ср. еще ударение *в нóсі, на бéрезі, в вóлосі, на вéрсі, в лýзі, на Тóрзі, по сім бóці, на дýбі* и др. (Тимченко); у Квитки: лúси, I, 29; чúни, II, 316; у сýди, II, 9; на вéрси, II, 4; у нóси, I, 130; бóци, II, 235; дóми II, 242; на вóзи II, 66; в Энеиде: в лúси, 47; на вóзи, 241; в нóси, 229 и т. д. Чередование *на вóзі* и *на возý, на вéрсі* и *на верхý* вызвало и *на двóри* (Квитка, I, 106, II, 3, 253; Энеида, 31, 33, 49), вместо *на дворí* при *на дворý*.

Ниже в отделе украинском[1] рассмотрю случаи распространения окончания *-у* в основы с неподвижным ударением: галицк. — *вітцю́, хло́пцю;* угрорус. — *на коню, в приятелю, на рихтарю;* лемк. — *учарю,* также случаи совпадения ударения местного единственного с дательным: *в дале́кому кра́ю,* „Основа", 1851, I; равно еще появление местного на *-у* после предлогов *при* и *о: при батьку, при меду́;* наконец, проникновение *-у* в местный единственный среднего рода.

3. ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ НА -У

Перенос этого окончания в основы на *-ŏ* имеет место только в белорусском и украинском; в великорусском его нет. Отсюда заключаю, что перенос этот относится к позднейшим эпохам. Звательный *свату* в Ипатьевской летописи принадлежит, очевидно, южнорусскому источнику.

4. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ НА *-ОВИ*

В современном великорусском окончание *-ови* не известно совсем. Но памятники доказывают, что его знал старый язык. Нет основания думать, что Новгородские и Суздальские летописи или Двинские акты употребляют формы на *-ови* под влиянием книжного южнорусского языка. Ввиду этого думаю, что *-ови* из основ на *-й* перешло в основы на *-ŏ* еще в старшие периоды и притом едва ли не одновременно с другими выше рассмотренными окончаниями. Замечательно, что употребление *-ови,* вместо чего после мягких основ является *-еви,* ограничивается, строго говоря, в севернорусских памятниках только одной категорией имен, а именно только имен одушевленных. И в южнорусских памятниках *-ови* значительно преобладает в именах одушевленных. В белорусском языке *-ови* в настоящее время употребляется почти исключительно в именах одушевленных. Это позволяет утверждать, что общим для всего русского языка было распространение *-ови* в имена одушевленные, в неодушевленные *-ови* проникало вообще в единичных случаях, за исключением, однако, украинского, где, как увидим впоследствии[2], оно получило широкое распространение.

---

[1] Соответствующая часть курса А. А. Шахматовым не была обработана. (*Ред.*)

[2] Имеется в виду предполагавшийся специальный отдел, посвященный явлениям украинского языка, который А. А. Шахматовым не был обработан. *(Ред.)*

Это последнее явление едва ли не стоит в связи с тем, что в украинском неодушевленные получили и другие окончания одушевленных, например *-а* в винительном единственного. Останавливаясь на вопросе, почему *-ови* ассоциировалось с категорией имен одушевленных в эпоху общерусских явлений, я думаю, что это зависело от следующей причины: как мы видели, из основ на *-й* в старые основы на *-ŏ* заимствовались окончания *-у* в родительном и *-у* в местном. То и другое окончание первоначально переносилось только в имена неодушевленные; понятно, что таким образом *-у* в родительном, *-у* в местном входили в тесную и постоянную ассоциативную связь с окончанием *-у* в дательном. В ряде слов (слов с неподвижным ударением) все три падежа оказывались тождественными, например: *Торжку* — местн., род., дат. В словах с подвижным ударением форма местного падежа отличалась от формы дательного и родительного только местом ударения: *ве́рху* — род. и дат., *верху́* — местн. Окончание дательного *-ови* основ на *-й* осталось, таким образом, в стороне и не ассоциировалось уже со старыми окончаниями в склонении этих основ (*-у* в родительном и местном). Понятно, что ему было естественно ассоциироваться с другими окончаниями в склонении мужеского рода, т. е. с окончаниями *-а* и *-ъ*. В первоначальные основы на *-й* окончание *-а* в родительном проникало только в именах одушевленных, как *сына, вола* (это имело место, как мы видели, еще в общеславянскую эпоху). Таким образом, усилилась связь окончания *-ови* именно с этими словами, как именами одушевленными; при *ме́ду* — родительный, *меду́* — местный единственного естественно возникало в дательном *ме́ду* (ср. в основах на *-ŏ со́ку, соку́, со́ку*); *медови* исчезало (как не было известно *сокови*); напротив, при *сына* продолжало существовать *сынови*, и это вело к распространению *-ови* и в другие имена одушевленные (с основой на *-ŏ*, *-jŏ*, первоначальные на *-ĭ*).

Приведу данные, свидетельствующие о распространении *-ови*, *-еви* в древнем языке. Выдвигаю на первое место данные памятников не южнорусских, ибо в южнорусском языке, как сказано, имело место дальнейшее распространение *-ови* и в имена неодушевленные: Гєѡргиеви, Гр. Мстислава ок. 1130; гостеви, Смол. гр. 1284; броветови (Probst), Полоцк. гр. ок. 1330; купцѣви, ib.; вѣсцѣви, ib.; Жихневе (вм. Жихневи), Дух. Новг. до 1270; Иванкови, Новг. гр. 1265, № 1; о(т)ц(е)ви, Новг. 1-я лет., 94а; ѣкоунови, ib., 35а; Давыдови, ib., 46а; б(ого)ви, ib., 54б; Исакови, ib., 1204 год;

Филипови, доужеви, ч(е)с(а)р(е)ви, ib.; Рагоуилови, ib., 14б; Курови, Дв. гр. XV в., № 68; попови, Смол. гр. 1229 (Д); с(ъı)н(о)ви, Гр. 1281—1297 (Р.Д.А.); гостеви, Рижск. гр. ок. 1300; послови, Смол. гр. 1229 (Д); богови, Гр. 1229 (В, № 1); мастерови, Смол. гр. ок. 1240; богови молитисѧ, Домостр. Конш., 62; ни мужеви, ни женѣ, Вопр. Кир. 1282 (Р.И.Б., VI, 43). Окончание *-ови* в неодушевленных в памятниках не южнорусских почти не известно. Могу указать только в Рижск. гр. ок. 1300: манастъıреви и к мостови. В южнорусских памятниках *-ови, -еви* решительно преобладают в именах одушевленных. Так, в Пов. вр. л. по Лавр. сп. находим: воробьеви, Борисови, Василкови, Володареви, коневи, Рюрикови, мужеви, Глебови, Игореви, д(у)хови, Ꙗневи и т. д.; рядом только: Дунаеви, манастъıреви, ѡгневи и боєви. В Ипат. летописи *-ови, -еви* в именах одушевленных в десятках случаев, например: попови, 189а; Глѣбови, 179г; к вепреви, 299г; к медвѣдеве, 299г; Петрови, 166в; зятеви, 173в, 174б; королеви, 174в; тьстеви, 269а; ко Александрови, 249б; ко строєви, 234г; оуєви, 222а; Павлови, 301а; коневи, 135в; и т. д. В неодушевленных находим *-ови*, во-первых, в именах рек и городов: к Санови, 161в; Рутови, 158в; к Въıреви, 130в; Холмови, 281а, 288а; к Донови, 225б (ср. *на Донѣ*, 225в); во-вторых, в некоторых именах с основой на *-jŏ*: по ручаеви, 44б; к боеви, 87г (то же в соответствующем месте Лавр.); зноеви, 98б; ѡгневи, 17в (*ѡгневи* и в соответствующем месте Лавр.); манастъıреви, 59а (то же в соответствующем месте Лавр.); в-третьих, в нескольких других словах: по валови, 196а; по ледови, 293а, 296а; по лугови, 139в; к валови, 157б; ко ѡсѣкови, 293а; даже — соньмови, 288б (мирови, 207а — это старая основа на *-й*). В Слове о полку Игореве только имена собственные: красному Романови, 4; Игореви, 6; Хинови, 25; великому Хръсови, 36; по Дунаеви, 38; Кончакови, 43. В Книгах законных по списку XV в. — одушевленные: волкови, звѣреви, моужеви, ѡсподареви, ц(а)реві и др., но также: ѡгневи, по грошеви (ср. вин. *гроша* в украинском). В Перемышл. гр. 1378[1]: Иванови, Ивашкови, Ходорови, зятеви, протодьяконови, но и: монастъıреви. В Перемышл. гр. 1391: Яшкови, но и: к тому листови. В Галицк. гр. 1401: Кундратови, Васковѣ. В Молд. гр. 1433, № 33: Стефановѣ; в Молд. гр. 1434, № 35: Казъıмирови, Владиславови; в Молд. гр. 1431, № 28: къ ихъ оурикови; и т. д.

---

[1] В рукописи грамота датирована 1371 годом. *(Ред.)*

В белорусской псалтыри XVI в.: помочникови, но и: голосови (Карский). В Житии Бориса и Глеба по Усп. сп. XII в.: Бърнови, Глѣбови, Ольгови, Д(а)в(ы)д(о)ви и т. д. В Западнорус. лет. по сп. Крас. XVI в.: Шварнове.

Как указано, в современном великорусском *-ови* исчезло совсем. Замечу здесь, что фонетически вместо *-ови* явилось бы, и не только в великорусском, но и в других русских наречиях, *-ов* (непосредственно из *-овъ* с напряженным *ъ*); ср. наречия: *домовь, доловь,* также диалект. великорус. *ежегодовь*, или также *-ой*, ср. *домой, долой*. Сохранению *-ови* в белорусском, *-овы* в украинском способствовало влияние со стороны дательного единственного основ на *-ї* (как *зяти, тести*); ср. дальнейшую замену *-овы* через *-ові* (из *-овѣ*) в украинском под влиянием *і* (из *ѣ*) в местном мужеского рода. Итак, в белорусском находим *-ови*; при этом оно известно почти только в одушевленных: сынóви, жабракови, жарабцéви, Сокольск. (Отв. № 2); ясеви, коневи, Гродн. (Отв. № 19), Пинск. (Отв. № 3, 6); бацькови, казакови, ковалеви, Слуцк. (Малевич); весьма редки, единичны случаи, где *-ови* употребляется в неодушевленных: столови, Свенц. (Отв. № 13), Пинск. (Отв. № 7), Пруж. (Отв. № 9); дубови, ib. Замечательно, что в одном из пинских говоров с формами дательного на *-ови* соединяется оттенок презрения и негодования: коневи, Петрови (Отв. № 4).

В украинском *-ови* (так на западе, а в самой Украине — *-ові*) вытеснило почти совсем окончание *-у* как в одушевленных, так и в неодушевленных: по лóбові, пáнові, кожýхові, лýгові, козакові, батькові, Дніпрóві, робітникові, хлóпчикові, дýрневі и т. д. Замечательно, что *-ові* проникло и в местный единственного, но только имен одушевленных: на козакові, на братові; думаю, что и это стоит в связи с тем, что первоначально окончание *-ови* проникло в имена одушевленные и уже оттуда распространилось на неодушевленные.

5. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА *-ОВЕ*

Это окончание почти совсем исчезло, как увидим[1], в украинском и белорусском и окончательно вытеснено в великорусском (частью формами на *-овья*, едва ли не непосредственно заменившими формы на *-овя*). Но памятники свидетельствуют о значи-

[1] Имеются в виду специальные отделы курса, посвященные белорусским и украинским явлениям; эти отделы А. А. Шахматовым не были, однако, обработаны. *(Ред.)*

тельном его распространении в древнем языке. Выше я уже говорил об этом окончании, указывая на то, что первоначальною областью его распространения были слова со значением одушевленных. Это зависело от того, что *-ове* в склонении основ на *-й* сохранилось именно в одушевленных, между тем как неодушевленные заменили *-ове* через *-ы*, т. е. форму винительного множественного (а в одушевленных форма винительного множественного заменялась, могла заменяться формой родительного множественного: *сынов* вместо *сыны*). Общим для всех частей русского языка явлением я считаю вытеснение окончания именительного множественного *-и* через *-ове* именно в именах одушевленных. Это доказывается, во-первых, отсутствием *-ове* в древних памятниках не южнорусских, в словах, означающих нечто неодушевленное; во-вторых, тем, что остатки окончания *-ове (-овья)* в великорусском только в именах одушевленных, причем также и в украинском и белорусском — *-ове* почти только от одушевленных; в-третьих, наконец, самым фактом исчезновения этого окончания; это свидетельствует об ограниченности его употребления. В южнорусских памятниках видим распространение *-ове* и на неодушевленные предметы. Вероятно, это стоит в связи с общим распространением в украинском окончаний, свойственных одушевленным, в слова со значением неодушевленных. Приведу данные из древнего языка для *-ове* (после мягких согласных *-еве*) в именительном множественного.

Памятники не южнорусские: соловарове, Гр. 1449 (А. Калач., I, № 31); поп(о)ве, Новг. 1-я, 29б; Чехове, Лѧхове, ib., 92а; пословѣ, Гр. 1294—1304 (Р.Л.А.); волостелеве, Гр. 1229 (Д); Берендѣеве, Лавр., 310; сторожеве, ib., 303, 460; татарове, ib., 438, 1368, № 28; приставове, Гр. нач. XV в. (С.М., № 56); приставе, Псков. судн. гр. (вм. *приставове*); воеве, Ермол., 13; послове, пословѣ, Погод. сп. № 1413 Псковск. лет. Встречающиеся в таких памятниках формы на *-ове* от имен неодушевленных едва ли не обязаны книжному языку, языку, находившемуся под влиянием южнорусского: дворове мнози, Новг. 1-я, 44а; полкове, ib., 92б; бродовѣ, Погод. № 1413 Псков. лет.; борове, дождеве, громове, Лавр., 460, 461; судове, Псков. судн. гр. (вин. мн.). Что до *домове величии,* Новг. 1-я, 54а, то *домъ* — старая основа на *-й*.

Памятники южнорусские. Слова со значением одушевленных: бѣсове, Жит. Бор. и Гл. по Усп. сп. XII в.; сторожеве, Ипат., 157б, 159г, 165а; оуеве, ib., 126а; псареве, ib., 179а;

приѧтелеве, ib., 193в; Берендѣевѣ, ib., 199б; ц̑рве, ib., 297г; татарове, ib., 252г, 252в; Лѧхове, ib., 268а; вожевѣ, ib., 275в; хрустове, ib., 63б; Волохове, ib., 10б; воробьеве, ib., 23г; ръиболовѣ, ib., 61в (вм. *рыболовове*); панове, Молд. гр. 1404, № 18; предкове, ib.; предъкове, Молд. гр. 1433, № 31; передкове, Молд. гр. 1434, № 34; передькове, Молд. гр. 1437, № 47; намѣсткове, Молд. гр. 1433, № 33, Галицк. гр. 1424; продкове, Киев. гр. 1459; попове, Галицк. гр. 1371; ратаевѣ, Сл. о п. Иг., 17; дятлове, ib., 43. Также в памятниках литературных, восходящих к южнославянским оригиналам: вожеве, Ев. 1339, 160а; вожевѣ, Син. сборн., № 53, 1255; мытаровѣ, клеветаревѣ, ib.; вожевѣ, Сборн. Соф. XV в., № 1262; бесовѣ, ѩреѣвѣ, ib.; ц̑реве, Толк. апост. 1229; врачеве, Палея 1477; зміевѣ, слонове, ib.; змиѣве, Колом. Пал., 64; мравиѣве, ib., 65; бѣсове, ib., 76; послоухове, Кн. зак.; прелюбодѣеве, ib.; иѣрѣѣве, Отв. митр. Ион. 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV, № 4)[1]; Данила в рове убоялися лвові, Послов. XVII в. (Симони, 96). В западнорусских памятниках: Ляхове, Виленск. сп. Лит. лет.; Ляховѣ, Лет. Авр.; послове, татарове, ib.; пановѣ, Крас. сп. Лит. лет.; быковѣ, Псалт. XVI в.; анг̑лове, б̑гве, бесове, моуринове, паганове, послове (Карский), wслове, лѣкарове, богове, потомкове, wтцове, Псалт. XVII в.; кролеве, богачеве, Псалт. XVI в.; цареве, кролеве, Псалт. XVII в. (Карский).

Слова со значением неодушевленным: борове, полкове, разбоеве, манастъреве, Пов. вр. л. по Лавр. сп.; медове, Ипат., 134б; дарове, ib., 178в, 180в., 206г; станове, ib., 284в; боровѣ, ib., 288б; борове, ib., 224а; дворовѣ, ib., 216б; громове, ib., 55г; оудове, ib., 61в; вшитци вжиткове, ib., Гал. 1370[2]; листове, Гал. гр. 1421; чюдове, Палея 1477; соудовѣ, крестове, пирове, ib.; полковѣ, Лит. лет. сп. Крас.; wвощевѣ, Лет. Авр.; видове, Колом. Пал. 26; дн̑еве, ib., 45; градове, Поуч. Ефр. Сир., 105в.; сн̑ове, ib., 251г; воплеве, ib., 251г; часове, Яросл. сп. Панд. Ник. Черног. XII—XIII вв. (Тихвинский); тропареве, манастъреве, ib.; морове, Син. сборн. XV в., № 53, 255; оудовѣ, ib.; пирове, Соф. сборн. XV в.; № 1212, Палея 1494; голодове, морове, вѣтрове, Пересопн. ев.

В современном великорусском *-ове* исчезло. Фонетически оно должно было измениться в *-овя*; это *-овя* под влиянием собира-

---

[1] Далее следовал отмеченный выше пример из Слова о п. Иг. *(Ред.)*

[2] В рукописи дата 1371 г. *(Ред.)*

тельных на *-ья* перешло в *-овья*. Таким образом, окончание *-овья* можем считать остатком старого окончания *-ове*. Мы находим его только в именах с одушевленным значением, даже точнее — в именах лиц: сыновья, кумовья, шуровья, сватовья; диалект. — зятевья, братовья, дружевья, мужевья, татаровья, улановья[1] (см. ниже в отделе русских особенностей). В современном белорусском *-ове* совсем почти не известно. Формы на *-ове* Карский признает полонизмами: пановя, сватовя, братовя, швагровя, Слуцк. (Малевич); ludkowia (Federowski, II, 234); старялове, Новогруд. (Отв. № 24); людкове, Пинск. (Отв. № 3); господарóвэ, Пруж. (Отв.№ 9); панове, сватове, кумове, Пинск. (Отв. № 6); panow'é, svatow'e, Новогр. (Клих). В украинских говорах *-ове* также исчезло, но в галицких оно местами сохранилось: вітрове, столове, хлібове (Огоновский); карпаторус.: вірлове, ворогове, угрорус. (в именах лиц): сусідове (Верхр., I); лемк.: дідове, свидкове, братове, кісцéве, вітцове, ткачове, людкове, збуйове, пташкове и даже — плугове, дымове (Верхр.).

6. РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА НА *-ОВ*

Наибольшее распространение сравнительно со всеми вообще окончаниями основ на *-й* имело окончание родительного множественного *-ов*. Оно началось, как увидим, в ранние эпохи, и, по-видимому, скоро наступило сначала частичное, а потом и полное вытеснение старых форм. Эти формы в большинстве слов мужеского рода (исключение составляли случаи, как *волóс* при *вóлос*) сходствовали с формами именительного, винительного единственного числа и не имели, таким образом, характерных падежных окончаний. Понятно, что именно это обстоятельство и послужило основанием для успеха окончанию *-ов*, ибо с этим окончанием соединялось представление о родительном падеже множественного числа.

Приведу примеры из древнего языка: грѣховъ, пълковъ, бѣсовъ, дх҃овъ, троудовъ, манастыревъ, Жит. Феод. по сп. XII в.; грѣховъ, Усп. сборн. XII в., № 175/18; видовъ, ib.; скотовъ, ib.; троудовъ, ib.; ч҃лвкъвъ, ib.; р҃ псалмо^{в}, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 23); і҃ соколовь, Сл. о п. Иг., 3; бес щитовь, ib., 27; заклад-

[1] Ср., впрочем, диалектные *дернóвья* (от *дерн*), *кустовья*, *пеневья* (от *печь*), *платовья*, *пузóвья*, *сноповья*; в былинном языке встречаются формы *даровья*, *луговья*, *путевья* (от *путо*), *ратовья*, *тоневья*. *(Ред.)*

никовъ, Новг. гр. 1265, № 1; оу коупцевъ повозовъ не имати, ib.; новгородцевъ, Новг. гр. 1265, № 2; оу новоторъжьцевъ, Новг. гр. 1294—1301, № 4; оу истьцевъ, Новг. гр. 1305, № 10; закладневъ, Новг. гр. до 1308, № 7; оу талщиков, Новг. гр. 1314, № 12; wброковъ, Новг. гр. 1325—1327, № 15; из новгородьскъихъ пригородовъ, Новг. гр. 1371, № 8; изо всих пѧти кончевъ, Новг. гр. 1372, № 13; новгородцовъ, Новг. гр. 1373, № 18; к̄ пузовъ, Дв. гр. XV в., № 116; б(ог)овъ, Лавр.; бѣсовъ, городовъ, даровъ, лапотниковъ, Лѧховъ, сторожовъ, Лавр.; дневъ, ib.; коневъ, Новг. 1-я, 87б, 95б; пълковъ, ib., 98б; дворовъ, ib., 54а, 54б, 76а; кораблевъ, ib., 69а; коубъковъ, ib., 70б; црвъ, ib., 72а; кроуговъ, ib., 21а; новгородьцевъ, ib., 83а; новгородцевъ, ib., 101б; товаровъ, ib., 101а; ѡблъковъ, ib., 30б (очевидно, мужеского рода); коневъ, Новорасс. сп. Новг. 4-й, 309б; коневъ, ib., 317а; братовъ вї̄, ib., 452а; батыровъ, ib., 318а; в кораблевъ, ib, 45а; wбручевъ, ib., 28б; поѡсовъ, Дух. моск. 1328, № 21; и съсудовъ, ib.; казначѣевъ, Дух. 1389, № 34; тиуоновъ, ib.; бѣрковъсковъ, Гр. 1281—1297 (Р.Л.А.); ратмановъ, Рижск. гр. ок. 1300; отчв̄, ib.; по нѣколицѣ днев̄ъ, Ипат., 118б; што его городовъ, ib., 141а; полковъ, ib., 156б; чернъих(ъ) клобоуковъ, ib., 154г; даровъ, ib., 188 г; е̄ дновъ, ib., 192г; троуповъ, щитовъ, ib., 280г; шеломовъ, ib; ѿ огневь, ib., 284в; десѧткъвъ, ib, 306б; мало городовъ, ib., 45г; Лѧховъ, ib., 54а; новгородцевъ, ib., 53б; сторожевъ е̄ї̄, ib., 226в; господчичевъ е̄, ib., 226в; ї̄ дневъ, ib., 228а; до трехъ становъ, ib., 229а; прїѧтелевъ, ib., 229в; стѧговъ, ib., 232г; кнѧжичевъ, ib., 234в; вороговъ, ib., 235а; ѿ сватовъ, ib., 235б; ѿ пословъ, ib., 236а; родовъ четъıри, ib., 243б; и становъ своих(ъ), ib., 268 г;птаковъ, ib., 270а; воевъ, ib., 271а; епповъ, ib., 277а; вепревъ шесть, ib., 277г; волъхвовъ, ib., 15б; пороговъ, ib., 29б; безбожънъихъ татаровъ, ib., 264а; ино с нӣ члковъ на коне, ib.; тъıсѧ, Хожд. Афан. Ник., 376б; в s̄ оубо дн̄въ, Колом. Пал., 127; зраковъ, ib., 26; попwвъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 72г; сторwжwвъ, ib.; ѿ коупцевъ, ib., 70г; козарѡ, ib., 14а; прїателевъ, Погод. сп. № 1413 Псков. лет.; коневъ, роублевъ, ib.; оубътковъ, ib.; пословъ, ib.; грошювъ, Перемышл. гр. 1378; господаревъ, Стародуб. гр. 1400; и съ гороховъ, Луцк. гр. 1487; псалмовъ, Ярослъ. сп. Панд. XII—XIII в. (Тихвинский); братовъ, Лет. Авр.; павосковъ,

ib.; роублевъ, ib.; моужов(ъ), Крас. сп. Лит. лет.; зоубрев(ъ), ib.; рублевъ, ib.; ѡтроковъ, Уваров. сп. Лит. лет.; татаровъ, Крас. сп. Лит. лет.; волков(ъ), Западнорус. пс. XVI в.; хрті͡ѧно͡в, ѿ погано͡в, ѿ вощо͡в, млоденеце͡в, с крае͡в, дн҃ев(ъ), стоупене͡в, ib.; до роговъ, Западнорус. пс. XVII в.; з народовъ, в сусѣдов(ъ), наших(ъ), з дожчо͡в, до коцо͡н, вѩзневъ, ib.; слюбовъ, Молд. гр. 1411, № 23; записовъ, Молд. гр. 1433, № 29; пановь, Молд. гр. 1437, № 47; записовъ, боѩровь, ib.; жолниревъ, Молд. гр. 1438, № 51; передковъ, Молд. гр. 1448, № 58; сороковъ, Дв. гр. XV в., № 33, 42 и др.; пузовъ, ib., № 1, 35 и др.; смердовъ, ib., № 33; лоскутовъ, ib., № 8; братениковъ, ib., № 37; половниковъ, ib., № 77; Ивановичевъ, ib., № 1; церенцевъ, ib., № 16; кнѧжоѡстровчовъ, ib., № 88 и др.; на е҃ постьнъıхъ д҃новъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 51); ѥлико дновъ, ib.; хлѣбовъ з҃, Русск. Пр. (Р. Д., I, 30); горохоу з҃ оубороковъ, ib., 30; не ѣстъ колачовъ, Послов. XVII в. (Симони, 106); лутче ста рублевъ сто друговъ, ib., 117.

Из приведенных примеров видно, что *-овъ, -евъ* вытеснили старые формы не только в основах на *-ŏ* (пороговъ), но также и на *-jŏ* (коневъ); кроме того, окончания эти проникли в первоначальные основы на согласную, ср. *-евъ* в *дьневъ*, а также *-овъ* в случаях, как *бояровъ, татаровъ, козаковъ, христіяновъ*. Но, по-видимому, в подобных случаях окончание *-овъ* явилось лишь диалектически. О вытеснении *-евъ* через *-ий, -ей* скажу ниже. Примеры употребления старых форм в основах на *-ŏ* и на *-jŏ* см. выше при соответствующих парадигмах.

В современном великорусском господствует в положении после твердых согласных почти исключительно *-ов*, после мягких *-ев* и *-ей (рублёв* и *рублей)*, причем *-ей* вытеснило, по-видимому, именно *-ов*. Старые формы сохраняются лишь в ограниченном числе случаев; большая часть их обязана сочетаниям с числительными пять, шесть и т. д.), ср. *аршин* (но *аршинов*, Жиздр.); *раз* (но *разов*, Соликам.); *пуд* (но и *пудов*); *год* (*шесть год*, Великол., (№ 45, *сем гот*, Жиздр., А. Никольский, при обычном *годов*). Кроме того, видим старые формы от слов, означающих такие предметы, которые обыкновенно мыслятся во множественном числе (или и в двойственном в старое время): *глаз* (но и *глазов*), *рог* (без *рог* у В. Майкова, но обыкновенно и *рогов*), *волос* (здесь действовало, быть может, и различие ударения с именительным един-

ственного мужеского рода, хотя для *во́лос*. Скоп. (Будде) ср. *волосов*, Пинеж. (Обл. сл., № 6); *дождемъся побой*, Послов. XVII в. (Симони, 147); *сапог* (но *сапогов* у Пушкина, знавшего и другую форму); *чуло́к* (но *чулков* у Пушкина), *зуб* (ср. и *зоубъ*, Вопр. Кир., 40, у Пушкина и Крылова; *нет зуб*, Скоп. (Будде); *зуб*, Петергоф. (Отв. № 5), при *зубов* у Пушкина же); *солдат* (у Пушкина и современное литературное), но *солдатов*, Покров. (Отв. № 244); *кирасир* (у Пушкина), *гренадер* (у Пушкина), *гусар* (у Пушкина, но у него же и *гусаров*), *турок* (и *турков*). Отсюда видно, что *-ов* проникало вместо старой формы преимущественно там, где старая форма родительного множественного сталкивалась в употреблении с формой именительного единственного. Слово *человек* имеет также старую форму, употребляясь, однако, почти исключительно после числительных количественных *(пять, шесть человек)* и неопределенных *(несколько человек)*. Приведу диалектические формы на *-ов* при отмеченных старых формах род. м. р.: гла́зов, Белоз. (Отв. № 162); глазо́в, Крест. (Отв. № 160), Брянск. (Отв. № 259); обоих глазо́в, Красноуф. (Отв. № 139); глазо́в, Никольск.-Волог. (Отв. № 266); зубо́ф, Самар. (Отв. № 40); зубоў, Петроз. (Отв. № 30); зубов, Новосил. (Отв. № 77); сапогов, Сольвыч. (Отв. № 193), Холмог. (Отв. № 50); съпогоф, Самар. (Отв. № 40); солдатов, Буйск. (Отв. № 18); салдатоў. Петроз. (Отв. № 30); человеков, Алатыр. (Отв. № 32, но чаще *чылэк*), Яренск. (Отв. № 194), Тотем. (Отв. № 201), Карсун. (Отв. № 67), Макар. (Отв. № 56, но *сколько человек?*, ib.); аршинов, Новосил. (Отв. № 77); турков, Мещов. (В. Черныш.); туркав, Жиздр. (А. Никольский).

В основах на старое *-jŏ* в современном великорусском старые формы совсем не известны; вместо них в одних говорах господствует *-ов*, а в других *-ей*. Формы на *-ей* рассмотрим ниже, а здесь приведу примеры для *-ов*: рублёв, грошов, ножов, Белоз. (Отв. № 166); богачёв, ib.; прия́телев, Белоз. (Отв. № 162); ключов, Крестецк. (Отв. № 160); рублёв, Брянск. (Отв. № 259); дожжев, Переясл. Влад. (Обл. сл., 17); кораблёв, Макар. (Отв. № 56); кряжов, Буин.-Симб. (Отв. № 57); калачёв, Яранск. (Отв. № 59); грачов, Льгов. (Отв. № 76); клюцо́в, пріятелёв, кирпицов, Меленк. (Отв. № 247); товарищов, Сольвыч. (Отв. № 193); ежов, Котельн. (Отв. № 46); ландышов, карандашов, кочнёв, Малмыж. (Отв. № 105); учи́телёв, жителёв, смотри́телев, Кинешм. (Отв. № 250); родителёв, Устюжн. (Отв. № 28); и т. д. Также в основах на *-ĭ*

и примыкающих к ним основах на согласную: оленев, Кирилл. (Отв. № 161); огнёв, Шенк. (Обл. сл., 9); огнёв, кремнёв, Кадник. (Обл. слов. 30); зверёв, Рыльск. (Обл. сл., 95); огнёв, Смол. (Обл. сл., 156); углёв, Буин.-Симб. (Отв. № 57); гостёв, Новосил. (Отв. № 77); гво́здёв, ломтёв, ногтёв, Уфим. (Обл. сл., 166); медведёв, Валуйск. (Отв. № 261); няктёв, Остров. (Отв. № 33); карасёв, Нолинск. (Отв. № 51); углёв, Холмог. (Отв. № 50); гусёв, Остров. (Отв. № 33); коре́нёв, Мосал. (Шахм.) и т. д. Впрочем, при *днёв* (и *дней*) известно и *де́н; днёв*, Мышк. (Отв. № 78), Новосил. (Отв. № 77), Владим. (Обл. сл., 15), Жиздр. (А. Никольский) и др. Слова на *-ий* в им. ед. во всем великорусском наречии имеют в род. мн. *-ов: воробьёв, краёв, устоев, обычаев*. Напротив, основы на согласную, в именительном множественного оканчивающиеся на *-е*, сохраняют до сих пор старую форму род. мн.: *бар, мещан, цыган;* ср., однако, *римлянов* у В. Майкова; *хресья́няф*, Дмитр. (В. Черныш.), *тотаров*, Повен. (Шахм.)

В белорусском точно так же старые формы родительного множественного окончательно вытеснены новыми на *-ов*. Ср. основы на *-ŏ*: рагóў, сылда́тоў, аршы́нуў, Могил. (Отв. № 4); гла́зоў, Минск. (Отв. № 7); дзесяць разóў, Игум. (Отв. № 8); гадóў, братóў, Новоалекс. (Отв. № 11); восим разóв, аршинов, Витеб. (Отв. № 18); комару́в, вэчэру́в, Пинск. (Отв. № 2); своих бра́тов, Рогач. (Ром, III, 229); czărtoų, Волков. (Federowski, I, 27). Основы на *jŏ*, *-ĭ* и согласные: канёў, рублёў, акунёў, Могил. (Отв. № 4); писароў, Игум. (Отв. № 8); сухароў, Мозыр. (Отв. № 10); конёў, Свенц. (Отв. № 13); грошов. Витеб. (Отв. № 18); шинкаро́в, пынымаро́в, ib.; линёў, сухароў, Себеж. (Отв. № 28); ву́голёў, рогалёў, Пруж. (Отв. № 9); каменёў, Мозыр. (Отв. № 5); сажняв, Быхов. (Ром., III, 97); коробку гво́здзев, Быхов. (Ром., III. 169); днёв, ib., 260; на дванаццать камянёв, ib., 261; звяров, Рогач. (ib., 355), кораблёв, ib., 356; певняв, ib., 380; rubl'oų, Волков. (Federowski, I, 27), uhloų, ib., 39, lókc'oų, leb'eʒ'oų, zlaʒ'ejeų, Новогр. (Клих). Даже в основах на *-ан, -р*, как: меща́наў, Слуцк. (Отв. № 5); мещаноў, Минск. (Отв. № 7); цыганóў, меща́ноў, Игум. (Отв. № 8); крестья́наў, меща́наў, Новоалекс. (Отв. № 11); татароў, Свенц. (Отв. № 13); мища́ныў, тата́рыў, Новоал. (Отв. № 14); болга́роў, Пруж. (Отв. № 9). Старые формы известны, впрочем, как в этих основах: мещан, татар, Слуцк. (Отв. № 5), Игум. (Отв. № 15); крестьян, мещан, Новоалекс. (Отв. № 11), — так и в некоторых других случаях, совершенно аналогичных русским:

darόx, hod, čełav'ék, ʒ'on, sažon, Новгр. (Клих); глаз, Речицк. (Отв. № 17), рог, 5 аршын, Игум. (Отв. № 15).

В украинском находим такое же вытеснение старых форм формами на *-ов* (*-ів*, диалект. *-ув*), причем, как увидим[1], *-ів* имеет при себе и *-ей, -ій*. Ср. основы на *-ŏ*: вітрів, років, воўків, панів, зубів, чортів, гóдів, рóгів, разíв, часíв, ворогíв, братíв, волосíв, грóбíв, слíдів. Основы на *-jŏ*, *-ĭ* и согласные: саженíв (у Квитки), лікарíв, стáрцíв, приятелíв, голубíв, писарíв, лéбедів, крайíв, днів, ліктів, сажнів (у Осадцы), каменів, госців, днів, приятелів — лемк. (Верхр.) и т. д. Но основы на *-ан* и *-р* удерживают старые формы: міщáн, селя́н, славя́н, болгáр, татáр, яничáр. Старые формы от некоторых слов удерживаются после числительных, а в украинском это, по-видимому, общее правило: сто вóрог (не *ворóг*, как можно бы ожидать), сім рік, шісь день (не *ден*), сто раз, сім сажень (не *сажен*), прúятель мáло (*мало* — неопределенное числительное), сім день, кілько раз, шість віз (Огоновский), пять локот сукна, дорога сім сяжен широка (Осадца), пять аршин, сім сяг, сто раз, пять день (Осадца); то же в диалектах: угрорус. — пять, девять раз (Верхр., II); лемк. — пят, сто раз (Верхр.). Кроме того, старые формы держатся в некоторых выражениях: до сусід, до німець, до угір, до тых час (Осадца). У Квитки находим в род. мн. *хорóм* (II, 66). Имена местностей на *-ичі*, *-ці* оканчиваются в галицком на *-ичь*, *-ець*: Олексичь, Підгородець, Черновець (Осадца), также род. мн. — Винник, Куроматник (ib.).

Из предыдущего видно, что общими для всех частей русского языка явлениями оказываются: 1) полное вытеснение старых форм в основах на *-ŏ*, *-jŏ*; 2) частичное вытеснение старых форм в основах на *-ĭ* и согласную; 3) сохранение старых форм в основах на *-ан*, *-р*; 4) сохранение старых форм от более или менее единичных слов после числительных и в словах, употребляющихся преимущественно во множественном числе.

7. ДАТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА *-ѢМЪ (-ОМЪ)*

Это окончание совпало с исконным окончанием дательного множественного в основах на *-ŏ*, по крайней мере в севернорусских и восточнорусских говорах (в южнорусских вм. *-ѣмъ* явилось *-ом*, тогда как вм. исконного *-омъ* — *-ѹ̯ом*, откуда диалектически

[1] Имеется в виду дополнительный отдел об украинских явлениях, который, однако, А. А. Шахматовым не был обработан. *(Ред.)*

-ум, -им). Поэтому не имеем данных для утверждения, чтобы *-ом* (из *-ъмъ*) могло иметь какое-нибудь распространение в русском и белорусском, но вместе с тем вероятно, что *-ом* в украинских говорах (вм. обычного *-ам*) восходит к окончанию *-ъмъ* (см. об этом ниже в украинском отделе)[1].

8. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА *-ЪМИ*

Заменял старые формы от основ на *-ŏ* только в украинских и белорусских говорах (рассмотрю эти явления ниже в соответствующих отделах[2]); в русском такая замена весьма единична; в случаях, как *глазми*, имеем скорее окончание *-ьми*, то же относительно *братьми*. Примеры даны ниже.

9. МЕСТНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА *-ЪХЪ (-ОХЪ)*

Проник в основы на *-ŏ* в украинских говорах. Примеры будут указаны в соответствующем отделе[1], но в древнем языке *-охъ* проникло диалектически и в других областях, преимущественно, однако, в западнорусской: на гнево, Радзив., 213; в Греко, ib., 21; в Лѧхо, ib., 6; Псков. сборн. XVI в.; на ꙁ столпо, 264. Впрочем, сопоставление с польским языком, где находим в древнем языке w obrazoch, o synoch, o bratoch, o konioch, указывает на возможность и иного объяснения русского окончания *-охъ*: *женахъ* при *женамъ* вызывало *братохъ* при *братомъ*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ОСНОВ НА *-ĭ* МУЖЕСКОГО РОДА В СКЛОНЕНИЕ ДРУГИХ ОСНОВ МУЖЕСКОГО РОДА

Мы видели, что склонение старых основ мужеского рода на *-ĭ* стало рано заменяться склонением основ на *-jŏ*. Но, кажется, переход основ на *-ĭ* в основы на *-jŏ* совершился в древнем периоде русского языка только в единственном числе. Я затруднился бы, например, указать на появление *-ев* в родительном множественного в словах типа *гость, зять* в древнем языке (ср. совре-

---

[1] Соответствующий отдел А. А. Шахматовым не был обработан. *(Ред.)*

[2] Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. *(Ред.)*

мен. укр. *гостів,* великорус. *гусёв*); объяснение тому, что окончания основ на *-ŏ, -jŏ* проникли именно в единственное число, я ищу в том обстоятельстве, что началом такого явления послужило проникновение *-а* в винительном падеже имен мужеского рода одушевленных (*гостя* вм. *гость* вызвало *гостя* и в родительном и т. д.). Когда во множественном числе основ мужеского рода на *-ĭ* окончание винительного множественного *-и* вытеснило по общему правилу старое окончание именительного множественного *-ьe,* это окончание винительного-именительного множественного и оказалось тождественным с окончанием именительного множественного основ на *-ŏ, -jŏ.* Мы знаем, что именно в именах одушевленных сохранялось здесь старое окончание именительного множественного на *-и,* между тем как в именах неодушевленных оно вытеснялось соответствующими окончаниями винительного множественного (*-ы* или *-ъ: столы, рубль*). Результатом ассоциативной связи, установившейся между формами именительного множественного *тати, зяти, гости, звѣри, люди,* с одной стороны, и формами *холопи, сосѣди, черти, послуси, бѣси* и т. д., *кони, мужи, князи, сторожи, родители* и т. п., с другой, было установление общего склонения для множественного числа: *тати, холопи, кони,* причем на место старых окончаний соответственных основ на *-ŏ, -jŏ* проникали окончания из склонения слов, как *тати,* т. е. из основ на *-ĭ.* Таким образом, вместо родительного множественного *холоп* (или *холопов*), *конь* (или *конев*), дательного множественного *холопом,* творительного множественного *холопы, кони,* местного множественного *холопѣх, коних* являлись в род. мн. *холопей, коней* (как *гостей*), в дат. мн. *холопем* (как *гостем*), в твор. мн. *холопми, коньми* (как *гостьми*), в местн. мн. *холопех, конех* (как *гостех*). Памятники, а также данные современного языка доказывают, что это явление относится к эпохе общих переживаний во всем составе русского языка. При этом отмечу еще следующее. Рядом с *гости, люди* продолжали сохраняться как архаизмы формы *гостье, людье* в именительном множественного; чередование *гости — гостье* вызвало при *холопи — холопье,* при *мужи — мужье.* Далее: в основах на старое *-ĭ* окончание *-и* было свойственно не только одушевленным, но и неодушевленным, например: *пути, огни, угли, гвозди, локти* и т. д. Еще до исчезновения под влиянием винительного множественного *(-ъ)* окончания именительного множественного *-и* в случаях, как *рубли, корабли, дожди, ключи, обручи,*

мечи и т. д., это окончание, естественно, ассоциировалось с соответствующим окончанием основ на *-ĭ*, а это повело к проникновению окончаний множественного числа из основ на *-ĭ* в основы на *-jŏ* и в других падежах: вместо род. мн. *ключь* (или *ключов*), твор. мн. *ключи*, местн. мн. *ключих*, вин. мн. *ключь* явились новообразования *ключей, ключми, ключех, ключи*. В некоторых случаях это обстоятельство могло иметь последствием вообще полное склонение той или другой основы на *-jŏ* как основы на *-ĭ* (ср. в ед. числе родительный падеж *рубли* вм. *рубля*). Сходное сближение с основами на *-ĭ* могло иметь место и в основах на *-ŏ* мужеского рода неодушевленных, ибо и в них одно время держались рядом в именительном множественного старое окончание *-и* и новое (из винительного падежа) *-ы*. Старое окончание, естественно, ассоциировалось с окончанием *-и* основ на *-ĭ*. Это вызвало новообразования и в других падежах множественного числа: при *гони* вм. *гон (гонов), гоном, гоны, гонъх* являлись *гоней, гонем, гоньми, гонех*.

Данные, подтверждающие выставленные положения, разбиваю на две группы: проникновение окончаний склонения основ на *-ĭ* в одушевленные основы: а) на *-ŏ*, б) на *-jŏ;* проникновение тех же окончаний в неодушевленные основы: а) на *-ŏ*, б) на *-jŏ*. В пределах той и другой группы распределяю факты по отдельным падежам мн. числа, отмечая принадлежность их древнему языку и современным наречиям.

1. ВТОРЖЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИЗ ОСНОВ НА *-ĭ* В ДРУГИЕ ОДУШЕВЛЕННЫЕ ОСНОВЫ МУЖЕСКОГО РОДА

Основы на *-ŏ*. Именительный падеж. В древнем языке: оже будуть холопье тати, Русск. Пр. по Ком. сп., 468; ср. в списке 1282 года: оже боудоуть холопи татьѥ; *холопье* могло пониматься и как собир.: надъ своимъ холо́п'емъ, Послов. XVIII в. (Симони, 212). В современном языке: холопи, черти, соседи; белорус.: čerc'i, sus'éʒ'i, Новогруд.

Родительный падеж. В древнем языке: оувѣдав же ѥтвазии, Ипат., 279б; ѿ сѫсѣдеи, Домостр. Конш., 26 (ср. ѿ сѫсѣдъ, ib., 15); послусей, Гр. 1416—1417 (XVI, А. Калач., I, № 63); отъ бѣсей, Стогл. (Казанск. изд., 337); кметей, Девген. деяние („Очерки" Пыпина, 318); тетеревей, Стогл. (Казанск. изд., 389); зубреи, Крас. сп. Лит. лет. Современные великорусские: тетере-

вей (у Тургенева); из холопей, Мещов. (В. Черныш.), Брянск. (Отв. № 259); солдатей, Слобод. (Отв. № 141); чертей, соседей, комарей, Повен. (Шахм.); тараканей, Мосал. (Шахм.); не діржи сто рублевъ, держи сто друзей, Послов. XVIII в. (Симони, 213); белорус.: чарцеи, Быхов. (Ром., III, 344); у суседзей, Рогач. (ib., 176).

Дательный падеж. В древнем языке: кметемъ, Молд. гр. 1448, № 58; грѣцемь, Ипат., 15б.

Творительный падеж. Современные карпаторус. — соки́льми (Тр., III, 386); угрорус. — суси́дьми (Верхр., I); галицк. — бра́тьми (Осадца); русск. — двумя братьми́, Моздок.-Терск. (Караулов); с братьми, Мещов. (Шахм.); белорус.: соседзьми, Пинск. (Отв. № 6).

Местный падеж: в сосѣдяхъ, Послов. XVIII в. (Симони, 100).

Основы на jŏ.

Именительный мн. В древнем языке: стражьѥ, Новг. 1-я, 17 а; стражье, Ипат., 139 а; господаріе, Молд. гр., 1435, № 48.

Родительный мн. В древнем языке: у Муромьскихъ кнꙗзии, Переясл. гр. после 1356; мужии, ib.; кнзии (вин. мн.), Ипат., 186 г.; кнꙗзии к, ib., 96а; ѿ мужии своихъ, Лавр.; ѿ всѣхъ кнꙗзии, ib.; великиⷯ кнзеи, Гр. 1425—1462 (С. М., № 34); помянувше... пръвыхъ князей, Сл. о п. Иг., 37; кнꙗзии, Догов. моск. 1371, № 29; закладнии, ib.; закладнеи, Догов. моск. 1368 (XV в.), № 28; закладней, Новг. 1456 (А. А. Э., I, № 57); мужей, ib.; родителеи, Гр. 1442 (С. М., № 39). Гр. 1453 (А. Калач., II, № 147); знахарей, Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 103); конеи, Гр. 1462—1466 (А. Калач., I, № 31, XVII); неприꙗтелий, Молд. гр. 1395, № 10; господарей, ib.; у своих господареи, Киев. гр. 1446; цреи земныⷯ, Палея 1494 (Каринский); знахареи, Гр. 1462—1505 (С. М., № 50); тридцꙗть кѡниї, Луцк. гр. 1398 (С. М., № 2). В современном языке: в русском господствует окончание *-ей:* мужей, князей, родителей, приятелей (диалектически: приятелев, родителев, ср. выше). Это окончание вообще чуждо словам на *-ей* в именительном единственного; однако диалектически находим *воробьей,* Холмог. (Отв. № 50), а также словам на *-ец,* им. мн: *цы*; однако диалектически: удальцей, Вытег. (Отв. № 22); отце́й, купце́й, молодце́й, ib.; молодце́й, Орл.-Вят. (Отв. № 42); глупцей, Холмог. (Отв. № 50); зайцей, Нолинск. (Отв. № 51); у хороших-то отцей, Шенк. (Отв. № 80); хлебопашцей, Кадник. (Обл. сл., 30); гордецей, Кирилл. (Отв. № 167). В белорусском: ко́ней, ко́ній, Слуцк. (Отв. № 5); ко́ней, Игум. (Отв. № 8); кане́й, Быхов (Отв. № 9); господарей, Пинск. (Отв.

№ 1); писарей, ib.; paru koniej, Волков. (Federowski, I, 27). В украинском: ко́ней, коній, князій, мужій, приятелій (Осадца); карпаторус.— ко́ній (Огоновский); угрорус.— рыбарей, родичей, гробарей (Верхр., II); лемк.— кізярей, учарей (Верхр.). Таким образом, в белорусском и украинском распространение окончания *-ий, -ей* гораздо ограниченнее, чем в великорусском.

Дательный мн. В современном языке: угрорус.— чісарьо́м, чінкарьо́м (Верхр., I).

Творительный мн. В древнем языке: съ соболми, 1622 (Письма русск. госуд., № 142); мужми, Гр. 1470—1471 (XVI, А. А. Э., I, № 87); с мужми, Ипат., 161 в; комонми, ib., 152 б; с мужьми, ib., 204 г; с коньми, ib., 200 в; кнѧзьми, ib., 249 г; мужьми, ib., 57 б, съ их моужьми, Гр. ок. 1240; со кнѧми, Гр. 1457 (С. М., № 23); с коньми, Рижск. гр. ок. 1300; кнзьми, Луцк. гр. 1454; князми, Виленск. сп. Лит. лет.; комми, Крас. сп. Лит. лет.; крольми, Западнорус. пс. XVI в. (Карский, 217); мумми, ib.; господармми, Молд. гр. 1395, № 10. В современном языке: белорус.— коньми, Пинск. (Отв. № 6); куньмы, Пинск. (Отв. № 2); ко́ньми, Новогр. (Отв. № 25); коньми́, Дисн. (Отв. № 6); укр.— кіньми; лемк.— кінми; угрорус.— куньми; лемк.— горцми (Верхр.); угрорус.— горцми (Верхр., II), приятельми, ib.; ср. еще русск.— за коньми, Петроз. (Шахм.); за ко́ньмы, Петроз. (Отв. № 34).

Местный мн. В древнем языке: въ трьхъ кънѧзьхъ. Жит. Феод. (при — кнѧзихъ); кнѧзехъ, Лавр., 67. В современном языке: угрорус.— ко́ньох (Верхр., I).

Дательный двойственного. В древнем языке: родителма, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 44).

2. ВТОРЖЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИЗ ОСНОВ НА *-ĭ* В ДРУГИЕ НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ ОСНОВЫ МУЖЕСКОГО РОДА[1]

Основы на ŏ:

Именительный мн. В древнем языке: пѧтери гонѣ, Дв. гр. XV в., № 28. В современном языке: русск.— ильни, Мосал. (Шахм.); льни, Мышк. (Отв. № 76); вини, крести, буби, Петроз. (Шахм.); льни, Повен. (Шахм.).

---

[1] Не все из приведенных в данном абзаце форм удовлетворительно объяснялись бы вторжением окончаний мн. числа из основ на *-ĭ*. Так, великорус. *льни*,

Родительный мн. В древнем языке: бес порьтеи, Новоросс. Новг. 4-й, 543 б; ис пригородеи, Догов. моск. 1368, № 28. В современном: великорус.— зубей, Орл.-Вят. (Отв. № 63); белорус.— го́ней двое-трое, Быхов. (Ром., III, 98); топорей, Пинск. (Отв. № 1).

Дательный мн. В современном языке: великорус.— зубям, Орл.-Вят. (Отв. № 63); ходить по дво́рям, Влад. (Обл. сл., 15); окончание *-ам* заменило более древнее *-ём;* белорус.— по глазём, Себеж. (Отв. № 26); по лузям, Витеб. (Шейн, № 409).

Местный мн. В древнем языке: да и на ставях его же руки (*став* — составная часть свитка), Тверск. духовн. 1543 (Сборн. Лихачева, 18). В современном языке: в гла́зях, Влад. (Бодров); я был в лесях, Белоз. (Отв. № 168); во снях, в вечерях, на сносях, в глазёх, Мосал. (Шахм.); в глазёх, Брянск. (Отв. № 259); в видях украл, Костр. (Отв. № 266); у глазех, Жиздр. (А. Никольский); белорус.— на моих глазёх, Себеж. (Отв. № 26); ў лузях, Витеб. (Шейн, № 409); кабыла ны часёх, Могил. (Отв. № 4), ў штанёх, ib.

Твор. мн. В современном языке: глазми́, Костр. (Отв. № 264); по глазьми́, Молож. (Обл. сл., 167); белорус.— абрусми́, Дисн. (Отв. № 6); абру́сми, Минск. (Отв. № 7); обру́сьмы, Пинск. (Отв. № 2); обру́сми и обрусми́, Пруж. (Отв. № 9); укр.— чобітьми. Белорус. *глызя́м,* Себеж. (Отв. № 26), в знач. твор. мн.

Основы на *-jŏ*.

Родительный мн. В древнем языке: рублей, Гр. XIV в. (А. Ю., № 257, I); с рубежей, 1619 (Письма русск. госуд., № 33); саженеи, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 15 а; сажении, Ипат., 282 а; кораблии, Ипат., 9 б; грошеи, Позн. сборн. XVI в.; месяцеи, Увар. сп. Лит. лет. В современном языке: великорусским господствующим окончанием является *-ей*: ключей, рублей, кораблей; *-ей* исключено, однако, из слов с именительным на *-ей* (но диалект. *улье́й* при *у́льёв*), Устюжн. (Отв. № 28), а также из слов с именительным

ильи — объяснимы как продукты фонетического изменения нормальных форм *льы, ильы*. В ряде случаев в языке в порядке архаизмов задержались старые образования им. мн. на *-и* (по основам на *-ŏ*), откуда далее в косвенных падежах формы на *-ей, -ям* и т. д. Ср. *крести, гони, лузи,* откуда и род. мн. *гоней*, в старом языке *пригородеи, порьтеи,* дат.— по *лузям* и т. п. Формы *глазем, глазьми, глазех* заставляют предполагать наличность в старейшую пору варианта существительного по основам на *-ĭ*. Особого характера полунаречные сочетания *в лесях, во снях, в вечерях, на сносях,* непосредственно образовавшиеся из старших форм местного падежа на *-ахъ;* их типу обязаны дальнейшие образования вроде *по дворям* и т. п. *(Ред.)*

на *-ец, мн. -цы;* но диалектически: квасцей, Вытег. (Отв. № 22); пальцéй, образцéй, свя́тцей, ib.; огурцей, Бежецк. (Отв. № 6); месяцей, Кадник. (Отв. № 25); колокольцей, Кадник. (Отв. № 26); месяцей, Онеж. (Отв. № 42); месяцéй, Нолинск. (Отв. № 51); огурцей, Малмыж. (Отв. № 103). В белорус.: гро́шый, Дисн. (Отв. № 6); рублей, Быхов. (Отв. № 9); гро́шый, ib.; гро́шай, Мозыр. (Отв. № 10), Новоалекс. (Отв. № 11); гро́ши Новоалекс. (Отв. № 14), Новогруд. (Отв. № 25), Себеж. (Отв. № 28); грошей, Пинск. (Отв. № 1); грошéй, Пинск. (Отв. № 3); hetych hroszej, Волков. (Federowski, I, 28); pietnaccac' rublí, ib., 62. Укр.: грошій, лемк.— пінязи и пінязі (Верхр.), угрорус.— грошиий (Верхр., I).

Творительный мн. В древнем языке: грошими, Молд. гр. 1411, № 22; зъ гаими, Перемышл. гр. 1378 (ср: и с гаи, Луцк. гр. 1454). В современном языке: грашмú, ключмú, Могил. (Отв. № 4); грошмú, Дисн. (Отв. № 6); гро́шми, ключмú, Минск. (№ 7); гро́шми, Игум. (Отв. № 8); ключмú, но́жми, Минск. (Отв. № 23); обручмú, Пруж. (Отв. № 9); над колодзяжмы, Рогач. (Ром., III, 231); грошмы, ib., 383; grȍsm'i, Новогр. (Клих); gvȍz'ʒ'm'i, ib. Угрорус.— с пінязьми, гру́шми (Верхр., I), пінязьми, пальцми (Верхр., II); лемк.— пальцми, пінязми (Верхр.); укр.— грішми.

Местн. мн.: монастырьхъ, Злат. XII в., 102 а.

Как указано, под влиянием множественного числа некоторые основы на *-jŏ* и в единственном склонялись, как основы на *-ĭ*: полтора рубли, Гр. 1518 (А. Ю., № 417); полтретья рубли, Гр. 1548 (А. Ю., № 420); объ рублú, Костр. (Отв. № 264); два рубли, Гр. 1582 (А. Ю., № 182), Гр. XV в. (А. Калач., II, № 149, I); два рубли денег, Костр. духовн. 1560 (Сборн. Лихачева, 39); четверть рубли, Гр. 1560 (Акты Холмог., № XXXVIII); также слово *пень:* со пни, Гр. 1462—1505 (С. М., № 269); ѿо пни, Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9); при: со пня Гр. 1532 (А. Ю., № 155).

3. ВТОРЖЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИЗ ОСНОВ НА *-ĭ* В ОСНОВЫ МУЖЕСКОГО РОДА НА СОГЛАСНУЮ

Появление *дний — дней, камений* и т. п. не останавливает на себе особенного нашего внимания, так как подобные слова в единственном числе стали склоняться, как основы на *-jŏ*, а следовательно, получили во множественном, так же как эти основы, окончания, свойственные основам на *-ĭ*. Менее ожиданно появление

окончаний основ на *-ĭ* в склонении множественного числа основ на *-ан* и *-р*. Приведу примеры из древнего языка: им. мн.— арьѧни, крт̂ьѧні, Син. сборн. XV в., № 53 255; крестьяни, Гр. 1578 (А. Ю., № 180); татари, Лавр.; словени, Тр. сп. Новг. 1-й, 4 г; болгари, ib., 17 б; вин. мн.— словени, ib., 21 а; им. мн.— крт̂ьѧни, Ипат., 199 в; москьвлѧни, ib., 211 в; смольнѧни, ib., 217 а; словѣни, ib., 9 г; бѣлобережани, ib., 20 б; пинѧни, ib., 93 б; татари, ib., 264 г; боѡри, ib., 44 б; ѡбри Лавр.; козари, Лавр.; българи, Новг. 1-я, 45 б; Куряни, Сл. о п. Иг., 8. В современном языке: кресьяни, Шуйск. (Отв. № 19); хрисьяни, Алатыр. (Отв. № 32); бари, крестьяни, Буин.-Симб. (Отв. № 57), Карсун. (Отв. № 67). В твор. мн.— съ словеньми, Ипат., 10 б; в дат. мн.— хрестьянемъ, Гр. 1501 (А. Ю., № 62); рижанамъ, Гр. 1229 (В); в местн. мн.— крестьяняхъ, Гр. 1642 (А. Ю., № 346); Шуяняхъ, Гр. 1666 (А. Калач., I, 462); род. мн.— полан двор боярей, Обоян. (Рязанов); им. мн.— сынови, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ ОСНОВ НА СОГЛАСНУЮ МУЖЕСКОГО РОДА В ДРУГИЕ ОСНОВЫ

По-видимому, в древние периоды жизни русского языка основы мужеского рода на согласную сохраняли стойко свое склонение. Этим объясняется перенесение их окончаний в другие основы. Это имело место в двух случаях. Во-первых, в родительном-винительном падеже единственного числа, причем окончание *-е* из случаев, как *камене, корене, елене, дьне,* переносилось в старые основы на *-ĭ* на место окончания *-и:* поуте, тате, Гр. 1229 (Д), Гр. 1229 (Е); емлеть тате, Гр. 1229 (Д); оу зѧте, Ипат., 114 г; зѧте свое, ib., 118 б; ѿ зѧте его, ib., 172 г; ѿ цте, ib., 182 а. Вероятно, появление *поуте* вместо *поути* было обусловлено чередованием *дьни* и *дьне, корени* и *корене* и т. д., т. е. вторжением окончаний основ на *-ĭ* в основы на согласную. Во-вторых, в именительном множественного: так, вместо *гѡти* или *готи* находим *готе,* Ипат., 8 в; вм. *хорвати — хрвате,* Лавр.; вм. *хвалиси — хвалисе,* Ипат., 86 а; сюда же: *сусѣде,* Гал. гр. 1371; *люде,* Западнорус. пс. XVI в. (Карский, 213); *погане,* ib.; *жо̀лнѣре,* Пересопн. ев.; *пàстыре,* ib. Вероятно, здесь сказалось влияние имен на *-ане* и *-аре*. Быть

может, сюда же относятся формы, как *холо́пя,* Брянск. (Отв. № 259); *суседя, суседушки,* Обоян. (Резанов); *суседя,* Мосал., причем конечное *-а* непосредственно из *-е.* В современном украинском находим *сусіде* (при *сусіди*), также *рекруте;* в угрорус.— *родиче* (Верхр., II); в галицк.— *трубáше* (Огоновский).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ ЖЕНСКОГО РОДА *-АМ, -АМИ, -АХ* В ДРУГИЕ ОСНОВЫ ЖЕНСКОГО, МУЖЕСКОГО И СРЕДНЕГО РОДА

Творительный падеж множественного числа в основах мужеского рода на *-ŏ* совпадал с формою винительного множественного и замененною последнею формой именительного множественного: *дворы — дворы.* Между тем в женском роде являлось окончание *-ати,* характеристическое своим *-ті,* которое было известно и в основах мужеского рода на *-ĭй,* и в основах на *-ĭ,* а также в именах прилагательных и местоимениях; ср. *высокыми горами* при *высокыми холмы.* Когда формы именительного-винительного множественного мужеского рода совпали по окончанию с соответственными формами женского рода, появление и в мужеском роде *-ами* вместо *-ы* в творительном множественного стало неизбежным: *вороны — воронами* вызывало, например, *морозы — морозами* вместо *морозы — морозы, душѣ — душами* вызывало *рублѣ — рублями* вместо старших *рубли — рубли.* Таким образом проникло в склонение мужеского рода окончание *-ами* вместо *-ы, -и.* Совершенно естественно оно перешло затем и в средний род: *селами* вместо *селы, полями* вместо *поли.* Неизбежным последствием вытеснения *-ы, -и,* окончаний творительного множественного, через *-ами* было вытеснение окончаний дат. мн. *-омъ, -емъ,* дат. дв. *-ома, -ема,* местн. мн. *-ѣхъ, -ихъ* через окончания основ женского рода *-амъ, -ами, -ахъ.* Господство окончаний *-ами, -амъ, -ахъ* в словах как женского, так и мужеского и среднего рода повело к проникновению их и в основы мужеского и женского рода на *-ĭ; гостями* вм. *гостьми, костяхъ* вм. *костехъ.* Доказательством того, что распространение окончаний мн. ч. женского рода в мужеское и среднее склонение началось с творительного падежа, я вижу, кроме указанных выше соображений, делающих это a priori вероятным, еще в том обстоятельстве, что *-ами* господствует в настоящее время во всех русских наречиях, между тем как *-ом* и *-ех*

вытеснены далеко не повсеместно. Напомню вам о распространенности в белорусском окончания *-ом:* примеры см. выше при парадигмах, ср. еще: парсюкóм, Игум.; братом и сястрам, Рогач.; царом, ib.; в украинском окончание *-ом* с его разновидностями *-ум* в северноукраинском (серпум), *-ум, -їм, -ім, -ом* в угрорусском (зубум, зубїм, зубім, снопом), *-ім* у лемков (хлопім, панім), *-ім* у бойков (псім, волім). Гораздо реже окончание *-ех* (*-іх* у лемков, бойков, угрорусов, см. при парадигмах), но зато весьма обычно и в украинском, и в белорусском *-ох,* восходящее к основам на *-й*: у стагóх, у вяликих мхох, Игум.; ў садох, Минск.; ў штанох, Могил.; на моих тьвятох, Быхов.; ў вязох, ў бокох, Пинск. (дальнейшие примеры в белорусском отделе[1]); быкох, чоловікох, угрорус. (Верхр., I); о іншаких годох, в потокох, угрорус. (Верхр., II). Дальнейшие примеры в украинском отделе[1]. Между тем окончание *-ы* ограничивается в настоящее время только частью угрорусской и лемковской территории (примеры выше при образцах). В угрорусских говорах часть имеет в дат. мн. *-ім,* в местн. мн. *-ох*[2] (при редких *-ам, -ах*), между тем обычно *-ами* (Верхр., II). Что окончания *-ами, -ах, -ам* проникли в склонение мужеских и средних основ не сразу, видно, например, из того, что в Западнорусской псалтыри XVI в. довольно часты окончания *-ами* и *-ахъ* в словах мужеского и среднего рода, но отсутствует в них *-амъ*. Древнейшие примеры новых окончаний в мужеском и среднем роде находим в памятниках XIII в., но, по-видимому, еще в XIV—XV вв., местами еще строго выдерживались старые формы; ср. в относящихся к этому времени галицких грамотах: съ лѣсъı, съ ставъı, съ потоки, съ истоки. В западнорусских летописях XVI в. обычно *-омъ* в дательном множественного.

Приведу примеры для *-ами, -ам, -ама, -ах* в склонении мужеских и средних основ в древнем языке и в современных русских наречиях.

Твор. мн.: ножами, Новоросс. сп. Новг. 4-й 347 а; лесами, поутинами, Дв. гр. XV в., № 122, № 33; хмелниками, ib., № 90; истоками, ib., № 111; лесами, Дв. гр. 1536, № 9; за дворами, ib., 1527 (№ 5); полянами, Тр. сп. Новг. 1-й, 3 в; с Новгородцами, Син. сборн. XV в., № 154; с Псковичами, ib.; лесами, Киев. гр.

---

[1] Имеются в виду специальные отделы курса, которые А. А. Шахматовым не были обработаны. *(Ред.)*

[2] В рукописи по описке: „в местн. мн. *-ом*". *(Ред.)*

1459; лесками, ib.; ярами, ib.; оустами, Западнорус. пс. XVI в.; зубами, Западнорус. пс. XVII в.; полями, Киевск. гр. 1459; с wроужіами, Палея 1477; ловищами, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); хмелищами, бортищами, ib.; ловищами, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); мѣстами, Дв. гр. 1536, № 9; з дворищами, Дв. гр. 1535, № 8; с товáрищами, Домостр. Конщ., 70. Современ. великорус.: городами, глазами, полями, вёслами, вёдрами (случаи твор. мн. на *-ы* в былинном языке указаны выше при парадигмах). Белорус.: ключами, брусами, салоўямі, вядзéркамі. Укр.: панáми, зубами, братáми, товарищáми, королями; угрорус.: снопами (Верхр., I).

Твор. и дат. дв.: оучѧнкома Иwновама, Пантел. ев. 75 в; къ Всеволодковичама, Ипат., 190 в; братама, ib., 121 в; братама своима, ib., 119 г; мученикама (дат.), Лавр., 280; колѣнома, їсовама, Пантел. ев., 71 б; по плещама, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 506 а, В современном языке отмечу, однако, в значении мн. числа: с робятома, Шенк. (Отв. № 235).

Дат. мн. В древнем языке: къ вълхвамъ, Вопр. Кир. (Р. И. Б., VI, 60); боѭрамъ, Новг. гр. 1571, № 8; дворѧнамъ, ib.; намѣстникамъ, ib.; боѭрамъ Новг. гр. 1373, № 17; купцамъ, ib.; братичамъ, Дв. гр. XV в., № 117; земцамъ, ib., № 127; попамъ, ib., № 54; сѧбрамъ, ib., № 110; посадникамъ, ib., № 186; черницамъ, ib., № 15; кнѧжоостровьчамъ, ib., № 86; по островкам(ъ), Дв. гр. 1536, № 9; намѣстникамъ, Гр. 1479 (А. Калач., I, № 30); боѭрамъ, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); посадникамъ, ib.; по хоромам(ъ), Новоросс. сп. Новг. 4-й, 283 а; кртъѧнам(ъ), ib., 280 б; по своимъ городамъ, ib., 291 а; Пьсковичам(ъ), ib., 357 б; мужамъ, ib., 376 а; боѭрам(ъ), ib., 416 а; wцамъ, ib., 446 а; попам(ъ), ib., 446 а; кладѧзѧмъ ib., Ипат. 36 а; галичанамъ, ib., 229 г; вѧтичамъ, Тр. сп. Новг. 1-й,, 13 г; к порогамъ, ib., 19 б; к посламъ, ib., 21 б; сторожамъ, ib., 70 б; коупцамъ, ib., 71 а; влъхвамъ, Палея 1494; старцамъ, Палея 1477; по пригородамъ, Погод. сп. Псков. лет., № 1413; мастерам(ъ), ib.; новгородчамъ, ib.; моужамь, Псковіцам(ъ), Лет. Авр.; Рижанамъ, Гр. 1229 (В); селамъ, Дв. гр. XV в., № 90; wзеркам(ъ), ib., № 73; ловищамъ, ib., № 89; внучатамъ, ib., № 5, 10; по постоѭнимъ, Новг. гр. 1305, № 10; по селамъ, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 445 а; воротам(ъ), ib., 338 а; по инымъ мѣстамъ, ib., 543 б; телесамъ, ib., 574 б; тѣмъ селамъ, Молд. гр. 1434, № 36; морѧмь же и рѣкам(ъ), Палея 1477; кнѧжатам(ъ) и пѧнатам(ъ), Крас. сп. Западнорус. лет.; посадникамъ рискимъ, Новг. гр. 1418—1420

(Собол. и Пташ.), № 41; к ратманамъ, Новг. гр. 1418—1420 (ib., № 42); къ вълхвамъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 60). В современном языке: великорус.— мужикам, дворянам, ключам; белорус.— волам, к дубам, по мохам; укр.— панáм, сынáм, коням; лемк.— псам, котам, лысам, быкам (Верхр.); угрорус.— хлопам, розбійникам, коням (Верхр., II). О формах на *-ом, -ум, -ім* в украинском, *-ом* — в белорусском сказано частью выше при парадигмах, частью ниже в украинском и белорусском отделах[1].

Местн. мн. В древнем языке: братана(х), Дв. гр. 1536, № 9; Шуяняхъ, Гр. 1666 (А. Калач., I, 462); островахъ, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); в лесахъ, Дв. гр. XV в., № 99; хмилникахъ, ib., № 92; на притѣрѣбахъ, ib., № 93: оу путикахъ, ib., № 112; мр̄твеча^{x}, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 447 а; исча^{x}, ib., 573 б; на всих(ъ) кривицах(ъ), ib., 30 а; рѧдцѧхъ, Ипат., 605 в; на горожанахъ, ib., 306 б; на всѣхъ кривичахъ, ib., 8 в; въ сапогахъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 26 в; въ пригородахъ, Догов. моск. 1368 (XV), № 28; на тферичах(ъ), ib.; мьрьтвьцахъ, Псков. Паракл. 1369 (Соболевский); на конѡхъ, Палея 1494; в овощах(ъ), Палея 1477; в пѣскахъ, Син. сборн. XV в., № 154; на попах(ъ), о смердах(ъ), ib.; в порубах(ъ), Погод. сп. Псков. лет., № 1413, в кораблѧхъ, в с̄щенниках(ъ), в порубках(ъ), ib.; пригородах(ъ), ib.; на кривицахъ, Лет. Авр. (Карский); в радоновицахъ, ib.; оу вустах(ъ), оу словах(ъ), Западнорус. пс. XVII в. (Карский); оугод(ь)ѡхъ, Дв. гр. 1528 (Собр. Бел., № 42); на ѡзерцах(ъ), Дв. гр. 1527, № 5; на болотах(ъ), Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); угодьѧхъ, Дв. гр. XV в., № 78; оу перивисѣщахъ, ib., № 34; в ловищахъ, ib., № 90; в трехъ лицах(ъ), Лавр.; вь носилахъ, Ипат., 54 в; на сонмищахъ, Ев. 1339, 76 б; на сборищахъ, ib., 64 б; на говѧдах(ъ), Палея 1494; на ѡслѧтах(ъ), во ѡруж(ь)ѡх(ъ), в корытищах(ъ), ib.; в железахъ, Погод. сп. Псков. лет., № 1413; при всѣхъ городищахъ и урочищахъ, Киевск. гр. 1459; въ поляхъ, ib.; о сънияхъ, Архивск. леств. XIII — XIV вв. (Р. Ф. В., 1884); въ ведерцахъ, Домостр. Конш., 60. В современном языке: великорус.— домах, пирах, садах, ножах, сторожах, в товарищах; белорус. — штанах, господарах, болотах; укр.— слухачах, козаках, лысах; угрорус.— хлопах, дубах, конях, лысах (Верхр., II). О формах на *-ох* в украинском и белорусском см. ниже в соответствующих отде-

---

[1] Имеются в виду специальные белорусский и украинский отделы, которые, однако, А. А. Шахматовым не были обработаны. (*Ред.*)

лах[1]; там же об окончании укр.— *іх* в случаях, как *лісіх, хлопціх, коніх,* явившемся вместо *-ох* под влиянием окончания дательного множественного *-ім*.

Вытеснив окончания дат., твор., местн. мн. в основах мужеского и среднего рода на *-ŏ, -jŏ,* соответствующие окончания основ женского рода стали переноситься и в основы на *-ĭ* мужеского рода, где они стали вытеснять окончания *-ем, -ми, -ех*. Ср. современ. великорус.— гостям, гостями, зверями, людях, путях, в гостях, Домостр. Коиш., 32; белорус.— з людзями, людзям; укр.— гостям. Это повело к вытеснению тех же окончаний в основах на *-ĭ* женского рода. Ср. в древнем языке: прилег костями, Киев. гр. 1459; персѧмъ, Ипат., 101 б; волостьмь, Молд. гр. 1437, № 47; пустошамъ, Гр. XV в. (А. Калач., II, № 156); во многих(ъ) болестьх(ъ), Западнорус. пс. XVII в.; в ѡчах(ъ), ib.; пѣснѧми, ib. В современном языке: великорус.— на грудях, костям, глупостями, с лошадями, Пинеж.; с дочерями, ib.; белорус.— на грудзях, кóсцями, по сенях, сенями, дзьвярáми, вачáми, Новоалекс. (Отв. № 11); укр.— рéчам, рéчах, рéчами, тíням, тінях, тінями, частя́м, частя́х, частя́ми, гру́дям, дверям; лемк.— грудям, грудями, грудях, костях, костями, дверям, дверями (Верхр.). Впрочем, эти новые окончания далеко не вытеснили старых; ср.: белорус.— грудзёх, лошадзёх и т. д.; укр. галицк.— костем, костех, гусем, кїстьми (Осадца); угрорус.— очех, учми (Верхр.); укр.— кíсми; белорус.— вочми, Леппельск. (Отв. № 27); ачмú, сяньмú, пéчми, Игум. (Отв. № 8); саньми, Минск. (Отв. № 7); также великорус.— людьми, детьми, дочерьми, лошадьми, костьми (устар.); белорус.— гусьмú, гасцьмú, Могил. (Отв. № 4); великорус.— под саньмú, на радостех, на санех, Вельск. (Баженов, Арх. II отд.).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НОВООБРАЗОВАНИЯ В СКЛОНЕНИИ ЖЕНСКИХ И СРЕДНИХ ОСНОВ, ВЫЗВАННЫЕ ПЕРЕНЕСЕНИЕМ ОКОНЧАНИЙ *-АМ, -АМИ, -АХ* НА МЕСТО СТАРЫХ ОКОНЧАНИЙ

1. Чередование старых окончаний *-ом, -ы* с *-ам, -ами* в дательном, творительном множественного мужеского и среднего рода вызывало и в женском роде на месте *-ам, -ами* окончания *-ом, -ы*; также вместо и при *-ама* являлось *-ома*. Приведу примеры.

---

[1] Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. (*Ред.*)

Дат.-твор. дв. Флексия *-ома* в женском роде. В древнем языке: межю двѣима кладома, Ипат., 51 г; своима женома, Лавр.; по обѣма странома, ib.; по ланитома, Пантел. ев., 101 а.

Дат. мн. Флексия *-ом* в женск. роде. В древнем языке: по ямомъ, Гр. 1540 (А. Ю. № 103); в современном галиц.: ворóном, рибом, собаком, цáрквом (Огоновский); белорус.: z'änkцóm при z'änkám, Волков. (Federowski, I, 56).

Твор. мн. Флексия *-ы* в женском роде. В древнем языке: с двѣма комнатъı, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); съ пасъınки и съ падтчерицъı, Гр. 1683 (А. Калач., II, 666); и старъımъı грамотъı, Дв. гр. XV в., № 32; и зъкраинъı (чит.: и с закраины), и с притеребъı, ib., № 38; со всѣми платъı, што к тъим имѣньем слушаеть, Луцк. гр. 1438; полевыми землѣ (чит.: земли) и лѣшими, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); всякими многими торговли, Домострой Конш. XVI в., 66; благими воеводъı, Послов. XVII в. (Симони, 154); промеж селъı и деревни, Суд. Фед. Ив. 1589 (изд. Богоявленского, 44); меж селъı и деревни, ib., 45. В былинном языке: со вдовы честны многоразумными (Кирша Данил., 4); со пьяницы с безумницы, ib., 31. В современном угрорус.— слезы (Головацкий, II, 540); лемк.— дрібныма сироты (Верхр.); гуцул.— вилы, дверцьі (Огоновский).

Как увидим[1], в украинском и белорусском окончание *-ох* (вм. *-ъхъ* из основ на *-й*) чередовалось во множественном с *-ах* (заменившим *-ех* под влиянием основ на *-а*): *зубох* и *зубах, лісох* и *лісах, волох* и *волах;* ср. такое чередование в современных угрорусских говорах. Это вызвало *-ох* и в женском роде. В Луцк. ев. XIV в.: *у мучнахъ ситохъ;* галицк.— *дынѐх, свинѐх, душох* при *дынях, свинях, душах.* Одиноко стоит *на горохъ* в Лавр. сп.

2. Чередование в мужеском *ключами, мужами* с *ключи, мужи* вызывало, как мы видели, при *землями — земли,* а это при *волостями, податями* и т. п. стало вызывать в творительном множественном *волости, подати.* Ср.: со всими волости, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 564 а; а верстатись... межи себя государевъими подати, Гр. 1574 (А. Ю., № 229); молотятъ чепи харалужнъıми, Сл. о п. Иг., 36.

3. Вторжение окончаний *-ам, -ами, -ах* в основы женского рода на *-ĭ* имело следствием чередование в этих основах окончаний *-ьми* и *-ами: дочерьми* и *дочерями.* Такое чередование, естественно,

---

[1] Имеются в виду специальные отделы, которые А. А. Шахматовым не были обработаны. (*Ред.*)

передавалось и в основы на *-jā*, а затем дальше и в основы на *-ā*. Ср. в современном языке. Основы на *-jā:* со свечьми́, Мещов. (В. Черныш.); душми, Касим. (Отв. № 47), Грайвор. (Отв. № 279); в белорус.: свíньми, шыймí, Минск. (Отв. № 7); свячмí, свиньмí, шы́ймы, Игум. (Отв. № 8); свíньми, шыймы, Быхов. (Отв. № 9); анучми, Минск. (Отв. № 23); грушмí, Пруж. (Отв. № 9). Основы на *-ā:* горючми слезьми, Покров. (Отв. № 10); ягодмы, слезмы, Вытег. (Отв. № 22); слезьми, Дон. (Калмыков); слез'ми, Касим. (Отв. № 47); горючьмí слёзмí, Буин.-Симб. (Отв. № 57); ягодми, слезми, рукми, Малмыж. (Отв. № 103); слязьмí, Грайвор. (Отв. № 279); зá ягодмы, Петроз. (Шахм.); корóвмы, ib. В белорусском: курмí, Могил. (Отв. № 4); слезьмí, Слуцк. (Отв. № 5); слязьмí, Дисн. (№ 6), Новоалекс. (Отв. № 11); курмí, Игум. (Отв. № 15); шкурмí, Минск. (Отв. № 23); слезьми, ib.; короўми, Пруж. (Отв. № 9); слязмí, Рогач. (Ром., III, 354); s'l'az'm'i, Новогр. (Клих). В украинском: слíзми; галицк.— слізмí и слізьмí (Огоновский); вильми, ib. Отмечу: ноздрьма, на ноздрѣю (вм. *ноздрию*), Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 94).

4. Ассоциация, установившаяся между *грудями, грудях, грудям* и, например, *свечами, свечах, свечам,* вызывала не только *свечми* (ср. *грудьми*), но также *свечей* (ср. *грудей*). Ср. в современном великорусском окончание *-ей* в словах, как *вожжá, свечá, шестернí, распря, ноздря* (но *наздёр,* Мосал., Шахм.); диалектически еще: овцей, Тотем, (Отв. № 192); овчей, ножничей, Белоз. (Отв. № 162); овчей, Кунгур. (Отв. № 134); улицéй, Пудож. (Шахм.); птицей, Котельн. (Отв. № 46); овцей, птицей, Холмог. (Отв. № 50); ножницей, Вытег. (Отв. № 22). Укр.: мудрошчíй, радошчíй, хитрошчíй; диалектически: землíй, вишнíй, сотнíй, головнíй, пéснíй, черешнíй, кузнíй, краплíй, рожíй, пенíй, чаплíй и др. (Осадца, 60). В единичных случаях окончание *-ей, -ий* передается даже основам на *-ā*. Великорус.: свадьбей, Алатыр. (Отв. № 32); свадьбей, верьбей, Котельн. (Отв. № 46); свадьбей, Холмог. (Отв. № 50), Буин.-Симб. (Отв. № 57); свадьбéй, Карсун. (Отв. № 67); верьбей, Петроз. (Шахм.); также в словах заимствованных: персоней, Петроз. (Шахм.); партей (вм. *парт*), картей, Слобод. (Отв. № 141); комнатей, Рыльск. (Обл. сл., 95); курей, Мещов. (Шахм.) В белорус.: курей, Могил. (Отв. № 4), при *куры.* Единично *верьбэй,* Петроз. (Отв. № 30), с твердым *б,* может быть, под влиянием прочих падежей. В украинском находим диалектически: слёзиj (Огоновский), бабэj (вм. *баб*), Переясл. (ib.). Вероятно, уже отсюда, из таких

родительных падежей, проникала мягкость согласной и в прочие падежи множественного числа, ср.: картями, Слобод. (Отв. № 222); в головях, Холмог. (Отв. № 50); зимямы, Пудож. (Шахм.)[1]. Ср. с этим появление *в* мягкого в великорусском *церквями, церквях* при и вместо древних форм *церквами, церквах*. Ср.: церквямъ божіимъ, 1574 (Акты Холмог., № IV).

5. Замечательно, что и в именительном единственного вместо окончания *-а* после мягких согласных переносится из основ на *-ĭ* старое их окончание, что ведет за собой окончательный переход слова из одного склонения в другое. Сюда относится, например, появление *тысячь* вместо *тысяча*[2]: тисячь лѣтъ и чотъриста лѣтъ, Стародуб. гр. 1400; тисячей, Западнорус. пс. XVI в. (Карский, 229). В белорусском при tys'ača женского рода известно tys'ač мужеского (Клих); у лемков: єден тісяч, два тісячи.

6. Мы объясняли выше появление *-ей, -ьми, -ьхъ* в основах мужеского рода на *-jŏ* влиянием склонения основ мужеского рода на *-ĭ*: *гости — гостей* вызывало *мужи — мужей* (вм. *мужь*). Указанное влияние основ на *-ĭ* могло усилиться еще с тех пор, как вместо *гостем, гостьми, гостех* явились чередовавшиеся с ними формы *гостям, гостями, гостях*. Вполне естественно, что *гостями* при *гостьми, гостях* при *гостех* вызывали при *мужами, мужах* формы *мужми, мужех*. Последние формы вызывались и поддерживались не только склонением мужских основ на *-ĭ*, но и женских: *лошадями* при *лошадьми* могло вызвать при *конями — коньми*. Отмечу здесь, что именно таким путем появились новообразования в склонении основ среднего рода на *-jŏ*; под влиянием *костями — костьми, костях — костех* явились при *полями, полях* формы *польми, полех*, и как при *костями, костях, гостями, путях* родительный множественного звучал

---

[1] Отдельные из приведенных здесь образований могут объясняться иначе. Род. мн. *персоней, комнатей* обязаны отправной форме ед. ч. *персонь, комнать*. Формы *партей, картей, курей*, как и далее твор. мн. *картями* и под., нормально сложились к типу им. мн. *парти, карти, кури*. Форма род. мн. *слёзий* может быть возводима к отправной форме им. ед. *слезь*, ср. русские диалектные образования твор. ед. *слезью*, твор. мн. *слезьми*. Особого характера полунаречное *в головях* и пудожская форма *зимямы*, образованная в процессе своеобразной слоговой диссимиляции из *зимамы, зимами*. *(Ред.)*

[2] Вероятнее думать, что это существительное со старейшей поры было известно с двойственной основой — в виде *тысяча* и в виде *тысячь*. Ср. по свидетельствам русских диалектов обильное употребление форм твор. ед. *тысячью*, род. мн. *тысячей*, твор. мн. *тысячми*. (*Ред.*)

костей, гостей, путей, так при *полями, морями* явились формы родительного множественного *полей, морей*. Приведу примеры подобных новообразований. Род. мн.: великорус.— полей, морей (ср. морь, поль), Тотем. (Отв. № 192); полей, поль и полёв, Котельн. (Отв. № 46); белорус.— палей, Новоалекс. (Отв. № 11, 14); полэй, Пинск. (Отв. № 3); галицк.— полій, морій, горій, ложій, городищій (Осадца, при укр.— полів, морів; западноукр.— піль). Твор. мн.: с польми, Луцк. гр. 1454; с полми, Житомир. гр. 1433, Гал. гр. 1424; с полями, гр. 1457 (Собр. Мух., № 23); помышленми нечистыми исполнени, Послов. XVIII в. (Симони, 20); оученми, Лет. Авр.; белорус.— kalen'm'i, Новогр. (Клих); великорус.— за плечьми, Богородск. (В. Черныш.), Мещов. (В. Черныш.); за плечми, Послов. XVIII в. (Симони, 173); белорус.— плячмы, Быхов. (Ром., III, 308); укр.— пільми, зільми. Замечательно, что такие новообразования проникали и в некоторые основы на *-ŏ*; так, в твор. мн. находим: дрыўмй, Минск. (Отв. № 1); колесьмй, Мозыр. (Отв. № 10), kalas'm'i, Новогр. (Клих); в местн. мн.: ў местёх, Брянск. (Отв. № 269); у мисьтёх, Жиздр. (А. Никольский).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕРЕНОС ОКОНЧАНИЙ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА ВО МНОЖЕСТВЕННОЕ

I. Мы увидим ниже, что в великорусском окончание им.-вин. двойственного числа мужеского рода *-а* (города́, паруса́) при известных условиях (ударяемости в основах с подвижным ударением) стало окончанием им.-вин. множественного числа. Приведу здесь именительные множественного мужеского рода на *-а* по происхождению двойственные; в великорусском укажу только те формы, которые не подходят под указанные выше условия: великорус. — рукава́; укр.— рука́ва, вуса, повода́; роукава же ризъ, Гр. 1470—1477 (Уч. Зап., V, 61). Отдельно стоят формы двойственного после числительных; о них было сказано[1] выше.

II. В различных частях русского языка окончание твор. дв. на *-ма* в местоимениях и прилагательных стало употребляться в значении твор. мн., следовательно, вместо *-ми*. Гораздо реже — в существительных: здзелались яго руки крылушкама, а ноги ногама, Быхов. (Ром., III, 271). Здесь эти формы являются точно

[1] В рукописи: говорено. (*Ред.*)

остатками двойственного числа; ср. еще: ногама, Новогр. (Отв. № 25); ср. еще: рукама, ногама (когда говорят о двух), Петроз. (Отв. № 34); дзьвярыма, очима, плячима (Карский); ачута, plačyma, Новогр. (Клих). Но в белорусском: слязыма, дровима, грошыма, за ягодой и грыбами, слугама (Карский, Белор. II)— перед нами уже формы множественного числа. То же в: с робятома, Шенк. (Отв. 235); с работникама, Сольвыч. (Отв. № 14). Твор. и дат. мн. на *-ма* в местоимениях: твор.— всема, Онеж. (Отв. № 41), Петроз. (Отв. № 34), Кадник. (Отв. № 25); всима (дат. и твор.), Петроз. (Отв. № 30); дал jима соломы, с jима, Петроз. (Отв. № 30); тыма, ib., Вытег. (Отв. № 22); этыма дорогами, Петроз. (Отв. № 13). Белорус.-укр. твор. мн.— всіма. В числительных: великорус.— трема, четырема, Петроз. (Отв. № 34); трема, Онеж. (Отв. № 41); однымá, трема, четырема, пятима, Петроз. (Отв. № 30); троима, Петроз. (Отв. № 34); ехать троима, Сольвыч. (Отв. № 14); трёма, Вытег. (Отв. № 22); трома, Холмог. (Отв. № 50); трема, Луж. (Отв. № 12), Великоуст. (Отв. № 202), Кемск. (Отв. № 194); четверыма, девятерыма и девятима, десятерыма и десятима, двадцатима, тридцатима, Холмог. (Отв. № 50); троима (туды шли), Петроз. (Шахм.), ехать троима, Волог. (Отв. № 14). Белорус.— пятьма, Пинск. (Отв. № 2); шыстьма, дватцатьма, Пинск. (Отв. № 4); dwanaccac'ma, Волков. (Federowski, I, 15); трыма, чатырма, Быхов. (Отв. № 16); чатырма, трыма, Минск. (Отв. № 23), Новогруд. (Отв. № 25), Леппельск. (Отв. № 27), Дисн. (Отв. № 6), Слуцк. (Отв. № 5), Могил. (Отв. № 3); пяцьма, шасцьма, дваццацьма, Речицк. (Отв. № 17); пяцима, двадцацима чалавекамі, Новоалекс. (Отв. № 11); пяцьма, Минск. (Отв. № 23); трыма, чатырма, Мозыр. (Отв. № 10). Укр.— пятьма, шістьма, свома, десятьма, стома; угрорус.— пятьма, сьіма, вісьма, девятьма, десятьма, сорокма, девяностома (Верхр.); галицк.— пятьма, пятема и пятёма, десятьма, десятема и десятёма, тысячма (Осадца); лемк.— пятьма, пятма, пятома (Верхр.).

В прилагательных: к зимнима рамам, Вытег. (Отв. № 22); со старыма горямы, с большима палкамы, за добрыма людямы, к добрыма родителям, ib.; со старыма, Устюжн. (Отв. № 28); за добрыма, ib.; с большима палкам, Петроз. (Отв. № 30); с добрыма людями, Онеж. (Отв. № 41); с большима сапогами, ib.

В родительном находим *трею* вм. *треи* под влиянием *двою*: Ѳ трею сихъ, Лет. Авр.; в оустѣхъ двою или трею свѣдитель, Новг. ев. XIV в., Публ. Библ.

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ КАТЕГОРИЙ СКЛОНЕНИЯ

1. СКЛОНЕНИЕ ОСНОВ МУЖЕСКОГО РОДА НА *-ŏ, -jŏ*

Из предыдущего видно, каким значительным изменениям подверглось в древнем языке, и притом в эпохи, когда еще не было окончательно нарушено единство русской семьи, склонение имен. Для более удобного обозрения описанных выше явлений я еще раз укажу на них, размещая их по склонению соответственных основ.

В склонении мужеских основ на *-ŏ* мы отметили, во-первых, вторжение окончаний, восходящих к основам на *-ā;* в родительном падеже находим окончание *-у* вместо *-а* в именах двух категорий: а) обозначающих вещество или собрание предметов (*воску, товару*); б) понятия отвлеченные (*роду, виду*); г) местности, города (*Риму, логу, лугу*). В дательном падеже находим *-ови* преимущественно в именах одушевленных (*Якунови, Глебови*). В местном падеже *-у* являлось по преимуществу в словах двух категорий: а) в словах с основой на задненебную согласную (*въ Торжку, на островку, въ Полоцку*); б) в словах, имевших основу с подвижным ударением (*на носу, на углу*). В именительном множественного *-ове* являлось в ограниченном количестве слов, обозначающих имена одушевленные (*послове, чехове*). В родительном множественного *-ов* стало окончательно вытеснять старую форму род. мн. (*ворогов, сватов*). Другие окончания основ на *-ā* (звательный единственного, дательный, творительный, местный множественного) проникали в склонение основ на *-ŏ* уже только в отдельных частях распавшейся русской семьи.

Во-вторых, мы отметили замену окончания *-и* в именительном множественного окончанием винительного множественного *-ы* (*сады, полкы*). Естественно, что такая замена имела место сначала преимущественно в словах со значением неодушевленных, ибо в одушевленных сравнительно реже стала употребляться старая форма на *-ы* в винительном множественного, замененная формой родительного множественного на *-ов* (*холопов* вместо *холопы*); вследствие этого в одушевленных удерживалось дольше окончание именительного множественного *-и* (*холопи, черти*). Это окончание ассоциировалось с окончанием именительного множественного (а по происхождению винительного множественного) основ

мужеского рода на *-ĭ* (*гости, люди*), а такая ассоциация вызывала появление и в других падежах множественного числа окончаний, свойственных основам на *-ĭ* (*послусей, Грецем, кметем*). В отдельных случаях удерживалось окончание *-и* также в именах неодушевленных, по-видимому, по преимуществу pluralia tantum (*льни, гони, *зуби, *порти, *штани, *глази*).

В-третьих, мы видели, что в именах одушевленных старые формы винительного единственного, тождественные с именительным, все более вытесняются формой родительного (такая замена была известна еще в общеславянском праязыке) и сохраняются только при некоторых условиях. При этом такая же замена винительного падежа родительным проникает и во множественное число (вин. мн. *разбойников*).

В-четвертых, старые окончания дательного, творительного и местного множественного вытесняются окончаниями *-ам, -ами, -ах*, заимствованными из основ женского рода на *-ā* (*городам, попами, лесах*).

В-пятых, формы двойственного числа теряют свое собственное значение и получают значение множественного числа, частью независимо от конструкции с числительным (*рукава*), частью только в соединении с числительными (*два, три, четыре брата*).

В основах на *-jŏ* можно проследить те же явления, что только что отмечены. Ср. родительный падеж на *-у* в случаях, как *перцю, покою, у ру́чью*; дат. пад. на *-еви*, как *коневи, Володареви*; местн. пад. на *-у*, как *на бою, на краю*; им. мн. на *-еве*, как *псареве, уеве*; род. мн. на *-ов*, как *рублёв, отцёв*. Влияние основ на *-ĭ* во множественном числе на основы на *-jŏ* было еще значительнее: как в одушевленных именах (*мужи*), так и в неодушевленных (*ключи*) старая форма именительного множественного, вообще заменявшаяся формой винительного множественного (*мужь, ключь*), могла удерживаться вследствие ассоциации с именительным множественного основ на *-ĭ* (*тати, пути* — формы, заменившие *татье, путье* под влиянием винительного множественного). Это вело к новообразованиям в других падежах множественного числа (род.— *мужей, ключей*; твор.— *мужми, князьми*; местн.— *мужех, ключех*, откуда — *мужох, ключох*). Как и в основах на *-ŏ* вместо старых форм винительного падежа, как единственного числа, так и множественного, являются формы, тождественные с родительным падежом (*князя, князь; князев, князий*). Во множественном числе находим и здесь *-ам, -ами, -ах* (*ключам, мужами, мертвецах*).

Двойственное число получило и здесь значение множественного в соединении с числительным (*два рубля, четыре гроша*).

Как мы знаем, основы на *-ŏ* и *-jŏ* в общерусском праязыке имели в большинстве падежей разные в звуковом отношении окончания. Допустив, что звук *-у* звучал после мягких согласных отлично от положения после твердых (а именно как *ŭ*), мы увидим, что тождественны в основах на *-ŏ* и *-ˌjŏ* были только окончания род. ед., им.-вин. дв. (*-а*) и им. мн. (*-и*). Сближение окончаний, а именно замена старых окончаний основ на *-jŏ* окончаниями, заимствованными из основ на *-ŏ*, произошло уже на почве отдельных русских наречий и будет поэтому рассмотрено в соответствующих отделах. Возможно, впрочем, что уже в древнейшую эпоху происходило взаимодействие между теми и другими основами.

2. СКЛОНЕНИЕ ПРОЧИХ МУЖЕСКИХ ОСНОВ

Основы на *-ŭ*, на *-ĭ* и на согласную, как сравнительно малочисленные, рано подверглись влиянию основ на *-ŏ* и *-jŏ*. Возможно, что отдельные падежные формы проникали из этих основ в основы на *-ŭ*, *-ĭ* и согласную еще в общерусскую эпоху, ср., например, возможность того, что одушевленные, как *сын* (основа на *-ŭ*), *гость* (основа на *-ĭ*) уже в общерусском праязыке получили в винительном падеже единственного формы *сына, гостя*.

Основы на *-ŭ* и в единственном, и во множественном потеряли уже в древнем языке свое отдельное склонение, причем их падежные окончания переносились в основы на *-ŏ* (о чем выше). Возможно, однако, что некоторые из старых основ на *-ŭ* преимущественно перед основами на *-ŏ* сохраняли свои старые окончания. Ср. в особенности слово *дом* с его формами *дому* в родительном и местном, *домове* в именительном множественного, а также *сын*, сохранявшее в звательном падеже форму *сыну*.

Основы на *-ĭ* получили уже в древнем языке окончания основ на *-jŏ*, но по преимуществу в именах одушевленных, и притом только в единственном числе (*гостя, гостю*). Причина указана выше: *гостя* в качестве винительного падежа появилось вместо *гость* еще в общерусском праязыке. Неодушевленные стали переходить в женский род (*печать, гортань*) или продолжали сохранять свой род (например, *локоть*), или, сохраняя род, сохраняли и старые свои окончания (как *путь*, которое в женский род перешло только диалектически). Во множественном числе вообще

сохранялось старое склонение; но, уступая здесь влиянию основ на *-jŏ*, основы на *-ĭ*, напротив, сами передавали свои окончания тем основам, как мы видели выше, причем основанием к сближению послужило появление окончания *-и* в именительном множественного основ на *-ĭ*; это окончание винительного множественного и перенесено в именительный множественного по общему закону, охватившему все вообще имена мужеского рода: *гости* вместо *гостье*. Древние памятники представляют несколько примеров для окончания *-е* вм. *-и* в родительном (*мате, госте*). Это *-е* заимствовано из основы на согласную. Возможно, что это явление стоит в связи со стремлением отличить форму винительного одушевленных имен от именительного, т. е. что *госте, зяте* явилось сначала в качестве винительного падежа, причем оно заимствовано из старых основ на согласную, если в числе их были основы со значением имен одушевленных. В таком случае появление *госте, зяте* восходило бы еще к эпохе общерусского праязыка. Как мы видели, совпадение склонения основ на *-ĭ* в единственном числе одушевленных с основами на *-jŏ* повело к проникновению[1] в основы на *-ĭ* окончаний, восходящих к основам на *-й*, например *гостеви, зятеви* в дательном падеже. Во множественном числе едва ли древни случаи появления окончаний *-еве, -ев* в именах с основой на *-ĭ* (как *зверёв, лебедёв*; укр.— *тестів, лебедів*; русск.— *зятевья* ведет, по-видимому, к более древнему **зятева*). Сближение с основами на *-jŏ* во множественном числе явилось на почве перенесения в основы на *-ĭ* окончаний *-ам, -ами, -ах* (*гостям, зверями, путях*): *сторожами* при *сторожеве, сторожов* вызывало при *гостями* — **гостеве, *гостев*. Таким образом, сначала победа принадлежала множественному числу основ на *-ĭ* (она вызвала *мужи, мужей, мужми*), но потом она перешла к основам на *-jŏ* (и вызвала *зятеве, гостям, гостями* и даже **гости* в творительном множественного).

Основы на согласную, сближавшиеся с основами на *-ĭ* целым рядом падежных окончаний, продолжали стремиться к полному с ними совпадению. Но так как сами основы на *-ĭ* заменялись в единственном числе в своем склонении основами на *-jŏ*, то та же судьба постигла основы на согласную (ср.: *дня, каменя, каменю*); лишь в единичных случаях сохранялось склонение по основам на *-ĭ* (как *пути*, ср.: *дни* — род., дат.). Во множественном числе

---

[1] В рукописи: повело проникновение. (*Ред.*)

видим полное совпадение с основами на *-ĭ* (*дён* в род. мн. при более обычном *дней*; укр. *днів* составляет исключение). Только основы на *-ан*, *-р*, благодаря именно тому, что во множественном они образовывали формы не от основ на *-ĭ*, а от основ на *-ŏ*, сохранили древнюю форму им. мн. (*дворяне, бояре*), но диалектически и сюда проникало влияние основ на *-ĭ* (*словени,* дат. мн.— *словенем,* род. мн.— *боярей*).

3. СКЛОНЕНИЕ ОСНОВ ЖЕНСКОГО РОДА

Эти основы сохранили свое склонение в древнейшую эпоху жизни распавшегося русского языка гораздо консервативнее, чем основы мужеского рода. Это относится особенно к основам на *-ā*, *-jā*, но частью и к основам на *-ĭ*; напротив, основы на согласную потеряли с течением времени свои падежные окончания и перешли в основы на *-ĭ*, а частью и в основы на *-ā*.

Основы на *-ā*, *-jā* почти совсем не представляют отступлений сравнительно с более древним периодом. Случаи новообразований во множественном числе под влиянием основ на *-ĭ* (*слезми*) были весьма редки, единичны. Возможно, что сокращение окончания творительного единственного *-ою*, *-ею* восходит к эпохе общих явлений в жизни всего русского языка. Правда, *-ой*, *-ей* мы находим преимущественно в великорусской области, но оно есть и в белорусском; памятники белорусские указывают на сокращенное окончание уже в XV в., а в великорусских сокращение произошло еще раньше, судя по памятникам. Но то обстоятельство, что в украинском *-ой*, *-ей* вообще не известно, побуждает меня рассмотреть это явление ниже в соответствующих отделах, великорусском и белорусском[1]; там же, в отделах великорусском и украинском, скажем о диалектическом появлении *-оў*, *-еў* вместо *-ою*, *-ею*, аналогичном с появлением *-ой*, *-ей* (*гороў, душеў*). Подобно тому как основы мужеского рода на *-ŏ* в древнейшую эпоху еще не передавали своих окончаний основам на *-jŏ*, так же точно влияние основ на *-ā* на склонение основ на *-jā* отнесем к позднейшим эпохам и рассмотрим ниже.

Но во всяком случае к древнейшей эпохе относится вытеснение форм именительного женского рода на *-и*, как *княгыни, господыни*; в украинском они совсем не известны, а в русском и белорусском сохранились в слабых остатках; заменены эти формы

---

[1] Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (*Ред.*)

образованиями на *-ня* (*княгыня, милостыня*). Окончательно исчезли именительные на *-ьи* (женского и мужеского рода), хотя, как мы видели, сюда могут относиться формы именительного падежа от некоторых имен личных: *Юрьи, Василъи, Григорьи,* ср. рядом именительный — *Григорья,* твор.— *Григорьею*; итак, вместо *молньи, хартьи* явились под влиянием других основ на *-jā молнья, хартья*, вместо *судьи* явилось *судья*. Мы видели выше, что имена на *-ни, -ьи* еще в очень древнюю эпоху подверглись влиянию основ на *-ĭ*. Влияние вызвано общею формою звательного падежа (*кънягыни* как *кости*); влияние сказалось, между прочим, на появлении в родительном падеже окончания *-и* вместо *-ъ* (примеры выше, при образцах). Возможно, что оно шло и дальше: ср. в твор. падеже: за кнагинью, Дух. моск. 1356, № 25 и № 26; за кнагинью за Мр̃ьею, ib.

Двойственное число, как мы знаем, исчезло в основах женского рода; слабые остатки его, но уже со значением множественного числа при числительных сохранились в украинском и белорусском (дві, три, чотирі рибі, нóзі; з'v'e, try bab'e). По-видимому, в древнем языке слова мужеского рода на *-ā* соединялись в двойственном с формой *дъва*, а не *дъвъ* в именительном, винительном; ср.: два воєводѣ, Новг. 1-я, 87б; отсюда в позднейшем языке: два воеводъı, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 309б; два старостъı, Тр. сп. Новг. 1-й, 70г (с заменой винительного двойственного винительным множественным).

Основы на *-ĭ* женского рода в общем также мало потерпели в древнейший период. Впрочем, во множественном числе они подверглись влиянию основ на *-ā*, переняв из них окончание дат., твор., местн.: *костям, костями, костях* стали вытеснять первоначальные формы *костем, костьми, костех*. Не думаю, чтобы вторжение окончаний основ на *-ā* в единственном числе склонения основ на *-ĭ*, сделавшее такие успехи во всех русских наречиях, можно было возвести к явлениям древнейшей эпохи, а именно допустить, чтобы в эту эпоху в основы на *-ĭ* передавалось, хотя бы диалектически, окончание местн. и дат. ед. *-ъ*. Вторжение *-ъ* на место *-и* стоит, конечно, в связи с передачей окончания *-ъ* на место *-и* в основы на *-jā*, а передача эта едва ли принадлежит, как уже указано, древнейшей эпохе.

Основы женского рода на согласную утрачивали с течением времени свои особенные, отличавшие их от основ на *-ĭ* окончания (следовательно, в родительном ед., дв. и мн.): вместо *матере,*

матеру, матеръ являлись новообразования *матери, матерью, материи* (*матерей*); примеры приведены были выше, при образцах. Возможно, что к древнейшим эпохам относятся новообразования и в именительном единственного, где под влиянием формы винительного явились *матерь, дочерь* вместо *мати, дочи*; в особенности естественно возникало новообразование вместо *дочи*, так как фонетически *дъчи* изменилось в *дчи* (ср. эту форму в Лет. Авр. и в Ипат.). Ср. в современном языке: матерь, дочерь, Новг. (Отв. № 20), Котельн. (Отв. № 33), Холмск. (Отв. № 54), Холмог. (Отв. № 50), Яренск. (Отв. № 194), Петроз. (Отв. № 30) и др.; белорус.: дочар, Свенц. (Отв. № 13); укр.: матір, матірь. Вероятно думать, что mati еще в общеславянском праязыке звучало màt'ь̂, откуда в эпоху падения глухих древнерусское mat' (ср. эту форму в русском, белорусском, например, Могил., Отв. № 4, Свенц., Отв. № 13, и в укр. галицк.— мать). При mat'ь̂, однако, держалась и форма mati под влиянием dъčči; отсюда в общерусском праязыке mat'i: мати (и доци), Слобод. (Отв. № 141); мати (и дочи), Яренск. (Отв. № 194); мати (и дочи), Нолинск. (Отв. № 51); белорус.— маци, укр.— мати, угрорус.— мати. Понятно, что вместо *матерем, матерьми, дочерех* явились *матерях, матерями, дочерях* одновременно с проникновением окончаний *-ам, -ами, -ах* в основы женского рода на *-ī*. Основы на *-ū, -ŭv* уже в древнейшую эпоху получали новообразования в именительном падеже единственного числа, причем в основание новообразований клалась одна из обеих вспомогательных основ, служивших еще в общеславянском праязыке для образования некоторых падежей единственного и множественного числа; это, во-первых, основа на *-ī* (*-ŭvī-*), которая лежит, например, в основании таких падежей, как винительный (*любъвь*), творительный (*любъвью*), местный (*любъви*), именительный множественного (*свекръви*); ср. уже в общеславянском праязыке новообразования *кръвь* вместо **кръı* в им. ед.; так уже в древнейшую эпоху являлись формы именительного единственного *любъвь, цьркъвь, свекръвь* и т. п. вместо *любъı, цьркъı, свекръı*, как можно заключать из наличности таких форм во всех русских наречиях: рус.— свекровь, церковь, хоруговь, морковь, любовь, Домостр. Конш., 41; бѣла хорюговь, Сл. о п. Иг., 11; белорус.— церкоў, свекроў, моркаў; укр.— це́рков, мо́рков, любов; угрорус.— редьков (Верхр., I), кро́ков (Верхр., II). Во-вторых, это основа на *-ā* (*-ŭvā-*), которая лежит в основании форм дательного, творительного и местного

множественного (*цьркъвамъ, цьркъвами, цьркъвах*); отсюда извлекался именительный падеж, как *цьркъва*; ср. рус.— свекро́ва, Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20); свекро́ва, Вытег. (Отв. № 22), Яранск. (Отв. № 101); свёкрова́, Петроз. (Шахм.); це́рква, Вытег. (Отв. № 22); це́рьква, Алатыр. (Отв. № 32), Остр. (Отв. № 33), Льгов. (Отв. № 76); церква, Жиздр. (А. Никольский), Холмог. (Отв. № 50), Кинеш.(Отв. № 250), Онеж. (Отв. № 41); морква, Дон. (Калмыков); морква, Орлов. (Обл. сл. 124—125); брюква, свекра (вм. свекрова); ср. свекра́, Брянск. (Отв. № 259); сьвикра́, Жиздр. (А. Никольский); редька (вм. редьква); ночвъı, вин. мн., Домостр. Конш., 36; в белорусском — це́рква, Могил. (Отв. № 4), Быхов. (Отв. № 9), Свенц. (Отв. № 13); церква́, Новогруд. (Отв. № 29); царква́, Дисн. (Отв. № 6); в укр.— це́рква, мо́рква; галицк.— церква́, бруква, морква, редьква, коругва, любва. Равным образом *бръвь* (уже общерусское) получило при себе *бръва, брова,* что указывает на *бровамъ, бровами*; ср. белорус.— бры́ва и брова, Могил. (Отв. № 4); бро́ва, Новоалекс. (Отв. № 14), лемк.— обы́рва (при: обырь). Понятно, что при именительном *церква, свекрова* являлось склонение *свекровы, церквы* (род.): белорус.— це́рковы, це́ркваю, Игум. (Отв. № 8); це́ркову, Пинск. (Отв. № 2); цэркву, Быхов. (Ром., III, 217). Старая форма им. ед. *свекръı* до сих пор жива в южнорусских говорах (указания см. выше, при образцах). О появлении *церквям, церквях* (форм, весьма распространенных в русском) сказано выше.

4. СКЛОНЕНИЕ ОСНОВ СРЕДНЕГО РОДА

В основах на *-ŏ* и *-jŏ* мы отметили новообразования в именительном, винительном двойственного; диалектически в древнем языке вместо *двѣ лѣтѣ, обѣ княжении, двѣ селѣ* являлись *два лѣта, два села, оба княженья* (примеры выше). Украинский и белорусский языки, где найдем *дві дере́ві, дві селі*, zv'e l'ec'e, указывают, однако, что приведенные формы ограничивались, быть может, областью севернорусских и восточнорусских говоров. Новообразования во множественном числе, где вместо окончаний *-ы* (*-и*), *-ом* (*-ем*), *-ѣх* (*-их*) явились *-ами, -ам, -ах*, отмечены нами выше (*селам, полями, летах*). Не имеем основания думать, чтобы уже в древнюю эпоху в основы среднего рода проникали окончания основ мужеского рода на *-й*; *ѥблъковъ* (род. мн.), Новг. 1-я, 30б, произведено не от *ѥблъко*, а от *ѥблъкъ*. Появление *-ovi* (*-ови*) в дательном, как *польови, морьови, ділови* — угрорус.; *сер-*

цови — лемк.; *лістови* — галицк.; равным образом *-у* в украинском диалектически в *молоку, полю, весілю*; род. мн. — *поліˊв, моріˊв*, — принадлежит уже позднейшей эпохе; ср. подобное же явление в русском: *делóв, местов, болотов, сенов, полéв*; местный единственного: у *полю, в акну, в этом числý, на лицý*; родительный: *возле полю*. Примеры приведу ниже в соответствующих отделах[1]. Там же укажу на проникновение окончания *-ы* в белорусском и русском вместо *-а*, окончания им.-вин. мн., когда оно неударяемо. Что уже в древнем языке диалектически единично вторгались в основы на *-ŏ, -jŏ* окончания основ на *-ă*, можно заключать из таких форм, как *на плечевоу*, Ипат., 245б, вместо *на плечю*; *плечевоу* указывает как будто на возможность *плечев, плечеви*. О новообразованиях под влиянием основ на *-ĭ*, например формах *полей, польми*, я говорил выше, указывая на то, что в единичных случаях они проникли не только в основы на *-jŏ*, но также в основы на *-ŏ*.

Об основах на *-es* в русском языке, как указано было выше, говорить не приходится. Они утрачены были, быть может, еще в общерусском праязыке. Мы видели, что в древнейших русских памятниках проводится написание *телес-* (*телеси, телеса* и т. д.), между тем как *тѣло, тѣла* и т. д. пишутся с *ѣ*. Это указывает на то, что формы *телесе, телеси* и т. д. были чужды уже древнему языку и заимствовались им из церковного (звук *е* служил обычной передачей церковного *ѣ*). При образце были указаны образования с основой на *-ŏ* вместо образований с основой на *-es* в русских памятниках. Образования, как: *солнце свѣтится на небесѣ*, Сл. о п. Иг., 44, — принадлежат книжному языку.

Основы среднего рода на *-at* стали с течением времени утрачивать старые падежные окончания единственного числа, принадлежавшие склонению на согласную, заменяя их новыми, заимствованными из основ на *-ĭ*. Примеры для форм *телятй* — род. ед. и местн. ед. и т. п. — приведены выше, при образце. Там же указаны новообразования от основ на *-ŏ*, например: дат. мн. *внучатом* (также в местн. мн. *внучатѣх*) вместо старых форм от основ на *-ĭ*, как *внучатем, внучатех*; там же упомянуто о новообразованиях от основ на *-jŏ* в дат.-твор. дв.: *дѣтятема* вместо *дѣтятьма*. Возможно, что уже в древнейшие периоды, по крайней мере единично, в основах на *-at* появ-

[1] Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. (*Ред.*)

лялись новообразования с пропуском *-at*, — новообразования, приведшие в конце концов в русском к утрате[1] древних форм склонения в единственном, — а в белорусском и украинском формы, как *дзицём*, *дитям* в твор. ед. Эти новообразования рассмотрю ниже в соответствующих отделах[2].

Основы среднего рода на *-ęn* в своем склонении стали утрачивать в единственном числе свои старые окончания по склонению на согласные и заменяли их новообразованиями от основ на *-ĭ*. Примеры, как *имени* в род. и местн. ед., из русских памятников приведены выше, при образце. Там же указано, что во множественном числе формы дательного и местного падежа, в старом языке образованные от основы на *-ĭ*, заменялись новообразованиями от основы на *-ŏ*: *временом, сѣменом, именѣх*. Новообразования с *-мян* вместо *-мен* принадлежат севернорусским и восточнорусским говорам и будут рассмотрены в великорусском отделе. Возможно, что уже в древнейшую эпоху, по крайней мере в единичных случаях, основы на *-ęn* в единственном числе опускали *-ен* под влиянием формы именительного падежа, ср. великорус.: имя — имю; укр.: імja — імjу; белорус.: уремъя — уремъя — род., по́ломъя — поломъю — дат. Все-таки предпочитаю сказать об этих новообразованиях в соответствующих отделах по наречиям[2].

5. ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В общерусском праязыке, а также в древнейшие периоды по его распадении, сохранялось изменение прилагательных по именному склонению; склонение (т. е. сходное со склонением существительных) было обязательно там, где прилагательное употреблялось как сказуемое; замена именных форм местоименными в этом случае принадлежит уже отдельным наречиям (украинскому и белорусскому). Но замена именного склонения местоименным в атрибуте принадлежит к древнейшим, общим всему русскому языку явлениям, причем оно зависело от того, что атрибут при всяком синтаксическом положении мог изменяться как по именному, так и по местоименному склонению. Впрочем, притяжательные на *-ов* вообще никогда в древнем языке не переходили в склонение местоименное. (Случаи, как *королевая* вм. *королева* являлись при употреблении прилагательного в субъекте; ср.: ѿ

[1] В рукописи (по описке): утрату. (*Ред.*)

[2] Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. (*Ред.*)

Иванковеѥ, Новг. 1-я, 41б; Васковая Дядьковича жена, Перемышл. гр. 1378.) С течением времени именное склонение получило весьма узкие границы для своего употребления, а это повело к полному его исчезновению. Сначала рассмотрю те изменения, которые были вызваны в именном склонении явлениями, общими со склонением существительных и уже нами рассмотренными.

Формы двойственного числа прилагательных в атрибуте, как мы видели, исчезли еще раньше, чем формы дв. числа в существительных. Ср. примеры, как: два ковша золотъı, Дух. моск. 1389, № 39.

Под влиянием замены окончания *-и* в именительном множественного существительных мужеского рода через *-ы* (а в основах на *-jŏ* через *-ѣ*) произошла подобная же замена в именном склонении прилагательных. Примеры были приведены выше. Ср. еще: Ильинъı дѣти, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); Максимовъı дѣти, Дв. гр. XV в., № 113; wтроци Глѣбовы, Ипат., 51в; сн҃ве Симовы, ib., 4а; wсе есмъı готовъı, ib., 295а; ходѧть нагъı всѣ, Хожд. Афан. Ник., 372а; тѣ люд(и) не надобнъı, Дух. 1353, № 24; отроци Володимеровъı, Тр. сп. Новг. 1-й, 20г; потъщимъсѧ бъıти подобны сѣмъ, Поуч. Ефр. Сир., 128а. О сохранении *-и* в случаях *ради*, *виновати*, *пьяни* и т. д. сказано выше.

Как мы видели, в прилагательных и местоимениях совпали во всех родах формы именительного и винительного множественного. Примеры указаны были выше.

В именном склонении мужеского и среднего рода проникли так же, как в имена, окончания *-ам*, *-ами*, *-ах* вместо *-ом*, *-ы*, *-ѣх*. Ср.: птенцемъ аспидовамъ, Син. сборн. XV в., № 53/255; сразивъшамасѧ полъкома, Тр. сп. Новг. 1-й, 17г. Возможно, впрочем, что эти образования искусственные, между тем как в живом языке во множественном числе употреблялись в то время только местоименные формы. Это подтверждалось бы и довольно частыми примерами с *-ома*, *-ом* вместо окончаний *-ама*, *-ам* женского рода: не оумовенома роукама, Ев. 1339, 53а; двьремъ затворе-
ĉ
номъ, ib., 6а; нечтама роукама рекъше не оумъвенома, Пантел. ев., 63в; тростемъ трѧсомомъ, Ипат., 16а; великома wчима, Ипат., 56б. Отмечу в творительном множественного *горючмѝ* вм. *горючами* (еще не замененного через *горючими*): горючмѝ, Покров. (Отв. № 244); горючьмѝ слёзмѝ, Буин.-Симб. (Отв. № 57); горючми слезами, Кинеш. (Отв. № 66).

Как увидим ниже, в склонении местоимений явилось стремление к сближению звуковой формы именительного множественного с формой прочих падежей (ср. появление *тих*, *тим*, *всих*, *всими* под влиянием *ти*, *вси*). Это в единичных случаях могло передаваться и в именное склонение прилагательных. Ср. образования, как: чѣмъ сътимъ бъıти, Гр. 1644 (А. Ю., № 256); Сасинимъ дѣтемъ, оу Сасинихъ дитеи, при: Сасини дѣтѣ, Дв. гр. XV в., 110; оу Ермолинихъ дѣтеи, ib.; Куровимъ дѣтемъ, ib., № 68.

Перехожу к явлениям, связанным с полным вытеснением именного склонения прилагательных. Безразличие в синтаксическом отношении форм именного и местоименного склонения прилагательных привело к полному смешению их там, где этому благоприятствовал звуковой состав соответствующих форм. Это имело место в формах с некогда двусложными окончаниями, как-то: твор. ед.—*молодъмь* и *молодымь*; дат.-твор. дв.— *молодома*, *молодама* и *молодыма*; дат. мн.—*молодомъ*, *молодамъ* и *молодымъ*; местн. мн.— *молодѣхъ*, *молодахъ* и *молодыхъ*; твор. мн. женского рода — *молодами* и *молодыми*. Во всех остальных падежах местоименное склонение отличалось двусложностью окончания сравнительно с односложностью его в именном; только в указанных падежах являлись равносложные окончания (в твор. ед., дат., местн. мн. после падения глухих они стали односложными). На этой почве и произошло полное смешение именного и местоименного склонения, окончившееся вытеснением форм именного склонения. При этом по аналогии вытеснялась и старая форма род. мн. именного склонения (ибо эта форма в местоименном склонении была тождественна с формой местн. мн. и тесно ассоциировалась с формами дат. и твор. мн.): вместо *молодъ* явилось *молодыхъ*. Таким образом произошло вытеснение именных форм во всех косвенных падежах множ. числа и в твор. ед. В остальных падежах: в именительном всех чисел и косвенных падежах ед. числа — именные формы продолжали употребляться. Приведу доказательства.

Имена прилагательные притяжательные на *-ов*, *-ин* и др. до сих пор в единственном числе мужеского рода употребляются в формах именного склонения (*от Алексеева двора, к Иванову гумну*). Между тем в творительном единственного и в косвенных падежах множественного числа находим формы склонения местоименного (*Ивановым двором, у Ивановых детей*). В древнем

языке: над Паритовъимъ wзеромъ, Дв. гр. XV в., № 14; конець Паритова wзера, ib.; в мѣжахъ с Берьзниковъимъ, Дв. гр., № 94 (възлѣ Берьзниковъı земли, ib.); за Фатѣевъимъ дворомъ, Дв. гр. XV в., № 20; с Ъıвашомъ Нефедовъимъ, ib., № 18; с Павло Григорьевъı сı̃ъмъ, ib., № 133; за Ивановъими дитьми, ib., № 110; кн̃жимъ лодьимъ Михаиловъимъ, Новг. гр. 1373, № 17 (вм. княжамъ лодьямъ Михаиловамъ); ни моимъ братнимъ дѣтемъ Игнатьевъим, Дв. гр. XV в., № 8 (ср. ib.: братню сı̃у); а что селъ и свободъ Дьмитриевъıхъ, Новг. гр. 1305, № 10; а что Ѳлександровъıхъ кнажихъ селъ коупленъıхъ, Новг. гр. 1325—1327, № 15; со разбойниковъимъ товаромъ, Рижск. гр. ок. 1300 (у разбоиникове клети, въ разбоиникову клеть, ib.); с Ъıвановъı село, Дух. Дм. Ив.; наволоко стариковъı, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46; ср. наволо старико); Ильинъимъ дѣтемъ, Дв. гр. XV в., № 37; ѣковлимъ дѣтьмъ, ib., № 95; оу ѣковлихъ дѣтеи, ib., № 95; у Ильинъıхъ дѣтеи, ib., № 37; ѿ Мѣкитинъı дѣтеи, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); до Клѣментиевъıх, ib.; а что селъ кнаже... твоихъ или кнагънинъıхъ, Новг. гр. 1305, № 10; Оуглечи поле, Дух. Дм. Ив.; златъимъ шеломомъ, Сл. о п. Иг., 13; чръленъими щитъı, мечи харалужнъими, ib., 13; въ кнажихъ крамолахъ, ib., 17; лебединъими кръıлъı, ib., 19; лютъимъ звѣремъ, ib., 35. При названии местности *Попково*, Гр. 1481—1505 (А. Калач., I, № 103), в твор. ед. *Попковымъ*, ib.

При *Новъгородъ*, *Новагорода*, *Новугороду*, *Новѣгородѣ* находим в твор. *Новымъ городомъ*; например: с новъимъ городомъ, Новг. гр. 1373, № 17; со всімь новъимь городомь, Новг. гр. 1314, № 12 (но еще в Новг. гр. 1368—1371, № 16: со всѣмь Новомь городомь).

Судя по великорусскому наречию, следующими формами именного склонения, подвергшимися вытеснению, были формы родительного, дательного и местного женского рода. Эти формы не известны в великорусском в притяжательных прилагательных: *от Ивановой избы*, *к Сергеевой жене*, *в Васильевой половине*, а не *Ивановы*, *Сергееве*, *Васильеве*. Ср. то же в фамилиях: *госпожу Петрову*, но *от госпожи Петровой*, *Ильиной*. Думаю, что здесь действовала та же причина, что при вытеснении форм

творительного мужеского рода единственного числа и всех косвенных падежей множественного числа мужеского, женского и среднего рода, а именно: формы род., дат, местн. падежей стали равносложными в местоименном и именном склонении (род. *-ой* вместо *-оѣ* нефонетически, как увидим впоследствии): *Ивановы, Ивановѣ* при *Ивановой*. Ввиду того что форма родительного падежа получила односложное окончание лишь позже, можно думать, что сначала стали исчезать формы дательного и местного единственного женского рода именного склонения, заменяясь формами склонения местоименного.

Таким образом, именное склонение сохранялось: в им.-вин. падеже ед. и мн. числа всех родов, в род., дат., местн. мужеского и среднего рода, в вин. и род. ед. женского рода. Потом исчезла и форма род. ед. женского рода. Понятно, почему с течением времени окончательно исчезла вообще возможность склонять прилагательные по именному склонению. В русском отмеченные выше падежи сохранились только в прилагательных притяжательных. Другие прилагательные склоняются, как имена, в тех же падежах только в песенном и былинном языке, сохранившем, однако, и такие формы, которые вообще исчезли окончательно еще в старое время; ср., например, в Др. стих. Кирши Данилова: над молодомъ Потокомъ Михаилою Ивановичемъ, 92; зеленомъ виномъ, 63; со молодомъ Иваномъ Годиновичемъ, 60; за молодомъ Іванушкомъ Годиновичем(ъ), 59.

Имена городов на *-ьск*, по происхождению прилагательные, склонялись, как существительные. Однако диалектически и здесь вместо творительного по именному склонению являлась форма склонения местоименного: з городом(ъ) Смоленским(ъ), Крас. сп. Лит. лет.; ср. местн. ед. с окончанием местоименным, например, в Его́рьевским[1], в Зарайским, Егорьев. (В. Черныш.); в Богородским был, Богородск. (В. Черныш.).

6. СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Рассмотрю здесь как те числительные, которые склонялись, как прилагательные, так и те, что склонялись, как существительные.

В склонении *три* и *четыре* замечательна замена древних форм родительного падежа *треи* и *четыр* (*четыреи*) формами *трех*,

[1] В рукописи: в Егорьевском. (*Ред.*)

четырех; здесь сказалось влияние местоимений, где формы род. и местн. мн. совпадали. Ср. в древнем языке: от четъырѣх е8ѓлистъ, Киевск. гр. 1446; до трехъ становъ, Ипат., 229а; тихъ трехъ селъ, Дв. гр. XV в., № 90. Современные великорусские — четырёх, трёх; белорус.— трох, четыро́х; укр.— трох, чотирох; лемк.— трьох, штырьох.

Вместо *трем*, *четырем*, с одной стороны, *треми*, *четырьми*, с другой, являются формы *трема*, *четырьма* под влиянием *двѣма*: трема съновьямъ, Гр. 1612 (А. Ю., № 395); подъ двѣма или трьма мѣръ, Пантел. ев., 4а; съ трема девѧностъı, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 368б; с трема тъıсѧщами, Ермол., 300б.; трема обжами, Новг. писц. I, 260; трема участки, Гр. XVI в. (А. Ю., № 414). В современном языке: трема, Каргоп. (Отв. № 166), Великоуст. (Отв. № 195), Сольвыч. (Отв. № 193) и т. д. (другие примеры см. выше); белорус.— трыма́, чатырма́, Минск. (Отв. № 23); трима, Себеж. (Отв. № 26); трыма́, чатырма́, Пинск. (Отв. № 1); укр.— трома́, чотирма́. Появление подобных форм доказывает, что двойственное число исчезло в языке, ибо с его окончаниями не соединялось представление о двойственности. Отмечу далее род. мн. *трею* под влиянием *двою*: во устѣхъ двою или трею свѣдитель, Новг. ев. XIV в. (Fn I, 17); ѿ трею сихъ, Лет. Авр.

Понятно, что это самое обстоятельство было причиной проникновения окончаний множественного числа в склонение числительного *два*; вместо *двѣма* — дат.-твор. явились формы *двѣм* — дат. мн., *двѣми* — твор. мн.; ср.: дзьвем, дзьве́ми, Пруж. (Отв. № 9). Равным образом в род. и местн. появлялась форма *двѣх* вместо *двою*: дзьвех, о дзьвех, Пруж. (Отв. № 9); у двех верстах, Мосал. (Шахм.). Ср. галицк.— двім, двіх (Осадца). Но более обычными оказываются другие новообразования в склонении *два*. Форма *двѣма* ассоциировалась легче с *две* — им.-вин. женского и среднего рода, чем с *два* — им.-вин. мужеского рода. Это обстоятельство послужило причиной того, что в основание формы дат.-твор. мн. клалась одна из следующих двух основ, извлеченных из склонения числительного *два*: это основа *дву-* (ср. род.-местн. *дву* при *двою*) и основа *дво-* (ср. род.-местн. *двою*). Основа *дву-* легла в основание, например, белорус.— dvumá, Новогр. (Клих), Дисн. (Отв. № 6), Быхов. (Отв. № 9), Пинск. (Отв. № 11), Слуцк. (Отв. № 5), Пинск. (Отв. № 3); великорус.— двума́, Онеж. (Отв. № 41), Холмог. (Отв. № 50), Петроз. (Отв. № 34), Белоз.

(Отв. № 168), Кирилл. (Отв. № 215), Шенк. (Отв. № 235); дву́ма деламы, Петроз. (Шахм.). От этой основы производятся с окончаниями множественного числа в древнем языке: двух(ъ) сажен(ъ), Двинск. гр. 1532 (Собр. Бел., № 51); двѣхъ сѣновъ, Крас. сп. Лит. лет. Современные великорус.— двух, двум, также диалектически — двуми́, например, Покров. (Отв. № 10), Кадник. (Отв. № 26), Касим. (Отв. № 47), Макар. (Отв. № 56), Мосал. (Шахм.), Яранск. (Отв. № 60), Карсун. (Отв. № 67), Новосил. (Отв. № 77), Влад. (Об. сл., 15); дву́ми, Брянск. (Отв. № 259) и др.; белорус.— двух, Витеб. (Отв. № 18); двух, двум, Новоалекс. (Отв. № 11), Дисн. (Отв. № 6), Игум. (Отв. № 8), Быхов. (Отв. № 9), Себеж. (Отв. № 26). Основа *дво-* легла в основание формы *двома*, которую находим, например, в великорус.— двома, Белоз. (Отв. № 166); укр. твор.— двома; белорус.— двома, Игум. (Отв. № 15), Мозыр. (Отв. № 10), Пинск. (Отв. № 2) и др.; сюда же dvamá, Новогр. (Клих), z dwama, Волков. (Federowski, 1, 66). От этой основы с окончаниями множественного числа производятся: двомъ, Молд. гр. 1412; укр.— двох (род. и местн.), двом (дат.); белорус.— двом, двох, Новоалекс. (Отв. № 11), Мозыр. (Отв. № 10), Пинск. (Отв. № 7), Мозыр. (Отв. № 3); русск.— двох, дво́ми, Грайвор. (Отв. № 279), Льгов. (Отв. № 76); двох, двом, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236). Эти новообразования *двух*, *двум*, *двума*, с одной стороны, *двох, двом*, *двома* — с другой, в белорусском неохотно сочетались с формой женского рода, где перед *в* вначале был другой звук *z'* (*дз'*); это было причиной того, что в женском роде *дз* переносилось и в указанные новообразования: дзвюх, дзвюм, дзвюма — женск. род. при: двух, двума — мужеск. род, дзвёх, дзвём — женск. род при: двох, двом — мужеск.; об этом подробнее скажу в белорусском отделе [1] (*двёх рублёв,* Борович., Обл. сл., 112; *двёх*, Бронниц., Даль,— иного происхождения: *двéх* под влиянием *трёх, четырёх*).

Как *два, две*, изменялось и *оба, обе*. Поэтому, с одной стороны, в дат., род., твор., местн. найдем: обех, обем, обеми, Влад. (Обл. сл., 15); абех, абем, Грайвор. (Отв. № 279); обем, обех, Тотем. (Отв. № 198), Шенк. (Отв. № 235), Покров. (Отв. № 244), Буин.-Симб. (Отв. № 57), Алатыр. (Отв. № 32) и др.; по обем сторонам, Онеж. (Отв. № 41); с другой стороны, с основой *обо-* в старом языке: по обохъ сторонахъ, Киевск. гр. 1439.

[1] Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (*Ред.*)

В склонении *четыре* отметим еще появление *четырема* вместо ожидаемого и известного *четырьма* (см. выше) (*четырема*, конечно, под влиянием *трема*), а также форм *четырем, четырех;* также *четыреми* под влиянием *треми*. Ср. са четыреми, Обоян. (Резанов); четыре́ми (при трем́и), Кирилл. (Отв. № 167); четыре́ми, Брянск. (Отв. № 259, под влиянием *четыре́м*); белорус. — четыроми, Могил. (Отв. № 3, ср.: троми, четырох); четыро́ми, Быхов. (Отв. № 9, при *тро́ми*).

Влиянием местоимений на числительные (ср. выше *трех, четырех* в родительном под влиянием *тех*) объясняется появление форм *двых, дсым, двыми* (ср. *тых, тым, тыми*): двых, двым, Великоуст. (Отв. № 202), Белоз. (Отв. № 151); двым, Холмск. (Отв. № 54); двыма, Пинск. (Отв. № 2); белорус. — абудвых, абудвым, абу́двыми, Игум. (Отв. № 8); обо́двых, Бухов. (Отв. № 9); узяв их ободвых, Быхов. (Ром., III, 342) и т. д. Также: обых, обым, Вытег. (Отв. № 22); обы́х, обы́м, обы́ма, Петроз. (Отв. № 30); обых, обым, Кем. (Отв. № 104); с обых сторон, Повен. (Шахм.); отсюда и: обы, Кем. (Отв. № 104), Вытег. (Отв. № 22); о́бы хо́лосты, Яросл. (Тихвинский); обы́, Петроз. (Отв. № 34); обы, Петроз. (Отв. № 30); *обы* находим уже в Палее 1494 г. Тем же влиянием объясняются формы *двим, двих, оби́м, оби́х*, заменяющие *двым, обым*; ср. в указательном местоимении *ти, тих, тим* при *ты, тых, тым:* оби́х, оби́м, Нолинск. (Отв. № 51); обих, Малмыж. (Отв. № 103); так доспелось, што обим захотелось, Послов. XVIII в. (Симони, 197).

Особенное влияние оказали местоимения на склонение *один*, которое уже в общерусском праязыке склонялось по местоименному склонению. Так объясняются формы, как: одная, одную, Новг. (Отв. № 20); одную, Гдов. (Отв. № 11); одную́, Котельн. (Отв. № 35), Холмск. (Отв. № 54); одную я оставил жену, Сольвыч. (Отв. № 193); одная, одную, Крест. (Отв. № 160); ня'дны́е кобылицы, Быхов. (Ром., III, 196); одны́и и едны́и — им. мн., Пинск. (Отв. № 4); во́дные — им. мн., Свенц. (Отв. № 13); ни во́дная, Рогач. (Ром., III, 289); одны́е — род., Минск. (Отв. № 23); ср. новообразования в местоимениях *тая, тую, тыи, тые*. Так же объясняются формы мн.: одне, однех, однеми, Шуйск. (Отв. № 19), Покров. (Отв. № 10), Кологр. (Отв. № 61), Алатыр. (Отв. № 32), Устюжн. (Отв. № 28); одне, однех, однем, Тотем. (Отв. № 201), Соликам. (Луканин, Арх. II. Отд.); одне, еднех, еднем, Камышл. (Отв. № 89); ср.: те, тех, тем, теми. Так же

русск. — одни, одних, одними; ср.: ти, тих, тими. Так же — одны, одных, Яранск. (Отв. № 59), Вытег. (Отв. № 22); одны, одных, одными, Новг. (Отв. № 20); одны, одных, Онеж. (Отв. № 41), Каргоп. (Отв. № 106); белорус. — одны, одных, Пруж. (Отв. № 9); одным, Пинск. (Отв. № 2); одны́, одны́х, одны́м, Пинск. (Отв. № 1) и т. д.; адным дваром, твор. ед., Мосал. (Шахм.); одным словом, Рогач. (Ром., III, 148) и т. д.; wдіными вороты, Ипат., 12в; ср.: ты, тых, тым.

Из предыдущих примеров видно, что в ряде числительных установилась ассоциативная связь между формой именительного множественного и формой косвенных падежей множественного числа: при *две — двем, двех;* при *одне — однем, одними;* при *одни — одним, одних;* при *обы — обых, обым;* при *одны — одных, одным*. Такая связь обобщалась, распространяясь и на другие случаи, чему способствовало в особенности то, что и в местоимениях формы именительного множественного и косвенных падежей множественного числа были связаны между собой. Так, при именительном *три* возникали *трима, трими:* трима путьми, Лет. Авр.; со трими присѣлки, Крак. гр. 1388 (надо, впрочем, заметить, что укр. и белорус. *трима, трими;* белорус. *трыма* может являться фонетически вместо *трьма, трьми*). Возможно, что формы *триех,* встречающиеся в памятниках, возникали под влиянием им. мн. *трие* (ср.: под трїе ѳпархиѧ, Лет. Авр., вм. *три*), как мы знаем, рано исчезнувшего: по тѣх триех(ъ), Кн. зак. XV в. (Павлов, 63); род. — трiехъ, ib.; по трее лѣте, Ермол., 300б.

Отмечу, наконец, влияние склонения *двои, обои* на *два, две, оба, обе*. Мы видели ограниченное употребление этих числительных в древнейшем языке, во всяком случае соединение их с именами, образовывавшими двойственное число, было невозможно: они соединялись только с pluralia tantum. Но когда двойственное число исчезло в языке и когда основа *дво-* стала соединяться с окончаниями множественной формы, *двоих, двоим, двоими, обоих, обоим, обоими* стали употребляться вместо форм от *два, оба*. Ср.: двоими записми, 1619 (Письма русск. госуд., № 33); двоими или треми свѣдѣтелми, Кн. зак. XV в. (Павлов, 49); современ. — двои колёса, при: два колеса́, Буинск. (Отв. № 16); або́и мужыки, Грайвор. (Отв. № 279). Понятно, что вместо *двоима, двоим* и т. д., когда они стали косвенными падежами при *два, две,* явились новообразования *двѣима, двѣим*. Ср.: двѣима

копьи, Ипат., 199б; межю двѣима кладома, ib., 51 г; со двѣима сѣнома, ib., 221в; с двѣима дѣтатема, ib., 231а; двѣима сѣнома, ib., 245б; по wбѣима сторонама, межи wбѣима полкома, ib., 46в; со wбѣима сѣма своима, ib., 283а; wбѣима нама, ib., 133в; обѣима полкома, ib., 110г; дат. мн. — wбѣима, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 405а. Ср. в современном языке новообразования *обеи, обеим, обеих:* обéи и обóи, Олон. (Отв. № 29); обéи и обóи, Кадник. (Отв. № 26); обеи (вместо *оба*), Шуйск. (Отв. № 19); вы обея виновати, Дон. (Калмыков); обеим идти надо, Орл.-Вят. (Отв. № 42); абеи глазá, Терск.-Моздок. (М. Караулов). Замечательно при этом, что в некоторых говорах *обеи, обеих, обеим* относится только к мужчинам, а о женщинах говорится *обе, обех, обем,* например Онеж. (Отв. № 41); *абеи, абóи,* при: *вóбе* в женском роде, Брянск. (Отв. № 259). Понятно и новообразование *обыи,* явившееся вместо *обои* под влиянием *обых, обым,* ср.: óбыи, Слобод. (Отв. № 53); обыё, Слобод. (Отв. № 141); обыя, Буин.-Симб. (Отв. № 57); обы́и, Петроз. (Шахм.); вóбыя, Могил. (Отв. № 4); обы́и стороны, Повен. (Шахм.). По-видимому, под влиянием *обоих, обоим* и *троих, троим* употребляются вместо *трех, трем;* аналогично с *двѣима* появление *треима дѣньми,* Ипат., 295в. В дальнейшем распространении находим: с питярыми дитями, Мосал. (Шахм.); также: четверыма, восьмерыма, десятерыма вм. — четырмя, восемью, десятью, Холмог. (Отв. № 50); пяцермя, шасцярмя чылавеками, Новоалекс. (Отв. № 14). У Ломоносова: *оба* или *обе, обоих* или *обеих* и т. д.; *двое, двоих, двоими* и т. д., *пятеро, пятерых, пятерым, пятерыми* и т. д.; лутче старикъ семерыхъ молодыхъ, Послов. XVII в. (Симони, 117).

Замечательна замена всех (кроме им.-вин.) падежей от *два* формой *дву* (по происхождению род. пад.): к дву или къ тремъ, 1619 (Письма русск. госуд., № 14).

В склонении числительных *пять, шесть* и т. д. отметим прежде всего, что они перестали быть существительными в русских наречиях. Правда, они до сих пор соединяются с родительным множественного, но только в именительном и винительном падежах: *пять собак, взял десять овец.* Между тем в остальных падежах они употребляются атрибутивно и, таким образом, согласуются в падежах с тем существительным, которое к ним относится; ср. великорус.: к пяти избам, от шести огородов, с семью рублями, в десяти копейках; белорус.: пяцю́ чалавеками. Старое склонение указанных числительных вообще сохраняется: великорус. род.,

дат., местн. — пяти, твор. — пятью; белорус. — пяцй, пяцю́; укр. род., дат., местн. — пяти. Творительный падеж был единственный косвенный падеж, не имевший господствующей формы *пяти́*. Вместо *пятью* является, однако, *пяти́:* с тридцяти пети, Повен. (Шахм.), или — с трицетью пяти́, ib. Согласование числительных *пять, шесть* и т. д. с существительными имело следствием перенос в их склонение окончаний множественного числа, при этом обычно заимствуются окончания из *трéх, четырёх, двох*. Ср. великорус.: с пятьми, девятьми рублями, Влад. (Обл. сл. 15); в пятёх шахах, симёх гадков, Брянск. (Отв. № 259); у пятёх, у сямёх, Жиздр. (А. Никольский); у пятёх, у сямёх, у шастёх, Мосал. (Шахм.); белорус.: пяцёх, шасьцёх, шасцём, пяцём, Могил. (Отв. № 4); пяцьмй, шасьмй, Свенц. (Отв. № 13); пяцёх, пяцём, шасцём, Речицк. (Отв. № 17); пяцём, у пяцёх, шасцёх, Витеб. (Отв. № 18); пяцёх, Минск. (Отв. № 23); пятьми, шастьми, Леппельск. (Отв. № 27), и т. д.; укр.: пятьо́х, пятьо́м, шістьо́х, шістьо́м, десятьо́х, сімо́х. Сюда же *к пятма варницамъ*, Гр. 1551 (А. Ю., № 170). Но иногда в основание новообразованных форм с окончаниями множественного числа кладется форма *пяти* как основа: десятимъ, Ссф. 2-я лет. XVI в. (П. С. Р. Л., VI, 150); белорус. — пяци́х, шасци́х, пяцим, шасцим чалавекам, Новоалекс. (Отв. № 11); пятим, шастим, Леппельск. (Отв. № 27); пяци́м, шасцим, Себеж. (Отв. № 28). В творительном являются и окончания двойственного числа: *пятьма* (с окончанием, заимствованным из *двома, трема* и т. д.); ср. укр.: пятьма, шістьма, сьома, десятьма; белорус.: пяцьма, шысцьма (примеры см. выше). Вместо *пятьма* находим *пятима,* причем в основание кладется *пяти-* как основа: пятима, Петроз. (Отв. № 30); девятима, десятима, Холмог. (Отв. № 50).

Точно так же числительные *двенадцать, тринадцать* и т. д. во всех падежах, кроме именительного и винительного, согласуются с существительными. Склоняться они стали, как одно целое, по образцу *пять, десять*. Вместо древних *треми на десяте, трии на десѧте* (вм. чего позже *трехъ на десяте,* ср.: с трехъ натцати обежъ, Новг. писц., I, 267), *двою на десѧте* (вм. чего и *двунадесѧте:* двунадцати саженъ, Гр. 1585, А. Ю., № 230; w двоунатцати версѣ, Лет. Авр.) явились формы *двенадцати, тринадцатью,* ср.: усим двананцаци посланцам, Рогач. (Ром., III, 179). Любопытны новообразования со склонением обеих

частей: съ двѣма на десѧтьма тысѧщьма, Лук. ев. 1409 (Соболевский). В творительном и здесь указанные выше новообразования: с одной стороны — с двянадцяти служанками, Повен. (Шахм.); с другой — dwanaccac'ma, Волков. (Federowski, I, 15). И так же проникают сюда окончания множественного числа из *трёх, четырёх:* dwanátcac'm'i, Новогр. (Клих).

Числительные *двадцать, тридцать* склоняются также, как одно целое; вместо *двоюдесяти, трьмидесятью — двадцати, тридцатью:* косили лѣ^{т} боле дватцати, Гр. 1425—1462 (С. М., № 46); у два^{а}цати тисѧча^{х} копа^{х}, Крас. сп. Лит. лет. В творительном иногда форма на *-и:* с трицяти пети, Повен. (Шахм.); творительный множественного на *-ма, -мя:* дваццацьмя чылавеками, Новоалекс. (Отв. № 14); дватцатьма, Пинск. (Отв. № 4). Окончания, заимствованные из *трёх, четырёх:* двадцатёх, Зубцов. (Отв. № 60); в двадцатёх верстах, Брянск. (Отв. № 259); из дваццатёх чилавек, Мосал. (Шахм.); двадцатёх, Жиздр. (А. Никольский); белорус. — двыццацёх, Могил. (Отв. № 4); дваццацём, Речицк. (Отв. № 17); дваццацьми людзьми, Свенц. (Отв. № 13); двыццацём, Витеб. (Отв. № 18); у трыццатёх, Леппельск. (Отв. № 27); дваццацём человекам, Себеж. (Отв. № 28); укр. — двадцятьóх, тридцятьóм и т. д.

Числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят,* изменявшие раньше только первую свою часть (*пятьюдесять, шестидесять*), получили возможность изменять обе составные части; ср. русск. — *пятидесяти, шестьюдесятью, семьюдесятью* (впрочем, в творительном обычна и замена *пятью, шестью* формами *пяти, шести:* с *пятидесятью, восьмидесятью*). Ломоносов („Грамматика", § 263) дает *пятьюдесятью,* но *восьмидесятью;* укр. — *пятидесяти.* Впрочем, эти числительные рано теряют диалектически самую возможность склонения; ср. отсутствие склонения их в украинском; в Ев. 1339 читаем: пѧтьдесѧтъ лѣ^{т} не имаши, 19г. В остальных, кроме именительного-винительного, падежах эти числительные согласуются с существительными.

Сорок утрачивает все формы склонения, кроме родительного: *сорокá;* ср. укр. — *сóрок-сорокá*; великорус. — *сорок-сорокá*; в великорусском *сорокá* получает функцию всех остальных падежей. Возможно, что на это повлияла наличность одной формы для род., дат., местн. (а частью и для твор.) в *десять, двадцать, тридцать: с сорокá рублями, о сорока мучениках.* Диалектически в украинском *сорок* получает окончания из *трёх, четырёх,* как и прочие

десятки: *у сорокóх лю́дьох* при у *сóрок людьох, сорокмá* (Верхр.); *саракóх* также в белорус., Леппельск. (Отв. № 27).

Девяносто продолжает склоняться только в отдельных говорах: *дьвяноста, дьвяносту,* Леппельск. (Отв. № 27); вообще же утратились формы склонения, кроме *девянóста,* которое употребляется в великорусском для всех косвенных падежей: *с девяноста рублями;* укр. — *девяносто* в родительном имеет *девяноста.*

Сто только в именительном единственного подчиняет себе падеж существительного, требуя его в родительном, а в остальных падежах *сто* согласуется со следующими существительными. Но формы склонения от *сто* вообще утрачены; в русском сохранилось *ста,* получившее функции всех вообще падежей: *к ста человекам, со ста рублями, о ста рублях, на ста столбах.* В украинском *сто* вообще не склоняется, но образует в творительном *стомá.* В старом языке *сто* склонялось и при согласовании с существительным: съ стомъ тысѧщами вои, Ермол., 12 об.; во стѣ рублѣхъ, Догов. 1440, № 60; сту человѣкомъ, 1619 (Письма русск. госуд., № 25).

Двѣсть (известное и в форме *дваста* под влиянием *триста,* например: дваста, Никол.-Волог. (Отв. № 266); дваста, тыса^{ч}, Хожд. Афан. Ник., 387а; в укр. — при *двiстi* — *двiста*; угрорус. и лемк. — *дваста*) склоняет обе части в великорус.: *двух сот* (двоу сотъ гриве^{и}, Тр. сп. Новг. 1-й, 1г), *двум стам, двумя стами, о двух стах;* в украинском не склоняется, кроме как в родительном: *двух сот.* Любопытно новообразование *в двоу соть,* Лет. Авр. То же с *триста* (угрорус. — *тристо,* лемк. — *тристо,* при *триста*), *четыреста*: великорус. — *трёх сот, тремя стами;* в укр. только в родительном: *трох сот, чотирох сот. Пятьсот* и т. д. склоняются так же, но в творительном вместо *пятью стами* также возможно *пятистами;* укр. только в родительном — *пятисот.* (Ломоносов, „Грамматика“, § 263: *пятисот, пятьюстами, девятистам.*)

О появлении в диалектах *тысячь* вместо *тысяча* мы говорили выше.

Итак, общим для всех числительных явлением оказывается сохранение ими старого или аналогичного со старым согласования с последующими существительными только в именительном и винительном единственного: *два попа, две рыбы (дві рибі), три сестры́, пять домов, сто человек, двадцать рублей, семьдесят копеек.* Во всех этих случаях форма существительного зависит от числительного. Напротив: *к двум попам, в двух рыбах, от*

трех сестер, от ста человек, к двадцати пяти рублям — здесь форма числительного зависит от формы существительного. Объединение числительных и взаимное их влияние сказалось еще в том, что все они в именительном и винительном падеже в древнем языке получили женский род. Влияние на другие числительные оказали, очевидно, числительные *пять, десять, двадцать* и прочие десятки. Ср.: ту сто купъ, Гр. 1421 (А. Ю. З. Р., 1, № 14, но там же: тѣхъ ста купъ; та сорокъ рублевъ денегъ, Гр. 1568 (А. Ю., № 86); в тоу же двѣнадчать тысячи серебра, Новг. гр. 1314, № 12; а на рожество Христово другаѩ триста, Молд. гр. 1421, № 25; подъ другую шестсѿтъ золотъых дукатовъ, ib.; за ту три рублѣ, Дв. гр. 1515, № 1. Но рано явилась и возможность согласовать им.-вин. числительных, как *пять, десять, сто* (по происхождению существительных единственного числа), а также числительных *два, три, четыре* со множественным числом: в тѣ два года, Гр. 1479 (А. Калач., II, № 156).

7. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное. По-видимому, к древней эпохе относится появление в дательном и местном *менѣ* вместо *мнѣ* под влиянием родительного *мене*. Эту форму находим в великорусском: дат. — мене, Холмог. (Отв. № 50), Шенк. (Отв. № 80), Олон. (Отв. № 29); причем параллельная форма *минѣ* может объясняться или ослаблением гласной *е*, или влиянием формы *ми*, до сих пор не вполне исчезнувшей: мине, Олон. (Отв. № 29), Устюжн. (Отв. № 28), Орл.-Вят. (Отв. № 42), Холмог. (Отв. № 50), Малмыж. (Отв. № 103), Слобод. (Отв. № 53), Шенк. (Обл. сл., № 9), Рыльск. (Обл. сл., № 95), Жиздр. (А. Никольский), Мещов. (В. Черныш.); мине, Терск.-Моздок. (М. Караулов), Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893). В белорусском — мене, Новогр. (Отв. № 25), Рогач. (Ром., III, 270), Пинск. (Отв. № 6). В украинском — менí, минí в дат. и местн.

Замечательно общее для русских наречий исчезновение энклитик *ми, ти, си, ны, вы* в дательном единственного и множественного. Как указано при парадигмах, *ми, ти, си* держатся лишь в некоторых говорах. Рано исчезли и краткие формы *мя, тя, ся;* они сохраняются лишь в немногих говорах.

Вместо *вѣ* диалектически в 1-м лице двойственного *ва:* ва дали, Перемышл. гр. 1378, вместо: вѣ дала.

К древней эпохе, быть может, относится и диалектическое *ны* вместо *мы,* ср. такую форму в Гдов. (Отв. № 11), если видеть здесь замену именительного множественного формой винительного множественного. Но возможно, что перед нами новообразование: *вас, вам* при *вы* вызвали при *нас, нам* новообразование *ны.*

В местоимении 3-го лица отметим общее всем русским наречиям исчезновение старых форм вин. пад. ед. числа мужеского рода *(и),* среднего рода (*е*) и множественного числа мужеского (*ѣ*), женского (*ѣ*) и среднего рода *(я).* Эти формы заменены формами родительного падежа *(его, него, их, них).* Примеры из древнего языка: а гдѣ Ѳруе^{д} почне^{т} ту его и конца^{т}, Гр. 1426—1461, № 18; и бг̄а за ни^{х} моля^{т}, Гр. 1425—1462 (С. М., № 37). Так же исчезла форма *ю* в винительном женского рода, но не вполне; диалектически она известна до сих пор (примеры при парадигмах), причем замена *ю* через *еѣ* восходит к древней эпохе. Возможно, что *еѣ* вместо *ю* обязано влиянию *его* вместо *и* в мужеском роде, когда местоимение относилось к предмету одушевленному; ср.: и въı въıкупите ее (т. е. пожню) стму Николи, Дв. гр. XV в., № 7; и мы ее раздѣлили (т. е. пожню), ib., № 133; за нее, Ипат., 236в; пошлеть ее, Виленск. сп. Лит. лет.; ее положили, Крас. сп. Лит. лет.; заложи^{л} г$^{?}$не ее (т. е. пожню), Гр. 1462—1505 (С. М., № 52); ее (вин. ед.), Хожд. Афан. Ник., 370а; современные русск.—её, еé (при редком *ю*); белорус.—яé; укр.—єі, ü (при *ю, ню*). Форма *ею* представляет контаминацию *еѣ* и *ю,* ср.: въıменалъ ею (т. е. полосу земли), Дв., XV в., № 7; укр. диалект.—jejý.

К древним явлениям относится исчезновение в диалектах приставного *н*. В белорусском это явление господствующее: за им, у ём, за яé, на єм. В русском оно обычно: за её, Холмог. (Отв. № 50); в ём, в им, Каргоп. (Отв. № 106); от яе, Духовщ. (Добровол.); о ём, Белоз. (Отв. № 166); смотри за ём, Чистоп. (Отв. № 1); в ём, об ём, Буйск. (Отв. № 18). В украинском левобережном: без йóго, на йóму, на їй (Тимченко). Понятно, что формы без *н* были более частыми, тогда как формы с *н* являлись исключительно после предлогов. Реже обратное явление: вытеснение форм без *н* формами с *н,* перенесенными из положения за предлогами: цего него боетьце, Холмог. (Обл. сл., № 3). Вместо *он, она, оно, они* и т. д. под влиянием форм *его, ему, им* с начальным *j*, по-видимому, уже в древнюю эпоху являлись: *јон, јона, јоно, јони;* ср. русск.—ён, Новг. (Отв. № 20); ёна, Вытег.

(Отв. № 22); ён, ёна, ёно, Устюжн. (Отв. № 28); ён, яна, Великолуцк. (Отв. № 45); ён, Касим. (Отв. № 47); ён, яна, Зубцов. (Отв. № 60); ён, Мышк. (Отв. № 78), Грайвор. (Отв. № 279), Льгов. (Отв. № 76); ён, Жиздр. (А. Никольский); белорус. — ён, яна́, яно́, Могил. (Отв. № 4); Слуцк. (Отв. № 5), Минск. (Отв. № 7); ён, яна̀, Пинск. (Отв. № 1); ion, ianá, iano, Новогр. (Клих).

О чередовании *они* и *оны* мы говорили выше. В одних говорах обобщилась форма именительного мужеского рода *они*, вытеснив и *оны* в женском роде, и *она* в среднем. В других говорах обобщилась форма *оны,* заменившая *они* (частью из формы женского рода) под влиянием общей замены окончания именительного множественного мужеского рода *-и* через *-ы* в именном склонении; ср.: аны́, яны́, Великолуцк. (Отв. № 45); аны́, Егорьев. (В. Черныш.); яны́, Касим. (Отв. № 47); ены́, Холмск. (Отв. № 54); яны́, Зубцов. (Отв. № 60); аны, Жиздр. (А. Никольский), Мешов. (Шахм.); белорус. — яны́. Появление *оне* (под влиянием *те, все*) относится уже к великорусской эпохе.

О вытеснении творительного *цѣмь* через *кымь,* быть может еще в общерусском праязыке, сказано выше, при парадигмах. Великорус. *кем* вместо *кым* под влиянием *тем,* так же, как *чем,* вместо общерусского *чим*. Форма *чо* почти окончательно вытеснена через *что* во всех русских наречиях; сохранилась она, например, в Олон. губ.: чё, Васинька; цё баять (см. при парадигмах). Быть может, диалектически вместо *что* являлась форма *чото* под влиянием формы *чо*. се купи... в Ождоръми землю... а чото вымѣнѣлъ ѥсмѣ ту землю на матери своѥи wтьчну, Дв. гр. XV в., № 124.

Равным образом окончательно вытеснена форма *чесо, чсо* в родительном. В древнем языке она в некоторых выражениях заменялась формой *что,* получавшею, таким образом, функцию родительного падежа: что ради, Ипат., 55а, 60, Лавр., Тр. сп. Новг. 1-й, 66а; што хощеши оу насъ ради даемъ, Лавр.; ср.: чего ра[д], Ипат., 58б. Неясны белорусские — *ча, чаж* вместо *чаго ж,* например Могил. (Отв. № 4), *ча ж*, Быхов. (Отв. № 9), Пинск. (Отв. № 6). В склонении *чий* (чей) отмечу проникновение уже на украинской и белорусской почве звука *и* из именительного падежа (*чий* вместо *čьі*) в прочие падежи: белорус. — чыйго (вм. *чыего*), чыйму, чыим, об чыём; им. мн. — чые, чыих, Новоалекс. (Отв. № 1); чыйго, чыёй, Игум. (Отв. № 8); чыей, нечыей, Быхов. (Отв. № 9); род. — чыеи, нi̯эчыеи, Мозыр. (Отв. № 10); укр. — чий, чийо́го,

чийóму; им. мн. — чиї. По-видимому, в русском произношении *чия, чиѣ* — фонетический переход *i̯* в *i* в начальном слоге.

В склонении *кой, коя, кое* отмечу новообразование под влиянием *тъ, та, то:* по ка мѣста, Гр. 1462 — 1505 (С. М., № 52). То же в *никой, нѣкой:* на нѣцѣхъ мѣстеˣ, Ипат., 16а; помощи никоѳ же, Лет. Авр., 234; до кехъ местъ, Суд. Фед. Ив. (изд. Богоявленского, 55).

Притяжательные *мой, твой, свой* получили новые формы во множественном числе. С одной стороны, в именительном множественного мужеского рода вместо *мои* явилась форма *мое,* заимствованная из винительного множественного. Ср. общую замену формы именительного множественного винительным в мужеском роде: моѳ людьѳ, Ипат., 292б. В современном языке: мое, твое, Покров. (Отв. № 10); мое, твое, свое, Буйск. (Отв. № 18), Шуйск. (Отв. № 19), Алатыр. (Отв. № 32), Малмыж. (Отв. № 38), Онеж. (Отв. № 41), Костр. (Отв. № 44), Кологрив. (Отв. № 61) и т. д.; белорус.: мае, твае, свае, Могил. (Отв. № 4), Дисн. (Отв. № 6), Минск. (Отв. № 7), Быхов. (Отв. № 9), Витеб. (Отв. № 18), Новогр. (Отв. № 25), Пинск. (Отв. № 6) и т. д. С другой стороны, форма именительного множественного мужеского рода *мои* обобщилась для всех трех родов, причем такому обобщению содействовало, конечно, влияние косвенных падежей *моих, моим, моими* (мы знаем, что вообще форма именительного множественного мужеского рода обобщалась очень редко). *Мои* вытеснило, таким образом, не только им. мн. женского и среднего рода *моѣ, моя,* но также вин. мн. мужеского, женского и среднего *моѣ, моѣ, моя.* В старом языке: послаша мужѣ свои, Лавр.; дѣти твои, вин. мн., Лавр.; свои главъı сложимъ, Лавр.; мои мѣста, им. мн., Догов. 1405, № 38; мои недругъı, вин. мн., Новг. гр. 1314, № 12; доцери мои — вин. мн., Дв. гр. XV в., № 78; твои мѣста, Виленск. сп. Лит. лет.; въ свои села, Гр. 1462 — 1505 (Г. Др., I, р. IV, № 8). В современном языке: великорус. — *мои, твои, свои* для всех трех родов; также в белорус., например, Дисн. (Отв. № 6). Связь между *мои* и *моих, моим* доказывается и тем, что новообразование *мое,* вытеснившее *мои* (в мужеском роде), повлияло на появление форм *моехъ, моемъ, моеми:* ср. в старом языке: своехъ, род. мн., Гр. 1669 (А. Калач., II, 821); и зъ дѣтьми своѳми, Перемышл. гр. 1378; си внучатъı своѳми, ib., также затем и в твор. ед.: зятемь своѳмь, Перемышл. гр. 1378; умъıшлѣнъѣмь своѳмъ, Перемышл. гр. 1391; своѳмь молодъımъ оумомъ, Ипат., 305 г.

В современном языке: моех, моем, Чистоп. (Отв. № 1), Бежецк. (Отв. № 6), Покров. (Отв. № 10), Буйск. (Отв. № 18), Шуйск. (Отв. № 19), Алатыр. (Отв. № 32), Малмыж. (Отв. № 38), Онеж. (Отв. № 41); своеми, Самар. (Отв. № 40); твор. — моем, твоем, Макар. (Отв. № 56). Уже в древнем языке вместо некоторых форм единственного числа склонения *мой, твой, свой* могли возникать новообразования, обязанные влиянию склонения местоимения *тъ*, в особенности часто находим в родительном женского *своѣ* вместо *своеѣ, моѣ* вместо *моеѣ:* род. — мое, Гр. 1462 — 1472 (А. Калач., I, № 31); моѣ грамоты, Гр. 1479 (А. Калач., I, № 30); своя милъыя хоти, Сл. о п. Иг., 14; бомзни свое, Стеф. и Ихн., 7; дат. — свои кнагини, Дух. 1356, № 26; твор. — попъ бывъ съ своею женою, съ женою своею, Вопр. Кир. по сп. 1282 (Р. И. Б., VI, 309); братьи свои, Ипат., 237; на свои части, Новг. гр. 1371, № 8. В современном языке: мыё, твыё (род. ед.), Макар. (Отв. № 56); маé, тваé, сваé (род.), Минск. (Отв. № 7), Быхов. (Отв. № 9), Пинск. (Отв. № 6); з руки с своé, Рогач. (Ром., III, 162); мое работы, Быхов. (Ром., III, 93); у своé жонки, Быхов. (Ром., III, 133); моiе, твоiе, Пруж. (Отв. № 9); majé, Новогр. (Клих); укр. — мої (при моєї). Быть может, сюда же относятся новообразования, как: мого, мому — великорус.: мого — укр.; ср.: в свомъ смъыслѣ, Гр. 1460 (А. Калач., I, № 85).

Отмечу здесь несколько вновь образованных притяжательных; в основание новообразования положена форма родительного падежа. Так, от *их* произведены *ихний* и *ихный:* русск. — за ихнею порукою, Гр. 1690 (А. Калач., II, 812); ихний, Гдов. (Отв. № 11); йихный дом, Петроз. (Отв. № 12); ихний, Олон. (Отв. № 29); ихнёй хозяин, Буйск. (Отв. № 18); ихный, ихной, Устюжн. (Отв. № 28); jихнъj, Самар. (Отв. № 40); ихной, Онеж. (Отв. № 41); ихний, Холмск. (Отв. № 54), Покров. (Отв. № 244); ихнёй дом, Шенк. (Отв. № 235); ихный, Петроз. (Рыбников); ихний, Никол.-Волог. (Отв. № 266); ифной дом, Белоз. (Отв. № 162); ихной, Боровичи. (Обл. сл., 112), Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); ихний, Вят. (Верещагин); белорус. — ихнi, Могил. (Отв. № 4), Быхов. (Отв. № 9); ихны, Игум. (Отв. № 8); ихный, Дисн. (Отв. № 6), Свенц. (Отв. № 13), Витеб. (Отв. № 18), Себеж. (Отв. № 26) и др. Форму *ихий, ихой* находим в великорус.: ихой дом, Малмыж. (Отв. № 38); ихий, и́ха, Орл.-Вят. (Отв. № 63); ихий, Покров. (Отв. № 244). От родительного *его, ево* образованы: великорус. — евоный, евонный, Гдов. (Отв. № 11); евонный, Устюжн. (Отв.

№ 28); евоной, Онеж. (Отв. № 41); егонный, Холмог. (Отв. № 50); евоный, Холмск. (Отв. № 54); евóнной, Шенк. (Отв. № 235); евонный, Галич. (Отв. № 55); евоный, Великоустюж. (Отв. № 195); евоный, евонный, Никол.-Волог. (Отв. № 266); белорус. (по-видимому, приводимые ниже формы заимствованы из вёликорусского, ср. *в* вместо ожидаемого *г*) — евонный, Себеж. (Отв. № 26); явоный, Леппельск. (Отв. № 27). Другие подобные образования рассмотрю в великорусском отделе.

В основание новообразования положена форма притяжательного местоимения. Так, от *наш, ваш* образованы белорус.: наськи, Могил. (Отв. № 4); наський, васький, Витеб. (Отв. № 18); наський, Быхов. (Отв. № 9). Однородны: мойский, твойский, Вят. (Верещагин); мойской, Соликам. (Словцов), и: своисково двора, Дв. гр. XV в., № 132; а погоубить (с)воискъи конь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 48). Другие подобные образования укажу в великорусском отделе.

В склонении указательного *тъ* особенно ясно сказалось влияние косвенных падежей множественного числа на форму им. мн., а также и обратное влияние. Под влиянием *тѣх, тѣм, тѣми* образуется форма им.-вин. мн. *тѣ* для всех родов, находящая себе поддержку в формах, как *моѣ, всѣ* и т. п. Приведу примеры из древнего языка: тѣ же люди, Дв. гр. XV в., № 95; тѣ (им. мн. муж.), Гр. 1456 (А. А. Э., I, № 60); тѣ люди, Гр. 1361—1365 (А. А. Э., I, № 5), 1439 (А. Калач., № 31), 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); тѣ земли (вин. мн.), Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31); тѣ три годъı (вин. мн.), Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31); в тѣ лѣ^{т}, Дв. гр. XV в., № 99; тѣ (им. мн. ж.), Гр. 1314, № 12; на тѣ ти грамотъı кнѧ^{ж} не наступатиса, Гр. 1371, № 8; тѣ (им. мн.), Ипат., 142г, 216б; ѩко тѣ оутѣшатьса, Пантел. ев., 26б; в тѣ же дни, Хожд. Афан. Ник., 373а; тѣ (им. мн.), Догов. 1362, № 27; тѣ, Домостр. Конш., 7; тѣ села, Догов. 1368, № 28; в тѣ лѣта, Псков. судн. гр. В современном великорусском — те; укр. — ті. Напротив, могла обобщаться на все роды форма им. мн. мужеского рода *ти,* и это вызывало новообразования *тих, тим, тими* и даже в творительном *тимь.* Ср. такие формы в древнем языке: за всѣ ти землѣ, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); за тимъ, Дв. гр. (Собр. Бел., 1532, № 51); тимъ (дат. мн.), Гр. 1464—1501 (А. Калач., I, № 81); с тимъ, Гр. 1266—1272 (Р., Л. А.); тихъ мен(ъ), А. Калач., II, № 160; ти земли (вин. мн.), Дв. гр. XV в., № 12, 22, 90; тимъ (твор.), ib.,

№ 24, 74, 81, 90; тими лоскутъı, ib., № 77; тими землами, ib., 77, 81; тимъ сабрамъ, ib., № 110; в тихъ кунахъ, ib., № 15; на тихъ трехъ селехъ, ib., № 90; тихъ селъ, ib.; ти три села, ib.; тихъ сѣманъ, ib., № 116; тимъ листомъ нашимъ, Молд. гр. 1434, № 34; тимъ то листомъ, Молд. гр. 1435, № 46; тимь словомь, Рижск. гр. ок. 1300; с тимъ ся самъ вѣдаю, Гр. ок. 1240; передъ тими нашими боаръı, Молд. гр. 1423. В современном языке такие образования мне не известны. Форма *ты,* по происхождению вин. мн., обобщалась в им. мн. всех родов (ср.: в тъı села, Догов. 1368, № 28) и ассоциировалась с формами *тых, тым, тыми,* твор. — *тымь,* которые по происхождению могли быть формами сложного склонения, ср. отмеченные выше при парадигмах образования: *тый, тая, тое.* Формы им. мн. *тыи* — новообразование вместо *тии* под влиянием вин. мн. *тыѣ*; ср.: тъıи села, Гр. XIV в. (А. Ю., № 260, II), вызывало: тыим, Белоз. (Отв. № 162); тыих, Брянск. (Отв. № 259). Форму *тии* находим также для всех родов: тии земли, Дв. гр. XV в., № 16; также *тиь,* что под влиянием *тыѣ* тие лю$^{\hat{д}}$, Гр. ок. 1265 (Р. Л. А.); также *тъи* под влиянием *тъ:* тѣи земли, Дв. гр. XV в., № 8; теи, Зубцов. (Отв. № 60), Петроз. (Отв. № 12), Грайвор. (Отв. № 279), отсюда: теих, теим, Крестецк. (Отв. № 160); тѣи (им. мн.), Ипат., 47а; къ тѣимъ землемъ, Гр. 1523 (Акты Устюжск. I, 1). Сложное указательное *этот, гэтот, етот* образует так же, как *тот,* во мн. числе: *эти,* или *эте,* или *эты.* Первую форму ср. в современ. моск. *эти,* отсюда — *этих, этим;* вторую *еты,* Петроз. (Отв. № 30); отсюда — *етых, етым,* ib.: эты, Новг. (Отв. № 20); этых, этым, ib.; эты, этых, этым, Вытег. (Отв. № 22); эты, этых, Верхотур. (Отв. № 51); éты, етых, Брянск. (Отв. № 259); третью форму *эте* — ср. ете, етех, етем, Соликам. (Арх. II Отд.); этех, Яросл. (Тихвин.); етем (твор.), Череп. (Отв. № 268); этем лесом, Костр. (Отв. № 264); эте, Меленк. (Отв. № 247). Общим для русского, белорусского, украинского языков является утрата именительного единственного *то* (из *тъ*); он заменяется новообразованиями, как *той, тот* (примеры выше при парадигмах), диалект. *теи* (см. в укр. отделе[1]).

Замечательны образования, обнаруживающие влияние местоимения *тот* со стороны другого указательного *сей* (ср. ниже

---

[1] Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (*Ред.*)

обратное влияние): от тяе́ старане, Мосал. (Шахм.); с тей то стороны́, ib.

В склонении *сь, сей* отметим влияние местоимения *тот:* сую, Полоцк. гр. ок. 1265 (Р. Л. А.); сѣмъ листомъ, Молд. гр. 1434; с сѣмь листом, Молд. гр. 1431, № 28; в сѣ ж(е) времена, Тр. сп. Новг. 1-й, 26; сь сѣми всеми, Ипат. 11г; съ сѣми и с тѣми, ib., 149а; сого ради, Поуч. Ефр. Сир., 182в; до сѣх(ъ) мѣстъ, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); су, Гр. 1462—1472 (А. Калач., I, № 31); отъ тѣхъ мѣстъ и до сѣхъ мѣстъ, Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 103); сѣми часы, 1530—1532 (Письма русск. госуд.); су запись, Гр. 1530 (А. Ю., № 154); су грамо^{т} (вин.), Гр. Новг. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 42); по сѣ поры, Пов. Азов. сид. Унд., № 794 (Орлов, 112). В современном языке: до сех пор, Костр. (Отв. № 264); сех, Касим. (Отв. № 47); соводни, Макар. (Отв. № 56); сёй, сяя, сёё, Игум. (Отв. № 15), Речицк. (Отв. № 17), Пинск. (Отв. № 1); сёя, Слуцк. (Отв. № 12) (ср. там же: то́я); сёе, Новоалекс. (Отв. № 11); сёй, сяя, сёя, Игум. (Отв. № 8), Могил. (Отв. № 4); съім (твор.), Пинск. (Отв. № 3); сёй, сяя, то сёе, Рогач. (Ром., III, 390); лемк.—сеса, сого, сому, сесы (им. мн.), сесу (вин. ж.) (Верхр.).

Древнее относительное местоимение *иже, яже, еже* исчезло в русском, белорусском, украинском языках, заменяясь новообразованиями. Во-первых, относительное местоимение заменяется несклоняемыми формами, как *еже, иже* (примеры при парадигмах); во-вторых, несклоняемым *что,* ср. великорус.—это те семена, что я купил в городе; укр.—жінка, що він бачив; в древнем языке: тие лю^{д} што нъıне живи суть, Полоцк. гр. ок. 1265; тоть споускати обѣ въ ѣдино мѣсто что лѣжить оу сто^{е} бце на горе, Гр. 1229 (А); со всѣми ужитки, што нинѣки могуть быти, Гал. гр. 1378; пришедь пред на^{с} и пред ты добре, што с нами у тоть час сѣдѣли, Гал. гр. 1412. Иногда вместо *что* является *что же:* со всѣми пожитки, што ж здавна прислухают там, Гал. гр. 1424; дали ^{е}смъı ^{е}му Годлѣ поле, што же лежитъ от Бохоря болше милѣ, Гал. гр. 1378. В-третьих, вместо *его же, ему же* и т. д. могут являться *его то, ему то:* оу него то, Гр. ок. 1130. В-четвертых, вместо *иже, еже* и т. д. являлись *кто, что* (склоняемые): а темь кто напосле придуть, тѣмь вѣдомо буди, Полоцк. гр. ок. 1265; и темъ кто правду любить, а кривду ненавидить, Рижск. гр. ок. 1300; то томоу за нь платити, кто и изеталъ

Гр. ок. 1240. При этом возможны: *кто то, кто же, что то,* например: како было любо Рѳси и всѣмоу Латинескомоу языкоу кто то оу Роусе гостить, Гр. 1229 (А); възнаваѥм то тъим нашим листом каждому доброму, кому жь буде ѥго потребизна, Луцк. гр. 1445; аже капь чимь то весѧтѣ излъмльна боудете, Гр. 1229 (А). В-пятых, местоимение *который,* ср. великорус. *который,* как обычное относительное местоимение. В древнем языке: по рѣчку Рашковку, которая в Днѣстръ впадаѥть, Киевск. гр. 1459; *который же:* рѣчи которъıи жь в часу бъıвають, Гал. гр. 1424; диалектически *кторый:* которая прозвиска суть, Гал. гр. 1421. В-шестых, местоимение *кой:* инъые люди добръые городские и волостнъые старожилци кое то мѣсто знають, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46).

Местоимение *весь* во множественном числе может обобщать форму *вси:* за тъı за вси землѣ, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); всимъ (твор. ед.), Дух. Климента XIII в.; вси городъı (вин. мн.), Увар. сп. Лит. лет. Отсюда и в косвенных падежах: всимъ, Дв. гр. XV в., № 15, 110; всихъ, ib., № 37, 86, 87; во всихъ угодьѧхъ, ib., № 78, всими оугодьи, ib., № 81; со всимъ володѣньемъ, ib., № 103; въ всихъ волостехъ, Новг. гр. 1371, № 8; съ всими городъı, ib.; изо всихъ пѧти кончевъ, Новг. гр. 1372, № 13; со всихъ волостии, Новг. гр. 1373, № 17; всїмь (твор. ед.), Новг. гр. 1314, № 12; ѿ вси$^{\widehat{х}}$ епповъ, Ипат., 277а; wто всихъ кнѧзь, ib., 94в; всимь великимь кнѧжньемь, Догов. 1389, № 35; оусимъ, Молд. гр. 1411, № 22; съ оусими оужиткъı, Молд. гр. 1421, № 25; вси$^{\widehat{м}}$ земла$^{\widehat{м}}$, Крас. сп. Лит. лет.; с скарбомь своимь со всимь, Увар. сп. Лит. лет. В современном языке: вси, всих, всими, Гдов. (Отв. № 11), Новг. (Отв. № 20); вси, всих, Вытег. (Отв. № 22), Петроз. (Отв. № 30), Остр. (Отв. № 33), Великолуц. (Отв. № 45), Холмог. (Отв. № 50), Шенк. (Отв. № 235), Каргоп. (Отв. № 106); ўси, Себеж. (Отв. № 26); ўсих, ib.; ўси, ўсих, Новоалекс. (Отв. № 14), Пинск. (Отв. № 3); ўсих, Новоалекс. (Отв. № 11); усих, Игум. (Отв. № 8). Но рядом находим и обобщение формы *всь* по происхождению вин. мн. мужеского рода и им.-вин. мн. женского: всѣ пошлинникъı (им. мн.), Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31); всѣ, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 52), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62). Это поддерживало старые формы *всѣм, всѣх, всѣми:* ср. в современ.: все, всехъ, Моск., Великолуц. (Отв. № 45), Макар. (Отв. № 56); усе, Игум. (Отв.

№ 8), Себеж. (Отв. № 26); цse, Новогруд. (Клих); всі, всіх, всім, всіма, всіх — укр.

Всзможно, что издавна на склонение *весь* оказывало влияние склонение местоимения *сь* (ср. уже в древних памятниках написания *всь* вместо *вьсь*), также влияние *сей:* усей, Могил. (Отв. № 4), Пруж. (Отв. № 9), Себеж. (Отв. № 26), Новогр. (Отв. № 26); цs'eі, Новогр. (Клих); влияние[1] *сёй* (вместо *сей,* см. выше): всёй, Пинск. (Отв. № 4); ўсёй, Пинск. (Отв. № 7). Поэтому же *всу* вместо *всю* (ср. выше *су* вместо *сю*): треть свою деревню всу, 1538 — 1539 (Акты Холмог., № XXI).

Сам во множественном числе обобщало в разных диалектах три формы: *сами, самъ, самы;* отсюда возможность образований: *самихъ, самими,* или *самъх, самъм* или *самых, самым.* Для *сами:* подъ самимъ городомъ, Ипат., 293а; а вѣсѧ ... сами вѣдаимъı, ib., 141б; самимъ (дат. мн.), Тр. сп. Новг. 1-й, 30а, Догов. 1371, № 31, Гр. 1585 (А. Ю., № 183), Гр. 1498 — 1499 (XVI в., А. Калач., I, № 70); вѣдаите ся с ними сами, Гр. ок. 1240; сами (стада), Виленск. сп. Лит. лет.; сами[x], Погод. сп. № 1413; современ. моск. — сами, самих, самим; мы сами, Быхов. (Ром., III, 362); они самѝ, Мещов. (Шахм.); *самъ:* самѣ 2 братеника, Лавр., 458. Эта форма поддерживала древние формы *самъх, самъм* и т. д.; ср. самѣхъ (вин. мн.), Новг. 1-я, 203; современ. — самех, самем, Кологр. (Отв. № 61), Шенк. (Отв. № 235), Котельн. (Отв. № 35) и т. д. *Самы:* храми самъı, Син. сборн. № 154 (Каринский); смолнѧнъмь платити самъımъ дългъ платити, Гр. 1229 (А); самъı ся Содомско съмѣшаютсѧ, Палея 1494; совр. — самы́, Повен. (Шахм.); са́мы, самы́х, Слобод. (Отв. № 222); самы, самы́х, самы́м, Новг. (Отв. № 20), Гдов. (Отв. № 11), Вытег. (Отв. № 22); самых, самым, Яранск. (Отв. № 59); самы, самых, Холмог. (Отв. № 50), Холмск. (Отв. № 54); белорус. — самы, Рогач. (Ром., III, 229); sámy и samý́, Новогр. (Клих).

Кожьдо, кажьдо в русском, белорусском, украинском языках перестало изменять первую свою часть и приняло окончания прилагательного, склоняясь по всем родам и числам. Ср. в древнем языке: кождоє, Киев. гр. 1459; кождъıй дн̄ь, Крас. сп. Лит. лет.; современные великорус. — каждый; белорус. — каждый, например: ка́жды, Игум. (Отв. № 8); каждый, Новоалекс. (Отв. № 11); ко́ждый, Витеб. (Отв. № 18), Новоалекс. (Отв. № 11); угрорус. —

[1] В рукописи: под влиянием. (*Ред.*)

каждый (Верхр.); укр. — кождый (Осадца). Вместо *-ждый* во всех трех языках может являться *-жный* под влиянием какой-то аналогии, скорее всего слова *едный, одный, нѝдный,* диалект. — *жадный* (в значении „ни один"); сопоставьте еще форму *кажиный* с *одиный, единый.* В древнем языке: кажному, Луцк. гр. 1454. Современные великорус. — кажный, кажи́нный, кажен, например, *кажен,* Мосал. (Шахм.); белорус. — ко́жны, Слуцк. (Отв. № 5), Игум. (Отв. № 8); ко́жный, Пинск. (Отв. № 1), Витеб. (Отв. № 18); кожное, Быхов. (Рсм., III, 168); кожно́му (дат. ед.), Пинск. (Отв. № 4); ка́жный, ка́жен, Дисн. (Отв. № 6); ка́жен, Игум. (Отв. № 8); ка́жный, Новоалекс. (Отв. № 11); ка́жный и кажы́ный, Новоалекс. (Отв. № 14); ка́жен, Игум. (Отв. № 15); ка́жин, ка́жный, ка́жиный, кажи́ный, Витеб. (Отв. № 18): ка́жен, Пинск. (Отв. № 1); кажен, ка́жинный и кажи́нный, Пинск. (Отв. № 4); укр. — кожний. Форма *куждый,* Свенц. (Отв. № 13), ср. там же *кужный, кужен,* явилась, вероятно, из старого винительного женского рода: *куюжьдо, *кужьдо.*

В числительном *один* отмечу формы множественного числа: *одни, одне* и *одны. Одни́* находим, например, в великорусском, отсюда *одних, одним, с одним. Одне* великорус., например: одне, однеми, Макар. (Отв. № 56); одне, однеми, Шуйск. (Отв. № 19); одне, однех, Устюжн. (Отв. № 28), Алатыр. (Отв. № 32); одне, однéх, Самар. (Отв. № 40); одне, однех, Кологр. (Отв. № 61), Буин.-Симб. (Отв. № 57), Холмог. (Отв. № 50), Онеж. (Отв. № 41), едне, еднех, еднем, Камышл. (Отв. № 89); одне, однех, Галич. (Отв. № 55) и др. *Одны* в белорусском: adnу́, Новогр. (Клих); великорус: одными, Покров. (Отв. № 10); одны, Гдов. (Отв. № 11); одны, одных, одными, Новг. (Отв. № 20); одны́, одных, Вытег. (Отв. № 22); анны, анных, Остр. (Отв. № 33); одны, одны́х, Яранск. (Отв. № 59); одны, одных, Холмог. (Отв. № 50), Онеж. (Отв. № 41), Каргоп. (Отв. № 106), Малмыж. (Отв. 103); одны, Холмог. (Отв. № 54). Форма *оден* в им. ед. не известна в великорусском и белорусском, но сохраняется в украинском (где, кроме *оде́н, і̀ден* и *еден*).

8. СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Уже в общерусском праязыке сложное склонение прилагательных подверглось сильному влиянию со стороны местоимений. Старые формы сохранялись только во множественном числе, в творительном единственного и в дательном-творительном множественного,

т. е. там, где в окончаниях был звук *ы: новыхъ, новыми, новымь, новыма* и т. д., а также еще в именительном-винительном всех родов и чисел. Но одно время держались рядом с новыми формами, образованными по склонению местоимений, также и старые. Ясно сказалось это в некоторых дальнейших явлениях в родительном падеже женского рода: старое окончание *-ѣ̀ѣ* (*новѣ̀ѣ*) заменилось через *-ѣ̀і* диалектически (об этой замене скажу ниже); ср. отсюда диалектически *-ый,* например: *с святый*, Мосал. (Шахм.), а также *-эй*. Последнее изменение имело место в белорусском и южновеликорусском наречии. В слабоударенных словах-местоимениях *тъ, одинъ,* когда они стояли под сильным ударением: итак, род. *тый, одный* заменялись через *тэй, однэй,* отсюда *-эй* передавалось и в дательный, и местный женского рода, а также и в творительный: *тэй, однэй,*— переходя отсюда и в прилагательные (примеры в фонетике). Фонетически *-ыѣ* переходило в *-ыи;* отсюда в разных говорах в результате диссимиляции, с одной стороны, *-ыё,* а с другой *-ыя:* белорус.— мимо поповыя нивки, Быхов. (Ром., III, 416); великорус.— от добрыё сестры, Орл.-Вят. (Отв. № 42); у которой избы-то, у старыя или у новыя, Буйск. (Отв. № 18), и др. По-видимому, упорно держалось *-ѣмь* в местном единственного мужеского и среднего рода: *новѣмь*. По-видимому, это окончание поддерживалось влиянием конечного *ѣ* в именах, ср. *въ новѣмь городѣ*. В местоимениях окончание *-ѣмь* было известно в творительном падеже, между тем как в местном было *-омь;* отсюда новообразование *въ новомь городѣ*. Но форма *новѣмь* вследствие влияния местоименного склонения получала значение также и творительного единственного, а это повело к диалектическому, весьма, однако, распространённому совпадению окончаний творительного и местного единственного. Когда *-ѣмь* было вытеснено через *-ымь,* в творительном и местном единственного оказалось одно общее окончание *-ым*. Отсюда столь упорное в диалектах совпадение творительного и местного единственного в одном окончании *-ым*. Уже в старинном языке отмечу: в Полоцкимъ повѣтѣ, Гр. 1507 (А.Ю.З.Р., I, № 42); оу высокимь городе, Увар. сп. Лит. лет. Ср. в современ. великорус. диалект.: на худым, в большым, во фторы́м, на вараным кане; отсюда и в местоимениях: в ним,— а с другой стороны: в тым, в тем, в однем, на другем. Приведу примеры: в больши́м городи, Остр. (Отв. № 33); на высоким, Гдов. (Отв. № 11); в прошлым году, в большым, Великолуц. (Отв. № 45); в прикрасным саду, Котельн. (Отв. № 46); в зеленым саду, Буин.-

Симб. (Отв. № 57); на худы́м, на дурны́м, на больны́м, Зубцов. (Отв. № 60); в галубым платьи, Карсун. (Отв. № 67); на худым конце, в таким случае, Новосил. (Отв. № 77); на дурным месте, Мышк. (Отв. № 78); на высоким дереве, на другим месте, Меленк. (Отв. № 247); в большим селе, Малмыж. (Отв. № 105); на другым бирегу, Белоз. (Отв. № 166); в чужим, Ирбит. (Отв. № 204); в синим армяке, Влад. (Обл. сл., 15); в белым шо́лковым платке, Яросл. (Тихвинский); ф старым доми, во фторым окне, в русским платьји, Казан. (Будде); на барским дворе, Казан. (Будде в Сборн. в ч. Фортунатова); на вараным кане, в шестым гаду, в худым мести, Терск.-Моздок. (Караулов). В местоимениях: в ним, Алатыр. (Отв. № 32); в тым, Великолуц. (Отв. № 45), Котельн. (Отв. № 46); о всим, Остр. (А.Г.О.). Окончание *-ем* в местоимениях: ф тем доме, Самар. (Отв. № 40); в тем кливе, Карсун. (Отв. № 67); в тем, Ирбит. (Отв. № 204); в тем доме, Малмыж. (Отв. № 103). То же в белорусском: на сивым конику, Могил. (Отв. № 4), Дисн. (Отв. № 6), Пинск. (Отв. № 1); на чужым двару, Минск. (Отв. № 7); у золотым кресли, Быхов. (Ром., III, 215); также: аб адным кане, Минск. (Отв. № 7); о маим, Свенц. (Отв. № 13); у другим месци, Рогач. (Ром., III, 185). То же диалектически и в украинском, например: лемк. местн. ед.— добрым, великым, синим (Верхр.). С течением времени исчезло совсем окончание *-ѣм* в местном единственного в русском, белорусском, украинском языках, а также окончания женского рода *-ѣй* в дательном и местном. Предложенное объяснение находит себе подтверждение и в том, что диалектически является *-ом* в творительном единственного: чередование *новом, новѣм* и *новым* в местном единственного имело следствием появление *новѣм, новым* и также *новом* в творительном, ср.: с добром отцом, с белом лицом, Белоз. (Отв. № 162). Сюда, думаю, не относятся формы, как: за молодом Іванушком Годиновичем, Кирша Дан., 59; со молодом Иваном Годиновичем, ib., 60, и др., о которых мы говорили выше: они являются в определенных формулах и должны быть поэтому признаны старыми формами.

Скажу несколько слов об окончаниях. В им.-вин. мн. всех трех родов господствующим являются окончания *-ые*; по происхождению это формы вин. мн. мужеского и женского рода. Приведу примеры: рыбные ловища, Дв. гр. 1527 (Собр. Бел., № 5); всякие ловища, Дв. гр. 1535 (Собр. Бел., № 8); оурочнъые лѣта, Гр. 1447 (С.М., № 40); которъые, Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 37); лѣ-

шебнъые лѣсъı, Дв. гр. XV в., № 104; безбожнъые же сн҃ове измаилови, Лавр.; русскъые кнѧзи, русскиѣ сторожеве, ib.; манастъırские люди, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); с тѣми селъı которъıѣ тѧгли, Дух. 1389, № 34; а которѧѧ места слободьскиѣ, ib.; ратнъıѣ воеводъı и дѣти бо҃рьскиѣ и всѧкїѣ ѥздоки, Гр. 1472 (С. М., № 54). Ср. в современном языке: новые, добрые, Моск.; черные грибы, лутчие места, Дмитров. (В. Черныш.); злые, добрые, Холмог. (Отв. № 50); белые коровы, Тотем. (Отв. № 192). В северновеликорусском наречии вместо *-ые* нередко *-ыё* и *-ыя; jo* и *ja* являются фонетическим изменением звука *je* в конце слова — диссимиляция (см. фонетику). Так, находим: белыё коровы, Тотем. (Отв. № 192); темныё ночи, Тотем. (Отв. № 196а); злыё люди, белыё коровы, сильныё ветры, топкиё болота, сырыё места, Великоуст. (Отв. № 199); злыё собаки, Орл.-Вят. (Отв. № 63); деревянныё крыши, Слобод. (Отв. № 222); ясныё дни, Нолин. (Отв. № 68), Рядом: злыя люди, ясныя дни, сильныя лошади, Великоуст. (Отв. № 195), Кологр. (Отв. № 61); новыя ворота, сырыя места, Слобод. (Отв. № 222); белыя руки, белыя гуси, Чухлом. (Отв. № 62); злыя, красныя, Холмог. (Отв. № 50); сюда же относится *-ыя, -ия* в южновеликорусском наречии: чужыя, Дон. (Калмыков); сухия, Богородск. (Черныш.) и т. д. Фонетически вместо *-ые* ждем *-ыи,* которое и находим во многих говорах; замена через *-ые* нефонетическая, под влиянием *е* из *ѣ* в *те, мое, оне, одне;* ср. *-ыи, -ии:* синии, Дон. (Калмыков); желтыи нивы, узкии окны, Великоуст. (Отв. № 45); разныи, Дмитров. (Черныш.); хорошии, Богородск. (Черныш.); белыи овечки, Орл.-Вят. (Отв. № 63); тонкии жерди, Слобод. (Отв. № 222); сухии ветки, какии дела, Брянск. (Отв. № 259). Ср. в южновеликорусском в слогах неударяемых другую диссимиляцию: *-ыи* заменяется через *-аи:* до́браи люди, Мещов. (Черныш.); то́пкаи бало́ты, Брянск. (Отв. № 259). Впрочем, *-ыи* в именительном множественного могло возникать и иным путем (см. ниже). Окончание *-ые,* несомненно, старое окончание вин. мн.; но *-ие* в случаях, как *синие* [отсюда *синие нитки,* Орл.-Вят. (Отв. № 63)], представляет соединение старого окончания вин. мн. *синѣ* с окончанием им. мн. *синии.* Такую же контаминацию обнаруживают нижеследующие формы из древнего языка: в книги данстие (А. Калач., I, № 31, где *т* из формы им. мн. мужеского рода *даньстии*); рустии сн҃ъı, Лавр.; первие, Лавр.; собрашаѧ лучьшие люди, Лавр. В древнем языке, а частью и в современном находим указание и на обобщение окончания им. мн. мужеского рода для

всех родов: шляхетнии листове, Гал. гр. 1421 (при: инъıѣ листъı судовъıѣ — в вин. мн.); современ.— пьянии, они голоннии, Мышк. (Отв. № 78), где сказалось влияние *пьяни, голодни*. Но особенно обычно и в древнем, и в современном языке окончание *-ыи* для им.-вин. мн. всех родов; мы видели, что частью оно заменяло *-ые* фонетически, но частью под влиянием *-и* в им. мн. таких случаев, как *ради, виновати,* и в особенности местоимений *ти, они, мои, вси* и т. д. Приведу примеры из древнего языка: добръıи, Гр. 1529 (Собр. Бел., № 43); за малъıи селца, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); во wколнъıи села, ib.; никоторъıи дѣла, Гр. 1425—1462 (С. М., № 34); ни в какии проторъı, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 31); т̄ поути горнии (вин. мн.), Гр. ок. 1301 (Р. Л. А.); всѧкъıи оугодьı, Дв. гр. XV в., № 105; рыбнъıи ловища, ib.; орамъıи земли, вин. мн., Дв. гр. XV в., № 1, 7; горнии земли, Дв. гр. XV в., № 8; никольскии (им. мн.), Дв. гр. XV в., № 1, 2; бобровъıи ловища, ib.; № 103; ѥренскии озора, ib.; № 111; волости новгороськъıи, Новг. гр. 1305—1308, № 6; дроугъıи т̄ (вин. мн.), Новг. гр. 1314, № 12; люди ратнъıи, Виленск. сп. Лит. лет.; князи и бояре литовьскъıи, ib.; никоторъıи дѣла, Гр. 1425—1462 (С. М., № 34); села боярьскии, Моск. Догов. 1428, № 43; новыи людие, Тр. сп. Новг. 1-й, 56б; заднѣпрескъıи кнѧзи, им. мн., Ипат., 290а; воеводъı лѧдьскъıи, ib., 307б; боѧре галичьскъıи и володимерьстии, ib., 245б; грамотъı дерноватъıи (вин. мн.), Новг. гр. 1372, № 13; гвозди желѣзнъıи (вин. мн.), Лавр.; кнѧзи изьимахо^{м} лѣпшии, Лавр. и т. д.

В винительном падеже женского рода вместо окончания *-ую* рано является *-ою; -ою* вместо *-ую* под влиянием *-оѣ* вместо *-ыѣ, -ои* вместо *-ѣи,* а также случаев, как *мою, кою*. Приведу примеры из древнего языка: в жизнь вѣчною, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 169а; нпороцьною влдчцоу, Минея 1095 г., № 194, 65в; въ моукоу въ негоньзьною, Сборн. 1073, 44с; дроугѫ̄ десѧтиноу, ib., 88д; въ второю и въ третиѫ̄, ib.; кнгиню киръ Михаиловою, Новгросс. сп. Новг. 4-й, 285б; третьею часть, ib.; 289б; золотопечатьною грамотѫ̄, ib., 564а; третьею, ib., 643а; льсть еретичьскою, Минея XII в., № 221, 45а; вселеною всю, ib., 98а; залѣшею землю, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); великою дорогу, Гр. 1483 (А. Ю. З. Р., I, № 31); купчею, Гр. 1683 (А. Калач., II, 667); нѣгобужскою дуброву, которою дорогу, нынѣшнею новою дорогу, Гр. 1677 (А. Калач., I, 309); на тое мое вкладною, въ монастърьскою вотчину, подлинною вкладною запись (А. Калач., I, 457);

всякою мелкою скотину, Гр. 1688 (А. Калач., I, 536); домовою посуду, Гр. 1687 (А. Калач., II, 515); Литовскою землю, Увар. сп. Лит. лет.; поставиша третьєю цр҃квъ, Лет. Авр.; страсть такою, Лавр., 56; сестру свою двоюродною (А. Калач., I, 486); чьстьною кръвь, Пост. Ильи Новг. (Кормч. 1282, Р. И. Б., VI, 78). В современном языке находим, например, в северновеликорусском: красною девку, Слобод. (Отв. № 48); новою, красною, тёплою, Волог. (Отв. № 82). Под ударением я примеров не знаю; это наводит меня на мысль, что в значительном числе случаев современное *-ою* вместо *-ую* обязано диссимиляции и новому влиянию на форму винительного падежа форм других падежей с *а, о (добрая, доброй);* для южновеликорусского такая диссимиляция должна быть принята во всяком случае; ср. *кра́снаю,* но *худу́ю,* Брянск. (Отв. № 259); *бе́лаю,* но *злу́я,* Обоян. (Резанов). Приведу еще примеры: до́браю, ря́баю, Грайвор. (Отв. № 279); хорошою дорогу, Холмск. (Отв. № 54); добраю женщину, Мещов. (Черныш.); краснаю рубаху, синяю шубку, Влад. (Бодров, Обл. сл., 15); также в белорусском: мо́краю, цёплаю, Свенц. (Отв. № 13); мокраю, цёплаю, синяю, Пинск. (Отв. № 5). Полную аналогию с появлением *-ою* вместо *-ую* в древнем языке под влиянием окончания род. *-оть* представляет появление *-ыю* вместо *-ую,* диалектически в северновеликорусском под влиянием окончания родительного *-ыть:* красныю девку, белыю корову, на большыю дорогу, Котельн. (Отв. № 46); ср. там же: род.— старыё чашки[1].

О появлении в родительном женского рода *-ой* вместо *-оть,* в творительном *-ой* вместо *-ою* скажу ниже, в отделах великорусском и белорусском[2]. Это нефонетическое сокращение окончаний не можем отнести к древнейшим эпохам ввиду отсутствия его в украинском (лемковские формы родительного, как *доброй, великой,* рассмотрим ниже в украинском отделе[3]). Равным образом к позднейшим явлениям относим формы множественного числа на *-ыих, -ым, -ыми* или на *-ыех, -ыем:* они возникли под влиянием формы именительного множественного числа и передавали свое *-ыи, -ые* также в творительный единственного.

Особого рассмотрения требует сложное склонение прилагательных с основой на старое *-ij* (*третии, божии, козии,* ср. лат.

---

[1] Далее со знаком № написано: *-уя* вместо *-ую.* (*Ред.*)

[2] Последний отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (*Ред.*)

[3] Этот отдел также не был обработан. (*Ред.*)

medius). Выше при образцах были рассмотрены формы именного склонения. В сложном склонении особую судьбу имела форма именительного падежа единственного числа: koz'ьjь — в именном, koz'ьjьjь — в сложном (точнее koz'ьi̯ — в именном и koz'ьjьi̯ — в сложном). Но сочетание *ьjь* (точнее *ъ̂jъ̂*) вследствие выпадения *j* (или *i̯*) между обоими *ъ̂* стянулось в одно *ь* (точнее *ъ̂*) еще в общеславянском праязыке: так явилось koz'ьi̯ в именительном падеже сложного склонения, т. е. форма, тождественная с формою именительного падежа склонения именного. Это уже в древнерусском языке повело к тому, что в именительном-винительном всех родов и чисел вместо форм сложного склонения стали употребляться формы склонения именного: вместо koz'jaja, koz'juju, koz'jeje, koz'jiji, koz'jѣjѣ и т. д. стали употреблять формы koz'ja, koz'ju, koz'je, koz'ji, koz'jѣ. Ср. современные великорусские *лисья, лисью, лисье, лисьи* в именительном-винительном падежах при *лисьего, лисьем* и т. д. в других падежах; в древнем языке: третьѧ, при: дроугая, Хожд. Афан. Ник., 373б; третье, Дух. 1328, № 22, осмничье, Дух. 1356, № 26; а третьѹ межа, Дв. гр. XV в., № 54; шюба бораньѹ, ib., № 116; шюбу боранью, ib., № 121. Необходимо отметить возможность новообразований в именительном единственного, поддерживавших старые формы и в других именительных и винительных падежах. Так, в Ипат. находим *рыбьии хвостъ* вместо *рыбии;* ср. также современ. *лисьёй, медвежьёй,* Устюжн. (Отв. № 28), с *-ой* вместо *-ей* под влиянием *доброй.* Примеры древних окончаний, как *божьюю, третьяя* в русских памятниках приведены выше при образцах.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕЛИКОРУССКИЙ ЯЗЫК

Как указано выше, ряд особенностей в области явлений морфологических объединил оба древние наречия, вошедшие друг с другом в ближайшее общение и образовавшие один общий язык — великорусский: говорим о севернорусском и восточнорусском наречиях. Объединившись в одних явлениях, оба наречия эти продолжали, однако, раздельную жизнь в других. В формах склонения видим в великорусском языке ряд новообразований, чуждых остальным — белорусскому и украинскому — языкам. Одни из них общи великорусскому языку во всем его составе; другие развились или только в северновеликорусском, или только в южновеликорусском наречии; наконец, третьи свойственны отдельным говорам северновеликорусским и южновеликорусским. Таким образом, нам придется ниже рассмотреть все эти диалектические явления, а пока остановимся на общих великорусских явлениях.

1. Звуки *ц, з, с,* находившиеся в древнем языке в чередовании с *к, г, х* в формах склонения, систематически заменены звуками мягкими средненебными *к', г'* (*γ'*), *х'*. Мы видели, что в общерусском праязыке подобная замена имела место в именах с основой на *-ск:* дъскѣ, Смольньскѣ.

В именах мужеского рода с основой на задненебную согласную находим уже в древнейшем языке перенесение окончания *-у* из основ на *-й,* что объясняется стремлением избежать в склонении чередования задненебных с *ц, з, с* (ср. выше). В вопросительном местоимении *кто* по той же причине *цѣмь* — твор. ед.— рано вытеснено было формой *кымь* (откуда *кимь*, например, Домостр. Конш., 9). Древнейшие примеры таких *к', г'* (*γ'*), *х'* в русских памятниках восходят к XIII в.: в лахѣхъ, Ипат., 66б; в баскакѣхъ, Ермол., 170 об.; приказщикѣ, Гр. 1441—1442 (А. Калач., I, № 31); озеркѣ, Гр. 1448—1468 (А. Калач., I, № 35); на Лю-

тохѣ, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); в Wнѣгѣ, на Маснегѣ, Гр. 1137 в сп. 1282 (Р. Д., I); слободкѣ, Гр. 1453 (А. Калач., I, № 31); по двѣ долгѣи, Новг. гр. 1305—1308, № 6; по двѣ дългѣи, Новг. 1305—1308, № 7; на городкѣ, Новг. гр. 1314, № 12; w сродніл̂кехъ Домостр. Конш., 11; не в толке стало, ib., 17; в догѣхъ, ib., 26; женки, дѣвки (дат.), ib., 26; в сѳндѳкѣхъ, ib., 31; собáкі (дат.), ib., 44; в сѳхе, ib., 55; въ сѣнникѣхъ, ib., 56; вь вѣликѣ полку, Ипат., 198г; w wтрокѣ, Тр. сп. Новг. 1-й, 25а; дроугіи (им. мн.), ib., 28г; по лоугѣ, Новг. 1-я (3-я часть), 128б; на боwни оулкѣ, ib., 152б; на доубенкѣ, ib., 156а; на Черехи, Новг. 1-я (Ком.), 439; на Вагѣ, ib., 449; на Лоугѣ, ib., 449; вл̂кѣ, ib., 490. Формы с *ц, з, с* держались, по-видимому, в XV—XVII вв.: бобровьници, Гр. 1423 (А. Калач., I, № 41); десятинници, Гр. 1462 (А. А. Э., I, № 71); на вразе, по вразе, Гр. 1395 (А. Калач., I, № 53); на Подолцѣ, Гр. 1391 (А. Калач., I, № 63); в Прилуцѣ, Гр. 1434—1447 (А. Калач., I, № 31); в Бѣжицьском Версѣ, Гр. 1447—1456 (ib.); Волоцѣ, Гр. 1462—1464 (ib.); в приказницѣ, Гр. 1462—1472 (ib.); приказницѣх, Гр. 1471 (ib.); дензѣ (дат.), Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 31); рецѣ (местн.), Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); в Волзѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); оу Вѣкшензѣ, Пинéзѣ. Гр. 1137 в сп. 1282 (Р. Д., I); в пурозехъ, Домостр. Конш., 43; на Волзѣ, Новг. гр. 1314, № 12; на городцѣ, Новг. гр. 1317, № 14; в каки^{x} приспѣсехъ, Домостр. Конш., 32; в сѳсе (вариант: в сухе), ib., 53; на Молозѣ, Новг. 1-я (Ком.), 448. В настоящее время они исчезли совсем: *руке, в сапоге, в горохе, в боге, мухе, на дороге*. Державшиеся некоторое время формы именительного множественного имен со значением одушевленных на *-ци, -зи, -си* (вообще же именительный множественного, как мы знаем, заменялся винительным множественного) могли вызывать в косвенных падежах множественного числа новообразования, в которых были проведены звуки *ц, з, с;* ср. оувѣдав же wтвазии, Ипат., 279б; Грѣцемь (дат. мн.), ib., 15б; съ Греці, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 595б; с па^{л}wци, ib., 585а. Сюда же относится песенное „во лузях“. (*Вкратце* — форма книжная; старое — *у худа ума не болозе ногамъ,* Послов. XVII в., Симони, 149.)

2. В древнейшую эпоху жизни русского языка нельзя проследить влияния окончаний основ мужеского, среднего и женского рода с твердой согласной на окончания основ с мягкой согласной. Это зависело от того, что падежные окончания в тех и других

основах были различны. Общим было только окончание род. ед. *-a* (s'öła, pol'a), дат., твор., местн. женского *-amъ, -am'i, -axъ;* ср. в дат. *-u* при *-ŭ,* местн. *-ъ* при *-i,* твор. *-o* при *-e,* вин. мн. *-y* при *-ъ*, род. женского то же, дат. мн. *-o* при *-ŏ* и т. д. С течением времени, однако, число общих окончаний прибавилось: это зависело от фонетического перехода *ŏ* в *o, ŭ* в *u*: s'ołu, pol'ú, stołom — m'ečom, popov — rubl'ov и т. д.; при этом *-emь* в творительном мужеского и среднего вследствие падения глухих перешло в *-em,* откуда *-öm:* korol'öm вместо korol'em'ь; отсюда дальше *-om:* korol'om. Следствием этого было общее перенесение окончаний твердых основ в мягкие основы; звуки *e, i* в окончаниях мягких основ были систематически вытеснены звуками *o, ъ* из соответствующих окончаний твердых основ; точно так же звук *ъ* в мягких основах вытеснен звуком *y* соответствующего окончания твердых основ, который, однако, после мягкой согласной стал произноситься, как *i*: z'eml'eju под влиянием zołoju перешло в z'eml'oju; z'eml'i (дат.-местн.) — в z'eml'ѣ; kl'ŭčix (местн. мн.) — в kl'učѣx; z'eml'ѣ (род. ед.) — в z'eml'i; z'eml'ѣ (им.-вин. мн.) — в z'eml'i. Таким образом, исчезло старое различие в склонении твердых и мягких основ; последние отличаются от первых только тем, что вместо окончаний *-y* твердых основ представляют *-i:* gorý, gòry, stołỳ (им.-вин. мн.), stoły (твор. мн.) при zèml'ì, z'èml'i, kl'učí, kl'učí. Древнейшие примеры подобных новообразований в русских памятниках восходят к XIV в. Оставляю в стороне написания с *-ovъ, -omъ* (твор.), *-omь* (дат. мн.) в основах на мягкую согласную, ибо *o* объясняется здесь из *ŏ* фонетически. Приведу примеры для *o, ъ, i* в соответствии с исконными *e, i, ъ* в окончаниях мягких основ: в Переяславлѣ, Гр. 1425—1428 (А. Калач., I, № 34), 1453 (А. Калач., I, № 31); в рублѣ, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84); о розбое, Гр. 1462—1463 (А. Калач., I, № 31); в раменеицѣ, Гр. 1442—1443 (А. Калач., I, № 30); в монастырѣ, Гр. 1428—1436 (Г. Др., I, р., IV, № 4); в Суждалѣ, Гр. 1399 (ib., № 3); новгородце[x], новоторжче[x], Новг. гр. 1426—1461, № 18; земли (вин. мн.), Гр. 1391—1425 (А. Калач., I., № 31); в деревни, Гр. 1434—1447 (ib.); варници (род. ед.), Гр. 1391 (А. Калач., I, № 63); троци, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31); княгини, Гр. 1441—1442 (ib.); земли, Новг. гр. 1426—1461, № 18; землѣ (местн. ед.), Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); дшѣ (дат.), ib.; троицѣ, ib.; в деревнѣ (местн.), Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31); въ Порозовицѣ, Гр. 1471 (ib.); на Талице. Гр. 1490

(А. Калач., II, № 156); деревнѣ (дат.), Гр. 1490 (ib.); дадѣ (дат.), Гр. 1362—1374 (Г. Др., I, р. IV, № 1); братьѣ, братьѭ (дат.), Дух. Климента до 1270; w ѿцѣхъ, Домостр. Конш., 11; пьаніцы, хищницы (им. мн.), Домостр. Конш., 12; в обычеехъ, ib., 22, на сóнцѣ, ib., 61; в бережéнье, ib.; в монастырѣхъ, Отв. митр. Иоан. 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4); в силцѣ (вариант: сильць, ib.), Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 47); водици (род. ед.) родоу (дат.) и рожаницѣ, Вопр. Кир. (ib., 37, 31); до обѣдни, ib., 39, нѣтоу опитемьи, ib., 43; наложници водать ѥвѣ, ib., 41; въ полѣ, Сл. о п. Иг., 8; въ гридницѣ Святъславли, ib., 22, на полѣ незнаемѣ, ib., 29, обѣсися синѣ мьглѣ, ib., 35; на синѣ морѣ, ib., 38; ѣі векше, Русск. Пр. (Р. Д., I, 30); wвци (вин. мн.), Русск. Пр., ib., 37; въ малѣ таѭе, ib., 41; по ноуже, ib., 41; плавать по рекѣ в божье рукѣ, Послов. XVII в. (Симони, 132); на плечехъ, ib., 158; на краѣхъ, Радзив. лет., 32 об. В современном языке: землёю, душою, земле, земли, в ключе, ключи, ножы. Единичная форма двойственного числа *бры́ле* вместо *брыли*. Как увидим, в словах мужеского рода окончание именительного множественного *-ы* имело при себе в родительном множественного *-ов*, а окончание *-и* имело *-ей*: *столов*, но *ножей, ключей*. Это зависело от того, что это окончание *-и* ассоциировалось с окончанием именительного множественного *-и* основ на *-ĭ* (*гости, люди*). Таким образом, во множественном числе мужеского рода благодаря влиянию указанных основ поддерживалось различие между склонением твердых и мягких основ.

Такое же перенесение твердых основ в мягкие имело место в склонении местоимений и прилагательных. Вместо древнего *чим* в твор. ед. явилось *чем*: *чѣмъ*, Гр. 1441—1442 (А. Калач., I, № 31), 1447—1456 (ib.), 1462—1463 (ib.); *съ чѣмъ*, Гр. 1453 (ib.); *ничѣмъ*, приписка к Гр. 1462—1472 (ib.) и т. д. Вместо *ким* (из *кым*) явилось *кем*: *с кѣмъ*, Домостр. Конш., 6.

В прилагательных вместо окончаний *-ей* в им. ед., *-еѣ* и *-ей* в род. женского, *-еи* в дат. и местн., *-ее* в им.-вин. среднего систематически явились *-ой, -ое, -ой, -ое*. Ср. современные московские (под ударением): чужой, меньшой, большой; в севернорусском и в неударяемых слогах: синёй, свежой, хорошой и т. д. Отсюда следует, что современ. моск. синяй, свежая, хорошая восходят к формам с *-ой*; ср. синёй, Устюжн. (Отв. № 28); охочой, Послов. XVII в. (Симони, 130); пешои, ib., 131. В стороне от такого влияния остались старые основы на *-i/o*: сам третéй, не *третéй*; ср.

особенное склонение таких основ: третья, третью (не *третяя, третюю*); ср. Соликам.: через два в третéй, лисей, соболей, но: сúнёй (Луканин, Арх. II Отд.). Однако в новообразованиях проникает *-ой* и в эти прилагательные: лисьёй, медвежьёй, Устюжн. (Отв. № 28).

В указательном местоимении *сей* держится *-ей,* ср. особенно формы женского и среднего рода; также в *чей (чия, чиё);* о прилагательных *моёй* вместо *моей* см. ниже. Отмечу, однако: передъ стрѣмь своємь, Новг. 1-я (3-я ч.), 148б.

3. К общим великорусским явлениям относится полная утрата старых форм двойственного числа в именах женского и среднего рода; слабые остатки в единичных словах (как *брыле*) отмечены при соответствующих парадигмах. Ср. великорусское *две сестры́, два весла́,* между тем как в украинском возможны и *дві сестрі, дві веслі,* в белорусском *дзве хаце.* Напротив, формы именительного-винительного мужеского рода продолжали сохраняться, и притом в двояком употреблении: во-первых, в положении после числительного *два* (а под его влиянием также и после числительных *три, четыре*): *два попа́, три старика́, четыре клина.* Впрочем, как мы видели, эти формы двойственного числа приняли облик родительного падежа там, где форма родительного падежа отличалась от формы именительного-винительного двойственного (вследствие подвижности ударения в соответствующем слове); ср. *два го́рода, два во́лоса, два во́за* вместо первоначальных *два города́, волоса́, воза́.* Древнее место ударения сохраняется только в некоторых словах, особенно часто по своему значению сочетающихся с числительными, при счете: *два шага́, два ряда́* (ср. родительный *ша́га, ря́да*), *два раза́* (но и: *два ра́за*). Во-вторых, в положении не после числительных; формы двойственного числа получили при этом значение множественного числа. По-видимому, однако, такие формы извлечены были из соединения с числительными (не только с *два,* но, как указано, и с *три, четыре*); это видно из того, что по общему правилу в великорусском языке сохранились со значением множественного числа только те формы двойственного числа, которые по месту ударения отличались от родительного единственного (ср. *дома́, голоса́, города́,* но род.: *до́ма, го́лоса, го́рода*). Мы только что упоминали о том, что старые формы двойственного, как например *города́, голоса́,* заменялись в положении после числительных формами родительного падежа. Но до такой замены, раньше, чем она наступила, *города́, голоса́,* употребленные без числительных, получили значение мно-

жественного числа, причем, однако, формы двойственного числа, по ударению совпадавшие с формами родительного падежа, такого значения не могли получить по тому самому, что в положении после числительных эти формы были отождествлены с родительным падежом единственного числа. Итак, различаю три момента: 1) *два брата́, два города́* со значением двойственного числа; 2) *два бра́та* (род. пад.), *два города́;* 3) *два бра́та* (род. пад.), *два го́рода* (род. пад.). Извлечение *города́* со значением множественного числа произошло во второй момент. Причина, почему *города́* могло означать именно множественное число, заключается в употреблении этой формы после числительных *два, три, четыре*. По-видимому, отдельно развилось значение множественности у слов, означающих парные предметы: *глаза́, рога́* (с древним местом ударения); хотя утрата значения парности и приобретение значения множественности зависело от того, что и после *три, четыре* употреблялись те же формы. На то, что парные предметы должны быть рассматриваемы все-таки отдельно, видим указания, во-первых, в слове *рукава́,* которое известно в самостоятельном употреблении, несмотря на тождественность ударения с формой родительного падежа; во-вторых, в том, что и белорусский, и украинский языки, не знающие окончания *-а* во множественном, в парных предметах могут его иметь, ср. укр.— *повода́, ву́са!* (с новым ударением), *рука́ва* (с новым ударением). Итак, слова мужеского рода с подвижным ударением древнюю форму двойственного числа обратили в форму множественного. Приведу примеры из древнего языка: добрые жорнова, Послов. XVII в. (Симони, 96); простите нас, леса темныя, Пов. Азов. сид. Унд. № 794 (Орлов, 114); въ новыя мѣсяца, Стогл. (Казанск. изд., 400). Из современного языка приведу: моск. и литературные — паруса́, города, дома́, голоса́, повара́, года́, века́, воза́, полога́, луга́, ветра, жернова́, бега́, цвета́ и т. д. Отмечу в диалектах: у него плохо мозга́ работают, Глазов. (Отв. № 7); куста́ (очевидно, в род. *ку́ста*), приговора́, Кадник. (Отв. № 25); хлева́, труда (в род., значит, *хле́ва, тру́да*), моста́, повода́, месеца́, дьякана́, далее — ячменя́ (старая основа на согласную), жернова́, борова́, Устюжн. (Отв. № 28); дьявола́, дьякона́, потроха, приговора́, Вытег. (Отв. № 22); моста́, Орл.-Вят.; витяра́, Щигр. (Р. Ф. В., 1880, № 3); луга, ва иныя гарада́, мисица́, Обоян. (Резанов). В некоторых только случаях видим нарушение указанных отношений, а именно совпадение формы именительного множественного на *-а* с формой

родительного: песка́, овса́, льна́, Устюжн. (Отв. № 28); все дарошки, все лушка, Щигр. (Р. Ф. В., 1880, № 3). Старые формы на *-ы* продолжают свое существование, сохраняясь иногда как параллельные образования; например, литературные — *возы́, сады́, го́ды* при *года́, ве́тры* при *ветра́* (ударение *го́ды, ве́тры,* вероятно, книжное, церковнославянское), иногда же только диалектически — *ветры́* при *ветра́,* Устюжн. (Отв. № 28); там же: *пески́, овсы́, льны́* при *песка́, овса́, льна́.* Но многие слова не получили вообще возможности образовать множественное на *-а,* несмотря на подвижность их ударения. Сюда относятся, например, слова: *полы́, пиры́, долги́, сады́, ряды́, шаги́, разы́, пары́, носы́, лады́, ары́, торги́, сыры́, валы́, меды́,* литературные — *мозги́, кормы́, переды́, зады́, верхи́* и т. д. Причины, почему от этих слов не образуется именительный множественного на *-а,* различные: частью множественное число искусственно и редко *(носы́),* частью — и это главная причина — при множественном возможно единственное число, но недопустимо употребление слова после числительных. А мы знаем, что формы на *-а* развивались именно после числительных: *плоды — плод* (но не *два плода*), *дары — дар* (но не *два да́ра*), *мозги — мозг* (но не *два мозга*), *меды — мед* (но не *два меда*), *кормы — корм* (но не *два корма*), *лады — лад* (но не *два лада*), *полы — пол* (но не *два пола*). Частью форма на *-а́* до сих пор сохранилась после числительных: *шаги́* (потому что *два шага́*), *ряды́* (потому что *два ряда́*), *разы́* (потому что *два раза́*); частью в единственном и после числительных употребляются иные основы, чем во множественном: *цветы* (потому что *цветок, два цветка́*), *переды́ (передок, два передка́).* Диалектически находим: ветры́, Устюжн. (Отв. № 28); погребы́, Остр. (Отв. № 33); поясы́, ib.; в писари́, Мещов. (Черныш.); домы́, пруты́, ib.; гробы́, Кинеш. (Отв. № 250); снеги́, ib.; дамы́, луги́, паясы́, Грайвор. (Отв. № 279); луги́, Брян. (Отв. № 259); лясы́, дамы́, Обоян. (Резанов); луги́, патрахи́, варахи́, акараки, Жиздр. (А. Никольский); луhи, Мосал. (Шахм.); на ўси боки́, ib.; домы́, ib.; за поводы́, ib.; поясы́, Жиздр. (Шахм.),— и так преимущественно в южновеликорусском наречии.

4. Общерусский праязык получил ряд собирательных слов женского рода на *-а,* например *господа́,* и на *-ья,* например *братья, княжья, дружья.* Ср.: и изъбрашася 3 братья с родъı своими, Лавр.; аже паробъка господа важють, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 46); ѿ господъı, Русск. Пр. (Р. Д., I, 41). (Сопоставьте др.-польск. bracia, księża, которые изменялись в единст-

венном числе, а теперь имеют: w braciach, księżom, brac'mi, но szlachta (единственного числа и теперь). Еще: братьıи русции, Ипат., 104г; братьıи наша исѣченѣ суть, Ипат., 53б; w всемı кнажьıи, ib., 18в; сѣдаху кнажьıи, ib., 12б (позже исправлено *ж* в *з*); да господа моя приказщики, Волокол. Духовн. 1558 (Сборн. Лихачева, 35); у отца нашего и у дѣдьи у Яфимья и у Никлюда въ закладѣ, 1570 (Акты Холмог., № 11); наши братіа, Новг. дог. 1456 (XVI в., А. А. Э., I, № 58); отъ отца дѣтемъ или отъ тестя затіи или от братіи братіи, Стогл. (Казанск. изд., 413); и ина шурья даша ему многъı дары, Пов. о Девг. (Пыпин, Очерк, 86); своıи шоурьи, Лет. Авр. (Карский); гдо братьıе — зват., Новг. 1-я Ком., 360. В синтаксическом употреблении эти слова, как видно из приведенных примеров, сходствовали с формами множественного числа. Это имело следствием чередование их с формами множественного числа соответствующих имен несобирательных; вместо *братья* употреблялось *брати* и обратно: *была суть 3 братья Кий, Щекъ, Хоривъ,* Лавр. Это повлияло на самую форму некоторых из собирательных имен, а также и на их значение: утратив склонение, перестав изменяться по падежам в единственном числе, эти собирательные получали с течением времени значение именительного множественного и в дальнейшем, не образуя самостоятельных форм множественного числа, соединялись с формами множественного числа соответствующих имен несобирательных. Слово *братья* под церковным влиянием сохранило свое древнее склонение, хотя и получило при этом особенное значение (монастырской братии), но, например, *господа, княжья, дружья, дядья* и т. д. утратили свое древнее склонение и получили значение именительного множественного. Ср. такие образования в значении звательного падежа множественного: браıи и дружино, Ипат., 162а; wдайте братьıи моıи, Дв. гр. XV в., № 11 (*братьıи* еще согласовано с *моıи*); господа, отци и братья, Лавр., 464; и вы гда исправливающе чтите, Прол. 1383 (Собол., Очерки, 127). Слова *княжья, дружья* под влиянием именительного множественного *князи, друзи* изменились даже в *князья, друзья:* кньıи, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 46а. Приведу примеры, где старые собирательные имена выступают в функции именительного множественного[1].

---

[1] Далее в рукописи „В древнем языке", но примеры не приведены. (*Ред.*)

В современном великорусском: *брат — братья, друг — друзья, князь — князья, дядя — дядья, зять — зятья, сват — сватья, шурин — шурья. Сватья́:* Покров. (Отв. № 10), Макар. (Отв. № 56), Карсун. (Отв. 67); *зятья́:* Новосил. (Отв. № 77). Под влиянием этого и *братья́:* Новг. (Отв. № 20), Онеж. (Отв. № 41), Холмог. (Отв. № 51). В старшем языке эти и подобные им слова, как указано, не имели самостоятельного склонения: родительный от *братья* было *братовъ,* дат. *братомъ;* от *князья — князей, княземъ;* от *друзья — друговъ, другомъ* (или новообразования под влиянием *друзи: друзей, друземъ;* ср. *черти, чертемъ*) и т. д. Ср. и в современном языке формы род. *друзей, князей, зятей* (примеры у В. Чернышева „Правильность и чистота русской речи", 58). Но с течением времени именительные множественного на *-ья* получили при себе в склонении новообразования: вместо **друзём,* откуда, после замены *-ом* через *-ам, друзям,* явилось *друзьям,* вместо **друзёх — друзьях;* ср. также *дружьям,* Обоян. (Резанов); ср. *ва́ лузьях,* Тульск. (Благовещенский, Р. Ф. В., 1880): в основании новообразований положена, очевидно, самая форма именительного множественного. Так же *братьям, братьях, зятьям, зятьями.* Уже эти падежные формы вызывали новообразования и в родительном множественного, причем, однако, старые формы, как мы видели (формы на *-ей*), далеко не вытеснены: *соловьям, ульям, воробьях,* имевшие при себе *соловьёв, воробьёв, ульев,* вызывали при *зятьям, братьям, дядьям — зятьёв, братьев, дядьёв.* Ср. в современном языке: дружьев, зятьев, Жиздр. (А. Никольский); друзьев, Сольвыч. (Отв. № 193). У Ломоносова (Грамматика, 199) еще: братей, сватовей, кумовей. Так же явились: *господам, господ* и т. д.; ср. господамъ своимъ, Волокол. Духовн. 1558 (Сборн. Лихачева, 35). *Стóрожа* заменено через *сторожа́* под влиянием *сторожéй.*

Под влиянием чередования *друзи — друзья́, князи — князья́* окончание *-ья* могло являться и при других именительных множественного мужеского рода от слов со значением имен одушевленных. Так, при *мужи,* естественно, являлось *мужья* (род.— *мужей*) и *мужьёв,* Жиздр. (А. Никольский); при древнем **сыни* являлось *сынья́,* Дон. (Калмыков), Мосал. (Шахм.); *зверья,* Обоян. (Резанов). Равным образом при окончании *-ови, -еви,* заменившем, по-видимому, систематически исконное *-ове, -еве* (см. выше), явилось *-овья́, -евья́:* моск.— кумовья, сыновья, зятевья; братовья́ (род.— братовей), Буинск. (Отв. № 18), Никол. (Отв. № 266);

братовья́, Нолин. (Отв. № 51), Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); сватовья́, Устюжн. (Отв. № 28), Онеж. (Отв. № 41), Нолин. (Отв. № 51), Кинеш. (Отв. № 66), Слобод. (Отв. № 141); зятевья́, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.), Никол. (Отв. № 266); затёвья́, Мышк. (Отв. № 78); мужевья́ (род.— мужевей), Никол. (Отв. № 266). Под влиянием этих *-овья, -евья* являются дальше: дружовья, Кирилл. (Отв. № 170); дружевья, Кинеш. (Отв. № 66); друзевья́, Кинеш. (Отв. № 66), Костром. (Отв. № 264). Ср. кумовя (им. мн.), 1561 (Акты Устюжн., № VII).

5. Из предыдущего видно, что в великорусском языке образовалось особое окончание именительного множественного числа для слов со значением одушевленных. Другим таким окончанием стало *-а*. Возможно, что на появление этого *-а* повлияли старые собирательные, как *латина*. Но более вероятно предположить, что *-а* восходит к старому окончанию *-е*. Конечное *-е* в великорусском (и притом во всем его составе) перешло в *-а* со смягчением предшествующей согласной: *крестьяне, бояре, татаре* фонетически перешли в *крестьяня, бояря, татаря, сынове* в *сыновя* (примеры даны в фонетике). Таким образом, после замены старых окончаний дат., твор., местн. мн. новыми *-ам, -ами, -ах* при *крестьяня, бояря, сыновя* эти падежи звучали: *крестьянам, боярами, сыновах*. Это послужило причиной отвердения согласной и в именительном множественного, где поэтому явились формы *крестьяна, бояра, сынова* (а при *сынова́м*, которое едва ли не под влиянием *сыновьям*, — *сынова́*). Ср. такие формы в древнем языке: псъı бесермена, Хожд. Афан. Ник. XV в., 374а; ни хр҃тіане ни бесерьмена, ib., 374а; все православнъıе крестьяна, Пов. Азов. сид. (Орлов, 148); кехтяна, 1590 (Акты Холмог., № LVIII, 14). В современном: крестьяна, Петроз. (Отв. № 13), Буйск. (Отв. № 18), Новг. (Отв. № 20); хресьяна, Вытег. (Отв. № 22), Кадник. (Отв. № 26), Малмыж. (Отв. № 38); хресъяна, Орл.-Вят. (Отв. № 37); поезжана, Вытег. (Отв. № 22), Буйск. (Отв. № 18); дворяна, Орл.-Вят. (Отв. № 37), Буйск. (Отв. № 18); горожана, селяна, прихожана, Буйск. (Отв. № 18); цыгана, Орл.-Вят. (Отв. № 37); бара, Петроз. (Отв. № 13), Кадник. (Отв. № 26), Вытег. (Отв. № 22), Малмыж. (Отв. № 38), Орл.-Вят. (Отв. № 37); сынова́, Петроз. (Отв. № 34), Новг. (Отв. № 20); сватова́, Новг. (Отв № 20); зятева, Петроз. (Шахм.); сынова́, ib.; крестьяна, татара, зыряна, Солик. (Словцов) при: зыряны, ib. Под влиянием таких слов: *эты*

братана, Кемск. (Цейтлин); ср. там же: *взял братан* в значении вин. мн. *и стали братана приданно вздымать на ремнях,* ib. Как мною было указано выше, окончание *-е* переносилось на место *-и* в именительный множественного одушевленных; и это *-е* перешло в *-а* со смягчением предшествующей согласной: сосѣде наши ближния, Пов. Азов. сид. (Орлов, 132); ср.: суседя, Мосал. (Шахм.), Обоян. (Резанов); холо́пя, Брян. (Отв. № 259). В *сватовя́,* Петроз. (Отв. № 30), видим сохранение мягкости согласной, но ударение перенесено, вероятно, под влиянием *сыновей, сыновьям.*

6. Однородную судьбу с рассмотренными выше собирательными женского рода на *-ья* имели в великорусском собирательные среднего рода на *-ье*, хотя, по-видимому, не во всех говорах. Общерусские *листье, гвоздье, клинье, трупье, колье, зубье, деревье, волосье, крылье* и т. д. склонялись как существительные единственного числа. Примеры из древнего языка: по(дъ) дере́вьемъ, Домостр. Конш., 15; къ тростію, Сл. о п. Иг., 40; от человѣческого трупия, Пов. Азов. сид. Унд. № 794 (Орлов, 112); а што на той деревни есть колья и жердья, 1590 (Акты Холмог., VIII, 9); тѣмъ кольемъ и жердьемъ, ib.; брусьемъ огорожено, Беседа о святынях Цареграда XVII в. (Л. Майков, 18); по брусью врѣзаны еуангелисты, ib., 18; акы сноповье, Ипат., 294в, 284в, по троупью, ib., 284в, столпи ѿ земли до нб҃си, Радзив. лет., 172; в троупиѣ, Сузд. 75 об. Присоединяю сюда же примеры из языка современного: зеленым деревьем, Устюжн. (Отв. № 28); род. ед.— гвозья, косья, Соликам. (Словцов); под еловым деревьйом, Пошех. (Яросл. губ. Вед. 1856, № 6). В им.-вин. ед. окончанием было в общерусском праязыке *-i̯ă* (kol'ьi̯ă); в великорусском это *-i̯ă* сохранилось и после падения глухих, но затем перешло в *-i̯a*, когда происходил общий переход *ĭ* в *и* (или *и̇*), *ŏ* в *о* (или *о*); таким образом, древнее kol'i̯ă изменилось в kol'i̯a (kol'i̯á). Быть может, уже в древнейшие эпохи формы, как *колье, трупье,* ассоциировались с именительным множественного *коли, трупи,* заменяя их и получая таким образом значение именительного множественного. Но последовавшие за этим явления, как-то: потеря склонения, разобщение с падежными формами единственного числа,— имели место уже позже, в великорусскую эпоху. Став по значению формами именительного множественного, формы *листья, колья, деревья* и т. п. вызвали при себе в косвенных падежах *листьям, кольях, деревьями,* далее *листьев* и т. д.; ср. указанные выше но-

вообразования *друзьям* при *друзья, братьях, братьев* при *братья.* Это повлекло за собой утрату форм единственного числа (род.— *листья,* дат.— *листью,* твор.— *листьем*). *Колья, кольев, кольям, клинья, брусья, трупья* стали формами множественного числа к единственному числу *кол, клин, брус,* вытесняя при этом или частью, или окончательно формы *колы, брусы, клины, гвозди, стулы, колосы* и т. д. Точно так же *деревья, деревьев, поленья, поленьев, крылья* и т. д. стали формами множественного числа к единственному числу *дерево, полено, крыло.* Приведу примеры из древнего языка: трупіа себѣ дѣляче, Сл. о п. Иг., 17; троупьи (им.-вин. ед.), Лет. Авр. (Карский). Из современ.: колья, колы (в другом значении), клинья, листья (*листы книги, печатные*), брусья, стулья, зубья (но *зубы во рту*), каменья (при *камни*), жердья (при *жерди*), гвоздья (при *гвозди*), прутья, коренья (*корни* в другом значении); ср. еще диалектически: в каменьях, Петроз. (Отв. № 30); в кореньях, в снопьях, в волосьях, ib.; поя́сья, Петроз. (Отв. № 34); куство́вья, Петроз. (Отв. № 34); кренде́лья, Буйск. (Отв. № 18). Для среднего рода: деревья, поленья, вешалья, Пудож. (Шахм.).

Диалектически такие же формы множественного числа, и притом таким же путем, возникали и при словах женского рода. Собирательные *березье, ямье, лопатье* (ср.: все могъылье, Лет. Авр., Карский), перейдя фонетически в *березья, ямья, лопатья* и ассоциируясь со словами *береза, яма, лопата,* становились формами множественного числа при них, вытесняя частью или совсем старые формы: *березы, ямы, лопаты.* Ср. ямья, горья и даже — кучевья (вместо *кучи*), Гдов. (Отв. № 11); ямья, нивья. Петроз. (Отв. № 34); березья, лопатья, тра́вьев нет, Петроз. (Отв. № 30); осинья, ивинья, ib.; ямья, нивья, Вытег. (Отв. № 22); полянья, лединья, деревинья, тра́вья, пустелья, в лужьях, со́сонья, горья, жилья, лу́дья, Петроз. (Шахм.); ща́пья (от *щепа*), в грудьях, ib.; шубья, овцинья, мостовицинья, дяди́нья, Пудож. (Шахм.); в полосьях, Петроз. (Отв. № 30); в грядьях, ib. У Ломоносова („Грамматика", § 202): крылья или крылье, поленья.

7. В общерусском праязыке слова на *-ьi̯ä* были известны не только с ударением на основе, но также и на окончаниях, ср. žit'ьi̯ä, p'it'ьi̯ä и т. д. В украинском судьба слов с ударением на окончаниях однородна с судьбою слов, имевших ударение на основе; ср. укр. *кілля* и *життя́,* галицк. *кіле* и *жите́*. Но в русском окончание *-ье́* (*i̯ä*) ударяемое систематически заменено окончанием

-ьё под влиянием основ среднего рода с твердой согласной перед *-о*: *перó, селó, веслó* и т. д. изменили *житьé, питьé* в *житьё, питьё*; ср. рассмотренное выше влияние основ с твердой согласной на основы с мягкой согласной. Поэтому и собирательные с наконечным ударением, в именительном оканчивающиеся на *-ьё*, сохранили свое древнее значение и склонение; ср.: тряпьё, вороньё, девьё, Покров. (Отв. №11); кольё, ib.; сучьё, дурачьё, ворьё, Устюжн. (Отв. № 28) и т. д. Диалектически, и притом именно в северновеликорусском (где *о* сохранялось в слогах неударяемых) *-о* из слов среднего рода проникло на место *-ä, -а* и в окончания неударяемые. Это было причиной частью сохранения, а частью, может быть, восстановления старых собирательных среднего рода. Приведу примеры: пéньё, кóльё, каменьё, гроздьё, Луж. (Отв. № 12); лúстьё, клóчьё, Буйск. (Отв. № 18); зýбьё, прýтьё, кóльё, лúсьё, брýсьё, волóсьё, дерéвьё, полéньё, решáтьё, Вытег. (Отв. № 22); гвóздьё, стýльё, лúсьё, Кадник. (Отв. № 25); сýчьё, волóсьё, угóльё, лúсьё, крылье, окóньё, даже — кирпичéвьё, Устюжн. (Отв. № 28); гвоздьё, Олон. (Отв. № 29); брýсьё, жéрдьё, Петроз. (Отв. № 30); стýльё, кóльё, лúстьё, Петроз. (Отв. № 34); зубьё, кольё, Котельн. (Отв. № 35); кольё, клиньё, колосьё, Орл.-Вят. (Отв. № 37); поéсьё, гвоздьё, стýльё, кóльё, лúстьё, Онеж. (Отв. № 41); кустóвьё, Устюжн. (Отв. № 28); также: ямьё, березьё, при — ямья, березья, Петроз. (Отв. № 30). Что в таких словах мы имеем дело не со старым изменением *je* в *jo* (отрицаю такое изменение в конце слова, ибо *je* звучало *jä*, откуда *ja*), видно, во-первых, из того, что в говорах, представляющих собирательные на *-ё* неударяемое, встречаются и формы множественного числа, предполагающие им. мн. на *-ья* (исчезнувшие или сохраняющиеся). Так, при *волóсьё*, Устюжн. (Отв. № 28), отмечено *волóсьёв* в род. мн. Во-вторых, на возможность позднейшего вытеснения *-ья* через *-ьё* в им. мн. указывают случаи вытеснения *-ья́* через *-ьё* в именительном множественного имен мужеского рода одушевленных (по происхождению собирательных женского рода). Ср. сватьё, при: сватья́, Покров. (Отв. № 10); сватовьё, а в род. мн.— сватовéй, Буйск. (Отв. № 18); князьё, Новг. (Отв. № 20); сватовьё, кумовьё, братовьё, мужевьё, Вытег. (Отв. № 22); сватовьё, Устюжн. (Отв. № 28, при *сватовья*); князьё, братьё, Петроз. (Отв. № 30); сватовьё, ib.; сватовьё, Котельн. (Отв. № 35); брáтьё, Нолин. (Отв. № 68); сыньё, Жиздр. (А. Никольский); дружьё, сватьё, зятьё, сватьё, ib.

Думаю, что чередованием *-ьё и -ья́, -ьё* и *-ья* объясняется

появление *-ья́* вместо ожидаемого, согласно предыдущему, *-ье́* в словах, по происхождению своему бывших именами собирательными среднего рода; получив вместо *-ье́* окончание *-ья́*, они становились формами именительного множественного мужеского рода. Сюда относятся, например: клочья́, Пудож. (Шахм.); гвозья́, Петроз. (Отв. № 13); полозья́, при *поло́зьи,* Буин.-Симб. (Отв. № 57).

8. К общевеликорусским явлениям относится утрата дательного падежа на *-ови* и именительного множественного на *-ове*. Как мы видели, распространение *-ови* в древнем языке было ограниченное, в противоположность позднейшему, хотя и весьма древнему его распространению, в украинском. В настоящее время *-ови* в великорусском совсем не известно. Любопытно отметить и исчезновение его, а также его фонетического видоизменения *-овь* в наречиях *домови, долови*. Вместо *домовь, доловь* (примеры см. в „Фонетике") находим *домой, долой*. Это изменение не могло быть фонетическим; оно вызвано причинами морфологическими. Попытку объяснения предложу ниже, там, где рассматриваю судьбу окончания творительного единственного женского рода *-ою*.

Окончание именительного множественного на *-ове* было гораздо распространеннее, чем дат. на *-ови*, но и оно исчезло; точнее выразимся, если скажем, что оно систематически заменялось окончаниями *-овья* и *-ова* (о происхождении обоих окончаний сказано выше). Приведенные нами *сынова, зятева, сыновья, зятевья, сватовья, кумовья, братовья* и т. д. предполагают существование форм *сынове, зятеве, сватове, кумове, братове*.

9. К общевеликорусским явлениям относится и полная утрата форм звательного падежа от имен мужеского рода: *брате, сыну, коню* сменились формами именительного падежа. Возможно, что при этом действовало стремление иметь в звательном падеже формы столь же краткие, что в именительном. Сопоставьте с этим диалектическое сохранение звательного падежа от имен женского рода, о чем скажу ниже. В сказках находим: да, царю, говорит, я в ваших руках, Петроз. (Шахм.).

10. Имена мужеского рода на *-о*, вообще довольно многочисленные, склоняются в великорусском не только с мужескими, но и с женскими окончаниями. Причиной являются параллельные, родственные образования на *-а*, как, например, при *Михайло, Гаврило* было известно еще в древнем языке *Михайла, Гаврила*[1]. Так, на-

---

[1] Далее в рукописи: „Ср.", но примеры не приведены. *(Ред.)*

пример, имена, как *батько, батюшко, дедушко,* рядом с формами, как дат. ед.— *батюшку,* Петроз. (Шамх.); *батюшка не стало,* Послов. XVIII в. (Симони, 210); *со дедушком,* Кемск. (Цейтлин),— могут образовать формы: *батюшка,* род.— *батюшки,* дат.— *батюшке* и т. д. Чередование *батюшка* и *батюшко* было причиной появления *коро́венко* вместо *коровёнка,* Петроз. (Шахм.), у *старушо́нка, со старушонком.*

11. В творительном единственного женского рода, притом, как в существительных, так и в местоимениях, и в прилагательных, вместо *-ою* является во всем великорусском языке *-ой.* Изменение *-ою* в *-ой* не фонетическое, оно обязано морфологической причине, а именно стремлению сократить окончание творительного падежа, отличавшееся лишним слогом от всех остальных падежных окончаний единственного числа: *гора, горы, горе, гору,* но *горою.* По-видимому, в результате этого стремления конечный звук окончания *-ою* становился неслоговым, а это вело за собой выпадение предшествующего неслогового *i.* При этом, как кажется, возможно различать два конечных результата подобного изменения: во-первых, *oi̯ĭ* (не забудем, что в таком положении в древнем языке слышалось именно *ĭ*) перешло в *-oĭ̯* и далее в *-oi̯*; во-вторых, *-oi̯и* (в позднейшую эпоху *ĭ* заменено было через *и*) перешло в *-oи̯.* Результаты первого изменения у нас налицо; они могут быть прослежены по памятникам, начиная с XV века[1]. Приведу примеры из древнего языка: съ Ѳртѣмьеи, Гр. Новг. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 42). Примеры из языка современного: вадой, с табой, с той головой и т. д. Результаты второго изменения можно видеть в некоторых древнерусских диалектах преимущественно Суздальской области; *оў* изображалось при этом через *овъ,* что показывает наличность *ў* на месте правописного *в, въ* и в других случаях; например, *девка, дровъ* произносились, очевидно, *деўка, дроў*[2]. Но по одному явлению, общему всему великорусскому языку, можно заключить о том, что *-оў* в окончании творительного падежа вместо старого *-ою,* которому в говорах, не знавших *ў,* а только *в,* соответствовало *-ов,* было гораздо распространеннее, чем об этом можно было думать на основании памятников. Явление это следующее: наречия *домоў, долоў* или *домов, долов* си-

---

[1] В рукописи: „с века", с пропуском цифрового указания. *(Ред.)*

[2] Далее фраза: „Сюда относятся следующие написания памятников", но самый материал не приведен. *(Ред.)*

стематически заменены формами *домой, долой*. Такая замена может быть объяснена только наличностью в древнем языке чередования творительного падежа *гороў, горов* и *горой, водоў, водов* и *водой*; под влиянием происшедшего в русском языке вытеснения *водоў, гороў (водов, горов)* через *водой, горой* произошло и вытеснение *домоў, долоў (домов, долов)* через *домой, долой*. Ср. в искусственном языке, например, в Духовных стихах, формы *домою,* подобно как там сохраняются формы *горою, водою*. Следовательно, можно думать, что сначала вместо vodoi̯ũ, goroi̯ũ явились формы vodoi̯, goroi̯, но рядом продолжали существовать vodoi̯u, goroi̯u; когда эти формы, все под тем же влиянием других падежей, перешли в vodoų, goroų — vodov, gorov, они уступили место старшим по времени появления формам vodoi̯, goroi̯. Вытеснение vodoų, goroų или vodov, gorov через vodoi̯, goroi̯ имело последствием вытеснение наречий domoų, dołoų или domov, dołov через domoi̯, dołoi̯. Приведу примеры для domoi̯, dołoi̯: да домои ходи, Домостр. Конш., 33 (домовъ, ib., 33); середь грязи долои, Послов. XVII в. (Симони, 139). О диалектическом окончании *-эй* вместо *-ой* см. ниже.

12. Всему великорусскому языку принадлежит также замена в родительном женского рода прилагательных окончания *-оѣ* через *-ой*. И здесь имеем дело с процессом нефонетическим; замена произошла под влиянием других падежей, а именно творительного, дательного, местного. Все эти падежи в местоименном склонении сближались общностью основной части (*то-ѣ, то-й, то́-ю*). Когда окончание *-ой* вместо *-ою* проникло в местоимения из имен существительных, неминуемо стало сокращение окончания родительного падежа: *тою, доброю* заменились через *той, доброй,* и это повлекло за собой замену *тоѣ, доброѣ* также через *той, доброй,* в особенности потому, что так же звучала форма дательного и местного единственного. Приведу примеры для *-ой* в родительном местоимени́й и прилагательных из древних памятников: оу до́брои женъı, Домостр. Конш., 42, из нѣкоторои зап(о)вѣди, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 44); а сицеи рати не слъıшано, Сл. о п. Иг., 17; среди земли Половецкъıи (NB.), ib., 17; от земли Половецкъıи, ib., 35; пьрвои женъı, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44); wдинои матери, ib., 45; wт ролеиной земли, ib., 46; w̃ бортьнои земли, ib., 46. Из древнего и современного языков отмечу диалектическое *-ей* в родительном и винительном местоимения 3-го лица женского рода: по е́и дїи сорокоустъ, Домостр. Конш., 14; оу не́и, ib., 64; не хотѣти ли ѥи дѣти начноуть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45); он ударил

ей, Онеж. (Отв. № 41); за ней (вместо *за нее*), Вытег. (Отв. № 22); ей (вин.), Вытег. (Отв. № 22), Петроз. (Отв. № 30). Рядом с *-оѣ* продолжало существовать окончание *-ыѣ*; не было ему основания измениться в *-ый*, ибо это окончание и в первой своей части отличалось от окончаний дательного и местного, а также совпавшего с ними творительного единственного; ср. указанные выше формы -на *ые*, существующие диалектически и теперь. Но в отдельных говорах *-ыѣ* под влиянием краткого окончания *-ой* переходило в *-ый*[1]. Это *-ый* переходило затем во всем почти великорусском языке в *-ой* в силу общего звукового изменения *ый* в *ой*, которое я теперь понимаю как диссимиляцию звуков *ы* и *й*, но в одном из великорусских говоров всякое вообще *-ый* перешло в *-эй* (поэтому *-эй* также в *мэю, слепэй* — им. муж.). В этом говоре явилось *-эй* и в родительном прилагательных, ср.: сырэй травы, Вытег. (Отв. № 22); от злэй собаки, Петроз. (Отв. № 30). Отсюда, из формы родительного падежа, *-эй* проникло также и в дательный-местный, а также и в падежи[2]: на дру́гэй жены, Петроз. (Отв. № 30); на густэй травы, Вытег. (Отв. № 22). Понятно, что *-эй* проникло в творительный падеж и существительных и личных местоимений: за ба́бэй, пшонэй, Вытег. (Отв. № 22); мнэй, тобэй, ib.; под подошвэй, Петроз. (Отв. № 30); под ногэй, под плитэй, ib.

13. Вместо *тоѣ, самоѣ, одноѣ, всеѣ* в родительном и винительном находим во всем великорусском языке произношение *тоё, самоё, одноё, всеё*. Ср. вин.— тоё, Устюжн. (Отв. № 28); вин.— всиё, Алатыр. (Отв. № 32); всеё, Покров. (Отв. № 10); всеё, Самар. (отв. № 40); род.— всиё травы, Кадник. (Отв. № 25); вин.—тоё, Самар. (Отв. № 40) и т. д. Старое произношение с *е* вместо *ѣ* сохранилось лишь диалектически: еé, Устюжн. (Отв. № 28). Процесс появления *её, тоё* вместо *еé, тоé* представляется мне таким: в окончании *-ые* (из *-ыѣ*), в сложном склонении прилагательных, произошла диссимиляция: *е* перешло в *о*; так явилось *-ыjо*. Следовательно, родительный *густыё, добрыё*; отсюда *ё* переносилось и в положение за *о* как в ударяемых, так и в неударяемых слогах: *одноё, тоё*. Такой же процесс видоизменил окончания им.-вин. мн.: *добрые* перешло в *добрыё*, а в говорах акающих — *добрыя*. Приведу примеры для *-ыё*: ясныё дни, силь-

---

[1] Далее в рукописи: „Ср.“, но материал не приведен. *(Ред.)*

[2] Далее в рукописи: „а также и в падежи“, причем перед „падежи“ было написано „творительные“, которое потом было зачеркнуто. *(Ред.)*

ныё лошади, Слобод. (Отв. № 48); хорошиё плотники, горячиё ватрушки, Орл.-Вят. (Отв. № 37); для *-ыя* см. выше.

14. Мы видели выше, какое влияние оказывала в склонении местоимений форма именительного множественного на формы других падежей множественного числа. В связи с этим влиянием стоит появление в великорусских диалектах форм на *-ыих, -ым* или *-ыех, -ыем* в сложном склонении прилагательных. Им. мн. *красныи* вызывало *красныих, красным, красными*; им. мн. *красные* вызывало *красныех, красныем, красными*[1].

15. Сложное склонение прилагательных диалектически подверглось влиянию местоимений и в тех формах, которые вообще ограждены от такого влияния тем, что в соответствии с *-ѣ* в окончаниях местоимений имеют *-ы*; диалектически это *ы* заменяется звуком *э*; очевидно, имеем дело с перенесением *ѣ* при сохранении твердости предшествующей согласной. Такие формы отмечены в Самарском уезде (Отв. № 40), причем *э* находим не только в окончаниях множественного числа *(-эх, -эм, -эми)*, но также и в творительном единственного *(-эм)*: пустэм бабъм, пустэх (местн. мн.), на сырэм песку, ф сырэм доми (здесь форма на *-ым*, по происхождению форма твор. падежа, заменила старое *-ом*), в худэм деле, Буин.-Симб. (Отв. № 57). После *к, г* находим такой же перенос, но эти согласные произносятся смягченно: какеми судьбами, другех, в какем мести, какем шабрам, в другем месте, Буин.Симб. (Отв. № 57); на другем месте, Малмыж. (Отв. № 103). Из косвенных падежей множественного числа окончания *-эи, -еи* переносятся и в именительный множественного: сухеи, другеи, Самар. (Отв. № 40); другеи, какеи, Алатыр. (Отв. № 32). Сокращенная форма *какѐ*, Самар. (Отв. № 40), может быть, под непосредственным влиянием *те, одне*.

16. Диалектически на склонение прилагательных оказало влияние склонение притяжательных местоимений. Ср.: в большоём окне, в зеленоём саду, Устюжн. (Отв. № 28).

17. Диалектически находим стяженные формы в именительном-винительном единственного и множественного числа прилагательных: вместо *ая, ую, ое — а, у, о*, вместо *ые — ы*. Думаю, что необходимо допустить фонетическое объяснение таких форм, а именно, что они возникли в результате выпадения неслогового *i̯*

---

[1] Далее в рукописи: „Приведу примеры", но примеры не были приведены. *(Ред.)*

между однородными гласными: *aịa, oịo, uịu* переходили в *аа, оо, ии,* откуда *а, о, и,* а отсюда краткие окончания *и* в именительном множественного: красно солнышко, мила жонушка, тёмна ночь, Кадник. (Отв. № 26); добра, велика, добро, синё, черство, Устюжн. (Отв. № 28); синю рубаху, мила доць, мостова́, тёмны ноци, сыновны, зимны, сини, дики, сыры́, Вытег. (Отв. № 22); другу свадьбу, аглицки рубахи, тёмна ночь, красно, чорно, Новг. (Отв. № 20); сильня лошадь, добра мать, Петроз. (Отв. № 13); длинна палка, красно яблоко, Алатыр. (Отв. № 32); добры молодцы, ib.; дубовы полозья, Орл.-Вят. (Отв. № 37); новы ворота, сыры места, красно, бело, Малмыж. (Отв. № 38); белы груди, Самар. (Отв. № 40); ясны дни, топки болота, Покров. (Отв. № 10); здешни мужики, добры люди, Гдов. (Отв. № 11); красно, добра, кака́, Луж. (Отв. № 12) и т. д. От этих форм надо отличать подобные же краткие формы в языке песен и сказок; в них можно видеть остатки именного склонения прилагательных; ср. *красно* в сказках, а иначе *красное*. Кажется, вообще (однако, как видно из приведенных примеров, не без исключений) в сокращенном виде являются только неударяемые окончания: ср. *аглицки рубахи,* Новг. (Отв. № 20), но *злыи люди, топкии болота,* ib.

18. Совпадение в одной форме падежей родительного, с одной стороны, дательного и местного — с другой, в именах прилагательных и местоимениях женского рода имело следствием диалектическое совпадение в одной форме тех же падежей в существительных женского рода. Когда вместо *густоѣ* явилось *густой* под влиянием такой формы в дательном и местном, существительные, как *трава, вода, гора* и т. д., в которых форма дательного и местного совпала издавна (*травѣ, водѣ*), стали переносить эту форму и в родительный падеж. Но возможно было и другое явление: форма родительного падежа на *-ы* (*воды, травы*) стала употребляться в значении дательного и местного. Быть может, на совпадение родительного, дательного, местного в одной форме в словах женского рода на *-а* оказала влияние однозвучность их в словах женского рода на *-ь* (*кости*), но вероятнее думать о влиянии со стороны прилагательных. Я только что сказал, что в именах на *-а* падежи дательный и местный издавна совпали в одной форме; замечу здесь, что некогда в словах с подвижным ударением они должны были различаться, так как в окончании местного падежа был дифтонг (первоначально *аі*) с таким качеством долготы, которое перетягивало на себя ударение, а в окончании дательного

был дифтонг (первоначально *āi*), который не перетягивал на себя ударения. Различие между дательным и местным по ударению сохраняется до сих пор в некоторых словах в сербском языке (вода, душа, рука, глава, земља). В русском языке лишь в немногих словах сохранилось в дательном падеже старое накоренное ударение в словах с ударением подвижным; ср. современные диалектические *к стéне, к зúме*. Во всяком случае незначительное количество подобных слов не дает основания думать, чтобы в русском языке поддерживалось старое различие между дательным и местным: оба падежа совпадали не только в одном окончании, но также и своим ударением. Совпадение дательного, местного в одной форме с родительным встречается в разных русских говорах, но преимущественно северновеликорусских. Приведу примеры для окончания *-ѣ* в родительном падеже из древнего языка: до Москвѣ, Ипат., 212б; ѿ папѣ, ib., 276 г; съ Москвѣ, Лодомск. 1571, № XCVIII; отъ рѣке, 1580 (Акты Холмог., № LXIII); с ъноѥ сторонѣ, Новг. гр. 1371, № 8; блгвлениѥ ѿ вл҃дцѣ, Новг. гр. 1305—1308, № 67; оу ѿца своѥго оу вл҃дцѣ, Новг. гр. 1304—1305, № 11; блиńѥ ѿ вл҃дцѣ, Новг. гр. 1325—1327, № 15; оу Кюрили (вместо *Кюрилѣ*), Новг. гр. 1269—1270, № 3; с҃тго Николѣ, Дв. гр. XV в., № 5, 6, 15, 16; до ѥго женѣ, ib., № 86; ѿ рѣкѣ, ib., № 75, 77; до Гавриловѣ земли, ib., № 25; микулѣ максимовица (печать), ib., № 35; петрови жони, ib., № 19, до Лукини земли, ib., № 36; трофимови ѿцини, ib., № 8, с ъыви, ib., № 27; ѿ ѥми, ib., № 22; ищучи себе чти а князю славѣ, ib., Сл. о п. Иг., 8; из дѣдней славѣ, ib., 35; kuzmи тереньтиевица, Новг. гр. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 41); влци Семена, Новг. гр. 1418—1420 (ib., № 42) и т. д. В современном языке: у сестре, у жене, Гдов. (Отв. № 11); у сестре, Петроз. (Отв. № 13); у сестре, из реке, около голове, Новг. (Отв. № 20); у вдове, у невесте, Алатыр. (Отв. № 32). Примеры для окончания *-ы* в дательном и местном: а пришло мне то в тадбъı, Дв. гр. XV в., № 85; в тѣ̀ малои Юръı рѣкъı, ib., № 33; по Лавкотъı рѣки, ib., № 111. В современном языке: к воды, к зимы, Гдов. (Отв. № 11); на горы, на пятой версты, к воды, Петроз. (Отв. № 13); к горы, к воды, к берёзы, на горы, в избы, Новг. (Отв. № 20); к избы, к трубы, в беды, на коровы, Вытег. (Отв. № 22); к горы, к березы, г воды (в значении „в воде“), к заутрины, о рыбы, Петроз. (Отв. № 30); к горы́, на реки́, на

пятой версты, Онеж. (Отв. № 41); не рад сёстры́, на стены́, на той стороны́, Петроз. (Отв. № 34); к воды́, к берёзы, к зимы, на горы, в избы, Остр. (Отв. № 33). Замечательно, что в некоторых случаях удерживается старое ударение дательного падежа: к го́ры, Остр. (Отв. № 33); к зи́мы, к сте́ны, Петроз. (Отв. № 34). Понятно, что и в таких случаях, как *к земли́*, *к избы́*, Вытег. (Отв. № 22), мы не имеем основания считать *земли́* формой родительного падежа по происхождению, ибо вытеснение *избъ* через *избы* в основах на твердую согласную не предполагает такого же вытеснения *земль* через *земли* в основах на мягкую согласную; напротив, здесь издавна могла получиться одна форма в родительном, дательном, местном вследствие перехода *ъ* и *и*.

Вообще можно поставить в виде вопроса другое объяснение указанного явления. В основах на мягкую согласную, где дательный-местный оканчивался на *-и*, а родительный на *-ъ* (*земли, земль*), произошло совпадение этих падежей по двум причинам: во-первых, как мы знаем, твердые основы передавали свои окончания мягким: в дательном-местном явилось *земль* под влиянием родительного *земль*; во-вторых, диалектический переход конечного *ъ* в *и* (см. в „Фонетике“) имел последствием появление *земли* вместо *земль* в родительном. Совпадение в основах на мягкую согласную падежей родительного, дательного, местного (или *земль*, или *земли*) вело за собою такое же совпадение в основах на твердую согласную (или *водъ*, или *воды*).

19. Весьма распространенным в великорусском явлением оказывается проникновение окончания *-ъ (-е)* из основ женского рода на *-а* с предшествующей мягкой согласной в основы на первоначальное *-ĭ* в падежах дательном и местном. Мы видим здесь, таким образом, явление, обратное тому, которое только что нами рассмотрено: в основах, как *земля, воля,* формы родительного падежа, с одной стороны, дательного и местного — с другой, некогда между собою различавшиеся, совпали диалектически в одной форме (*земль* или *земли*), в основах, как *кость, печь,* форма дательного, местного, совпадавшая с формой родительного, получила особое от родительного падежа окончание (*кость, печь* — дательный-местный, при *кости, печи* в родительном). Ясно, что такое различение имело место только в тех говорах, где не произошло совпадения в указанных падежах в основах на *ā*. Приведу примеры. Из древнего языка: на елѣ, Гр. 1518 (А. Ю., № 147); по матерѣ, 1568 (А. Ю., № 116); по сей записѣ, Гр. 1530 (А. Ю.,

№ 154); въ сей записѣ, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); по росписѣ, Гр. 1582 (А. Ю., № 212); на Ловотѣ, Гр. XIV в. (А. Ю., № 260, I); въ Припетѣ, Новг. 1-я Син. сп., 7б; въ соборнои церквѣ, 1619 (Письма русск. госуд., № 6); отцу матере мило, Послов. XVII в. (Симони, 150); дочере моей, 1568 (Акты Холмог., № 2); въ своей вытѣ 1567 (ib., № LXVII). Из современного языка: на степе́, в грязе́, на цепе́, на пече́, Дон. (Калмыков); на лошаде, в грязе, к лошаде, к дочере, на пече, Холмог. (Отв. № 50); в грезе, к матере, Нолинск. (Отв. № 51); на площаде, Макар. (Отв. № 56); в крове, на пече, к дочере, к матере, Яранск. (Отв. № 59); дай лошаде корму, Мышк. (Отв. № 78); на пече, Волог. (Отв. № 82); на лошаде́, к лошаде, к дочере, Тотем. (Отв. № 201); на пече, по ноче, Великоуст. (Отв. № 202); к ло́шаде, Белоз. (Отв. № 184); в Перме, в шале, в пече, Камышл. (Отв. № 89); в гризе, в горсте, в рже, по груде, Волог. (Баженов); по видимосте, на старосте лет, ib.; в грязе́, ф краве́, на груде́, на плошшаде, Терск.-Моздок. (Караулов); на двере, кстате, в бо́лесте, в степе, на радосте, Устюжн. (Отв. № 28); на лошаде, в грязе, Алатыр. (Отв. № 32); к дочере́, к матере́, к лошаде, ib.; нъ лъшаде́, на пече́, Самар. (Отв. № 40); на лошаде, в пече, в грязе, Астрах. (Отв. № 17); в грязе, на лошаде, Чистоп. (Отв. № 1); на пече лежа, Послов. XVII в. (Симони, 206); не кстате, ib., 210; по шерсте собаке и имя, ib., 214.

Отмечу здесь, что в многих именах ударение местного падежа отличается от ударения дательного падежа, а именно оно падает в местном на окончание; ср. такие ударения и в формах на *-ѣ*. Едва ли не под влиянием местного является наконечное ударение и в дательном: к лошаде́, Белоз. (Отв. № 184); к дочере́, Никол. (Отв. № 266), Нолин. (Отв. № 68), Нолин. (Отв. № 51). Любопытно в Буйском у. сохранение *-и* в местном под ударением: в печи́, в крови́, в грязи́, замена *-и* через *-ѣ (-е)* в дательном не под ударением: к до́чере, к ма́тере, к ло́шаде, в пе́че (Отв. № 18).

Гораздо реже проникали в основы на *-ĭ* из основ на *-jā* другие падежные окончания. Так, находим в винительном: дверю, папертю, матерю, дочерю, Терск.-Моздок. (Караулов); осеню, лошадю, матерю, дочерю, Мещов. (Черныш.); матерю, дочерю, Дон. (Калмыков); матирю, дочирю, Жиздр. (Никольский); дочирю, дочярю, Обоян. (Резанов); дочярю, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); дочирю, Жиздр. (Добровольский, Арх. II Отд.); матерю, дочерю, Новосил. (Отв. № 77), матерю́ (вин.), Моршан. (Обл. сл., 164);

дочере (дат.), Костр. (Отв. № 44); также у В. Майкова, писателя XVIII в. И в именительном явилось дальше образование: дочеря, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); матеря́, дочеря́, Кем. (Отв. № 104). Совершенно единично *костий* в твор. ед., Великолуцк. (Отв. № 45), едва ли не под белорусским влиянием.

20. В противоположность мужескому роду, женский в основах на *-ā* сохраняет звательную форму до сих пор. Ср. приведенные выше при парадигмах примеры из северновеликорусских говоров, а также из южновеликорусских с перенесенным на окончание ударением. В южновеликорусских говорах весьма обычным является новообразование в звательном, представляющее отпадение окончания. Отпадение это произошло, по-видимому, под влиянием того сильного экспираторного ударения, которое падало в звательном падеже на основу, в особенности, например, при призыве: *мам, баб* вместо *мамо, бабо*. Возможно, что мы имеем дело не с древнею формой звательного падежа, утратившею свое окончание, а с формой именительного падежа, употребленной в значении звательного [1].

21. Общим для всего великорусского языка явлением надо признать исчезновение в единственном числе склонения основ среднего рода на *-at* при именительном на *-a*. Формы на *-a*, как видно из указаний, данных при парадигмах, сохранились теперь только в двух, трех примерах (в пословицах). Вообще же их заменили новообразования на *-ёнок* мужеского рода. По-видимому, издавна при *-a* существовали уменьшительные на *-еня*: при *порося* — **порося*. Эти уменьшительные получили окончание *-ок*, свойственное вообще уменьшительным, и вытеснили старые формы на *-a*. Таким образом, в единственном числе находим в великорусском: *телёнок, жеребёнок, поросёнок, ребёнок, козлёнок* и т. д., причем во множественном сохраняются старые образования от основы *телят-* и т. д.: *телята, козлята, щурята* (молодые щуки), Чистоп. (Отв. № 1). Любопытно и *телетко,* Послов. XVII в. (Симони, 118). Отмечу *шюрѧтомъ своимъ* (т. е. — шурьям молодым), Ипат., 259 г. Отмечу появление *-ata* и при *щенок;* вместо *щенки* известно и *щенята*. Под влиянием установившейся в ряде имен ассоциации между *-ёнок* в единственном и *-ята* во множественном при *опёнок* вместо и при более обыкновенной форме *опёнки* явилась форма *опята,* ср. эту форму, например, в Кологрив. (Отв. № 61), Костр. (Отв. № 44), Слобод. (Отв. № 120). Замечу, что имени-

---

[1] Далее в рукописи: „Приведу примеры", но материал не приведен. *(Ред.)*

тельные множественного на *-ата* окончательно вытеснили формы на *-ёнки* (при единственном *-ёнок*): *поросёнки, ягнёнки, медвежёнки* сохраняются лишь диалектически, например Нерч. (Обл. сл., 81); *щенёнки,* Великоуст. (Отв. № 199); *бобрьонки, поросьонки,* Послов. XVIII в. (Симони, 197). Одно только слово *дитя* не вытеснено параллельным образованием *дитёнок*. Это объясняется тем, что во множественном при *дитя* являлось не **дитята,* а *дети*. Однако старое склонение *дитя, дитяти, дитятемъ* исчезло и заменилось склонением равносложным, причем *дитя* или рассматривалось как основа женского рода на *-jā* (ср. женский род во множественном числе: *дети*), или заменялось формой *дитё* и склонялось как основа среднего рода на *-jŏ* (средний род из первоначальной формы). Склонение *дитя* как существительного женского рода находим, например, в Зубц. (Отв. № 60): род.—дити́, дат.—дите, вин.—дитю́, твор.—дитёй, местн.—о дите; в Богородск. (Черныш.), где в твор.—дитёй; в Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.), где род.—дити, дат.—дите, вин.—дитю, твор.—дитею; в Жиздр. (Никольский), где вин.—дитю, твор.—дитёю; во Влад. (Обл. сл., 15), где род.—дити, дат.—дите, вин.—дитю, твор.—дитёй, местн.—о дите; в Мышк. (Отв. № 78): род.—дити, дат.—дите, вин.—дитю, твор.—дитёй, местн.—о дите; в Новосил. (Отв. № 77): дитею. Впрочем, Ломоносов дает еще в образце: жеребя, жеребяти, жеребятем („Грамматика", § 159), щеня, цыпля, щеняти, цыпляти (§ 205); „однако в единственном числе употребительны их умалительные: щенок, цыпленок, жеребенок". Склонение *дитё* как существительного среднего рода видим, например, в Дон. (Калмыков): род.—у дитя, дат.—дитю, твор.—дитём, местн.—о дите; Никол. (Отв. № 266): дат.—дитю, местн.—дите; Дмитр.-Кур. (Отв. № 236): дитю, дитём; Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.): дитю, дитем; Жиздр. (Никольский): род.—дитя, дат.—дитю, твор.—дитём; Новосил. (Отв. № 88): дитё; Мышк. (Отв. № 78): дитё, дитём. Под влиянием *дитя—дети* явилось при **куря—кури*: ср. курей, курям, Мещов. (Черныш.); много курей, Дон. (Калмыков); при **утя—ути:* утей, Дон. (Калмыков); курѧ (дат. мн.), Домостр., Погод. № 1137, 115.

22. К общим великорусским явлениям относится переход суффикса *-ен* в склонении основ среднего рода на *-я* в *-ян,* причем переход этот вызван влиянием формы именительного падежа на формы косвенных падежей. Древнерусские памятники доказывают, что этот переход восходит к XIV в.: племѧни, Дв. гр. XV в.,

№ 7, 5; сѣмѧна, ib., № 116; сѣмѧнъ, ib., № 116, I; во мнозѣхъ времѧнѣ[x], Лавр.: бремѧны, Поуч. Ефр. Сир., 141а; рѣка пламѧни, ib., 203в; времѧна, Ипат., 31г; племѧни Новоросс. сп. Новг. 4-й лет., 297б; писмѧнемъ (твор. ед.), ib., 423б; времѧни, ib., 443б; племѧнѣ (дат.), Гр. 1548 (А. Ю., № 423); имяномъ, Гр. 1547 (А. Ю., № 22); имянъı, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); племѧни (дат. ед.), Белоз. гр. 1529, № 43; ни однъимъ веремянемъ, Северск. гр. 1393; отсюда также в производных словах: племѧницѣ, Белоз. гр. 1528, № 42; сѣмѧного, Дв. гр. XV в., № 93, 25; сѣмѧнного, ib., № 35, 75, 17 и др.; времѧннъıѧ, Новоросс. сп. Новг. 4-й лет., 44 об.; безвереманіа, ib., 632а, имѧнинъ, Ипат. 88г; пламѧнемъ, Поуч. Ефр. Сир. 203в; ꙁнамѧнати, ib., 229а; пламѧньна, Колом. Пал., 25; имѧнъı (твор. мн.), Домостр. Конш., 8; оу плéмѧни, ib., 34; въ пламянѣ розѣ, Сл. о п. Иг., 20[1]; безвремянье, Послов. XVII в. (Симони, 85); времяна (им. мн.), ib., 125. Под влиянием замены *-мен-* через *-мян-* в именах среднего рода такая же замена происходит в слове[2] *игумень,* вместо которого в древнем языке диалектически *игумянъ,* также в имени[3] *Семень,* которое звучит как *Семянъ.* В современном языке сюда относятся: семя́н, Петроз. (Отв. № 30), Котельн. (Отв. № 35), Грязов. (Отв. № 36), Онеж. (Отв. № 41), Буин.-Симб. (Отв. № 57), Нолин. (Отв. № 68), Буйск. (Отв. № 18), моск.; с ударением — се́мян, Орл.-Вят. (Отв. № 37); си́мян, Нолин. (Отв. № 51); имян, времян, Олон. (Отв. № 29); имян, Вытег. (Отв. № 22); времян, симян, Никол. (Отв. № 266); времян, Кадник. (Отв. № 25); времян, Устюжн. (Отв. № 28); имян, Петроз. (Отв. № 30); времян, Котельн. (Отв. № 35); имян, времян, Грязов. (Отв. № 36); имян, Онеж. (Отв. № 41); имян, времян, Нолин. (Отв. № 68); имян, времян, Нолин. (Отв. № 51); имян, Малмыж. (Отв. № 105); бремян, Холмог. (Отв. № 50); знамян, ib.; имян, времян, Белоз. (Отв. № 162) и др. Отмечу еще: бремяна́, знамяна́, Холмог. (Отв. № 50); времяна́, Устюжн. (Отв. № 28). Далее отмечено: вымяни, симяни, знамяни, Вытег. (Отв. № 22). Но мне остается неясным, как понимать эти

---

[1] Этот пример, очевидно, попал по случайному недоразумению: здесь не субстантивное образование *(пламя — пламен-и),* а прилагательное *пламян-ъ* (старослав. пламѣн-ъ), с особым суффиксальным элементом из старейшего *-ен,* выступающего в русском языке в виде *-ин,* в старославянском в виде *-ѣн. (Ред.)*

[2] В рукописи „проходит в слово". *(Ред.)*

[3] В рукописи: „имя". *(Ред.)*

формы: если они действительно свойственны народному языку, не проникли ли образования с *-ен* в единственном числе все-таки из книжного языка? Ср. формы с *-ен-* не с *-ян-* в единственном числе, которые почти наверное можно объяснять как церковнославянизмы: моск.-лит. — семени, времени (*время* — слово церковное), бремени (*бремя* — тоже церковное слово); времени, имени, Онеж. (Отв. № 41); имени, времени, симени, Кадник. (Отв. № 26); времени, имени, Новг. (Отв. № 20); знамени, знаменем, Холмог. (Отв. № 50); времени, времиним, о времини, Великолуцк. (Отв. № 45); ўремини, Жиздр. (Никольский); в скоромь времене, Петроз. (Шахм.). Думаю, что и родительные на *-ён* должны быть признаны церковнославянизмами: моск. — времён; имён, Буйск. (Отв. № 18); имён, времён, Олон. (Отв. № 29), Вытег. (Отв. № 22), Кадник. (Отв. № 26), Котельн. (Отв. № 35); времён, Орл.-Вят. (Отв. № 37); имён, Буин.-Симб. (Отв. № 57); семён, Слобод. (Отв. № 65). Не отрицаю, однако, возможности, что диалектически или же в некоторых словах могло удерживаться *-ен*; сюда в особенности относится *сѣмена, семѣна* (вин. мн.), Домостр. Конш., 45; *на сѣмена* или *на ѣмена,* Домостр. Погод., № 1137, 90; ср. род. мн. — *семен*, Меленк. (Отв. № 247); *се́мин,* Карсун. (Отв. № 67), хотя возможно, что и *сѣмена* должно понимать как *сѣмяна.*

Предыдущие указания делают вероятным, что формы с основой *-ен* в единственном числе сохранились в русском языке под книжным влиянием. Поэтому мы в единственном не находим вообще *-ян (вымяни, симяни, знамяни,* Вытег., составляют, как мы видели, исключения). Объясняется это тем, что имена, как *имя, время, семя* и т. д., в единственном числе во всем вообще великорус. наречии заменились образованиями на *-jŏ* среднего рода: им.-вин. — семё (отсюда в акающих говорах — *семя* или *сем'а*), род. — семя, дат. — семю, твор. — семем, местн. — о семе. Приведу примеры: семё, семя, имю, времю, семём, о време, Буйск.-Костр. (Отв. № 18); нет время, имя, вымя (род.), Покров. (Отв. № 10); время (род.), времю, времем, о време, Шуйск. (Отв. № 19); времё и време, Новг. (Отв. № 20); вымё, пламё, стремё, на выме, в пламе, в семе, о време, Устюжн. (Отв. № 28); имё, семё, симё, времё, Кадник. (Отв. № 26); времё, Котельн. (Отв. № 35); в худом семе, весь дом в пламе, Орл.-Вят. (Отв. № 37); имём, семём, ib.; времё, име́, время, имя (род.), Костр. (Отв. № 44); время (род.), времю, времем, о времи, Великолуцк. (Отв. № 45); бремя, знамя

(род.), знамем, бремя, знами (местн.), Холмог. (Отв. № 50); времю, Буин.-Симб. (Отв. № 57); врéмё, время, времю, времем, о време, семю, семем, о семе, Меленк. (Отв. № 247); имё, времё, Никол. (Отв. № 266); тимя, симя (род.), Сольвыч. (Отв. № 193); времю, времём, Кинеш. (Отв. № 250); времё, времю, о време, времем, Влад. (Обл. сл., 15); семё, семя, семю, семем, о семе, Нерч. (Обл. сл., 181); ўремя, ўремя (род.), ўремю (дат.), ўремем, Жиздр. (Никольский) и др. Гораздо реже видим проникновение этой новообразованной основы во мн. число: время́ (вин. мн.), времям, время́ми, времях, Буин.-Симб. (Отв. № 57); врéмям (дат.), о времях, Кинеш. (Отв. № 250), и́мя (им. мн.), Казанск. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова).

23. Мы видели, что во всех русских наречиях окончания *-ов, -ев* сменило древнее окончание *-ъ* в именах мужеского рода. Проникновение их в основы женского рода, известное, впрочем, не только в великорусском, но также в белорусском и украинском произошло уже в отдельной, обособленной жизни этих наречий. Это видно из того, что подобные образования, во-первых, свидетельствуются почти только современным языком; во-вторых, из того, что и в современном языке они не получили общего распространения.

В именах женского рода окончания *-ов, -ев* являются особенно часто в замену такой формы род. мн., где требовалась вставка беглых *о, е*. Так, вместо *свадеб, ложек, барок, деревень, песен* явились *свадьбов, ложков, барков, деревнев, веснев*. Приведу примеры: избов, палков, Астрах. (Отв. № 17); кохточков, девушкав, девачкав, Мещов. (Черныш.); удочкав, песняв, Дон. (Калмыков); деревнев, Котельн. (Отв. № 46); избов, ib.; поварешков, чашков, ложков, Холмог. (Отв. № 50); книжков, рукавичков, Яранск. (Отв. № 59); избов, палков, чашков, ложков, ib.; избов, Кинеш. (Отв. № 66); песняв, Новосил. (Отв. № 77); избов, чашков, ложков, Великоуст. (Отв. № 195); палков, Малмыж. (Отв. № 79); картошков, пуговков, книжков, Орл.-Вят. (Отв. № 63); барков, барошнёв, Слобод. (Отв. № 222); ложков, Галич. (Отв. № 55); ложков, чашков, Камышл. (Отв. № 89); избов, Красноуф. (Отв. № 139), Кунгур. (Отв. № 134); вилков, болезнев, Влад. (Обл. сл., 13); ложков, болезнев, Переясл. (Обл. сл., 17); свадьбов, веснёв, Уфим. (Обл. сл., 166); красных девушкъф, Чебокс. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова); печкаф, рюмкаф, деньгаф, песьниф, пригоршеф, Терск.-Моздок. (Караулов) и др.

Далее находим *-ов* преимущественно в словах, попавших в народную речь из книжной, притом, быть может, в форме множественного числа: книгов, Малмыж. (Отв. № 79), Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46), Слобод. (Отв. № 222), Великоуст. (Отв. № 195), Яранск. (Отв. № 59), Красноуф. (Отв. № 139); птицов. Котельн. (Отв. № 46), Малмыж. (Отв. № 79), Галич. (Отв. № 55), Красноуф. (Отв. № 139); ко́мнатав, Дон. (Калмыков); ко́мнътаф, Касим. (Отв. № 47); комнатав, Новосил. (Отв. № 77), Грайвор. (Отв. № 279); картинов, Малмыж. (Отв. № 79); иконов, Камышл. (Отв. № 89); фабрикаф, Дмитров. (Черныш.); менинницав, Мещов. (Черныш.); нахлебницав, ib.; житницав, Терск.-Моздок. (Караулов); аз тетрадяв, Мещов. (Черныш.); картов, Орл.-Вят. (Отв. № 63); аз буков, ib.; ножницов, ib.; бумагов, ib.; милостёв, Уфим. (Обл. сл., 166); бумагов, Малмыж. (Отв. № 105). Кроме этого, *-ов* является только в единичных случаях; например в pluralia tantum, как: дверев, Холмог. (Отв. № 50); кудрев, Уфим. (Обл. сл.,166); или, например в: пастеляф, Касим. (Отв. № 47); пастелиф, Терск.-Моздок. (Караулов); лопатов, Яранск. (Отв. № 59); звездов, ib.; ягодов, Орл.-Вят. (Отв. № 69); дугов, Малмыж. (Отв. № 103); жерьдяв, Жиздр. (Никольский); сваяв сколько побили, Мещов. (Черныш.); невестов, Уфим. (Обл. сл., 166); душеф много надо, Чебокс. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова); козов, Яросл. (Тихвинский). Совершенно единичны случаи с ударением на окончании: вадо́в у нас нет, Егорьев. (Черныш.).

24. В единичных случаях проникало в великорусской области окончание *-у* в местном единственного среднего рода. Приведу известные мне примеры, отметив, что они большею частью относятся к западным говорам южновеликорусского наречия, причем это стоит в связи с распространенностью рассматриваемого явления в белорусской области: на одно́м зярну́, Грайвор. (Отв. № 279); на плячю́ нясе́ть дубинку, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880); ва чисто́м по́лю, ib.; на синём мо́рю, ib.; у гнёздушку, ib.; на паветтю, Жиздр. (Шахм.); в Полесью. Мещов. (Черныш.); в этом числу, ib.; в акну, об сену, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); у полю, Мосал. (Шахм.), Льгов. (Отв. № 76); у вакну, ib.; на мясьтечку, Жиздр. (А. Никольский); у полю, у вакну, у варешанью, у вишанью, у морю, Новосил. (Отв. № 77). Восточнее находим: у полю, в акну, Касим. (Отв. № 47). Единично в северновеликорусском: на лицу́, Устюжн. (Отв. № 28). Еще реже найдем *-у* в род. падеже: возле полю, Кинеш. (Отв. № 250).

25. Весьма распространено в великорусской области окончание родительного множественного *-ов* в именах среднего рода. Преимущественно находим его под ударением при ударяемом окончании *-а* в именительном множественного. Ясно, что здесь сказалось влияние мужеских слов с окончаниями *-а, -ов* во множественном (*города́ — городо́в*). Приведу примеры: полёв, Гдов. (Отв. № 11); полёв, делов, сенов, Буйск. (Отв. № 18); делов, местов, Кадник. (Отв. № 25); телов, делов, местов, Кадник. (Отв № 26); дело́в, местов, бельмо́в, Устюжн. (Отв. № 28); местоў, телоў, Петроз. (Отв. № 30); делов, местов, телов, Кадник. (Отв. № 31); полёв, делов, местов, Остр. (Отв. № 33); делоф, местоф, Самар. (Отв. № 40); войсков, средствов, семянов. Мещов. (Черныш.); делов, местов, Великолуцк. (Отв. № 45); делов, Богородск. (Черныш.); дялоф, Касим. (Отв. № 47); делов, Холмог. (Отв. № 50); делов, местов, Нолин. (Отв. № 51); делов, местов, Макар. (Отв. № 56); полёв, пивов, делов, местов, Буин.-Симб. (Отв. № 57); полёв, телов, делов, местов, Яранск. (Отв. № 59), Кинеш. (Отв. № 66); полёв, местов, делов, Карсун. (Отв. № 67); дяло́в, Новосил. (Отв. № 77); полёв, делов, местов, Покров. (Отв. № 244); делов, полёв, Тотем. (Отв. № 198); телов, делов, местов, полёв, Тотем. (Отв. № 201); делов, телов, Великоуст. (Отв. № 199); полёв, Орл.-Вят. (Отв. № 63); полёв, телов, Слобод. (Отв. № 65), Слобод. (№ 222); делов, Волог. (Отв. № 82); пиво́в, дело́в, место́в, Никол. (Отв. № 266); семяно́в, Валуйск. (Отв. № 261); семенов, стременов, Слобод. (Отв. № 53); местов, Галич. (Отв. № 55); мястов, дялов, Грайвор. (Отв. № 279); полев, пивов, Крестецк. (Отв. № 160); дялов, мястов, Брянск. (Отв. № 259); полёв, Красноуф. (Отв. № 138); делов, сенов, озеро́в, Рыльск. (Обл. сл., № 96); симяно́в, дялов, Жиздр. (Никольский); дялоф, Терск.-Моздок. (Караулов). По-видимому, можно выставить как общее правило, что слова среднего рода, имеющие в именительном множественного ударение на *-а,* образуют в диалектах род. мн. на *-ов*: пива́, дела́, тела́, поля́, войска, места́, семена́, стремена́, диалект.— болота́, озера́. Отметим: симёв, Казанск. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова), при *симя*.

Совершенно отдельно от приведенных образований стоят те родительные множественного на *-ов,* которые имеют при себе неударяемое окончание *-а* в именительном множественного. Появление *-ов* в таких случаях находится в связи с заменой *-а* через *-ы*, окончание мужеского рода (см. ниже).

26. Общим для всей великорусской области явлением оказывается замена неударяемого окончания именительного-винительного множественного среднего рода *-а* через *-ы*, заимствованное из слов мужеского рода. Приведу примеры. В древнем языке: унъша бо градомъ забралъı, Сл. о п. Иг., 22; взмути рѣки и озеръı, ib., 21; чрезъ облаки, ib., 30; поросѧтъı, Послов. XVII в. (Симони, 129); патнъı своѣ въсклалѣ, Ипат., 193 в; житы, у В. Майкова; вороты, болоты, брёвны, теляты, ягняты, Покров. (Отв. № 10); брёвны, вёслы, вороты, Олон. (Отв. № 29); вороты, болоты, брёвны, вёслы, окны, кольцы, Шуйск. (Отв. № 19); воро́ты, брёвны, вёслы, Новг. (Отв. № 20); зёрны, вороты, болоты, вёслы, Алатыр. (Отв. № 32); вороты, брёвны, вёслы, бало́ты, Остр. (Отв. № 33); кольцы, болоты, вороты, Котельн. (Отв. № 33); окны, гумны, кольцы, гнезды, я́ицы, Дон. (Калмыков); гнезды, седлы, ведры, вороты, болоты, бревны, веслы, окны, кольцы, сукны, житы, ребяты, дровы, Великолуцк. (Отв. № 45); семе́йствы, болоты, Богородск. (Черныш.); вороты, веслы, бревны, стеклы, Холмск. (Отв. № 54); вороты, гнезды, бревны, колены, Буин.-Симб. (Отв. № 57); выскресеньи, ib.; болоты, бревны, стойлы, веслы, Яранск. (Отв. № 59); полотны, гумны, окны, сёлы, кольцы, болоты, Зубцов. (Отв. № 60); вороты, окны, зерны, стеклы, Карсун. (Отв. № 67); вороты, болоты, брёвны, вёслы, Нолин. (Отв. № 68); окны, сёлы, гумны, яйцы, кольцы, Новосил. (Отв. № 77); вороты, брёвны, вёслы, болоты, Покров. (Отв. № 244); болоты, Великоуст. (Отв. № 199); вороты, болоты, веслы, Слобод. (Отв. № 141); ребяты, Слобод. (Отв. 120); кольцы, Слобод. (№ 222); окны, я́йцы, вёслы, креслы и крялслы, ib.; вороты, болоты, бревны, веслы, Меленк. (Отв. № 247); вороты, веслы, бревны, Великоуст. (Отв. № 195); о́кны, Валуйск. (Отв. № 261); вороты, болоты, бревны, Малмыж. (Отв. № 79); вороты, брёвны, веслы, Галич. (Отв. № 55); вокны, се́лы, кольцы, Грайвор. (Отв. № 279); болоты, Карсун. (Отв. № 67); вороты, Белоз. (Отв. № 166); вокны, сёлы, палотны, Брян. (Отв. № 259); варо́ты, бало́ты, бёрны, дро́вы, ib.; кольцы, Камышл. (Отв. № 89); за вароты, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); бало́ты, ib.; ведры, вокны, стеклы, карамыслы, Обоян. (Резанов); сёлы, вароты, дро́вы, пятны, вазёры, вёдры, стёклы, писмы, ухи, Жиздр. (Никольский); пало́тны, гумны, окны, балоты, Терск.-Моздок. (Караулов); дровы, балоты, рибяты, Мосал. (Шахм.); гумны, ib. Белинский: окны, стеклы, солицы, полотенцы (при *окна, стекла*). И в литературной нашей речи окончание *-ы, -и* утвердилось в умень-

шительных на *-ечко, -ышко*; мы говорим и пишем: *колечки, крылечки, крылышки* (*колечка, крылечка, крылышка,* Соликам., Луканин, Арх. II Отд.). Впрочем, вообще *-ки* вместо *-ка* неударяемого, что доказывает существование и *-ы* в неударенном слоге вместо *-а*: *яблоки*; но *-а* держится там, где в ед. числе ударение на *-о* (как, например, *сѐла* при *село́*). Отмечены: бревна, Олон. (Отв. № 29); ворота, Новг. (Отв. № 20); дружища, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.).

Понятно, что в родительном множественного при таком окончании *-ы* под влиянием слов мужеского рода явилось *-ов*. Примеры: полоте́нцев, блюдцев, Устюжн. (Отв. № 28); су́днов, письмов, болотов, ib.; окноў, Петроз. (Отв. № 30); бревнов, болотов, отделениев, Мещов. (Черныш.); гнездъф, Касим. (Отв. № 47); кресло́в, пряслов, окнов, Холмог. (Отв. № 50); окошков, Нолин. (Отв. № 51); выскресеньив, Буин.-Симб. (Отв. № 57); ру́жьев, Яранск. (Отв. № 59); окнов, ib.; о́кнов, Карсун. (Отв. № 67); кольцов, о́кнов, Новосил. (Отв. № 77); окнов, Тотем. (Отв. № 201), Великоуст. (Отв. № 199); сукнов, Малмыж. (Отв. № 103); окнов, Орл.-Вят. (Отв. № 63); одеялов, ib.; коромыслов, окошков, Слобод. (Отв. № 222); окнов, Малмыж. (Отв. № 79), Галич. (Отв. № 55); телятов, Красноуф. (Отв. № 139); лицов, прошеньёв, Шенк. (Обл. сл., 9); стёклов, намереньев, Влад. (Обл. сл., 15); веслов, ведров, окнов, Уфим. (Обл. сл., 166); также *пи́вов* в нескольких сообщениях, если это не *пивов́*, ср. *пивов́*, Покров. (Отв. № 244), *зеркалов* при *зеркал* (Белинский, Основ. русской грам.), *солнцев,* ib.; современные литературные *кушаньев, платьев, угодьев, устьев,* у Белинского: *ружьев, вареньев, зельев*. Сюда же относятся некоторые родительные на *-ов* с ударяемым окончанием, являвшимся при именительном множественного на *-ы* под влиянием того, что и в мужеском роде при неударенном *-ы* было известно в некоторых словах в родительном *-ов* (*годы — годов, волки — волков*): вядро́в, сялов, вяслов, гняздов, Новосил. (Отв. № 77); сёло́в, Покров. (Отв. № 244), мало селов, Орл.-Вят. (Отв. № 63); селов, Малмыж. (Отв. № 79); сядлов, Грайвор. (Отв. № 279); гняздоф, Терск.-Моздок. (Караулов). Старые формы: полоте́нец, блю́дец, Устюжн. (Отв. № 28); су́дён, пи́сем, ib. В форме *двух ведеров*, Петроз. (Шахм.), можно видеть контаминацию двух форм: *ведер* и *ведров*. От *время, имя* имеем род. мн. *вре́мев, и́мев*, Слобод. (Отв. № 15)[1].

[1] Ср. еще *симе́в*, указанное на стр. 354. (*Ред.*)

27. Рассматривая в числе общих всем русским наречиям особенностей вторжение окончаний *-ов, -ѣв* и *-ей* в родительном множественного старых основ на *-ŏ* и *-jŏ*, мы отложили до настоящего, великорусского отдела указание на диалектическое явление, состоявшее в следующем распределении этих окончаний: *-ов* употреблялось только в именах, оканчивавшихся в именительном множественного на *-ы*, а *-ей* только в именах, имевших окончание *-и*. Такое явление свойственно многим великорусским говорам, между прочим, и московскому: *городов, плодов, годов,* но *царей, товарищей, плащей, палачей, людей, путей, соседей; -ей* находим также при именах на *-а* после мягкой согласной: *учителей*. Что это явление древнее, видно из следующего: от основ, оканчивающихся на *ш* и *ж*, находим род. на *-ей*, несмотря на то, что в настоящее время именительный множественного звучит с *-ы* вместо *-и*: *ножы — ножей, ковшы — ковшей*, также *сторожа — сторожей*. Что было бы основание ожидать вместо *-ей* в таких именах *-ов*, видно из того, что в основах на *-ц* родительный множественного оканчивается на *-ов*, именительный множественного на *-ы*: *купцы, купцов*. Между тем ясно, что *купцы* звучало некогда *купци*. Из этого обстоятельства возможен, кажется, такой вывод: интересующее нас распределение окончаний произошло после отвердения *ц* (в великорусском оно было, как мы знаем, диалектическим, но широко распространенным явлением), но до отвердения *ш, ж*. В говорах, сохранявших мягкость *ц*, естественно являлось в род. мн. *-цей*, а не *-цев*: ср. огурцей, Кадник. (Обл. сл., 30); отцей, Верхот. (Отв. № 154); молодцей, месяцей, Каргоп. (Отв. № 106); отцей, огурцей, купцей, молодцей, Тотем. (Отв. № 196а), Онеж. (Отв. № 41), Петроз. (Отв. № 30) и т. д. В московском наречии колебание между *-ей* и *-ѣв* обнаруживается только в именах, оканчивающихся во множественном на *-ья́*: *князья, друзья, сыновья* имеют *князей, друзей, сыновей*; но *кумовья — кумовьёв* (однако у Крылова: *кумовей* в басне „Крестьянин в беде“), *зятья — зятьёв* (при *зятей*). Слова на *-ья* (неударяемое) имеют последовательно *-ьев*: *братьев, холопьев* (например, у Пушкина при именительном множественного *холопья*), *листьев, прутьев*. Равным образом находим *-ьев* от имен на *-ьи*: *воробьёв, соловьёв*. Можно думать, что *-ев* не было вытеснено в таких случаях через *-ей* ввиду того, что языку были вообще чужды родительные множественного на *-ьей*; диалектически является, однако, отмеченная нами и раньше форма *воробьей*, Холмог. (Отв. № 50). Род. *тетеревей* (у Тургенева)

при *тетеревов* (у него же) предполагает в им. мн. форму **тетеревья* при *тетерева* (по аналогии *сыновья* при древнем *сынова́*).

28. Диалектически в великорусском является окончание *-а* вместо *-и* в именительном множественного слов женского рода, и притом не только в южновеликорусском, но и в северновеликорусском наречиях. Такое *-а* проникло, конечно, из имен мужеского рода. Чередование в мужеском роде *учи́тели* и *учителя́* и т. п. повлияло на появление при *ло́шади — лошадя́* и т. д. Приведу примеры: податя́, яблоня́, зеленя́, Сарат. (Шахм.); лошадя́, податя́; вешша́, Остр. (Отв. № 33); пустоша́, Остр. (Отв. № 33), Гдов. Отв. № 25), Петроз. (Отв. № 30); „Мы въехали в „мелоча́“ (т. е. в мелкий лес), Тургенев „Записки охотника“ („Смерть“). Отмечу еще *комнатя́* от им. ед. *ко́мнать,* Медын. (Лебед. Е., Слов. Акад.).

29. Диалектически, и притом, как кажется, только в северновеликорусской области, вместо окончания *-ми* является в творительном окончание *-мы*. Как увидим, такое же окончание свойственно некоторым белорусским говорам[1] (определенной группе их). Думаю, что *-мы* явилось вместо *-ми* под влиянием твердого *-м* в дат. мн., а также окончания[2] дат.-твор. дв. *-ма*, которое, как видели, до сих пор заменяет диалектически окончание творительного множественного. Подобно тому как это *-ма*, подвергшись влиянию окончания *-ми*, перешло в *-мя* (см. об этом ниже), так же точно *-ми* под влиянием *-ма* изменилось в *-мы*. Приведу примеры: за ягодмы, лошадьмы, слезмы, ко́нямы, деньга́мы, рука́мы, жердьямы, Вытег. (Отв. № 22); с коровамы, за ягодамы, за грибамы, с вамы, с намы, за добрыма людямы, Петроз. (Отв. № 30); с работникамы, за коньмы, с робя́тамы, Петроз. (Отв. № 34); с людьмы, за грибамы, Новг. (Отв. № 20).

30. Более широкое распространение получило произношение *-мя* вместо *-ма*, явившееся под влиянием *-ми*. Увидим ниже, что это произношение свойственно и некоторым белорусским говорам[3]. Общим русским должно признать *двумя, тремя, четырьмя* непосредственно вместо *двума́* и т. д. под влиянием *двуми́*. Ср. еще диалектические формы: двымя, Холмск. (Отв. № 54); трёмя, Яранск.

---

[1] Имеется в виду специальный отдел о белорусских явлениях, который А. А. Шахматовым не был обработан. (*Ред.*)

[2] В рукописи. „в окончании“. (*Ред.*)

[3] Имеется в виду специальный отдел, который А. А. Шахматовым не был обработан. (*Ред.*)

(Отв. № 59); чатырмя, Грайвор. (Отв. № 279); четыремя, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); четыремя скалами, у Державина („Водопад"); трюмы, Алатыр. (Отв. № 32). Такого же происхождения форма *обемя*, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.). Как мы знаем из предыдущего, окончание *-ма* (по происхождению окончание твор.-дат. дв.) проникало диалектически на место *-м* и *-ми* в дательном и творительном множественного местоимений и прилагательных (и лишь в единичных случаях существительных, см. выше). Замечательно, что это *-мя* сохранилось только в местоимениях, и притом только под ударением; такое *-мя* находим особенно часто в восточных севернорусских говорах, и притом как в творительном, так и в дательном падежах: я сколько раз имя говорил, Орл.-Вят. (Отв. № 37); я уж с имя толковал, ib.; дайте имя, Котельн. (Отв. № 35); с имя, ib.; всемя́ (твор.), имя́ (дат.), Глазов. (Отв. № 7); с нимя́, Алатыр. (Отв. № 32); всемя́, Покров. (Отв. № 10), Новг. (Отв. № 20). Наречия на *-ма* точно так же изменялись в *-мя*: *ва́льмя валит,* Никольск. (Отв. № 266); *стоймя, кишмя.*

31. В северновеликорусской области вместо окончания *-ми* находим *-м*. Думаю, что *-м* нельзя возвести фонетически к *-ми*: оно заменило *-ми*, проникши из формы дательного множественного. Смешение дательного и творительного множественного вызвано совпадением обоих падежей в двойственном числе и стоит в прямой связи с проникновением окончания *-ма* из двойственного во множественное число. Форма *-мы* вместо *-ми*, как мы видели, свидетельствует о широком распространении *-ма* во множественном числе; но *-ма* в настоящее время свойственно почти исключительно местоимениям и прилагательным. То же, можно думать, было и в древности, а отсюда возможность предположения, что и *-м* вместо *-ми* явилось первоначально в прилагательных и местоимениях: *с нам, с большим, с милым, с красным*; и уже отсюда: *с большим сапогам, с милым девушкам, с красным девушкам.* В настоящее бремя *-м* находим вместо всякого вообще *-ми* и даже вместо ударяемого, а также вместо *-мя* в числительных. Приведу примеры: двум, трем (вместо *двумя, тремя*), Малмыж. (Отв. № 38), с нам, с лошадям, Гдов. (Отв. № 11); с лошадям, с детям, Бежецк. (Отв. № 6); за лугам, за грибам, Буйск. (Отв. № 18); за рыбам, с добрым людям, Новг. (Отв. № 20); с лошадям, с мужикам, под домам, Вытег. (Отв. № 22); рукам, ногам, Волог. (Отв. № 24); под ногам, когтям, Кадник. (Отв. № 25); слезам, ягодам, с милым девушкам, с березовым

дровам, с большим сапогам, с нам, Кадник. (Отв. № 26); с дитям, с ногам, с тем, Устюжн. (Отв. № 28); за полям, за ягодам, слышать ушам, Петроз. (Отв. № 30); с красным девушкам, тым делам, Остр. (Отв. № 33); под ногам, с детям, Котельн. (Отв. № 35); с кускам, берут рукам, жнут серпам, Орл.-Вят. (Отв. № 37); с трём лошадям, ib.; с осиновым дровам, за полям, рукам, Малмыж. (Отв. № 38); с лошадям, под ногам, Новорж. (Отв. № 39); с нам, с милым девушкам, с лошадям, Онеж. (Отв. № 41). Неясно: своими добрымъ домами живѫтъ, Домостр. Конш., 66.

Приведенные формы сознаются говорящими и как дательный множественного, и как творительный. Возможность употребить *рукам* и в том, и в другом значении ведет за собой следующее явление в речи тех лиц, которым свойственна эта особенность, когда они усваивают себе городскую речь. Они заимствуют из нее окончание *-ми* и употребляют его не только как окончание твор., но и дат. множественного. Ср. благодарим вами, по камнями ходить худо, Новг. (Отв. № 20, с указанием, что это свойственно „деревенским модникам“); дать корму лошадьми, к добрыми родителям, Котельн. (Отв. № 35); ходил по полями, подъехал к лугами, Орл.-Вят. (Отв. № 37, с указанием, что так говорят только люди бывалые); к добрыми людьми, Буйск. (Отв. № 18, с указанием на редкость подобных оборотов).

32. Во многих великорусских говорах имел место переход *ѣ* в конечном неударяемом слоге в *и*. Вследствие этого в некоторых падежных окончаниях оказывалось налицо чередование двух звуков: *-е* (или *-ѣ*) под ударением и *-и* в неударяемом слоге. Результатом этого было или перенесение *-е* на место *-и* в неударяемые окончания, или обратное перенесение *-и* на место *-е*. Первого рода явление находим, например, в московском наречии. Фонетически конечное *-ѣ* перешло здесь в *-и*, что видно из таких примеров, как *двести, колени*. Поэтому *-е* (откуда вследствие редукции ɛ: *в карóвɛ, в гóрадɛ, в гóрɛ*) заимствуется из случаев, где *е* под ударением (гαлавé, нα канé и т. д.). Обратное перенесение находим в ряде севернорусских говоров. Его можно доказать уже в XV в. Бóльшая часть Двинских грамот этого времени не изменяет *-ѣ* под ударением, так же как вообще в середине слова в *-и*; но такое изменение обязательно в конце слова: *по сили, по Степани, оу глухомъ погости, на Коневи острови, в заклади, Федосьини wт̃ни* (род.) и т. д. Отсюда *-и* переносится и в ударяемые окон-

чания: на *Лукинѝ береги, на двори, по старини, на лѣтнои сторони, на гори, на голови, на маломъ островки* и т. д. В современных говорах отмечу, например: на *сукнѝ*, Вытег. (Отв. № 22); *на потолки, в платки, на чердаки*, Петроз. (Отв. № 30).

33. Вытеснение винительного падежа *ю* через *ее, её* вызвало появление родительного падежа на месте винительного падежа женского рода и в других местоимениях: *ту, саму, всю* могли вытесниться формами *тое, тоё, самое, самоё, всее, всеё:* пишу сее духовную грамоту, 1568 (Акты Холмог., № 1). Но, кроме того, диалектически в великорусской области возникали в результате взаимного чередования старой и новой формы в винительном падеже женского рода и новообразования. Так, вместо *всю* известно *всё*, Котельн. (Отв. № 35). Путем контаминации явились *всею*, Покров. (Отв. № 10); *ею*, Петроз. (Шахм.); обратно: *всюé, туé, самуé, однуé, э́туе*, Устюжн. (Отв. № 28).

34. Мы говорили выше об общем великорусском вытеснении окончаний мягких основ окончаниями, заимствованными из твердых. Местоимения сохранили, однако, старые окончания, ср. *-ей* в *моей, -их, -им* в *моих, моим* (при *-ой*, в *той, одной*, или при *-ех* в *тех*). Уже на почве влияния одних местоимений на другие или одних форм на другие явилось вытеснение старых окончаний. Об изменении *моих, моим* в *моех, моем* мы говорили выше: оно вызвано влиянием на косвенные падежи именительного множественного *мое* (с *е* из *ѣ*) (по форме это исконный вин. мн.). Здесь укажем на диалектическое вытеснение *-ей* через *-ой* под влиянием *-ой* в *той, одной, самой* и т. п. Так явилось произношение *с нёй, моёй, со своёй* и т. д., проникшее частью в литературную речь (преимущественно северян); ср. *ёй* — род. и вин., Петроз. (Шахм.).

35. Мы отметили выше ряд новообразований в притяжательных местоимениях, свойственных всем вообще русским говорам; отнесли мы сюда *егоный, ихный* или *ихний, мойскый, твойскый, свойскый, ихый*. В великорусской области явился еще ряд подобных новообразований, имеющих большей частью только диалектическое распространение. Сюда относятся: *ейный*, произведенное, по-видимому, от формы род. *ей*; ср. ейный, Гдов. (Отв. № 11); ейно, Петроз. (Отв. № 12); ейная дочка, Буйск. (Отв. № 18); ейный, Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20), Устюжн. (Отв. № 28); ейнъи, Самар. (Отв. № 40); ейной, Онеж. (Отв. № 41), Шенк. (Отв. № 235); ейный, Галич. (Отв. № 55), Великоуст. (Отв. № 195),

Никол. (Отв. № 266) и т. д.; ёйный, Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20). Далее: *ёйнин*, Петроз. (Рыбников). Далее: *егонов*, Вытег. (Обл. сл., 119); *евонов*, Борович. (Обл. сл., 112). Далее: *нашинский, вашинский, ихинский*, Вят. (Верещагин, Арх. II Отд.): нашинской, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); jихънскъй, Самар. (Отв. № 40); *эвоинский*: евойнский, Вят. (Верещагин). Далее: *твоённый, своённый*, Холмог. (Отв. № 50); *твоейный*, ib.; *своейный*, ib.

36. Как мы знаем, еще в древнейшую эпоху жизни русского языка сравнительная степень перешла в разряд несклоняемых слов. В великорусском наречии особенного внимания заслуживают следующие явления. Формы на *-ьje* (*-eje*), (*-aje*) (сильнѣе, сильнее, ближае) должны были фонетически измениться в *-ьja* (*-eja*) *-aja*. Ср. в южновеликорусском, например, сярея, худея, краснея, Касим. (Отв. № 47); синея, Обоян. (Резанов), в северновеликорусском [1].

Таким образом, форма сравнительной степени сблизилась с формой деепричастий на *-ья* (*-ея*), как *краснея, стареясь, желтея, богатея* и т. д. Это было основанием для появления целого ряда новообразований. Во-первых, вместо *-ея* диалектически явилось *-еючи*: здоровеючи, Дон. (Калмыков); левеючи, сереючи, Мосал. (Шахм.); во-вторых, книжные причастные формы на *-еющий* получили значение превосходной степени: добреющий, Верхотур. (Отв. № 154). Окончание *-ея* под влиянием *-ая* (в положении за шипящими) перешло диалектически в *-ая*, а именно в северновеликорусских говорах находим: скоряя, добряя, веселяя, Бирск. (Отв. № 112); беляя, добряя (там же: жарчáя, жальчáя, лучшáя), Никол. (Отв. № 266); добряе, скуряе, Вытег. (Отв. № 22, там же: ловцяе); добряя, новяя, быстряя, зеленяе, миляё, Верхотур. (Отв. № 154); скоряе, веселяе (там же: тишае, громчае, корочае), Арханг. (Кузмищев); слабяе (там же: громчае, кручае, тишае, строжае), Шенк. (Обл. сл., 9); веселяя, Кирилл. (Отв. № 205); биляя (там же: бойчая, строжая), Соликам. (Луканин, Обл. сл., 137); бедняе, Нерч. (Обл. сл., 181; там же: ближае, лучшае); добряе, тепляе, холодняе (там же: жарчае), Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); биляя, глупяя, тяжеляя, крутяя (там же: сушая, строжая, ближая, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.). Известны также и сокращенные (благодаря стяжению) образования: добрá, та рубаха новá, Верхотур. (Отв. № 154); тесня́, сушá, строжá, Соликам. (Луканин, Обл. сл., 137); миля́, горчá, тяжеля, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.). Другим

[1] Далее примеры не приведены. (*Ред.*)

изменением окончаний *-ее, -ея, -яе, -яя* было изменение их в *-ей, -яй*; вызвано оно параллельными формами, как *сильнейше, скорейше*: ср.: мой конь сильнейши тваяго́, ён хитрейши тибе, Брян., (Отв. № 259); пажывейшы, паскарейшы, Жиздр. (Никольский); паскарейши, Мосал. (Шахм.); сюда будить крючнейши, ib.; паскарейша, Грайвор. (Отв. № 269). Очевидно, такие образования свойственны только западной группе южновеликорусских говоров. Так явились наши литерат.: скорей, веселей, сильней, горячей; диалектически — бога́тей, Новосил. (Отв. № 77); скаряй, веселяй, Касим. (Отв. № 47); смеляй, Арханг. (Кузмищев); поливяй, Повен. (Шахм.). Окончания *-ее, -ей, -яе, -яй* довольно последовательно вытеснили старое окончание *-е*: должей, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); дёшеўлие, Кирилл. (Отв. № 167); тончей, шыпчей, жарчей, далжеi, ближей, тишей, Брян. (Отв. № 259); жарчее, Мышк. (Отв. № 78); шипчей, должей, жарчей, Новосил. (Отв. № 77); должее, шибчее, Льгов. (Отв. № 76); прощее, жарчей, шыпчей, Зубцов. (Отв. № 60); лучшай, хужай, Касим. (Отв. № 47); пло́шей, бо́льшей, ме́ньшей, лучшей, Егорьев. (Черныш.); шипчея, Великолуцк. (Отв. № 45); ближа́е, Дон. (Калмыков); прощее, Жиздр. (Шахм.); пращей, далжей, шыпчей, выший, Жиздр. (Никольский); дешевля, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.). Однако старое окончание местами сохраняется: мене, тоне, дале, боле, Вытег. (Отв. № 22); мене, боле, Мещов. (Черныш.); боля, меня, даля, тоня, Обоян. (Резанов); и в особенности после *ж, ч, ш*, как: выше, крепче, ближе и т. д. Перенос *-е*: поску́пе, те́пле, Мещов. (Черныш.). Окончание *-е* заменяется окончанием *-ше* под влиянием аналогии: при *боле* существовало *больше* (образованное от основы *больш-*); так, находим: ширшы, Брян. (Отв. № 259); ширьше, Мещов. (Шахм.); блище (из *ближше*), Мосал. (Шахм.); длиньшы, тижельша, лучча (из *лучше*), Жиздр. (Никольский); прошше, Новосил. (Отв №. 77); дяшовшы, чажельшы, Брян. (Отв. № 259); тяжельше, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); дешевше, Валуйск. (Отв. № 261); тяжёльше, Никольск. (Отв. № 266); дешевше, Новосил. (Отв. № 77). Кроме того, *-ше* заменяет и *-ее*: длинше, здоровше, Никол. (Отв. № 266); длиньше, здоровше, Онеж. (Отв. № 262); длиньша, Грайвор. (Отв. № 279), длиньше, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); слапше, Валуйск. (Отв. № 261); слабже, Мещов. (Черныш.). Окончания *-ейше* и *-ше* подвергались нефонетической замене через *-ейче* и *-че*, по-видимому, под влиянием *-че* в *крепче, шибче, мельче, легче* и т. д. Так явились: скореича, Льгов. (Отв. № 76); скореича, Новосил. (Отв. № 77);

поскарейчи, поживеичи, Мещов. (Шахм.); памирьнеича, вяселеича, Жиздр. (А. Никольский); скореиче, Моршан. (Обл. сл., 164); скореича, Дмитр-.Кур. (Отв. № 236). Тот же суффикс *-че* может заменять и *-је*: ср., ловчаїе, Моршан. (Обл. сл., 164). Отмечу еще несколько случаев смешения суффиксов: при *глыбчи, крепчи, мягчи,* Брян. (Отв. № 259) находим *глыпша*, Жиздр. (Никольский); поглыбше, поглубше, мягше, легше, Мещов. (Черныш.); глубже, Моск.; при *прытче*, Моск.,— *прыже*, Моршан. (Обл. сл., 164); при *дóлжи*, Брян. (Отв. № 269),— *долже, подолже,* Мещов. (Черныш.)— *дольше*, Моск.; вместо ожидаемого *швыдче — швыжа,* Грайвор. (Отв. № 279).

37. Мы видели, что общим для всех русских наречий было появление окончания родительного *-у* вместо *-а*: 1) в словах со значением вещества или собрания предметов; 2) в словах, означающих местность или место; 3) в словах со значением отвлеченным. Едва ли при этом можно доказать наличность ограничительных условий в зависимости от ударения. Эти ограничительные условия явились уже в русском языке. А именно здесь по общему правилу ударение на окончании родительного *-у* допускается только в словах первой категории: *песку́, коньяку́, табаку́, медку́, сахарку́* и т. д. В остальных двух категориях ударяемое *-у* вообще не известно; окончание *-у* не вытесняет ударяемого окончания *-а*. Так, например, ударяемое *-у* в родительном в литературном наречии известно исключительно в словах первой категории. Но диалектически сохранились и формы с ударяемым *-у*, которые и свидетельствуют, думаю, о том, что исчезновение ударяемого окончания *-у*, вытеснение его через *-а* — явление позднейшее. Различаю две категории случаев: 1) областному *-у* соответствует в литературном наречии *-а́*; 2) областному *-у* соответствует в литературном наречии неударяемое *-а* или *-у*. Приведу примеры: без сну, Покров. (Отв. № 10), Петроз. (Отв. № 13), Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20), Остр. (Отв. № 33), Кадник. (Отв. № 25), Онеж. (Отв. № 41), Орл.-Вят. (Отв. № 37), Тотем. (Отв. № 198), Вытег. (Отв. № 22), Алатыр. (Отв. № 32); измучался без сну, Малмыж. (Отв. № 103); бсзо сну, Кологрив. (Отв. № 61); со сну, Великолуцк. (Отв. № 45), нет сну, Мещов. (Черныш.); у меня нет вовсе сну, Кадник. (Отв. № 31); без зву, Сольвыч. (Отв. № 193); с потолку, Кадник. (Отв. № 25), Алатыр. (Отв. № 32), Покров. (Отв. № 10), Буйск. (Отв. № 18), Макар. (Отв. № 56), Кинеш. (Отв. № 66); с уголку, Буйск. (Отв. № 18); канцу́ не будет, Егорьев. (Черныш.). Примеры для случаев

второй категории: без толкý, Орл.-Вят. (Отв. № 63); ни часý, Повен. (Шахм.); ат радý жызни, Жиздр. (Шахм.); с тово годý, Макар. (Отв. № 56); еду из городý, Буйск. (Отв. № 18); мово домý, Самар. (Отв. № 40); у парý (вместо — у пáра), Чистоп. (Отв. № 1). Эти случаи мне не ясны: непонятно, почему ударение перенесено на окончание. Третьим ограничением, происшедшим в большинстве русских говоров и выдержанном также в литературном наречии, является отсутствие[1] форм на *-у* после числительных. Но, как мы видели, и в древнем, и в современном областном языке *-у* может проникать и после числительных. Приведу примеры: с три году, Олон. (Отв. № 29); три году, Вытег. (Отв. № 22); три году, Повен. (Шахм.); трú году, Остр. (Отв. № 33); два гóду, Петроз. (Отв. № 30); два году, три году, Петроз. (Отв. № 34), три разу, Вытег. (Отв. № 22). Во всех этих случаях областной язык сохранил архаизмы, изчезнувшие в большинстве русских говоров, а в частности, в литературном наречии. Но некоторые из областных говоров представляют в распространении окончания *-у* также и новые явления. Так, в древнем языке совсем не было известно *-у* в окончании имен одушевленных; между тем диалектически находим: ат вóтьчиму, ат атцу, Жиздр. (А. Никольский); для свово сынý, Малмыж. (Отв. № 105). Далее окончание *-у* получают диалектически такие слова, как *лоб, зуб*: изо лбу, Буйск. (Отв. № 18); без зýбу, Котельн. (Отв. № 35); без нóсу, Орл.-Вят. (Отв. № 37); между тем *úз носу* является обычным; далее: с морозу, Великолуцк. (Отв. № 45); биз марóзу, Щигр. (Халанский); нет фарточку и платочку, Слобод. (Отв. № 222); с карману, Петроз. (Отв. № 30); из самовару, Буйск. (Отв. № 18), Костр. (Отв. № 264); того месяцу, Кологрив. (Отв. № 61); не нашли кладу, Кинеш. (Отв. № 66).

38. В местном падеже мужеского рода распространение *-у* было ограничено несколькими условиями: требовалась или основа на задненебную согласную, или же основа с падежным ударением. Кроме того, местный на *-у* употреблялся только после предлогов *в* и *на*. Наконец, имена одушевленные вообще не получали этого окончания. В говорах находим *-у* после предлога *при*: при стуку не спится, Мещов. (Черныш.); при отцý, ib.; при тцу, Жиздр. (Шахм.); при отцу, Брян. (Отв. № 259), Новосил. (Отв. № 77); при атцý, Касим. (Отв. № 47); при атцу, Терск.-Мозд. (Караулов);

---

[1] В рукописи по описке: „это отсутствием“. (*Ред.*)

при брату, при отцу, Льгов. (Отв. № 67); при бóльшем брáту, Мосал. (Шахм.); при боку (у Гоголя). Далее после предлога *об*: об рублю́, Брян. (Отв. № 259), Дмитр.-Кур. (№ 236). Далее в словах со значением одушевленных: на каню́, Грайвор. (Отв. № 279); на каню, Брян. (Отв. № 259), Льгов. (Отв. № 67), Новосил. (Отв. № 77), Терск.-Моздок. (Караулов), Обоян. (Резанов); на вóранам каню́, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880), Тимск. (Отв. № 246); на дьячку, Грайвор. (Отв. № 279), Терск.-Моздок. (Караулов); на дьячкю, Новосил. (Отв. № 77); на Василью Ильичу, Мещов. (Черныш.); на вору́ шапка горит, Дон (Калмыков). Как видно из примеров, это явление распространено только в южновеликорусском. Более распространено *-у* в неодушевленных с неподвижным ударением: на огню́, Холмог. (Отв. № 50); в дождю, Петроз. (Отв. № 30); в агню, Великолуцк. (Отв. № 45); на огню, Кадник. (Отв. № 26); на концу́, Новосил. (Отв. № 77), Льгов. (Отв. № 67), Тимск. (Отв. № 246); на костылю́, Новосил. (Отв. № 77); на кастылю́, Брян. (Отв. № 259); на концу́, ib.; на костылю, Дмитр.-Кур. (№ 236); на концу́, Грайвор. (Отв. № 279); в рукаву, Петроз. (Отв. № 30); в овсу, ib.; на дожжу́, Мещов. (Черныш.); на канáту, ib.; в овсу́, Уфим. (Отв. № 166); на концу́ и в концу́, Терск.-Моздок. (Караулов); у Ярослаўцу, Мосал. (Шахм.); на канцу́, Жиздр. (А. Никольский); у вагню, Обоян. (Резанов); в огню́, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В. 1893); у калóдязю, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); у сараю, ib.; на караблю, Жиздр. (А. Никольский); у имению, ib.; на сосуну́, Мещов. (Шахм.); на гвоздю́, Устюжн. (Отв. № 28); на путю́, Жиздр. (Никольский); на хрясту́, Грайвор. (Отв. № 279). Кроме того, весьма распространено едва ли не в большей части русских говоров *-у* в односложных: во рту, на лбу, моск. и др.; на пню, Покров. (Отв. № 10); на дню, моск.; отсюда и: на лопу́ (вместо *на лбу*), Вытег. (Отв. № 22). Отмечу: во лбе, Грязов. (Отв. № 36); Шуйск. (Отв. № 19), Орл.-Вят. (Отв. № 42); во лбе и во лбу, Никол. (Отв. № 266); во лбе, Красноуф. (Отв. № 137).

Отмечу еще неясное перенесение ударения с окончания *-у* в случаях, как: на вóранам кóню, Обоян. (Резанов); на сту́лу сиди́ть, Терск.-Моздок. (Караулов); на кáмню, Брян. (Отв. № 259).

Диалектически сохраняются формы на *-е*: в угле, Никол. (Отв. № 266); в лесе, в саде, Великоуст. (Отв. № 199); в у́гле, в саде, Крестецк. (Отв. № 160); на дубе, в угле, Кирилл. (Отв. № 152); в сáде, в лисе, Белоз. (Отв. № 162); в сáде, Костр. (Отв. № 264);

в угле, в глазе, Слобод. (Отв. № 222); в саде, в лесе, Слобод. (Отв. № 120); на угле, в суде, Холмог. (Отв. № 50); назаде, впереде, в леси, на пески, ib.; на камне, в угле, Буин.-Симб. (Отв. № 59); в саде, в посте, в пруде, Шуйск. (Отв. № 19); в угле, в лесе, в саде, Олон. (Отв. № 29); в глазе, Орл.-Вят. (Отв. № 42).

39. Отмечу диалектическое смешение родительного и местного множественного в существительных. Оно вызывалось, вероятно, тождественностью этих падежных форм в местоимениях и прилагательных. Примеры: и на женѣ твоеи и на чáдехъ твоихъ и на всѣхъ вашихъ доброхотавъ, Домостр. Конш., 69.

40. Формы звательного падежа мужеского рода передавали свое окончание *-е* форме именительного единственного, когда именительный падеж стал употребляться в значении звательного. Это имело место преимущественно в именах, также в отчествах на *-ов*, *-ин*. Примеры: олександре труфановъ, Новг. в 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 41).

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание печатается по рукописи акад. А. А. Шахматова, хранящейся в Архиве Академии наук СССР. По этой рукописи в свое время данная часть „Курса истории русского языка" А. А. Шахматова печаталась в литографированном издании.

Вся рукопись обнимает 207 листов (в $^1/_4$ долю листа), из них листы 1—169 составляют собственно содержание морфологии; на листах 170—195 содержатся выписки из разных источников — материал, на основе которого слагался данный раздел морфологии; наконец, остающиеся листы, 196—207, представляют собою черновые наброски плана и конспекта данного раздела „Курса". Здесь, между прочим, есть наброски плана (на листах 205 и 206) к белорусскому и украинскому разделам третьей части морфологии, которые фактически А. А. Шахматовым не были обработаны.

В основной части рукописи, содержащей курс морфологии, в разных местах вложены отдельные листы с дополнительными материалами. Этот материал, очевидно, периодически вносился А. А. Шахматовым позднее, после написания основного текста морфологии. Здесь главным образом дополнительный текстовой материал к разным явлениям морфологии, извлеченный из отдельных памятников русского языка, сравнительные данные из польского и чешского языков, выписки из „Грамматики" Ломоносова (также — Белинского) по поводу отдельных явлений склоняемых форм и др. Не всегда приводимый материал по содержанию соотносится с текстом основного изложения окружающих страниц. Приведу этот вставной материал в том порядке, в каком он содержится в рукописи, с означением (насколько это возможно было сделать) тех мест (страниц) данного издания, с которыми соотносились бы данные вставки.

л. 64 (к стр. 178):
wнѣ двѣ части въземъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54).

л. 70 (им. ж.: wставившим, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 49); живущия, ib (к стр. 192 и след.):
въ предъднюю славу, Сл. о п. Иг., 27; великъии княже Всеволоде, ib., 28; за ранъı Игоревъı буего Святславлича, ib., 30; на жестоцѣмь его тѣлѣ, ib., 38; на своею нетрудною крилцю (местн. дв.), ib., 38; горячюю свою лучю (вин. ж. ед.), ib., 39; претръгоста бо своя бръзая комоня, ib., 41; ангеловъ согрѣшшихъ не любитъ и богъ, Послов. XVII в. (Симони, 76). есть в немъ сѣръıе овчинъı клокъ, ib., 38; а покорнъıе головъı і мечь не сечетъ, ib., 123.

третьея бѣда, ib., 101; крадъи чюжая не обогатѣетъ, ib., 111; утопшеи пить не проситъ, ib., 147.

л. 76 (к стр. 205 и след.):
Быть может, *устроен — устроена* по аналогии *достоен — достойна* изменялось в *устройна*; ср. въ доброи домъ в устроиной, Домостр. Публ. б., № 38; ср. устроеннои, Домостр. Погод., № 1628, оустроина, Домостр. Публ. б., № 38 и № 180 (Орлов, 93).
швецамъ, Послов. XVII в. (Симони, 76), Смоленескъ, ib.; подъ каменемъ, ib., 152; ѡ доброва корені, ib.

л. 78 (к стр. 209):
тіи бо два храбрая Святъславлича Игорь и Всеволодъ, Сл. о п. Иг., 21.

л. 80 (к стр. 210):
два луки а оба туги, Послов. XVII в. (Симони, 93); два воеводы, ib., 97.

л. 83 (к стр. 216):
на битомъ два небитыхъ даютъ, Послов. XVII в. (Симони, 128).

л. 85 (к стр. 220 и след.):
а бобръ оу гостѧ цѣлои купіть, Домостр. Конш., 39; а ѣже пьѭнъ моужь попьхноули бѧхоу запьиъше ногою, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 60); всякои избираетъ другъ по своему нраву, Послов. XVII в. (Симони, 88); не ѣдчи на конь, да поѣхалъ в огонь (ib., 126); опаленъ бобръ не наси в торгъ, ib., 130.
Польск. наречные выражения. zamąż, na koń, za pan brat, przebóg, na święty Ian... (zapłacić rubla, dostać arbuza, tańczyć mazura и др.).
В древнечеш. как будто различались и в ед. ч. лица от жив(отных) по от(ношению) к род.-вин.: лица имели *-a* в род(ительном), а жив(отные) нет: boha, но býk, beran, črv, jelen, pták, rak и т. д.
(Gebauer, III, 1, 26—29), но есть и *-a:* duba, czbana, myecha в персонифик(ации), с. 29.
Совр. о деревьях, прозвищах, играх карт(очных), танцах...

л. 89 (к стр. 227 и след.):
В польск. *-i* теперь только в им(енах) лиц мужеского рода с тв(ердой) основой. mnisi, chłopi, urzędnicy, Polacy; -owie теперь только в именах лиц мужеского рода, а также народов и родов: zięciowie, Mickiewiczowie, Persowie, а в древнепольск. она распр(остраняется) и на неодуш(евленные) (sądowie, dębowie, biczowie).
-y — животные и неодуш(евленные) (а частью и лица: posły, żaki, anioły и др.) katy, chłopy обыкнов(енно) с оттенком (nie)uważenia lub pogardy dla samych osób.
-e — мягк(ие) основы, лица одуш(евленные) и неодуш(евленные) (króle — króliowie, oracze, ludzie, goście).

л. 90 (к стр. 227 и след.):
подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣянъı, Сл. о п. Иг., 8; поскепанъı саблями каленъими шеломы оварьскъıя, ib., 13; бъıли плъци Олговъı, ib., 14; акъı тури раненъı саблями каленъими, ib., 29.

л. 91 (к стр. 227 и след.):
уже понизить (2 л. повел.) стязи свои, вонзить свои мечи вережени, Сл. о п. Иг., 34; тугою имъ тули затче, ib., 39; wже на нь выведеть послоуси, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38).

л. 93 (к стр. 232):
волки бъı съıти и овцъı бъı цѣлъı, Послов. XVII в. (Симони, 86).

л. 95 (к стр. 223 и след.):
В польск. только личные совп(адают) с род(ительным) мн.: panów, ludzi; а другие одуш(евленные) и неодуше(вленные) имеют окончания *-y* и *-e*: baranу, orły, wozy, dwory, konie, kraje, miecze (а в ед. все одушевленные) в вин(ительном) имеют окончания род(ительного): lwa, lisa, wpża. «осердяся на блохи да одѣяло в печь, Послов. XVII в. (Симони, 130); мъıши ловитъ, ib., 156; щебечетъ соловеи в клѣтке забъıвъ свои дѣтки, ib., 159; на овчинѣ сидитъ, а про соболи сказъıваетъ, Послов. XVII в. (Симони, 213).

л. 97 (к стр. 238):
в путѣ, Послов. XVII в. (Симони, 77). Р(од). мн. — люди спать анъ жолвеи искать, Послов. XVII в. (Симони, 119).

л. 101 (к стр. 244 и след.):
По Ломоносову („Грамматика", § 171) одушевленные, „знаменующие животных", имеют всегда окончание *-а* в род(ительном); в § 172: „Происшедшие от глаголов употребительнее имеют в род(ительном) *-у* и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят; а славенские, в разговорах мало употребляемые, лутче удерживают *-а*": *размаху, чесу, взгляду, визгу, грузу, попреку, переносу, возрасту* и *возраста, виду* и *вида, трепета;* § 173: *святого духа, человеческого долга, ангельского гласа,* но: *розового духу, прошлогоднего долгу, птичья голосу*; § 174: „Имена собирательные и тех вещей, которые по мере, по числу или по весу разделяются, в родительном больше кончатся на *-у*, нежели на *-а*": *анису, бархату, бисеру, укладу, воску, гонту, дерну, квасу, чесноку, льду, хрящу, короводу, полку, содому;* § 175: „Время и место значащие существительные по большей части в род(ительном) ед. на *-у* склоняются": *базару, берегу, верьху, низу, переду, заду, вечеру* (и *вечера*), *веку* (и *века*), *караулу, лугу* (и *луга*); § 176: „Которыми именами значатся снасти, платье, строение, посуда и сим подобные, те в родительном больше *-а* содержат": *топора, клина, бруса, двора, кафтана, сапога, чулка, пояса, водовика, амбара*; § 177: „Имена, выключающие в род(ительном) из окончания самогласные и соединяющие согласные, больше на *-а* кончатся": *желудка, конца, мизинца, овса, пальца* (но *песку, перцу*); § 179: „Вообще служить может для разбору помянутых родительных сочинение имен с числительными *два, три четыре,* ибо они родительного на *-у* отнюдь не терпят. Итак, рассудив по натуре вещей, о которых можно сказать: *два, три, четыре,* тех имена имеют род(ительный) падеж на *-а,* хотя иногда и *-у* в других случаях не отметывают, например, *два блина, три боба, три волка, четыре закона;* а не толь свойственно сказать можно: *два аниса, четыре воска;* но лутче: *четыре разные воски, два разные анисы*".

(Приписка карандашом)

Б(ыть) м(ожет) в древности здесь сказалось обратное влияние дв. числа? То есть *два двора* удерживало *двора* в род(ительном), а отсутствие *два вечера* давало предпоч(тение) род(ительному) *вечеру*. Исчезн(овение) *овсу*, ср. с исчез(новением) *без сну*.

§ 200: „Кончащиеся на *и* краткое... состоя из одного склада, в род(ительном) ед. принимают *-ю: краю* и *края, спою* и *споя, клею, рою, слоя* и *слою, бою, чаю, рая* и *раю*; в предл(ожном) всегда на *-ю: на краю, в слою, в спою, на бою, в чаю, в раю, на клею, в рою* (вычитай животные: *змея, зуя*)".

Примеры:

без року, Послов XVII в. (Симони, 80, 83); веку не изжить, ib.; быть на Диому разгрому[1], ib.; платежу нет, ib., 87; вольнее торгу нет, ib., 89; из Крыму, из дыму, ib., 92; до порогу, ib., 93; дурак стыду не знаетъ, ib., 96; безъ вѣку, ib.; дошолъ черт броду, ib.; добился... солоду, ib., 97; запросу в мошну не кладутъ, ib., 103; не для туку, ib., 105; жалитъ пчелка жалѣвъ медку, ib., 104; жару... не любитъ, ib., 103; з дубу, ib., 100; хто не ѣлъ чесноку, ib., 112; смраду не пуститъ, ib., 114; ладану бегаетъ дьяволъ, ib., 117; любя жену потерпѣть стыду, ib., 118; малъ чирей да гною полонъ, ib., 123; не толко свѣту что в окошке, ib., 124; не спрашивай броду, ib., 120; послѣ дѣлу, ib., 125; и з духу пьянъ, ib., 128; не мозгу искать, ib., 130; плачетъ Ероха не хлебавъ гороха, ib., 133; голоду не разумѣетъ, ib., 140; трѣску боятца, ib.; у страху, ib., 145; у спаса не безъ запасу, ib.; а убытку богъ избавилъ, ib., 155; чаетъ слѣпъ свѣту, ib.; не для смѣху, ib.; часъ отъ часу, ib., 154; от берегу, ib., 153; много люду много и труду, Послов. XVII в. (ib., 186); при светлѣ сидѣть стыду болѣ, ib., 192; стона не мала гдѣ река мостъ сломала[2], ib., 196; с вѣтру, ib., 209; со всево свѣту, ib., без запросу, ib., 213.

л. 105 (к стр. 251 и след.):

w стльскомъ и сщенническом чинѣ, Домостр. Конш., 11; в иномъ годѣ, ib., 44; в вѣсѣ, ib., 47; в домѣ, ib., 69; в квасѣ, ib., 61; в стогѣ, ib.; в долгу своемъ, ib.; и в домѣ и в торгѣ, ib.; в ледѣ, ib.; в дьаконьскомъ чинѣ, ib.; на вороту, Послов. XVII в. (Симони, 78); в Крыму, ib., 82; в дому, ib.; голова на кресу а товаръ на берегу, ib., 91; в лесу, в квасу, ib., 92; в пару, ib., 106; на цвѣту, ib., 107; ичется з голоду а дрожится с холоду, ib., 109; искалъ дѣдъ маку[3], ib.; из дому, из лѣсу[3], ib., 110; на дѣлу, ib., 129; в зобу, ib., 142; на баку, ib., 135; в мѣху, ib., 156; в стругу, ib., 161.

л. 106 (к стр. 240 и след.):

Род(ительный) п(адеж) *-а* в польском[4].

На *-а:* одушевл(енные) (pana, komara), отдельных предметов, орудий, сосудов, частей тела (pieca, kłosa, młota, zęba, nosa, bicza, noża), умень-

---

[1] Этот пример приведен по ошибке: „разгрому" — форма дат. падежа. (*Ред.*)

[2] В записи ошибочно „стона" вместо „спона", т. е. препятствие, помеха. (*Ред.*)

[3] По ошибке пример на родительный (не предложный) падеж. (*Ред.*)

[4] Приписано карандашом. (*Ред.*)

ш(ительные) (kotka, groszka, kawalka), назв(аний) мер, монет, игр, танцев (łokcia, wista, grosza), месяцев.

На *-и:* отвлеченные (boju, moru); zbiorowie, означ(ающие) массу или такие предметы, в которых различ(аются) составные части (grodu, pułku, wieku, śniegu, lasu), дни недели (piątku); иностр(анные) слова неодушевл(енные) (organu, ganku, statutu).

В именах местностей б(ольшая) часть своих, польских на *-а:* Lwowa, Torunia; или давних заимств(ований): Hamburga; на *-и* б(ольшая) часть иноземных: Dorpatu, Krymu, wieczoru (zabawy), wieczora (schyłku dnia), zbiegu (сходки, встречи) и zbiega, zamku и zamka, lipca и lipcu.

В древнечешском род(ительный) на *-и* не б(ывает) в лицах, а в животных он известен: hadu, črvu, raku, volu zemiplczu (bĕsu, duchu; jáz biesu neymám, duchu swatého). Неодушев(ленные) имеют *-а* и *-и* в старочешском: z bluda и z bludu, z boka, ot boku, с. 34· можно проследить постеп(енное) распростр(анение) окончания *-и* на счет *-а; -и* преимущ(ественно) в двусложных; в старочешском lesu, а новочешском lesa, старочешском ctvrtku, а новочешском čtvrtka; стар. Řimu, Reinu, а теперь *-а*, теперь ze sna, но nerad bych mu snu rušila; do roka, но půlroku: tvrdého dubu, но do toho duba < >; zakusil do boba, но bobu coll.; slézali z vrcha (-s kopu), sypál z vrhu.

В совр(еменном) яз(ыке): *-а* имеют названия мест (но Brodu, Mostu), месяцы, дни (но pátku), ряд имен: oves, ocet, kotel, chléb, chlév, sýr, večer, popel, mlýn и др.; *-а* и *-и*: duch, sen, les, kus, jazyk и др. Остал(ьные) имеют *-и.*

л. 107 (к стр. 249 и след.):

Ломоносов („Грамматика", § 188): Предложный единственный падеж „*-ѣ* переменяет часто на *-у*, когда значит место или время, а особливо тех имен, которые *-у* в родительном имеют": *берег — на берегу, на верьху, в низу, на лугу, в вечеру, в нынешнем веку, на песку, в шестом часу, в полку.* Вычитаются некоторые татарские и другие иностранные: *на карауле; на базаре; на пикете; в кирмазине; на кипарисе;* § 189: „Сия перемена бывает больше с предлогами *в* и *на*, с протчими часто *-ѣ* удерживает свое место": *при береге, о луге, о часе;* § 190: „Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где российский язык к славенскому клонится, окончание на *-ѣ* преимуществует": *очищенное в горне злато, жить в доме бога вышнего, в поте лица труд совершать, скрыть в рове зависти, в свете лица господня;* но ... *медь в горну плавить, в поту домой прибежал, на рву жить, в свету стоять.*

л. 110 (к стр. 257 и след.):

В польском в наст(оящее) вр(емя) преобл(адает) -owi (duchowi, krzyżowi), а *-и* в односложных преимущ(ественно) (człeku но człowiekowi), также ojcu, chłopcu, owsu и т. д. Кажется, нет следов различия одушев(ленных) и неодушевл(енных). В чешском -ovi; у одушев(ленных): chlopovi, sedlákovi; в неодушев(ленных) — -ovi редко.

л. 113 (к стр. 263 и след.):

хлопотóвъ и wстудъı нѣтъ, Домостр. Конш, 30. Азовъ не о сте глазовъ, Послов. XVII в. (Симони, 74); бѣзъ обоихъ глазъ, ib., 74; безъ рукавъ,

ib., 80; бодливой корове богъ **рогъ не даетъ, ib.; хошъ зубовъ нѣть**, ib., 75; сапоговъ нѣтъ, ib., 86.

л. 115 (к стр. 270).
Древнеп(ольские): o pisarzoch, o oraczoch, konioch — далее bogoch, w duchoch, na listoch, w obrazoch, w smętkoch, w poganoch, w uczynkoch, o synoch, w bratoch. Но теперь т(олько) *-ach*: gościach, grobach, grzechach (a *-ech* w Niemczech, w Prusiech, we Włoszech).
Что же это такое за *-ech*? М(ожет) б(ыть), и наше *-ох* нельзя возв(одить) к *-ѣхъ*. Б(ыть) м(ожет), gostьmъ — gostьхъ вызвало mǫžьmъ — mǫžьхъ, откуда mǫžech, но до *-och* не дошло бы. Скорее, что ženamъ — ženахъ вызвало grѣxomъ — grѣxохъ! Ср. древнеп(ольские) w sercoch, poloch, dzialoch, na kolanoch, w miastoch, o trzech uchoch, w oczoch, po latoch — древнепольск. w postacioch, w rzeczodi, w kaźnioch (из w postaciech, we krwiech, w głębokościech, w gęsech).

л. 117 (к стр. 271 и след.): во пни, Послов. XVII в. (Симони, 85, 90).

л. 119 (к стр. 272):
В польском koni, sążni, liści, śledzi, groszy, miesięcy, zajęcy, pieniędzy, tysięcy и др. (а вообще -ów); рядом: króli и królów, wielbicielów и wielbicieli, uczniow и uczni, słuchaczów и sluchaczy, badaczów и badaczy, pisarzów и pisarzy, lekarzy и lekarzów, aptekarzy и aptekarzów, dorożkarzy и dorożkarzów, nożów и noży, widelców и widelcy, talerzów и talerzy и т. д.

л. 119 об (к стр. 273):
Древнепольск. królmi, pasterzmi, groszmi, mieczmi, końmi, krajmi — sąsiadmi, panmi, apostołmi, głosmi, wozmi; рядом др(евние) и совр(еменные) panami, synami, sąsiadami, kmieciami, kamieniami, lwami, mężami; до сих пор: gośćmi, liśćmi, księżmi, braćmi, pieniędzmi, neprzyaciołmi, ludźmi. Старое ок(ончание) до сих пор после прилаг(ательных): szybkiemi kroki, z mojemi sąsiady, długiemi laty, cichemi sioły, głośnemi słowy.

л 121 (к стр. 278):
окоянныими Турки, Послов. XVIII в. (Симони, 152).

л. 122 (к стр. 279):
по швомъ по рукавомъ, Домостр. Конш., 30.

л. 124 (к стр. 278—280):
В древнепольском б(ыло) изв(естно): grzecham, pastucham, ptakam, но перевес оказался за *-om* (koniom, ptakom, sąsiadom, кот(орое) было pochylone); slowam, prawom, lekarstwam.

л. 124 об. (к стр. 278—280):
Польск. żonom, siostrom, dużom, matkom (*o* будто вместо *-am*).
В древн(ем) и совре(менном) книж(ном): pierwszemi barwy, s tugiemi godziny, iskrzącemi gwiazdy, swojemi panęty, usilnemi kary.
Древнепольском: w głowiech, o grzywniech na jagodziech, po ziemiech, po struniech.
Польском: kościam, myślam, częściam, powieściam, rzeczami, gęslami; но kośćmi, dłońmi, skrońmi, nićmi.

л. 126 (к стр. 283):
По Ломоносову („Грамматика", § 167): „кончащиеся на *жа, ча, ша* переменяют в род(ительном) мн. *-а* на *-ей*, когда перед ними стоит согласная". *ханьжей, епанчей* (но и *епанеч*), *каланчей, парчей, векшей, вершей, пищей*. Кроме того, в § 170 *лютней, башней, вишней, каплей, цаплей* (при *лютен, башен, вишен, капель*).

(к стр. 284):
Старопольск.: żonmi, górmi, niedzielmi, godzinmi — zmajętności, memi śmertelnemi ciemności.

л. 126 об. (к стр. 284):
Тв. мн. мечтаньми, Домостр. Конш., 22. (Не ясно: о҃аки^{х} таглеи, ib., 39; ни в какихъ таглехъ, ib., 60.)
Древнепольск: piórmi, ziołmi, ciatmi, winmi, polmi, jeziormi, dziełmi, zbożmi, sercmi (oczmi, ustmi, uszmi).

л. 132 (к стр. 297)
с кйслъı штами, Домостр. Конш., 51; надъ младомь дѣтатемь, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 36), при: надъ великъıмь чл҃вкомъ, ib.
В польск(ом) XIV—XV вв. знал(и) именное скл(онение) прилагательных; но потом оно б(ыло) вытеснено. Сохр(анилось) в прилаг(ательном) скав(уемом) jestem gotów, łaskaw, mocen; далее прилаг(ательные) на *-ow* и *-in*. Но т(ак) в им(енительном), а в род(ительном) только в наречных выр(ажениях) (как zdaleka, znowa и znowu, za młodu), также и др. под.

л. 133 (к стр. 297 и след.):
Отмечу прилагательное-существительное на мокрѣ не сѣсти, Домостр. Конш., 35; на мáккѣ держа^{т}, ib., 42; в сусе и в покръıте, ib., 53.
„Имена городов и прозваний, кончащиеся на *-ов, -ев, -ин, -ск*" по Ломоносову, § 193: твор. — *Серпуховым, Годуновым, Ржевым, Лихвиным, Скопиным, Тобольским*. а во мн(ожественном) как прил(агательные): *Скопиных* и т. д.; § 204: *Тушино — Тушиным, Осташков(-о?) — Осташковым*.

л. 135 (к стр. 302):
бѣзъ обѣихъ глазъ, Послов XVII в. (Симони, 74).

л. 135 об. (к стр. 304)
намъ однѣмъ, Послов. XVII в. (Симони, 88).

л. 139 (к стр. 339):
10-а. Отмечу здесь переход увеличительных на *-ище* в м(ужеский) и и ж(енский) р(од). Ломоносов признает слова, как *столище, домище, детинище* м(ужеского) р(ода), а *бабище, избище, силище* ж(енского) р(ода), но „однако чаще в среднем употребляются. *великое домище, дурное бабище* (§ 140); *наш столишко, наша скатертишко, старое пивенцо*"; „некоторые со всеми прилагательные в ср(еднем) роде употребляют: *дряхлое стариченцо, старое бабенцо, утлое суднишко*" (§ 248).

л. 141 (к стр. 328 и след.):
Польск. р(одительный) duszy, bani, szyi (древн. dusze, szyje), а в дат(ельном) не было влияния тв(ердых) основ на мягкие дат. ziemi, duszy.

Gen. sg., телячьи кожи, Послов. XVII в. (Симони, 151); l. sg. в зяте, Послов. XVIII в. (в. 188); въ бжіе рукѣ, ib., 192; въ хрьтном целование, Ипат. 1432; на конѣхъ, ib., 155а; в друземь кладѧзѣ, ib., 48б; двѣ лицѣ (вин. дв.), Ермол., 69; въ еппьѣ дворѣ, ib., 45 об.; в полутрѣсте, ib., 41; на море, Хожд. Афан. Ник. XV в., 374а; сроуби городци, Новг. 1-я (3-я часть), 126а; на нѣмци, ib., 128б; на боехъ, Пов. Аз. сид., Бусл., XVII в. (Орлов, 142);

л. 143

томоу ити ротѣ оу кого то лѣжалъ товаръ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 39); своѥго истьча кто же ѥго оударилъ, ib., 50; а дъчери можеть дати кто ю кърмить, ib., 45.; за жеребець ѡже не въсѣдано на нь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38); нѣтъ тово попа не убилъ бы кои клопа, Послов. XVII в. (Симони, 126).

л. 145 (к стр. 319):

Польск. w nim, w tym, w naszym, w moim (а в древн(ем) w niem).

л. 147 об.

Формы местного падежа сохранились только после предлогов; самостоятельно форма м(естного) п(адежа) перестала употребляться. Исчезли и такие наречные формы, как *лѣтѣ*, *зимѣ*. Ср. зимѣ, лѣте, Домостр. Конш., 40 (ср., ib., в лете).

Отмечу: доруземь мѣстѣ в той же заповѣди молвить, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 43).

л. 150 (к стр. 331 и след.):

мн. от *медъ*: шесть медовъ, Домостр. Конш, 46; жолобъı (им.-вин. мн.), ib., 58; серéбренъые мáслеръı, ib., 68; по всѧ вéчеръı, ib., 47; медъı (им. мн.), ib., 52.

чюжіе хлѣбъı спать не даютъ, Послов. XVIII в. (Симони, 216).

У Ломоносова § 195: бéреги и берегá, лýги и лугá, лесы и лесá, островы и островá, снеги и снегá, струги и стругá, колоколы и колоколá. Только *-а:* рогá, бокá, глазá.

л. 150 об.

Польск. z niemi и z nimi, mojemi, naszemi.

л. 152 (к стр. 335):

бояря пьютъ, Послов. XVII в. (Симони, 79); туръченя и янъıченя, Пов. Аз. сид., Бусл., XVII в. (Орлов, 154).

чуваша хотя сто человѣкъ соидутся, Послов. XVII в. (Симони, 156).

л. 152 об. (к стр. 336 и след.):

Ломоносов („Грамматика", § 194): брусья, лоскутья, колья, листья, кусья (от *кус*), клочья, пенья; однако ж говорят и *листы* и *пни*. „Сии все употребляются и в ед. ч. на *-ье*, в ср(еднем) р(оде), имея силу множественного: *брусье, колье, листье*".

елье березье все то деревье, Послов. XVII в. (Симони, 99); безъ клинья кафтана не здѣлать, Послов. XVIII в. (в. 175); ворону знать и по перью (ib., 178); увезилъ клинье в кривое деревье (ib., 198).

Древнепольск. to gałęzie, kamienie, lieście, rożdże, węgle и др.; совр(еменные) kwiecie, to ostrze, to pierze.

л. 154

В древнепольском Jagiełło, Fredro, в род(ительном) Jagiełła, Fredra; дат. Jagiełłowi, Fredrowi, а в совр(еменном): род. Fredry, дат. Fredrze.

л. 160 (к стр. 352 и след.):

Польск. м(ужеского) р(ода) starostów, wojewodów, sędziów; древнеп(ол). trosków, bogiнiów, władzów; совр(еменные) нар(одные) muchów, paniów, wiszniów, gospodyniów

Белинский учил, что слова ж. рода на *-ья* под ударением имеют *-ей*, а без ударения *-ьев: колдуньев, лгуньев* (Основания русской грамматики); женские отеч(ественные) имена: *Андреевнов, Петровнов* (ib.).

л. 162 (к стр. 352 и след.):

бл҃говонных зе́леи (р. мн.), Домостр. Конш., 46. Старопольск· uczuciów, oknów, zwalisków, zgromadzeniów, позже: wzgórzów, nadbrzeżów, совр. народн. kopytów, mejsców, jabłków, naczyniów, narzędrziów, литер. pleców, oczów, konisków, chłopisków (личн.).

л. 166 (к стр. 362 и след.):

и есть поганого горѣе, Домостр. Конш., 16; борзее, ib., 33,34; суша вытирати, ib., 45; бочку и болши, ib., 46; не мне полу л҃ лѣтъ, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р.И.Б., VI, 92); наиболѣ кланяютьсѧ, Вопр. Кир. 1282 (Р.И.Б., VI, 26); а лѣпше иного чл҃вка въскоупити, ib., 42, или лоучьши съпати, а не лоуче б҃а молити, ib., 53; льжѧ, ib., 58; легъчѧ, ib.; аже ли мьнѣ (т. е. меньше), Русск. Пр. (Р. Д., 1,32); богатѣе себя взаем не даваи, Послов. XVIII в. (Симони, 177).

Ломоносов („Грамматика", § 212): „Российские прилагательные в рассудительных степенях не склоняются, но как наречия неподвижны остаются *смирен, смирнее; весел, веселее*".

л. 168 и 168 об. (заметки смешанного содержания):

како дѣтемъ Фца и мт҃и любити, Домостр. Конш., 15

в те поръı, Домостр. Конш., 62.

Отметим, что по Л(омоносо)ву („Грамматика", § 200) „имена, с причастиями и прилагательными сродные, кончащиеся на *-ей* и *-ой*, склоняются, как прилагательные: *певчей, певчего..., стряпчей, прохожей, проежжей, подьячей, кравчей, нищей, носящей, сотской, посадской, тысяцкой* и др. сим подобные".

У Л(омоносо)ва (§ 233) от *Смоленск — Смольянин*. Ср. об этом статью С(оболевског)о в одном из его сб(орников) (Горяин(ов), Козляинов из Горянинов)[1]

полгора, род.— полуторых, дат.—полуторым, вин.— полтора, твор.— полуторыми, пр.— полуторых; полтретья, полутретьих и под. у Л(омоносо)ва (§ 262). Л(омоносо)в § 263 различает *девятью́, пятью́, десятью́* как твор(ительный падеж) и *девя́тью, пя́тью, деся́тью* как наречия (ср. *пятью пять*).

n. pl. *робятка*, Послов. XVIII в. (Симони, 194) под вл(иянием) *робята*.

---

[1] Статья напечатана в сборнике акад. А. И. Соболевского „Лингвистические и археологические наблюдения", Варшава, 1910, стр. 48. (*Ред.*)

Из иных приписок к основному тексту можно отметить:

к стр. 80, снизу 8-я строка:
№. древнепольск. kazanim, milosierdzim, pienim, orędzim, rządzenim.

к стр. 120—121 (приписка карандашом):
дву сажену, Лавр. под 1051, может быть, это по осн(овам) на согласные!

к стр. 393 (приписано на полях карандашом):
а м(ожет) б(ыть), совпадение прилагат(ельных) и мест(оимений).

Издание воспроизводит рукопись с возможной точностью. В немногих случаях явных недоразумений в тексте внесены необходимые исправления. Всякие сколько-нибудь значительные поправки к тексту оговорены в подстрочных примечаниях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А А. Э.— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Академии наук, дополнены и изданы высочайше утвержденной комиссией, т. I — IV, СПБ, 1836.

А. Г. О.— Архив Русского географического общества (рукописи).

А. И.— Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 1, 1334—1598 гг.; т. 2, 1598—1613 гг.; т. 3, 1613—1645 гг.; т. 4, 1645—1676 гг.; т. 5, 1676—1700. С указателем, СПБ, 1841—1843.

А. Калач — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографическою комиссиею, под редакциею члена комиссии Николая Калачева, тт. I — III, СПБ, 1857—1884.

Акты Устюжск.— Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 1, 1500—1699 гг. (Сообщены И. К. Зинченко, ред. Л. Н. Майков и А. И. Тимофеев.) Р.И.Б. изд. Археографическою комиссиею, т. XII, СПБ, 1890, ч. II, т. XIV, ч. II, СПБ, 1894.

Акты Холмог.— См. Акты Устюжск.

Алатыр.— Алатырский у. См. Отв.

Ant. Kalina — См. Калина А.

Апост. 1307, 1309—1312 гг. См. Собол., Очерки.

Арханг.— Архангельский у. См. Кузмищев.

Арханг. ев. 1092 г.— Архангельское евангелие 1092 г. (рукопись). В 1912 г. было воспроизведено при помощи трехцветной фотоцинкографии, в издании Московского и Публичного Румянцевского Музеев (ныне Библиотека имени В. И. Ленина).

Арх. II Отд.— Рукописи Архива Второго отделения Академии наук (Отделение русского языка и словесности).

Арх. Ю.-З. России — Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов. Часть первая. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России, т. I — VII, IX, Киев, 1859.

Архивск. леств. XIII — XIV вв. (Р.Ф.В., 1884) — Архивская лествица XIII — XIV вв. См. Соболевский.

Ассем. ев.— Ассеманово евангелие (изд. Рачкого, 1865 г.).

Астрах.— Астраханский у. См. Отв.

А. Ю.— Акты Юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданы Археографическою комиссиею, СПБ, 1838 г.

А. Ю. З.— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 1, СПБ, 1863.

А. Юр.— См. А. Ю.

Баженов — Баженов. См. ркп. Арх. II Отд.

Барс. (Палеостр.) — Е л п. Б а р с о в, Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 1, 1868).

Бежецк.— Бежецкий у. См. Отв.

Бессонов — П. А. Б е с с о н о в, Калики перехожие, ч. 1 и 2, М., 1861.

Бел.— Беляев. См. Собр. Бел.

Белинский, Основ. русск. грамм.— В. Г. Б е л и н с к и й, Основания русской грамматики для первоначального обучения, ч. 1, Грамматика аналитическая (Этимология), М., 1837.

Белор.— белорусский.

Белорус. сборн. Романова — См. Ром.

Белоз.— Белозерский у. См. Отв.

Беседа о святынях Цареграда XVII в. (Л. Майков) — См. Майков.

Библ кор. Соф.— Библия королевы Софии, изд. Малецкого, Львов. 1871.

Бирск.— Бирский у. См. Отв.

Благов.— В. Б л а г о в е щ е н с к и й, Некоторые обычаи, поверья и образцы народной речи Тульской губ., Русский филологический вестник, т. 3, № 2, 1880.

Богородск.— Богородский у. См. Чернышев (Черныш).

Бодров, Обл. сл.— См. ркп. Арх. II Отд.

Борович.— Боровичский у. См. Обл. сл., Пардалоцкий.

Бронниц. (Даль) — Бронницкий у. См. Даль.

Брянск.— Брянский у. См. Отв.

Будде — 1) Е. Ф. Б у д д е, Диалектические заметки. Сборник в честь Ф. Ф. Фортунатова, Варшава, 1902.

2) Е. Ф. Б у д д е, К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, Русский филологический вестник, тт. 27, 28, 1892.

3) Е. Ф. Б у д д е, К истории великорусских говоров, Казань, 1896.

4) Е. Ф. Б у д д е, Материалы по русской диалектологии. 1. Образцы народного говора Скопинского у. Рязанской губ. (Этнографическое обозрение, кн. II, 1894).

Будде в Сборн. в ч. Фортунатова — См. Будде (1).

Будилович — А. Б у д и л о в и ч, XIII Слов Григория Богослова, в древнеславянском переводе, по рукописи Публичной библиотеки XI века, изд. Отделения русского языка и словесности АН СПБ, 1875.

Буин.-Симб.— Буинский у. Симбирской губ. См. Отв.

Буйск.— Буйский у. См. Отв.

Быхов — Быховский у. См. Отв., Романов (Ром.).

Валуйск.— Валуйский у. См. Отв.

Васильев — Л. Л. В а с и л ь е в, Новгородское евангелие Публичной библиотеки и его западнорусские вкладные, Русский филологический вестник, т. 47, 1902.

Великолуцк.— Великолуцкий у. См. Отв.

Великоуст.— Великоустюгский у. См. Отв.

Вельск.— Вельский у. См. Баженов.

Верещагин — См. ркп. Арх. II Отд.

Верхотур.— Верхотурский у. См. Отв.

Верхр.— И. Верхратский, Знадоби для пізнаня угрорусских говорів, чч. I — II, Львів, 1899—1901 (Зап. Н. Т-ва ім. Шевч., тт. 27—30, 40, 44, 45).

Ветухов, Р.Ф.В., 1893 — А. В. Ветухов, Говор слободы Бахмутовки Старобельского уезда Харьковской губернии. Говор слободы Новой Айдари Старобельского уезда Харьковской губернии, Русский филологический вестник, т. 30, 1893.

Виленск. сп., Виленск. сп. Западнорус. лет., Виленск. сп. Лит. лет.— Виленский список Западнорусской (Литовской) летописи. См. П.С.Р.Л.

Витеб.— Витебский у. См. Отв., Шейн.

Вкладн. Варл. — Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г.

Вкладн. кн. Анофрия 1399 г.— Вкладная князя Анофрия 1399 г. См. Васильев.

Вкладн. Ив. Ник. XIV в.— Вкладная Ивана Никитина XIV в. См. Соболевский.

Влад.— Владимирский у. См. Бодров.

Волков.— Волковыский у. См. Отв.

Волог.— Вологодский у. См. Баженов, Отв.

Волокол. духовн. 1558 г.— Волоколамская духовная грамота 1558 г. См. Лихачев.

Волынск. гр.— Волынская грамота.

Вопр. Кир.— Вопрошания Кирика 1282 г., Памятники древнерусского канонического права, ч. 1, СПБ, 1880; изд. 2, 1908. См. Р.И.Б., т. VI.

Воскресенский — Григ. Воскресенский, Древнеславянский Апостол. Послания Апостола Павла по основным спискам четырех редакций, вып. I — III, Сергиев Посад, 1892—1908.

Вытег.— Вытегорский у. См. Обл. сл., Отв., Филимонов.

Вят.— Вятский у. См. Верещагин, Колосов.

Гал. гр.— Галицкая грамота.

Гал. ев.— Галицкое евангелие 1144 г., см. „Четвероевангелие Галичское 1144 года, сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями", изд. архим. Амфилохия, тт. I, II, III и Дополнение, М., 1882—1883 гг.

Гал. ев. 1266—1301 — Галицкое евангелие между 1266—1301 гг. (рукопись). См. также Собол., Очерки.

Галицк.— Галицкий у.

Галич.— Галичский у. См. Отв.

Гдов.— Гдовский у. См. Отв.

Г. Др.— Государственное древлехранилище.

Gebauer — Jan Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého. V Praze a ve Vrdni, I—IV, 1894.

Глазов.— Глазовский у. См. Отв.

Головац.— 1) Я. Ф. Головацкий, Песни Галицкой и Угорской Руси, Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1863, 1865, 1871 и 1872 (отд. изд.— М., 1878).

2) Я. Ф. Головацкий, Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем галицко-володимирском княжестве в XIV — XV столетии, Львов, 1867 (Науковый Сборник галицко-русской матицы, 1860—1867 гг.).

Горбат.— Горбатовский у. См. Обл. сл.

Грайвор.— Грайворонский у. См. Отв.

Грамáтка, изд. Кулиша — Грамáтка (Типография П. А. Кулиша), СПБ, 1857.

Гр.— Грамоты вкладные, данные, договорные, духовные и др. (по рукописям, фототипиям, печатным изданиям). См. А.А.Э., А. Калач, А.Ю., Арх. Ю.-З. России, Г. Др., Головац., Лих., Р.Д., Р.Л.А., Сборн. Мух. (С. М.), Сибирц. и Шахм., Собол. и Пташ., Собр. Бел., Шахм. и др.

Гр. Мстислава, Грам. Мстислава около 1130 г.— Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 г.

Гр. 1229 — Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.

Гродн.— Гродненский у. См. Отв.

Грязов.— Грязовецкий у. См. Отв.

Гуцул.— Гуцульский.

Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка.

Дв. гр. XV в.— Двинские грамоты XV в., См. Шахматов (Шахм.).

Девг. деян.— Девгениево деяние. См. Пыпин, Очерк.

Дисн.— Дисненский у. См. Отв.

Дмитр.— Дмитриевский у. См. Отв.

Дмитр.-Моск.— Дмитровский у. Московской губ. См. Чернышев (Черныш.).

Добрил. ев.— Добрилово евангелие 1164 г. См. Собол., Очерки.

Добровол.— Добровольский. См. ркп. Арх. II Отд.

Дог., Догов.— Договорная грамота.

Дог. Моск.— См. Моск. Дог.

Домостр. Конш.— Домострой по Коншинскому списку. См. Орлов.

Домостр. Публ. б., Домостр. Погод.— См. Орлов.

Дон.— Донская область. См. Калмыков.

Дух. Дм. Ив.— Духовная грамота Московского князя Дмитрия Ивановича до 1378 г. См. С.Г.Гр. и Д.

Дух. Калиты — Духовная грамота Московского князя Ивана Даниловича Калиты 1327—1328 гг. См. С.Г.Гр. и Д.

Дух. Климента — Духовное завещание новгородца Климента до 1270 г.

Дух. Моск. 1389 г.— Духовная грамота Московского князя 1389 г.

Дух.— Духовная грамота.

Духовщ.— Духовщинский у. См. Добровол.

Ев. 1144 г.— См. Гал. ев.

Ев. 1339 г.— Московское евангелие 1339 г.

Ев. XII в. № 1, 6 — См. Типогр. ев. № 1, 6.

Ев. Типогр.— См. Типогр. ев.

Ев. XIII в., Еванг. XIII в.— Евангелие XIII в.

Ев. XIV в.— Евангелие XIV в.

Егорьев.— Егорьевский у. См. Чернышев (Черныш.).

Ермол.— Ермолинская летопись. См. П.С.Р.Л.

Жит. Бор. и Гл. XV в.— Житие Бориса и Глеба XV в. См. Лихачев (Лих.).

Жит. Бор. и Гл. по Усп. сп. XII в.— Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. См. Усп. сборн. XII в.

Жиздр.— Жиздринский у. См. Добровол., Никольский, Шахм.

Жит. Феод.— Житие Феодосия. См. Усп. сбор. XII в.

Западнорус. ев. XV в. № 391 — Западнорусское евангелие XV в., № 391. См. Карский.

Западнорус. пс.— Западнорусская псалтырь. См. Карский.

Западнорус. сб. XV в.— Западнорусский сборник XV в. См. Карский.

Зап. Н. Т-ва ім. Шевч.— Записки наукового товариства імени Шевченка у Львові.

Зап. Петра Могилы — Собственноручные записки Петра Могилы, Архив Юго-Западной России, т. VII, ч. 1, Киев, 1887.

Злат. XII в.— Златоструй XII в., сборник (рукопись).

Зогр. ев.— Зографское евангелие. Quattuor ewangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus, edidit W. J a g i č, Берлин, 1879.

Зубцов.— Зубцовский у. См. Отв.

Игум.— Игуменский у. См. Отв.

Изв., Изв. II Отд. АН — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Ипат., Ипат. лет.— Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку. См. П.С.Р.Л.

Ирбит.— Ирбитский у. См. Отв.

Ист. слов.— Исторический словарь (Тимченко).

Кадник.— Кадниковский у. См. Обл. сл., Отв.

Казанск. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова) — Казанский у. См. Будде.

Калина А.— A. K a l i n a, prof., Historyja języka polskiego. Tom pierwszy. Formy gramatyczne języka polskiego do konca XVIII wieku, Lwów., 1883.

Калмыков — См. ркп. Арх. II Отд.

Камышл.— Камышловский у. См. Отв.

Карамз. сп. Русск. Пр. XV в.— Карамзинский список Русской Правды XV в. (в издании Н. Калачева, М., 1846).

Каргоп.— Каргопольский у. См. Колосков, Отв.

Караулов — М. А. К а р а у л о в, Говор станиц б. Моздокского полка Терского казачьего войска, Русский филологический вестник, т. 44, 1900.

Каринск.— Н. М. К а р и н с к и й, Язык Пскова и его области в XV веке, СПБ, 1909.

Карпаторус.— Карпаторусский. См. Отв.

Карский — 1) Е. Ф. К а р с к и й, Белорусы, т. II. Язык белорусского племени, вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия, Варшава, 1908.

2) Е. Ф. К а р с к и й, Западнорусские переводы псалтыри в XV — XVII веках, Варшава, 1896.

3) Е. Ф. К а р с к и й, Западнорусский сборник XV в. (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. II, 1897.)

4) Е. Ф. Карский, Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого Летописью Араамки, Варшава, 1899.

Корсун.— Корсунский у. См. Отв.

Касим.— Касимовский у. См. Будде, Отв.

Квитка — Гр. Ф. Квитка-Основьяненко, Повести, тт. I — II, СПБ, 1858.

Кемск. — Кемский у. См. Отв., Цейтлин.

Киев. гр. 1446 г.— Киевская грамота 1446 г.

Киев. Ст.— Киевская Старина, журнал.

Кинеш.— Кинешемский у. См. Леонов, Отв.

Кирилл.— Кирилловский у. См. Отв.

Кирша Данил.— Сборник Кирши Данилова, изд. Публичной библиотеки, под редакцией П. Н. Шеффера, СПБ, 1901.

Клих — Edward Klich, Teksty bialoruskie z powiata Nowogródzkiego, 1903. Materijaly i praci Komisyi językowei. W Krakowie II, 1, 1903.

Клоц. сборн.— Клоцов сборник (в издании В. Вондрака, 1893).

Кн. зак.— Книги законные. См. Павлов.

Кологр.— Кологривский у. См. Отв.

Колом. Пал. 1406 г., Коломенская Палея — Толковая Палея, писанная в Коломне в 1406 г., изд. „Толковая Палея по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова", вып. 1, М., 1892; вып. II, М., 1896.

Колосков — См. ркп. Арх. II Отд.

Колос.— М. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия, СПБ, 1876.

Ком. сп. Новг. 1-й, Комиссионный список Новгородской первой летописи. См. П. С. Р. Л.

Кормч. 1282 г. — Кормчая 1282 г., рукопись Синодального собрания.

Костр. — Костромской у. См. Отв.

Костр. Духовн. 1560 г. — Костромская духовная грамота 1560 г. См. Лихачев.

Котельн.— Котельнический у. См. Отв.

Котлярев. — И. Н. Котляревский, Полное собрание сочинений на малороссийском языке, изд. 2, под ред. С. Капранова, Киев, 1874.

Крак. гр. 1394. г.— Краковская грамота 1394 г.

Красноуф.— Красноуфимский у. См. Отв.

Крас., Крас. сп. Западнорус. лет., Крас. сп. Лит. лет.— Список Красинского Западнорусской (Литовской) летописи. См. П. С. Р. Л.

Крестецк.— Крестецкий у. См. Отв.

Кузмищев — См. ркп. Арх. II Отд.

Кунгур.— Кунгурский у. См. Отв.

Курск.— Курский у. См. Маляревский.

Лавр. (Некрасов) — Лаврентьевская летопись. См. Некрасов (Некрас.).

Лавр., Лавр. сп., Лавр. сп. пов. вр. лет — Повесть временных лет, Лаврентьевский список. См. П. С. Р. Л.

Лебед. Е. Слов. Акад.— Сообщения Е. Лебедевой в издании Словаря русского языка Академии наук.

Лемк.— лемковский.

Леонов — См. ркп. Арх. II Отд.

Леппельск.— Леппельский у. См. Отв.

Лескин — А. Лескин, Грамматика старославянского языка, М., 1892.

Лет. Авр.— Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. См. П. С. Р. Л. См. также Карский.

Лет. Пер. Суздал. XV в.— Летописец Переяславля Суздальского. Временник Московского общества истории и древностей российских, М., 1851.

Лечебн. XVIII в.— Лечебник XVIII в., издание Потебни (Киев. Ст., т. XXVIII, 1890).

Лит. Лет. сп. Крас.— Список Красинского Литовской (Западнорусской) летописи, См. П. С. Р. Л.

Лит. лет. XV—XVI вв.— Литовские летописи XV—XVI вв. См. П. С. Р. Л.

Лих.— Н. П. Лихачев, Лицевое житие св. благоверных князей русских Бориса и Глеба по рукописи конца XV века, СПБ, 1907.

Лихачев — Н. П. Лихачев, Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. I. Духовные и сговорные грамоты. II. Грамоты правые, СПБ, 1895.

Ломонос., Грамм.— М.В. Ломоносов, Российская грамматика, СПБ, 1755.

Луж.— Лужский у. См. Отв.

Луканин, Обл. сл.— См. ркп. Арх. II Отд.

Лук. ев. 1409 г.— Лукино евангелие 1409 г. (Рукопись). См. также Собол., Очерки.

Луцк. гр.— Луцкая грамота.

Луцк. ев. XIV в.— Луцкое евангелие XIV в. (Рукопись). См. также Собол., Очерки.

Льгов.— Льговский у. См. Отв.

Майков — Л. Н. Майков, Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. Беседа о святынях и других достопамятностях Цареграда, СПБ, 1890.

Майков В.— См. Чернышев (Черныш.).

Макар.— Макарьевский у. См. Отв.

Малевич — См. ркп. Арх. II Отд.

Малмыж.— Малмыжский у. См. Отв.

Малояр.— Малоярославецкий у. См. Шейн.

Маляревский — См. ркп. Арх. II Отд.

Медын.— Медынский у. См. Обл. сл.

Меленк.— Меленковский у. См. Отв.

Мещов.— Мещовский у. См. Чернышев (Черныш.).

Микул. ев.— Микулино евангелие (Рукопись).

Минея 1095 и 1096 г.— Памятники древнерусского языка, т. 1. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям (1095—1097 гг.) Труд. орд. акад. И. В. Ягича. С 6 табл. снимков, изд. Отделения русского языка и словесности АН, СПБ, 1886.

Минея XI в., № 294 — См. Минея 1095 г.

Минея XI—XII вв. № 221 — Минеи служебные конца XI — начала XII в. за январь, апрель, июль и август (Рукопись).

Минск.— Минский у. См. Отв.

Могил.— Могилевский у. См. Отв.

Моздок.-Терск.— Моздокский уезд Терской области. См. Караулов.

Мозыр.— Мозырский у. См. Отв.

Молд. гр.— Молдавская грамота. См. Гр.

Моложс.— Моложский у. См. Обл. сл.

Моршан.— Моршанский у. См. Обл. сл.

Мосал.— Мосальский у. См. Шахматов (Шахм.).

Моск. Догов. 1381, 1428 г.— Московские договорные грамоты 1381, 1428 гг. См. Гр.

Мстислав. ев.— Мстиславово евангелие начала XII в. См. Симони.

Мышк.— Мышкинский у. См. Отв.

Некрас.— Н. П. Некрасов, Заметки о языке „Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи", Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, кн. 4, 1896, и кн. 1, 1897.

Нерч.— Нерчинский у. См. Обл. сл.

Никол.— Никольский у. См. Отв.

Никол.-Волог.— Никольский у. Вологодской губ. См. Отв.

Никольский — А. А. Никольский, Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии, Русский филологический вестник, тт. 45 и 46 1901, т. 47, 1902; т. 49, 1903.

Новг. гр. 1265 г., Новг. догов. 1265 — Новгородская договорная грамота с великим князем Ярославом. См. Шахм.

Новг. ев. XIV в. Публ. Библ.— Новгородское евангелие XIV в. см. Васильев.

Новг.— Новгородский у. См. Колос., Отв.

Новг. 1-я Ком., Новг. 1-я по Ком. сп.— Новгородская первая летопись по Комиссионному списку. См. П. С. Р. Л.

Новг. 1-я Тр. сп., Новг. 1-я по Тр. сп.— Новгородская первая летопись по Троицкому списку. См. П. С. Р. Л.

Новг. 1-я Син., Новг. 1-я по Синод. сп.— Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку, СПБ, 1875.

Новг. Писц. I — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею, т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г., первая половина, СПБ, 1859.

Новг. рядн. XV в.— Новгородская рядная XV в. См. Сборн. Мух.

Новоалекс.— Новоалександровский у. См. Отв.

Новогр.— Новогрудский у. См. Клих, Отв.

Новорж.— Новоржевский у. См. Отв.

Новор. сп. Новг. 4-й, Новоросс. сп. Новг. 4-й — Новороссийский список Новгородской четвертой летописи. См. П. С. Р. Л.

Новосил.— Новосильский у. См. Отв., Тр. диал. ком., 1.

Нолин. — Нолинский у. См. Отв.

Обл. сл.— Областной словарь. Рукописи Архива II Отделения Академии наук.

Обоян.— Обоянский у. См. Резанова.

Общ. Л. Др. П.— Общество любителей древней письменности.

Огоновский — Dm. Ogonowski, Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880.

Олон.— Олонецкий у. См. Отв.

Онеж.— Онежский у. См. Отв.

Опред. Влад. соб. 1274 — Определение Владимирского собора 1274 г., изложенное в грамоте митрополита Кирилла II, Русская историческая библиотека, т. VI, Памятники древнерусского канонического права, ч. I, СПБ, 1880; изд. 2, 1908.

Орлов — 1) А. С. Орлов, Домострой по Коншинскому списку и подобным, М., 1908, и Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 2, 1908.

2) А. С. Орлов, Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты, М., 1906.

Орл.— Орловский у. См. Обл. сл.

Орл.-Вят.— Орловский у. Вятской губернии. См. Отв.

Осадца — М. Осадца, Граматика русского языка, Львів, 1876.

„Основа" 1861—1862 гг.— журнал, выходивший в Петербурге.

Остр.— Островский у. См. А. Г. О. и Отв.

Остр. ев.— Остромирово евангелие 1057 г. (в издании А. Востокова, СПБ, 1843).

Отв.— Ответы на Программы для собирания особенностей народных говоров. Частью в рукописи, частью напечатаны в „Материалах для изучения великорусских говоров" в Известиях Отделения и Сборниках Отделения русского языка и словесности Академии наук и в „Материалах для изучения белорусских говоров" (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, тт. II—III, 1897—1898).

Отв. запись Вастеч. земл. бл. р. Псковы (*Срезн. Древн. пам., 300*) — Отводная запись Вастечьской земли близ р. Псковы. См. Срезн.

Отв. митр. Иоан., Отв. митр. Иоанна — Канонические ответы митрополита Иоанна, II, 1080—1089 гг. (по Чудовской пергаментной Кормчей XIV в.), т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1, СПБ, 1880; изд. 2, 1908.

Оч. Собол.— См. Собол., Очерки.

Павлов — А. С. Павлов, „Книги законные", содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Издал вместе с греческими подлинниками и с историческо-юридическим введением А. Павлов, СПБ, 1885; изд. 2, СПБ, 1908.

Палея 1447 — См. Каринский.

Палея 1494 — См. Каринский.

Панд. XII—XIII вв., Панд. Ник. Черног. XII—XIII вв.— Пандекты Никона Черногорца XII—XIII вв. См. Тихвинский (Тихвин.).

Пантел. ев.— Пантелеймоново евангелие XII в.

Пардалоцкий — См. ркп. Арх. II Отд.

Парем. 1271—1378 — Паремейники 1271 г. и 1378 г.

Парем. 1313 г.— Паремейник 1313 г. См. Каринский.

Перемышл. гр. 1378 г.— Перемышльская грамота 1378 г. См. Гр.

Пересопн. ев.— Пересопницкое евангелие 1556 г.

Переясл.-Влад.— Переяславльский у. Владимирской губ. См. Обл. сл.

Переясл.— Переяславльский у.

Переясл. гр.— Переяславская грамота.

Петергоф.— Петергофский у. См. Отв.

Петроз.— Петрозаводский у. См. Отв., Рыбн., Шахм.

Пинеж.— Пинежский у. См. Пругав. Обл. сл.

Пинск.— Пинский у. См. Отв.

П.Р.Г., Письма русск. госуд.— Письма русских государей и других особ царского семейства, изд. Археографическою комиссиею, т. 1 (1526—1658), М., 1848.

Плечев — См. ркп. Арх. II Отд.

Пов. вр. л. по Лавр. сп.— Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. См. П. С. Р. Л.

Пов. о Девг.— Девгениево деяние. См. Пыпин, Очерк.

Повен.— Повенецкий у. См. Шахм.

Погод., Погод. сп. Псков. 1-й лет.— Погодинский список Псковской первой летописи (Рукопись). См. также Каринский.

Позн. сборн. XVI в.— Познанский сборник XVI в.

Пов. Азов. сид. Унд. № 794 — Повесть Азовского сиденья. Рукопись собрания Ундольского, № 794, См. Орлов.

Покров.— Покровский у. См. Отв.

Полоцк. гр. 1265 г.— Полоцкая грамота 1265 г., См. Р. Л. А.

Послание Ионы 1450 — См. А. И., 1, № 50.

Послов. XVII в.— см. Симони.

Послов. XVIII в.— см. Симони.

Пост. Ильи Новг. 1164—1168 гг. (Кормч. 1282) — Постановление Ильи, архиепископа новгородского, и неизвестного белогородского епископа по двум случаям при совершении литургии, Русская историческая библиотека, т. VI, Памятники древнерусского канонического права, ч. I, СПБ, 1880; изд. 2, 1908.

Поуч. Влад. Мон.— Поучение Владимира Мономаха (в составе Лаврентьевской летописи под 1096 г.). См. П. С. Р. Л.

Поуч. Ефр. Сир. 1377 г.— Переяславский список слов Ефрема Сирина 1377 г.

Поуч. Зарубск. чернор. XIII в.— Поучение Зарубского черноризца XIII в. См. Срезневский, Св. и зам. (№ 7).

Поуч. Конст. Болг. XIII в.— Поучение Константина Болгарского XIII в. Рукопись Публичной библиотеки в г. Ленинграде.

Пошех.— Пошехонский у. См. Обл. сл., Яросл. губ. вед., Прол. 1383 г., См. также Собол., Очерки.

Прол. 1383 г.— Пролог 1383 г. См. Собол., Очерки.

Пругав. Обл. сл.— А. С. Пругавин, Областной словарь (Рукопись). Архив II Отделения.

Пруж.— Пружанский у. См. Отв.

Псалт. XII в.— Толковая псалтырь XII в.

Псалт. XVI в., XVII в.— Псалтыри XVI в. и XVII в. См. Карский.

Псков. 1-я лет. Погод. № 1413 — Псковская первая летопись, Погодинский список. См. Каринский.

Псков. 2-я лет.— Псковская вторая летопись. См. П. С. Р. Л.

Псков. Паракл. 1369 — Псковский Параклитик 1369 г. См. Собол., Очерки.

Псков. сборн. XVI в.— Псковской сборник XVI в.

Псков. судн. гр.— Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г., изд. Н. Мурзаковичем, изд. 2, Одесса, 1868.

П. С. Р. Л.— Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею.

Пудож.— Пудожский у.

Пыпин, Очерк — А. Н. Пыпин, Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, СПБ, 1857 (Ученые записки Академии наук, т. IV).

Радзив. лет.— Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись XIV—XV вв. (Рукопись.); также: Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, ч. 1. Фотомеханическое воспроизведение рукописи; ч. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи, изд. Общества любителей древней письменности, вып. CXVIII, СПБ, 1902.

Рамзевич — См. Обл. сл.

Р.Д.— Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, учрежденном при Московском университете, ч. 1, М., 1815.

Резанова — Е. И. Резанова, Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского у. Курской губ., Известия II Отд. АН, т. XVII, кн. 1, 1912.

Речицк.— Речицкий у. См. Отв.

Р. И. Б.— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, СПБ, 1872.

Риж. гр.— Рижская грамота. См. Р. Л. А.

Ркп.— рукопись.

Ркп. 1296 г. Син.— Псалтырь 1296 г. Синодального собрания.

Р. Л. А.— Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским, изд. Археографическою комиссиею, СПБ, 1868.

Рогач.— Рогачевский у. См. Романов (Ром.).

Ром.— Е. Р. Романов, Белорусский сборник, вып. I—VI, Киев — Витебск — Могилев, 1886—1901.

Русск. Пр. по Комис. сп.— Русская Правда по Комиссионному списку.

Русск. Пр.— Русская Правда по списку 1282 г. См. Р. Д., 1.

Р. Ф. В.— Русский филологический вестник.

Рыбн.— Н. Н. Рыбников, Песни, чч. I—IV, М. — Петрозаводск — СПБ, 1861—1867.

Рыльск.— Рыльский у. См. Обл. сл.

Рязанск. — Рязанский у. См. Тр. диал. ком., 1.

Савв. кн.— Саввина книга, изд. Академии наук (Памятники старославянского языка, т. 1, вып. 2), СПБ, 1903.

Самар.— Самарский у. См. Отв.

Сарат.— Саратовский у. См. Шахматов (Шахм.).

Сборн. II Отд.— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Сборн. в ч. Фортунатова — Сборник статей в честь Ф. Ф. Фортунатова, Русский филологический вестник, Варшава, 1902.

Сборн. Лихачева — См. Лихачев.

Сборн. Мух. — Сборник Н. И. Муханова, изд. 2, дополн., СПБ, 1866.

Сборн. Соф. XV в. № 53/255 — Сборник Софийского собрания XV в., См. Каринский.

Сборн. 1073 г.— Изборник Святослава 1073 г. (Ркп., также в фототипическом воспроизведении), Общество любителей древней письменности, СПБ, 1880.

Свенц.— Свенцянский у. См. Отв.

С. Г. Гр. и Д.— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел, чч. I—V, М., 1813—1819—1822—1828—1894.

Себеж.— Себежский у. См. Отв.

Северск. гр.— Северская грамота.

Сергеев — См. ркп. Арх. II Отд.

Сибирц. и Шахм.— Н. М. Сибирцев и А. А. Шахматов, Еще несколько Двинских грамот XV в., Исследования по русскому языку, II, выпуск 5, СПБ, 1909.

Симони — 1) П. К. Симони, Мстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношениях, изд. Общества любителей древней письменности, вып. CXXIII, СПБ, 1904.

2) П. К. Симони, Старинные сборники русских пословиц, СПБ, 1899 (Сборн. II Отд. АН, т. 61, № 7).

Син. сборн. XV в. № 154 — Синодальный сборник XV в. См. Каринский.

Син. Молитв.—Синайский молитвенник (требник), изд. Гейтлера, Загреб,1865.

Син. ркп. 1296 г.— Псалтырь 1296 г. Синодального собрания.

Син. Пс.— Синайская псалтырь, в издании Гейтлера, Загреб, 1883.

Син. требн.— См. Син. Молитв.

Скоп.— Скопинский у. См. Будде.

Сл. Ипп. об Анп. XII в.—К. Невоструев, Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века, М., 1868.

Слобод.— Слободской у. См. Отв.

Слов. Андр.— Словарь Андреева. Ркп. Арх. II Отд.

Слово Феод. Печ.— Слово Феодосия Печерского (Ученые записки Академии наук, СПБ, кн. II, вып. II, 1856).

Сл. о п. Иг.— Слово о полку Игореве, М., 1800 г.

Словцов — См. ркп. Арх. II Отд.

Служебн. Минея 1096 г.— См. Минея 1096 г.

Слуцк.— Слуцкий у. См. Малевич, Отв.

Слуцк. пс.—Слуцкая псалтырь XI века, в „Древних памятниках" Срезневского.

С. М.— см. Сборн. Мух.

Смол.— Смоленский у. См. Обл. сл.

Смол. гр. 1284 г.— Смоленская грамота 1284 г.

Собол.— А. И. Соболевский.

Соболевский — А. И. Соболевский, Два древних памятника галицко-волынского наречия, Русский филологический вестник, т. 12, 1884.

Собол., Очерки.— А. И. Соболевский, Очерки из истории русского языка, Киев, 1884 (Университетские Известия, 1883—1884 гг.).

Собол. и Пташ.— Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XV века. Составили А. И. Соболевский и С. Л. Пташицкий, изд. СПБ Археологического института, СПБ, 1903.

Собр. Бел.— Д. П. Лебедев, Собрание историко-юридических актов И Д. Беляева, М. 1881.

Собр. Мух.— См. Сборн. Мух.

Соликам.— Соликамский у. См. Луканин, Словцов.

Сольвыч.— Сольвычегодский у. См. Отв.

Соф. 1-я по сп. Ак. Н. XVI в.— Софийская первая летопись по списку Академии наук XVI в. См. П. С. Р. Л.

Соф. 2-я лет. XVI в.— Софийская вторая летопись. См. П. С. Р. Л.

Соф. сборн. XV в. № 1262 — Сборник Софийской библиотеки № 1262. См. Каринский.

Соф. перг. Кормч.— Софийская пергаменная Кормчая конца XIII в.

Срезн.— И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка X—XIV веков, СПБ, 1863.

Срезневский, Св. и зам.— И. И. Срезневский, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, I—XI, СПБ, 1867; XI—XXX, XXXI—XC, СПБ, 1876.

Старобельск.— Старобельский у. См. Ветухов.

Стеф. и Ихн.— А. Е. Викторов, Стефанит и Ихнилат, изд. Общества любителей древней письменности, вып. 64 и 78, СПБ, 1881.

Стих. XII в. № 279 — Стихирарь XII в. Рукопись Патриаршей библиотеки, № 279 (Моск. Историч. музей).

Стих. 1157 г.— Стихирарь 1157 г. См. Срезневский (Срезн.).

Стогл. (Казанск. изд.) — Субботин, Стоглав, Казань, 1887.

Суд. Фед. Ив. 1589 г.— Судебник царя Федора Иоанновича 1589, изд. Комиссии печатания государственных грамот при Московском архиве Министерства иностранных дел. С предисловием С. К. Богоявленского и мнением проф. В. О. Ключевского, М., 1900.

Сузд.— Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

Супр.— Супрасльская рукопись.

Терск.-Моздок.— Моздокский у. Терской области. См. Караулов.

Тимск.— Тимский у. См. Отв.

Тимченко — Е. Тимченко, Украинская грамматика, Киев, 1907.

Типогр. ев. № 1, 6, 7 — Рукописные евангелия Типографской библиотеки № 1, 6, 7, XII в. См. Собол., Очерки.

Тихвин.— 1) А. Тихвинский, Особенности говора Ярославского у. Ярославской губ. по правую сторону р. Волги. Русский филологический вестник, т. 24, 1890.

2) А. Тихвинский, Ярославский список Пандект Никона Черногорца XII—XIII вв., Русский филологический вестник, тт. 28, 30, 31, 32, 1892—1894.

Толк. апост. 1220 г.— Толковый апостол 1220 г. См. Воскресенский.

Тотем.— Тотемский у. См. Отв.

Тр. сп. Новг. 1-й — Троицкий список Новгородской 1-й летописи. См. П.С.Р.Л.

Тр. диал. ком.— Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 1, Варшава, 1908.

XIII Сл. Гр. Бог.— XIII (тринадцать) слов Григория Богослова, См. Будилович.

Тульск.— Тульский у. См. Благов.

У.— уезд.

Увар. сп. Западнорус. (Лит.) лет.— Уваровский список Западнорусской (Литовской) летописи. См. П.С.Р.Л.

Угрорус.— угрорусский.

Указ. ев. чт. XIII в.— Указатель евангельских чтений XIII—XIV вв. См. Собол., Очерки.

Укр.— украинский.

Усп. Минея XII в.— Успенская Минея XII в.

Усп. сборн. XII в.— Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. 1, издан под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899 (из Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 2, 1899).

Уст. 1137 — Устав 1137 г. См. Р. Д., I.

Устюжн.— Устюжанский у. См. Отв.

Уфим.— Уфимский у. См. Обл. сл., Отв.

Уч. Зап.— Ученые записки Академии наук.

Feder.— Federowski, Lud bialoruski na Rusi litewskiej. Materyały do etnografii slowiańskiei zgromadzone w latach 1877—1893 przez Michala Federowskieqo. W Krakowie. Nakladeni Akademii wmiejetnosci, tom I, 1897; tom II, 1902.

Филимонов.— См. ркп. Арх. II Отд.

Флор. пс., Флор. псалт.— Флорианская псалтырь, изд. В. Неринча, Познань, 1883.

Халанский — 1) М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губернии, СПБ, 1904 (Сборн. II Отд., т. 76, № 5).

2) М. Г. Халанский, Черты народного говора Щигровского у. Курской губ., Русский филологический вестник, т. 3, 1880.

Хиланд. листки — Хиландарские листки.

Хожд. Афан. Ник., по сп. XV в.— Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. (в издании И. И. Срезневского, Ученые записки II Отделения Академии наук, кн. II, вып. 2. СПБ, 1856).

Холмог.— Холмогорский у. См. Обл. сл., Отв.

Холмск. ев. XIII—XIV вв.— Холмское евангелие XIII—XIV вв. См. Собол. Очерки.

Холмск.— Холмский у. Люблинской губ. См. Отв., Сергеев.

Холмск.-Псков.— Холмский у. Псковской губ. См. Отв.

Хрест. Смирнова — А. А. Смирнов, Сборник древнерусских памятников и образцов народной русской речи, Варшава, 1882.

Цейтлин — См. ркп. Арх. II Отд.

Чебокс.— Чебоксарский у. См. Будде.

Чердын. — Чердынский у. См. Обл. сл.

Череп. — Череповецкий у. См. Отв.

Черныш.— 1) В. И. Чернышев, Заметки о языке басен и сказок В. И. Майкова. Сборник „Памяти Леонида Николаевича Майкова". СПБ, 1902, стр. 125—159.

2) В. И. Чернышев, Краткие сведения о некоторых говорах Дмитровского, Богородского и Егорьевского уу., Изв. II Отд. АН, 1900, т. V, кн. 2.

3) В. И. Чернышев, Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда, Сборн. II Отд. АН, т. 71, № 7, СПБ, 1901.

4) В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, СПБ, 1911.

Чистоп.— Чистопольский у. См. Отв.

Чуд. Кормч. XIV в. № 4 — Кормчая XIV в. Чудовского монастыря, № 4.

Чуд. сп. 1270 г.— Чудовский список 1270 г. См. Каринский.

Чухлом.— Чухломской у. См. Отв.

Шадр.— Шадринский у. См. Отв.

Шахм.— 1) Диалектологические материалы по записям А. А. Шахматова.

2) А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV в., ч. I и II. В книге: Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3, изд. АН, СПБ, 1903.

3) А. А. Шахматов, Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV веков. В книге: „Исследования по русскому языку", т. I, изд. АН, СПБ, 1885—1895.

Шейн — П. В. Шейн, Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1 и 2, СПБ, 1898—1900.

Шенк.— Шенкурский у. См. Обл. сл., Отв., Плечев.

Шуйск.— Шуйский у. См. Отв.

Щигр.— Щигровский у. См. Халанский.

Энеида Котляревского — см. Котлярев.

Юрьевск. ев. ок. 1128 — Юрьевское евангелие около 1128 г. (Моск. Истор. музей, б. Синодальная библиотека).

Яранск.— Яранский у. Вятской губ. См. Отв.

Яренск.— Яренский у. Вологодской губ. См. Отв.

Яросл. губ. вед.— Ярославские губернские ведомости, 1856, № 6.

Яросл. сп. Панд. Ник. Черног. XII—XIII вв.— см. Тихвин.

Яросл.— Ярославский у. См. Тихвин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Общие вводные замечания 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОСТАВ ФОРМ ОБЩЕРУССКОГО ЯЗЫКА 15

Глава первая. **Имя существительное** 16

Вводные замечания . . . . . —
Отдельные падежные окончания 21
Единственное число . . . . . —
Именительный падеж . . . . . —
Звательный падеж 22
Родительный падеж 23
Дательный падеж 24
Винительный падеж 25
Творительный падеж 26
Местный падеж . . . . . —
Двойственное число 27
Именительный-звательный-винительный падежи . . . . . —
Родительный-местный падежи . . . . . —
Дательный-творительный падежи 28
Множественное число . . . . . —
Именительный и звательный падежи . . . . . —
Родительный падеж 29
Дательный падеж . . . . . —
Винительный падеж . . . . . —
Творительный падеж 30
Местный падеж 31
Ударение имен существительных . . . . . —
Соотношение основ имен существительных 40

Глава вторая. **Склонение имен существительных** 42

I. Основы на *-ŏ* мужеского рода . . . . . —
1. Основы на твердую согласную 43
Сопоставление с другими славянскими языками 44
Примеры из древнерусских памятников 45
Примеры из современного языка 48
Замечания к отдельным падежным формам 49

Стр.
2. Основы на смягченные аффрикаты *c'* и *z'* 52
Сопоставление с другими славянскими языками . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 53
Примеры из современного языка 54
3. Основы на прочие смягченные согласные и на *-i̯ (j)* 55
Сопоставление с другими славянскими языками 56
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 58
Замечания об отдельных падежах 59
II. Основы на *-ŏ* среднего рода 60
1. Основы на твердую согласную . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 61
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 62
Замечания по поводу некоторых форм 63
2. Основы на мягкую согласную . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 64
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 65
Замечания об отдельных падежах . . . . . —
3. Основы на *-i̯(j)* . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 66
Примеры из древнерусских памятников 67
Примеры из современного языка 68
Замечания об отдельных падежах . . . . . —
III. Основы на *-ā* женского рода 69
1. Основы на *-ā* с предшествующею твердою согласною 70
Сопоставление с другими славянскими языками . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 71
Примеры из современного языка 73
Замечания к отдельным падежам и формам падежей 74
2. Основы на *-ā* с предшествующею мягкою согласною . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 75
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 77
Замечания об отдельных падежах и формах 78
3. Основы на *-i̯ā* и *-jā* . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 78
Примеры из древнерусских памятников 79
Примеры из современного языка 80
Замечания об отдельных формах и падежах 81
IV. Основы на *-ŭ* мужеского рода 82
Сопоставление с другими славянскими языками 83
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 84
Замечания об отдельных падежах 85
Переход основ на *-ŭ* в основы на *-ŏ* . . . . . —

Стр.
V. Основы на -ĭ мужеского рода 86
Сопоставление с другими славянскими языками 87
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 88
Замечания об отдельных словах 89
VI. Основы на -ĭ женского рода . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 90
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 92
Замечания об отдельных словах и формах 93
VII. Основы на согласные мужеского рода 94
1. Основы на -n 95
а) Основы на -n, образующие единственное, двойственное и множественное число . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 96
Примеры из современного языка 97
Замечания по отдельным формам . . . . . —
б) Основы на -n, образующие только множественное число . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 98
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 99
Замечания к отдельным формам . . . . . —
Параллельные образования от других основ 100
2. Основы мужеского рода на -t 101
3. Основы мужеского рода на -r и -l 102
Примеры из древнерусских памятников 103
Примеры из современного языка 104
VIII. Основы на согласные среднего рода . . . . . —
1. Основы на -n (-en) . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 105
Примеры из современного языка . . . . . —
Замечания об отдельных формах . . . . . —
2. Основы на -s (-es, -os) 106
Сопоставление с другими славянскими языками . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 107
Примеры из современного языка . . . . . —
Замечания об отдельных падежах . . . . . —
3. Основы на t (ęt) 108
Сопоставление с другими славянскими языками 109
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Примеры из современного языка 110
Замечания об отдельных словах и падежах . . . . . —
IX. Основы на согласные и на -ŭ женского рода 111
1. Основы на -r . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками . . . . . —

Стр.
Примеры из древнерусских памятников 112
Примеры из современного языка 113
Замечания об отдельных падежах . . . . . —
2. Основы на -ū (-ъv) 114
Сопоставление с другими славянскими языками 115
Примеры из древнерусских памятников 116
Примеры из современного языка . . . . . —
Замечания об отдельных падежах 117

Глава третья. **Именное склонение прилагательных** . . . . . —
1. Склонение основ на -ŏ, -ā с предшествующею твердой согласной . . 119
Примеры из древнерусских памятников 121
Сопоставление с другими славянскими языками 124
Примеры из современного языка 125
Замечания об отдельных падежах . . . . . —
2. Склонение основ на -jŏ, -ja . . . . . —
а) Основы на мягкие согласные . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 127
Сопоставление с другими славянскими языками 128
Замечания об отдельных падежах . . . . . —
б) Основы на -i (j) . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 129
Замечания об отдельных падежах 130
Сопоставление с другими славянскими языками . . . . . —
Примеры из современного языка . . . . . —
3. Склонение основ со значением сравнительной степени . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 133
Замечания об отдельных формах и окончаниях . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 134
4. Склонение причастных основ настоящего времени . . . . . —
Замечания об отдельных падежах 136
Сопоставление с другими славянскими языками 137
Примеры из древних памятников 138
5. Склонение причастных основ прошедшего времени 139
Сопоставление с другими славянскими языками 140
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
Замечания об отдельных падежах . . . . . —

Глава четвертая. **Склонение некоторых числительных** 141

Глава пятая. **Склонение местоимений** 150
1. Склонение личных местоимений (местоимений, заменяющих лица) . . 151
Сопоставление с другими славянскими языками 154
Примеры из древнерусских памятников 155
Данные из современного живого языка 157
Замечания об отдельных формах 159
2. Склонение местоимения 3-го лица (заменяющего и лица, и предметы) 160
Сопоставление с другими славянскими языками 162
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —

Стр.
Примеры из современного языка 164
3. Склонение местоимений вопросительных . . . . . —
Сопоставление с другими славянскими языками 165
Примеры из древнерусских памятников 166
Примеры из современного языка 167
Дополнительные замечания . . . . . —
4. Склонение местоимений притяжательных 171
Примеры из древнерусских памятников 172
Примеры из современного языка 173
Дополнительные замечания . . . . . —
5. Склонение указательных местоимений 174
а) Склонение местоимения *tъ* . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 175
Примеры из современного языка . . . . . —
Дальнейшие замечания 176
б) Склонение местоимений *onъ*, *ovъ*, *takъ*, *sicь* 178
в) Склонение местоимения *sь* . . . . . —
Примеры из древнерусских памятников 179
Примеры из современного языка 181
Дополнительные замечания . . . . . —
6. Склонение относительных местоимений 182
7. Склонение местоимений с обобщающим и определительным значением 183
Примеры из древнерусских памятников . . . . . —
8. Склонение некоторых числительных 185
Примеры из древнерусских памятников 186
Глава шестая. **Сложное склонение прилагательных** 187
Примеры из древнерусских памятников 192
Сопоставление с другими славянскими языками 197
Примеры из современного языка 198

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СКЛОНЕНИЯ, ОБЩИЕ ВСЕМ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМ НАРЕЧИЯМ 200
Глава первая. **Изменения в склонении, вызванные падением глухих** 203
Глава вторая. **Исчезновение двойственного числа** 207
Глава третья. **Утрата различия между некоторыми падежами** . . 220
1. Замена родительным падежом винительного в именах одушевленных —
2. Совпадение форм именительного множественного и винительного множественного в склонении имен мужеского рода 226
а) Вытеснение формы именительного множественного мужеского рода формой винительного множественного 227
б) Вытеснение формы винительного множественного формой именительного множественного 229
3. Совпадение именительного-винительного множественного местоимений и прилагательных всех родов в одной форме 233

Стр.

Глава четвертая. **Исчезновение самостоятельного склонения некоторых основ** 236

Глава пятая. **Перенесение падежных окончаний основ на *-ŭ* в склонение других основ** 240

1. Родительный падеж на *-у* . . . . . —
Родительный на *-у* в древнем языке 241
Родительный на *-у* в современном великорусском 245
Родительный на *-у* в современном белорусском 247
Родительный на *-у* в современном украинском 248
2. Местный падеж на *-у* 249
Местный единственного на *-у* в древнем языке 250
Местный единственного на *-у* в современном великорусском языке после предлогов *в, на* 253
Местный единственного на *-у* в современном белорусском языке после предлогов *в* и *на* 255
Местный единственного на *-у* в современном украинском языке . . 256
3. Звательный падеж на *-у* 257
4. Дательный падеж на *-ови* . . . . . —
5. Именительный множественного на *-ове* 260
6. Родительный падеж множественного числа на *-ов* 263
7. Дательный множественного на *-ѣмъ* (*-омъ*) 269
8. Творительный множественного на *-ѣми* . . . . . —
9. Местный множественного на *-ѣхъ* (*-охъ*) . . . . . —

Глава шестая. **Перенесение падежных окончаний множественного числа основ на *-ĭ* мужеского рода в склонение других основ мужеского рода** . . . . . —

1. Вторжение окончаний множественного числа из основ на *-ĭ* в другие одушевленные основы мужеского рода 271
2. Вторжение окончаний множественного числа из основ на *-ĭ* в другие неодушевленные основы мужеского рода 273
3. Вторжение окончаний множественного числа из основ на *-ĭ* в основы мужеского рода на согласную 275

Глава седьмая. **Перенесение падежных окончаний основ на согласную мужеского рода в другие основы** 276

Глава восьмая. **Перенесение окончаний женского рода *-ам, -ами, -ах* в другие основы женского, мужеского и среднего рода** 277

Глава девятая. **Новообразования в склонении женских и средних основ, вызванные перенесением окончаний *-ам, -ами, -ах* на место старых окончаний** 281

Глава десятая. **Перенос окончаний двойственного числа во множественное** 285

Глава одиннадцатая. **Общее обозрение категорий склонения** . . 287

1. Склонение основ мужеского рода на *-ŏ, -jŏ* . . . . . —
2. Склонение прочих мужеских основ 289
3. Склонение основ женского рода 291

Стр.
4. Склонение основ среднего рода 294
5. Именное склонение прилагательных 296
6. Склонение числительных 300
7. Склонение местоимений 309
8. Сложное склонение прилагательных 319

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕЛИКОРУССКИЙ ЯЗЫК 326

1. Замена звуков *з, ц, с* звуками *к, г, х* в формах склонения . . . . —
2. Влияние окончаний основ с твердой согласной на окончание основ с мягкой согласной 327
3. Утрата старых форм двойственного числа в именах женского и среднего рода 330
4. Судьба собирательных существительных женского рода на *-а* и *-ья*. 332
5. Образование именительного множественного на *-а* от одушевленных имен существительных 335
6. Судьба собирательных существительных среднего рода на *-ье* с ударением на основе 336
7. Судьба собирательных существительных среднего рода на *-ье* с ударением на окончании 337
8. Утрата окончаний дательного единственного *-ови* и именительного множественного *-ове* 339
9. Утрата звательной формы . . . . . —
10. Переход имен мужеского рода на *-о* в склонение по женскому роду. —
11. Судьба окончания творительного единственного женского рода *-ою* (у существительных, местоимений, прилагательных) 340
12. Замена окончания *-оть* в родительном женского рода прилагательных через *-ой* 341
13. Судьба форм родительного-винительного *тоть, самоть, одноть* и т. п. 342
14. Образование форм косвенных падежей прилагательных на *-ыих, -ыех* и т. п. 343
15. Образование диалектических форм косвенных падежей прилагательных на *-эх, -эм* и т. п. . . . . —
16. Образование диалектических форм в предложном падеже единственного числа на *-оем*. . . . . —
17. Образование диалектических стяженных форм в склонении прилагательных . . . . . —
18. Диалектическое совпадение в одной форме падежей, родительного, с одной стороны, дательного и местного — с другой, у существительных женского рода 344
19. Диалектическое проникновение окончания *-ѣ (е)* из основ женского рода на *-ā* в основы на *-ĭ* в дательном и местном падежах 346
20. Диалектическое сохранение звательной формы у существительных женского рода с основой на *-ā* 348
21. Исчезновение в единственном числе склонения основ среднего рода на *-ат*. . . . . —
22. Изменение суффикса *-ен* в склонении основ среднего рода на *-я* в *-ян* 349

Стр.
23. Проникновение окончания *-ов, -ев* в имена женского рода . . . 352
24. Проникновение окончания *-у* в местный единственного числа существительных среднего рода 353
25. Проникновение окончания родительного множественного *-ов* в существительные среднего рода 354
26. Замена неударяемого окончания именительного-винительного множественного среднего рода *-а* через *-ы* 355
27. Окончания *-ов* и *-ей* у существительных мужеского рода с основами на первоначальные мягкие согласные 357
28. Распространение окончания *-а* в именительном множественного у существительных женского рода 358
29. Происхождение окончания *-мы* в творительном множественного в северновеликорусском наречии . . . . . —
30. Диалектическое окончание *-мя* в дательном-творительном множественного . . . . . —
31. Диалектическое окончание *-м* в дательном-творительном множественного и *-ми* в дательном множественного 359
32. Диалектическое окончание *-и* (вместо *-ѣ*) в предложном единственного у существительных с основами на *-ŏ* и *-ā* 360
33. Диалектические формы винительного единственного местоимений *ею, всею, всю, тую* и т. п. 361
34. Диалектические формы *ёй, моёй* и т. п. . . . . —
35. Диалектические новообразования в категории притяжательных местоимений . . . . . —
36. Судьба форм сравнительной степени прилагательных 362
37. Диалектическое распространение окончания *-у* в родительном единственного 364
38 Диалектическое распространение окончания *-у* в местном единственного . . . . . [illegible]
39. Диалектическое смешение родительного и местного множественного у существительных 367
40. Диалектическое окончание *-е* в именительном единственного у существительных с основами на *-ŏ* . . . . . —
Примечания 368
Список сокращений 378

Алексей Александрович Шахматов
Историческая морфология русского языка

Редактор *В. В. Иванов.* Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий*
Корректоры *Т. А. Кузнецова* и *С. М. Березина*

Сдано в набор 9/IV 1956 г. Подписано к печати 28/I 1957 г. А01451. 60×92¹/₁₆. 25 печ. л. + 0,125 вкл. Учетно-изд. л. 22,56 + 0,04 вкл. Тираж 20 тыс. Заказ № 1883. Цена без переплета 6 р. 15 к., переплет 1 р. 50 к.

Министерство культуры СССР Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
3	4 снизу	1834	1864
43	1 снизу	doroše	goroše
112	1 сверху	алеѯандра	алеѯандра
240	2 сверху	на -*и*	на -*й*
383	15 сверху	Konysyi	Komysyi

А. А. Шахматов